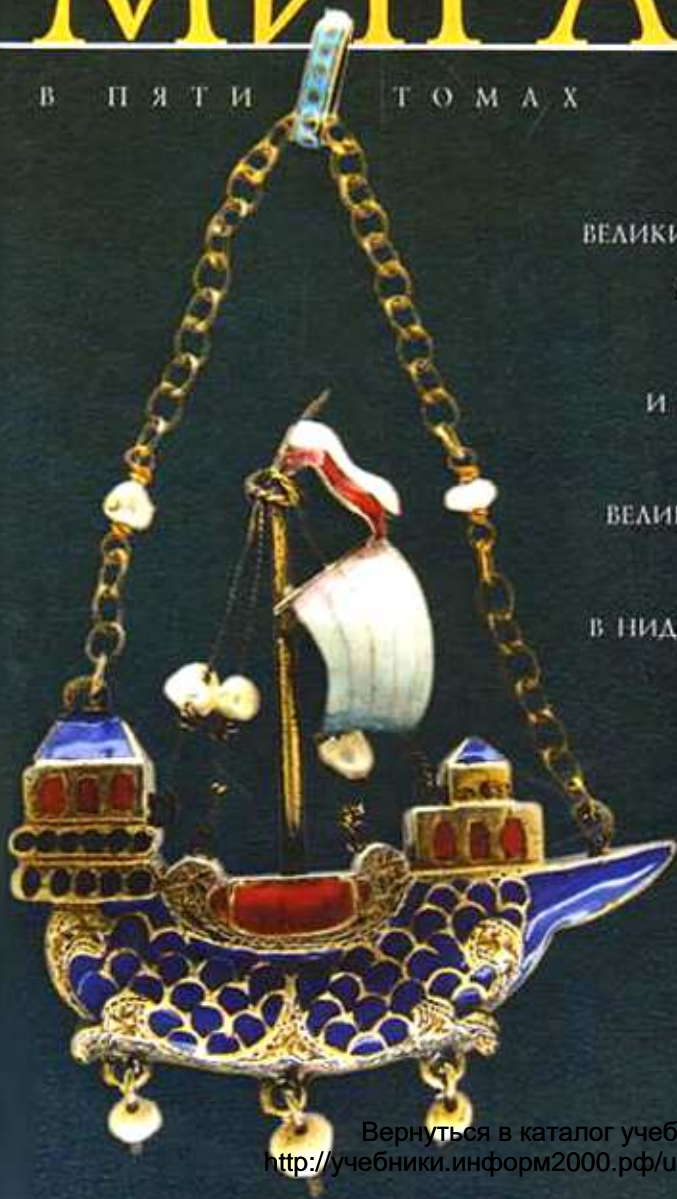

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ 2

В ПЯТИ ТОМАХ

ЦИВИЛИЗАЦИИ АМЕРИКИ,
ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
И КОЛОНИАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО,
ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА
И СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ
ПОЛИТЭКОНОМИИ,
ВЕЛИКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА
В НИДЕРЛАНДАХ, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ,
ГЕРМАНИИ, США, ЯПОНИИ

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

Экономическая история мира

В 5 томах

Под общей редакцией
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук, профессора *М.В. Конотопова*

3-е издание,
дополненное и доработанное

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ
(председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН,

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-кор. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.

Тематика любая: ИСТОРИЯ, экономика,
техника, право, менеджмент, финансы,
биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:
полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Том 2

Цивилизации Америки, Великие географические открытия и колониальное хозяйство, генезис капитализма и становление классической политэкономии, великие буржуазные революции и развитие капитализма в Нидерландах, Англии, Франции, Германии, США, Японии

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2018

УДК 338(091)+330.8
ББК 63.3(0)-2+65.02
Э 400

Авторский коллектив:

А. В. Аникин, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ
(8, 10, 12, 13, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 26)
М. В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ
(1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 14, 19, 22, 27, 28)
С. И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ
(1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 14, 19, 22, 27, 28)
Б. Е. Ланин, д.э.н., проф. (16)

Э400 Экономическая история мира: в 5 т. / под общ. ред. М. В. Конотопова. – 3-е изд., доп. и дораб. – СПб.: Алетейя, 2018. – Т. 2. Цивилизации Америки, Великие географические открытия и колониальное хозяйство, генезис капитализма и становление классической политэкономии, великие буржуазные революции и развитие капитализма в Нидерландах, Англии, Франции, Германии, США, Японии. – 482 с.

ISBN 978-5-906980-83-0

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

УДК 338(091)+330.8

ББК 63.3(0)-2+65.02

ISBN 978-5-906980-83-0

© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Толчком, который ускорил переход от феодализма к капитализму в Западной Европе, стали Великие географические открытия. В сущности, их можно рассматривать как границу между двумя формациями. К Великим открытиям принято относить открытие Америки и морского пути в Индию вокруг Африки на рубеже XV и XVI вв. Европейцы открыли для себя заокеанские земли. Поэтому не следует относить к Великим географическим открытиям, например, путешествия викингов в Америку или открытия русских землепроходцев в Сибири.

Долгое время народы Европы жили, мало интересуясь остальным миром, не совершая далеких путешествий за пределами своей ойкумены, но вдруг у них возникла тяга к открыванию новых земель, и практически одновременно были открыты и Америка, и новый путь в Индию. Такое «вдруг» не могло быть случайным. Существовали три главные предпосылки открытий.

1. В XV в. турки, завоевав Византию и захватив в 1453 г. Константинополь, главный перевалочный пункт, перерезали торговый путь между Востоком и Западом, Великий шелковый путь. Произвол турецкой администрации, ее беспримерное вымогательство заставили венецианцев покинуть свои фактории на Ближнем Востоке. Поток восточных товаров в Европу резко сократился. Правда, оставался окольный путь через Красное море и Суэцкий перешеек, но уж слишком много посредников было на этом пути, и цена товаров возрастала настолько, что в Европе торговать этими товарами, даже предметами роскоши, становилось невыгодно. Надо было искать новый путь на Восток, такой путь, где можно было бы торговать без посредников.

2. Недостаток золота как денежного металла. И не только потому, что золото утекало на Восток. Все больше денег требовало экономическое развитие Европы. Главным направлением этого развития был рост товарности хозяйства, рост торговли. А без денег торговать нельзя.

Добыть золото надеялись в странах Востока, которые, как предполагалось, были очень богаты драгоценными металлами, особенно Индия. Марко Поло, который там побывал, рассказывал, что там даже крыши дворцов сделаны из золота.

Правда, это золото имело своих хозяев, но это не смущало: европейцы того времени были людьми отважными и не стесненными моралью. Для них

было важно добраться до золота, а в том, что они смогут отобрать его у хозяев, они не сомневались. Да так и получалось: команды небольших кораблей, которые с нашей точки зрения были просто большими лодками, захватывали порой целые страны.

3. Развитие науки и техники, особенно судостроения и навигации. На прежних европейских судах нельзя было выходить в открытый океан: это были или боевые узкие и длинные гребные галеры (а на веслах океан не переплывешь), или неуклюжие парусные грузовые нефы, которые могли двигаться лишь при попутном ветре. Ориентировались моряки в основном по виду знакомых берегов, поэтому отрываться от берегов, уходить в открытый океан не решались.

Но в XV в. появилось судно новой конструкции – каравелла. Она имела киль и такое парусное оснащение, которое позволяло двигаться и при боковом ветре. К тому же, кроме компаса, теперь появилась и астролябия – прибор для определения широты. Это позволяло ориентироваться и в открытом океане.

Значительные достижения к этому времени были сделаны и в географии. Средневековый человек жил в сказочном мире: все, что было за пределами своей узкой ойкумены, населялось сказочными существами – там были люди с собачьими головами и вообще без голов, кипящие моря... Теперь в географии был сделан настолько значительный шаг вперед, что возродилась античная теория о шарообразности земли, и флорентийский географ Фосканелли уже утверждал, что до Индии можно добраться, двигаясь не только на восток, но и на запад. Правда, при этом не предполагалось, что на пути встретится еще один континент. Ведь, согласно Библии, существовали лишь три части света, которые были разделены между тремя сыновьями Ноя.

Итак, три главных обстоятельства, которые привели к Великим географическим открытиям: 1) кризис торговли с Востоком и необходимость найти новый путь; 2) недостаток золота как денежного металла и 3) научно-технические достижения, которые позволили кораблям оторваться от берегов.

Но почему открывателями новых земель стали Испания и Португалия, экономически отнюдь не самые развитые страны Европы? Потому что эти страны были расположены при выходе в Атлантический океан. Голландцам или венецианцам, чтобы выйти в океан, надо было проплыть мимо их берегов. А с другой стороны, Испания и Португалия находились дальше всех от прежних путей на Восток, поэтому индийские ткани и пряности приходили сюда через Средиземное море, через руки венецианских купцов, с большими наценками.

Торговые связи между севером и югом Европы долгое время шли в трансконтинентальном направлении – через альпийские перевалы и по Рейну.

Лишь в XV в. основная торговля между севером и югом стала проходить уже по морям, огибая западную оконечность Европы. Это и вызвало процветание Лиссабона, который находился на середине длинного морского пути. Сюда корабли шли по северному отрезку морской дороги из Англии и Нидерландов, по южному – из Венеции и Генуи. Это создавало благоприятные условия для морских экспедиций, и именно здесь появилась каравелла.

Испании пока было не до этого. До конца XV в. там продолжалась война с арабами, реконкиста, которая сопровождалась объединением страны. В 1492 г. пала Гранада, последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, и в этом же году была отправлена за океан экспедиция Колумба.

В ходе реконкисты здесь сложилось особое сословие идалго, служилых дворян, для которых война (и захват военной добычи) была единственным достойным уважения занятием. К тому же они сражались не против равных себе соседей, как это обычно было в европейских войнах, а против «неверных», за «святую католическую веру», поэтому их действия отличались крайней жестокостью. После завершения реконкисты они оказались не у дел: большинство идалго не имело земельных владений, не умело и не хотело заниматься хозяйством. Новому государству, объединенному королевству Кастилии и Арагона надо было избавиться от этой беспокойной вольницы. Заморские экспедиции давали такую возможность. Для завоевания новых земель, для подавления сопротивления туземного населения требовались именно такие – безжалостные и алчные военные кадры. Для них это было привычным делом. К тому же там, за океаном, можно было получить земельные владения с подневольными людьми, которых у них не было дома. Они-то и составили основной контингент конкистадоров.

Это в значительной степени определяло отличие португальских и испанских экспедиций. Португальцы не завоевывали Африку и Индию: у них не было для этого достаточных вооруженных сил. Они основывали преимущественно торговые базы, через которые вели обмен с опорой на местных властителей. Испанские конкистадоры завоевывали территорию, уничтожая население и убивая местных властителей.

Определенную роль сыграло и объединение Кастилии и Арагона в единое государство. Дело в том, что заокеанские экспедиции требовали столько средств и сопровождалась таким риском, что были непосильны для частных лиц или мелких владетелей периода феодальной раздробленности. Поэтому экспедиции Великих географических открытий снаряжались за счет государств, и переход от феодальной раздробленности к национальным государствам стал еще одной предпосылкой этих открытий.

Основные открытия были сделаны в поисках путей в Индию, которую европейцы считали не только самой богатой страной Азии, но для большин-

ства из них она олицетворяла Азию. Все искали путей в Индию, но в разных направлениях.

Первое направление – на юг и юго-восток, вокруг Африки. По этому направлению двинулись португальцы. В поисках золота и сокровищ португальские корабли с середины XV в. начали двигаться на юг вдоль берегов Африки. На картах Африки появились характерные названия: «Перечный берег», «Берег Слоновой кости», «Невольничий берег», «Золотой берег». Эти названия ясно показывают, что искали и находили в Африке португальцы. Этот путь стал монополией Португалии – ни одна держава не смела посылать свои корабли вдоль африканского побережья южнее Канарских островов. В 1498 г. португальская экспедиция из трех каравелл под командой Васко да Гама обогнула Африку и добралась до берегов Индии.

Поскольку, как уже сказано, путь вокруг Африки был монополией Португалии, испанцам пришлось двигаться в другом направлении – на запад, вокруг земного шара. В те же последние годы XV в. испанская флотилия Колумба, тоже из трех кораблей, пересекла Атлантический океан и в 1492 г. достигла берегов Америки, точнее, Багамских островов. Там испанцы познакомились с новыми для себя кукурузой, картофелем, табаком, но золота в новых владениях не нашли, и испанский король был недоволен Колумбом. Человек, открывший Новый свет, кончил свои дни в нищете.

Не только сам Колумб, но и другие европейцы считали, что он достиг Азии. Поэтому испанские владения в Америке были названы Вест-Индией, а коренное население Америки мы до сих пор называем индейцами.

По следам Колумба в Америку хлынул поток нищих, храбрых и крайне жестоких конкистадоров. Они все-таки надеялись найти там золото. Их влекла легенда об Эльдорадо, «позолоченном человеке», которую составили испанцы на основании рассказов индейцев. Этот Эльдорадо, согласно легенде, каждое утро пудрит свое тело золотым песком, а вечером смывает золото, погружаясь в воды озера. Дно этого озера выложено золотыми плитками и изумрудами. В основе легенды лежали действительные обряды некоторых племен при избрании нового вождя.

Конкистадоры нашли золото. Отряды Кортеса и Писарро захватили и разграбили государства ацтеков и инков, оборвав тем самым путь развития американской цивилизации.

Завоевания конкистадоров облегчались не только их преимуществами в военном деле, т. е. боевой выучкой, огнестрельным оружием и конями, неизвестными до того индейцам. Ацтеки и инки, достигнув уровня государственности, подчинили себе окружающие племена, и те помогали пришельцам, видя в них своих избавителей.

Конкистадоры заманили в плен верховного вождя инков Атагуальпу и обещали отпустить его за огромный выкуп – такое количество золота, которое заполнит комнату, служившую местом заключения Атагуальпы. Подданные Атагуальпы собрали необходимое количество золота. Однако, получив выкуп, испанцы приговорили Атагуальпу к сожжению, и только после того, как он согласился принять христианскую веру, оказали ему «милость» – вместо сожжения повесили. Не меньшие сокровища были захвачены и в государстве ацтеков. Полученный Кортесом «клад Монтезумы» оценивается историками в 10–12 млн золотых рублей.

Колумб до самой смерти не подозревал, что открыл новый континент. Этот континент был назван по имени скромного моряка Америго Веспуччи, который первым высказал мысль, что открытые земли – это новый континент. В условиях слабого научного общения его даже объявили открывателем Америки, на время забыв о Колумбе.

Чтобы избежать столкновений при захватах заокеанских земель, римский папа в 1494 г. разделил землю между самыми преданными католической церкви государствами, Испанией и Португалией, по меридиану, проходившему через Атлантический океан. Все, что находилось к востоку от этого меридиана, т. е. Африка и Азия, должно было принадлежать Португалии, а все земли к западу, т. е. Америка – Испании. Правда, папа был не силен в географии, и восточная окраина Южной Америки тоже оказалась в сфере интересов Португалии.

Англия не признала этого раздела и, чтобы взять свое, попыталась найти третий путь в Индию – «северный проход», т. е. проход через Северный Ледовитый океан, с тем чтобы обогнуть Азию с севера. Конечно, в то время это была попытка с негодными средствами. Экспедиция Ченслера, отправленная в середине XVI в. на поиски этого прохода, потеряла из трех кораблей два, и вместо Индии Ченслер попал через Белое море в Москву. Впрочем, он не растерялся и выхлопотал у Ивана Грозного очень серьезные привилегии для торговли английских купцов в России.

Но почему Великие географические открытия ускорили переход к капитализму?

Первым следствием открытий стала «революция цен»: так как в Европу хлынул поток дешевого золота и серебра из заокеанских земель, то стоимость драгоценных металлов (а значит, стоимость денег) резко понизилась, а цены на товары соответственно возросли. Дело не только в том, что драгоценных металлов стало много, но и в том, что они были дешевыми – добывались с минимальными издержками. Доходило до того, что солдаты Писарро изготавливали даже подковы для своих лошадей из серебра. Да и потом, когда захваченные запасы золота и серебра были вывезены в Европу, месторождения

этих металлов разрабатывались принудительным, практически бесплатным трудом индейцев.

Общее количество золота в Европе за XVI в. увеличилось более чем вдвое, серебра – в три с лишним раза, и цены на товары выросли в 2–3 раза.

В первую очередь революция цен коснулась тех стран, которые непосредственно грабили новые земли – Испании и Португалии. Казалось бы, открытия должны были вызвать в этих странах экономический подъем: ведь они так стремились к золоту. В действительности получилось наоборот. Цены в этих странах повысились в 4,5 раза, тогда как в Англии и Франции – в 2,5 раза. Испанские и португальские товары становились столь дорогими, что их уже не покупали, предпочитая более дешевые товары из других стран. Нужно учитывать, что при росте цен соответственно увеличивались и производственные затраты.

А это имело два следствия: золото из этих стран быстро уходило за границу, в страны, чьи товары покупались, а собственное ремесленное производство приходило в упадок, поскольку его продукция не находила спроса. Поток золота шел, минуя хозяйства этих стран, – из рук дворян оно быстро уплывало за границу. Поэтому уже в начале XVII в. драгоценных металлов в Испании не хватало, и за восковую свечу платили столько медных монет, что их вес втрое превышал вес свечи. Сложился парадокс: поток золота не обогатил Испанию и Португалию, а нанес удар по их хозяйству, потому что в этих странах еще господствовали феодальные отношения. Наоборот, революция цен усилила Англию и Нидерланды, страны с развитым товарным производством, чьи товары шли в Испанию и Португалию.

Внутри каждой из остальных стран происходили аналогичные изменения: выигрывали производители товаров, выигрывала нарождавшаяся буржуазия, проигрывали те, кто эти товары потреблял. Выиграли ремесленники и первые мануфактуристы, которые продавали свои товары по повышенным ценам. К тому же товаров теперь требовалось значительно больше: они шли в Испанию и Португалию, вытесняя местные товары, шли в заокеанские земли в обмен на колониальные товары. Теперь уже не было необходимости ограничивать производство, чтобы всем хватало работы, и цеховое ремесло стало быстро перерастать в капиталистическую мануфактуру.

Выиграли зажиточные крестьяне, те крестьяне, которые производили продукцию на продажу, т. е. переходили к товарному производству, а оброк платили подешевевшими деньгами. Короче говоря, выиграло товарное производство.

А проиграли феодалы: они получали с крестьян в виде ренты прежнюю сумму денег (ведь рента была фиксированной), но эти деньги теперь стоили в 2–3 раза дешевле. И феодалы стали разоряться. Революция цен стала экономическим ударом по сословию феодалов.

Вторым следствием Великих географических открытий был переворот в торговле.

Южный торговый путь через Венецию по Средиземному морю на Восток приходит в упадок: теперь восточные товары везут вокруг Африки, и венецианцы, обеспечивавшие пряностями Европу, теперь сами покупают эти пряности у других европейских стран.

Ганза также теряет прежнее значение. Изменились потоки товаров, господствующее положение в торговле по Северному пути заняли производители товаров, Англия и Нидерланды, и к середине XVI в. Ганза, которая торговала чужими товарами, прекратила существование.

Морская торговля переросла в океанскую, и рушились средневековые торговые монополии Ганзы и Венеции. Потоки товаров теперь идут к западной оконечности Европы и далее через океаны.

Казалось бы, от перемещения торговых путей должны были выиграть Испания и Португалия, которые не только владели заокеанскими землями, но и географически были расположены очень выгодно – у выхода в океан. Остальным европейским странам надо было посылать свои суда в океан мимо берегов

Испании и Португалии. Но этим странам было нечем торговать. Выиграли Англия и Нидерланды – производители и владельцы товаров. Центром мировой торговли становится Антверпен, куда собирались товары со всей Европы. Отсюда купеческие суда направлялись за океан, а оттуда возвращались с богатым грузом кофе, сахара и других колониальных товаров.

Увеличился и объем торговли. Если раньше в Европу просачивалось лишь небольшое количество восточных товаров, которое доставляли к берегам Средиземного моря арабские купцы, то теперь поток этих товаров вырос в десятки раз. Например, пряностей в Европе в XVI в. поступало в 30 раз больше, чем в период венецианской торговли. Появились новые товары – табак, кофе, какао, картофель, которых прежде в Европе не знали. И сами европейцы в обмен на эти товары должны были производить своих товаров гораздо больше, чем прежде.

Следует заметить, что новые товары в Европе принимали не сразу. Например, кофе одни считали лекарством, помогающим от всех болезней, а другие – что он крайне вреден для здоровья и пить его грех.

Рост торговли требовал новых форм ее организации. Товарные биржи (крупнейшая в Антверпене) пришли на смену ярмаркам. На таких биржах купцы заключали торговые сделки при отсутствии товаров: купец мог продать кофе будущего урожая или ткани, которые еще не сотканы, а потом купить и доставить своим покупателям.

Таким образом, переворот в торговле также стимулировал развитие товарного производства и рыночных отношений, а тем самым подготовил почву для развития капитализма.

Третьим следствием Великих географических открытий стало рождение колониальной системы. Если в Европе с XVI в. начинает развиваться капитализм, если Европа экономически быстро обгоняет народы других континентов, то одной из основных причин этого было ограбление и эксплуатация колоний.

Колонии не сразу стали эксплуатироваться капиталистическими методами, не сразу стали источниками сырья и рынками сбыта. Они сначала стали источниками первоначального накопления капиталов, объектами ограбления.

Дворяне Испании ехали за океан не для того, чтобы организовывать там упорядоченное хозяйство, они ехали, чтобы грабить и вывозить богатства. А после того как наличные золото и серебро были вывезены и что-то надо было делать с новыми владениями, конкистадоры стали их использовать привычными военно-рабовладельческими методами. Они захватывали или получали в дар от королей территории с туземным населением, обращая это население в крепостных. Только крепостное право здесь было доведено до рабства.

Чтобы продолжать эксплуатацию новых владений, нужна была рабочая сила. В Испании такой рабочей силы еще не было: здесь еще не начался процесс массового разорения крестьян, поэтому не было почвы для создания переселенческих колоний. Такой рабочей силой стали индейцы. Конкистадорам было необходимо золото и серебро, и они заставляли индейцев разрабатывать золотые и серебряные рудники. Не желавших работать уничтожали целыми деревнями. На рудниках была массовая смертность. По свидетельству очевидцев, воздух вокруг рудников был всегда заражен от сотен разлагавшихся трупов. Испанцы не считали нужным даже давать пищу работавшим на рудниках индейцам, и те через некоторое время умирали от голода. Такими же методами эксплуатировался труд индейцев на плантациях сахарного тростника, кофе и других экзотических для европейцев культур.

Испанский епископ Лас Каас в своем труде «История Индии» (испанские владения в Америке все еще считались Индией) нарисовал страшную картину истребления индейцев. Они не только эксплуатировались, но и использовались для садистских развлечений: в качестве мишеней для стрел, для травли собаками и т. д. Одни лишь иллюстрации книги Лас Кааса приводят в ужас. Население не выдерживало такой эксплуатации и массами вымирало. Сами испанцы насчитывали 15 млн уничтоженных ими за первую половину XVI в. американских индейцев.

Но, уничтожая рабочую силу, испанцы подрывали хозяйственную базу своих колоний. Для пополнения рабочей силы пришлось ввозить в Америку из Африки негров.

Португальцы не могли захватывать огромные территории: не было у них для этого достаточных людских резервов. Население Португалии не превышало 1 млн человек. В тех сравнительно небольших владениях, которые примыкали к их опорным базам в Африке, Индии и Индонезии, туземцы, конечно, подвергались эксплуатации, в частности, платили огромные налоги. Но в основном португальцы обогащались, используя свою торговую монополию. Из Африки они везли рабов, золото, слоновую кость, из Индии – шелковые и хлопчатобумажные ткани, пряности, индиго. Естественно, они скупали эти товары по крайне низким ценам по сравнению с продажными ценами в Европе. Эти цены на местах производства подчас и не казались особенно низкими, потому что у покупателей – португальцев не было конкурентов. Центнер перца, который стоил в Индии 2,5–3 дуката, продавался в Лиссабоне за 20–40 дукатов. Прибыль от торговых операций в 400% считалась обычной. А в результате накапливались огромные капиталы за счет торговой эксплуатации колониальных владений.

Колониальное господство Португалии продолжалось недолго. Слишком малочисленным было ее население, чтобы содержать и защищать разбросанные опорные базы. В Португалии еще не было достаточно развитого товарного производства, и необходимые для обмена товары она получала из других стран Европы. Она была, в сущности, лишь посредником в торговле. Она продолжала традиции генуэзской и венецианской торговли, только без посредничества арабских купцов. Но главным экономическим результатом и в этом случае было первоначальное накопление капиталов, необходимых для вступления Европы на буржуазный путь развития.

В целом же Великие географические открытия положили начало периоду первоначального накопления в Европе. Они подорвали основу феодальных методов хозяйствования, выдвинули на первый план товарное производство, обеспечили накопление капиталов за счет эксплуатации колоний.

2. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ И МАНУФАКТУРА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

XVI, XVII и начало XVIII вв. в Западной Европе – переходный период от феодализма к капитализму. Что характерно для этого периода?

Во-первых, это период первоначального накопления, т. е. подготовки основных условий для промышленного капитализма.

Во-вторых, это мануфактурный период, т. е. период господства мануфактуры в промышленности.

В-третьих, это период, когда в большинстве стран Европы сохраняется феодальный строй. Только два государства вырвались вперед и уже развиваются по-капиталистически – Англия и Нидерланды.

Прежде чем переходить к анализу процессов переходного периода в отдельных странах, необходимо выделить основное содержание этих процессов в целом.

Итак, первоначальное накопление – это подготовка основных условий, необходимых для промышленного капитализма.

Для развития промышленного капитализма необходимы капиталы, крупные суммы денег в руках предпринимателей. Без капитала нет капиталиста. Поэтому одна сторона первоначального накопления – накопление капиталов.

Капиталы не могли накапливаться в сфере самого производства. Уставы ремесленных цехов не допускали превращения ремесленной мастерской в крупное предприятие. Основанные на принципе равенства, они не допускали обращения мастера в богатого капиталиста. Крестьянское натуральное хозяйство также не могло стать источником накопления капиталов.

В условиях феодализма крупные богатства накапливались в руках феодалов, но за крайне редким исключением эти богатства не использовались как капитал, не вкладывались в производство.

Поэтому основной сферой первоначального накопления капиталов становилась сфера обращения, сфера торговли и ростовщичества. В этой сфере веками накапливались крупные капиталы, чему способствовали неэквивалентно высокие прибыли. Со временем эти капиталы и стали переливаться в производство, которое теперь обеспечивало все более высокие и надежные прибыли.

Мощным источником первоначального накопления капиталов стали ограбление и эксплуатация заокеанских земель. Захват золота и серебра ац-

теков и инков был лишь наиболее вопиющим проявлением этого процесса. Огромные капиталы до этого накапливали венецианские купцы, продавая восточные товары европейцам по крайне вздутым ценам, а позже – португальцы и голландцы.

Когда мы говорим, что за XVI в. масса золота и серебра в Европе выросла в 2–3 раза, то нужно учитывать, что эти драгоценные металлы концентрировались в руках не крестьян и феодалов, а в руках капиталистов, в частности, у тех, кто контролировал товарное производство.

Но для развития промышленного капитализма были необходимы также рабочие, т. е. люди, которые не имели собственного дела, собственного хозяйства, поэтому вынуждены наниматься работать на других. При нормальных феодальных отношениях таких людей не было: крестьянин имел свое хозяйство, ремесленник – свою мастерскую. Правда, были пауперы, бродяги, нищие, но эти маргиналы не могли стать основой рабочих кадров наступающего капиталистического производства.

Поэтому вторая сторона первоначального накопления – разорение крестьян, которым предстоит стать рабочими. Конечно, к накоплению капиталов этот процесс отношения не имел. Почему разорение именно крестьян? Потому что в период феодализма крестьяне составляли основную массу населения. Следует оговориться, что, как правило, разорение крестьян не было всеобщим. Часть крестьян втягивалась в товарное производство, становилась фермерами, а богатый фермер в Англии, например, даже получал дворянское звание. Крестьянство переставало существовать как сословие, связанное общинными отношениями.

В разных странах этот процесс происходил по-разному. В Англии это происходило путем огораживаний, когда «овцы поели людей», в Германии основная масса крестьян потеряла свои хозяйства в ходе реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости, во Франции закабаление крестьян ростовщиками затормозило процесс «раскрестьянивания». Но во всех случаях разорение основной массы крестьян было прямым следствием развития рыночных отношений, разрушавших натуральное крестьянское хозяйство.

В сущности, уже процесс коммутации положил начало образованию слоя наемных рабочих. Отказ от барщины не означал обязательной ликвидации домениального хозяйства и передачу господской пашни в пользование крестьянам. В одних случаях барщина заменялась наемным трудом, потому что в результате коммутации у феодалов появились достаточные для этого денежные суммы. В других случаях домениальные земли сдавались в аренду, а крупным арендаторам тоже были нужны наемные работники.

Для крестьян же коммутация совсем не означала облегчения экономического бремени. Крестьянское хозяйство было поставлено в условия рынка

и рыночной конкуренции, при которых одни становились фермерами, расширили свое хозяйство, а другие разорялись и шли в наемные работники. Фигура крестьянина, который имел в деревне дом и приусадебное хозяйство, но почти не имел пашни, становится типичной для того времени.

Период первоначального накопления – это и мануфактурный период, т. е. период, когда в промышленности господствующее положение занимала мануфактура. По определению, мануфактура – это капиталистическое предприятие с наемным трудом и ручной техникой, т. е. без машин.

Исходя из этого определения представляется, что рабочие мануфактуры работают в производственном помещении хозяина, т. е. что это та же фабрика, только с ручным трудом. Да, были и такие мануфактуры, их принято называть централизованными. Но первоначально возникла и длительное время господствовала рассеянная мануфактура, рабочие которой трудились у себя по домам, выполняя заказы мануфактуриста. Например, в шерстяной промышленности Англии рабочие пряли шерсть и готовили грубые шерстяные ткани у себя по домам, и лишь окончательно эти ткани обрабатывались в мастерской владельца. Почему первоначально возникла рассеянная мануфактура?

С одной стороны, потому что рассеянная мануфактура не требовала еще больших капиталов, поэтому могла возникнуть до завершения первоначального накопления. Первоначальное накопление капиталов было необходимо для машинной индустрии, для затрат на основной капитал, на здание, оборудованное машинами, а в рассеянной мануфактуре основного капитала не было, примитивные средства производства принадлежали самому рабочему. Достаточно было оплатить сырье и труд работника.

Рабочему тоже было легче начинать с рассеянной мануфактуры. Трудовая дисциплина, когда надо работать определенное количество часов в чужом доме, еще была непривычна. Это представлялось человеку того времени потерей свободы, полурабской зависимостью и было неприемлемо. Деревенскому кустарю или городскому ремесленнику гораздо легче было принять порядки рассеянной мануфактуры. Для него мало что менялось. Он продолжал работать дома, в окружении своей семьи, тогда, когда ему это было удобно. Более того, если прежде ему было надо заботиться о заготовке сырья и сбыте продукции, то теперь эти заботы брал на себя хозяин мануфактуры. Человек по-прежнему работал на заказ, только заказчиком выступал не потребитель, а хозяин мануфактуры.

Рассеянная мануфактура в основном развивалась в сельской местности, потому что в городах ее действия не допускали цеховые регламенты. Но не только поэтому. Чаще всего мануфактура вырастала из крестьянских промыслов. Купец – скупщик продукции этих промыслов и становился мануфакту-

ристом. Трудно уловить момент, когда купеческий капитал при этом становился промышленным. В. И. Ленин относил это превращение к тому моменту, когда скупщик начинал раздавать сырье и оплачивать только труд кустарей, но если крестьяне готовили сукно из шерсти собственных овец или пряжу из собственного льна? Английские «купцы-авантюристы» везли крестьянское сукно в Голландию, где оно проходило окончательную обработку в мастерских голландских промышленников. Очевидно, английские скупщики – это еще торговый капитал, а владельцы аппретурных заведений – промышленный, хотя первичные стадии производственного процесса – вне их ведения. Безусловными мануфактуристами являлись флорентийские суконщики, у которых, наоборот, первичная обработка шерсти велась наемными рабочими – чомпи, а затем обработанная шерсть раздавалась прядильщикам и ткачам, работавшим у себя по домам.

Таким образом, происходило не вытеснение торгового капитала промышленным, а перерастание торгового капитала в промышленный.

Принято считать, что основное преимущество мануфактуры перед ремесленным производством заключалось в разделении труда: здесь рабочий не готовил изделие с начала до конца, а выполнял только одну производственную операцию, зато в этой операции его движения становились автоматическими, достигая наибольшей точности и быстроты, и производительность труда повышалась. Однако, например, в текстильном производстве в этом отношении ничего не менялось: и прежде пряли одни (обычно женщины), а ткали другие.

Изменения заключались в другом: когда с развитием рынка продукции стало требоваться гораздо больше, появилось много технических усовершенствований, повышавших производительность труда.

Этот технический прогресс, знаменовавший переход к мануфактурному производству, в Европе начинался дважды. XII–XIII вв. Ф. Бродель даже называет «первая промышленная революция». В это время в разных отраслях стало широко применяться мельничное водяное колесо, появились сукновальные, лесопильные, бумажные мельницы. Применение сукновальных мельниц в шерстяной промышленности имело такое же значение, как механизация ткацкого и прядильного производства несколько веков спустя.

Этот технический подъем опирался на революцию в земледелии: массовое осушение болот, расчистки леса под пашню, освоение заливаемых морем побережий, окончательную победу трехполья и развитие продуктивного товарного животноводства.

Экономический рывок Европы рухнул спадом в XIV–XV вв., похолоданием, голодом, «черной смертью». Население Европы сократилось. Упал ры-

ночный спрос, подорожали рабочие руки, отвоеванная у леса пашня снова зарастала лесом.

С XVI в. промышленный рост возобновился, достигая невиданных прежде масштабов. Теперь, кроме рассеянной мануфактуры, все чаще появляется централизованная. В Голландии уже действовали централизованные текстильные предприятия, в горнорудных промыслах Германии были заняты тысячи рабочих. На предприятиях по изготовлению часов в Женеве одни рабочие делали стрелки, другие – пружины, третьи – корпуса. Такое же разделение труда практиковалось на оружейных предприятиях.

Водяное колесо совершило переворот в металлургии. До этого металл выплавляли в открытых печах-горжах с ручными мехами. В этих печах металл получался в виде тестообразной массы, которую потом расковывали молотами. Теперь к мехам подключили водяное колесо, дутье усилилось, повысилась температура в горне и оттуда потек жидкий чугун.

Сначала не знали, что с ним делать и называли «свинское железо»: ведь железо обрабатывалось ковкой, а чугун ковать нельзя. Потом обнаружили, что если получать в доменных печах чугун, а потом переделывать его на железо, то металла можно получать больше и обойдется он дешевле, хоть производственный процесс и разделился на две операции. Нашлось применение и для самого чугуна – из него, например, можно было отливать пушки.

К этому времени относится и революция в военной технике – победа огнестрельного оружия. Поскольку пули легко пробивали рыцарские латы, феодальная рыцарская конница потеряла прежнее значение. Потерпев поражение в экономике, феодалы терпят поражение и в военном деле.

Среди остальных изобретений следует выделить появление бумаги и книгопечатания. Для написания книги на пергамене из телячьей кожи требовалось истребить целое стадо телят, а нужное для этого количество бумаги получалось из кучи тряпья. Книгопечатание же позволило тиражировать бумажную книгу во множестве экземпляров, сделало ее дешевой, доступной широкому кругу людей и способствовало распространению всякого рода знаний. Это был взрыв информации.

Важнейшей предпосылкой расцвета мануфактурного производства стали Великие географические открытия и рождение колониальной системы. В обмен на колониальные товары, которые стали мощным потоком поступать в Европу, требовалось все больше европейских промышленных изделий. Теперь уже не надо было ограничивать производство, чтобы обеспечить работой всех ремесленников, и цеховые регламенты теряли прежнее значение. К тому же приток драгоценных металлов, которые в конечном итоге оказывались в руках предпринимателей, обеспечивал необходимые капиталы для

организации крупных предприятий. Кроме того, «революция цен» понизила реальный уровень заработной платы, а дешевый труд повышал прибыли.

Рост промышленности – рост потребления продовольствия. К тому же цены на сельскохозяйственную продукцию в результате «революции цен» выросли, как и на другие товары. И сельское хозяйство стало весьма рентабельной товарной отраслью производства. Ф. Бродель называет этот период «время великой перестройки» крестьянских жилищ. Примитивные хижины сменяются добротными домами с застекленными окнами, с мебелью, оловянной посудой, драпировками. Крестьяне стали потребителями промышленных товаров.

Таково было сочетание факторов, вызвавших мануфактурный расцвет Европы.

Но Европа не шла в капитализм единым строем. Вперед вырвались Англия и Нидерланды. Первые буржуазные революции произошли не случайно именно в этих странах. Основой явилось разрушение феодальных структур и переход к товарному сельскому хозяйству, что и ускорило развитие мануфактурной промышленности.

Правда, первоначально очаги буржуазией экономики возникли в итальянских городах Генуе, Венеции, Флоренции, но буржуазный прогресс не охватил всю Италию, не охватил сельское хозяйство страны, остался изолированным, а перемещение торговых путей в результате Великих географических открытий нанесло удар по этим островкам буржуазной экономики и затормозило развитие.

Франция, Испания, Португалия отличались устойчивостью феодальных порядков, переплетенных с общинными отношениями в деревне, косностью натурального крестьянского хозяйства. Это затормозило нарастание буржуазных явлений в экономике.

В странах Восточной Европы устойчивость феодальных отношений усиливалась феодальной раздробленностью и сохранением традиционных порядков средневековых городов. Капитализм сюда приходил извне, с Запада. Следствием стал особый путь втягивания сельского хозяйства в рыночные отношения, «второе издание крепостничества».

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ 3. В ЭПОХУ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ

3.1.1. МОНКРЕТЬЕН

Человека, который впервые ввел в социально-экономическую литературу термин «политическая экономия», звали Антуан Монкретьен, сьер де Ваттевиль. Он был небогатым французским дворянином времен Генриха IV и Людовика XIII. Жизнь Монкретьена наполнена приключениями, достойными д'Артаньяна. Поэт, дуэлянт, изгнанник, приближенный короля, мятежник и государственный преступник, он кончил жизнь под ударами шпаги и в дыму пистолетных выстрелов, попав в засаду, устроенную врагами. Впрочем, такой конец был для мятежника удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Даже его тело по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом, труп сожжен и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. Погиб он в 1621 г. в возрасте 45 или 46 лет, а его «Трактат политической экономии» вышел в 1615 г. в Руане. Не удивительно, что «Трактат» был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. К сожалению, случилось так, что главным источником биографических данных о нем являются пристрастные и прямо клеветнические отзывы его недоброжелателей. Эти отзывы несут на себе печать жестокой политической и религиозной борьбы. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком, низким корыстолюбцем, который якобы перешел в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке.

Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почетное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. Теперь ясно, что его трагическая судьба не случайна. Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы несправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя, оказалось закономерным исходом жизни этого простолюдина по рождению (отец его был аптекарем), дворянина по случаю, гуманиста и воина по призванию.

Получив хорошее для своего времени образование, Монкретьен в 20 лет решил сделаться писателем и опубликовал трагедию в стихах на античный

сюжет. За ней последовало несколько других драматических и поэтических произведений. Известно также, что он сочинял «Историю Нормандии». В 1605 г., когда Монкретьен был уже известным писателем, он был вынужден бежать в Англию после дуэли, которая закончилась смертью противника.

Четырехлетнее пребывание в Англии сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни Петти – пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Монкретьен начинает живо интересоваться торговлей, ремеслами, экономической политикой. Глядя на английские порядки, он мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были ремесленники, многие весьма искусные. Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю.

Во Францию Монкретьен вернулся убежденным сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов третьего сословия. Свои новые идеи он начал осуществлять на практике. Он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Но главным его занятием была работа над «Трактатом». Несмотря на громкое название, он писал сугубо практическое сочинение, в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству. Он прославляет труд и воздает необычную для своего времени хвалу классу, который он считал главным создателем богатства страны: «Добрые и славные ремесленники чрезвычайно полезны для своей страны; я осмелюсь сказать, что они необходимы и должны пользоваться почтением».

Монкретьен был одним из видных представителей меркантилизма. Он мыслил хозяйство страны прежде всего как объект государственного управления. Источником богатства страны и государства (короля) он считал внешнюю торговлю, особенно вывоз промышленных и ремесленных изделий.

Свой труд, который он посвятил молодому королю Людовику XIII и королеве-матери, Монкретьен сразу после выхода в свет представил хранителю государственной печати (министру финансов). По-видимому, верноподданническая по форме, книга была сначала принята при дворе неплохо. Автор ее стал играть известную роль как своего рода экономический советник, а в 1617 г. занял пост градоначальника в городе Шатильон-на-Луаре. Вероятно, в это время он получил дворянство. Когда Монкретьен перешел в протестант-

ство и как он оказался в рядах повстанцев-гугенотов, неизвестно. Возможно, он разочаровался в надеждах на реальное осуществление его проектов королевским правительством и был возмущен, видя, что оно вместо этого раздувает пожар новой религиозной войны. Может быть, он пришел к выводу, что сложившимся у него принципам больше соответствует протестантизм, и, будучи человеком решительным и смелым, поднял за него оружие.

Но вернемся к «Трактату политической экономии». Почему Монкретьен так назвал свое сочинение? Меньше всего он думал, что дает название новой науке. Такое или подобное сочетание слов, так сказать, носилось в воздухе – в воздухе эпохи Возрождения, когда воскрешались, переосмысливались и получали новую жизнь многие идеи и понятия античной культуры. Как всякий хорошо образованный человек своего времени, Монкретьен знал греческий и латинский языки, читал древних авторов. В «Трактате», следуя духу времени, он то и дело ссылается на них. Несомненно, ему было известно, какой смысл слова «экономия» и «экономика» имели у Ксенофонта и Аристотеля. У писателей XVII в. эти слова по-прежнему означали еще домоводство, управление семьей и личным хозяйством. Немного позже Монкретьена один англичанин опубликовал книгу под названием «Наблюдения и советы экономические». Автор определял экономию как «искусство хорошего управления домом и состоянием» и занимался, например, такой проблемой, как выбор джентльменом подходящей жены. Согласно его «экономическому» совету, следует выбирать в супруги даму, которая «будет столь же полезной днем, сколь приятной ночью».

Очевидно, это была не совсем та экономия, которая интересовала Монкретьена. Все его помыслы были направлены именно на процветание хозяйства как государственной, национальной общности. Не удивительно, что перед словом «экономия» он поставил определение «политическая».

Добрых 150 лет после Монкретьена политическая экономия рассматривалась преимущественно как наука о государственном хозяйстве, об экономике национальных государств, управляемых, как правило, абсолютными монархами. Только при Адаме Смите, с созданием классической школы буржуазной политической экономии, ее характер изменился и она стала превращаться в науку о законах хозяйства вообще, в частности, об экономических отношениях классов.

Главная заслуга Монкретьена, конечно, не в том, что он дал своей книге такой удачный титульный лист. Это было одно из первых во Франции и в Европе сочинений, специально посвященных экономическим проблемам. В нем выделялся и ограничивался особый предмет исследования, отличный от предмета других общественных наук.

Эпоха первоначального накопления представляет собой предысторию буржуазного способа производства как меркантилизм – предысторию буржуазной политической экономии. Сам термин «первоначальное накопление», видимо, впервые употребил Адам Смит: он писал, что условием роста производительности труда на основе развития многих связанных между собой отраслей производства является первоначальное накопление капитала.

Маркс говорит о «так называемом первоначальном накоплении». Дело в том, что со времен Смита этот термин укоренился в буржуазной науке и приобрел особый, благопристойный смысл: «В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того... Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних в конце концов ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры». Таким образом, процесс, в итоге которого в обществе выделились классы капиталистов и наемных рабочих и возникли условия для быстрого развития капитализма, изображался буржуазными учеными, современными Марксу, как экономическая идиллия.

На самом деле это очень далеко от истины. Конечно, первоначальное накопление капитала – это реальный исторический процесс. Но проходил он в действительности в ходе жестокой классовой борьбы, был связан с угнетением, с насилием и обманом. Это не было результатом чьей-то злой воли, «исконной» склонности людей к насилию и т. п. Нет, в ходе первоначального накопления только пробивала себе дорогу объективная историческая закономерность. Более того, этот процесс был по своей сущности прогрессивен, он вел общество вперед. Эпоха первоначального накопления – эпоха относительно быстрого увеличения производства, роста промышленных и торговых городов, развития науки и техники.

Это эпоха Возрождения, которая несла с собой расцвет культуры и искусства после тысячелетнего застоя.

Но, в свою очередь, и наука, и культура могли быстро развиваться в эту эпоху, потому что происходила ломка старых феодальных общественных отношений, их место занимали новые, буржуазные отношения. Не могло быть и речи об идиллии, когда происходило превращение миллионов мелких хозяев, частью еще полукрепостных, частью уже свободных земельных собственников и городских и сельских пролетариев. Не могло быть и речи об идиллии, когда формировался класс капиталистов-эксплуататоров, религией которых были деньги.

В XVI в. в ряде стран Западной Европы – в Англии, Франции, Испании – сложились централизованные национальные государства с сильной королевской властью. В ходе вековой борьбы она одолела своеволие баронов и

подчинила их себе. Феодалные дружины были распущены, воины и челядь феодалов оказались «без работы». Если эти люди не хотели идти в батраки, они шли в армию и во флот, отправлялись в колонии в надежде на сказочные богатства Америки или Ост-Индии. Но если в качестве батраков они обогащали фермеров и помещиков, то, уходя за море, они чаще всего обогащали купцов, плантаторов, судовладельцев. Немногие «выходили в люди», богатели и сами превращались в купцов или плантаторов. Иным крупным состояниям положило начало пиратство, прямой разбой.

Города, ремесленная и торговая буржуазия были союзниками и опорой королей в их борьбе с баронами. Города давали королевской власти деньги и оружие, а иногда и людей для этой борьбы. Да и само передвижение центров хозяйственной жизни в города подрывало власть и влияние феодалов. Но буржуазия, в свою очередь, требовала от государственной власти поддержки ее интересов против феодалов, против «черни» и против иностранных конкурентов. И государство оказывало ей эту поддержку. Торговые компании и ремесленные корпорации получали от королей разные привилегии и монополии. Издавались законы, которые под страхом жестоких наказаний заставляли бедняков работать на предпринимателей, устанавливали максимум заработной платы. В интересах городской, особенно торговой буржуазии проводилась экономическая политика меркантилизма. Во многих случаях меркантилистские мероприятия соответствовали и интересам дворянства, поскольку его доходы были так или иначе связаны с торгово-предпринимательской деятельностью.

Началом, исходным пунктом всякого предпринимательства являются деньги, которые превращаются в денежный капитал, когда владелец нанимает на них рабочих, покупает товары для обработки или перепродажи. Этот факт лежит в основе меркантилизма, сутью и целью которого было привлечение в страну денег – драгоценных металлов.

В эпоху раннего меркантилизма эти мероприятия были примитивны. Иностранцев принуждали расходовать на месте всю выручку от продажи их товаров в пределах данной страны и даже назначали для этого особых «надзирателей», иногда тайных. Вывоз золота и серебра за границу просто запрещался.

Позже – в XVII и XVIII вв. – государства Европы перешли к более гибкой и конструктивной политике. Правители и их советники поняли, что самый надежный способ привлечь в страну деньги – развивать производство экспортных товаров и добиваться превышения вывоза над ввозом. Поэтому государственная власть стала насаждать промышленное производство, покровительствовать мануфактурам и основывать их.

Этим двум стадиям в политике меркантилизма соответствуют и две стадии в развитии его экономической теории. Ранний меркантилизм, который называют также монетарной системой, не шел дальше разработки административных мероприятий для удержания денег в стране. Развитый меркантилизм ищет источники обогащения нации не в примитивном накоплении сокровищ, а в развитии внешней торговли и активном торговом балансе (превышении экспорта над импортом). Ему уже чужд «административный восторг» предшественников. Представители развитого меркантилизма одобряют лишь такое вмешательство государства, которое, по их представлению, соответствует принципам естественного права. Философия естественного права оказала важнейшее влияние на развитие политической экономии в XVII–XVIII вв. В известной мере сама эта наука развивалась в рамках идей естественного права. Эти идеи, ведущие свое происхождение от Аристотеля и других античных мыслителей, получили в Новое время и новое содержание. Философы естественного права выводили свои теории из абстрактной «природы человека» и его «природных» прав. Поскольку эти права во многом противоречили светскому и церковному деспотизму Средневековья, философия естественного права содержала важные прогрессивные элементы. На позициях естественного права стояли гуманисты эпохи Возрождения.

Обращаясь к государству, философы и следовавшие по их стопам теоретики меркантилизма рассматривали его как организацию, способную обеспечить природные права человека, в число которых входили собственность и безопасность. Социальный смысл этих теорий состоял в том, что государство должно обеспечивать условия для роста буржуазного богатства.

Связь экономических теорий с естественным правом впоследствии перешла из меркантилизма в классическую политическую экономию. Однако характер этой связи изменился, поскольку в период развития классической школы (физиократы во Франции, смитианство в Англии) буржуазия уже меньше нуждалась в опеке государства и, более того, выступала против чрезмерного государственного вмешательства в хозяйство.

3.1.2. ТОМАС МАНН И «ЕВАНГЕЛИЕ МЕРКАНТИЛИЗМА»

Одним из главных представителей западноевропейского меркантилизма XVII в. по праву считается английский экономист Томас Манн (1571–1641).

Манн родился в Лондоне в семье купцов и ремесленников. Он был внуком чеканщика на лондонском монетном дворе и сыном торговца шелком

и бархатом. Так в его родословной сложилось своеобразное символическое единство двух ключевых понятий рыночной экономики – денег и торговли.

Потеряв отца в раннем детстве, Манн воспитывался в семье отчима – богатого купца и одного из учредителей Ост-Индской компании, созданной в 1600 г. в качестве нового отделения Левантской компании, давно и успешно торговавшей со странами Средиземноморья. Овладев основами коммерческого дела в конторе отчима, а затем прослужив несколько лет в Левантской компании, Манн разбогател и приобрел известность и солидную репутацию как в Сити, так и в английском парламенте. Он стал членом совета директоров Ост-Индской компании, а в 1622 г. вошел в состав правительственной комиссии по торговле, организованной по инициативе короля Якова I в качестве специального органа для проведения экспертиз и разработки рекомендаций в области внешнеторговой политики страны.

В период, когда Англия стала мощной торговой державой, незаурядный купец Манн превратился в талантливую теоретика, выдвинувшего новые принципы государственной экономической политики и экономической идеологии меркантилизма.

Один из современников Манна дал ему следующую завидную характеристику: «Его познания об ост-индской торговле, его суждения о торговле вообще, его усердные труды на родине и опыт за границей – все это украсило его такими достоинствами, какие можно только желать в каждом человеке, но какие нелегко найти в эти времена среди купцов».

Два относительно небольших по объему произведения Манна заняли достойное место в общей истории экономической теории. Причем первое («Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией; ответ на различные возражения, которые обычно делаются против нее») увидело свет в 1621 г. и имело форму полемического памфлета, в котором непосредственная защита экономических интересов Ост-Индской компании дала реальную возможность приступить к обоснованию концепции позднего, или зрелого, меркантилизма. Другая же книга («Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства») вышла лишь в 1664 г., т.е. спустя более чем два десятилетия после кончины автора, и представляла собой настолько важную и интересную разработку принципов меркантилизма с точки зрения природы обменных процессов в экономике, а равно и их государственного регулирования, что вызвала в последующем пристальное внимание многих ученых – от Адама Смита и Карла Маркса до Джона Кейнса.

Что касается А. Смита, то он счел необходимым упомянуть об этом произведении в своем знаменитом «Богатстве народов»: «Само название книги

Манна... стало основным положением политической экономии не только в Англии, но и во всех других торговых странах».

Очевидный интерес представляет также оценка обоих трудов Манна, данная К. Марксом. «Это сочинение («Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией». – *Ред.*), – отмечал он, – уже в первом своем издании имело то специфическое значение, что было направлено против первоначальной монетарной системы, которую тогда еще защищали в Англии в качестве государственной практики; оно представляло, следовательно сознательное самоотмежевание меркантилистской системы от системы, явившейся ее родоначальницей. Уже в первом своем виде сочинение Манна выдержало несколько изданий и оказало прямое влияние на законодательство. Совершенно переработанное автором и вышедшее в свет в 1664 г., уже после его смерти, под заглавием «Богатство Англии во внешней торговле» сочинение это оставалось еще в течение ста лет *евангелием меркантилизма* (выделено нами. – *Ред.*)). Именно эту книгу К. Маркс охарактеризовал как сочинение, «составляющее эпоху».

Между прочим, выпуская в свет названную книгу, сын Томаса Манна Джон (богатый землевладелец и купец) снабдил ее предисловием, в котором напомнил власть имущим и английской общественности о былых заслугах отца: «В свое время он пользовался большой славой среди купцов и хорошо известен был большинству деловых людей благодаря большому опыту в делах и глубокому пониманию торговли».

Меркантилизм в целом явился важным шагом в попытках нарождающейся экономической науки решить проблему роста богатства отдельных стран на основе рыночного обмена. Его идеология, формировавшаяся в эпоху первоначального накопления капитала и бурного роста буржуазии после Великих географических открытий, опиралась на два главных постулата: 1) богатство отождествлялось с полноценными деньгами (золотом и серебром) и 2) власть абсолютистских государств должна была играть существенную роль в увеличении национального богатства. Именно меркантилисты выступили своеобразными первопроходцами в области теоретического обоснования необходимости государственного вмешательства в рыночную экономику и определения конкретных рекомендаций для государственного регулирования внешней торговли.

При этом представители «раннего» меркантилизма, или так называемой монетарной системы, советовали своим монархам осуществлять контроль исключительно за денежным балансом страны, т.е. следить за достижением преобладания ввоза золота и серебра над их вывозом с помощью полного запрета вывоза денег и установления государственной монополии на торговлю валютой.

В отличие от них Манн подверг всесторонней критике подобную практику регулирования денежного баланса страны и выступил решительным сторонником активного торгового баланса, когда экспорт товаров превышает их импорт. Он убедительно доказал, что приумножению национального богатства и его удержанию в стране должна способствовать активная международная торговля и определенная внешнеторговая политика государства.

Принципиальное различие между концепцией активного денежного баланса (превышения ввоза денег над их вывозом) и концепцией активного торгового баланса (превышения экспорта товаров над их импортом) заключалось в том, что в первом варианте делался акцент на регулирующей деятельности самого государства, а во втором – на развертывании частной инициативы купцов и торговых компаний при использовании государства в качестве «опекуна» и регулятора внешних экономических отношений.

«Торговля товарами, – писал Манн, – является не только похвальной практикой, которая так достойно осуществляет общение между народами, но и, как я бы сказал, поистине пробным камнем процветания государства, если только при этом заботливо соблюдаются известные правила».

Поставив во главу угла своей экономической концепции активный торговый баланс вместо системы денежного баланса, Манн выдвинул чрезвычайно важное положение, что внешняя торговля есть главный регулятор количества денег в стране и тем самым регулятор ее обогащения. Книга Манна «Богатство Англии во внешней торговле» начинается со следующих утверждений: «Хотя королевство может быть обогащено дарами, полученными от других стран, или их грабежом, все же эти пути обогащения ненадежны и имеют малое значение. Поэтому обычным средством для увеличения нашего богатства и денег является внешняя торговля. При этом мы должны постоянно соблюдать следующее правило: продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них».

Следует особо подчеркнуть, что Манн одновременно проявлял серьезную заботу о необходимости развития прежде всего отечественного производства и ограничения потребления импортных товаров. Для обеспечения превышения суммы экспорта товаров над суммой их импорта он предлагал вывозить за границу готовые изделия, а не сырье, поскольку в этом случае общая выручка от их продажи будет значительно больше. Увеличению положительного сальдо торгового баланса страны должна была способствовать, по его мнению, и активная посредническая (транзитная) торговля, для чего разрешался вывоз самих денег. Причем эти деньги следовало использовать для закупки товаров по низким ценам в одних странах с целью их последующей перепродажи по высоким ценам в других. Именно такая стратегия

наблюдалась в торговой деятельности Ост-Индской компании, которая вывозила из Индии на огромные суммы пряности, шелк, хлопок и другие «колониальные» товары для частичного сбыта в Англии, но главным образом для перепродажи в других европейских странах. Если сторонники теории денежного баланса (монетарной системы) считали подобный вывоз денег в Индию «смертным грехом», сокращающим богатство английского королевства, то купец Манн с помощью наглядных расчетов доказывал обратное. В частности, он приводил пример торговли перцем, один фунт которого стоил тогда в Лондоне 2 шиллинга. «Но если тот же купец, – писал Манн, – привезет этот перец из Ост-Индии, он там заплатит за него самое большее 3 пенса за фунт и получит огромную выгоду не только на перце, который нужен нам для удовлетворения наших потребностей, но также и на том огромном количестве его, которое мы вывозим ежегодно в различные другие страны для продажи там по более высоким ценам. Из этого ясно, что мы получим гораздо большую выгоду от этих индийских товаров, чем те страны, где эти товары произрастают и которым они, собственно принадлежат, являясь естественным богатством этих стран».

Выступая с решительной критикой противников вывоза за границу денег, что якобы может привести к уменьшению национального богатства, он удачно и образно сравнивал вывоз денег с действиями фермера: «Ведь если мы будем судить о фермере по его действиям только во время посева, когда он бросает в землю много хорошего зерна, мы сочтем его сумасшедшим; если же мы посмотрим на то, что получилось из его трудов при жатве, которая является завершением его стараний, мы увидим достойный и обильный результат его действий». Отсюда Манн сформулировал свой известный тезис: «Деньги порождают торговлю, а торговля увеличивает деньги».

Деньги купца при их разумном использовании как раз и представляют тот экономический «посев», который должен принести богатый «урожай».

Для стимулирования национальной мануфактурной промышленности и развертывания, выражаясь современным языком, внешнеторговой экспансии Манн ратовал за государственную политику таможенного протекционизма с помощью обложения высокими пошлинами импортных товаров вплоть до полного запрета ввоза предметов роскоши. При этом государство может выдавать специальные премии (субсидии) тем предприятиям, которые должны были выпускать продукцию для внешних рынков. Небезынтересно отметить, как в Англии пытались поддерживать отечественного производителя еще во второй половине XVI в., в период правления королевы Елизаветы, которая, например, для поощрения национального рыболовства ввела особый пост с многомесячным употреблением рыбных блюд, а в целях содействия отечественному производству шерсти потребовала под угрозой

высоких штрафных санкций обязательного погребения всех состоятельных граждан страны исключительно в шерстяной одежде.

Изучение внешней торговли с точки зрения ее прямого и косвенного воздействия на увеличение национального богатства позволило Манну существенно продвинуть вперед теорию денег. Если для его предшественников деньги являлись, по сути дела, лишь всеобщей материализацией богатства и, следовательно, их изначальной «родовой» функцией считалась функция образования сокровищ, т.е. средства накопления богатства, то у Манна уже обнаружилось раскрытие основополагающей функции денег как универсального средства обмена. Причем именно благодаря обмену в форме внешнеторговых отношений как раз и происходило само накопление богатства.

Манн не обошел вниманием (хотя, естественно, сделал это исключительно в сфере обменных процессов) и такую функцию денег, как мера стоимости, заявив, что «деньги являются не только истинной мерой всех наших средств в королевстве, но также мерой наших торговых сношений с иностранцами, которую мы поэтому должны стараться сохранять справедливой и постоянной во избежание тех замешательств, которые всегда сопутствуют таким изменениям». Рассматривая процессы вложения денег как в торговые операции, так и в мануфактурное производство, он фактически вплотную приблизился к характеристике денег в качестве формы капитала. Кроме того, выступив против засилья ростовщичества в экономике и стараясь освободить от его гнета купцов, торговые компании да и государство, Манн одним из первых начал декларировать естественную зависимость ссудного процента от торговли, призывая правительство бороться с ростовщиками с помощью законодательного ограничения процентных ставок.

И, наконец, Манна можно отнести к родоначальникам количественной теории денег, поскольку он утверждал, что все товары на рынке дорожают или дешевеют в прямой зависимости от обилия или недостатка денег в стране.

Сочинения Манна, содержащие новые теоретические подходы к выяснению источников обогащения страны, явились также убедительным подтверждением прикладного характера экономической науки, главное предназначение которой и по сей день заключается в том, чтобы вооружить людей и человеческое общество конкретными инструментами роста своего благосостояния. Разумеется, в первой половине XVII в. практическая направленность теории меркантилизма была связана с защитой и соблюдением экономических интересов купцов и владельцев мануфактур. Что же касается тяжелого материального положения простого народа, то Манн, хотя и видел распространение в Англии нищеты и бедности, заслуживающих, по его словам, «христианского сострадания и милосердия», в то же время писал, что такие люди «безнадежно погружаются в несчастье по своему безумию и

своенравию», что «из-за бесстыдной праздности огромное количество людей обманывает, ворует, мошенничает, блюдолизничает, бродяжничает, просит милостыню, голодает и преждевременно погибает». Отсюда делался вывод о необходимости лишь крайне умеренной, т.е., по сути дела, на уровне прожиточного минимума, оплате наемного труда. «Как изобилие и мощь, – подчеркивал Манн, – делают народ порочным и непредусмотрительным, так лишения и нужда делают его разумным и трудолюбивым».

Совокупность взглядов Манна позволяет считать, что он был одним из тех крупных экономистов, которые внесли заметный вклад в развернутый анализ нарождающейся системы рыночных отношений со всеми ее позитивными и негативными чертами. Далеко не случайно ряд его оригинальных идей смог найти логическое продолжение в концепциях экономической мысли XX в. и, в частности, в макроэкономической теории Дж. М. Кейнса, который обнаружил в учении меркантилистов «элементы научной истины» и даже посвятил их рассмотрению отдельную главу в своем знаменитом труде «Общая теория занятости, процента и денег». «...Если говорить о вкладе в искусство государственного управления экономической системой в целом и обеспечения оптимальной занятости всех ресурсов этой системы, – писал он, – то ранние представители экономической мысли XVI и XVII вв. в некоторых вопросах достигали практической мудрости, которая в оторванных от жизни абстракциях Рикардо была сначала забыта, а потом и вовсе вычеркнута».

Вплоть до настоящего времени не сданы в архив наполненные «практической мудростью» утверждения Манна, касающиеся вмешательства государства в регулирование рыночной торговли, усиления внешнеторговой экспансии, поддержки национального производства с помощью таможенного протекционизма, установления процентных ставок на основе обменных процессов, зависимости уровня товарных цен от количества денег в обращении, а также многофункциональной природы самих денег и, наконец, использования роста цен для стимулирования развития торговли и промышленности. Так выглядят главные черты «благой вести» Томаса Манна, изложенные им в талантливом «Евангелии меркантилизма».

Л и т е р а т у р а

1. Всемирная история. Т. 4. М., 1958.
2. История Европы. Т. 3. М., 1993.
3. Лас Касас Б. История Индии. Л., 1968.
4. Магидович И. Л. Очерки по истории географических открытий. М., 1957.
5. Мотылгв В.Е. Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.

4. РОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В МЕСОАМЕРИКЕ

4.1. Месоамерика и Древний Восток

Первые государства Старого Света, первые очаги цивилизации возникли в странах с жарким климатом. Первые города и государства в Америке также родились в тропическом поясе Месоамерики: государства майя, инков, ацтеков.

Ко времени прихода европейцев индейцы умеренного пояса Северной Америки оставались на стадии родоплеменных отношений, и даже характер этих отношений европейские ученые изучали в основном на материале индейских племен, поскольку европейские народы давно уже ушли от этой первобытной стадии.

На стадии первобытнообщинного строя оставались и народы Южной Америки. Индейцы пампы, патагонцы были бродячими охотниками, жили родовыми группами по 30–69 человек. У индейцев бассейнов Амазонки и Ориноко не было не только союзов племен, но даже племенной организации. Крытые пальмовыми листьями примитивные жилища у них были общими для всей общины.

И только в тропическом поясе Месоамерики к приходу европейцев существовали государства, города, письменность. Некоторые исследователи считают, что по своему культурно-экономическому уровню они были близки «Египту времен фараонов» [9, с. 26], т.е. государствам Древнего Востока.

Нужно, однако, учитывать, что возникли они намного позже, чем государства Древнего Востока, расцвет которых приходился на период до нашей эры. Классический период государства майя – II–X вв. н.э., государства ацтеков – XII–XV вв., инков – XV–XVI вв., что соответствовало европейскому феодализму.

Архитектурные сооружения этих государств не уступали пирамидам и зиккуратам Старого Света. Например, «Пирамида Солнца» в Теотеуакане достигала 72 м высоты. У майя была письменность, расшифрованная Ю. В. Кнорозовым, их календарь по точности далеко превосходил европейский того времени. По астрономическим наблюдениям они также превосходили Европу. Но они не знали колеса, у них не было тяглового скота и пахотных орудий. Они не знали железа, но железа не знали и в странах Древнего Востока.

Лишь одно сближало эти государства со странами Древнего Востока: государство существовало за счет эксплуатации крестьян-общинников. Только разница в положении верхов и низов здесь была гораздо значительнее. Величественные пирамиды, города, письменность – все это было достоянием только верхов общества, но с другой стороны, – самые примитивные орудия труда, соответствующие каменному веку: каменные топоры, каменные орудия для обработки того же камня, заостренная палка вместо мотыги.

Экономика и социальные отношения цивилизаций доколумбовой Америки имели очень много общего. Поэтому мы детально рассмотрим хозяйство майя, которое возникло раньше и просуществовало дольше других, а затем выделим особенности экономики государств ацтеков и инков.

4.2. Майя

Земледельческая культура майя

Первоначально города майя занимали сравнительно небольшую территорию на подступах к полуострову Юкатан, т.е. в основном на юге нынешней Мексики. Там находились древнейшие города майя – Паленке, Тикаль, Копан и др., города, раскопанные археологами в джунглях, в сельве. Очарование этих восстановленных из праха городов, восхищение грандиозностью заросших джунглями строений и даже сам процесс восстановления погибшей цивилизации – именно это обычно составляет основу наших знаний о цивилизации майя.

Для нас же важнее определить, за счет чего существовала эта цивилизация, кто строил эти города, кто обеспечивал роскошь их обитателей, т.е. восстановить хозяйство и быт простых людей, крестьян.

Основной культурой, которую возделывали майя, был маис. Использовалась подсечно-огневая система земледелия, как и у соседних племен сельвы, не достигших государственности. Но это была не совсем та подсечно-огневая система, которая практиковалась и у славян, и у других народов Европы.

Чтобы освободить землю под кукурузное поле, лес выжигали. Но землю после этого не обрабатывали. У майя не было не только примитивных пахотных орудий (сохи), но даже и мотыг. Заостренной палкой делали ямки в земле, и в каждую ямку бросали несколько зерен кукурузы, а иногда – семена фасоли и тыквы. Пахотное орудие здесь было непригодно: в земле оставались корни сожженных деревьев, и такое орудие застряло бы.

И все же примитивность такой системы не следует преувеличивать. Академик Н. И. Вавилов писал, что поля там представляли «сообщество различных культурных растений: фасоль обвивает кукурузу, а между ними растут различного рода тыквы. Смешанная культура является господствующей в древней Мексике» [4, с. 101].

Высокий урожай удобренная пеплом и золой земля давала только в первый год. Через 2–3 года поле забрасывалось, зарастало джунглями и засеивалось заранее подготовленное новое поле. Лишь через 6–10 лет могли вернуться к прежнему, но для этого надо было заново выжигать выросший на нем лес.

Согласно обычному представлению примитивная подсечно-огневая система не могла дать достаточно высокий прибавочный продукт, чтобы обеспечить строительство и содержание городов – святыниц майя. Однако, по расчетам Е. И. Гуляева, семья из пяти человек за год получала 4 т кукурузы, а потребляла 1,5 т, т.е. прибавочный продукт составлял свыше 60% [4, с. 29]. К. Керам подтверждает эти расчеты. По его словам, крестьяне в виде натурального налога отдавали 2/3 своего урожая [7, с. 356].

К тому же майя иногда использовали и более совершенные приемы земледелия. В одной из публикаций газеты «Правда» за 30 июня 1980 г. было отмечено, что на территории бывшего государства майя «радар обнаружил под густым пологом тропической зелени остатки разветвленной системы ирригационных каналов». Здесь была допущена одна неточность: это были не ирригационные, а дренажные каналы.

В условиях болотистых джунглей и сезонных ливней ирригация была не нужна. Наоборот, требовалось отводить лишнюю воду. Между двумя параллельными каналами лежали «приподнятые поля» – подтопляемые снизу участки земли. Благодаря такой дренажной сети майя «смогли превратить около 400 га болота и грязи вокруг Этны в цветущие сады и поля» [4, с. 105]. Очевидно, такая система не вытекала из традиционных отношений, а строилась под руководством государства.

В деревне сохранялись общинные отношения. Очищенная выжиганием от леса земля делилась на участки отдельных семей, а сады и приусадебные участки находились в наследственной собственности.

Домашних животных у крестьян не было. Основную пищу составляла кукуруза. Из кукурузной муки выпекали плоские лепешки – «тортильяс». Важную часть питания также составляли бобы. В основном это была растительная пища. Майя пили шоколад из бобов какао, а из сока растения маги готовили опьяняющий напиток пульке. У них уже существовал ткацкий станок, и крестьяне майя носили хлопчатобумажную одежду.

Кроме натурального налога в пользу государства они должны были выполнять государственную трудовую повинность: строить города, пирамиды, дороги. За этим следили чиновники – батабы, стоявшие во главе селений.

Было очень важно выжечь лес в конце периода засухи до начала сезонных ливней. Это время рассчитывали жрецы в городах, и из городов по деревням направлялись гонцы, оповещая крестьян: «Пора». В 1950 г. в двух районах бывших земель майя наступил голод: умер последний, кто разбирался в тайнах календаря майя, и ливни потушили огонь.

Города – святилища майя

Строго говоря, у майя не было единого государства. Каждый город был самостоятельным городом-государством. Но в отличие от средневековых европейских городов-государств это были города-святилища с пирамидами и храмами. Жилые строения для жрецов и знатных людей не были столь монументальными. Простой народ, крестьяне, жили за пределами города.

В городах майя не существовало улиц. Это была свободная застройка на разных уровнях. В центре находились пирамиды – храмы на искусственно сооруженных платформах, господствуя над остальным городом. А вокруг этих сооружений располагались дома жрецов и знати. В городе Цибильчальтуне археологи раскопали свыше 400 каменных построек, в городе Йашха – более 500.

При этом и город в целом размещался на возвышенной платформе – плато. Например, один из древнейших городов майя, Паленке, занимал 19 га на естественной платформе, которая возвышалась на 60 м.

Города соединялись между собой дорогами шириной более 10 м, расположенными на насыпях высотой от 60 до 250 см. Насыпи состояли из щебня, залитого раствором извести. И это при том, что у майя не было ни колеса, ни тягловых животных, а, следовательно, повозок.

Итак, в отличие от средневековых европейских или античных городов, города майя были святилищами и одновременно – государственно-административными центрами, местом пребывания господствующей верхушки – жрецов и знати. Их власть над остальной территорией и остальным населением была безмерной. Это были две разные культуры. У верхов была письменность, причем для письма использовалась даже бумага, был точный календарь, велись астрономические наблюдения, а низы оставались на стадии первобытнообщинного строя.

И все же города были и экономическими центрами, центрами ремесла и торговли. Конечно, здесь не было ремесленных цехов. Ремесленники обслуживали государство и знать. В ремесленных мастерских готовили статуэтки и другие изделия из ценных пород камня, особенно из нефрита, изящные керамические сосуды, оружие. Архитекторы руководили строительством храмов и пирамид.

Религиозные центры были одновременно местами торгового обмена. Крупнейшие города майя первого тысячелетия находились в сотнях километров от океана, но здесь при раскопках находят раковины, кораллы, жемчуг. Зеленый обсидиан добывался лишь в одном месте – на северо-востоке Мексики, но изделия из него находят во многих городах майя.

Это был не просто обмен продуктами, а именно торговля: в качестве денег использовались бобы какао. Кролик стоил 10 бобов, раб – 100 бобов. Это была настолько обычная валюта, что Кортес был вынужден платить бобами жалование своим солдатам, причем 200 бобов приравнивались к золотому реалу.

Исследователь Э. Томпсон назвал майя «финикийцами Нового Света»: их суда перевозили товары вокруг всего полуострова Юкатан. Правда, судно майя – это долбленая лодка, но на ней могло разместиться до 40 человек.

Загадка майя. Гибель или великое переселение

Главной загадкой цивилизации майя для историков была катастрофа, которая произошла к концу IX в. «За одно лишь столетие заброшенные города майя оказались вновь поглощенными джунглями», – писал американский археолог Ч. Галленкамп [3, с. 130]. Города первоначальной территории заселения майя был покинуты жителями.

Правда, это не означало гибели цивилизации. На севере от первоначальной территории майя, уже на самом полуострове Юкатан, культура майя возрождается, растут новые города. Очевидно, это была не гибель, а великое переселение.

Но эти новые города – Ушмаль, Чичен-Ица и др. – несколько отличались от прежних. Многие здания имели иную архитектуру, появились улицы. На стенах храмов появились фигуры воинов с копьями и щитами, которых не было в прежних городах майя. Старые города майя не имели крепостных стен. А, например, город Тулум на Юкатане с трех сторон был укреплен крепостными стенами высотой в 3–4 м, а четвертая сторона представляла обрыв в море.

Появились новые божества: Кецалькоатль – пернатый змей, Чакмооль, лежащие скульптурные изображения которого имели углубление для стока крови жертв. Эти новые божества требовали человеческих жертвоприношений. Особое внимание исследователей привлек «Колодец жертв» в Чичен-Ице, куда бросали девушек в жертву богу воды.

Выдвигались разные гипотезы о причинах гибели городов древнего царства майя. Объясняли это, например, истощением земель, которое заставило искать новые земли. Но при подсечно-огневой системе такого истощения быть не могло: сжигаемые джунгли каждый раз заново удобряли землю. Это происходило столетиями, потом вдруг вся земля истощилась!

Выдвигалась и такая версия, что города были разрушены в результате крестьянского восстания. Но и эта версия не выдерживала критики. Восстать против жрецов, против городов-святилищ значило восстать против богов, которые обеспечивают жизнь.

Действительная причина опустошения заключалась в нашествии чужеземцев. В Старом Свете земледельческие государства нередко подвергались нашествиям кочевников. Через какое-то время пришельцы ассимилировались, перенимали культуру земледельцев, и государство продолжало существовать, в несколько преобразованном пришельцами виде. Это же произошло и здесь. Правда, по сельве было невозможно кочевать со стадами скота, да и самого скота не было. Но были воинственные народы, которые были склонны грабить соседей, а иногда и сами мигрировали, уходя от более сильных племен.

«Новое царство» майя, которое возродилось на Юкатане, представляло смесь двух культур – майя и тольтеков.

4.3. Инку

Особый вариант рождения цивилизации представляло государство инков. Его особенности в значительной степени определялись тем, что государство возникло не в сельве, а в Кордильерах. В горах были рудные месторождения, что способствовало развитию металлургии. В отличие от земледелия в сельве поля здесь нуждались в искусственном орошении, поэтому здесь возникли ирригационные сооружения в особом, горном варианте. Если у крестьян сельвы не было домашних животных, то здесь в качестве вьючного скота использовались ламы. Короче говоря, уровень материальной культуры здесь был выше, чем у майя и ацтеков. Правда, колеса, повозок и пахотных орудий не знали и здесь.

Но не все особенности рождения цивилизации инков можно объяснить природными условиями. Необычным и даже в какой-то степени загадочным было то обстоятельство, что развитие хозяйства здесь намного опередило образование государства. Государство инков возникло в XV в. и просуществовало до прихода конкистадоров немного более столетия, но уровень производительных сил, характерный для этого государства, сложился уже в VIII–IX вв., при сохранении родоплеменных отношений.

Уже в это время прокладывались оросительные каналы, тянувшиеся на сотни километров, существовали мощные каменные дороги. Уже в это время здесь умели выплавлять из руды золото, серебро и свинец. Рождение государственной власти не повысило достигнутый уровень материальной культуры.

Особенно значительные достижения прослеживаются в археологической культуре Тиауанако (VIII–IX вв.), поселение которой находилось на берегу озера Титикака. Здания из кирпича-сырца располагались на площади около 1 кв. км. Центральное положение занимал храм Солнца из плит базальта и песчаника. В сущности, это был зародыш государства, причем государства теократического.

Социальный строй

В XV в. одно из племен, инки, подчинило себе другие племена Кордильер, захватив территорию от нынешней Колумбии до Среднего Чили. На этой территории проживало около 6 млн человек. Особенность социального строя этого государства заключалась в том, что господствующую верхушку составляла не аристократически-жреческая знать, а все инки. И существовала эта верхушка за счет эксплуатации побежденных племен. Таким образом, социальные группы определялись этнической принадлежностью.

Инки не работали, составляя военно-служилую знать. Правители выделяли им земельные участки с работниками из покоренных племен, которых на эти земли переселяло государство. Для мальчиков-инков существовали школы с четырехлетним сроком обучения. Здесь изучали религиозные догмы, календарь и узелковое письмо – кипу. У инков не было письменности. Ее заменяло это узелковое письмо.

Побежденные, т.е. подавляющая часть населения, продолжали жить общинами – айлью. В состав айлью входила деревня с прилегающими полями. Земельные владения общины назывались маркой (это название случайно совпадало с названием общины у франков). Возделываемая земля, «чакра», делилась на три части: поля Солнца (т.е. жрецов), поля верховного инки (т.е. государственные) и поля общинников.

Поля обрабатывались трудом общинников, причем в первую очередь – поля Солнца, во вторую – земля инки и лишь в третью – поля самой общины. Урожай с полей Солнца и инки составлял натуральный налог. Сообща обрабатывались и поля общины, но каждой семье выделялся участок, урожай с которого шел в распоряжение этой семьи. Полевые наделы выделялись в соответствии с составом семьи. Но приусадебные участки – двор и огород – были наследственными.

Кроме натурального налога общинники должны были выполнять государственную трудовую повинность – строить каналы, дороги, храмы. Таким образом, социальный строй инков наиболее соответствовал «азиатскому способу производства», если исключить этнический принцип эксплуатации.

Земледелие и ремесло

Как уже сказано, земледелие здесь имело особый, горный характер. Поля располагались террасами на склонах гор. По краям террасы устраивался вал для сохранения влаги. От горных рек к полям – террасам отводились каналы, которые выкладывались каменными плитами. Поля обрабатывались мотыгами. В государстве инков возделывалось до 40 видов растений, главными из которых были маис, картофель и хлопчатник.

В крестьянских общинах земледелие сочеталось с ремеслом, которым занимались некоторые жители деревни. Свободных городских ремесленников не было. Лучших ремесленников государство переселяло в Куско, столицу, где они обслуживали двор верховного инки, жрецов и служилую знать. Здесь уже умели выплавлять бронзу, из которой готовили топоры, серпы, ножи, иглы, оружие.

Таким образом, государство инков – это господство одного племени над побежденными племенами, где социальное расслоение заменялось этническими факторами. Если проводить аналогию со Старым Светом, то ближе всего к этому государству стояла Ассирия, процветание которой тоже базировалось на эксплуатации покоренных. Только здесь, у инков, сохранялись основные элементы родоплеменных отношений.

Такое «преждевременное» образование государства стало возможным потому, что природные условия позволили достичь высокого уровня производительных сил до образования государства. Ирригация, выплавка металлов, строительство каменных сооружений – рождение государства почти ничего не добавило к достигнутому уровню развития производительных сил. Был создан лишь аппарат принуждения, который позволил эксплуатировать побежденных.

4.4. Тольтеку и ацтеку

Обычное представление, что ацтеки создали одно из трех государств доколумбовой Месоамерики, не вполне соответствует действительности. Это представление в значительной степени навеяно драматическими событиями захвата Теночтитлана солдатами Кортеса и гибелью вождя ацтеков Монтесумы.

Как утверждает Дж. Вайян, крупнейший археолог и историк ацтекской цивилизации, теночки, основатели Теночтитлана и ацтекской цивилизации, «не были творцами ацтекской культуры – они лишь разработали культ жертвоприношений» [1, с. 84]. «Ацтеки не создали своих художественных форм», – пишет он в другом месте [1, с. 126]. Все основные достижения их культуры были заимствованы у предшественников, в основном у тольтеков. И даже боги ацтеков Кецалькоатл, Уицилопочтли, Тлалок – были богами тольтеков.

Крупнейший российский специалист по истории древних цивилизаций В. В. Струве писал, что ацтекское общество XV в. было обществом, «не знавшим еще государства, находившемся еще в рамках родового строя» [1, с. 11].

Все это заставляет начинать экономическую историю ацтеков с рассмотрения хозяйства их предшественников – тольтеков.

Теотиуакан и тольтеку

Долина Мехико, где возникла культура тольтеков, обеспечивала идеальные условия для жизни людей. Она была защищена горными цепями высотой до 2 тыс. м. Горные потоки и река Аколман орошали землю и обеспечивали ее плодородие своими наносами. Центр долины занимало озеро Тескоко, заросшие камышами берега которого изобиловали дичью. Вулканические породы гор служили прекрасным материалом для изготовления орудий и строительства, что имело первостепенное значение в условиях каменного века. Вулканическое стекло, обсидиан, можно было расколоть на пластины с острыми краями, из застывшей лавы изготавливались песты и жернова для размола кукурузы, а туф был превосходным строительным материалом.

С древних времен, еще до наступления нашей эры, по берегам озера селились люди. О длительном существовании таких селений свидетельствует слой отбросов толщиной в 4,5–7,5 м.

В V в. н.э. господствующее положение в долине заняли тольтеки. По утверждению Вайяна, их город Теотиуакан существовал с 400 по 1000 г. Территория 5 × 3 км была застроена зданиями из каменных плит, скрепленных

известковым цементом. Вся площадь города была вымощена также каменными плитами.

Среди зданий выделялись пирамиды – храмы, главными из которых были пирамида Солнца и пирамида Луны, причем высота пирамиды Солнца превышала 60 м, т.е. соответствовала высоте египетских пирамид. Были в городе и жилые строения с внутренними дворами.

В окрестностях Теотиуакана археологи раскопали жилые дома из 50–60 комнат, расположенных вокруг дворики. Очевидно, каждый такой дом был жилищем родовой общины, состоявшей из десятков семей.

В пантеоне богов тольтеков выделялась фигура Кецалькоатла, основателя культуры и одновременно – планеты Венеры. Он был не только богом. Согласно преданиям это был великий вождь, который принес культурные достижения тольтекам, но потом удалился на восток, обещая потом вернуться из-за океана.

Изображался он не только в виде пернатого змея, но и в виде бородатого человека с европейскими чертами лица. Среди западных историков существует даже гипотеза, что это был викинг (как известно, викинги побывали в Америке задолго до Колумба). Поэтому вождь ацтеков Монтесума увидел в Кортесе вернувшегося из-за моря Кецалькоатла. Таким образом, Кецалькоатл существовал в двух ипостасях – бога, пернатого змея, и человека, который научил тольтеков достижениям их культуры.

Можно ли считать, что у тольтеков уже было государство? Несомненно, жрецы и правители существовали за счет рядовых общинников. Строительство городов, пирамид-храмов было невозможно без трудовой повинности в пользу верховной власти. Благоприятные природные условия обеспечивали достаточный прибавочный продукт для содержания правящей верхушки. Это был переход от родового строя к государству: низы продолжали жить родовым строем, но уже выделилась жреческо-правящая верхушка.

Отсутствие письменности не позволяет подробнее восстановить социальный строй тольтеков, а записанные испанцами предания касаются в основном ацтекского периода. Поэтому практически единственным источником по истории тольтеков служат археологические раскопки.

Но именно археология дает нам подробные сведения о материальной культуре тольтеков. Здесь, как и у майя, было два уровня такой культуры. С одной стороны, города, пирамиды с храмами, которые были такими же, как в городах майя, высокий уровень изобразительного искусства. С другой стороны – техника каменного века, первобытная техника земледелия и ремесла.

Сведений о сколько-нибудь значительных ирригационных сооружениях нет. Очевидно, их и не было. Возделывались те же культуры, что и у других племен Месоамерики: кукуруза, бобовые, хлопок. Тольтеки носили одежду

из хлопчатобумажных тканей. У них не было ни пахотных орудий, ни тяглого скота, как и домашних животных вообще.

Основным материалом для изготовления каменных орудий служил обсидиан. Из него делались ножи, наконечники копий, вкладыши палиц, которыми были вооружены воины.

Объединение тольтеков просуществовало пять столетий. В X в. города тольтеков Теотиуакан и Толлан были разрушены пришельцами. В долине Мехико начался период хаоса, когда пришлые племена сменяли друг друга. Господствующее положение среди этих племен заняли чичимеки, которые успешно перенимали культуру тольтеков, и Дж. Вайян даже называет главный город чичимеков Кулуакан городом-государством [1, с. 66].

Теснимые пришельцами, тольтеки стали переселяться на восток, на Юкатан, и там теперь рождались новые города, которые представляли смесь двух культур – майя и тольтеков.

Возвышение ацтеков. Теночтитлан

А в долине Мехико на первый план стало выдвигаться племя теночков, которое породило государство ацтеков. (Мы все же будем условно называть объединение ацтеков государством.) Если господство тольтеков в этой долине продолжалось пять веков, то ацтеки господствовали только одно столетие.

До XIV в. теночки были первобытным племенем, теснимым другими племенами. В начале XIV в. они потерпели особенно сокрушительное поражение, когда вождь и значительная часть племени были захвачены в плен. Остатки племени нашли убежище на острове шириной 12 км в болотистой части озера Тескоко. Здесь они основали два поселения – Теночтитлан и Тлалтелокко, но продолжали платить дань победителям.

Поскольку на суше места для земледелия были заняты другими, теночки были вынуждены отвоевывать землю у озера, строя чинампы – плавучие острова. Ил с болотистых берегов собирали на плоты из связок камыша, сажали растения, в том числе кусты и деревья, которые своими корнями укрепляли такой островок. Чинампы и стали основой земледелия ацтеков. Разрастаясь, они постепенно сливались в единое целое, где земельные участки пересекались сетью каналов.

Теночтитлан и Тлалтелокко, впоследствии слившиеся в Мехико, первоначально были самостоятельными. Лишь к середине XIV в. был организован союз, который возглавили теночки, началось покорение других племен долины Мехико и расцвет культуры ацтеков.

Как и в других государствах Месоамерики, витриной этого расцвета стал главный город ацтеков – Теночтитлан. Ко времени прихода испанцев он насчитывал от 60 до 100 тыс. жителей, и, по словам Г. Паркса, с ним «едва ли могли равняться столицы Европы» [9, с. 38].

Центральную часть города занимали пирамиды-храмы (точнее – пирамиды, на которых стояли храмы). Среди них выделялась пирамида бога войны – Уицилопочтли.

Город напоминал Венецию – роль улиц играли каналы с пешеходными дорожками по краям. Ведь город разрастался, захватывая чинампы, и его основная часть теперь находилась уже над озером. С берегом Теночтитлан соединяли три дамбы. Жилые дома города стояли на возвышенных каменных площадках. Вокруг внутренних дворишков располагались жилые помещения с каменными стенами без окон. Крыша представляла настил из жердей, покрытых слоем известковой штукатурки. Дж. Вайян говорит о возведенных из сырца и камня, «похожих на крепость общинных домах» [1, с. 10].

4.5. Социальный строй ацтеков

Основу социальных отношений составлял родовой строй, причем не только в деревне, но и в городе. В отличие от городов майя, население которых составляли только жрецы и правящая знать, население Теночтитлана состояло в основном из земледельцев, которые работали в чинампах. Жилые кварталы города делились на четыре части, которые Дж. Вайян называет фратриями. Во главе каждой фратрии стоял вождь, а все четыре вождя вместе составляли совет верховного правителя.

Совет фратрии делил землю между родами, а старейшины родов – между семьями. В результате регулярных переделов земли человек, обрабатывающий свой участок, «являлся собственником только одного урожая» [1, с. 12]. Отдельно выделялись участки для содержания жрецов и вождей, которые обрабатывались коллективно.

Кроме того, на землях побежденных племен воины-ацтеки получали участки, обрабатываемые местным населением.

Покоренные племена не только платили дань ацтекам, но и выполняли разного рода повинности. По словам испанского хрониста, эти побежденные жаловались испанцам, что ацтеки «то и дело сгоняли их на барщину, на подвоз и переноску камней, леса, на обработку городских полей,.. а жен и детей уводили насильно, не говоря уже об обычной охоте на людей для жертвоприношений» [1, с. 15]. Таким образом, процветание ацтеков базировалось на

эксплуатации побежденных племен. Неудивительно, что эти племена помогли Кортесу против ацтеков.

У ацтеков не было светской знати. Родовые старейшины и вожди племен были выборными. Выборным был и верховный вождь – жрец, которого испанцы называли императором. Поэтому мы не можем говорить об эксплуатации господствующей верхушкой рядовых членов племени.

Земледелие, ремесло, торговля

Как утверждает В. В. Струве, у ацтеков «не было подлинного полеводства» [1, с. 10]. Главной формой земледелия были чинампы, обладающие неиссякаемым плодородием. Ацтеки выращивали маис, бобы, тыкву, табак, помидоры, хлопчатник.

Основой питания служили тортильи – лепешки до 30 см в диаметре. Это дополнялось овощами, а при перелетах птиц – гусями и утками. Домашних животных не было, кроме индюков и собак, причем иногда собаки тоже шли в пищу. Табак курили в полых стеблях тростника. Из агавы изготовляли пульке.

Одежда готовилась из хлопчатобумажной ткани. Мужчины носили набедренную повязку, плащ, застегнутый на одном плече, сандалии из кожи или грубого волокна агавы. Одежда женщины состояла из полосы тонкой ткани на бедрах и туники без рукавов. Поскольку не было домашних животных, то не было и шерстяных тканей. Конечно, жрецы и должностные лица носили украшенную одежду. Особенно ценились плащи из перьев.

Основным материалом для изготовления орудий и оружия служил обсидиан. Из него делали ножи и другие режущие орудия, наконечники стрел и дротиков, а путем полировки – даже зеркала, применявшиеся для ритуальных целей. Уже добывалась медь в виде конкреций и обрабатывалась холодной ковкой. Из нее готовились мелкие вещи, например, иглы и предметы украшений. Орудия из меди не годились для обработки даже мягких пород дерева. Таким образом, ацтеки еще не вышли из каменного века.

Ремесло уже отделялось от земледелия. Гончары, ювелиры, специалисты по обработке камня выделялись в самостоятельную профессию. Еще в большей степени это относилось к специалистам по изготовлению культовых сооружений: скульпторам, каменщикам, художникам.

Но сведений об организации ремесла мы не имеем. Не было чего-то, подобного ремесленным цехам. Лишь мастера по строительству и обслуживанию храмов-пирамид и других культовых сооружений составляли самостоятельную группу специалистов, связанную со жречеством.

Товарообмен получил значительное развитие уже во времена тольтеков. В одном селении особенно успешно выращивали перец, около друго-

го находилось месторождение особенно высококачественного обсидиана. Естественно, селения обменивались этими продуктами. А позже выделилась группа торговцев – почтеков, для которых торговля была профессией и которые ездили не только по долине Мехико, но и за ее пределами. Они везли из долины обсидиан, орудия из него, ткани, выменивая это на раковины, перья тропических птиц, нефрит, какао.

Это был в основном натуральный обмен, но в качестве денежного эквивалента уже употреблялись бобы какао, а иногда – стержни перьев, заполненные золотым песком и медные ножи в форме серпа. Впрочем, золото не считалось особенно ценным, и когда испанцы требовали у ацтеков ценности, те несли им нефрит и бирюзу – самые ценные минералы.

Военное дело. Жестокость

Важным показателем государственности является профессиональная армия, содержание которой является одной из главных функций государства. Такой армии у ацтеков не было. Каждый взрослый мужчина считался воином, а глава рода и вождь племени были одновременно военачальниками соответствующих подразделений. Это свидетельствовало о сохранении общинно-родового строя, поэтому говорить о государстве ацтеков можно только условно.

Правда, в каждом из четырех частей Теночтитлана имелся «дом дротиков», где хранилось вооружение. Воины были вооружены копьями, дротиками с деревянными метательными дощечками, дубинами с вкладышами из обсидиана.

Ацтеки не знали боевого строя. В сражениях толпа действовала против толпы, стараясь обратить ее в бегство.

Безусловно, война велась для того, чтобы обложить побежденных данью и всякого рода повинностями. Но официальной целью войны был захват пленных, но не для превращения их в рабов, а для принесения в жертву богам.

Религия ацтеков отличалась особой жестокостью. Боги требовали кровавых человеческих жертв, причем в жертву приносились вырванные сердца. Obsидиановыми ножами распарывался живот жертвы и рукой вырывалось сердце, которое и приносилось на алтарь.

Предания говорят о 20 тыс. пленных, которые были построены в два ряда, и вожди победителей в порядке старшинства вырывали у них сердца, чтобы насытить голод бога войны – Уицилопочтли. Это произошло в 1487 г. и знаменовало вершину могущества ацтеков.

Более того, когда наступал мирный период и не было достаточно плененых для жертвоприношений, устраивались «войны цветов» – сражения между союзными племенами ради захвата пленных. Принесение в жертву для воина считалось почетной смертью: на том свете он занимал привилегированное положение, предназначенное для воинов.

Эти беспримерные гекатомбы, конечно, объяснялись потребностями культа. Но богов создали люди. Очевидно, такое устрашение потребовалось, чтобы жители Теночтитлана могли держать в подчинении все племена долины Мехико.

* * *

Итак, главные особенности цивилизации ацтеков – это чинампы, эксплуатация побежденных племен и массовые кровавые жертвоприношения.

Сам Теночтитлан оставался городом на озере, и его земельные владения составляли чинампы – земли, отвоеванные у воды. Озеро же обеспечивало неприступность Теночтитлана: штурмовать город можно было только через дамбы. Но по мере разрастания города обеспечивать его снабжение за счет только чинампов становилось все труднее, и другие племена становились данниками ацтеков.

А основой социальных отношений оставался родоплеменной строй с выборными старейшинами и вождями. Лишь господствующую верхушку составляли жрецы, служители свирепых богов. Глава ацтеков был одновременно главным жрецом и вождем. В его лице божественная и гражданская власть сливались.

А в основе этого строя лежала техника каменного века: каменные орудия, отсутствие колеса и пахотных орудий. Лишь уникальная агротехника чинампов обеспечивала высокий уровень земледелия.

Таким образом, три центра рождения цивилизации возникли в разных природных условиях: в болотистой сельве, в горах и в защищенной горами долине. Это в значительной степени и определило их различия, особенно различия в технике земледелия.

Во всех трех случаях сохранялись родоплеменные отношения, которые лежали в основе землепользования, а в двух случаях даже господствующее племя существовало за счет эксплуатации побежденных племен. Не было государственной армии, но поскольку существовал аппарат принуждения, аппарат эксплуатации основной массы населения в пользу верховной власти, мы все же можем говорить о рождении государственности, о переходе от родоплеменного строя к государству.

Это не были рабовладельческие государства. Труд рабов имел настолько второстепенное значение, что тысячи пленных приносились в жертву богам вместо обращения в рабство. Господствующая верхушка общества существовала за счет эксплуатации общинников-земледельцев, что соответствовало «азиатскому способу производства» в Старом Свете.

Из трех рождавшихся государственных образований государство инков значительно отличалось от остальных двух. Если материальная культура майя и ацтеков оставалась на уровне каменного века, то инки уже плавил бронзу, т.е. вступили в бронзовый век. Если у майя и ацтеков не было домашних животных, то у инков были вьючные животные – ламы. В отличие от майя и ацтеков у инков уже существовала ирригация. Правда, дренажные системы майя и чинампы ацтеков были тоже сложными и трудоемкими, но они были характерны именно для Нового Света, составляя его особенности. Таким образом, по характеру развития материальной культуры инки были ближе Старому Свету. К тому же все эти достижения родились здесь до образования государства, при полном господстве родоплеменного строя.

Но наиболее важное отличие государства инков заключалось в другом. У майя и ацтеков все силы народа тратились на сооружение грандиозных пирамид-храмов и городов-святилищ, а правящую верхушку общества составляли жрецы. У инков же не было таких грандиозных сооружений, которые вызывали восхищение и служили для европейцев главным признаком цивилизации Нового Света. Верховный инка был преимущественно военным вождем и правителем.

Очевидно, эти особенности определялись тем, что основные достижения материальной культуры возникли до образования государственной власти. Эксплуатация людей, которые уже строили ирригационные сооружения, могла быть лишь сравнительно ограниченной.

Л и т е р а т у р а

1. Вайян Д. История ацтеков. М., 1949.
2. Всемирная история. Т. IV. М., 1958.
3. Галленкамп Ч. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. М., 1966.
4. Гуляев В. Древние майя. М., 1983.
5. Гуляев В. Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху. М., 1968.
6. Гуляев В. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М., 1972.
7. Керам К. Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
8. Кузьмищев В. Тайна жрецов майя. М., 1968.
9. Парке С. История Мексики. М., 1949.
10. Стингл М. Тайны индейских пирамид. М., 1978.

5. КОЛОНИАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

5.1. Репартимьендо и энкомьендо

Главным колонизатором стран Латинской Америки стала Испания. Земля завоеванных стран была объявлена собственностью короля Испании. Король жаловал в феодальную собственность конкистадорам и высшим чиновникам огромные территории. Кортес получил от короля 40 тыс. кв. км, столь же огромные владения получили и его сподвижники. Крупные участки земли, пеонии и кабальерии, получали даже солдаты. Пеония составляла 40 га, а кабальерия – пять пеоний, т.е. 200 га. Пехотинцу полагалось 5 пеоний, кавалеристу – до 3 кабальерий.

Естественно, в зависимость попадали и индейцы, жившие на этих землях. Кортесу было передано 115 тыс. индейцев, его сподвижнику Харамильо – 130 индейцев с землей. Эта раздача земли с индейцами получила название репартимьендо.

Основная часть земли в этих владениях никак не использовалась, и лишь небольшую долю занимали плантации сахарного тростника, кофе и других культур.

Считается, что до середины XVI в. в эксплуатации зависимых индейцев преобладали рабовладельческие отношения, которые затем сменились феодально-крепостническими.

Но даже и для рабовладельческих отношений обращение испанцев с местным населением отличалось необычной жестокостью, многочисленные примеры которой приводит в своем сочинении доминиканец Лас Касас. Индейцев даже просто для развлечения травили собаками и расстреливали. Особенно высокая смертность индейцев была на золотых и серебряных рудниках, вокруг которых, по свидетельству современников, даже воздух был заражен от сотен разлагавшихся трупов.

В результате, по свидетельству Лас Касаса, к середине XVI в. было уничтожено 15 млн индейцев, т.е. около трети первоначальной их численности. На острове Ямайка за первую половину XVI в. было истреблено все местное население, а в Перу и Чили оно сократилось с 1,5 млн до 300 тыс. человек. В Вест-Индии, Аргентине, Уругвае, где индейцы оставались на уровне первобытнообщинного строя, они были уничтожены почти полностью, потому

что оказалось невозможным их эксплуатировать: они не смогли адаптироваться к новым порядкам.

Особенно лицемерным был такой способ эксплуатации индейцев, как энкомьендо. Формально энкомьендо считалось передачей индейцев на «попечение» испанцам, которые должны были заботиться о переданных им индейцах и прививать им христианские добродетели. За это «попечение» переданные в энкомьендо индейцы должны были работать на своего «попечителя». Практически это означало передачу их в рабство.

Лишь в начале XVI в. издаются законы, регламентирующие систему энкомьендо. Согласно этим законам индейцы должны были работать на «попечителя» 9 месяцев в году, а за это хозяин должен был их кормить и давать им одежду, причем к одному владельцу могло быть прикреплено не более 150 индейцев. Но эти законы не соблюдались. По свидетельству Лас Каса-са, из 300 индейцев, переданных одному королевскому чиновнику уже после принятия этих законов, 270 за первые три месяца погибли от непосильного труда.

Индейцы, не попавшие в сферы энкомьендо и репартимьендо, должны были выполнять государственную трудовую повинность – мита, в основном на строительных работах, государственных рудниках и предприятиях. Мексиканские касики, вожди племен, жаловались королю, что каждая индейская деревня должна еженедельно поставлять 200–400 человек для этих работ. В мастерских заставляли работать даже 6–8-летних детей.

5.2. Ввоз рабов из Африки

Одним из следствий истребления индейцев стал массовый привоз рабов – негров из Африки. Как уже сказано, доставкой негров в Латинскую Америку занимались в основном английские купцы, получая от работорговли огромные прибыли. Согласно Утрехтскому соглашению 1713 г. Англия получила монопольное право доставлять в испанские колонии Америки ежегодно 4800 негров.

Причиной ввоза рабов-негров был не только дефицит рабочей силы. Дело в том, что у индейцев до прихода испанцев не было рабства, они не привыкли к принудительному труду и, попав в непривычные условия, быстро умирали. В Гвинее же, откуда поступала основная часть негров, уже существовало рабство. Гвинейские негры уже привыкли выполнять тяжелую принудительную работу и в новых условиях оказывались более выносливыми. К тому же, не зная местного языка и обычаев, им было сложнее бежать или устанавливать контакты с местными жителями.

В 1823 г. из 16,9 млн жителей Испанской Америки негры составляли 776 тыс., т.е. 4%, но 32% населения (5328 тыс.) составляли люди смешанной крови, т.е. метисы и мулаты [4, с. 31]. Особенно много негров было в Бразилии – 1,96 млн из 3,14 млн всего населения. Это было следствием особенностей экономического развития Бразилии, о которых мы будем говорить ниже.

Африканские негры принесли сюда культурные традиции, что наложило отпечаток на музыку и тацы народов Латинской Америки.

5.3. «Новые законы» и переход к феодальным формам

Итак, первым следствием геноцида индейцев стал ввоз рабов-негров из Африки. Вторым следствием – попытки ограничить эксплуатацию индейцев со стороны государства, которые в итоге и привели к переходу от рабства к феодально- крепостническим формам эксплуатации.

Государству было невыгодно сокращение числа налогоплательщиков. Мита тоже позволяла только живых индейцев рекрутировать для государственных работ. Кроме того, сокращение численности индейцев подрывало основу благосостояния колоний. Католической церкви тоже было невыгодно сокращение паствы.

В 1537 г. в своей булле папа Павел III признал индейцев «настоящими людьми» и запретил к ним относиться как к «бездушным тварям». В 1542 г. король Карл V ввел «новые законы», по которым индейцы признавались свободными вассалами короны, было запрещено обращать их в рабство; запрещалась раздача новых энкомьенд, а уже действующие должны были прекращаться после смерти владельца.

Энкомьендеры выступили против «новых законов». Когда вице-король в Перу попытался проводить их в жизнь, они разгромили его войско, а сам он был убит. В 1545 г. запрет раздачи новых энкомьенд был отменен.

И все же в результате этих действий государства и церкви, а также в результате естественных экономических процессов производственные отношения стали меняться. Рабство сменилось феодально-крепостническими порядками. Энкомьендеры превращались в землевладельцев феодального типа. Если раздача энкомьенд не означала наделение энкомьендеров землей, в отличие от репартимьендо, то теперь обе эти формы практически слились. Жившие во владениях сеньора индейцы должны были платить оброк и работать на энкомьендера за плату (фактически номинальную).

В начале XVIII в. институт энкомьендо утратил прежнее значение и был упразднен. Энкомьендеро превращались во владельцев асьенд, поместий фе-

одального типа. «В пределах своей асьенды, – писал современник, – владелец осуществляет абсолютное господство как феодальный сеньор. Он приказывает, кричит, наказывает и даже убивает, насилует женщин» [3, с. 37].

Но в XVIII и XIX вв. и эти феодальные отношения переросли в пеонаж – экономическое закабаление индейцев. Теперь уже подавляющая часть земли переходила в ведение владельцев латифундий, а, например, в Мексике свыше 90% населения своей земли не имело. Индейцы не разбирались в законах о собственности на землю и, пользуясь юридическими уловками, сеньоры захватывали общинные владения. Безземельные были вынуждены арендовать землю или наниматься на работу. В условиях, когда все хозяйство оказалось под контролем владельцев асьенд, и арендатор, и наемный рабочий становились неоплатными должниками – пеонами. Нищенская зарплата пеона не позволяла вернуть долг. В то же время огромная часть земли в латифундиях оставалась неиспользованной.

Таким образом, в американских колониях Испании рабство в форме энкомьенды сначала перерастало в феодально-крепостнические отношения, а затем сменилось пеонажем – кабальной формой эксплуатации, которую принято называть кабальным рабством, хотя эта форма уже базировалась на товарно-денежных отношениях.

Но даже в этих условиях у индейцев сохранились остатки общинных порядков. Оставались вожди племен – касики, которые занимали привилегированное положение, включались в состав местной администрации. Сохранялось общинное землевладение, площадь которого сокращалась.

Индейцы, как и прежде, выращивали кукурузу, используя подсечную систему земледелия. Испанцы принесли сюда возделывание пшеницы и овса, но пшеничный хлеб был достоянием только верхушки общества. Появились новые культуры: теперь во владениях испанцев выращивали оливки, бананы, кофе, персики, яблоки, виноград. Доколумбова Америка не знала этих растений. Не было здесь прежде и домашнего скота. Теперь скот стал размножаться, причем, как правило, на вольном выпасе, без присмотра.

5.4. Особенности экономического развития Бразилии

Существенные особенности развития колониального хозяйства были в Бразилии, португальской колонии. Как уже говорилось, колонизация Португалии в странах Востока отличалась тем, что Португалия не захватывала территории, устраивая лишь опорные пункты по берегам океана, торговые фактории. И здесь, в Америке, первоначально Португалии принад-

лежала лишь цепочка поселений – факторий на Атлантическом побережье. Основным предметом вывоза была ценная древесина паубразил (отсюда и название колонии).

В португальских колониях не было энкомьенды. Вместо этого прибрежная территория была разделена на 15 «капитаний» – наследственных феодальных владений, хозяева которых назывались донаториями.

Со временем здесь стали создаваться энженьо – сахарные заводы, окруженные плантациями сахарного тростника. На первое место в экспорте теперь вышел сахар. Среднее энженьо с 50 работниками за год производило 75–90 т сахара. В середине XVII в. на 200 энженьо было занято 33 тысячи рабов.

Индейцы, которых заставляли работать на энженьо по 14–15 часов в сутки и кормили лишь маниоккой, не выдерживали такого режима и быстро умирали. Поэтому негров-рабов сюда ввозилось больше, чем в другие страны Латинской Америки. С 1600 по 1750 г. в Бразилию было доставлено 3,3 млн негров, а к началу XIX в. негры составляли свыше 60% населения Бразилии.

С середины XVI в. португальцы начинают двигаться в глубь континента. Это было связано с развитием скотоводства. Сначала скотоводство развивалось при энженьо, поскольку при производстве сахара требовалась и тягловая сила, затем оно становится самостоятельной отраслью. На равнинах Бразилии появляются сотни скотоводческих хозяйств – фазенд.

Рабы-негры в качестве пастухов и погонщиков скота уже не годились, за ними самими требовался присмотр. Поэтому погонщиками скота – вакейрос (т.е. ковбоями Бразилии) работали наемные из индейцев, метисов и даже белых. Основной платой за работу был каждый четвертый теленок в стаде.

Особенностью вольного бродячего быта вакейрос было то, что у них все готовилось из кожи. Из кожи делали не только одежду, но и бурдюки для воды, веревки, мешки для продуктов.

Толчком дальнейшего развития экономики Бразилии стало открытие в 1698 г. золотых россыпей в районе Минас-Жераис. Следствием золотой лихорадки стал массовый приток населения в этот район. Даже владельцы крупных энженьо ликвидировали свои дела и устремлялись за золотом. Через некоторое время здесь сконцентрировалось свыше половины всего населения Бразилии.

В 1729 г. здесь же были обнаружены алмазные россыпи, а еще позже – богатые месторождения железной руды. С 1700 по 1848 г. здесь было добыто 1300 т золота, а за весь колониальный период – 4 т алмазов. Естественно, все это ускорило и развитие смежных отраслей промышленности.

5.5. Креолаы, метисы, мулаты

В испанских и португальских колониях сложился пестрый этнический конгломерат, где социальные отношения переплетались с этническими. Господствующее положение в испанских колониях занимали «пиренейцы» – испанцы, которые родились в Испании и были направлены сюда чаще всего в качестве чиновников. Они занимали основные должности в аппарате управления.

Испанцы, которые родились уже здесь, в колониях, назывались креолами. Родиной для них была уже не Испания. Они были крупными землевладельцами, владели рудниками, плантациями, промышленными предприятиями, служили офицерами в местных вооруженных силах. К пиренейцам они питали зависть, иногда перераставшую в ненависть.

Индейцы находились в зависимом положении, которое началось с энкомьенды. Но индийская знать, особенно касики, по своему положению приближалась к креолам. Ей было доступно образование, а иногда они становились и землевладельцами.

Низшую ступеньку социальной лестницы занимали негры, которые обычно были рабами, а потом – сельскохозяйственными рабочими.

Промежуточное положение занимали метисы (от браков европейцев с индейцами) и мулаты (от браков европейцев и негров). Из них обычно состояла домашняя челядь, они были чернорабочими, но некоторые выбивались в мелкие предприниматели, особенно в сфере торговли.

В начале XIX в. 45% населения испанской Америки составляли индейцы, 19% – белые, 4% – негры, 32% – мулаты и метисы. Эта расовая и социальная неоднородность порождала конфликты и противоречия, послужившие важным условием войн за освобождение колоний.

5.6. Экономические причины и последствия освободительных войн

В 1808–1826 гг. почти одновременно во всех странах Латинской Америки происходит борьба против колониального господства Испании и Португалии, в результате которой колонии превращаются в суверенные государства.

Возглавили это движение за независимость не угнетенные и порабощенные массы, не индейцы и негры, которым было, в сущности, все равно, кто

их будет эксплуатировать, а креолы, землевладельцы и буржуазия. Противоречия между креолами и пиренейцами вылились в открытую войну. Креолы требовали ликвидации ограничений в занятии должностей, самоуправлении и даже автономии. Они не хотели оставаться людьми второго сорта.

Они добивались также ликвидации ограничений в развитии промышленности и внешней торговли. Промышленность стран Латинской Америки уже переходила на стадию мануфактуры, но законами метрополии разрешались лишь предприятия по производству грубых сортов ткани для рабов и пеонов, кожевенные заведения и мастерские по первичной обработке сырья, предназначавшегося на экспорт. Испания и Португалия, как и другие страны Европы, стремились сохранить колонии как источники сырья и рынок сбыта для метрополии.

Товары Латинской Америки, такие как сахар, кофе и другие, пользовались высоким спросом в Европе, но вывозить их разрешалось лишь в Испанию и Португалию на испанских и португальских судах. Конечно, в ликвидации этих ограничений были заинтересованы не индейцы и негры, не пеоны, а креолы, владельцы плантаций и промышленных предприятий.

Непосредственным толчком к освободительным войнам послужили два мировых исторических события: Великая французская революция и война за освобождение английских колоний в Северной Америке. Французская революция не только несла демократические, освободительные идеи. Войны Наполеона на Пиренейском полуострове обессилили Испанию и Португалию, и они уже не могли направить за океан солдат для подавления непокорных. А образование США служило примером: если колонии Англии добились независимости, то почему нельзя это было сделать и в остальной Америке?

Рассказ о перипетиях этих войн и их героях, таких как Симон Боливар, не входит в число наших задач, тем более, что события в каждой из стран развивались по-своему. Так, в Мексике монархия и республика дважды сменяли друг друга, и лишь в 1917 г. был окончательно установлен республиканский строй. Бразилия, куда бежал от Наполеона принц Жоан, на время стала центром Португальского государства, а Рио де Жанейро – его столицей. Лишь в 1891 г. Бразилия стала республикой. Диктаторские режимы в результате войн за освобождение были установлены в Аргентине и Гватемале.

Главным результатом освобождения от колониальной зависимости стало ускорение экономического развития. Были сняты ограничения в сфере промышленности и внешней торговли, и стали успешно развиваться основные отрасли промышленного производства. Таким образом, выиграла национальная буржуазия.

Правда, результатами освободительных войн воспользовались США, занимая освободившееся место, особенно в Мексике, где в 1911 г. 43% национального богатства контролировалось капиталом США.

Почти не изменилось в результате освободительных войн положение низов населения. Земля оставалась в руках крупных землевладельцев, а пеоны оставались пеонами. Огромные латифундии оставались необработанными, а продовольствия не хватало. В начале XX в. в Мексику ежегодно ввозилось из США около 4 тыс. т пшеничной муки и 230 тыс. т маиса – повседневной пищи простых людей.

Таким образом, от освобождения выиграла лишь верхушка общества. Социальный прогресс стал делом дальнейших преобразований.

* * *

Таким образом, за сравнительно короткий колониальный период своей истории страны Латинской Америки стремительно прошли основные стадии развития: рабовладельческий строй здесь сменился феодальным, затем капиталистическим. Но каждая из этих стадий имела существенные отличия от европейского пути развития, которые в значительной степени определялись сложным расовым составом населения.

Л и т е р а т у р а

1. *Альпероеич М. С.* О характере и формах эксплуатации индейцев в американских колониях Испании // Новая и новейшая история. 1951. № 1.
2. *Ковалев Е. В.* Генезис, эволюция и некоторые черты аграрных отношений в Латинской Америке // Вопросы истории. 1982. № 1.
3. *Лавров Н. М.* Мексиканская революция. М., 1972.
4. Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960.
5. Народы Америки. Т. 2. М., 1959.
6. *Томас А.Б.* История Латинской Америки. М., 1960.

6. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В НИДЕРЛАНДАХ

Российский царь Петр I не случайно отправился учиться ведению хозяйства по-европейски не куда-нибудь, а в Амстердам. Тогда это была столица страны № 1, самой экономически развитой европейской страны, которая выступала конкурентом Англии в борьбе за первое место на пути к капитализму.

Уже к началу XVI в. Нидерланды были одни из самых экономически развитых стран Европы. Нидерланды называли «страной городов», потому что горожане уже тогда составляли до половины всего населения.

Процесс перехода Европы к новой капиталистической экономике начался с двух сторон – с юга и севера. В остальной Европе сохранялось господство феодальных отношений. Первоначально лидером выступал юг – Генуя, Венеция, Флоренция. Несомненно, одной из причин этого лидерства было наследие римской цивилизации. Второй причиной – сохранившиеся связи с Востоком.

После и в результате Великих географических открытий экономический центр Европы перемещается на север – сначала в Нидерланды, затем в Англию.

Это перемещение сопровождалось переходом от процветающих городов к процветанию территорий. Экономические успехи Венеции или Флоренции не были успехами всей Италии, а Антверпен был лишь столицей процветающих Нидерландов. Не только этот город, но вся территория страны была вовлечена в новые экономические отношения.

Но развитие северной и южной частей Нидерландов существенно различалось. Наиболее развитой была южная часть – Фландрия и Брабант – старый район суконной и полотняной промышленности. Уже к началу XII в. в этих отраслях преобладала капиталистическая мануфактура рассеянного типа. Она развивалась в сельской местности, потому что в городах развитие текстильной промышленности сдерживалось как цеховыми ограничениями, так и конкуренцией со стороны крестьянских промыслов, продукция которых отличалась крайней дешевизной. Поэтому в городах была сосредоточена преимущественно окончательная обработка тканей, в частности, ситцевое производство.

Кроме того, здесь развивалось производство мыла, стекла, оружия и ковров. В тех производствах, которые требовали сложного оборудования, уже

рождались централизованная мануфактура, в частности, в сахарном, стекольном, оружейном.

Примером крупных централизованных предприятий может служить типография Плантена в Антверпене, столице Нидерландов. Здесь было занято до 50 наемных рабочих, книги выпускались массовыми тиражами на 13 языках и шли в значительной степени на экспорт.

Другой пример крупного предпринимательства – компания Схоонбека по реконструкции городских укреплений с капиталом в 2 млн гульденов. Компания имела свои кирпичные и известковые заведения, лесные вырубки и даже 20 пивоварен.

В импорте Антверпена готовые изделия составляли 30%, в экспорте – 70%. В отличие от промышленности других стран, обслуживавшей преимущественно местные потребности, промышленность Нидерландов работала на экспорт.

Тем не менее аграрный сектор хозяйства Нидерландов по стоимости продукции не уступал промышленному, что соответствовало распределению населения, половину которого составляли сельские жители.

В сельском хозяйстве Нидерландов все более преобладающим становилось товарное производство. Еще сохранялись элементы сеньориального строя, но росла доля земли, сдаваемой в аренду, росло землевладение горожан, которые скупали пригородные земли для налаживания товарного животноводства. В деревне интенсивно выделялась богатая верхушка крестьян, которые становились фермерами, налаживая товарное производство.

Нидерланды импортировали зерно и экспортировали продукцию животноводства. Собственное зерновое производство не обеспечивало хлебом страну, до четверти потребляемого зерна приходилось ввозить, потому что гораздо выгоднее было производить мясные продукты, сыр, масло, значительная часть которых шла на экспорт.

Антверпен был мировым центром торговли, и даже у крупнейших промышленных предпринимателей до 80% капитала было вложено в сферу торговли. Мощным стимулом роста торгового могущества Антверпена стали Великие географические открытия. Как уже сказано, Испания и Португалия не имели достаточно развитого товарного производства, чтобы в обмен на колониальные товары отправлять за океан свои. Поток золота и пряностей шел, минуя Испанию и Португалию, в центр мировой торговли – Антверпен. Португальские каравеллы с грузом перца и пряностей находились еще в пути, а их груз был уже оплачен антверпенскими купцами.

К тому же революция цен со значительным опозданием достигала глубинных районов раздробленной Германии, и антверпенские купцы по дешевке скупали там зерно, наживаясь на разнице цен.

Север Нидерландов, наиболее крупными частями – провинциями которого были Голландия и Зеландия, отставал в экономическом развитии. Это была страна бедная, болотистая, постоянно заливаемая морем. Современник писал: «Земля низкая, все реки и крупные каналы текут между дамбами, так что текут они не на уровне земли, а во многих местах с крайним удивлением видишь воду выше земли». Другой современник утверждал, что Голландия «никогда не располагала, чем накормить и во что одеть четверть своих подданных» (2, с. 175).

В основном здесь были развиты рыболовство и судостроение. Голландские рыбаки ловили селедку и снабжали этим благочестивым товаром католическую Европу на время постов. К рыболовству толкала бедность земли, бедность природных условий. Крестьяне не могли существовать только за счет сельского хозяйства. А рыболовство давало Голландии отличных моряков, с детства приученных к морю, и вызывало потребность в судостроении. Голландия «вышла из моря, оттуда же почерпнула она свою силу» [2, с. 187].

Таким образом, к началу XVI в. север Нидерландов отставал. Но он имел существенные преимущества, которые давали больше возможностей дальнейшего развития.

1. Если развитие мануфактур на юге тормозили цеховые ограничения, то в Голландии цеха не получили полного развития, и условия для мануфактурного производства были лучше. Поэтому, хотя мануфактуры здесь возникли позже, но развивались быстрее: мануфактуристы юга постепенно переселялись на север.

2. Север Нидерландов представлял исключение в экономической истории – здесь практически не было феодализма: крестьяне Голландии никогда не находились в феодальной зависимости. Одной из причин были те же природные условия: феодалы не стремились захватывать это заливаемое морем болото. А отсутствие феодалов ускоряло развитие производительных сил. Свободные крестьяне не только осушили болота, но и втрое увеличили территорию своей страны, строя дамбы и отвоевывая у моря большие площади земли – польдеры. (А когда в страну вторгнулся враг, голландцы разрушали дамбы и топили вражеских солдат на своих полях.)

В XVI в. сельское хозяйство севера Нидерландов уже не было натуральным: вся продукция шла на продажу. Это был район товарного хозяйства, который поставлял на рынок масло, сыр и другие продукты.

Строительство дамб требовало огромных затрат, поэтому вести натуральное крестьянское хозяйство на отвоеванной у моря земле было невозможно: оно не давало бы средств компенсировать затраченные расходы. Земля в польдерах сдавалась в аренду участками по 10–30 моргенов (5–15 га), и эти небольшие участки надо было использовать с наибольшей отдачей, т.е.

производить продукцию, которая пользовалась высоким спросом на рынке и обеспечивала высокую прибыль. Поэтому здесь выращивали красители (пастель и марену), лен, рапс, табак, овощи. Животных здесь кормили лучше, чем в других странах, и коровы давали до трех ведер молока в день, что было рекордом для Европы.

Эти обстоятельства сделали неизбежным перенесение экономических центров Нидерландов с юга на север.

Нидерланды в XVI в. входили в состав испанских владений, подчинялись испанскому королю. Сначала это было даже выгодно для Нидерландов, потому что, пользуясь своей принадлежностью к Испании и отсталостью Испании, Нидерланды наладили торговлю с испанскими колониями, получая огромные прибыли.

К середине XVI в. положение резко ухудшилось. Испанский король настолько увеличил налоги с жителей Нидерландов, что отсюда стало поступать в Испанию в 4 раза больше доходов, чем из всех заокеанских колоний. К тому же в Нидерланды проникла испанская инквизиция со всеми ее ужасами. Католическая церковь служила оплотом господства Испании, тогда как здесь распространялся кальвинизм – одна из разновидностей протестантизма, отражавшего интересы развивавшейся буржуазии. Конечно, с точки зрения католицизма, кальвинизм считался ересью. Сложившаяся ситуация ярко описана у Костера в его «Тиле Уленшпигеле».

Все это вызвало буржуазную революцию, которая проходила в форме национально-освободительной войны против господства Испании. Следует заметить, что буржуазные революции нередко имеют форму борьбы с внешним врагом. В Нидерландах роль феодальной верхушки, тормозившей экономическое развитие страны и угнетавшей местное население, играла испанская, колониальная по сути дела, администрация.

Война длилась почти всю вторую половину XVI в. Для подавления революции сюда прибыл герцог Альба, который казнил около 20 тысяч жителей Нидерландов. Людей, которые выступали против Испании, обвиняли в ереси. Имущество казненных конфисковывалось в пользу испанского короля, причем не скрывалось, что это – способ пополнения испанской казны, поэтому репрессии направлялись преимущественно против богатых людей.

В 1569 г. Альба попытался ввести новый налог – алькабалу: 10% от всех торговых сделок следовало уплачивать в испанскую казну. Поскольку товар обычно перепродавался несколько раз на пути к потребителю (например, сукно проходило через 7 посредников), алькабала парализовала экономическую жизнь. Собрать налог не удалось: там, где испанская администрация контро-

лировала положение, лавки и промышленные заведения закрывались, торговля прекращалась, а в охваченных восстанием районах, естественно, налог никто не платил.

Основным очагом сопротивления стал север Нидерландов, особенно Голландия и Зеландия. Именно здесь были затоплены польдеры, и в 1576 г. 2/3 Голландии оказались под водой. Именно здесь развернулось движение «гёзов» – нищих. После того как один испанский аристократ обозвал голландских дворян нищими, восставшие сделали это слово своим знаменем. Особенно значительный ущерб Испании наносили «морские гёзы»: уже тогда флот Голландии был достаточно сильным, чтобы парализовать морскую связь Испании с Нидерландами – ведь сухопутной границы между ними не было.

Революция победила на севере Нидерландов. В 1576 г. была образована республика семи провинций, руководящее положение в которой заняла Голландия, поэтому и все объединение республик стали все чаще называть Голландией. Генеральные штаты, союзный парламент нового государства, провозгласили независимость объединенных провинций от испанского короля Филиппа и его администрации. Так возникла первая в Европе буржуазная республика, если не считать средневековых городов-коммун. Земли католической церкви и домениальные владения короля были конфискованы в пользу народа. Была провозглашена свобода вероисповедания.

Демократические порядки новой власти казались для того времени необычными. Генеральные штаты, состоявшие из представителей провинций, формально не имели реальной власти над ними. Провинции считали себя суверенными и самостоятельно решали свои дела. Но для экономического развития такие порядки оказались вполне эффективными.

В противоположность пышным дворам европейских монархов новая власть отличалась внешней скромностью. Современник поражался, что великий пенсионарий Голландии, глава представительства Голландии в Генеральных штатах и фактический глава объединенной республики, не отличался внешне «от самого заурядного горожанина», а глава голландского военного флота – «от самого рядового капитана корабля» [2, с. 198].

Разорив юг Нидерландов, Испания ускорила перенесение экономических центров на север. Спасаясь от разорения, промышленники-мануфактуристы эмигрировали в Голландию. Антверпен перестал быть мировым центром торговли. Торговля Антверпена преимущественно была в руках иностранцев – итальянских и германских купцов. Когда испанцы в 1576 г. захватили Антверпен и перекрыли устье Шельды, эти иностранные купцы покинули город: им там больше нечего было делать. Антверпенская биржа закрылась. Ее

здание сначала заняла городская библиотека, а позже там разместились станки для выделки ковров. К 1645 г. численность населения сократилась вдвое по сравнению с временами процветания – со 100 тыс. до 57 тыс. жителей.

Мировым центром торговли теперь стал Амстердам. Будучи, хотя и не прямым, преемником торгового лидерства Венеции, Амстердам был сам похож на Венецию. Он был тоже расположен на островах, пронизан каналами, а пресная вода доставлялась сюда судами – лихтерами. Но амстердамская гавань была забита судами. Современник писал о тысячах кораблей, «коих мачты и снасти образуют как бы род леса, столь густого, что через него едва пробивается солнце» [2, с. 181].

Нидерландская республика (Голландия) испытывает стремительный, хотя и короткий, экономический взлет. В южной части Нидерландов, которая впоследствии составила основу Бельгии, революция потерпела поражение, и господство Испании сохранилось.

Едва оформившись как самостоятельное государство, Голландия начинает активную колониальную экспансию. Уже в 1595 г. она отправляет первую экспедицию в Индонезию, пока не завоевательную, а торговую. Уже в 1596 г. пряностей в Амстердам было доставлено столько, что их цены упали на 40%.

В 1602 г. была основана акционерная Ост-Индская компания. Эта компания стала государством в государстве. Она имела свой флот, свою армию, чеканила свою монету, заключала договора с другими государствами. И неудивительно: во главе компании стояли те же люди, которые управляли республикой.

Главными колониями компании стали Моллукские и Зондские острова, а в окружающих морях, в Индии, Индокитае и Японии она имела опорные базы. Столицей колониальной империи стала Батавия на острове Ява.

Таким образом, на Востоке Голландия стала преемницей Португалии. К середине XVII в. португальцы были окончательно вытеснены из всех своих прежних владений. Чем объяснялась колониальная победа Голландии? Ведь значительного избытка населения для организации переселенческих колоний у Голландии тоже не было. Голландцы, как и португальцы, наживались на том, что везли в Европу пряности, заготавливаемые трудом местного населения.

Основной причиной вытеснения португальцев из стран южных морей было то обстоятельство, что в Португалии сохранилось господство феодальных отношений, сковывавших предпринимательскую инициативу, тогда как Голландия была растущей капиталистической страной. Ее огромные капиталы (капитал Ост-Индской компании в 1699 г. был эквивалентен 64 тоннам золота) давали несоизмеримо больше возможностей, чем ограниченные средства португальских купцов и моряков. С ее огромным флотом (свыше

160 кораблей) не могли конкурировать немногочисленные корабли португальцев.

И методы голландского колониализма отличались от португальского. Политика Ост-Индской компании была характерна гибкостью, мягкостью, использованием местных обычаев. Поэтому даже в период изоляции Японии от внешнего мира, когда европейцы не допускались в эту страну, голландцы там закрепились и вели успешную торговлю.

Первоначально пряности – перец, гвоздика, корица, мускатный орех – просто закупались у местного населения, которое заготавливало их в лесах. Использовать для этого принудительный или наемный труд было невозможно. Голландцы покупали готовую продукцию, не организуя производство. Со временем они переходят к организации плантаций, а чтобы поддержать на высоком уровне цены на пряности, они безжалостно уничтожают дикие заросли этих растений. Мало того, часть пряностей, уже доставленных в Амстердам, сжигалась тут же в порту, чтобы не допустить падения цен, и современник писал, что там всегда был приятный аромат от сжигаемых пряностей.

Во владениях голландцев не было дикорастущего кофе. Кофе доставлялся в Европу из Мокко сложным путем через несколько посредников. Голландцам удалось добыть несколько кофейных кустов в Йемене, высадить их на Яве, и в конце XVII в. остров был покрыт кофейными плантациями.

Таким образом, голландцы не только скупали местные товары, но и организовали их производство. Правда, на плантациях использовался труд рабов, что, впрочем, в то время было явлением обычным. Чтобы пополнить состав рабов на плантациях острова Ява, компания захватывала детей на острове Целебес. Похищенные выдерживались до определенного возраста в тайных «питомниках», а потом отправлялись на плантации.

Пряности пользовались повышенным спросом в Европе не только из-за своей экзотичности. Они обладали способностью отбивать дурной запах несвежих продуктов, возбуждать аппетит. Они использовались как медицинские снадобья. Если первоначально это был показатель роскоши для аристократии, то затем именно в силу своей престижности стали обычной приправой у зажиточных людей. Из колоний стали вывозить и новое красильное вещество – индиго, «чертову краску», как его называли. За пользование им, как опасным ядом, вначале полагалась смертная казнь, но в XVII в. индиго стало широко употребляться в текстильной промышленности Европы.

Пряности продавались в Европе в 8–10 раз дороже, чем обходились компании, но доходы акционеров были не столь велики, как можно было ожидать: в колониях приходилось содержать целую армию чиновников. Средний дивиденд на акции составлял около 20% годовых.

Значительно менее успешными были действия основанной в 1621 г. Вест-Индской компании, сферой действия которой должны были стать западное побережье Африки и восточное побережье Америки. Голландцы на короткое время овладели Бразилией, но уже в 1654 г. были вынуждены уступить ее Португалии. Непрочным оказалось положение Вест-Индской компании и захваченной ими части Гвианы. Эта колония неоднократно переходила в руки англичан, а затем возвращалась голландцам, причем это сопровождалось восстаниями негров, которые работали на плантациях.

В 1626 г. Вест-Индская компания купила у индейцев остров Манхеттен за 60 гульденов (24 доллара) и основала город Новый Амстердам. Здесь голландцы успешно скупали пушнину у индейцев. Только в 1632 г. отсюда было вывезено мехов на 140 тыс. гульденов. Однако для организации прочной переселенческой колонии не хватало людей. В 40-х гг. XVII в. в Новом Амстердаме насчитывалось 120 домов и тысяча жителей, да в окрестностях находилось 50 ферм. В 1664 г. Новый Амстердам был захвачен Англией и стал Нью-Йорком.

Вест-Индская компания была ликвидирована в 1674 г., имея огромные долги и вернув своим акционерам лишь 15% их капитала.

Маленькая Голландия не могла проглотить сразу Индийский океан, бразильские леса и еще кусок Северной Америки.

Однако вернемся к хозяйству собственно Голландии. После победы революции кроме судостроения и рыболовства здесь стала развиваться текстильная промышленность (суконная, полотняная и шелковая), потому что сюда теперь переселялись не только мануфактуристы из южной части Нидерландов, оставшейся под испанским господством, но и гугеноты из Франции и протестанты из других стран, спасаясь от гонений со стороны католической церкви. Здесь, в Голландии – свобода вероисповедания, а протестантство – это религия буржуазии. Развиваются здесь также сахарная и табачная промышленности на колониальном сырье.

Но особенно успешно росло судостроение. Голландия стала мировым центром, судостроения. Здесь ежегодно строилось до тысячи судов, хоть всю продукцию страны можно было вывезти на ста судах. На голландских верфях рождается судно нового вида «флейта», судно дешевое, не очень маневренное, но большой грузоподъемности и требующее значительно меньшего экипажа, чем суда прежних конструкций.

Однако главную роль в Голландии играл не промышленный, а торговый капитал. Голландия стала мировым центром торговли. Ей принадлежало 60% мирового торгового флота. На севере Европы она стала преемницей Ганзы, которая была обескровлена в 30-летней войне и прекратила существование. Именно Голландия стала теперь, например, главным торговым парт-

нером России. В 1649 г. из 43 иностранных судов, прибывших в Архангельск, 30 были голландскими. Голландия держала в своих руках не только торговлю по северным морям, но и почти все морские перевозки по Средиземному морю.

Амстердам был хлебным амбаром Европы, хотя своего зерна Голландии не хватало для прокормления самих голландцев. Зерно сюда привозили из Германии, Польши, России, чтобы затем везти на юг Европы. Вино производилось в основном во Франции и Испании, но главные винные склады были в Голландии, и торговала вином Голландия. Лес в основном заготавливался в Прибалтике, но главные лесные склады были в Голландии и торговала лесом Голландия.

Даниэль Дефо называл голландцев мировыми перевозчиками и писал: «Большая часть их огромной торговли заключается в том, что они получают товары из всех частей мира, чтобы в свою очередь снабжать ими весь мир» [5, с. 67]. Короче говоря, Голландия стала мировым торговым посредником, все страны торговали через Голландию на голландских судах.

Голландия стала самой богатой страной, страной-банкиром. В Голландии было больше денег, чем во всей остальной Европе. Амстердамский банк стал общеевропейским центром кредита и давал займы всем государствам.

В Амстердаме рождается и первая в мире фондовая биржа, т.е. биржа, где торговали уже не товарами, а ценными бумагами – акциями, облигациями государственных займов. Сначала эти бумаги продавались на товарной бирже, а потом фондовая биржа выделилась в самостоятельный орган.

Биржевая игра для многих была привлекательна тем, что не надо было возиться с товарами, содержать штат приказчиков. Достаточно было предугадать падение или взлет тех или иных акций.

Но с начала XVIII в. Голландия постепенно теряет мировое значение. Ее торговое господство не соответствовало промышленному потенциалу. Текстильная промышленность, которая в Голландии занимала ведущее место, зависела от иностранного сырья, в частности, шерстяная – от английской шерсти. Когда Англия стала перерабатывать свою шерсть сама, голландские мануфактуры остались без работы. В XVIII в. на первый план выходит тяжелая промышленность, но для ее развития в Голландии не было ни железной руды, ни каменного угля. Развитие промышленности задерживало и то обстоятельство, что господствовавшая в стране торговая буржуазия не допускала протекционизма. Она была заинтересована в беспошлинном привозе дешевых товаров, которые только в этом случае можно было с выгодой перепродать.

Но главное – Голландия перевозила на своих судах чужие товары, а когда владельцы этих товаров стали их перевозить сами, построив собственные

торговые суда, голландцам перевозить стало нечего. Ведь английский «Навигационный акт» был направлен именно против Голландии, ее торгового посредничества.

Короче говоря, накопленные в Голландии капиталы так и остались в сфере накопления в торговле, не перелились в промышленность, и поэтому Голландия потерпела поражение в соревновании с Англией, потеряла свое лидерство.

Л и т е р а т у р а

1. Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI–XVIII вв. М., 1949.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 3. М., 1992.
3. История Европы. Т. 3. М., 1993.
4. Кулишер И. М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1916.
5. Мотълее В. И. Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
6. Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма. М., 1961.
7. Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937.
8. Чистозеоное А. Н. Бюргерство и буржуазия в Нидерландах (XV–XVII вв). Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984.

7. ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА В АНГЛИИ

В середине XVI в. по развитию промышленности Англия была одной из отсталых стран Европы. Она уступала в этом отношении не только Нидерландам, Италии и Франции, но и Германии и Испании.

И в XVII в. она оставалась преимущественно аграрной страной. По расчетам Петти, капитализированная рента с земли здесь была в 5 раз больше остального капитала. Даже в начале XVIII в. Джон Смит писал: «Великобритания отличается от Голландии как деревенский арендатор отличается от лавочника» [3, т. 4, с. 14]. И путь Англии к капитализму, к положению самой индустриальной страны мира начался с сельского хозяйства, с коренной ломки феодальных отношений. Традиционная структура феодал–крестьянин здесь превратилась в структуру лендлорд–рабочий или лендлорд–арендатор–рабочий.

В XVI в. сельское хозяйство стало очень выгодным объектом капиталовложений. Это и послужило основной причиной огораживаний, ликвидации натуральных крестьянских хозяйств. Произошел переход к товарному производству, а разоренное крестьянство стало основным источником формирования дешевой рабочей силы. В этом процессе особо важную роль сыграло развитие овцеводства. Недаром спикер палаты общин английского парламента стал сидеть на мешке с шерстью.

Исходной позицией здесь служила та же феодально-общинная система, что и в других странах. Согласно закону верховным собственником земли феодальной вотчины – мэнора считался его владелец – лорд мэнора. Крестьянин-виллан, живший на территории мэнора, был держателем виргаты, пахотной земли размером от 18 до 80 акров. Виргата состояла из полос в общинных полях, которые после уборки урожая превращались в общинное пастбище. Этому порядку подчинялся и лорд мэнора, пахотная земля которого тоже состояла из разбросанных полос в общинных полях и тоже после уборки урожая включалась в общинное пастбище. Владелец виргаты мог пользоваться и всеми остальными угодьями на территории мэнора – пустошами, лугами и лесами. За пользование землей виллан платил традиционную ренту в формах барщины и оброка. Эти повинности так срослись с наделом, что было безразлично, держит надел виллан или свободный, т. е. если в руки свободного человека переходил надел виллана, новый владелец должен был выполнять те же повинности.

Виллан мог вернуть землю своему лорду и становился независимым от него. Если виллан уходил из мэнора, лорд терял над ним власть. От денег, заработанных вилланом на стороне, господину не доставалось ни пенни.

Коммутация здесь заключалась, в сущности, в ликвидации барщинной повинности: именно барщина служила основным проявлением крепостной зависимости. Ход коммутации был прерван черной смертью XIV в., которая унесла до половины населения Англии и резко повысила цены на труд. Английские лорды попытались восстановить барщину взамен денежных платежей, поскольку обработка земли наемным трудом стала слишком дорогой, но это вызвало крестьянское восстание 1381 г., и от реставрации традиционных феодальных порядков пришлось отказаться.

Между тем в распоряжении лордов оказалось много выморочной земли, а использовать и для ее обработки наемный труд было слишком дорого. Оставался единственный выход – сдать эту землю в аренду. В результате черная смерть лишь ускорила капиталистическую перестройку мэнора.

И для использования наемного труда, и для сдачи в аренду не годились разбросанные среди крестьянских полей полоски, надо было иметь определенный единый участок земли в полном распоряжении. Чтобы получить такой участок, феодалы, как и в других странах, огораживают в свою пользу часть общинных пустошей и пастбищ. Поскольку это была земля общая, ее легче было отобрать, чем пахотные владения крестьян. Мартовский статут 1235 г. разрешал лордам огораживать общинные владения в свою пользу, если для фригольдеров, крестьян, имеющих наследственные владения, оставалось достаточно земли для пастбищ. Эту оговорку, конечно, можно было толковать в пользу лорда: ведь он был верховным хозяином земли мэнора.

Вторым направлением огораживаний стало выделение домениальной пашни из общинных полей для лучшей ее обработки. При этом крестьянское пастбище сокращалось дополнительно: ведь на выделенное и огороженное господское поле после уборки урожая нельзя было выгонять крестьянский скот.

Процесс огораживаний приобрел массовый характер в XVI в., когда он охватил и пахотные земли крестьян, и сопровождался стгоном части крестьян с земли мэнора. Этот процесс был ускорен секуляризацией церковных земель в 30–50-х гг. XVI в. В ответ на отказ Римского Папы утвердить развод Генриха VIII с Екатериной Арагонской парламент в 1534 г. объявил, что церковь в Англии больше не подчиняется папе. Согласно этому решению главой церкви становился английский король. Церковь, таким образом, становилась частью государственного аппарата. Следующими актами парламента в 30-х гг. в Англии были закрыты католические монастыри.

А этим монастырям, которых насчитывалось здесь около 650, принадлежала треть сельскохозяйственных угодий в Англии. Монастырские земли были частью розданы фаворитам короля, частью проданы. Новые землевладельцы не обязаны были соблюдать прежние установленные в монастырских владениях обычаи. Они могли менять сроки крестьянских держаний, повышать ренту, превращать феодальные держания в аренду и даже просто сгонять крестьян с земли. В результате значительная часть крестьян потеряла земельные владения.

Вторая волна массовых огораживаний началась к концу XVI в. и была непосредственно связана с «революцией цен», резко понизившей реальную величину феодальной фиксированной ренты и повысившей цены на шерсть и другие сельскохозяйственные продукты. Цены на шерсть за XVI в. выросли в три раза. Именно теперь земля огораживалась ради расширения пастбищ для овец и производства шерсти на продажу.

Налаживание рационального земледельческого хозяйства с наемным трудом как для самого лорда, так и для его арендатора требовало определенных агротехнических знаний, значительного количества сельскохозяйственных рабочих, контингент которых только еще начинал формироваться. Гораздо проще было использовать полученную землю в качестве пастбища для овец. Для этого было достаточно купить несколько сотен овец и нанять несколько пастухов.

Перестройка мэнора в товарное хозяйство стала главной причиной сохранения крупного землевладения лендлордов, которое не было подорвано даже в результате буржуазной революции.

Способствовало огораживанием и то обстоятельство, что крестьяне Англии находились в разном правовом положении. В XVI в. 20% крестьян составляли фригольдеры – наследственные держатели земли. Их права на землю приближалось к праву собственности. Они были обязаны платить лорду строго фиксированную ренту. Часть фригольда относилась даже к рыцарским держаниям, т. е. достаточно богатый фригольдер считался дворянином.

Большинство же крестьян в Средней Англии составляли копигольдеры – держатели «по воле лорда», т. е. по закону они могли быть даже изгнаны со своего надела. Это выражалось в том, что копигольд закреплялся за владельцем лишь на определенный срок (обычно на 21 год). На этот срок устанавливалась фиксированная рента. По истечении же этого срока или при передаче по наследству после смерти хозяина кроме уплаты определенной «передаточной» суммы лорду условия держания устанавливались заново, причем величина ренты, как правило, резко повышалась.

Рента копигольдеров за столетие возрастала в 4–6 раз. Во столько же раз увеличивались «вступные» платежи, и в конце XIV в. средняя рента с акра

земли составляла 4 пенса, в середине XVI в. – 9 пенсов, а в 1621 г. – 28 пенсов. Рента постепенно поднималась почти до уровня арендной платы. Но даже во второй половине XVI в. средняя величина ренты (оброка) была в 6 раз ниже арендной платы.

В одних случаях копигольдер превращался в арендатора собственного хозяйства, в других сохранял лишь приусадебное хозяйство, становясь наемным работником того же лорда, а нередко разорялся полностью, пополняя ряды пауперов, бродяг.

Впрочем, были и богатые копигольдеры, державшие по 250–300 акров. Дело в том, что в аренду сдавались не только земли домена, но и крестьянские наделы. А как уже говорилось, если участок земли продавался или передавался в аренду, на его нового держателя переходили повинности, связанные с участием, и новый пользователь копигольда считался копигольдером.

Таким образом, часть копигольда переходила в руки предприимчивых людей, которые использовали землю в коммерческих целях. Это были не крестьяне. Часто это были люди из города. «О, если бы купец, – писали в одной из своих жалоб крестьяне, – ограничивался бы лишь торговлей и оставил землю тем, кто добывает на ней свой хлеб!»

Значительную часть арендаторов составляли новые дворяне, джентри, имевшие титулы «эсквайр», «рыцарь». Эти арендаторы не были крестьянами не только по происхождению, но и по методам ведения хозяйства. Если крестьяне «добывали свой хлеб», ведя натуральное хозяйство, то арендовалась земля для организации товарного фермерского хозяйства. И не только для овцеводства. Только за первые 30 лет XVII в. цены на пшеницу возросли вдвое, и даже при высокой арендной плате выручка от продажи этой пшеницы существенно превышала расходы на аренду. Росла и урожайность. С 1466 по 1612 г. средний урожай пшеницы вырос с 8–8,5 до 11 бушелей с акра.

Короли династии Тюдоров пытались ограничить огораживание и разорение крестьян. Законом 1515–1516 гг. предписывалось даже заново распашивать земли, превращенные в пастбища, и восстанавливать разрушенные ранее деревни. Закон 1534 г. запрещал держать больше 2 тыс. овец. Тюдоры старались сохранить крестьянство как основной источник поступления налогов в казну и как основу наборов в армию. Дело в том, что в Англии в XVI в. не было постоянной сухопутной армии. Здесь сохранялось ополчение, которое комплектовалось из подданных короля в соответствии с их достатком и экипировалось за их же счет, подобно тому, как это практиковалось в Античном мире. Разоренный крестьянин переставал быть воином.

Но суровые законы против огораживаний, как правило, не соблюдались. Дело ограничивалось штрафами в пользу казны. Правда, Елизавета в 1583 г. существенно повысила величину этих штрафов.

И крестьяне сами, конечно, сопротивлялись огораживаниям, поднимая восстания. Например, во время восстания в Норфольке в 1549 г. крестьяне потребовали исключения лордов из общин, чтобы сделать невозможным огораживания общинных земель.

Впрочем, следует оговориться, что массовый характер огораживания приобрели в центральной и восточной Англии – в овцеводческих районах. На севере и юго-западе страны они не имели такого массового характера.

Ускорил процесс огораживаний и стремительный рост «нового дворянства», джентри. Дело в том, что в Англии, в отличие от других стран, человек считался дворянином не по происхождению, не по родовитости, а по имущественному положению, по величине земельных владений, по возможности вести образ жизни, достойный дворянина. Как уже говорилось, разбогатевший крестьянин был даже обязан вступить в состав дворянства. Основу «нового дворянства» и составили предприимчивые люди, которые шли в деревню, захватывая земли для организации товарного производства. Это они скупали монастырские земли, арендовали домены старых лордов.

Ускорила этот процесс война Алой и Белой Розы (1455–1485 гг.), в ходе которой многие старые дворянские роды были истреблены. Выморочные земли скупались «новыми дворянами». После войны даже в составе высшей аристократии стали преобладать джентри. Больше половины палаты лордов в 1649 г. составляли люди, получившие титул после 1603 г. Высший дворянский титул можно было купить, и даже существовала такса на эти титулы. «Новое дворянство» стало основной опорой династии Тюдоров, занявшей трон в результате этой войны. Если старое дворянство служило базой сохранения традиционных феодальных порядков, строя мэнора, то новые дворяне занимались товарным производством, торгуя шерстью и другими сельскохозяйственными продуктами, успешно используя наемный труд. Джентри не противостояли буржуазии города, они сливались с ней, имея общие интересы. И если на континенте дворянин презирал купца, то джентри одного из сыновей отправлял на учебу к купцу.

Развитие промышленности в Англии было следствием аграрного переворота. Ведь первоначально главной отраслью промышленности стало сукноделие, сырье для которого давало скотоводство.

Но и эта отрасль возникла не сразу. Сначала шерсть английских овец направляли во Фландрию, в Нидерланды. Затем купцы-скупщики стали доставлять туда грубые сукна, изготовленные в английских деревнях, а в Нидерландах они проходили окончательную обработку. И только потом те же купцы стали заводить собственные аппретурные мастерские. И если, с одной стороны, сукноделие было следствием аграрного переворота, то с другой – одним из его стимулов.

В середине XIV в. Англия ежегодно экспортировала 32 тыс. мешков шерсти и 5 тыс. кусков сукна, а в середине XVI в. – 5–6 тыс. мешков шерсти и 122 тыс. кусков сукна. Теперь сукна вывозилось больше, чем шерсти, причем ткани и шерсть вместе составляли свыше 80% английского экспорта. В XIII в. Англия обогнала Нидерланды по производству шерстяных тканей [2, т. 4, с. 314; 6, с. 76; 9, с. 47],

Развитию суконной промышленности способствовали массовые переселения спасающихся от континентальных войн суконщиков в Англию. В XIV в. это была Столетняя война, вызвавшая массовую эмиграцию суконщиков из Фландрии, в XVI в. – репрессии герцога Альбы в Нидерландах и гугенотские войны во Франции.

Суконная промышленность первоначально развивалась в сельской местности не только и не столько из-за цеховых ограничений в городах. В районах овцеводства для крестьян это был важнейший побочный промысел, значение которого возрастало в условиях их обезземеливания. Сырье было на месте, скупщики уже регулярно приезжали за шерстью, а продавать им даже грубые сукна было выгоднее, чем шерсть,

Суконщик выступал и в качестве организатора рассеянной мануфактуры. Он не только скупал готовые ткани, но и давал заказы на их производство и даже снабжал шерстью, которую покупал здесь же. Ведь коттеры, которые в результате огораживаний сохранили лишь дома и приусадебные хозяйства, не имели пастбищ для собственных овец, а именно коттеры особенно нуждались в заработке, который для них был основным, а не побочным источником существования. Таким образом, развитие рассеянной мануфактуры в сельской местности было прямым следствием огораживаний.

А городские ремесленные цеха испытывали капиталистическое перерождение. Выделялась цеховая верхушка, связанная с купеческим капиталом. Возникали раздаточные конторы, которые снабжали сырьем остальных суконщиков и принимали их продукцию для реализации. Часто господствующее положение в цехах занимали владельцы аппретурных заведений, которые подчиняли себе прядильщиков и ткачей, поскольку именно они владели выходом на рынок. В городах Англии появились «ливрейные компании», купеческие объединения, замаскированные под ремесленные цеха.

Именно здесь, в городах возникают централизованные мануфактуры. На мануфактуре Уинчкоба в Ньюбери в конце XVI в. было занято свыше тысячи рабочих – ткачей, прядильщиц, сукновалов, чесальщиц шерсти, красильщиков. Сортировкой шерсти занимались «дети бедных, слабых родителей», получая за труд нищенскую зарплату. Таким образом, в одном предприятии здесь объединялись все операции по производству тканей.

Известно, что предприниматели арендовали помещения закрытых монастырей для организации текстильных мануфактур. Очевидно, это были централизованные мануфактуры.

В XVII в. сукноделие охватило почти всю Англию, и наметилась специализация районов по производству определенных тканей. На востоке производились тонкие окрашенные ткани на экспорт, на западе – тонкие неокрашенные, которые для окончательной обработки вывозились в Голландию. На севере изготавливались грубые виды сукна для сбыта на внутреннем рынке.

Развивались в Англии и другие отрасли мануфактурного производства, причем многие из них были перенесены сюда с континента. Так, бежавшие из Франции гугеноты основали здесь производство шелка, стекла, бумаги. В этих новых для Англии отраслях производство нередко возникало сразу в форме централизованных мануфактур.

Металлургия, особенно цветная (олово, свинец, медь), развивалась на основе местных промыслов. Черная металлургия пока росла довольно слабо и давала железо низкого качества. Одной из причин были недостаток и дороговизна древесного угля. Англия железо пока вывозила из Швеции. В этих условиях особое значение приобретала добыча каменного угля (в районе Ньюкасла и графстве Глостер). Правда, этот уголь пока применялся преимущественно для отопления жилищ, а решающее значение для развития металлургии он приобретет лишь в ходе промышленного переворота. К началу XVII в. по добыче угля Англия вышла на 1-е место в Европе. В начале XVI в. в угольной промышленности было занято 5 тыс. человек, в конце века – 30 тысяч.

Возрастала специализация городов на определенных отраслях промышленности. Металлические изделия в основном готовились в Бирмингеме и Шеффилде, стекло и мыло – в Лондоне и Бристоле, шелк, полотно и кожаные изделия – в Нориче и Кольчестере.

Развитию хозяйства Англии, формированию единого национального рынка способствовало то обстоятельство, что здесь почти не было феодальной раздробленности с многочисленными пошлинами на границах мелких государственных образований. По территории Англии товары перевозились свободно, т. е. рано сформировался единый внутренний рынок. Дополнительным фактором была дешевизна морских перевозок в условиях островного положения страны. Когда не было не только железных, но и налаженных сухопутных дорог, перевозка массивных грузов на дальние расстояния была возможна почти одним только водным путем. В Англии же основные хозяйственные центры были расположены если не на морском берегу, то на реке близ впадения ее в море. Поэтому любой товар можно было дешево доставить из одного района в другой.

Еще одним фактором развития как промышленности, так и товарного сельского хозяйства была дешевизна рабочей силы. И дело не только в том, что в результате «революции цен» реальная величина заработной платы резко сократилась: в 1600 г. средняя заработная плата составляла лишь 47% реальной зарплаты 1500 г.

В результате огораживаний значительная часть крестьян потеряла не только свои хозяйства, но и жилища. Эти крестьяне перестали быть крестьянами, были вытолкнуты из сферы сельского хозяйства, превратились в бродяг, пауперов, без земли, без домов, без средств к существованию.

Это было нарушением норм феодального права. Право феодальной собственности на землю – это право на получение ренты с этой земли. Феодал не имеет права сгонять крестьянина с его земли, потому что феодальное право предусматривает двух собственников – крестьянина и феодала. К. Маркс писал, что на таком же основании английский король мог выгнать англичан в море: ведь Англия – его владение [7, с. 740]. Феодальное право собственности приближалось к праву короля на свою страну. Но английские обуржуазившиеся феодалы уже рассматривали свое право собственности на землю не как феодальное, а как буржуазное, т. е. полное.

Армия безработных бродяг была дополнена еще двумя контингентами. В результате ликвидации католических монастырей на большой дороге оказались тысячи монахов, которые, будучи носителями идеологии, теоретически обосновывали недовольство этих людей.

Наконец, усиливая центральную власть и кончая с элементами феодальной раздробленности, король распустил частные военные дружины феодалов, и часть этих бывших военных тоже оказалась на большой дороге. Обладая навыками военного дела, они нередко выступали организаторами разбойничьих шаяк. Все это нашло яркое воплощение в образах повести Марка Твена «Принц и нищий».

Зачем потребовались «законы о бродягах», чтобы загнать их на капиталистические предприятия? Разве экономическая необходимость не была достаточно надежной для этого? Но нужно учитывать, что преобладала тогда рассеянная мануфактура, рабочие которой работали по домам, имели соответствующее оборудование и производственные навыки. Это были люди, которые сохранили свои дома с приусадебными участками. Выгнанные из своих домов люди для такой работы не годились. А немногочисленные пока централизованные мануфактуры не могли поглотить массу обездоленных бродяг.

Эти люди могли существовать за счет нищенства, но нищенство людей трудоспособного возраста уже считалось преступлением, да и остальные имели право собирать подаяние лишь в районе своего места жительства (закон

1495 г.). Единственным выходом оставались грабеж, разбой, воровство. Криминогенная обстановка резко обострилась. Дороги Англии стали опасными.

Против роста преступности и были направлены законы о бродягах. Человека, не имеющего «законных» средств к существованию, надлежало ловить, избивать плетью, клеймить раскаленным железом, а если он попадал в руки властей в третий раз, – даже казнить. Это было логично: если человек не имеет «законных» средств к существованию, значит, он нарушает законы.

Однако следует обратить внимание на другие законы о бродягах. Согласно закону середины XVI в. бродяга отдавался в рабство тому, кто может доказать, что он является бродягой. Подписанный Елизаветой статут 1563 г. обязывал не имеющего определенных занятий человека в возрасте от 12 до 60 лет работать в сельском хозяйстве у любого нанимателя. Этот закон обеспечивал сельское хозяйство крайне дешевой рабочей силой. Ведь многие работы в сельском хозяйстве не требовали особой квалификации. Считалось, что каждый может выполнять эти работы с детства.

В мануфактурной промышленности для наемных рабочих был установлен 15-часовой рабочий день, а заработная плата определялась ежегодно решением мировых судей исходя из минимальных средств, необходимых для жизни. За превышение этой нормы заработной платы рабочий наказывался тюремным заключением. Рабочий, а не работодатель.

Это положение, в сущности, уже не относилось к законам о бродягах, а дополняло их. Централизованные мануфактуры еще не могли поглотить всю массу безработных бродяг, но закон обеспечивал крайне низкие затраты на оплату труда. Оказавшись в безвыходном положении, люди были вынуждены наниматься к мануфактуристам за самую низкую плату и на крайне тяжелых условиях.

Итак, традиционный строй мэнора разрушался, натуральное хозяйство крестьян сменялось товарным производством фермеров, в деревнях развивалась рассеянная, а в городах централизованная мануфактура. Не следует, однако, переоценивать капиталистические успехи Англии. К XVII в. население Англии составляло 4,5–5 млн, причем 4/5 этого населения составляли сельские жители. Единственным крупным городом пока оставался Лондон, но и в нем насчитывалось только около 200 тысяч населения.

Интенсивно развитие капитализма в деревне шло в центре и на юго-востоке. Север отставал в развитии. Лорды там продолжали жить преимущественно на феодальную ренту, сукноделие в форме крестьянских промыслов развивалось медленно, а города в основном играли роль административных центров.

Особенно отсталой в экономическом отношении была горная Шотландия. Там сохранялись феодально-патриархальные отношения с пережитка-

ми родового строя, родовыми общинами – кланами. Там сохранялось традиционное земледелие и частыми были неурожайные, голодные годы.

Развитию мануфактурного производства в Англии содействовала торговая политика английского правительства – повышение импортных пошлин на промышленные товары. Сначала такая политика называлась меркантилизмом. Ее целью было добиться активного баланса внешней торговли и притока в страну золота и серебра, т. е. увеличения национального богатства. Если высокие пошлины препятствуют ввозу иностранных товаров, а свои товары вывозятся беспрепятственно, то в стране от разницы ввоза и вывоза накапливаются драгоценные металлы, деньги.

С течением времени эта политика изменяет свою цель. Чтобы продать товар, надо сначала его изготовить. Следовательно, богатство страны создает производство товаров, а не продажа их. И целью политики становится не накопление золота, а содействие развитию промышленности. С такой измененной целью она называется уже не меркантилистской, а протекционистской или покровительственной – имеется в виду покровительство своей промышленности. А метод остается прежним – повышение импортных пошлин. Ограничивая пошлинами ввоз иностранных товаров, правительство создает относительный дефицит и повышение цен. Это ведет к повышению прибылей промышленников и ускоряет развитие промышленности.

Английское правительство повышает пошлины на ввоз шерстяных тканей и ограничивает вывоз шерсти. Одновременно поощряется потребление шерстяных тканей внутри страны. Был издан даже закон, по которому хоронить покойников следовало только в шерстяных саванах. И шерсть английских овец, которая прежде вывозилась в Нидерланды, теперь перерабатывается в Англии.

В XIV–XV вв. внешняя торговля Англии велась через иностранцев. Торговля со странами Северной Европы была в руках Ганзы, со странами Южной Европы – через венецианских купцов. В 1597 г. согласно решению Елизаветы ганзейцам было предписано удалиться из Англии. Венецианские купцы в результате Великих географических открытий перестали посещать Англию еще раньше, в начале XVI в. Теперь внешнюю торговлю Англии вели сами английские купцы, численность которых быстро возрастала. Если в середине XIV в. в Англии числилось только 170 богатых купцов, то в XVI в. – более 3 тысяч.

Теперь английские купцы активно торговали по всему миру, о чем свидетельствовали названия торговых компаний: Московская, Марокканская, Остзейская, Левантийская, Гвинейская, Ост-Индская. В частности, после экспедиции Ченслера Англия развернула обширную торговлю с Россией, выступая в качестве ее главного торгового партнера. Отсюда в Англию везли

сало, меха кожи, лен, пеньку, канаты. Канаты были особенно необходимы для растущего британского флота, поэтому в Вологде и Холмогорах англичане построили свои канатные дворы. Россия стала емким рынком сбыта для английского сукна. Кроме сукна сюда везли также сахар, бумагу, цветные металлы и другие виды продукции английских мануфактур.

Следует подчеркнуть, что в отличие от Венеции, Ганзы, Нидерландов Англия торговала своей продукцией, товарами собственного производства, поэтому развитие внешней торговли означало расширение рынка сбыта для английских товаров и являлось, в сущности, одним из проявлений протекционизма.

Вершиной английской торговой политики стал «Навигационный акт» Кромвеля (1651 г.), согласно которому ввозить товары в Англию или английские колонии разрешалось только на английских судах или судах тех стран, где эти товары производились. «Навигационный акт» был направлен против посреднической торговли вообще и особенно – против посреднической торговли Нидерландов, поскольку Ганза и Венеция к этому времени уже утратили свою роль мировых торговых посредников.

Англия – остров, поэтому ее внешняя торговля могла быть только морской. В 1545 г. Англия имела только 35 торговых судов водоизмещением свыше 100 т, а в 1629 г. – уже 350 таких судов. Тоннаж торгового флота Англии вырос с 37,4 тыс. т в 1588 г. до 487 тыс. т в 1760 г. [6, с. 107]. К XVIII в. Англия обогнала Голландию по величине торгового флота и вышла на первое место в мире.

Изменились и сами суда. Вместо громоздких судов с высокой надводной частью, «плавающих замков», здесь стали строить низкие маневренные корабли удлиненной формы.

С торговли начиналась и колониальная экспансия Англии. Принято считать, что именно в Англии одним из главных источников первоначального накопления капиталов было ограбление и эксплуатация колоний. Это парадоксально, поскольку Англия пока не имела заокеанских колоний. Как уже говорилось, она опоздала к процессу захвата заокеанских земель, и все колонии оказались в руках Испании и Португалии. Поэтому Англия пока была вынуждена действовать косвенными методами.

Во-первых, путем контрабандной торговли с чужими колониями. И не только контрабандной. В 1654 г. Кромвель заключил с Португалией договор, согласно которому английские купцы получили право торговать с португальскими колониями на равных правах с португальцами.

Во-вторых, огромные капиталы наживались путем работорговли. Английские купцы везли за океан не только промышленные товары, но и африканских негров-рабов. Именно для работорговли были основаны Марок-

канская и Гвинейская компании. Испанцы, перебив в Америке значительную часть местного населения, были вынуждены ввозить рабочую силу из Африки. Но сами испанские идалго гнушались работорговлей. Это дело взяли на себя англичане. Основатель этого промысла Джон Гоукинс получил за это звание рыцаря, причем на его гербе был изображен негр в цепях. Работорговля была очень выгодным занятием, потому что в Африке негры или просто захватывались в рабительских набегах, или обменивались у местных царьков за ром и безделушки. Прибыль в 100% за один рейс считалась невысокой, а нередко достигала 300 и более процентов.

Практиковалась так называемая «треугольная торговля»: из испанских колоний тропической Америки, где были плантации сахарного тростника, в колонии Северной Америки везли патоку. Здесь из нее делали ром. Ром везли в Африку и обменивали на рабов. Рабов везли в Америку, и история повторялась сначала. Иногда за один «треугольный» рейс прибыль доходила до 1000%. Негры укладывались на палубах или в трюмах «как ряды книг на полках». Около 30% негров погибало в пути. Заболевшие выбрасывались за борт еще живыми, чтобы избежать «порчи» остального груза.

В третьих, англичане промышляли пиратством против Испании. Пиратские нападения на испанские корабли, которые шли из колоний с грузом золота и пряностей, в Англии считались тогда патриотическим делом. Для снаряжения пиратских экспедиций создавались акционерные компании, в которых принимали участие не только купцы, но и высшие сановники и даже сама королева Елизавета. Пират Френсис Дрейк, совершивший второе в истории кругосветное плавание, стал адмиралом королевского флота.

Итак, первое время через контрабанду, работорговлю и пиратство англичане перехватывали у Испании часть награбленных в колониях богатств. Но этого Англии мало. Она стремилась иметь свои колонии и начала за них открытую войну с

Испанией. В конце XVI в. был разгромлен испанский флот «Непобедимая армада». После этого разворачивается открыто колониальная экспансия Англии. В начале XVII в. она захватывает колонии в Америке, а в конце этого века английская Ост-Индская компания начинает грабить Индию.

Первой британской колонией стала Ирландия. Для ее завоевания не надо было плыть за океан и участвовать в Великих открытиях. В Ирландии еще господствовали первобытнообщинные отношения. Земля находилась в собственности родовых общин – кланов и делилась для пользования между патриархальными семьями, из которых возникли кланы. К началу XVI в. англичанам принадлежала только юго-восточная прибрежная полоса острова, причем они вынуждены были платить «черную ренту» воинственным вождям соседних ирландских кланов, откупаясь от их набегов, потому что у

ирландцев уже наступило время строя военной демократии, а для этого периода характерны также грабительские набеги на соседей.

Но военные столкновения между кланами, характерные для этого строя, ослабляли страну. Этим и воспользовались англичане. В 1541 г. Генрих VIII присвоил себе титул короля Ирландии, включив вождей кланов в состав английской знати.

Затем начались конфискации земель. Воспользовавшись столкновением между вождями двух кланов, королева Мария Тюдор объявила это мятежом и конфисковала земли мятежников. Естественно, это никак не соответствовало родоплеменным отношениям, при которых земля не являлась собственностью вождей. Так продолжалось и далее, английские короли вмешивались в распри ирландских вождей, конфискуя у враждующих земли. При Елизавете такая политика, наконец, вызвала восстание против английского господства, в результате подавления которого в руки англичан перешла большая часть земли в Ирландии.

Конфискованные земли раздавались английским дворянам, фаворитам, военным. При Кромвелле государственная задолженность офицерам и солдатам погашалась предоставлением земель в Ирландии. В большинстве случаев солдаты продавали документы на землю земельным спекулянтам. Новые землевладельцы сдавали землю мелкими участками в аренду ирландским крестьянам на крайне кабальных условиях.

Современник писал, что большинство ирландцев «не потребляет хлеба вообще... На трех четвертях сего острова народ довольствуется картофелем, а в северной части – кашей из овса, из коей они делают сухари, и похлебкой. Таким-то образом бедный, но привыкший к лишениям народ кормит нацию, каковая имеет куда больше природных богатств, нежели он сам» [1, т. 3, с. 383].

Первой британской колонией на Атлантическом побережье Северной Америки стала Виргиния, основанная в 1584 г. Уолтером Ралеем. Берега Южной Америки с их золотом, серебром и другими богатствами были уже захвачены испанцами, поэтому англичанам пришлось довольствоваться сравнительно бедными по тогдашним представлениям землями Северной Америки. В начале XVII в. здесь возникает ряд новых английских колоний: Новая Англия, Новая Шотландия, Каролина, Мэриленд.

В отличие от испанских колоний в Южной Америке, где беспощадно эксплуатировался труд туземцев, английские колонии были аграрными переселенческими. Процесс огораживания лишал земли английских крестьян, и теперь они искали потерянную землю за океаном. Но у них не было средств ни для переезда через океан, ни для основания хозяйства на новом месте. Поэтому организацию колоний брали на себя акционерные компании из

купцов. Крестьяне подписывали контракт с такой компанией, она их перевозила через океан, обеспечивала необходимыми средствами производства, а за это крестьяне должны были погасить свой долг компании, бесплатно на нее работая в течение пяти лет, после чего становились свободными колонистами. Такие подписавшие контракт люди назывались «кабальными слугами».

Другую часть переселенцев составили пуритане, которые спасались за океаном от преследований со стороны господствовавшей англиканской церкви. Именно они основали Новую Англию, ставшую впоследствии центром английских владений в Америке. И в Соединенных Штатах до сих пор считается особенно престижным иметь среди своих предков одного из тех пуритан, которые первыми в 1620 г. прибыли сюда на корабле под названием «Майский Цветок».

Кроме того, население колоний пополнялось ссыльными: Америка стала местом ссылки. Если такой ссыльный не мог оплатить судебные издержки и переезд через океан, он становился «белым рабом»: чтобы компенсировать государственные затраты, его продавали в рабство на 7 лет.

На Востоке территориальные захваты начались значительно позже. Основанная в 1600 г. английская Ост-Индская компания была торговой. Она получила от Елизаветы монопольное право на торговлю от мыса Доброй Надежды до мыса Горн. Естественно, дарованная королевой монополия касалась только англичан: купцы других государств не подчинялись английской королеве. Тем не менее первые же торговые экспедиции в Индию приносили прибыль в 200–300% на капитал, и дивиденды компании составляли около 40%.

Капиталистические изменения произошли и в кредитной системе Англии. По специальному решению английского правительства в 1694 г. был учрежден Английский акционерный банк. Это был первый эмиссионный банк в Европе, т. е. он получил право выпускать банковские билеты (банкноты) с твердым курсом. В отличие от векселей континентальных банкиров банкноты Английского банка не были именными и заменяли строго определенное количество звонкой монеты. Они и стали первыми бумажными деньгами в Европе.

Рассмотрение хода английской буржуазной революции не является задачей экономической истории. Эта революция продолжалась почти 20 лет (1640–1659 гг.) и не вполне соответствовала обычным представлениям о буржуазной революции. Это не была революция буржуазии против господства феодалов. Интересы обуржуазившегося дворянства, джентри, в основном совпадали с интересами городской буржуазии. Поэтому в Англии лендлорды, бывшие феодалы, сохранили и после революции свои земельные владе-

ния. Но они уже не были феодалами. Они существовали не за счет феодальной ренты, а жили за счет арендной платы или вели на своей земле крупное товарное производство с использованием наемного труда.

Однако буржуазная революция и не должна создавать новую буржуазную экономику. Она лишь приводит политическую надстройку общества в соответствие с экономикой, потому что буржуазная экономика в основном складывается до революции независимо от воли людей по своим экономическим законам. В этом отношении французская буржуазная революция, которая разрушила феодальную структуру хозяйства, была скорее исключением, чем правилом.

А реорганизация политической надстройки, которую совершает буржуазная революция, выражается в ликвидации сословных привилегий, демократизации государственного строя, т. е. замене монархии республикой или ограничении власти короля, превращении феодальной монархии в буржуазную».

Основным содержанием английской революции стала борьба между парламентом и королем». Король действительно пытался усилить свою власть, опираясь на сохранявшиеся остатки феодальных порядков на севере страны, на союз с традиционным врагом – Испанией. Но власть короля в прежде была ограничена парламентом, который контролировал государственные расходы. Карлу I отрубили голову. Но конституционная монархия, монархия, ограниченная парламентом, была восстановлена, причем в составе парламента даже сохранилась палата лордов, представлявшая интересы крупной земельной аристократии.

Важной составной частью революции стало движение разоряемого крестьянства против огораживаний, за сохранение общинного землевладения и общинных порядков («диггеры»). Это движение приобрело идеологическую окраску борьбы пуритан против господства англиканской церкви. Но это движение было обречено: натуральное крестьянское хозяйство, общинные отношения, как и традиционные порядки мэнора, были уже пройденным этапом.

Л и т е р а т у р а

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2–3. М., 1992.
2. Всемирная история, Т. 4. М., 1958.
3. История Европы. Т. 3–4. М., 1993–1994.
4. Кулишер И. М. история экономического быта Западной Европы. Т. 2. М.-Л., 1931.

5. *Лавровский В. М.* Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII вв. М., 1958.
6. *Мотылев В.И.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. I. Соч. Т. 23.
8. *Петрушевский Д. М.* Восстание Уота Тайлера. М.; Л., 1927.
9. *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма. М., 1961.
10. *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968.

8. УЛЬЯМ ПЕТТИ

8.1. Петти шагает сквозь века

Петти был если не знаменит, то хорошо известен уже при жизни. Мак-Куллох писал в 1845 г., что «сэр Уильям Петти был одной из самых замечательных личностей XVII столетия». Более того, он прямо называл Петти основателем трудовой теории стоимости и проводил от него прямую линию к Рикардо.

И все-таки Уильям Петти был в полной мере открыт для науки лишь Марксом. Только Маркс, по-новому осветив всю историю политической экономии своим материалистическим и классовым анализом, показал подлинное место, которое занимает в ней гениальный англичанин. Петти – родоначальник буржуазной классической политической экономии, которая перешла к анализу внутренних закономерностей капиталистического способа производства, к поискам закона его движения.

Маркса сильно привлекала эта яркая и своеобразная личность. «Петти чувствует себя основателем новой науки...», «Его гениальная смелость...», «Оригинальным юмором проникнуты все сочинения Петти...», «Само заблуждение Петти гениально...», «Настоящий шедевр по содержанию и по форме», – эти оценки из разных произведений Маркса дают представление о его отношении к «гениальнейшему и оригинальнейшему исследователю-экономисту» .

Еще Мак-Куллох отметил довольно странный факт в судьбе литературного наследия Петти. При всей важности его роли сочинения Петти никогда не издавались полностью и существовали лишь в старых разрозненных изданиях, ставших к середине XIX в. библиографической редкостью. Мак-Куллох заканчивал свою заметку о Петти скромным пожеланием: «Благородные потомки Петти, к которым перешли как немалая доля его таланта, так и его поместья, не могли бы воздвигнуть лучший монумент его памяти, чем издание полного собрания его трудов» .

Но «благородные потомки» Петти – графы Шелберны и маркизы Лэнсдауны – отнюдь не горели желанием выставлять на всеобщее обозрение своего предка, который был сыном небогатого ремесленника, приобрел богатство и дворянство не слишком благовидным способом и, по словам одного нового биографа, имел «громкую, но сомнительную репутацию». Этот же биограф

(Эмиль Страус) отмечает, между прочим, что и в середине XX в. в фамильном архиве Лэнсдаунов оставалось много неизвестных трудов Петти.

Эта сторона дела свыше двух столетий представлялась наследникам Петти более важной, чем научная и историческая ценность его сочинений. Только в самом конце XIX в. было издано первое, пока единственное и отнюдь не полное собрание экономических работ Петти. Тогда же один из его потомков опубликовал первую биографию Петти. В 20-х гг. нынешнего века были изданы некоторые рукописи и переписка.

Теперь стали яснее политические взгляды Петти, его общественная и научная деятельность, связи с крупнейшими учеными эпохи. Стали известны многие детали его жизни. Великие люди не нуждаются в подмалевке их портретов, в замазывании пороков и недостатков. Это в полной мере относится к Уильяму Петти. В истории человеческой культуры он останется не как крупный ирландский землевладелец и ловкий (хотя и далеко не всегда удачливый) придворный, а как смелый мыслитель, открывший новые пути в науке об обществе.

Историческая роль Петти заключается, в первую очередь, в том, что он выступил зачинателем направления, из которого вышла английская классическая политическая экономия. Современные буржуазные экономисты, признавая Петти большим ученым и яркой личностью, нередко отказывают ему в роли предшественника Смита, Рикардо и Маркса. Место Петти в науке часто ограничивают лишь созданием основ статистико-экономического метода исследований.

Шумпетер утверждает, что у Петти нет трудовой теории стоимости (и понятия стоимости вообще), нет сколько-нибудь заметной теории заработной платы, а следовательно, «не может быть и намека на понимание прибавочной стоимости. Своей репутацией он якобы обязан только «декрету Маркса, которым

Петти был объявлен основателем экономической науки», а также торговцам некоторых буржуазных ученых, которые, как намекает Шумпетер, так сказать, не предполагали, на чью мельницу они льют воду.

В целом ряде работ Петти рассматривается только как один из представителей меркантилизма, может быть, один из самых талантливых и передовых, но не более того. В крайнем случае ему ставится в заслугу помимо открытия статистического метода трактовка частных экономических проблем и вопросов экономической политики: налогообложения, таможенных пошлин. Нельзя сказать, что эта точка зрения абсолютно господствует в современной науке. Высказываются и иные взгляды. Роль Петти в экономической науке, связь его теории с теориями Смита, Рикардо и Маркса рассматриваются в более правильной исторической перспективе. Однако ведущей является позиция, которую занимает Шумпетер.

8.2. От юнги до помещика

Юный Робинзон Крузо, герой романа Дефо, тайком бежал из дома и ушел в море. Так начались все его приключения, уже два с половиной столетия волнующие читателей. Подобная история произошла в семье суконщика Энтони Петти из города Ромси в Хэмпшире (Южная Англия): его 14-летний сын Уильям отказался заниматься наследственным ремеслом и нанялся в Саутхэмптоне юнгой на корабль.

Уход в море был в Англии XVII и XVIII вв. обычной формой протеста юношей против серой, будничной жизни, выражением искони присущей молодости тяги к приключениям и независимости. Это не было бунтом против буржуазного образа жизни: напротив, тяга к приключениям более или менее сознательно связывалась у этих юношей со стремлением к обогащению и к утверждению своей личности в новом буржуазном мире. Такая черта полностью характерна и для молодого Петти.

Через год Петти сломал себе на корабле ногу. По суровым обычаям того времени он был просто высажен на ближайшем берегу. Им оказалось нормандское побережье на севере Франции. Его выручили прирожденная практичность, способности и удача. В автобиографии Уильям Петти с бухгалтерской точностью, опять-таки достойной деловитого Робинзона, сообщает, с какой незначительной суммой денег он был свезен на берег, как он ее использовал, как увеличил свое «состояние» куплей и выгодной перепродажей разных мелочей. Пришлось купить и костыли, от которых он, впрочем, скоро отделался.

Петти был своего рода вундеркиндом. Несмотря на скромное образование, которое могла ему дать городская школа в Ромси, он настолько знал латынь, что обратился к отцам иезуитам, имевшим свой коллеж в городе Кане, со стихотворным латинским «заявлением» о приеме. То ли бескорыстно изумленные способностями юноши, то ли с расчетом сделать ценное приобретение для католической церкви, иезуиты приняли его в колледж и взяли на свое содержание. Петти пробыл там около двух лет и в результате, по его собственным словам, «приобрел знание латыни, греческого и французского языков, всей обычной арифметики, практической геометрии и астрономии, важных для искусства навигации...». Математические способности Петти были замечательны, и он до конца жизни оставался в этой области на уровне достижений тогдашней науки.

В 1640 г. в Лондоне Петти зарабатывает на жизнь черчением морских карт. Потом он три года служит в военном флоте, где его способности к навигационному делу и картографии оказываются весьма полезными.

Эти годы – разгар революции, ожесточенной политической и идейной борьбы, начало гражданской войны. В принципе 20-летний Петти – на стороне буржуазной революции и пуританской религии, но никакого желания лично ввязываться в борьбу он не имеет. Его влечет наука. Он уезжает в Голландию и Францию, где изучает в основном медицину. Такая разносторонность не только признак личной талантливости Петти: в XVII в. выделение отдельных наук только начиналось, и ученая универсальность не была редкостью.

Следуют три счастливых года странствий, бурной деятельности, напряженного поглощения знаний. В Амстердаме Петти зарабатывает на жизнь в мастерской ювелира и оптика. В Париже он служит секретарем философа Гоббса, живущего там в эмиграции. К 24 годам Петти вполне сложившийся человек, обладающий широкими знаниями, большой энергией, жизнерадостностью и личным обаянием.

Вернувшись в Англию, Петти скоро становится в Оксфорде, где он продолжает изучать медицину, и в Лондоне, с которым его связывает работа ради денег, видным членом группы молодых ученых. Эти люди сначала в шутку называли себя «невидимой коллегией», а вскоре после Реставрации создали Королевское общество – первую академию наук нового времени. Когда в 1650 г. Петти получил в Оксфордском университете степень доктора физики и стал профессором анатомии и вице-принципалом (нечто вроде проректора) одного из колледжей, «невидимая коллегия» стала собираться в его холостяцкой квартире, которую он снимал в доме аптекаря.

Политические взгляды этих ученых, в том числе и Петти, не были особенно радикальны. Но дух революции, которая тем временем привела к провозглашению республики (май 1649 г.), наложил свою печать на всю их деятельность. В науке они боролись против старой схоластики, за внедрение экспериментальных методов. Петти впитал в себя и пронес через всю жизнь этот дух революции и демократизма, который в более поздние годы время от времени самым неподходящим образом пробивался в богатом землевладельце и дворянине, мешая его успеху при дворе.

Петти, очевидно, был хорошим врачом и анатомом. Об этом говорят его успехи в Оксфорде, наличие у молодого профессора медицинских сочинений и последующее высокое назначение. В это время с Петти произошел случай, который впервые сделал его известным сравнительно широкой публике.

В декабре 1650 г. в Оксфорде, по варварским законам и обычаям той эпохи, была повешена некая Энн Грин, бедная крестьянская девушка, соблазненная молодым сквайром и обвиненная в убийстве своего ребенка. (Впоследствии выяснилось, что она была невиновна: ребенок родился недоношенным и умер своей смертью). После установления факта смерти она была положена

в гроб. В этот момент на месте действия появился доктор Петти со своим помощником: цель их состояла в том, чтобы забрать труп для анатомических исследований. К своему изумлению, врачи обнаружили, что в повешенной теплится жизнь. Приняв срочные меры, они «воскресли» ее! Интересно дальнейшее развитие событий. Петти сделал три вещи, которые с разных сторон характеризуют его натуру. Во-первых, он проделал серию наблюдений не только над физическим, но и над психическим состоянием своей необычной пациентки и четко зафиксировал их. Во-вторых, он проявил не только врачебное искусство, но и человечность, добившись от судей прощения Энн и организовав сбор денег в ее пользу. В-третьих, он со свойственной ему деловой хваткой использовал это происшествие для громкой саморекламы.

В 1651 г. доктор Петти внезапно оставил свою кафедру и вскоре получил должность врача при главнокомандующем английской армией в Ирландии. В сентябре 1652 г. Петти впервые сошел с корабля на ирландскую землю. Что побудило его так резко изменить течение жизни? Видимо, жизнь оксфордского профессора была слишком спокойной и малоперспективной для молодого энергичного человека с изрядной долей авантюризма в характере.

Петти увидел Ирландию, только что вновь покоренную англичанами после неудачного восстания, опустошенную 10-летней войной, голодом и болезнями. Земля, принадлежавшая ирландским католикам, участникам антианглийского восстания, подлежала конфискации. Этой землей Кромвель намеревался расплатиться с лондонскими богачами, давшими деньги на войну, а также с офицерами и солдатами победоносной армии. Чтобы раздавать землю, надо было произвести замеры и составить планы земельных массивов, общая площадь которых составляла миллионы акров. И надо было сделать это быстро, так как армия волновалась и требовала расплаты. Для середины XVII в. это была задача колоссальной трудности: не было карт, не было инструментов, квалифицированных людей, транспорта. На землемеров нападали крестьяне...

За эту-то задачу и взялся Петти, увидев тут редкостную возможность быстрого обогащения и выдвижения. Ему очень пригодились приобретенные в свое время знания по картографии и геодезии. Но понадобилось и другое: энергия, напористость, ловкость. Петти взял у правительства и армейского командования подряд на «обзор земель армии». Платили ему в основном деньгами, собранными с солдат, которые должны были получить землю. Петти заказал в Лондоне новые инструменты, набрал армию землемеров в тысячу человек, составил карты Ирландии, которые затем употреблялись в судах при разрешении земельных споров вплоть до середины XIX в. И это было сделано немногим более чем за один год. Поистине, все удавалось этому человеку.

«Обзор земель армии» оказался для Петти, которому было в это время немного за тридцать, настоящим золотым дном.

Приехав в Ирландию скромным медиком, он через несколько лет превратился в одного из самых богатых и влиятельных людей в стране.

Что было законно, а что незаконно в этом головокружительном обогащении? Это вызывало при жизни Петти бурные споры и в известной мере зависит от точки зрения. Само ограбление Ирландии было незаконным. Петти действовал на этой основе, но сам всегда оставался в рамках формальной законности: не грабил, а получал от существующей власти; не воровал, а покупал; сгонял людей с земли не силой оружия, а по решению суда. Едва ли дело обходилось без взяток и подкупов, но ведь это считалось в порядке вещей...

Огромная энергия Петти, его страсть к самоутверждению, авантюризм – все это на некоторое время нашло свое выражение в мании обогащения.

Получив, по его собственным данным, 9 тысяч фунтов стерлингов чистой прибыли от выполнения подряда, он использовал эти деньги для скупки земли у офицеров и солдат, которые не могли или не хотели дожидаться своих наделов и занимать их. Кроме того, землей он получил часть причитавшегося ему вознаграждения от правительства. Точно неизвестно, какие еще способы применял ловкий доктор для увеличения своей собственности, но успех превзошел все ожидания. В итоге он оказался собственником нескольких десятков тысяч акров земли в разных концах острова. Позже его владения еще более расширились. Одновременно он стал ближайшим помощником и секретарем лорда-наместника Ирландии Генри Кромвеля, младшего сына протектора.

Два или три года Петти преуспевает, несмотря на интриги врагов и завистников. Но в 1658 г. Оливер Кромвель умирает, положение его сына становится все более шатким. Против своей воли лорд-наместник вынужден создать специальную комиссию для расследования действий доктора. Правда, в комиссию входят многие друзья Петти. К тому же борьбу за свое богатство и доброе имя он ведет с не меньшей энергией, блеском и искусством, чем борьбу за свои идеи. Ему удастся оправдаться не только перед комиссией, но и перед парламентом в Лондоне (членом которого он был незадолго до этого избран). Из борьбы он выходит если не с триумфом, то, во всяком случае, без потерь. В политической сумятице последних месяцев перед Реставрацией 1660 г. дело Петти оказывается в тени, что его вполне устраивает.

Незадолго до Реставрации Генри Кромвель и его наперсник сумели оказать важные услуги видным роялистам, оказавшимся у власти после возвращения Карла II из изгнания. Сыну протектора это позволило с достоинством отойти от государственных дел, а Петти открыло доступ ко двору. В 1661 г.

сын суконщика был возведен в рыцарское звание и стал именоваться сэр Уильям Петти. Это вершина его успеха в жизни. Он понравился королю Карлу, он посрамил врагов, он богат, независим и влиятелен...

Достоверно известно из документов и из переписки Петти, что королевская власть дважды предлагала ему пэрство. Однако он не без основания расценивал эти предложения как желание отделаться от просьб, которыми он действительно докучал королю и двору: дать ему реальный государственный пост, на котором он мог бы осуществить свои смелые экономические проекты. Очень характерно для личности и стиля Петти объяснение причин его отказа от королевской милости в одном из писем: «Я скорее согласен быть медным фарфингом, но имеющим свою внутреннюю ценность, чем латунной полукроной, как бы красиво она ни была отчеканена и позолочена». При всем его честолюбии и корыстолюбии этот человек был иной раз принципиален до упрямства!

Лишь смерть сэра Уильяма Петти сняла препятствия. Через год его старший сын Чарлз был сделан бароном Шелберном. Однако это было ирландское баронство, не дававшее права заседать в палате лордов в Лондоне. Только правнук Петти занял это место и вошел в историю Англии как крупный политический деятель и лидер партии вигов под именем маркиза Лэнсдауна.

В Англии XX в. крупнейших экономистов, оказавших важные услуги правящим классам, стали делать пэрами за их научные труды. Первым таким аристократом от политической экономии стал Кейнс. Ныне в верхней палате заседает несколько видных экономистов.

8.3. Колумб политической экономии

Как известно, Колумб не собирался открывать Америку, а только искал морской путь в Индию. До конца жизни он не знал, что открыл новый континент.

Петти публиковал памфлеты, преследующие конкретные, порой даже корыстные цели, как все экономисты того времени. Самое большее, что он приписывал себе, – это изобретение политической арифметики (статистики). В этом видели его главную заслугу и современники. В действительности он сделал также нечто иное: своими высказанными, как бы между прочим, мыслями о стоимости, ренте, заработной плате, разделении труда и деньгах он заложил основы научной политической экономии. Это и есть подлинная «экономическая Америка», открытая новым Колумбом.

Первое серьезное экономическое сочинение Петти именовалось «Трактат о налогах и сборах» и вышло в 1662 г. Пожалуй, это и важнейшее его со-

чинение: стремясь показать новому правительству, каким путем можно (несомненно, при его личном участии и даже под его руководством) увеличить налоговые доходы, он также изложил наиболее полно свои экономические взгляды.

К этому времени Петти почти забыл, что он врач. Его изобретательный и гибкий ум все более обращается к экономике и политике. В его мозгу рождаются проекты, планы, предложения: налоговая реформа, организация статистической службы, улучшение торговли... Все это находит свое выражение в его «Трактате». Но не только это. «Трактат» Петти можно рассматривать как самое важное экономическое сочинение XVII столетия, подобно тому, как книгу Адама Смита о богатстве народов в XVIII столетии.

Через 200 лет Карл Маркс писал о «Трактате»: «В рассматриваемом нами произведении Петти по сути дела определяет стоимость товаров сравнительным количеством содержащегося в них труда». В свою очередь, «от определения стоимости зависит и определение прибавочной стоимости». В этих словах Маркса в самой сжатой форме выражена суть научного достижения английского мыслителя. Интересно проследить за ходом его рассуждений. С острым чутьем человека новой, буржуазной эпохи он сразу, в сущности, ставит вопрос о прибавочной стоимости: «...мы должны попытаться объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом.., так и ренты с земель и домов». В XVII в. земля – основной объект приложения человеческого труда. Поэтому для Уильяма Петти прибавочная стоимость выступает в форме земельной ренты, в которой скрывается и промышленная прибыль. Процент он также выводит из ренты. Торговая прибыль мало интересует Петти, что резко отличает его от толпы современников-меркантилистов. Примечательно и выражение о таинственной природе ренты. Петти чувствует, что он стоит перед большой научной проблемой, что внешность явления здесь отличается от сущности.

Далее идет неизменно цитируемое место. Предположим, что некто (этот некто будет далее не только героем арифметических задачник, но и экономических трактатов!) занимается производством зерна. Часть произведенного им продукта вновь пойдет на семена, часть будет потрачена на удовлетворение собственных потребностей (в том числе путем обмена), а «остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту». Здесь намечено деление продукта и его стоимости на три основные части: 1) часть, представляющую возмещение затраченных средств производства, в данном случае семян; 2) часть, необходимую для поддержания жизни работника и его семьи, и 3) избыток, или чистый доход. Эта последняя часть соответствует введенным Марксом понятиям прибавочного продукта и прибавочной стоимости.

Любопытно, что в составе издержек средств производства Петти опускает другие затраты, помимо семян: навоз, износ лошади, плуга, серпа и т. п. Эти затраты не возмещаются зерном в натуре (поэтому Петти, возможно, и не учитывает их), но должны быть возмещены по стоимости. Скажем, через 10 лет пахарю потребуется новая лошадь. Из каждого годового урожая он должен удерживать какую-то часть стоимости для последующей покупки этой лошади.

Заметим также, что здесь речь идет о производстве без наемного труда. Отчасти это можно объяснить тем, что Петти стремится сделать свою «модель» возможно более простой и наглядной. Но вернее всего то, что простое товарное производство (на своей земле, своими орудиями и без найма рабочих) в его времена имело большое значение, преобладая над капиталистически организованным хозяйством.

Далее Петти ставит вопрос: «...какому количеству английских денег может равняться по своей стоимости этот хлеб или эта рента? Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение одинакового времени приобретает за вычетом своих издержек производства кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег, т. е. предположим, что кто-нибудь другой отправляется в страну серебра, добывая там этот металл, очищает его, доставляет его на место производства хлеба первым, чеканит тут из этого серебра монету и т. д. Предположим далее, что этот индивидуум в течение того времени, которое он посвящает добыванию серебра, приобретает также средства, нужные для своего пропитания, одежды и т. д. Тогда серебро одного должно быть равно по своей стоимости хлебу другого; если первого имеется, например, 20 унций, а последнего 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля хлеба».

Очевидно, что приравнение по стоимости частей зерна и серебра, представляющих собой прибавочный продукт, равносильно приравниванию всего валового продукта. Ведь эти последние 20 бушелей зерна ничем не отличаются от остальных, скажем, 30 бушелей, которые возмещают семена и составляют пропитание земледельца. Это же относится и к 20 унциям серебра, о которых выше идет речь. В другом месте Петти выражает идею трудовой стоимости в чистом виде: «Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого...».

Итак, Петти, по существу, формулирует закон стоимости. Он понимает, что этот закон действует крайне сложным образом, лишь как общая тенденция. Это выражается в следующих поистине удивительных фразах: «Я утверждаю, что именно в этом состоит основа сравнения и сопоставления

стоимостей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка (superstructure) очень разнообразна и сложна».

Между меновой стоимостью, величина которой определяется затратами труда, и реальной рыночной ценой – множество посредствующих звеньев, которые безмерно усложняют процесс ценообразования. С необычайной прозорливостью Петти называет некоторые ценообразующие факторы, с которыми приходится считаться современным экономистам и плановикам: влияние товаров-заменителей, товаров-новинок, моды, подражания, традиций потребления.

Петти делает первые шаги на пути анализа самого труда, создающего стоимость. Ведь каждый конкретный вид труда создает только конкретное благо, потребительную стоимость: труд земледельца – зерно, труд ткача – полотно и т. д. Но в любом виде труда есть что-то общее, делающее все виды труда сравнимыми, а эти блага – товарами, меновыми стоимостями: затрата рабочего времени как такового, затрата производительной энергии работника вообще.

Петти был в истории экономической науки первым, кто стал прокладывать путь к идее абстрактного труда, которая легла в основу марксовской теории стоимости.

Было бы странно искать у зачинателя и первооткрывателя какую-то стройную и законченную экономическую теорию. Опутанный меркантилистскими представлениями, он еще не может отделаться от иллюзии, что труд в добыче драгоценных металлов – это все же какой-то особенный труд, наиболее непосредственно создающий стоимость. Петти не может отделить меновую стоимость, которая наиболее наглядно воплощается в этих металлах, от самой субстанции стоимости – затрат всеобщего человеческого абстрактного труда. У него нет сколько-нибудь ясного понятия о том, что величина стоимости определяется затратами общественно необходимого труда, типичными и средними для данного уровня развития хозяйства. Затраты труда, превышающие общественно необходимые, пропадают даром, не создают стоимость. Многое с точки зрения последующего развития науки можно признать у Петти слабым и прямо ошибочным. Но разве это главное? Главное в том, что Петти твердо стоит на избранной им позиции – трудовой теории стоимости – и успешно применяет ее ко многим конкретным проблемам.

Мы уже видели, как он понимал природу прибавочного продукта. Но там речь шла о простом товаропроизводителе, который сам присваивает произведенный им же прибавочный продукт. Петти не мог не видеть, что в его время значительная часть производства велась уже на капиталистических началах, с применением наемного труда.

Он должен был прийти к мысли, что прибавочный продукт производится не только и не столько для себя, сколько для владельцев земли и капитала. О том, что он пришел к этой мысли, свидетельствуют его соображения о заработной плате. Заработная плата работника определяется и должна определяться, по его мнению, только необходимым минимумом средств существования. Он должен получать не более, чем необходимо, «чтобы жить, трудиться и размножаться». Петти понимает в то же время, что стоимость, создаваемая трудом этого работника, – это совершенно иная величина и, как правило, значительно большая. Эта разница и является источником прибавочной стоимости, которая у него выступает в виде ренты.

Хотя и в неразвитой форме, Петти выразил основное научное положение классической политической экономии: в цене товара, определяемой в конечном счете затратами труда, заработная плата и прибавочная стоимость (рента, прибыль, процент) находятся в обратной зависимости. Повышение заработной платы при одном и том же уровне производства может происходить лишь за счет прибавочной стоимости, и наоборот. Отсюда один шаг до признания принципиальной противоположности классовых интересов рабочих, с одной стороны, и землевладельцев и капиталистов – с другой. Таков последний вывод, который сделает классическая политическая экономия в лице Рикардо. Петти ближе всего подходит к такому взгляду, пожалуй, не в «Трактате», а в написанной в 70-х гг. знаменитой «Политической арифметике», хотя и там мысль эта имеется лишь в зародыше.

Но в целом увлечение политической арифметикой как-то помешало Петти углубить свою экономическую теорию, понимание коренных закономерностей капиталистической экономики. Многие гениальные догадки «Трактата» остались неразвитыми. Цифры теперь увлекали его, они казались ключом ко всему. Еще в «Трактате» есть характерная фраза: «Первое, что необходимо сделать, – это подсчитать...» Она становится девизом Петти, каким-то заклинанием: надо подсчитать, и все станет ясно. Создатели статистики страдали несколько наивной верой в ее силу.

Конечно, содержание главных экономических сочинений Петти не исчерпывается сказанным. Оно гораздо богаче. Сумма его идей – это мировоззрение прогрессивной буржуазии. Петти впервые исследует само капиталистическое производство и расценивает экономические явления с точки зрения производства. В этом его решительное преимущество перед меркантилистами. Отсюда его критическое отношение к непроизводительным слоям населения, из которых он особо выделяет священников, адвокатов, чиновников. Он полагает, что можно было бы значительно уменьшить число купцов и лавочников, которые тоже «не доставляют никакого продукта». Эта тра-

диция критического отношения к непроизводительным группам населения войдет в плоть и кровь классической политической экономии.

Стиль – это человек, как гласит старое французское изречение. Литературный стиль Петти необычайно свеж и оригинален. И не потому, что он владел какими-то литературными красотами и тонкостями. Наоборот, Петти лаконичен, прям и строг. Смелые мысли он выражает в смелой, безоговорочной форме. Он всегда говорит только главное и простыми словами. Самая объемная его работа не занимает в русском переводе и 80 книжных страниц.

Устав Королевского общества, одним из членов-учредителей которого был Петти, требовал, чтобы «во всех отчетах об опытах... излагалась только суть дела, без всяких предисловий, оправданий или риторических украшений». Это великолепное правило Петти считал применимым не только к естественным, но и к общественным наукам и стремился следовать ему. Многие его работы и напоминают «отчеты об опытах». Правило это не мешало бы, впрочем, знать и руководствоваться им также современным экономистам и представителям других общественных наук.

Простота не мешает видеть за строчками сочинений Петти его яркую личность, неумный темперамент, политическую страстность. Этот богатый помещик, с его огромным напудренным париком и в роскошном шелковом кафтане (таков сэр Уильям на одном из поздних портретов), во многом оставался грубоватым простолюдином и слегка склонным к цинизму медиком. При всем своем богатстве и титулах Петти всегда неустанно работал – не только умственно, но даже физически. Его страстью было кораблестроение, и он без конца проектировал и строил необычные суда. В чертах его личности отчасти заключается объяснение его антипатий: он нутром ненавидел бездельников и паразитов. К самой королевской власти Петти относился строго. Заискивая перед двором, он в то же время писал вещи, которые никак не могли понравиться королю и правительству: короли склонны к агрессивным войнам, и самый лучший способ удержать их от этого – не давать им денег для ведения войн.

8.4. Политическая арифметика

Английскому королю Карлу II больше всего в жизни хотелось превзойти в чем-то его августейшего родственника – французского короля Людовика XIV. Он устраивал балы и фейерверки с оглядкой на Версаль. Но денег у него было гораздо меньше, чем у французского властелина.

Оставалась наука. Вскоре после Реставрации под покровительством всей королевской семьи было создано Королевское общество (Английская акаде-

мия наук), которым Карл мог гордиться с полным основанием. Такого у Людовика не было! Король сам делал химические опыты и занимался морским делом. Это было в духе времени.

Самым интересным и остроумным человеком в Королевском обществе был сэръ Уильям Петти. В узком кругу король и высшие аристократы были вольнодумцами, а лучше Петти никто не умел поиздеваться над святошами всех вероисповеданий. Однажды лорд-наместник Ирландии герцог Ормонд в веселой и, вероятно, не совсем трезвой компании попросил сэра Уильяма показать свое искусство. Забравшись на два поставленных рядом стула, Петти стал под общий хохот пародировать проповедников разных церквей и сект. Увлечшись, он начал, якобы устами священников, резко ругать, как пишет очевидец, «некоторых государей и губернаторов» за плохое управление, лицепрятие и корысть. Хохот стих. Герцог не знал, как утихомирить вызванного им самим духа.

И король, и ирландские наместники любили слушать Петти лишь до тех пор, пока он не начинал говорить о политике и торговле. А он не мог не говорить об этом! Для него все другие разговоры были лишь поводом, чтобы изложить очередной проект. Один его проект был смелее и радикальнее другого. Это казалось опасным, докучным, лишним.

Почему проекты Петти почти всегда оказывались не ко двору? Некоторые из них были, при всей их гениальной смелости, просто утопичны. Но многие из них были вполне разумны с точки зрения своей эпохи. Суть, однако, заключалась в том, что все они были сознательно и смело направлены на развитие капиталистического хозяйства в Англии и Ирландии, на более решительную ломку феодальных отношений. А монархия Карла II и его брата Иакова II, наоборот, цеплялась за эти пережитки, в крайнем случае шла под давлением буржуазии на половинчатые меры. Потому-то она и пала через год после смерти Петти.

Петти всегда смотрел на богатство и процветание Англии через призму сравнения с соседними странами. Своего рода эталоном для него была Голландия. И он многократно возвращался в своих сочинениях к сложному вопросу: в чем причины ее успешного развития? Но с годами он все более убеждался, что позициям Англии непосредственно угрожает уже не Голландия, а более крупная и агрессивная держава – Франция. Его экономические идеи приобретают все более явный антифранцузский политический характер.

К 1676 г. Петти заканчивает работу над своим вторым главным экономическим сочинением – «Политической арифметикой», но публиковать его не решается. Союз с Францией – основа внешней политики Карла II. Сэр Уильям не трус, но рисковать милостью двора у него нет охоты.

«Политическая арифметика» распространяется в списках. В 1683 г. кто-то публикует сочинение Петти анонимно, без его ведома и под другим заглавием. Только после «славной революции» 1688–1689 гг. и связанного с ней резкого изменения политики Англии сын Петти (лорд Шелберн) издает «Политическую арифметику» полностью и под именем автора. В предисловии он пишет, что издание книги его покойного отца было ранее невозможно, так как «доктрины этого сочинения задевали Францию».

Как противник Франции, Петти, конечно, достойный и дальновидный представитель английской буржуазии. Все следующее столетие, вплоть до начала XIX в., Англия будет упорно бороться с Францией и в этой борьбе укрепитя как первая промышленная держава мира. Но в «Политической арифметике» важнее всего методы, которыми Петти доказывает свои положения. Это первая в истории науки работа, основанная на статистико-экономическом методе исследования.

Можно ли представить себе современное государство без статистики? Очевидно, нельзя. Можно ли представить себе современное экономическое исследование без статистики? Можно, но трудно. Если автор даже оперирует «чистой теорией» в литературной или математической форме и не приводит никаких статистических данных, он все равно неизбежно исходит из того, что они в принципе существуют и более или менее известны читателю.

Не так обстояло дело в XVII в. Статистики просто не было (как не было этого слова: оно появилось лишь в конце XVIII в.). Было очень мало известно о численности, размещении, возрастном и профессиональном составе населения. Еще меньше было известно об основных экономических показателях: производстве и потреблении основных товаров, доходах населения, распределении богатства. Только о налогах и внешней торговле были кое-какие данные.

Большой заслугой Петти было уже то, что он первым поставил вопрос о необходимости создания государственной статистической службы и наметил некоторые основные линии сбора данных. Многократно возвращаясь в своих сочинениях к созданию статистической службы, он неизменно, как бы между прочим, отводил себе место ее руководителя. Этот придуманный им пост он называл по-разному, более или менее пышно, в зависимости от настроения и оценки своих шансов. К тому же он надеялся не только учитывать, но в какой-то мере и «планировать». Например, он делал удивительные для своего времени расчеты «баланса рабочей силы»: сколько надо в стране врачей и адвокатов (других специалистов с высшим образованием в XVII в., по существу, не было) и сколько студентов надо, следовательно, принимать каждый год в университеты.

Петти не только неустанно проповедовал необходимость статистики, но и блестяще использовал для доказательства своих экономических положений те немногие и не очень надежные статистические данные, какими он располагал. Петти ставил перед собой конкретную задачу – доказать на основе объективных цифровых данных, что Англия не беднее и не слабее Франции. Отсюда вытекала более широкая задача – дать в количественной форме оценку экономического состояния Англии его времени.

В предисловии к своей работе он пишет о методе политической арифметики: «Способ, каким я взялся сделать это, однако, необычный, ибо, вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики), употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе. Те же, которые зависят от непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей, я оставляю другим».

Политическая арифметика Петти была прообразом статистики, а его метод предвосхищал целый ряд важных направлений в экономической науке. Он прозорливо писал о важности исчисления национального дохода и национального богатства страны – показателей, которые играют в современной статистике и экономике огромную роль. Петти впервые произвел подсчеты национального богатства Англии.

Материальное богатство Англии Петти оценивал в 250 млн фунтов стерлингов, но к этому предлагал добавить денежную оценку самого населения в размере 417 млн. Эта парадоксальная идея глубже, чем может показаться на первый взгляд: Петти искал способ как-то оценить размеры личного элемента производительных сил – трудовых навыков, сноровки, потенциала развития техники.

С вопроса о численности и составе населения начинается вся экономическая теория Петти. Маркс записывает, изучая Петти: «У нашего приятеля Петти «теория народонаселения» совершенно другая, чем у Мальтуса... Население – богатство... » Оптимистическая точка зрения на рост народонаселения характерна для ранних представителей классической политической экономии. Мальтус в начале XIX в., напротив, утверждал, что главная причина бедноты трудовых классов является естественной и состоит в слишком быстром размножении.

Петти выполнил подсчеты национального дохода Англии. Из этих начинаний выросла современная система национальных счетов, позволяющая в обобщенной форме судить с известной степенью точности о том, каков

объем производства в данной стране, как произведенная продукция распределяется на потребление, накопление и экспорт, каковы доходы основных классов и групп в обществе и т. д. Правда, подсчеты самого Петти страдали существенными недостатками. Он исчислял национальный доход как сумму потребительских расходов населения, иначе говоря, считал, что накапливаемой долей дохода, идущей на капиталовложения в здания, оборудование, на улучшение земли и т. д., можно пренебречь. Однако это допущение для XVII в. было реалистичным, поскольку норма накопления была весьма низка и материальное богатство страны возрастало медленно. Кроме того, неточность Петти была вскоре исправлена его последователями в политической арифметике, особенно Грегори Кингом, который осуществил в конце XVII столетия поразительные по своей полноте и основательности расчеты национального дохода Англии.

8.5. Петти и Граунт, или Кто изобрел статистику?

Сочинения Петти, написанные в последние годы жизни, в основном посвящены вопросам народонаселения, его роста, размещения, занятости. Со своим другом Джоном Граунтом он делит честь быть основателем демографической статистики. Из скромных трудов этих пионеров вырос весь мощный современный инструментарий статистики с регулярными переписями населения, тонкими выборочными обследованиями и применением электронно-счетной техники.

В каждой науке есть свои споры об авторстве и приоритете. Иногда эти споры бесплодны и даже вредны для науки. Иногда они помогают уяснению истории науки и этим полезны. Такого рода дискуссия в истории статистики велась вокруг «проблемы Петти – Граунт». Суть дела такова. В 1662 г. в Лондоне вышла небольшая скромная книжка под заглавием: «Естественные и политические наблюдения над бюллетенями смертности, имеющие отношение к управлению, религии, торговле, воздуху, болезням и другим изменениям названного города. Сочинение Джона Граунта, гражданина Лондона». Несмотря на довольно мудреное и даже мрачное название, книжка вызвала немалый интерес и за несколько лет выдержала пять изданий, причем второе потребовалось в тот же год. Ею заинтересовался сам король, и по его прямому указанию Граунт был принят в только что основанное Королевское общество. Дело в том, что это была первая попытка разумно рассмотреть на основе имевшихся в то время скудных статистических данных важнейшие проблемы, закономерно волнующие людей: о смертности и рождаемости, о

соотношении полов и средней продолжительности жизни, о миграции населения и основных причинах смерти.

Заслуга автора «Наблюдений» заключается в том, что он сделал первые робкие попытки подойти к важнейшему принципу статистики: при достаточно большой статистической совокупности разрозненные явления, каждое из которых случайно, подчиняются в целом весьма строгим и регулярным закономерностям. Рождение и смерть каждого отдельного человека – случайность, но смертность или рождаемость в данной стране (или даже в большом городе, области) – удивительно определенная и медленно меняющаяся величина. Сами ее изменения могут быть обычно научно объяснены и даже иногда предсказаны. Строгие математические основы статистики были заложены в следующем, XVIII столетии. Но некоторые исходные идеи содержались в книжке безвестного лондонского лавочника.

Джон Граунт имел галантерейную лавку в Сити, был самоучкой и занимался научными изысканиями «в свободное от работы время». Петти подружился с ним еще в конце 40-х гг., и в то время Граунт даже покровительствовал ему. В 60-х гг. роли переменялись, но это не омрачило их дружбу. Граунт был в это время ближайшим другом Петти, его доверенным лицом в Лондоне и посредником между ним и Королевским обществом.

Когда книжка Граунта привлекла к себе интерес, в лондонских ученых кругах возникли разговоры, что ее подлинный автор – сэр Уильям Петти, который по каким-то причинам предпочел укрыться за никому не известным именем. Эти разговоры усилились после смерти Граунта. В сочинениях и письмах самого Петти можно найти места, в известной мере подкрепляющие эту версию. С другой стороны, он совершенно ясно писал о «книге нашего друга Граунта».

В XIX в. вопрос об авторстве «Наблюдений» вызвал в английской литературе довольно большую дискуссию. В настоящее время «проблему Петти – Граунт» можно считать решенной. Главным автором книги и ее основных статистических идей и методов был все же Джон Граунт. Но по своим социально-экономическим взглядам он находился под явным влиянием Петти, который, возможно, написал предисловие и заключение, где эти взгляды выражаются. Весьма вероятно, что Петти принадлежит общий замысел работы, но ее исполнение – несомненно, дело Граунта.

Главный аргумент «партии Петти» состоял в том, что Граунт, человек простого происхождения, без систематического образования и ничем другим не замечательный, просто «не мог» написать такую книгу. Как отмечает советский исследователь истории статистики М.В. Птуха, этот аргумент напоминает доводы тех, кто отрицает авторство Шекспира и считает, что его творения написаны не то графом Оксфордом, не то сэром Френсисом Бэ-

коном, не то еще кем-то из знатных современников. Роль Уильяма Петти в истории науки очень велика, он вовсе не нуждается в том, чтобы ему приписывали чужие заслуги.

Граунт был разорен «великим лондонским пожаром» 1666 г. Вскоре после этого он перешел в католическую веру, что подорвало и его общественное положение. Возможно, все это ускорило его смерть. Как пишет Джон Обри, друг и первый биограф Петти, на похоронах Граунта «со слезами на глазах был искусный и великий virtuoso сэр Уильям Петти, его старый и близкий друг».

С этим пожаром, который уничтожил половину средневекового Лондона и расчистил место для строительства нового города, связана одна из самых смелых в исторической перспективе идей Петти. После пожара неутомимый прожектер представил правительству план расчистки и перестройки города. Заголовок гласил, что план составлен исходя из предположения, что «вся земля и развалины принадлежат кому-то одному, имеющему достаточно средств для выполнения работы, а также обладающему законодательной властью, чтобы разрубать все узлы». Иначе говоря, он, очевидно, исходил из идеи государственной или муниципальной собственности на землю и здания в противоположность существующей частной собственности, уже тогда мешавшей здоровому развитию города.

Достаточно вспомнить, какие проблемы и трудности породила и порождает частнокапиталистическая собственность для роста Лондона и Парижа, Нью-Йорка и Токио, чтобы по достоинству оценить эту мысль, высказанную более 300 лет назад.

8.6. Эпоха и человек

Крупнейшие мыслители меркантилизма подходили к взгляду, что в экономических процессах действуют определенные закономерности, не зависящие в принципе от воли людей.

Но вместе с тем они преувеличивали роль государства в этих процессах, а «вульгарные» меркантилисты просто полагали, что абсолютистское государство может по своей воле управлять хозяйством. Для них было нередким свойственно то, что мы теперь называем волюнтаризмом в экономике.

Петти одним из первых выразил идею о наличии в экономике объективных, познаваемых закономерностей, которые он сравнивал с законами природы и потому называл естественными законами. Это был большой шаг вперед в развитии политической экономии: она получала научную базу.

Сама идея экономического закона могла возникнуть лишь тогда, когда основные экономические процессы – производство, распределение, обмен и обращение – приняли регулярный, массовый вид, когда отношения людей приобрели преимущественно товарно-денежный характер. Купля и продажа товаров, наем рабочей силы, аренда земли, денежное обращение, – лишь при более или менее полном развитии таких отношений люди могли подойти к мысли, что во всем этом есть какой-то стихийный порядок.

Меркантилисты занимались по преимуществу одной сферой экономической деятельности – внешней торговлей. Но элементы не подлежащего оценке риска, спекуляции, неэквивалентного обмена, внеэкономического обогащения (или, наоборот, потерь) были слишком велики в этой сфере, чтобы из ее описания и зачаточного анализа можно было вывести надежные закономерности.

Напротив, Петти менее всего занимается внешней торговлей. Его интересуют повторяющиеся, закономерные процессы. Он ставит вопрос о законах, которые естественным образом определяют заработную плату, ренту и даже, скажем, налоговое обложение.

К концу XVII в. Англия уже становится самой развитой буржуазной страной. Это была в основном мануфактурная стадия капиталистического производства, когда его рост достигается еще не столько путем внедрения машин и новых методов, сколько путем расширения капиталистического разделения труда на базе старой техники: рабочий, который специализируется на какой-либо одной операции, достигает в ней большого искусства, в результате чего повышается производительность труда. Прославление разделения труда начинается в политической экономии с отдельных замечаний Петти, показывающего его эффективность на примере изготовления часов, и завершается Адамом Смитом, который кладет его в основу своей системы.

Во времена Петти и в промышленности, и в сельском хозяйстве производство уже в значительной мере велось на капиталистических началах. Подчинение ремесла и мелкого земледелия капиталу проходило медленно и по-разному в отдельных отраслях и местностях. Еще существовали огромные массивы докапиталистических форм производства. Но тенденция развития выявилась, и Петти одним из первых отметил это.

Наряду с шерстяной промышленностью, которая оставалась основой английской экономики и торговли, росли такие отрасли, как добыча каменного угля и выплавка чугуна и стали. В 80-х гг. XVII в. в среднем за год добывалось уже около 3 млн т угля против 200 тыс. т в середине XVI в. (Но уголь еще использовался почти целиком как топливо: процесс коксования не был открыт, металл плавил на древесном угле, истребляя леса.) Эти отрасли с самого начала развивались как капиталистические.

Менялась и деревня. Класс мелких земельных собственников, которые вели натуральное и мелкотоварное хозяйство, постепенно исчезал. Как их участки, так и общинные земли все более сосредоточивались в руках крупных лендлордов, сдававших землю в аренду фермерам. Наиболее состоятельные из этих фермеров уже вели капиталистическое хозяйство, используя наемную рабочую силу.

Напомним, что сам Петти был крупным землевладельцем. Однако в своих сочинениях он, за редкими исключениями, вовсе не выражал интересы земельной аристократии.

Ленин сказал о Льве Толстом, что до этого графа настоящего мужика в литературе-то и не было. Перефразируя, можно сказать, что в политической экономии не было настоящего буржуа до этого лендлорда. Петти ясно понимал, что рост «богатства нации» возможен лишь путем развития капитализма. В какой-то мере он осуществлял эти идеи в своих поместьях. Сдавая землю в аренду, он добивался, чтобы фермеры улучшали землю и способы ее обработки. На своей земле он организовал колонию английских переселенцев-ремесленников.

Петти как человек – само кричащее противоречие. Большой мыслитель выступает перед беспристрастным биографом то как легкомысленный авантюрист, то как ненасытный корыстолюбец и упрямый сутяга, то как ловкий царедворец, то как несколько наивный хвостун. Неумная жажда жизни была, пожалуй, его самой характерной чертой. А формы она принимала такие, какие диктовали общественные условия. В известном смысле богатство и почести представляли для него не самоцель, а какой-то спортивный интерес. Он, видимо, испытывал внутреннее удовлетворение, проявляя таким закономерным для своей эпохи и условий образом энергию, ловкость, практическую сметку. На его образ жизни и мыслей мало повлияли богатство и титул.

Джон Эвелин, лондонский знакомый Петти, описывает в своем дневнике за 1675 г. роскошный ужин в доме Петти на Пикадилли и рассказывает: «Когда я, бывая в его великолепном дворце, вспоминаю, что знал его в неважных обстоятельствах, он сам удивляется, как с ним все это случилось. Он не очень-то ценит и любит шикарную мебель и все эти теперешние безделушки, но его элегантная леди не может выносить ничего посредственного и такого, что не было бы замечательным по качеству. Сам же он относится ко всему этому весьма безразлично и по-философски. «А что здесь делать? – случается ему говорить. – Я с таким же удовольствием могу поваляться и на соломе». И действительно, он довольно небрежен в отношении своей собственной особы». Вся жизнь у него были враги – явные и тайные. Среди них были завистники, политические противники и люди, ненавидевшие его за едкие, безжалостные насмешки, на которые он был мастер. Одни пускали против

него в ход физическую силу, другие плели интриги. Однажды на улице в Дублине он подвергся нападению некоего полковника в сопровождении двух «помощников». Сэр Уильям обратил их в бегство, хотя сам едва не лишился левого глаза от удара острием трости полковника.

Больше огорчений доставляли враги, строившие ему козни при дворе, у ирландских наместников, в судах. В письмах Петти к друзьям в последние годы жизни много горьких жалоб и желчного разочарования. Иногда он становится мелочен, бранится и жалуется по пустякам. Но природный оптимизм и юмор преодолевают все. Он снова строит планы, снова представляет доклады и... снова терпит неудачи.

Жизнь его с 1660 г. проходит то в Ирландии, то в Лондоне. Лишь в 1685 г. он окончательно переселяется в Лондон с семьей и со всем движимым имуществом, в котором главное – 53 ящика бумаг. В том же году умирает Карл II и на престол вступает Иаков II. Новый король как будто расположен к Петти и благосклонно принимает его проекты, над которыми старик работает с новым приливом сил. Но и это скоро оказывается иллюзией.

В декабре 1687 г. Петти умер. Похоронили его в родном городе Ромси.

Сэр Уильям Петти имел у современников тройкую репутацию: во-первых, блестящего ученого, писателя, эрудита; во-вторых, неукротимого проектера и фантазера; в-третьих, ловкого махинатора, человека жадного и не слишком разборчивого в средствах. Эта третья репутация преследовала Петти, начиная с его «подвигов» при дележе ирландских земель и до самой смерти. И она имела под собой основания.

Посмотрим на вторую половину жизни Петти как на биографию собственника и дельца. Перелом в его жизни наступает в 1656–1657 гг., когда он из интеллигента-разночинца превращается сначала в спекулянта и авантюриста, а затем в богатого помещика. Эта перемена неприятно поразила его лондонских и оксфордских ученых друзей. Петти волнуется и страдает от этого, он пишет Бойлю, мнением которого особенно дорожит, заклиная его не делать поспешных выводов, дать ему возможность лично объяснить ход событий. Время отчасти стирает возникшее отчуждение, но следы его остаются.

Сразу после Реставрации Петти приходится вступить в жестокую борьбу за свои поместья: на них претендуют бывшие владельцы, из которых иные пользуются поддержкой нового правительства. Он бросается в эту борьбу со всей энергией и страстью, вкладывает в нее огромные душевные силы и время. Ему удается в основном сохранить свои разбросанные по всему острову земли, он торжествует. Но бесконечные земельные тяжбы преследуют его.

И этого ему мало! Вопреки своим принципам, вопреки увещаниям друзей он бросается в новую авантюру: вступает в компанию налоговых от-

купщиков – богатых финансистов, откупавших у правительства право взимать налоги и грабивших страну. Петти в своих сочинениях резко выступает против системы налоговых откупов, душивших предпринимательство и производство, а своих компаньонов он почти открыто называет жуликами и кровососами. И все-таки вносит аванс! Скоро он ссорится с «кровососами», но не может получить обратно свои деньги. Теперь он вовлечен еще в одну тяжбу – самую жестокую и бессмысленную. Петти запутывается в ней, как в сетях, приходит в ярость, вызывает у друзей сожаление, у врагов – злорадство. В 1677 г. он даже попадает на короткое время в тюрьму «за неуважение к суду». Эти скандалы губят последние шансы Петти на политическую карьеру, к которой он постоянно стремится. Ему отказывают в должностях, которых он добивается, чтобы осуществлять свои проекты.

Собственник стал рабом собственности. Петти сам сравнивал себя в одном из писем с рабом, который прикован к скамье галеры и изнемогает, гребя против ветра. Это трагедия талантливого человека, энергия и силы которого растрачиваются в волчьем мире денег, рент, откупов: буржуазная трагедия.

Современники ощущали эту трагедию, но воспринимали ее, конечно, иначе, чем мы. Их изумлял разрыв между феноменальными способностями Петти и его незначительными успехами на политическом и государственном поприще. Эвелин писал, что трудно представить себе человека, лучше понимающего государственные дела. Он продолжал: «Во всем мире не найдется человека, столь же способного управлять промышленностью и ростом торговли... Если бы я был государем, я бы сделал его по меньшей мере своим вторым советником».

Между тем Петти не добился большего, чем пост ничего не решавшего чиновника в морском министерстве...

Сам Петти далеко не всегда был слеп к убожеству своих повседневных дел, истощавших его мысль и энергию. Порой он сардонически смеялся над собой. Но выйти из порочного круга не мог. Предельный лаконизм сочинений Петти – их достоинство и выражение его характера. Но вместе с тем – это следствие его занятости другими делами.

В 1682 г. Петти написал по конкретному поводу споров о перечекежке английской монеты небольшую работу под названием «Разное о деньгах» (или «Кое-что о деньгах»). Она написана в форме 32 вопросов и кратких ответов. Это «кое-что» – как бы стальной каркас научной теории денег, несущая конструкция, которую оставалось заполнять другими материалами – уточнениями, деталями, иллюстрациями, ставить перегородки между разделами и проблемами.

Маркс говорит о скромной записке, адресованной лорду Галифаксу и не увидевшей света при жизни автора, что эта работа является «до конца отде-

ланной, как бы вылитой из одного куска... Последние следы меркантилистских воззрений, встречающихся в других сочинениях Петти, здесь совершенно исчезли. Эта небольшая работа – настоящий шедевр по содержанию и по форме...».

Петти трактует деньги как особый товар, выполняющий функции всеобщего эквивалента. Стоимость его, как и всех товаров, создается трудом, а меновая стоимость количественно определяется размерами трудовых затрат в добыче драгоценных металлов в сравнении с затратами в других сферах производства. Количество необходимых для обращения денег определяется размерами торгово-платежного оборота, т. е. в конечном счете количеством реализуемых товаров, их ценами и частотой обращения денежных единиц в разных сделках (скоростью обращения). Полноценные деньги могут быть в известных пределах заменены бумажными деньгами, выпускаемыми банком.

Теория денег и кредита в течение последующих двух столетий во многом развивалась в рамках идей, высказанных здесь (и в некоторых других сочинениях) Уильямом Петти или в полемике с этими идеями.

Однако, вместе с тем, это скромное сочинение, где многие мысли лишь конспективны и эскизны, показывает, какие возможности теоретического мышления были заключены в этом человеке. Он сделал лишь какую-то часть того, что мог бы сделать. И хотя подобную вещь можно, вероятно, сказать о любом человеке, в отношении Петти это особенно применимо и особенно важно.

9. МАНУФАКТУРНЫЙ ПЕРИОД В РОССИИ

9.1. Противоречия реформ Петра I

XVIII век воспринимается как переломный в истории России. Начинается с царствования Петра I, который, как принято считать, повернул Россию на западноевропейский путь развития. Особенно это выразилось внешне: верхушка общества переделалась в западноевропейскую одежду, стала перенимать быт европейского дворянства. Однако именно при Петре I, его действиями роль государства в хозяйстве страны повысилась до крайней степени, а это означало усиление одной из «азиатских» черт российского хозяйства. В этом отношении преобразования Петра I имели весьма противоречивый характер.

Именно в связи с петровскими преобразованиями, с развитием мануфактурного производства и рыночных отношений в России усиливается крепостничество, достигшее своего апогея во второй половине XVIII в. Крепостное право, выдвинутое в противовес нарастанию капиталистических явлений, позволило использовать эти явления в интересах сословия феодалов. Использование буржуазных элементов хозяйства в крепостнической форме надолго задержало крушение феодализма в России.

Эти преобразования не были только волюнтаристскими действиями прогрессивного царя. Они были подготовлены всем ходом экономического развития России в XVII в. Мануфактура в России возникла в XVII в., а петровские преобразования лишь ускорили ее развитие. Преобразования в области торговли были прямым следствием рождения всероссийского рынка. Создание регулярной армии было подготовлено формированием полков «иноземного строя».

Уже в XVI–XVII вв. наметилась особенность экономического развития России – усиленный рост государственного хозяйства и господство государства в экономике. Поскольку развитие производства отставало от потребностей государства, особенно военных, государству пришлось самому обеспечивать эти потребности. Поэтому возникли Пушечный двор и Оружейная палата, поэтому первыми мануфактурами в XVII в. были казенные. И поскольку нарождавшаяся в лице купечества русская буржуазия была еще слишком слаба, инициатором ускорения экономического развития выступило государство.

У историков эффективные действия Петра I заслонили прогрессивные преобразования Екатерины II, второй главной фигуры на троне в XVIII в. Между тем именно она открыла дорогу частному предпринимательству и рыночной экономике, и, может быть, ее действия даже в большей степени повернули Россию на Запад.

9.2. Крепостная мануфактура

Итак, первая четверть XVIII в. – период реформ Петра I. Цель этих реформ в области экономики – ликвидировать отсталость России, а для этого – развивать промышленность, которая в Западной Европе находилась на стадии мануфактуры. Политику содействия развитию промышленности принято называть протекционистской. Это обычная экономическая политика государства на начальном этапе капиталистического развития.

Но в России эту буржуазную политику проводило феодальное государство, и это существенно усложняло ее экономическое содержание. Развивая промышленность в форме мануфактуры, в буржуазной, в сущности, форме, государство содействовало росту буржуазных явлений в хозяйстве. Однако, будучи феодальным, оно совсем не стремилось ускорить переход страны к капитализму, поэтому стремилось подчинить эти буржуазные явления к феодальному строю, сделать так, чтобы феодальное общество их усвоило и переварило. Результатом такой противоречивой политики были сложные полуфеодальные, полукapиталистические явления, такие как крепостная мануфактура.

Естественным путем мануфактурное производство еще не развивалось, потому что для этого еще не созрела экономическая основа – первоначальное накопление делало только первые шаги. Реформы Петра I и были направлены на преодоление этой недостаточности первоначального накопления, на развитие промышленности в не созревших для этого условиях.

Одна сторона первоначального накопления – накопление капиталов. Правда, на первой стадии мануфактурного производства, когда преобладала рассеянная мануфактура, больших капиталов не требуется. Но если рассеянная мануфактура в Западной Европе рождалась естественным путем из простого товарного производства, то у нас мануфактура «внедрялась» в хозяйство страны по инициативе государства сразу в централизованной форме. Для нее требовались довольно крупные капиталы. Основной капитал текстильной мануфактуры составлял от 50 до 150 тыс. рублей, металлургической (горного завода) – намного больше. Купцов, имевших столь значительные

капиталы, в России насчитывалось не более трех десятков, но и они не стремились вкладывать капиталы в новое рискованное дело.

Недостаток капиталов преодолевался в трех направлениях.

Во-первых, путем строительства казенных предприятий на средства казны. Большинство петровских мануфактур было построено государством. Это было продолжением уже сложившейся традиции, начало которой было положено Пушечным двором, Оружейной палатой и Хамовным двором.

Во-вторых, для выявления и мобилизации частных капиталов использовались насильственные, административные меры. Если отдельные капиталы были недостаточны для основания мануфактуры, группу купцов заставляли объединяться в «кумпанство» и вместе строить мануфактуру. Например, в 1720 г. для налаживания суконной мануфактуры в Москве Петр предписал объединить в компанию 14 купцов из разных городов, и для организации дела они были доставлены на место под конвоем солдат, причем содержание конвоя было поставлено им же в счет [3, с. 53–54].

Капитал, который скрывался от властей, не использовался, объявлялся тунеядным. Был издан указ: если кто-то будет скрывать капитал, а об этом узнают и донесут, доносчик получает треть этих денег, а остальные конфискуются государством. Указ применялся. В селе Дединове жили братья Шустовы, люди смирные, которые никакими промыслами не занимались и жили в свое удовольствие. Сосед донес, что это богачи, унаследовавшие от дедов огромное состояние. Явились с обыском. Под полом было обнаружено 4 пуда золота (частью в монетах) и 106 пудов серебряных денег. Все это было отобрано.

В третьих, государство прибегало к мерам экономического стимулирования, старалось заинтересовать будущих мануфактуристов. Если человек строил мануфактуру, ему бесплатно отводилась земля. Если для производства были нужны дрова или древесный уголь, бесплатно же отводился участок леса. Чтобы обеспечить сырьем горные заводы, в России была провозглашена «горная свобода»: каждому жителю страны разрешалось искать руды на чужих землях, в том числе и на помещичьих. Если помещик сам не позаботился о разработке руды на своей земле, «то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут, дабы... под землю втуне не осталось.» Иными словами, рудные месторождения отводились горнозаводчику бесплатно.

Для строительства мануфактур государство давало ссуды и субсидии. Прельщаясь возможностью получить лишние деньги, люди охотнее включались в промышленное предпринимательство. Например, купец Короткий, получив от государства развалившуюся бумажную мануфактуру и ссуду в

3 тыс. руб., вложил в это дело своих 15 тыс. руб. и наладил производство. Суда обычно погашалась поставкой в казну готовой продукции.

Часто в качестве поощрительных мер рассматривается и передача казенных мануфактур в частные руки, которая стала практиковаться особенно широко в конце царствования Петра. Но такая передача чаще всего была принудительной. Казенные мануфактуры обычно были убыточными и передавались в частные руки, когда приходили в полный развал. «Буде волею не похотят, хотя в неволю», – писал Петр по поводу передачи в частные руки полотняного завода. И только в некоторых случаях такая передача играла действительно стимулирующую роль. Тульский кузнец – оружейник Никита Демидов, получив по собственной просьбе на Урале один из первых двух казенных заводов, сам построил еще десяток таких заводов.

Но капиталы в России все же были: они накапливались у купцов за счет неэквивалентной торговли. Хуже было со второй стороной первоначального накопления – образования слоя наемных рабочих. Основную массу населения составляли крестьяне, которые были «крепки» земле и помещикам. Не было здесь процесса разорения крестьян и превращения их в рабочих.

Первоначально Петр исходил из того, что мануфактура будет использовать наемный труд, потому что именно так было в Западной Европе, с которой он брал пример. И пока мануфактуры насчитывались единицами, добровольцев, или, как тогда говорили, «охотников», поступить на работу хватало. Известно, что большинству желающих даже отказывали в приеме, потому что их было больше, чем требовалось, и что они давали взятки чиновникам, чтобы те их приняли. Дело в том, что первые мануфактуры были школой мастерства. Там начинались новые для России производства, продукция которых прежде импортировалась и продавалась по высоким ценам. Там, например, можно было обучиться изготовлению тонкого, подобного голландскому полотна, а затем начать собственное дело. Ведь на стадии мануфактуры производство не требовало значительного основного капитала.

Но этот контингент, в основном из ремесленников и близких к городу районов, где были развиты промыслы, был очень скоро исчерпан. На мануфактуры стали отправлять в качестве наказания «винных девок и баб», военнопленных, солдат. А затем пришлось обеспечивать промышленность крепостным трудом.

Переломом стал знаменитый указ 1721 г. о дозволении «для размножения заводов... к тем заводам деревни покупать невозбранно», т. е. покупать деревни с крепостными крестьянами, чтобы заставлять их работать на мануфактурах в качестве рабочих. Этот указ относился к купцам: дворяне и без того имели право покупать крепостных и использовать произвольно их труд. Но это нарушало монополию дворян на право владеть землей и крепостны-

ми, уравнивало купцов с дворянами, поэтому права купцов-мануфактуристов были ограничены. Крепостные и мануфактура в этом случае считались не собственностью купца, а лишь его условным владением – посессией. Юридически собственником такой мануфактуры считалось государство. Крепостные рабочие считались прикрепленными к мануфактуре, и владелец не имел права их продать или использовать их труд помимо мануфактуры. А все законы о казенных мануфактурах автоматически распространялись на посессионные. Государство устанавливало для них объем производства, цены продукции, нормы выработки, заработную плату [8, с. 392].

Итак, при Петре I было положено начало «крепостной мануфактуре», оригинальной российской форме промышленности с использованием крепостного, принудительного труда.

Дело не ограничивалось разрешением покупать крепостных к предприятиям. Кроме того, к каждому казенному и посессионному заводу приписывались деревни с государственными крестьянами. Приписные не составляли собственности мануфактуриста. Они оставались крестьянами, только налоги для них заменялись выполнением вспомогательных работ при мануфактурах. Например, при горных заводах они заготавливали руду, дрова и уголь, доставляя их к заводу на своих лошадях. Они отработывали эту повинность, а затем возвращались в свои деревни, где продолжали вести крестьянское хозяйство. Они оставались крестьянами, а не рабочими.

Итак, крепостная мануфактура возникла, потому что не хватало свободных рабочих. Особенно не хватало рабочих квалифицированных, обученных. Не имело смысла обучать профессии наемного рабочего. С окончанием срока найма он уйдет к другому мануфактуристу или заведет собственное дело. Поэтому в первую очередь мануфактуристы стремились закрепить именно обученных рабочих. В 1736 г. был издан указ, который закреплял за мануфактурами «навечно» всех квалифицированных рабочих.

И сложилось такое положение, которое не соответствует нашему обычному представлению, что наемные жили значительно лучше крепостных. В привилегированном положении чаще оказывались именно крепостные. Это были мастера, подмастерья, наиболее квалифицированные рабочие. Хозяин старался их беречь, потому что они составляли его собственность, и дети их, переняв мастерство отцов, будут работать на мануфактуриста. Эти рабочие жили в своих избах с усадьбами при мануфактуре, получали плату, более-менее соответствующую прожиточному минимуму.

Так, в текстильной промышленности в 20–30-х гг. XVIII в., по расчетам современников, «на харч» для одного человека требовалось в год 7–8 руб. Очевидно, для содержания семьи нужно было только на продовольствие затратить не менее 20 руб. Мастер в год зарабатывал 30–32 руб., подмастерье –

21– 32 руб., ткач – 18–23 руб., прядильщица – 9–15 руб. Мастера и подмастерья, которые были крепостными, могли содержать семью на свой заработок, а вот наемные прядильщицы не могли.

Однако следует оговориться, что не все российские мануфактуры были крепостными. Существовало четыре вида мануфактур: казенные, посессионные, вотчинные (т. е. принадлежавшие дворянам на праве полной собственности) и купеческие. Крепостными были первые три вида, рабочие которых были прикреплены к предприятиям и выполняли «обязательные», как тогда говорилось, работы.

Мануфактуры четвертого вида не обязательно принадлежали купцам. Купцам принадлежали и посессионные, а купеческая могла быть собственностью крестьянина или даже дворянина. Купеческая – мануфактура с наемным трудом. Правда, основной контингент наемных рабочих составляли тоже крепостные – крепостные крестьяне, отпущенные помещиками на оброк. Но по отношению к помещику они были наемными и эксплуатировались капиталистическими методами. Такие мануфактуры принято считать капиталистическими.

Но и крепостную мануфактуру мы не можем считать феодальной. Хозяин такой мануфактуры вкладывал в производство капитал, который подразделялся на основной и оборотный: тратились деньги на строительство предприятия, на ремонт оборудования, на сырье и материалы, на плату рабочим. Доход мануфактурист получал не в виде феодальной ренты, а в виде прибыли, т. е. разницы между производственными затратами и выручкой от продажи продукции. Крепостной рабочий существовал за счет платы за свой труд. Мануфактурист должен был платить за работу, обеспечивая рабочих, тем более, что это были его собственные рабочие.

Таким образом, производственные отношения в крепостной мануфактуре в своей основе были капиталистическими. Но они были облечены в феодально-крепостническую форму. Крепостной рабочий не добровольно, а принудительно продавал свою рабочую силу и не мог сменить хозяина. Поэтому при избытке рабочих на одном предприятии на другом их могло не хватать. Предприниматель-капиталист был одновременно помещиком-феодалом, имел в собственности не только предприятие, но и землю, и рабочих. И российские экономисты крепостного времени писали, что в России к основному («недвижимому») капиталу следует относить не только предприятие, но и землю, и рабочих, поскольку при продаже предприятия это оценивается вместе.

Следует подчеркнуть, что именно крепостное право стало тем инструментом, который позволил приспособить капиталистическую мануфактуру к феодально-крепостническим отношениям. Крепостная мануфактура были

проявлением «второго издания крепостничества» – крупным товарным производством с использованием крепостного труда. По мере нарастания капиталистических явлений усиливалось крепостничество, чтобы приспособить эти явления к феодальным порядкам.

В результате развития крепостной мануфактуры происходило сращивание мануфактуристов с феодалами. Мануфактуристы получают дворянские звания: наследники кузнеца Демидова становятся князьями, наследники крестьян Строгановых – баронами. А помещики все активней включаются в промышленное предпринимательство, заводят мануфактуры в своих имениях.

Мануфактурное производство в XVIII в. выдвигает Россию в число передовых стран по развитию промышленности. Это отразилось в составе экспорта России. Если в XIV в. Россия вывозила почти исключительно сырье, сельскохозяйственную продукцию и продукцию промыслов (правда, к числу сырья относилась и пушнина), то уже в 1726 г. 52% экспорта составляла продукция мануфактур, первые места среди которой занимали железо и парусина.

Наиболее интенсивно развивались металлургическая и текстильная промышленности. Металлургическая промышленность России вышла на первое место в мире. Российский металл вывозился преимущественно в Англию, и промышленный переворот в Англии совершался на русском железе. На экспорт шло до 80% выплавляемого в стране металла. Успехи текстильного производства отражало то обстоятельство, что Россия практически обеспечивала Европу парусиной – двигателями тогдашнего флота.

Успехи российской мануфактуры объяснялись ее приспособленностью к крепостничеству. В крепостной мануфактуре были низкие расходы на оплату труда, но особенно низкие – на сырье и топливо. Хозяин металлургического предприятия в Англии должен был покупать руду и уголь у хозяина земли – лендлорда, который, конечно, пользуясь своим монопольным положением, диктовал цены. Для уральского же заводчика затраты на сырье и топливо сводились к расходам на их заготовку, к тому же заготовку дешевым крепостным трудом. Поэтому российское железо даже в Лондоне оказывалось намного дешевле английского, и Англия облагала российское железо пошлинами, почти вдвое повышавшими его цену.

9.3. Государство и промышленность

Если первой особенностью мануфактурного производства в России была крепостная мануфактура, то второй – господство государства в промышленности и государственная регламентация, административные меры

управления этой промышленностью. Как уже сказано, при Петре I мануфактурное производство создавалось по инициативе государства и в основном принудительными мерами. Петр объяснял это в одном из своих указов: «Наши люди ни во что сами не войдут, ежели не приневолены будут». Он считал, что государственная власть «управление должна иметь, как мать над дитятем, пока в совершенство придет» [12, с. 4540]. По выражению В.О. Ключевского, это было «казенно-парниковым воспитанием промышленности».

В Западной Европе прогрессивные преобразования происходили спонтанно, по мере экономического развития. Развитие производства требовало определенных правовых гарантий для предпринимателей, требовало инициативных, заинтересованных людей. Поэтому экономический прогресс сопровождался увеличением человеческой свободы, закрепленной законами.

У нас прогрессивные реформы проводились сверху, репрессивной машиной государства и укрепляли государство, сопровождалась подавлением общества, подавлением свобод. Дело в том, что за основу этих реформ принимались интересы не общества, а государства в соперничестве с другими государствами. Реформы Петра проводились для того, чтобы укрепить величие Российского государства в соперничестве с Западом. То обстоятельство, что для этого надо было ликвидировать экономическое отставание страны, было уже следствием.

Но усиление деспотии вызывало экономический застой, замедляло развитие, и через некоторое время снова вставала задача новых реформ. Развитие шло импульсивно, циклами, и эта цикличность составляла тоже одну из особенностей экономического развития России.

Сталинский режим был логической ступенью этой особенности. После так называемой «социалистической реконструкции» наступил очередной застой с очередным ослаблением деспотизма, и потребовалось снова ликвидировать отставание России.

А что означали петровские преобразования для населения, показывает следующее соотношение: подати за царствование Петра выросли в три раза, а население уменьшилось на 20%.

В сословной структуре России до XVIII в. не было сословия предпринимателей, которое соответствовало бы третьему сословию Западной Европы. Предприниматели не обособились от других сословий в отдельную группу. Морозов был боярином, Строгановы – крестьянами. И Петр I, содействуя развитию промышленности и торговли, не считал, что для этого нужно особое сословие, а тем более – не видел связи между политическими правами и свободами такого сословия и развитием торговли и промышленности.

Он пытался заставить стать предпринимателями представителей всех сословий. Например, когда потребовалось построить флот на Черном море,

он заставил стать судостроителями всех достаточно богатых людей. Их объединили в «кумпанства», каждое из которых должно было построить один корабль. Помещики, имевшие более 100 крестьянских дворов, должны были составить «кумпанство» на каждые 10 тыс. дворов, духовенство – на каждые 8 тыс. дворов. Купцы и другие горожане тоже объединялись в «кумпанства» и должны были построить 12 кораблей.

Всего таким образом намечалось спустить на воду 52 корабля, а потом это число было увеличено до 64. Но результаты оказались плачевными. Правда, в указанные сроки флот был построен, но, когда через несколько лет потребовалось привести его в действие, оказалось, что Россия на Черном море смогла выставить только 4 фрегата, 5 мелких парусных судов и 2 галеры. Большинство построенных принудительно судов оказались непригодными.

Аналогичные принудительные меры применялись и при строительстве мануфактур. Промышленность у нас не выростала, а «внедрялась» сверху, искусственно. Насколько это было необходимо? Не лучше ли было предоставить производству развиваться естественным путем, в соответствии с законами экономического развития?

Конечно, со временем на базе промыслов и ремесла у нас стали бы рождаться крупные предприятия мануфактурного типа. Но ждать, когда это произойдет, значило – закрепить отставание. В Западной Европе, где это шло естественно, не стояла задача «догнать». А перед Россией стояла именно эта задача.

Подлинная цель петровских реформ – не ликвидировать отставание, а тем более, не поднять благосостояние народа, а сделать Россию сильным государством. Текстильные мануфактуры учреждались, чтобы обеспечить флот парусами, чтобы «не покупать мундира заморского», горные заводы – чтобы обеспечить армию вооружением. А мануфактуры, которые выростали бы из промыслов, как и сами промыслы, готовили бы продукцию для рынка, для народного потребления. Для казенных же потребностей требовался иностранный опыт, новая технология, т. е. искусственное «внедрение» мануфактур.

В России крепостничество препятствовало образованию третьего сословия, свободного и богатого, из которого выходили мануфактуристы на Западе. Вот та же крепостническая система обеспечивала условия для принудительного, административного «внедрения» мануфактур, тем более, что можно было использовать традиции государственного предпринимательства.

И результат был достигнут – Россия вступила в мануфактурный период, хотя и необычным путем: не сформировав третье сословие, сословие предпринимателей.

И все же Петр I формальные шаги по учреждению третьего сословия сделал. Он брал пример с Запада, а там были органы городского самоуправления – Городские магистраты. И Петр в 1699 г. тоже учредил в России выборные городские магистраты.

Городское население, т. е. посадские люди, для этого делилось на три категории: 1) «граждане», к которым относились крупные торговцы, лекари и золотых дел мастера; 2) «подлые граждане» – мелкие торговцы и ремесленники; 3) «подлые люди» – наемные работники и приказчики, т. е. люди, не имевшие своего дела.

В выборах городских магистратов участвовали две первые категории, т. е. предприниматели, но магистраты стали не органами самоуправления, а вспомогательными исполнительными органами при воеводах, так что участие в магистратах стало лишь дополнительной обузой для горожан. Никаких привилегий участие в магистратах не давало. Наоборот, именно они должны были отвечать за выполнение назначенных государством повинностей. Например, в Коломне офицер, который организовывал доставку подвод для казенных нужд, «велел драгунам, позвали его, бургомистра, держать за волосы и за руки и бил тростью».

Бесправие предпринимателей усиливается при преемниках Петра. Учрежденная Петром Мануфактур-коллегия в какой-то степени защищала интересы промышленников. Екатерина I заявила, что она «жалованье напрасно получает» и предписала ее ликвидировать. Потом, правда, она была восстановлена. Петербургскую биржу, построенную на деньги купцов, Екатерина приказала отдать под полковую швальню.

Даже когда государственные органы старались содействовать предпринимателям, их действия нередко имели обратный результат. Например, было велено на реках «старого манеру суда все рубить, а хозяевам чинить наказание». Но новые суда западного типа не годились для мелких речек, требовали больших команд, а, кроме того, обычно суда «старого манеру» были одноразовыми: по доставке груза они обычно продавались на дрова. Новые же суда были слишком дорогими, чтобы так с ними поступать.

Бесправие предпринимателей определялось тем, что они экономически зависели от государства и государственных заказов. Идеологом этого слоя населения считается Иван Посошков, написавший сочинение «Книга о скудости и богатстве».

Раздел «О купечестве» в этой книге он начинает словами: «Воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет»; «ни воинству без купечества, ни купечеству без воинства не жить». Никакого рынка! Купечество необходимо лишь для обслуживания армии. Это соответствовало представлениям и политике Петра I.

Посошков предлагал «строить дома из царские казны... , где что пристойно делать», т. е. строить казенные мануфактуры. А проблема рабочей силы для этих мануфактур решается просто: «Гулящих робят мужеска пола и женска имать и учить и, науча, владети ими вечно», а также «хватать и имать к тем делам» нищих [11].

Посошков предлагал систему вмешательства государственной власти во все стороны экономической жизни, строгую государственную регламентацию промышленности. Короче говоря, он предлагал именно то, в чем заключалась экономическая политика Петра. Тем не менее его сочинение вызвало недовольство властей. В 1725 г. он был арестован, посажен в Петропавловскую крепость, где и умер в следующем году.

В промышленности сложились уникальные отношения. Основную часть мануфактур в результате петровских реформ составили казенные и посессионные (т. е. формально принадлежавшие тоже государству). Подавляющая часть мануфактурной продукции пока шла в распоряжение государства, поэтому и цены этой продукции определялись не рынком, а были «указными», т. е. устанавливались государством. Правда, при этом учитывалась себестоимость. Так, цена, по которой оценивалось сукно мануфактуры Щеголина, определялась себестоимостью с прибавлением 10% прибыли.

Для управления промышленностью были созданы специальные государственные органы: Берг-коллегия, которая ведала горными заводами, и Мануфактур-коллегия, которой подчинялись все остальные мануфактуры. Основывать новые мануфактуры можно было только по разрешению этих органов, и это разрешение оформлялось специальным указом.

Государство управляло как своими не только казенными и посессионными, но и остальными мануфактурами. Оно давало предприятиям государственные «наряды», т. е. производственные задания, а если мануфактурист не справлялся с этими заданиями, отбирало у него мануфактуру, или оставляло в распоряжении государства, или передавало другому «заводосодержателю». Само это слово «заводосодержатель» показывало, что частная собственность на промышленное предприятие не признавалась.

В 1747 г. суконщик Третьяков был заключен под стражу за недопоставку сукон. В 1750 г. решением Мануфактур-коллегии был исключен из числа мануфактуристов и «возвращен в купечество» владелец шелковой мануфактуры Дудоров, который не выполнил государственного предписания по увеличению производства, а его предприятие было передано Колосову. Когда накануне битвы под Нарвой заводчик Бутенант не мог выполнить явно невыполнимого приказа Петра I о поставке за 3 месяца 100 пушек и 100 000 ядер, его заводы были отобраны в казну.

Решающую роль в промышленности стала играть бюрократическая верушка, которую Ключевский охарактеризовал следующим образом: «Лишенная всякого социального облика куча физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чиновничеством».

Но административная регламентация не могла заменить рынок. Она делала невозможной конкуренцию, а тем самым – и совершенствование производства. Предприниматель был заинтересован в том, чтобы получить выгодный казенный заказ, монополию на производство своей продукции, высокую «указную» цену на свои изделия, получить от государства землю, лес, разного рода привилегии. А для этого надо было иметь связи в правительстве, уметь подкупать чиновников, а не улучшать производство. Это порождало появление мануфактур, которые числились только на бумаге.

Конечно, в наибольшей степени административная регламентация действовала на казенные предприятия, которые показали свою несостоятельность уже к концу царствования Петра I. Именно поэтому и началась массовая передача этих предприятий в частные руки. Лишь немногим меньше были скованы казенной регламентацией посессионные предприятия. В наименьшей степени административная система действовала на купеческие предприятия.

Создание мануфактурной промышленности в первой четверти XVIII в. было результатом личной энергии Петра I и его сподвижников, но после его смерти темпы роста мануфактурного производства резко снизились, и к середине столетия это производство забуксовало. Именно в это время появилось много мануфактур, числившихся только на бумаге. Лишь в 1744 г. «за неразмножение фабрик и за худым мастерством сделанных на тех фабриках товаров» государством были закрыты сразу 44 мануфактуры.

Изменение государственной политики по отношению к мануфактурам началось в царствование Екатерины II, которая была горячей сторонницей рыночной экономики. Она не только читала западные издания по экономике, но и состояла в переписке с некоторыми экономистами. Она организовала комиссию по составлению «Нового уложения», т. е. по реорганизации социально-экономических порядков в России. Для работы в этой комиссии от каждого сословия были выбраны депутаты. В Наказе Екатерины для этой комиссии было написано: «Никаких дел, касающихся до торговли и фабрик, не можно завести принуждением, а дешевизна родится только от великого числа продавцов и от вольного умножения товара» [12, т. 18, № 13090].

«Новое уложение» составлено не было, в частности, потому, что многое из предлагаемого Екатериной тогдашнее общество не приняло. И все же рядом своих указов она ограничила казенную регламентацию и расширила

сферу рыночных отношений. Было разрешено основывать мануфактуры без специального государственного разрешения, которое требовалось до этого. Мануфактуристам запретили покупать крепостных к предприятиям, т. е. основывать новые посессионные мануфактуры. Правда, полностью одолеть административную систему Екатерина не смогла. Остались действовавшие казенные и посессионные предприятия. Развитие металлургической, шерстяной и некоторых других отраслей по-прежнему определялось казенной регламентацией. И все же «рыночные» законы Екатерины резко ускорили развитие промышленности. Число мануфактур за царствование Екатерины выросло с 980 до 3200, и основная масса прироста мануфактурной продукции за XVIII в. приходится на период ее правления.

Изменилось и отношение к сословию предпринимателей. По учебникам Екатерины II «среднее сословие», т. е. городское торгово-промышленное население должно было стать основой процветания хозяйства. Екатерина писала одной из своих зарубежных корреспонденток: «Еще раз, мадам, обещаю вам третье сословие ввести; но как же трудно его будет создать!»

Правда, и ее действия нередко имели казенно-административный характер. Чтобы расширить третье сословие, она «воздвигала» города, давая им преимущественно названия, оканчивающиеся на «поль» (от древнегреческого «полис») – Севастополь, Симферополь и др. Соответствующие указания доводились до местной администрации, а та действовала следующим образом: составлялся план города, где обозначались присутственные места, церкви, торговые ряды и прочие официальные принадлежности города, затем все это строилось на месте, для управления городом назначались соответствующие чиновники, и первое время существовал город без населения.

Например, при основании города Вознесенска кроме перечисленных учреждений были отведены места для «каналов» и «ботанических садов». Предполагалось, что это привлечет людей и «жители потекут во множестве к новоустроенному городу». Но поскольку этого не произошло, было предписано в город прислать из разных губерний по 100 человек.

9.4. Развитие промышленности

Итак, предпринимательское сословие в России формировалось в тесной связи с государством, что являлось естественным следствием особой роли государства в хозяйстве России,

Горно-металлургическая промышленность. Толчком к развитию металлургии стала война с Швецией. До этого Россия покупала железо именно у Швеции, занимавшей тогда первое место в мире по металлургии. А теперь,

когда металла требовалось намного больше, его импорт прекратился. Поневоле пришлось переливать колокола на пушки.

Сначала стало увеличиваться производство металла в Тульско-Каширском и Олонецком районах. На Урале строительство заводов только еще начиналось. Основателем новых заводов в Тульском районе выступил казенный оружейник Никита Демидов. Впрочем, к этому времени он был уже не просто мастером. У него была крупная мастерская и на него работало не менее 250 наемных работников.

В Олонецком районе заводчиком был компаньон Виниуса Бутенант. Накануне битвы под Нарвой он получил приказ Петра I за 3 месяца изготовить 100 пушек и 100 тыс. ядер. Приказ был явно невыполним. За невыполнение государственного заказа заводы были отобраны в казну.

Между тем в этих старых районах местные руды истощались, да и качество металла из болотных руд было низким. Поэтому началось строительство заводов на Урале. В 1720 г. Урал уже давал половину российского металла, а к 1725 г. его доля выросла до 73%.

Первые пять заводов на Урале были построены государством. Два из них, Невьянский и Каменский, начали действовать в 1701 г. Основателем этих заводов был Андрей Виниус, сын основателя первых металлургических заводов под Тулой.

Только Андрей Андреевич уже не считал себя голландцем. Он возглавлял сначала Сибирский, затем Артиллерийский приказ. Еще до основания уральских заводов он доказывал Петру, что «наше сибирское железо многим швейского лучше» (Урал тогда относили к Сибири). А потом с полным правом писал, что на Урале «построил четыре завода великие». [9, с. 26].

Один из первых двух заводов, Невьянский, уже на следующий год был передан Демидову. Демидов участвовал в апробации уральских руд, обнаружил, что их качество исключительно высокое, и попросил Петра разрешить ему лить пушки на Невьянском заводе. А так как Демидов уже проявил себя хорошим специалистом и организатором, Петр в 1702 г. передал ему этот завод с территорией радиусом в 30 верст вокруг завода.

Впрочем, Петр, который считал себя лучшим специалистом в любом деле, дал подробные указания Демидову, как вести заводское хозяйство. В частности, он предписал вырубать лес вокруг завода по секторам, «чтоб то место, спустя, опять заросло». Этот метод сохранения лесных ресурсов был положен в основу всего дальнейшего лесопользования на заводах Урала.

Первыми после Виниуса управляющими казенных заводов на Урале были Татищев и де Геннин. Они оставили после себя любопытные документы. Татищев составил «Наказ шихтмейстеру». Из этого наказа следовало, что все действия частных заводчиков должны проходить под руководством го-

сударственных чиновников – шихтмейстеров. Государство должно определять объем производства, ассортимент продукции, регулировать отношения между хозяином и рабочими. На этой почве у Татищева были крупные противоречия с Демидовым, который не признавал такой государственной регламентации, а к тому же, будучи лично знакомым с Петром I, считал обязательными для себя только его указания.

Де Геннин оставил после себя «Табель», т. е. производственный план по казенным заводам на 1724 г. Исходя из производственной мощности, норм выработки, производственных затрат и других показателей, он рассчитал объем производства, величину прибыли и составил, таким образом, сбалансированный план. В сущности это было началом планирования в России.

Одной из трудностей на Урале было положение с рабочей силой. Урал только еще заселялся, крестьяне здесь имели достаточно земли, в заработках не нуждались, тем более, что помещиков здесь почти не было и не надо было платить оброк. Поэтому на добровольный наем местного населения рассчитывать не приходилось.

Демидов выходил из положения, нанимая беглых. Очевидно, приток крестьян, бежавших на Урал от помещиков, был достаточно мощным. Но почему эти люди, бежавшие от помещиков, шли добровольно на заводы? В нашей художественной литературе заводская работа того времени изображается как каторжный ад. А у беглых был выбор: они могли заняться здесь сельским хозяйством или пойти в скит. К тому же они уже имели опыт бегства, были людьми вольнолюбивыми, достаточно осведомленными об условиях работы у Демидова. Очевидно, эти условия все-таки были не столь тяжкими.

Указами 1722–1724 гг. было разрешено беглых оставлять при заводах. Помещики в случае опознания беглого могли лишь получить довольно умеренную денежную компенсацию. Эти указы относились и к казенным заводам, т. е., оказывается, и на казенные заводы тоже принимали беглых.

Вторую группу неквалифицированных рабочих составили приписные из местного, уральского населения. Сначала их приписывали для строительства заводов, а потом они закреплялись за ними для выполнения вспомогательных работ.

Сравнительно просто, таким образом, было обеспечить рабочей силой вспомогательные работы. Основные же заводские работы требовали высокой квалификации, а ни приписные, ни беглые, конечно, такой квалификации не имели.

Начальный контингент квалифицированных рабочих составили переведенные туда мастеровые с заводов центра. Переводили их, конечно, не спрашивая их согласия, и они не могли уволиться с заводов, следовательно, были

крепостными. Но именно они находились в лучших экономических условиях. Мастер получал в год 24–60 руб., подмастерье – 20–24 руб., работник – 12–18 р., ученик – 12 руб. В переводе на хлеб это составляло от 300 до 1000 пудов, т. е. на дневной заработок можно было купить от 1 до 4 пудов хлеба [9, с. 90–91].

Это было намного выше оплаты неквалифицированного наемного труда. Нужно правильно понимать крепостнические отношения того времени. Они были, в сущности, нормой для всех, кто находился на государственной службе, поэтому не воспринимались как унижительные. Сами Татищев и де Геннин были поставлены на свои должности государством и не могли уволиться по собственной инициативе. Разница была лишь в том, что дворянин не подлежал физическому наказанию и не должен был выполнять физическую работу.

Итак, первый контингент квалифицированных рабочих сюда был переведен «по указам» с заводов промышленного центра. Остальные обучались в процессе производства. Ученики составляли до 70% по отношению к числу мастеровых, т. е. обученных квалифицированных рабочих. Но оказалось, что для овладения квалификацией требуется определенный образовательный уровень. Поэтому уже Татищев стал организовывать на Урале горнозаводские школы, в которых детей мастеровых обучали чтению, письму, математике и основам горнозаводского дела.

До 30-х гг. на Урале было только два хозяина горных заводов – казна и Демидов. В 30-е гг. в строительство заводов включаются солепромышленники Строгановы, купец Турчанинов и другие люди.

Большую роль в этом сыграло открытие в 30-х гг. горы Благодать – горы из железной руды. Открыли ее вогулы братья Чумпины. Один из братьев направился с известием об открытии к Демидову, другой – к представителю казенных заводов Ярцеву. Ярцев, оценив значение открытия, бросил все дела и поскакал в Екатеринбург. Демидов при проезде Ярцева через свой завод заподозрил неладное и пытался его задержать, но Ярцев прорвался к Татищеву. Тот объявил гору казенной собственностью. Приказчик Демидова с заявкой опоздал на 2 часа. Чумпин за открытие получил 20 руб. Демидов предложил Татищеву взятку в 3000 руб., но безуспешно.

До середины XVIII в. в числе частных заводчиков Урала людей дворянского происхождения не было. В 50-х гг. при Елизавете Петровне почти все казенные заводы были проданы придворным сановникам – Шувалову, Воронцову, Ягужинскому. Продавались заводы по очень низкой условной оценке, но и эта ничтожная плата в казну внесена не была. Правительство «простило» долги. В собственности титулованных владельцев, впрочем, за-

воды оставались недолго. Уже в 60–70-е гг. они были проданы обратно казне, причем теперь продавались за настоящую цену, т. е. втрое дороже.

К концу столетия дворянские предприятия давали только 20% продукции, причем дворяне-заводчики этого времени в основном получали заводы через заключение браков, в качестве приданого. Крупнейшими заводчиками дворянского происхождения теперь были Всеволожские и Голицыны.

Большинство заводчиков не имело дворянского происхождения. Правда, многие из них к концу XVIII в. получили дворянские звания. Демидовы и Строгановы стали дворянами уже в 20-х гг. Откупщик Савва Яковлев, крестьянин по происхождению, стал дворянином в 60-х гг. В 70–80-х гг. получили дворянские звания Лазарев, происходивший из армянских купцов, бывший извозчик Турчанинов, а также Баташовы и Мосоловы, которые, как и Демидов, вышли из тульских кузнецов-оружейников. Почти все эти люди владели заводами на посессионном праве. На владельческом праве, т. е. на праве полной собственности, владели заводами только Всеволожские, Голицыны, Строгановы и Лазаревы.

К началу XIX в. на Урале сложилась система заводских округов. Дело в том, что законченным предприятием являлся не завод, а округ из нескольких заводов. В пределах округа заготавливались уголь и руда, которые направлялись в доменный завод. Чугун, полученный в доменном заводе, перевозился в железоделательный, а полосовое железо шло в передельный, где оно перерабатывалось в сортовое. Администрация округа ведала не только заводами, но и всей жизнью населения на территории округа. Такая структура, которая исходила из максимального самообеспечения производства всем необходимым, в определенной степени копировала натуральное хозяйство феодальной вотчины и была следствием слабого развития рыночных отношений.

В горнозаводской промышленности Урала практически не было купеческих мануфактур с наемным трудом. Это была чисто крепостная отрасль.

По техническому уровню уральские заводы того времени относились к числу лучших в мире. Например, уральские домны в среднем были вдвое мощнее английских. С 1725 по 1800 г. черная металлургия России увеличила производство в 12 раз. К 1740 г. по производству чугуна Россия обогнала Англию, выйдя на второе место в мире после Швеции, а в 50-х гг. обогнала и Швецию. Это первое место в мире она сохраняла до 1800 г. 80% российского металла давал Урал.

До 80% выплавленного металла шло на экспорт. Уральское железо оказалось очень дешевым, даже с доставкой в Лондон.

В начале века казна платила за пуд железа от 60 до 90 коп., а Демидов стал поставлять железо по 42–45 коп., причем его себестоимость на месте производства составляла 16 коп.

9.5. Текстильная промышленность

К началу XVIII в. текстильных мануфактур в России не было: к этому времени текстильные мануфактуры XVII в. прекратили существование. В начале XVIII в. рождаются казенные текстильные предприятия: Хамовный двор в с. Преображенском под Москвой, который готовил парусину для рождавшегося флота, Полотняный завод и Суконный двор в Москве и др. Все они производили продукцию низкого качества, были крайне нерентабельны и к концу 20-х гг. почти все переданы создаваемым специально для этого из купцов «кумпанствам». Впрочем, в большинстве случаев и «кумпанства» оказывались несостоятельными, часть компанийщиков выходила из дела, и мануфактуры в конечном итоге попадали в руки предприимчивых купцов-мануфактуристов. Интересна в этом отношении фигура казанского купца Микляева, в руки которого попали казенный Полотняный завод в Москве и Суконный двор в Казани. К этому времени Микляев был уже крупным промышленным предпринимателем. Он стоял во главе процветавшего торгово-промышленного объединения, включавшего кожевенные, винокуренные, кирпичные заведения и обширное торговое дело.

В частных руках мануфактуры оживали. Если вначале почти все они были нерентабельны и выпускали продукцию низкого качества, то к концу царствования Петра I качество продукции стало более-менее сносным, а предприятия уже не были убыточными.

В 1725 г. в России было 23 частных и 5 казенных текстильных мануфактур: 12 суконных, 15 полотняных и 10 шелковых. Почти все они находились в Москве и под Москвой. Столица была перенесена в Петербург, там был двор и государственные учреждения, но указом перенести на новое место экономический центр страны было невозможно. Сохранялась преемственность: раньше вокруг Москвы и Ярославля располагались текстильные промыслы, теперь – мануфактуры.

Почему? Потому что здесь были подготовленные рабочие: кустарному ткачу было легче обучиться изготовлению новых тканей, чем полному профану. Здесь готовилось и продавалось большое количество пряжи, которую мануфактуристы того времени обычно покупали, а не готовили в помещениях мануфактуры. Москва была главным торговым узлом страны, поэтому здесь легче было купить продовольствие и припасы, продать готовую продукцию.

Что из себя представляла текстильная мануфактура петровского времени? Она была централизованной, т. е. раздача работы на дом не практиковалась. Но это не значит, что все работы проводились в одном помещении. В

соответствии с употреблявшимся тогда названием мануфактура представляла «двор», обнесенный высоким забором. В этом дворе было несколько ткацких светлиц, мыларни, где варилась пряжа, амбары, баня, контора.

Из общего состава рабочих текстильных мануфактур к середине XVIII в. 5,3% были крепостными, 84,4% – посессионными, 10,3% – наемными. Преобладали, таким образом, посессионные мануфактуры, к которым рабочие были прикреплены государством и которые действовали под контролем государства. К 1776 г. в результате законов Екатерины II доля наемных увеличилась до 40%, хотя принудительный труд все еще преобладал.

Текстильную промышленность принято делить по виду сырья на подотрасли, причем развитие каждой из них имело свои особенности.

Пеньковая промышленность готовила холст, полотно, парусину. За период с 1725 по 1800 г. число заведений этой подотрасли выросло с 15 до 318, т. е. в 21 раз, число рабочих – с 3 до 29 тыс., т. е. почти в 10 раз, а производство тканей – с 1,5 до 21 млн аршин, т. е. в 14 раз.

Русские мануфактуры использовали лишь небольшую часть льна и пеньки, производимых в России. В 40-х гг. они перерабатывали 3% от того количества волокна, которое шло на экспорт, в 90-х гг. – 19%. При этом подавляющая часть продукции самих мануфактур – 60–80% тоже шла на экспорт. Из того, что оставалось, значительная часть использовалась на нужды государства. Внутренний рынок по-прежнему насыщался продукцией кустарных промыслов. Только с 60-х годов мануфактуры стали готовить продукцию для народного потребления: пестряди, затрапезы (сине-полосатая ткань, которая выпускалась ярославской мануфактурой Затрапезного) и др.

Шерстяная промышленность росла несколько медленнее льно-пеньковой. Число заведений этой подотрасли с 1725 по 1800 г. выросло в 11 раз, численность рабочих – в 10 раз, а объем продукции – в 6 раз – с 500 тыс. до 3 млн аршин. Если развитие льно-пеньковой промышленности резко ускорилось с 60-х годов, причем эти высокие темпы продолжались до конца века, то в развитии шерстяной промышленности отчетливо выделяются три периода: медленный рост до 60-х гг., ускорение с 60-х гг., но в последние десятилетия XVIII в. развитие снова затормозилось.

Трудности в этой подотрасли начались еще в начале столетия. Не хватало сырья: шерсть как товар на рынке до-петровской России не фигурировала. Был издан указ, предписывавший продавать шерсть на Суконный двор. Но так как и после этого шерсть не поступала, была установлена казенная монополия на закупку не только шерсти, но и овчин: предполагалось с них состригать шерсть. Был запрещен и экспорт шерсти. И все же спрос рождал предложение: шерстяные мануфактуры в конечном итоге были обеспечены российским сырьем.

Петровские суконные мануфактуры производили в основном не сукно, а каразею – ткань низкого качества, которая годилась только на подкладку. Желание Петра «не покупать мундира заморского» при его жизни выполнено не было. И даже в середине века каразея преобладала в продукции суконных мануфактур. Только в 60-х гг. производство сукна было освоено полностью.

Чем объяснялся застой в конце века?

Во-первых, тем, что шерстяная промышленность в XVIII в. работала на казну, а не на рынок. В 40-х гг. она давала лишь половину необходимого для армии сукна, остальное приходилось покупать за границей. Лишь к концу столетия отечественное производство стало полностью удовлетворять потребности армии. Появились излишки, которые можно было бы продавать на рынке. Но солдатское сукно и каразея, которые готовили мануфактуры для казны, не годились для продажи на вольном рынке. А казенные потребности были уже насыщены.

К тому же цены, по которым продукция сдавалась в казну, были «указными», т. е. установленными государством. А на рынке в конце века цены существенно повысились. Рубль подешевел. И указные цены на шерстяные ткани оказались убыточными. А убытки, как известно, ведут к сокращению производства. Это и было первой причиной застоя.

Во-вторых, в отличие от других отраслей текстильной промышленности в шерстяной решительно преобладали посессионные и вотчинные мануфактуры. Конечно, это было связано с работой на казну. Государство обеспечивало работающие на него предприятия рабочей силой. И наемные рабочие в отрасли к концу века составляли только 10%. Но в крепостной мануфактуре используется определенный контингент рабочих, поэтому она не может увеличить производство. Иными словами, она не приспособлена для расширенного воспроизводства. А основание новых посессионных мануфактур, как уже сказано, в конце века было уже запрещено. Это и явилось второй причиной задержки роста суконной промышленности.

Хлопчатобумажная промышленность в XVIII в. была новой отраслью не только для России, но и для Западной Европы. Хлопок в Европе не выращивали. Хлопчатобумажная промышленность России рождается только во второй половине XVIII в., причем рождается «задом наперед» – сначала возникают набивные предприятия, потом ткацкие и лишь в последнюю очередь прядильные, но прядильные – уже в XIX в.

Первые мелкие кустарные предприятия основываются на путях, которыми шел хлопок в Россию. Один путь шел через Астрахань, и там зарождается хлопчатобумажное производство. Занимались им переселенцы из Армении, которые бежали сюда от турецко-персидского разорения своей страны. Дело в том, что в Армении хлопчатобумажное производство было известно давно.

На пути хлопка из Астрахани вверх по Волге возник еще один пункт его переработки: в немецкой колонии Сарепте началось производство «сарпинки» – ткани в полоску и клетку из окрашенной пряжи.

Еще один пункт кустарного хлопчатобумажного производства возникает на пути хлопка из Средней Азии – в Казани. Здесь появляются татарские предприятия, которые готовили ткани в расчете на местного потребителя с восточными вкусами.

Первое крупное предприятие мануфактурного типа в центре было набивным – мануфактура англичанина Козенса. Она была основана в Петербурге в 50-х гг. Затем появляются другие набивные предприятия. Центром набивного производства постепенно становится с. Иваново. Крестьяне этого села нанимались на московские мануфактуры, перенимали производственные секреты, а затем начинали сами набивное дело.

В конце 60-х гг. появились первые бумаготкацкие предприятия. Одним из главных центров этого производства тоже стало Иваново. А первое бумагопрядильное предприятие было пущено в ход только в начале XIX в.

К началу XIX в. в России действовало 240 бумажных мануфактур, на которых было занято 2000 рабочих и производилось более 4 млн аршин ткани. А вся текстильная промышленность в это время насчитывала свыше 1000 предприятий, 77 000 рабочих и выпускала 30 млн аршин ткани [5].

9.6. Остальные отрасли цензовой промышленности

Переходя к остальным отраслям промышленности и выяснению особенностей развития предпринимательской деятельности в этих отраслях, следует оговориться, что в XVIII в. лишь немногие из них были оформлены в заведения, доступные официальному учету. Заведением (или заводом) называлось производство, которое имело отдельное производственное помещение или сооружение: кожевня, винокурня, «будный майдан». Заведение было не обязательно мануфактурой или даже простой капиталистической кооперацией. Например, кожевню, в которой работало несколько человек, включая хозяина, можно отнести только к простому товарному производству, потому что хозяин здесь не был капиталистом: он существовал за счет своего труда, а не прибыли с капитала. Тем не менее сведения о кожевнях в той или иной степени регистрировались отвечающими за хозяйство чиновниками, учитывались авторами хозяйственных описаний и потому сохранились до нашего времени. Число кожевен можно было сосчитать и учесть. Такие предприятия, пусть маленькие, но доступные официальному учету, принято называть цензовыми. Таким образом, в ценз попадали ману-

фактура, простая капиталистическая кооперация и частично – простое товарное производство.

Но большая часть промышленности в ценз не попадала, потому что не была оформлена в доступные регистрации заведения. Так, полностью за пределами ценза оставалось производство одежды и обуви: портные и сапожники работали по домам. По домам, выполняя заказы потребителей, работали столяры. Ножи, ножницы, гвозди и прочие металлические изделия готовили кузнецы. Правда, кузница представляла отдельный производственный объект, но в состав цензовой промышленности не включалась. Чиновники, ведущие учет, отличали ремесло, т. е. работу на заказ, от работы на рынок, и ремесленников в ценз не включали. Кузнецы же явно относились к ремеслу. По этой же причине не включались в ценз мукомольные мельницы: мельники тоже работали на заказ и даже плату за помол брали мукой, а не деньгами. По домам коптилось мясо, приготавливался сыр, выжималось растительное масло из семян льна и конопли. Почти вся пищевая и подавляющая часть легкой промышленности оставались вне ценза. Артели плотников строили дома, такие же артели по подрядам готовили суда, но они не имели отдельных производственных помещений, распались с окончанием строительства, а потом собирались вновь, и учесть их как отдельные производственные объекты было невозможно. Таким образом, цензовая промышленность, которую мы рассматриваем, представляла в XVIII в. лишь верхушку айсберга, состоявшего в основном из ремесла и народных промыслов.

В XVIII в. в составе цензовой легкой промышленности, кроме текстильной, зафиксированы 5 отраслей: кожевенная, стекольная, фарфоро-фаянсовая, бумажная и галантерейная.

Кожевенная промышленность сравнительно рано попала в ценз, потому что одним из главных потребителей лосиной в обувной кожи была армия. Казенное потребление означало крупные заказы на стандартную продукцию, в результате чего возникали относительно крупные официально признанные заведения. Так, на Лосином заводе (по выделке лосиной кожи для гвардейских лосин) под Москвой было занято в 1726 г. 50–60 рабочих.

В 60-х гг. XVIII в. числилось 13 цензовых кожевенных заведений, причем в среднем в месяц производилось продукции на 11,5 тыс. руб. По объему продукции такие заведения можно было бы считать капиталистическими, если бы там использовался наемный труд. Но они выпускали продукции на 150 тыс. руб. в год, тогда как только экспортировалось в это время кож на 1,2 млн. руб. То есть в ценз пока попадали только те предприятия, которые были связаны с государственным потреблением.

Если кожевенная промышленность в России была традиционной отраслью и выросла из кустарных промыслов, то **стекольная** была внесена в рос-

сийское хозяйство извне, из-за границы. Стекольных промыслов в России не было. Первые стекольные заведения возникли в XVII в., причем из четырех известных по меньшей мере два принадлежали иностранцам. К началу XVIII в. ни одно из них не сохранилось.

В 1725 г. числилось 8 стекольных заведений, в том числе предприятие Мальцева, потомки которого потом заняли ведущее место среди стекольщиков России. В 50-х гг. действовало 10 стекольных заведений, в 60-х гг. – 12–16. Большинство из них были крепостными или посессионными предприятиями.

В 50-х гг. в среднем на заведение выпускалось продукции на 3 тыс. руб., в 60-х гг. – на 2 тыс. руб. По этому показателю отрасль еще не достигла капиталистического уровня, потому что низшая граница оборотного капитала капиталистического предприятия превышала 3 тыс. руб. Только в этом случае прибыль с капитала могла полностью обеспечить жизнь семьи хозяина [13].

Фарфоро-фаянсовое производство также пришло к нам из-за границы. Первые предприятия этой отрасли возникли в России во второй половине XVIII в., в том числе императорский завод в Петербурге и завод Гарднера в Подмосковье. Завод Гарднера начал действовать в 1772 г., в 1776 г. было уже 3 таких завода, а в начале XIX в. – 56.

Работавшие у Гарднера русские люди быстро переняли технический опыт, и в Московской губернии возникло гнездо кустарного фарфоро-фаянсового производства – Гжель. Таким образом, здесь развитие шло «наоборот»: сначала появились крупные предприятия, а потом – кустарные промыслы.

«Привнесенной» отраслью была и бумажная промышленность. Бумажные заведения были в числе наиболее ранних промышленных предприятий в России: бумага была нужна для бюрократического аппарата. Первые четыре бумажных заведения возникли в XVII в., но к началу XVIII в. не числилось ни одного.

В годы царствования Петра I возникло 6 бумажных предприятий, причем первыми из них начали действовать три казенных. В 60-х гг. числилось 13 бумажных заведений, в 1799 г. – 52. Уже к концу царствования Петра I ввозилось только 20% потребляемой в стране бумаги, в 60-х гг. – 6%, а в 90-х гг. – 4%. Таким образом, собственное производство почти полностью удовлетворяло внутренние потребности.

Объем продукции на заведение составлял от 8 до 12 тыс. руб., следовательно, бумажное производство того времени можно было бы считать капиталистическим, если бы не то обстоятельство, что подавляющее число предприятий использовало крепостной труд.

Последней из отраслей промышленности, производившей потребительские товары в XVIII в., была **галантерейная промышленность**. Строго говоря, это не была единая отрасль: мы объединяем под таким названием разные производства с разной технологией: шляпное, позументное, пуговичное, сургучное, игольное. Это были предприятия, обслуживавшие дворян и чиновников: простому народу сургуч или позументы были ни к чему, как и форменные металлические пуговицы. Шляпы этими предприятиями изготавливались тоже для дворян. Войлочные шляпы для народного потребления готовилась в кустарных промыслах. Все эти производства пришли из Западной Европы.

К концу царствования Петра I действовало 6 таких заведений: 3 шляпных, 2 пуговичных, 1 игольное, в 50-х гг. – 10, а к началу XIX в. их число выросло до 90. Если в 50-х гг. в среднем на галантерейном предприятии производилось продукции на 15 тыс. руб., то к началу XIX в. – на 45 тыс. руб. Число заведений выросло в 9 раз за полвека, но в основном за счет мелкого производства. Аналогичный процесс наблюдался и в других отраслях. Объяснялось это «рыночной» политикой Екатерины II. До этого имели право на существование только крупные «указные» мануфактуры, имевшие нередко монополию на производство того или иного товара. Екатерина отменила монополии и разрешила свободно основывать любые мелкие предприятия, провозгласила свободу кустарных промыслов, и предприятия стали быстро размножаться.

В **пищевой промышленности** в цензовые предприятия были оформлены только две отрасли (винокурение и солеварение), которые к производству пищи отнесены лишь условно: алкоголь – не пища, да и солью сыт не будешь. Эти отрасли уже в XVII в. входили в сферу казенных фискальных интересов.

В XVIII в. всю продукцию винокуренных заводов полагалось сдавать в казну по установленным ценам, а затем продажа «питей» или сдавалась на откуп, или продавалась непосредственно государством. Доходы казны от питейной операции выросла с 12 млн. руб. в 20-х гг. до 12,6 млн. руб. в конце XVIII в., т. е. в 10 раз. В конце XVIII в. питейный доход составлял около трети всех государственных доходов.

Огосударствление промышленности при Петре I коснулось и солеварения. С 1705 г. вводится казенная продажа соли. Всю соль теперь надлежало сдавать государству, а государство продавало ее вдвое дороже, чем платило поставщикам. В 50-х гг. ради увеличения государственного дохода продажная цена соли была повышена с 35 до 50 коп. за пуд. Государство платило поставщикам за пуд соли 15 коп., а 35 коп. составляли государственный доход, который превысил 2 млн. руб. На этот раз повышение цены было намного больше, чем перед «соляным бунтом» в XVII в., но народного выступления по

этому поводу теперь не произошло. Правда, в листовках Пугачева содержалось обещание отменить соляной налог.

Остальные, «неказенные» отрасли пищевой промышленности не были еще оформлены в цензовые предприятия. Эта промышленность оставалась на стадиях ремесла и домашней промышленности.

В тех отраслях, которые принято относить к тяжелой промышленности, кроме горно-металлургической, «цензового» уровня достигли металлообрабатывающая и химическая.

Ведущее место в металлообработке занимало производство вооружения. Именно ради производства вооружения стали строить на Урале горные заводы, которые по замыслу должны были стать и военными. Однако развитие пошло по пути отделения собственно военного производства от металлургического.

Сразу же оказалось, что стрелковое и холодное оружие на горных заводах готовить нецелесообразно: для этих производств требовалось не так много металла, зато была необходима высокая квалификация мастеров-оружейников. Главным предприятием по выпуску стрелкового оружия оставалась Тульская оружейная слобода, где уже в 20-х гг. изготовлялось ежегодно свыше 20 тыс. ружей. Второе место по этому производству занял Сестрорецкий завод. В середине столетия эти два завода готовили около 30 тыс. ружей, в конце – 50 тыс. ружей в год. Конечно, это были казенные предприятия.

Производством артиллерийской продукции вначале действительно занимались уральские, причем в основном казенные заводы. Однако пушки этих заводов, на которых объединялись горное, металлургическое и собственно военное производства, не соответствовали возросшим требованиям к качеству артиллерии. Поэтому артиллерийское производство отделилось от военного. Некоторые казенные горные заводы западных районов России стали артиллерийскими, а металл для своего производства получали с Урала. Главными из них стали Олонецкий и Луганский заводы. Общий объем производства орудий и снарядов в России за XVIII в. увеличился с 30 до 200 тыс. руб., т. е. почти в 7 раз.

Аналогичный сдвиг специализации испытывали и частные горные заводы западных районов. Их рудные месторождения истощались, в производстве металла они не могли конкурировать с Уралом, зато значительную часть металла они превращали теперь в изделия – в металлическую посуду, косы и т. п.

К тому же Тульско-Каширские заводы, с которых начиналась российская металлургия, в середине XVIII в. были ликвидированы в результате указа о запрещении металлургического производства в радиусе 200 верст от Москвы. Указ имел экологическую цель – сохранение лесов и рек. Зато в это

время строятся новые заводы – заводы тульских кузнецов Баташовых и Мосоловых. Эти новые заводы были металлургическо-металлообработывающими. Они готовили чугунные и железные изделия массового спроса, а также сортовое железо для кустарных промыслов. Все эти новые заводы находились вблизи от Нижегородской ярмарки, и их продукция сбывалась на этой ярмарке. В крупных городах к концу XVIII в. возникают и собственно металлообработывающие предприятия. В Петербурге появились два чугунолитейных завода, в том числе завод Берда, который станет потом одним из первых машиностроительных заводов страны. В Москве к концу века действовало 8 металлообработывающих заведений, на которых было занято около 500 рабочих и которые готовили проволоку, булавки, пуговицы, посуду, а также «амуничные и мундирные вещи». В Туле три заведения изготовляли железные кровати, пять – утюги, восемь – самовары и медную посуду.

Всего в стране к 60-м гг. XVIII в. действовало до 10 невоенных металлообработывающих заведений, на которых было занято около 500 рабочих, а к концу столетия насчитывалось 26 таких заведений с 1 млн рабочих. Основная же масса металлических изделий готовилась по-прежнему в кустарных промыслах, располагавшихся в основном по Волге, потому что Волгой доставлялось железо с Нижегородской ярмарки и отправлялась туда готовая продукция.

Химическая промышленность за XVIII в. увеличила производство в 7,7 раза: если в первые десятилетия XVIII в. ее среднегодовая продукция оценивалась в 117 тыс. руб., то в 90-х гг. – в 904 тыс. руб. Главное место среди химических производств занимали казенные – производство пороха и его ингредиентов – селитры и серы. В начале столетия порох, сера и селитра составляли по стоимости 87% всей химической продукции, в 90-х гг. – 76%. Второе место по стоимости продукции занимали лесохимические производства, которые также находились в сфере особых государственных интересов. Рыночных отраслей, т. е. производства красок и химикатов, в начале столетия практически не было, а к концу века их доля в общем объеме химической продукции составляла 18%. Таким образом, казенные отрасли оставались в подавляющем большинстве.

Производство пороха. Если крупные заведения большинства других производств в ходе петровских преобразований только еще рождались, то производством пороха уже к началу XVIII в. занимались две казенные «зеленые мельницы» на Яузе, и по государственным заказам готовило порох до десятка частных заведений. Первые действия армии и флота в начале столетия порохом были обеспечены в достатке. Датский посол Юль в 1710 г. писал: «В России порохом дорожат не более, чем песком, и вряд ли найдется в

Европе государство, где бы его изготовляли в таком количестве и где бы по качеству и силе он мог бы сравниться со здешним» [6, т. 5, с. 157].

За XVIII в. производство пороха выросло почти в 3 раза – с 25 до 70 тыс. пудов в год. Был основан ряд казенных пороховых заводов: Охтенский, Петербургский, Шостненский на Украине и Казанский. К концу столетия эти казенные заводы и давали подавляющую часть пороха. Кроме того, действовало несколько частных предприятий, выполнявших государственные заказы. Пороховое предприятие не могло существовать само по себе, без государственного заказа: свободная торговля порохом не допускалась. Государство давало предприятиям, как частным, так и казенным, «наряд» на год или на несколько лет вперед, обеспечивая эти наряды казенным сырьем – селитрой и серой. Слово «план» не употреблялось в документах того времени, но советский историк химической промышленности П. М. Лукьянов не случайно употребляет в своей работе это слово, говоря, например, что заводы «не выполнили плана». Это действительно было не что иное, как административное планирование.

Особенно усиливается казенная регламентация в 20-х гг. В 1725 г. указом Сената было предписано, что штат каждого частного порохового завода должен состоять из 75 человек с установленным жалованьем и нормами выработки. Это абсурдное требование практически исключало возможность частного предпринимательства, потому что мелкие предприятия, таким образом, оказывались вне закона, а крупные не могли увеличивать производство.

Для казенных предприятий регламентация шла еще дальше. В 1729 г. было предписано на каждом заводе иметь трех мастеров, трех подмастерьев и 106 учеников. Цены, по которым продукция сдавалась государству, естественно, государством и устанавливались.

В военное время госзаказы на порох увеличивались, в мирное – сокращались. Но при сокращении заказа нельзя было уволить лишних рабочих, поскольку они были прикреплены к предприятию. Так, в 40-х гг. на Охтенском заводе 150 рабочих за год выпускали 4,4 тыс. пудов пороха, а 50-х гг. 212 рабочих – 2,7 тыс. пудов. Естественно, при сокращении производства не полностью использовались и производственные мощности. По расчетам Артиллерийской канцелярии, в 40-х гг. петербургские заводы выпускали лишь половину того пороха, на производство которого они были рассчитаны. Половина мощностей оставалась в резерве для расширения производства в военное время.

И все же в мирные годы пороха производилось больше, чем было нужно, поэтому излишек государство начинало продавать, но только по специальным разрешениям ограниченному кругу людей, в основном дворянам.

Государственными были и **производства селитры, и серы**, которые полностью тратились только на производство пороха. Первые селитренные заведения в XVIII в. были основаны государством в районах Астрахани и Симбирска, потом появились частные, но и в конце века казенные давали 2/3 селитры в стране. Казенные заводы по производству серы в районе Самары составили целый «серный городок». Частные заведения по производству селитры и серы были обязаны сдавать всю продукцию государству по установленным ценам, так что эти производства были за пределами рыночных отношений [6].

В сфере казенных интересов находилась и лесохимическая промышленность, т. е. производство поташа и смолы. Поташ и смола были важными статьями российского экспорта, и торговля ими являлась казенной монополией.

В начале XVIII в. 70% поташа в России производилось на казенных Починковских промыслах. Были и другие казенные промыслы, а, кроме того, на государство работали частные промышленники. Весь поташ надлежало сдавать государству, и экспортировало его государство. С 1723 по 1762 г. из России было вывезено 1,1 млн. пудов поташа. Обошелся казне этот поташ в 650 тыс. руб., а был продан за 1570 тыс. руб., т. е. прибыль государства от этой операции составила 140%.

Смолокурение до Петра I находилось на стадии крестьянских промыслов. При Петре была сделана попытка организации казенного смолокурения при корабельных верфях в Архангельске и Петербурге. Но казенное смолокурение оказалось неэффективным. Смолокуренный завод в Петербурге был закрыт, и на этом месте был построен дворец для Елизаветы Петровны, который так и сохранил название «Смольный». (Впоследствии Смольный стал штабом Октябрьской революции и резиденцией партийных органов Ленинграда.)

В дальнейшем смола по-прежнему закупалась у крестьян-промышленников по низкой цене, а затем частью использовалась для казенных потребностей, частью экспортировалась от имени государства. Впрочем, в торговле смолой казенная монополия была непрочной: в отличие от поташа или селитры смола в больших количествах требовалась внутри страны – для осмолки лодок, для смазки тележных осей и т. д. Естественно, она для этого покупалась в обход закона у крестьян-смолокуров, а государственные чиновники контролировать действия каждого смолокура не могли. И Екатерина отменила эту казенную монополию. Смола стала рыночным товаром.

Производство поташа за XVIII в. выросло с 32 до 110 тыс. пудов, т. е. в 3,4 раза, производство смолы – со 150 до 900 тыс. пудов – в 6 раз.

Производство химикатов – купороса, азотной кислоты, квасцов – в XVIII в. только еще начиналось. Первый химический завод, Савелова и братьев Томилиных, был в 1720 г. построен под Москвой, потом появились другие предприятия. Как правило, производство на них было смешанным: купорос или азотная кислота изготовлялись наряду с красками, а часто – в виде вспомогательной продукции. К концу столетия действовало около десятка химических заводов, которые выпускали за год около 4 тыс. пудов продукции на 5–6 тыс. руб. [6]. Потребность в химикатах была еще слабой. Отраслей промышленности, для которых нужны химикаты, или в стране еще не было, или они довольствовались естественными материалами собственной заготовки.

Таким образом, можно выделить следующие главные особенности развития промышленного предпринимательства в России в XVIII в.

Продолжая традиции XVII в., в первую очередь развивались отрасли, обслуживавшие потребности государства, а не населения: военное производство, а также производство тех товаров, торговля которыми была государственной монополией.

Продолжением этих традиций было и то обстоятельство, что в первую очередь стало развиваться государственное предпринимательство, которое переросло в систему государственной регламентации всей промышленности. Особое место в этой системе заняла уникальная форма посессионной мануфактуры, которая подчиняла частное предпринимательство государственному управлению.

Наконец, особенностью была и крепостная мануфактура, особая форма промышленности, которой не было в Западной Европе. Она была, в сущности, естественным продолжением административно-принудительных методов государственной регламентации промышленности.

9.7. Развитие сельского хозяйства

В сельском хозяйстве таких крупных преобразований, как в промышленности, не проводилось. Реформы в этой отрасли неизбежно затронули бы монополию дворян-помещиков на владение землей и крепостными, а дворянское государство не могло пойти на такую меру. Да для укрепления мощи государства и не требовалось проводить реформы в сельском хозяйстве.

Петр I стремился по-своему возвысить и укрепить дворянство, сделать дворян подлинно служилым сословием – сословием служащих государства. Петр добивался, чтобы дворяне считали государственную службу своим

почетным правом, умели править страной и начальствовать над войсками. А поскольку теперь для этого требовались определенные знания, обязательной повинностью дворян стала учеба: до 15 лет дворянин должен был учиться, а затем выполнять регулярную государственную службу.

Поскольку дворяне нередко уклонялись от службы, Петр издает в 1714 г. указ «О единонаследии». Согласно этому указу поместья должны были передаваться по наследству только одному из сыновей. Этот единственный наследник освобождался от службы, чтобы заниматься хозяйством, а остальные должны были служить. Петр исходил из того, что пока дворянин имеет постоянный доход, служить он не будет. Вторая цель этого указа – не допустить дробления помещичьих земель и обеднения помещиков.

Однако этот указ ограничивал права помещиков распоряжаться землей, и в 1730 г. он был отменен. Более того, в 1762 г. «Манифестом о вольности дворянской» обязательная служба для дворян была отменена.

Увеличилась и власть помещиков над крепостными. Во второй половине XVIII в. крестьянам было запрещено жаловаться на своих господ. Даже если жалоба была справедлива, жалобщика следовало бить кнутом и отправлять на каторгу. Екатерина II ввела крепостное право на Украине, крестьяне которой были до этого свободными.

Правительство Петра I предпринимало некоторые меры для улучшения сельского хозяйства. Была сделана попытка заменить при уборке урожая серпы косами, так как уборка косами значительно производительнее, чем уборка серпами. Для этого было разослано несколько тысяч кос по разным губерниям. Из-за границы выписывались улучшенные породы скота, например, мериносовые овцы, устраивались «овчарные заводы». Однако эти меры не оставили большого следа в сельском хозяйстве.

Главными направлениями изменений в сельском хозяйстве были естественные процессы – увеличение товарности производства и усиление эксплуатации крестьян.

Русское дворянство стало усиленно перенимать быт европейской аристократии. Но для того, чтобы строить дворцы по западным образцам, заказывать модные одежду и мебель, нужны были деньги, а их можно было получить лишь путем усиления эксплуатации крестьян и продажи прибавочного продукта.

Усиление эксплуатации вело к географическому разделению барщины и оброка, потому что в одних условиях значительно увеличить можно было барщину, в других – оброк. Барщина начинает все более преобладать в южной, черноземной полосе. Там не было крупных промышленных центров, потребляющих массу сельскохозяйственных продуктов, поэтому крестьянам некуда было сбывать свои продукты, некуда наниматься на заработки.

Не были здесь распространены и промыслы. Поэтому увеличить денежный оброк было почти невозможно. И помещики расширяли свою запашку, производя на продажу пшеницу, а следовательно, увеличивая барщину.

В нечерноземной полосе земля была бедной. Крестьяне здесь издавна дополняли доход от земли неземледельческими промыслами. Здесь помещики увеличивали денежный оброк, отбирая и часть неземледельческих доходов крестьян, а с развитием мануфактурного производства отпускали наниматься на мануфактуры для заработков.

Увеличение барщины означало увеличение посевных площадей, зато оброк давал больше возможностей крестьянской инициативе. При оброке крестьянин был меньше связан в своих действиях, мог заниматься торговым и промышленным предпринимательством. В оброчных имениях усиливается расслоение крестьян. Некоторые крепостные графа Шереметьева имели по 600–700 своих крепостных. Конечно, они покупали крепостных (иногда – целыми деревнями) на имя своего помещика. Помещики поощряли такую инициативу и не покушались на собственность своих крепостных; они увеличивали оброк с разбогатевшего крестьянина, и не в их интересах было резать курицу, которая несет золотые яйца.

Еще большую экономическую самостоятельность имели государственные крестьяне и некоторые другие разряды сельского населения, которые не находились в личной зависимости от помещиков. Они должны были лишь платить государственные подати и выполнять строго регламентированные государственные повинности.

9.8. Торговля и финансы

Внутренний рынок России увеличивался с ростом мануфактурного производства и товарности помещичьего хозяйства. Мануфактуры не только продавали свою продукцию (основную часть этой продукции поглощало государство), но и приобретали массу товаров на рынке: железо для оборудования, необходимые для производства материалы, продовольствие для рабочих (крепостные рабочие не занимались «хлебопашеством»). Поэтому, например, на Уральские заводы из разных районов страны везли хлеб, рыбу, ткани, гнали табуны лошадей (главный вид заводского транспорта).

Другим фактором, который увеличивал внутренний рынок, был рост товарности помещичьего хозяйства. Помещики увеличивали эксплуатацию крестьян именно для того, чтобы получить деньги для покупок. Увеличение феодальной ренты означало не только увеличение продаваемой массы сельскохозяйственной продукции, но и увеличение покупок других товаров.

Под особым покровительством государства находилась внешняя торговля. Именно для ее расширения велась Северная война, в результате которой Россия получила выход к Балтийскому морю. Чтобы ускорить освоение нового пути, Петр строит новый город – Петербург и объявляет его столицей (столица, в сущности, была перенесена на границу государства). Туда были переселены богатые архангельские купцы, знатные вельможи были обязаны здесь строить дворцы, а торговля через этот порт получила льготы.

Существенно изменилась структура внешней торговли. Как уже сказано, на ведущее место в составе экспорта вышли промышленные товары, и торговля приобрела активный баланс: экспорт стал больше импорта. Разница ввоза и вывоза шла в Россию в виде иностранных монет.

Мы говорили, что в XVI–XVII вв. торговали все – торговля не была делом одного сословия. В XVIII в. купечество становится монополистом в торговле. И дело не в том, что в подражание Западной Европе в России были учреждены купеческие гильдии.

Теперь в городах были установлены определенные места для торговли – гостиные дворы и торговые ряды. Торговля вне гостиных дворов, в частных домах и ларьках, запрещалась. В указе, обнародованном еще в конце XVII в., было сказано: «А которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют... на перекрестках и в иных неуказанных местах, поставя шалаши и скамьи, и рундуки,... с тех мест великий государь указал сломать, и впредь на тех местах никому никакими товарами не торговать» [18, с. 41].

А торговые помещения гостиных рядов были скуплены купечеством, да этот указ и запрещал пускать в гостиные ряды мелочных торговцев. Теперь крестьяне и ремесленники могли продавать свои товары только оптом купцу.

Запрещалась розничная торговля и мануфактуристам-промышленникам. Как было сказано в сенатском указе, торговлю фабрикантам следует запретить, «дабы они лавок бы собственных не имели, а велеть те свои фабрикаты, которые будут сделаны, привозить на гостиный двор и продавать в ряды», т. е. купцам.

А места в гостиных дворах скупали богатейшие купцы, купцы 1-й гильдии. Остальным доставались остатки.

В середине XVIII в. купцы составляли 2,5% податного населения России. Податного, т. е. за исключением дворян, духовенства, чиновников, военных, а также нерусского населения окраин, которое не платило податей.

Два-три купца на 100 душ населения – это не так уж мало. Но половина купцов самостоятельной торговлей не занималась. Купцы 3-й гильдии, которые и составляли половину всего купечества, были наемными работниками, служащими, ремесленниками. Как сказано в одном из документов, у них

«никаких торгов нет, а пропитание имеют от работ и находятся в услугах и наймах».

В 60-х гг. XVIII в. в Москве числилось 400 цеховых ремесленников (Петр I ввел в России ремесленные цеха), а гильдейских купцов, которые занимались ремеслом, было 950, т. е. в два с лишним раза больше. Кстати, это показывает, что искусственно введенные Петром цеха не выполняли функций западноевропейских цехов, не ограждали ремесленников от конкуренции.

И только часть купцов 3-й гильдии имела отношение к торговле: именно из них в основном состояли приказчики более богатых купцов.

Следовательно, купцы были не классом, а сословием: так же, как обедневший дворянин оставался дворянином, разорившийся купец оставался купцом, и принадлежность к сословию купцов совсем не означала, что человек занимался именно торговлей.

Крупнейшими были купцы 1-й гильдии. Рассматривая их торговые операции, мы обнаруживаем, что в основном они торгуют с заграницей. Иван Евреинов с сыновьями торговал через Петербург и Архангельск с Голландией, Англией и Германией, а через Астрахань – с Персией. Турчанинов (в будущем – уральский заводчик) торговал через Петербург и Ригу с Голландией и Италией. Ситников торговал со странами Западной Европы через Архангельск и Петербург. Журавлевы торговали через китайскую границу и Константинополь. Конечно, эти купцы совершали торговые сделки и внутри страны, но внешняя торговля в документах фиксировалась подробнее, да и считалась престижней. Между тем капиталы даже этих крупнейших купцов редко переваливали за 100 тыс. руб.

Начиналось накопление капиталов, конечно, во внутренней торговле за счет разницы цен, той разницы, которая оставалась с XVII в.

Цены на сельскохозяйственные продукты в портовых городах и Москве были в 2–3 раза выше, чем в городах черноземной полосы. Правда, из этого не следует, что вся разница цен составляла торговую прибыль купца. Перевозка обходилась довольно дорого.

Например, рожь в Москве стоила в 2,5 раза дороже, чем в Орле (т. е. 250% по отношению к цене в Орле). Перевозка обходилась в среднем в 70% по отношению к закупочной цене. Следовательно, доставленная в Москву рожь стоила купцу уже в 170% по отношению к первоначальной цене, а прибыль не превышала 47%.

Пуд ситца в Нижнем Новгороде стоил 36 руб. Его доставка в Бухару обходилась в 4 руб. (46 + 4 = 40 руб.). В Бухаре этот пуд ситца продавался за 64 руб. Прибыль составляла 60%.

На прибыль влияла не только стоимость, но и длительность перевозки. На доставку барки с кладью с низовьев Волги до Петербурга требовалось две

навигации, два лета, т. е. один оборот капитала происходил за два года. Но это крайний случай. Обычно оборот капитала происходил за год. Вот как, например, перевозились товары от Москвы до Архангельска и обратно. Товары, купленные в Москве, сначала доставлялись по санному пути до Вологды. Здесь они дожидались весны и на судах по Сухоне и Северной Двине доставлялись в Архангельск. Здесь их продавали, закупали иностранные товары и речным путем доставляли в Вологду, где ждали санного пути. В Москву товары прибывали в январе.

Чтобы сократить время оборота капитала, крупные купцы действовали через своих приказчиков и комиссионеров. При этом торговые операции в Москве и Архангельске совершались одновременно: пока в Архангельске русские товары продавались и закупались иностранные, в Москве закупалась следующая партия товаров. Но так могли действовать только крупные купцы, а средние и мелкие должны были производить эти операции последовательно, одну за другой. Это сокращало оборот капитала и понижало прибыль.

Но когда мы говорим о перевозке купеческих грузов, мы должны выделить еще одну группу предпринимателей – подрядчиков из крестьян. Все гужевые перевозки выполнялись крестьянами зимой по санному пути. Не только потому, что летом грунтовые дороги были непроезжими, но и потому, что летом крестьяне были заняты на полевых работах. Но сам купец не нанимал крестьян: если груз будет утрачен, что возьмешь с крестьянина? Они имели дело с подрядчиками из тех же крестьян, с «капиталистами»-крестьянами, которые гарантировали выполнение подряда денежным залогом. А подрядчики нанимали крестьян, составляли обоз. Естественно, подрядчик должен был получить свою прибыль, которая достигала 20% от стоимости подряда.

Чем крупнее был капитал, чем шире у его обладателя были торговые связи, чем больше на него работало приказчиков и комиссионеров на местах, тем выше были его прибыли. Только купец 1-й гильдии мог одновременно везти русские товары за границу, иностранные – в Россию и в то же время проводить торговые операции в разных городах страны.

Функции комиссионеров чаще всего выполняли сами купцы по отношению друг к другу. Если купцу надо было совершить торговую сделку в другом городе, ему совсем не надо было ехать в этот город самому. Эту операцию мог по его просьбе выполнять знакомый купец в том городе. Этот иногородний купец знал, что аналогичную услугу для него выполнит первый купец.

Крупнейшим торговым предпринимателем в XVIII в. оставалось государство. Сфера казенных монополий и откупов оставалась огромной. Новым явлением стали вторичные откупа. Государство сдавало откупа знатным представителям дворянства, а те в свою очередь продавали эти откупа куп-

цам. Например, в середине века продажа за границу льняного семени через Архангельск была сдана на откуп графу Воронцову и генералу Глебову. Эту монополию у них на 6 лет купил купец Евреинов с уплатой по 50 коп. с каждой вывезенной четверти. За три года он заплатил Воронцову и Глебову 63 тыс. руб.

* * *

Преобразования петровского времени – создание регулярной армии, строительство флота и мануфактур – требовали огромных денежных затрат. Поэтому правительство искало новые способы пополнения казны. Сначала использовались традиционные методы увеличения косвенных налогов. В 1704 г. была введена специальная должность «прибыльщиков», обязанностью которых было изыскание новых доходов для казны. Были введены налоги на ульи, на гробы, на продажу огурцов. Был введен налог на бороды, причем дворянин должен был платить за бороду 60 руб. в год, купец 1-й гильдии – 100 руб.; крестьянин у себя в деревне носил бороду даром, но при въезде в город и выезде из него платил за нее копейку.

Прямым налогом с населения до 1724 г. была подворная подать, т. е. сбор определенной суммы денег с каждого двора. Однако с увеличением этой подати количество дворов стало сокращаться: сыновья, чтобы не платить отдельной подати, не отделялись от отцов, а иногда и соседи объединялись в один двор. Правда, это стоило денег на взятки чиновникам.

В 1724 г. после первой ревизии (переписи населения) подворная подать вместе с большей частью косвенных налогов была заменена подушной податью, т. е. сбором определенной суммы денег с каждой души мужского пола. С помещичьих крестьян брали по 74 коп. в год (около 10 руб. золотом на деньги начала XX в.), с государственных крестьян – по 1 руб. 14 коп., с посадских людей – по 1 руб. 20 коп. Переход к подушной подати сразу повысил доход государства на 35%.

Подушная подать оставалась главной статьей государственных доходов и в конце XVIII в. составляла 34% этих доходов. На втором месте стоял «питейный доход», который давал 29% доходов государства.

Но расходы росли быстрее доходов, увеличивая дефицит бюджета. Чтобы покрыть дефицит, государство стало печатать бумажные ассигнации. А поскольку их обмен на звонкую монету скоро был прекращен, усиленный выпуск ассигнаций вызвал инфляцию. К концу века за бумажный рубль давали только 50 металлических копеек.

Итак, в XVIII в. в значительной степени усилиями государства в России возникает сложное переплетение феодальных и капиталистических элемен-

тов в экономике. Этот симбиоз обеспечил дальнейший рост феодально-крепостнического хозяйства, повысил вес России в международных делах. Однако в дальнейшем противоречия между развивавшимся капиталистическим производством и крепостничеством привели к кризису феодально-крепостнической системы.

9.9. И.Т. Посошков

Иван Тихонович Посошков (1652–1726 гг.), выходец из семьи непашенных крестьян подмосковного села Покровское, занимавшихся серебряным промыслом, значительную часть жизни посвятил сугубо практической деятельности. Так, в 1696–1704 гг. он налаживал оборудование для чеканки монет на Денежном дворе. Затем взялся за «питейное дело», сначала в Москве, а далее в Новгороде. В конце жизни, сумев приобрести небольшое имение с крепостными крестьянами, завел в нем винокурный завод и намеревался открыть полотняную фабрику. Несмотря на высокую активность, частую перемену рода деятельности, предприниматель из Посошкова вышел не слишком удачливый. К концу жизни за ним накопилось более 3 тыс. руб. долгов, что по тем временам было значительной суммой. Надо, однако, заметить, что дело не только в особой неудачливости Ивана Тихоновича; определенную роль тут, видимо, сыграл и тот факт, что внешне благоприятная предпринимательской деятельности политика правительства в действительности, как утверждает П. Н. Милюков, «...шла вразрез с интересами русских и иностранных предпринимателей».

Не преуспев в деловом отношении, Посошков компенсировал себя публицистикой, где оказался намного более заметен. Он являлся автором ряда проектов и трех обширных полемических сочинений. Так, после поражения русских войск под Нарвой он обратился к правительству Петра I с запиской «О ратном поведении» (1700–1701 гг., впервые издана в 1793 г.), предлагая меры по укреплению боеспособности русской армии. Против старообрядцев было направлено его богословское сочинение «Зеркало, сиречь изъявление очевидное и известное на суетудрия раскольника» (1708 г., издано в 1863 г.). В 1719 г. им было написано «Завещание отеческое к сыну» (издано в 1873 г.), в котором противопоставлялись старомосковские идеалы и церковная добродетель новым веяниям в области культуры. Уже здесь обнаруживаются некоторые идеи широкого реформирования российской жизни, однако вершиной творчества Посошкова стала «Книга о скудости и богатстве» (1724 г., издана в 1842 г.), предназначенная для Петра I и содержащая глобальный проект реформ, направленных на улучшение экономического, социального

и политического устройства России. Однако содержащиеся в работе предложения не только не получили практического осуществления, но, вероятно, стали причиной его ареста в августе 1725 г., заключения и смерти в Петропавловской крепости.

Именно «Книга о скудости и богатстве» и дала основание исследователям включить Посошкова в число первых российских экономистов. Конечно, не один И.Т. Посошков выдвигал проекты преобразований. В эпоху Петра I существовала целая группа авторов, выступавших с различными предложениями по тем или иным вопросам экономической и общественной жизни, в том числе и меркантилистской направленности, – С. В. Рагузинский, И. Филиппов, В. Ершов, барон Люберас, Ф. Салтыков и многие другие. Однако, пожалуй, ни один из проектов не содержал столь развернутой и многоплановой программы реформ России, как «Книга о скудости и богатстве».

Неудивительно поэтому, что работы Посошкова стали одним из самых привлекаемых источников по проблемам исследования развития общественно-политической и экономической мысли этой эпохи. Столь активное изучение не могло не вызвать широких споров среди исследователей относительно роли взглядов И. Т. Посошкова в становлении новой идеологии в России.

Уже с момента открытия его работ М. П. Погодиным в 1841 г. вокруг них началась широкая полемика. Если для одних Посошков представлялся выдающимся мыслителем, едва ли не превзошедшим европейскую науку, то другие полагали, что «никакой исторической заслуги, ни в государственной деятельности ...великой преобразовательной эпохи, ни в истории нашего просвещения, он не имел».

Эти две крайности, собственно говоря, проходят красной нитью через всю историографию, посвященную Посошкову.

Пожалуй, наиболее позитивную, но в то же время взвешенную оценку работам Посошкова дал А. Брикнер. По его мнению, он «может считаться чрезвычайно способным представителем понятий, более или менее сознательно развивавшихся в народе, понятий об обществе и государстве, о религии и хозяйстве, о юридическом и хозяйственном бытии, о педагогике и о войске и пр. .Посошков был отголоском мнений, существовавших в массе народа», что «придает ему громадное значение». Его сочинения, считает Брикнер, свидетельствовали «о значительной степени умственного развития, а также о чрезвычайно сильной нравственной энергии», он видит в них «единственное в своем роде доказательство, что толпа, долженствовавшая молча повиноваться воле царя-преобразователя, умела хотя бы отчасти ценить значение затронутых администрацией и законодательством вопросов».

Не менее существенное значение работам Посошкова придает А. Царевский. Однако он более обращает внимание на национальную составля-

ющую его сочинений. Посошков у него – «живой, нисколько не тронутый искусственной цивилизацией, свободный от всякого внешнего давления каких-либо увлечений современник реформ, чистый гражданин тогдашней русской земли». Как и Брикнер, он видит в нем свидетельство того, что реформы Петра находили отклик в массах, что они не были «совершенно чужды русской народности, не были столь мгновенны, чтобы разрушить наши связи со старым бытом».

Еще дальше идет в оценке реформаторских способностей Посошкова, «живого, талантливого, умного русского человека», С. М. Соловьев. По его мнению, он не только «ясно понимал необходимость для России выйти из прежнего положения, сочувствовал преобразователю, его благонамеренности, но вместе, сильно тяготился тем, что преобразование идет не так скоро, что меры Петра встречают повсюду страшные препятствия». Именно реформаторским нетерпением Посошкова объясняет Соловьев его стремление к «самым крутым мерам для истребления застарелого зла».

Если для дореволюционной историографии значение Посошкова определялось близостью к реформаторским устремлениям Петра, то позитивное отношение к нему советских историков обуславливалось прежде всего его крестьянским происхождением. Тем самым он рассматривался в качестве доказательства способности человека из народа подняться до «вершин общественной мысли» и, одновременно, как отражение идеи классового противостояния крестьянства и дворянства в феодальном обществе. Так, для Д. Н. Платонова книга Посошкова особенно ценна тем, что, во-первых, она «проникнута антидворянским пафосом», а во-вторых, «это первая в истории русской общественной мысли работа, где ставится вопрос о целесообразности крепостнической системы». Конечно, при этом делались оговорки о том, что Посошков еще не мог подняться до идеи о необходимости ликвидации крепостничества, но и в этом случае подчеркивалось, что выполнение его программы могло в будущем создать для этого условия.

Хотя среди советских исследователей не было ясности о том, представления какого класса все-таки в первую очередь выражал Посошков. По мнению А. И. Пашкова, его идеи не столько крестьянские, сколько купеческие: «В лице И. Т. Посошкова выступают на сцену со своими настойчивыми требованиями представители новой общественной силы – купечества». Видимо, здесь для автора важно не столько определение того, чьи собственно взгляды выражает Посошков, сколько его «антидворянская» позиция: с целью выделить эту позицию Пашков прибегает к следующему пассажу: дескать, Посошков «ставит в один ряд купечество и крестьянство, противопоставляя их дворянству, и требует от царя такого же внимания к этим сословиям (классам) и заботы о них, какие царь оказывает «великородным» – дворянству».

Другой стороной дискуссии являлась степень самостоятельности меркантилистских идей во взглядах Посошкова. Тогда как одни говорили, что его мысли в этом направлении «не имели никакого значения в истории науки не только во всемирной, но и отечественной» (В. П. Безобразов), другие видели в нем совершенно новое явление: так, по мнению А. Миклашевского: «Посошков представляет собой оригинальное сочетание меркантильных идей с каноническими идеями Запада – сочетание тем более любопытное, что оно создано вне всяких литературных западноевропейских влияний», а В. Н. Сторожев видел в его фигуре «зарождение буржуазной идеологии на русской почве».

И все же в современной историографии большинство, особенно среди экономистов, видят в Посошкове, как правило, именно меркантилиста: «Высказывания Посошкова о торговле и промышленности дают основание для того, чтобы отнести его к меркантилистическому направлению экономической мысли и политики. Подобные мысли высказывали меркантилисты Западной Европы раньше Посошкова. Дело не столько даже в том, что свои мысли он развивал без всякого влияния со стороны западноевропейских меркантилистов, а в том, прежде всего, что он высказал определенные теоретические положения и развил определенную программу применительно к интересам своей родины».

До определенной степени подобные определения верны, если, скажем, иметь в виду, пусть и не выраженную прямо, защиту Посошковым тезиса об активном торговом балансе. Он действительно всеми силами стремился ограничить ввоз иностранных товаров в Россию, советуя, например, купцам принимать чужие товары лишь «по рассмотрению и по согласию общему», имея в виду отказ от приобретения тех из них, которые производятся в России. А если полное запрещение уж совсем невозможно, то право покупать импортные товары, по его мнению, должно предоставляться исключительно высокопоставленным лицам. Впрочем, Посошков понимает и то, что кардинально решить эту задачу можно лишь в том случае, если Россия сама сумеет производить те товары, которые ввозятся из-за границы: «О сем же всячески надлежит потщиться, чтобы завести в Руси делати те дела, кои делаются из льну и из пеньки, то есть трипы, бумазеи, рубки, миткали, камордки и порусинные полотна и прочие дела, кои из Русских материялов делаются: сие бо вельми нужно еже кои материялы где родятся, тамо бы они и в дело происходили». Особенно не следует покупать за границей таких товаров, «кои у нас в России обретаются. соль, железо, иглы, стеклянная посуда. скипидар» и т.п. В свою очередь он выдвигает требование ограничить возможности иностранцев производить закупки в России по низким ценам: «Немецкие затейки и прихоти их. приостановить, дабы напрасно из Руси богатства не тащили».

Напротив, Посошков задумывается о том, как завоевать иностранные рынки: «Я чаю, что мочно нам на всю Европу полотен наготовить, и пред их нынешнюю цену гораздо уступнее продавать им мочно», хотя полагает в то же время, что «трудно нам те заводы завести». Выход, однако, может быть в том, что правительству следует взять на себя почин. «И ради царственного обогащения, – говорит Посошков, – надлежит на такие дела в начале соорудить дома из Царский казны на пространных местех в тех городех, где хлеб и харч дешевле. и наложить на них оброк, чтобы люди богателись, а Царская казна множилась».

Тем самым Посошков выступает сторонником развития народного хозяйства путем государственного регулирования. Меркантилистскими выглядят и его рассуждения о значении купечества и торговли, о создании компаний для внешней торговли и т. п.

Опираясь на эти и подобные положения Посошкова, Плеханов, например, пришел к выводу, что тот «выработал целую программу экономической политики», заключающую в себе «все главные требования меркантилизма, приспособленные к русской социально-политической обстановке того времени». По мнению Плеханова, «вряд ли кто-нибудь из помощников Петра имел такую стройную экономическую программу, как Посошков». Впрочем, Плеханов не видел в этой программе ничего новаторского: «Посошков не сделал ровно никаких открытий в *экономической теории*, а что касается *экономической практики*, т.е. экономической политики, то он выставил только род таких требований, которые *гораздо раньше его* формулированы были западноевропейскими меркантилистами».

Однако в действительности взгляды Посошкова нельзя назвать вполне соответствующими меркантилистскому направлению экономической теории.

Это весьма заметно, скажем, в его пространных рассуждениях о ценности денег. Так, Посошков считает, что русский царь, в отличие от западноевропейских монархов, не могущих влиять на покупательную силу денег, может устанавливать ее произвольно, независимо от их металлического содержания: В России, по его мнению, медные деньги нужно делать «не по иноземчески, по цене меди, но по изволению его императорскаго величества .Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем, того ради, нам не медь дорога, но дорого его царское имянование, того ради мы не вес в них числим, но исчисляем начертание на ней» . Та же мысль видна в отказе прислушиваться к советам иностранцев – добавлять серебро в медные деньги для того, чтобы монета «стоила материалом своим того, за колико ей ходить. У нас толь сильно его пресветлаго величества слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно».

Фактически здесь мы имеем дело с известным в экономической теории учением номинализма, точнее, его разновидностью – государственной теорией денег – рассматривающей деньги как результат исключительной деятельности власти. В соответствии с этой концепцией государство, создавая деньги, предписывает им платежную силу.

На практике эти идеи широко реализовывались в античных и средневековых обществах в рамках политики уменьшения государственных долгов, в ходе которой государства прибегали к порче монеты.

Тем самым вышеприведенные предложения Посошкова вполне согласуются с теорией и практикой номинализма, но в то же время идут вразрез с собственно меркантилистскими воззрениями.

Вообще экономические взгляды Ивана Тихоновича трудно отнести к какой-либо конкретной категории. Скажем, нехарактерный для меркантилистов интерес к сельскому хозяйству сближает его с физиократами, а в том внимании, которое он уделяет мельчайшим деталям ведения домашнего хозяйства, чувствуется несомненное влияние силвестровского Домостроя XVI в.

Пожалуй, последнее особенно существенно: видеть в Посошкове реформатора-прогрессиста, наверное, преждевременно; скорее, мы имеем дело со сторонником консервативного варианта преобразований, желающего лишь приспособить Россию к новым условиям существования в рамках Западного мира. Консерватизм этот проявляется и в изоляционистских, по сути дела, предложениях по защите отечественной промышленности, и в акценте на решении внутренних проблем по сравнению с внешними, и, наконец, в той роли, которую у него играют «невещественные» факторы экономического развития.

Посошков, подобно многим другим мыслителям Средневековья, различает богатство вещественное и невещественное (хотя самого определения богатства не дает). Вещественное богатство, по его мнению, складывается из богатства государства (его он отождествляет с богатством казны) и богатства народа, причем последнему он отводит главное место: «понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащая казны много, нежели то царственное богатство, еже синклит царского величества в златотканых одеждах ходит, но то самое царственное богатство, еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними обоими богатствы еже бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы.».

Под невещественным же богатством он разумеет «правду», т. е. хорошее управление страной, хорошие законы, правильный суд. «Паче вещественнаго богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то

есть о истинной правде. Правда отец бог, и правда велми богатство и славу умножает и от смерти избавляет, а неправде отец диавол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отончевает и в нищету приводит и смерть наводит». В общем здесь в несколько примитивной форме заложена вполне рациональная мысль об необходимости создания благоприятных условий для роста материального богатства к которым, бесспорно, относятся и хорошее управление, и правильный суд. Так это, собственно, и понимает Посошков. Он пишет о «правде» как необходимой предпосылке возможности устранения скудости и умножения богатства в стране: «без истребления обидников и воров и разбойников и всяких разных явных и потаенных грабителей никоими мерами народу всесовершенно обогатится невозможно».

Эта мысль о тесной связи между богатством страны и государством проходит через все сочинения Посошкова. Никакой экономический подъем, по его мнению, невозможен без искоренения «неправды», понимаемой весьма широко и заключающейся как в недостаточной образованности населения, так и в несправедном судействе, или в купеческих и ремесленных обидах, разорении крестьянства и т. п. Вообще эти понятия – «богатство» и «правда» (экономика и право) – неразделимы для Посошкова.

Именно поэтому он резко критикует состояние правосудия в стране. Тогда как даже «бусурмане суд чинят праведен», в России, где «вера святая, благочестивая и на весь свет славная», власть «судная никуды негодная, и какие указы его императорскаго величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делают». «Все пакости и непостоянство в нас чинится от неправого суда и от нездраваго разсуждения, и от неразмтрительнаго правления. И разбоев, и инога воровства множество чинитца и всякие обиды содеваются в людех не от чего инога токмо от неправнаго суда. И крестьяне оставя свои дома, бегут от неправды и Российская земля во многих местех запустела, а все от неправды и от нездраваго разсуждения, и какие гибели не чинятся, а все от неправды». «Нам сие вельми зазорно» – считает он, – а потому, пока «прямое правосудие у нас в Руси не устроится и всесовершенно не укоренитца оно, то никоими мерами от обид богатым нам быть яко и в прочих землях невозможно быть. Такождо и славы добрыя нам не нажить».

Таким образом, первопричина всех неправд по Посошкову – отсутствие порядка в правовой сфере, на ведение которого позволит разрешить как правовые, так и экономические проблемы. Тем самым Посошков и предлагает осуществить в стране правовую реформу.

Однако она возможна, по его мнению, только при условии устранения противодействия, исходящего от высших классов русского общества, которые «привыкли обижать людей» и поэтому «всячески будут препинати» из-

менениям в этой сфере, «дабы не весьма им от праваго суда притиснутым быть, и того ради всячески будут тщатися дабы им по прежнему мочно было убогих и маломочных разорять». В отсутствии хорошего суда заинтересованы и чиновники, поскольку «неправда в них велми въкоренилась и застарела. И от мала даже и до велика все стали быть поползновенны ко взяткам». Вообще, Посошков, пожалуй, один из первых, кто увидел и поставил еще только нарождающуюся, но уже вполне серьезную проблему бюрократизма, справедливо отмечая, что без решения этой проблемы никакая судебная реформа невозможна. Он приводит немало примеров неисполнения распоряжений центральной власти, заявляя, что «всякие дела государевы и неспоры и сыски неправы и указы его императорскаго величества недействительны; ибо вси правители дворянскаго чина своей братье знатным нарывают. А власти имут и дерзновение токмо над самыми маломочными людьми, а нарочитым дворянам не смеют и слова воспретительнаго изрещи, но как кому что угодно, так то и чинят и за тем всякие дела и неисправны суть».

Посошков считает, что государю неизвестно о многих злоупотреблениях, что сильные люди ему «докладывают непрямо, но, толко слово у него, великаго государя, изо уст вытянут, да и делают, что хотят», поэтому в крайнем раздражении он замечает: «Откуда ни посмотришь, нет у великаго государя прямых радетелей, но все судьи криво едут».

Именно поэтому Посошков возлагает огромные надежды на судебную реформу, рассчитывая при ее помощи поднять уровень нравственности чиновников. «И естли бы господь бог помощь свою низпослал к нам, еже бы из судей и из фискалов и ис прочиих правителей древнюю страсть неправды искоренить, то всякое бы дело не токмо царское, но и мирское споро бы было. И о сем аз мню, аще и самая жесточайшия казни вышшим и нижшим судьям чинить, а древняго уложения не изменить и всем делам новаго регула не учинить, то не можно и правде в приказных делах состоятись. Видим мы вси, как великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию не много, он на гору аще и самдесят тянет, а под гору милионы тянут, то како дело его споро будет? И аще кого он и жестоко накажет, ажно на то место сто готово».

Все это Посошков вполне испытал сам, о чем он неоднократно пишет в своих произведениях. Он вспоминает, например, как чиновниками был высечен его слуга и отнята у того лошадь, так и пропавшая. Посошков даже не стал обращаться в суд, поскольку «тут суда не сыскать». Нужен правый суд, восклицает он, «дабы никто к богу не воздыхал и на суд поречения бы никакова не наносил и чтоб богу никто не жаловался, но всякому б человеку суд был правой и всякой вине решение б чинить на земле, а до небеснаго судьи не допустить бы».

И аще суд у нас в Руси устроитца праведной и приступ к нему будет близостной и нетрудной, то никто никого суду божию предавать не будет, но кийждо по вине своей и суд и награждение примет на земли». Посошков описывает другие случаи незаслуженной обиды, замечая, что даже если он – «не весьма последний человек, а суда не сыскал. Как же сыщет суд кто мизирнее меня? Только что об обидах своих жалуйся на служивой чин Богу».

Вообще правосудию Посошков отводит едва ли не самое важное место в жизни общества: «Я по своему мнению судное дело и управление судейское вельми поставляю высоко, паче всех художеств, на свете сущих. И того ради никакому человеку, не токмо малосмысленному, но и самому разумному не подобает судейства или начальства искать, но всячески от него отрицатися, понеже весьма тяжелоносно оно».

Роль судьи у Посошкова поднимается до духовно-религиозных высот: «Бог правда, правду он и любит. И аще кто воахощет богу угодити, то подобает ему во всяком деле правда творити. Наипаче всех чинов надлежит судьям правда хранить не токмо в одних делах, но и в словах лживо ничего не говорить, но что прилично к правде, то и говорить, а лживых слов судья никогда б не говорил».

Понеже судья судить именем царским, а суд имянуется божий, того ради всячески судье подобает ни о чом тако не старатися, яко о правде, дабы ни бога, ни царя не прогневити.

Буде судья суд поведет неправой, то от царя примет временную казнь, а от бога вечную не токмо на теле, но и на души казнь вечную понесет. А буде же судья поведет суд самой правдивой и нелицеприятный по самой истинне яко на богатого и славного, тако и на самага убогаго и безъславного, то от царя будет ему честь и слава, а от бога милость и царство небесное».

Несправедливому судье, как думает Посошков, не поможет ни пост, ни молитва, потому что он «уподобится лживому диаволу». Постоянно судья должен молиться о помощи Бога при исполнении своих обязанностей, «дабы от незнания своего правого не обвинить, а виноватого не оправити».

Продажности судей в Московском государстве ужасался еще Ю. Крижанич, когда писал, что «Несть адда диво что на Москве есть тако много воров и разбоев, и людоморства; но паче есть диво, како еще люди праведны могут на Москве жить. В Царьграде есть людей з двое толико, сколько их есть на Москве: и народы и веры много различные и соврежные: и море есть у граду, да есть лехко и мертвеца скрыть в воде, и злодейцу убежать по воде же. А однако же целы годы премияют да ся в Царьграду не услышит ни лавка вломлена, ни храм выграблен, ни ин каков разбой. А на Москве ни неделя не минет без таковых вестей». Крижанич, как и Посошков, ссылается на опыт судопроиз-

водства Турции, полагая, что проблема эта может быть решена улучшением денежного вознаграждения судей.

Идеи Посошкова относительно возможности исправить существующее положение дел и «искоренить неправду» вполне созвучны представлениям того времени: он, как и Крижанич, как и Петр, уверен, что для этого вполне достаточно добиться большей строгостей в отношении чиновников: «Всем судьям и приказным людям задать страх великой и жестокой, чтобы никто сверх указного числа ни от какова дела сверх работных указных денег никаких гостинцов не принимали б». По его мнению, «аще судей малых и великих не казнить и великими штрафы их не штрафовать, то и правое изложение учиня правды и праваго суда уставить будет невозможно. А аще ради установления правды правителей судебных и много падет, быть уже так. А без урону я не чаю установится правде, а прямо рещи, и невозможно правому суду установится, аще сто другое судей не падет: понеже у нас в Руси неправда вельми застарела. А не таким страхом не чаю я того злаго корения истребить: аще бо кая и земля вельми задернеет и дондеже того тернии огнем не выжгут, то не можно на ней пшеницы сеяти: тако и в народе злую застарелость злом надлежит и истребляти. А аще не тако, то, по моему мнению, не токмо в судех, но и во всяком правлении правды не будет». Так, по его мнению, было бы хорошо, если бы особый чиновник, пользующийся доверием государя обходил все тюрьмы и расспрашивал всех колодников, «не чинят ли кому какова нападка и излишней волокиты, и не осудили ль кого не против даннаго им изложения, и не взял ли кой судья или подьячий излишняго взятка?»

Впрочем, сам по себе взгляд на взятку у Посошкова не столь однозначен. В принципе он считает вполне правомерным получение вознаграждения чиновниками «от рублевого дела до многотысячнаго» «по своей работе». Его возмущает лишь неумеренность и неупорядоченность в этом деле. Для борьбы со всеми этими злоупотреблениями Посошков предлагает ввести в систему принцип установления судьям не определенного жалованья, а дифференцированной платы: «А судьям и всем приказным людем государево жалованье денежное и хлебное надлежит оставить, чтобы в том жалованье казна великаго государя напрасно не тратилась. Я чаю что судьям и приказным людем на всякий год тысяч десятка по два-три исходит, а пропадает оно даром, ни за одну деньгу гинет, потому что они немного делают даром, а аще бы и даром делали, то что великому государю прибыли?» Судьи и приказные люди должны получать «оклад с деле, по чему с какого дела брать за работу. И так надобно усудить чтобы ни самага малаго дела не обойтить, чтобы никакого дела даром не делали и брали б самое праведное по распоряжению». По его мнению, плата должна уменьшаться в том случае, когда условленная работа чиновника не поспеет к определенному сроку, «а буде же гораздо заволочит,

то и вся ее своя лишится мзды». Представления подобные этому, впрочем, живучи и до сих пор. Как здесь не вспомнить нечто подобное в предложениях Г. Попова, предусматривающих возможность открытого получения чиновниками вознаграждения.

Впрочем, ничего нового в подобных предложениях не было и тогда. Те же Судебники XVI в. прямо регламентировали, что должны были «имати. в суде от рублевого дела на виноватом» бояре, дворецкие, казначеи, дьяки и пр.

Да и сами заботы о «правде судейской» ведут свое происхождение из того же XVII в. Жесткая регламентация процесса судопроизводства была одной из важнейших задач того же Соборного Уложения 1649 г., да и более ранних судебныхников. Продажным судьям грозили и денежною пеней, и «торговою казнью».

Можно было бы, конечно, увидеть в идее равного и правого суда «буржуазное равенство». Однако обоснование равенства здесь совершенно иное: «В суде у царя, яко у бога, нет лица ни богату, ни убогу, ни силну, ни маломочну, всем суд един, и то стал быть суд божий». Фактически, Посошков лишь выражает общие настроения многих челобитных предыдущего века. Так в челобитной Алексею Михайловичу во время московского восстания 1648 г. мы читаем: «...Мы все от народа просим еще униженно твое царское величество, чтобы ты. обещание вспомнить захотел, ибо среди всех черных людей слышится возмущение и мятеж от неправд, которые им от сильных и ближних людей, и дьяков, и воевод в уездах и в городах причиняются. Ты должен, напротив, повелеть всех неправедных судей искоренить, неразумных сместить и на их место выбрать справедливых людей, которые бы за свой суд и за службу пред богом и пред твоим царским величеством отвечать могли. А если нет, тогда твое царское величество должен указать всяким людям самим всех служащих и судей назначать своими собственными средствами и для того людей выбирать, которые бы их по старине и по правде ведать могли, и от сильных людей насилия оберегать. Этим твое царское величество от всякого лишнего труда настолько облегчится, что твое царское величество с полным спокойствием свое царское дело править бы мог.»

Другим злом для России Посошков считал медленность решения дел, волокиту, продажность и недобросовестность судей и приказных. Правительство старалось принимать меры в отношении чиновников, пыталось помочь жертвам чрезмерно медленного решения процессов, однако все старания правительства устранить это зло заканчивались ничем.

Посошков осуждает судей за беспричинное и длительное содержание колдников в тюрьме, приводя множество конкретных примеров такого рода, как в случае с двумя плотниками, брошенными в новгородскую тюрьму за отсутствие паспортов, один из которых умер через год и другой был освобо-

жден лишь по истечении двух лет. «Иного, – пишет он, – посадят на час, да забудут, то он в забвении просидит и год места». От такого «неуправления судейского велми много в мире пакостей и разорения чинитца и погибают многие напрасно; ибо многия в заключении сидя з голоду и от всякия нужды умирают безвременную смертью».

Посошков требует скорого «вершения» дел и считает правильным, чтобы за «малыя вины» людей вообще бы не сажали в тюрьму, в случае же признания действительной серьезной вины не откладывать казни преступников, приговоренных к смертной казни. Здесь он, однако, лишь повторяет содержание указа «О недержании и присужденных к казни преступников в тюрьме более месяца» 1683 г.

В то же время борьба с бюрократизмом и волокитой не была следствием гуманности Посошкова, она, скорее, диктовалась экономическими соображениями – слишком много арестантов по тюрьмам напрасно хлеб едят. «Худая судьям похвала, что колодников много держат, но то самая честная похвала, чтоб ни одного колодника не было. Поэтому, чтобы избежать лишних трат, он предлагает в случае превышения срока содержания колодника виновного судью обязать «кормить того колодника. своим хлебом».

Именно экономическими соображениями он руководствуется в своих предложениях не лишать людей свободы за многие преступления. «В старом Уложении напечатано еже сажать в некоторых делах за вину в тюрьму года на три, на четыре и больше, и та статья мне возмнилась весьма непристойна. ... Чем посадить в тюрьму, да морить лет пять или шесть, то лучше приложить ему наказание или инаго какого штрафа, а дней жития человеческого терять не надобно. Человек на воле будичи иной подле себя и посторонних человек пять-шесть или больше может прокормить, а в тюрьме сидячи и себя прокормити не может, но вместо червя будет хлеб есть и во тлю претворить без прибытку» – заявляет Посошков. К тому же уменьшение числа колодников позволило бы употребить здания, назначенные для тюремного заключения, для более полезных целей.

Та же идея – по поводу волокиты в отношении челобитчиков. Посошков требует добиться строжайшего приказа подьячим, «чтобы челобитчиков отнюдь долго не волочили». Если, говорит он, вместо праздного шатания челобитчики будут заниматься своим делом – купецкие люди купечеством, мастеровые своим рукоделием – «от того в народе пополнение будете».

Посошков предлагает разные способы избежать «волоkitы»: это и ежедневный пересмотр судьей всех колодников, и установление сроков окончания работы для подьячих и т. д. Судья должен действовать так, «чтобы дело не лежало без делания, чтобы даром и единого дня не пропустить, чтоб дела

какова ис той росписи не вершить, и, слушав, чинить решение немедленно, дабы людие Божии в излишних волокитах напрасно не мучились».

С этой целью Посошков в своем «Отеческом завещании» специально рассматривает обязанности приказных людей. Посошков разрабатывает и предлагает правила об окончании дела к положенному сроку, о ведении памятной книжки, об исполнении данных челобитчикам обещаний и т. п. Это выгодно и самим приказным людям, поскольку они тем самым приобретают одновременно и хорошую репутацию, и материальную выгоду. Посошков не одинок в таких рассуждениях. Те же мысли мы встречаем, например, у Татищева. Обвиненный Демидовым во взяточничестве он, оправдываясь перед Петром, говорил, что это лишь подарок за хорошо сделанную работу. Иначе смотрит на это Петр, который, в отличие от Посошкова и Татищева, видевших в подарках средство для ускорения судопроизводства, считал их делом опасным: «Позволить этого нельзя, потому что бессовестные судьи под видом доброхотных подарков станут насильно вымогать». К тому же «для доброго судьи служба есть священный долг, причем ему и в мысль не приходит временная корысть, и что ты делаешь из мзды, то он делает из добродетели».

Посошков понимает, что проблемы улучшения состояния правосудия на Руси следует искать не только в нравственной порче чиновников, но и в отсутствии правосознания у народа. Купцы обманывают в торговле, низшие слои общества склонны к праздности и лени, разбоям и грабёжам – с горечью замечает он. Однако единственной панацеей здесь он видит введение самых строгих мер: «Какая казнь будет вору, такая ж казнь будет и солдатам кои вдали да молчали. А буде из большого дому из боярскаго кто сворует что, то того дому всем дворовым, кои вдали да молчали, такая же казнь, и кои и не вдали, а того ж дому, и тех кнутом бить колико указано будет. А буде кой сотской или пятидесятской, уведав за кем воровство, да умолчит, то горше вора примет муку и казнь лютейшую и пр.. буде кто ведая о разбойниках да утаит, тому будет смертная казнь».

Посошков предвидит сложности и ожидает сопротивления со стороны крестьян при попытках заставить их ополчиться против разбойников, поэтому он требует, кроме наказания кнутом, всех тех, которые не пойдут на помощь, заставить вознаградить жертв разбоя за понесенную потерю.

Нельзя сказать, что правительство не понимало важности борьбы с этим злом. Тюрьмы были переполнены, суды работали неустанно, однако существовали объективные причины того, что усилия властей не достигали цели. Одной из причин этого было то, что многое в русской истории определялось чисто естественными, географическими причинами. В отличие от Запада, где все проблемы между народом и государством решались на ограниченных площадях и поэтому в конечном итоге сводились к усовершенствованию

внутренней стороны общественной жизни, на Руси стремились к внешнему расширению пространства взаимодействия народа с государством. Как писал Н. Алексеев: «Западная история следовала принципу социальной интенсификации, мы же шли путем экстенсивным. На Западе, если государство давило, можно было придумать только один исход: усовершенствовать государство и ослабить давление. У нас государство давило по необходимости, но мы не стремились усовершенствовать государства, а уходили от него в степь и в леса. Государство настигало ушедших – они опять уходили дальше».

«Снимая таким образом с русской истории романтический флер, – замечает Н. Алексеев, – мы должны сказать, что определяющими силами ее были, с одной стороны, силы, организующие государство, силы порядка, с другой, – силы дезорганизующие, анархические, внешне выражающиеся в различных проявлениях русской смуты. Особенностью русской истории является то, что смута эта не была попыткой организации вольницы в пределах государственного порядка, но представляла собою вечный выход ее из государства в дикое поле и в темные леса. Уход от государства есть первостепенный факт русской истории, который физическое свое воплощение нашел в казачестве и свое нравственное оправдание – в различных политических воззрениях, оправдывающих бегство от организованных политических форм общественной жизни».

Еще при Иоанне Грозном на самих жителей была возложена обязанность преследовать разбойников, ловить, судить и наказывать их. Однако ответом на меры власти был рост числа «гулящих» людей, усиление казачества, появление большого количества разбойничьих шаек. Грабежи и разбои стали обычным явлением в жизни Руси. «Человек, – замечает С. М. Соловьев, рисуя картину состояния России накануне реформы Петра I, – привыкал к случаям насилия, грабежа, смертоубийства; привычка пагубная, ибо ужасное становилось для него более не ужасным, и при этом относительно своей безопасности он привыкал полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную, и легко понять как вследствие этого ослаблялось в нем сознание общественной связи: он привыкал жить в лесу, а не в обществе, и вести себя сообразно этому. На Западе в Средние века завидит путник замок, возвышающийся на скале, и трепещет: это разбойничье гнездо; в Москве в XVIII в. чем выше и обширнее был дом, тем опаснее он был для прохожего, не потому чтобы сам владелец дома, боярин или окольный напал на прохожего и ограбил его, но у этого знатного боярина или окольного несколько сот дворни, праздно и дурно содержимой, привыкшей кормиться насчет каждого встречного, будь это проситель к боярину или просто прохожий».

Одной из главных причин этого, по мнению Посошкова, являлась поддержка разбойников со стороны довольно значительной части сельского на-

селения. Исходя из этого он предлагает устроить строжайший контроль над всеми жителями деревень и городов, самую строгую паспортную систему. Сотские, пятидесятские и десятские должны были бы иметь надзор, «чтобы никто и из высоких персон без ведома своих сотских или пятидесятских никуда не отъезжали, а куда кому случится ехать, чтобы у сотских или у пятидесятских своих брали за их печатями отпускные письма и в тех письмах описывали именно, куды кто поехал и за каким делом, и на коликое время поехал и людей с собою колико взял и кого имяны». Посошков желает, чтобы люди всех сословий наблюдали друг за другом и доносили на тех, которые без ведома своих пятидесятских ездят куда-либо или оставляют свои дома ночью порой. Он предлагает целый ряд мер для наказания недобросовестных пятидесятских и сотских, надеется на контроль над контролем и на разные меры поддержания авторитета этих сотских и т.п.

Такого рода идеи Посошкова, безусловно, наивны и утопичны. Ограничение личных свобод граждан, как и прочие действия правительства, не могли привести к реальному успеху, поскольку преступность имела более глубокие корни, но, в то же время, вредила экономической деятельности, тому самому «богатству», о котором так беспокоился Посошков. К тому же это удаляло страну от правового порядка, поскольку исходило из идеи презумпции виновности. Наконец, сам же Посошков обвинял чиновников в «неправде», а ведь сотские, пятидесятские и десятские принадлежали к тем элементам общества, что и судьи; поэтому неясно, почему они должны были быть добросовестнее при исполнении обязанностей, чем последние.

Власти понимали это и достаточно активно искали средства по наведению порядка в стране и защите населения от произвола приказных людей, своеволия и самодурства судей и чиновников, прежде всего, в области законодательства стремясь найти оптимальное соотношение между преступлением и наказанием, а также исправить систему судопроизводства, нуждающуюся в более четких юридических нормах,

Однако меры эти не приносили результата. Число преступлений не уменьшалось, оставалось весьма значительным число жалоб на несправедливость решений судей и произвольность действий администрации. Этим потоком жалоб оказался захлестнутым даже Петр, и, сознавая, что даже при самой энергичной работе, невозможно вникнуть во все дела, он создает Сенат, вводит различные учреждения и должности для наблюдения за правильным ходом дел и добросовестным исполнением чиновниками их обязанностей.

Впрочем, тот же И. Посошков не видел в Сенате действительно авторитетного учреждения и потому предлагал «ради самая твердости в судах и во всяком правлении, чтоб от правосудия ни много ни мало судьи не колебались. учинить особливую канцелярию, в которой бы правитель был самый

ближний и верный царю». Это высшее присутственное место должно было стать, по его мнению, «оком царевым, верным оком, иже бы над всеми судьями и правителями был вящий, и за всякими правителями смотрел властительно, и никого он кроме Бога, да его императорскаго величества не боялся. А к той канцелярии приход был бы самый свободный, а сам бы тот правитель был низок и ко всяким людям был низходителен, и не тяжел бы он был, аще и не по вся дни, обаче, улуча время, по коллегиям ходил бы и смотрел, каково кто дело свое управляет, и нет ли каковыя в делах неисправности, и нет ли каких жалобщиков. Такожде, обходя судебныя места, и челобитчиков бы спрашивал, не чинят ли кому какова нападка и излишней волокиты и пр. И у всех коллегий и канцелярий прибить печатные листы с объявлением таким: буде судья или подьячий какую учинит в деле неправду, то приходили бы в ту канцелярию, то всякому лицу там будет управа. Такожде, буде кто из сильных лиц избидит кого убогаго, или судья гражданский или военный офицер чем солдата или драгуна избидит, а он суда на него не сыщет, то тут бы избиденный искал бы обороны». Тем самым Посошков настаивал на учреждении некоей специальной высшей апелляционной инстанции. До некоторой степени деяния Петра совпадали со стремлениями и идеями Посошкова: собственно и сам Сенат, и другие органы, такие как «кабинет», прокуратура и т. п., были как раз попытками создать что-то похожее на то, чего требовал Посошков.

Так, в созданный в начале XVIII в. «кабинет» царского величества должен был принимать все жалобы, обращения, донесения и т.п. А в начале 1722 г. для усиления наблюдения за законностью действий всех и каждого Петр учредил при Сенате должность независимого ни от кого, кроме самого государя, генерал-прокурора, в обязанности которого входило наблюдение за действиями Сената и прокурорами. Представляется, что должность генерал-прокурора ближе всего соответствовала той роли, которую Посошков отводил предлагаемой им высшей канцелярии.

Иными словами, пожелания Посошкова были исполнены, но, как оказалось, это не принесло существенных изменений в состояние правопорядка в стране, злоупотребления отнюдь не исчезли.

У Посошкова был готов, однако, ответ и на вопрос о причинах подобной ситуации – главную роль здесь играет недостаток нравственности. Причем особенно возмущает его аморализм «великородных», которые «на уложенные уставы мало смотрят: но как кто восхощет, так и делать будет по своей природной пыхе». «Лучше, – считает он, – ради уставления правды в судьи посадить из нижних чинов, а паче из приказных людей, кои в делах искусны и страх Божий в себе имут. И с ними посадить, где пристойно, и из военного чина, кии от службы отставлены, и из купчества, в которых острота умная

есть. А буде из приказных людей в судьи выбрать некого, то бы из дворян мелких, кои остроумны и в делах искусны, и боящиеся Бога». Преимущество «низкородных» Посошков видит в том, что в случае злоупотреблений с их стороны «за них и упрашивать никто не будет, да и сами они паче высокородных бояться будут». Посему «тем низкородным судьям надлежит дать такое величество чтоб они никаких лиц не боялись, кроме Бога да царя, и дела б все свои делали по новосочиненному его императорского величества указу неизменно, и от своего ума не мудрствовали бы, и ни едину черту сверх указу не прибавляли бы и не убавляли бы». Впрочем, и в этом случае одной лишь нравственности судей, даже «низкородных» недостаточно. Важно, чтобы «нарушение новоизложенного указа» грозило им смертью, «дабы они судили, а о смерти своей помнили».

Проявление традиционной для менталитета среднего русского человека неприязни к «великородным» проявляется у Посошкова и в требовании равного суда для всех. В главе «О воинских делах» он говорит: «И ради общезнательства любовнаго аще великий наш монарх повелит суд устроить един каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и офицеру, ничим же отменен, и полковнику и генералу, – и чтоб и суд учинить близостный, чтоб всякому и низкочинному человеку легко бы его достигать, како на простолюдина, тако и на служиваго, – то по таковому уставу не то что офицеров, солдат избобижать, но и земледельцев не будут обидить. Аще увидят прямой правый суд, то всю прежнюю свою гордость и озарничество и обиды все отложат и будут со всеми чинами любовно обходиться, и указы его императорского величества не станут ничтожить; ибо тем люди, да вси изменятся. Сей же суд, мне мнится, не весьма прав, еже простолюдину о обид своей на солдата у солдата ж милости просить, а на офицера у офицера ж. Старая пословица есть: еже ворон ворону глаза не выклюнет!».

Началом же реформирования судопроизводства в России Посошков считал составление нового уложения. Собственно говоря, здесь его идеи лишь повторяют замысел Петра, считавшего исправление и дополнение «Уложения» 1649 г. делом крайне важным и необходимым. И эта проблема уже решалась им, хотя, не столь радикальным образом. Петр I, оставив «Уложение» действующим сводом, потребовал согласовывать с ним так называемые новоязные статьи, именные указы и боярские приговоры.

Первый шаг в этом направлении был сделан его указом еще 18 февраля 1700 г., предписывающим свести «Уложение» с последующими законами. На основании этого указа была составлена в 1700 г. палата об уложении из бояр, думных дворян, стольников и дьяков. Однако дело это оказалось труднее, чем думалось. До 1703 г. она успела «свести» только три главы «Уложения» и

была закрыта. В 1714 г. учреждена новая комиссия, действовавшая по 1718 г. Она составила до десяти глав сводного уложения, которое, однако, тоже не имело никаких последствий.

Разочаровавшись в попытках усовершенствовать старое уложение, Петр решил сочинить новое уложение на основании как русских, так и иностранных (в основном шведских и датских) законов. Для этой цели в 1720 г. была составлена еще одна комиссия из русских и иностранцев. Однако все усилия и этой комиссии так и не увенчались успехом. Хотя номинально она просуществовала до кончины Екатерины II, но никаких следов ее работы не сохранилось.

Дело это оказалось настолько трудным, что еще 10 раз с Петра I до Николая I создавались такие комиссии, были затрачены миллионы рублей, однако задача оставалась нерешенной. Ни одна из них так и не смогла собрать действующее право в одно целое и дополнить его лучшими образцами западного права. Таким образом, вплоть до работы М. М. Сперанского задача оставалась нерешенной.

Посошков, конечно, не мог представлять всех трудностей процесса кодификации. Однако он вполне сознавал всю сложность вопроса и потому предложил для решения вопроса довольно сложную конструкцию.

Прежде чем «сочинить правосудную книгу с подлинным рассуждением на всякие дела. надлежит древняго суда уложение и новоустановленные гражданския и военныя, печатныя и письменныя, новосостоявшися и древняя указныя статьи собрать и по приказам из прежних вершенным деле выписать такие приговоры на которыя дела ни в уложеньи, ни в новоуказных статьях решения не положено». И только после этого, «применяясь» к ним, «надлежит учинить пункты новые, дабы впредь такая дела не наизусть вершить, и в Сенат бы не вносить, но на всякия дела были указныя статьи ясныя, с совершенным расположением». Любопытно, что при всей своей неприязни к иностранцам Посошков понимает необходимость использования зарубежного опыта, предлагая «к тем русским рассуждениям прежним и нынешним приложить из немецких судебников, кои статьи из иноземных уставов будут к нашему правлению пригодны. И лучшего ради исправления надлежит и турецкий судебник перевести на славянский язык и прочие их судебные и гражданского устава порядки управительные переписать, а кои сличны нам, то бы тые и от них принять.».

При этом, выдвигая идею создания нового уложения, Посошков предлагал Петру I поручить его составление «народосоветию», в состав которого были бы привлечены представители всех сословий, включая и крестьян. «И к сочинению тоя судебныя книги избрать человека два или три из духовнаго чина самых разумных и ученых людей., и высокоаго чина, кои не горды и ко

всяким делам нисходительны, и от приказных людей, кои в делах разумны, и от дворянства, кии разумны и правдолюбны, и от купечества, кии во всяких делах перебыли б, кии и от солдат смышлены и в службах и в нуждах натерлися и правдолюбивые; из людей боярских, кии за дела ходят, и из фискалов., не худо бы выбрать и из крестьян, кои в старостах и в сотских бывали, и во всяких нуждах перебывали б и в разуме смысленные». Таким образом, он считает важным, чтобы будущее уложение было подкреплено голосами всех слоев «самым вольным голосом, а не под принуждением».

Проект, выработанный «совершенным общесоветием», по мнению Посошкова, должен был быть передан императору, «да рассмотрит его умная острота». «И кии статьи его величеству угодны, то те тако да и будут, а кии непотребны, ты да извергнутся или исправить по пристоинству надлежащему». Посошков, видимо, понимает, что несмотря на все его оговорки, эти предложения так или иначе ставят под вопрос неограниченность полномочий монарха. Поэтому он особо подчеркивает, что хотя «сие мое речение многие вознепщуют, яко бы аз его иператорскаго величества самодержавную власть народосоветием снижаю», в действительности у него нет подобных намерений: «Не снижаю его величества самодержавия, но ради самыя истинныя правды, дабы всякой человек осмотрел в своей бытности, нет ли кому в тых новоизложенных статьях каковыя непотребныя противности, иже правости противна». В поиске аргументов в свою защиту он обращается к идее божественности власти: «Правосудное дело самое святое и богоугодное и того ради всячески надлежит потщится, дабы суд царев был яко божий. Бог есть правосуден, того ради и в человецех требует правого суда. И аз о правосудии тако мню, еже царю не тако полезен пост и молитва, яко правосудие».

После принятия нового «правосудного изложения» Посошков предлагает сначала апробировать его «перве попробить на делах», чтобы если «в какой статье явится некая неисправность, то о ней надлежит поразсудить и поправить ее». И уже только через 2–3 года следует «напечатать их (текстов уложения. – Авт.) великое множество, дабы не токмо в городех, но и в селех без того бы судебника не было, чтобы всяк его читал и волю его императорскаго величества ведал и ничего бы противно его величества воле не делал и от всяких неправых дел отдалялися бы».

При всем несомненном демократизме предлагаемых Посошковым мер вряд ли следует видеть в «народосоветии» зародыш будущего «буржуазного парламентаризма». Правильнее, по-видимому, отождествлять его с традиционной для Московской Руси формой Земского Собора. Как раз для них не являлось чем-то исключительным участие крестьян. Последних, кстати, Посошков рассматривал лишь как временно переданных государством во вла-

дение дворян в вознаграждение за службу, – взгляд, характерный для XVI–XVII вв.

Оттуда же, из XVI–XVII вв. в своеобразном «домостроевском» варианте вытекает и само представление Посошкова об императоре: государь – хозяин страны, который подобно домохозяину, главе семейства, должен быть не только рачительным и экономным, но и справедливым, чтобы соблюсти свой «царский интерес».

«У нас не вес имеет силу – рассуждает он, – но царская воля. У иноземцов короли власти таковы не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди. И тии купцы по купечеству своему товар в денгах числят, а королевскую персону полагают на них вместо свидетеля, что та цата имеет в себе толико товару, за что она идет.

И по нашему простому разумению, то стало быть королю безчестие, а не честь, что не по имени его денги в себе силу имеют, но по купеческой цене.

И мне ся мнит, тот их совет вельми нам непристоен, понеже у нас самый властительный монарх, а не ористократ ниже димократ. И того ради мы не серебро почитаем, ниже медь ценим, но нам честно и силно имянование его императорскаго величества».

Именно так «правда» становится составной частью «богатства».

Таким образом, как пишет Н. П. Павлов-Сильванский: «В эпоху петровской реформы является впервые человек, самоотверженно трудящийся над вопросами общественного и государственного устройства, одушевленный той же идеей общего блага, которой служил Петр, отождествлявший благо государства с благом общества».

Впрочем, надо сказать, что в отношении известности Посошкова сложилась довольно странная ситуация. Из одной книги в другую кочуют заявления как раз прямо противоположные: но если в дореволюционный период у Н. П. Павлова-Сильванского было хоть какое-то основание утверждать, что «литературы о Посошкове просто нет», то вряд ли соответствует действительности заявление Л. Зайцевой о том, что «имя Посошкова практически неизвестно, его главная книга опубликована через сто лет после смерти, другие работы не изучены и не опубликованы до сих пор». И это при том, что библиография исследований, касающихся непосредственно Посошкова (не считая тех, где это имя упоминается наряду с другими) и учтенных Б. Б. Кафенгаузом, насчитывает 201 работу. Заметим, что работа самого Кафенгауза вышла еще в 1950 г.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабурин Д.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939.
2. *Буганов В. И.* Петр Великий и его время. М., 1989.
3. *Заозерская В. И.* Мануфактура при Петре I. М., 1947.
4. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Соч. Т. 4. М., 1958.
5. *Конотопов М. В., Котпова А. А., Сметанин С. И.* История отечественной текстильной промышленности. М., 1992.
6. *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. Т. 1–5. М., 1948–1955.
7. *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947.
8. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1952.
9. *Мартынов М. Н.* Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.
10. *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
11. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830.
13. *Сметанин С. И.* История предпринимательства в России. М., 2001.
14. *Сметанин С. И., Конотопов М. В.* Развитие промышленности в крепостной России. М., 2000.
15. *Сметанин С. И., Конотопов М. В.* История черной металлургии России. М., 2001.
16. *Струмилин С. Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1967.
17. *Шершов А. Е.* История военного кораблестроения. М., 1952.
18. *Яковцевский В. Н.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1963.

10. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ НАКАНУНЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

10.1. Пьер Лепезан де Буагильбер

10.1.1. Бедная Франция

Казалось, царствованию Людовика XIV не будет конца. Началось XVIII столетие. И люди спрашивали себя и (если осмеливались) друг друга: *что же будет с Францией, если бог еще надолго продлит дни Короля-солнца?*

В первые два десятилетия его царствования хозяйством страны управлял Кольбер. Он понимал важность промышленности и многое делал для ее развития. Однако рост некоторых ее отраслей шел в ущерб сельскому хозяйству, которое Кольбер рассматривал как источник финансовых средств для государства. Самый главный порок политики Кольбера заключался в том, что она оставляла в неприкосновенности феодальные отношения, а они сковывали экономическое и общественное развитие страны. Может быть, усилия Кольбера имели бы больший успех, если бы королевская власть не ставила перед ним одной главной задачи: любой ценой выжать деньги для войн, которые без конца вел честолюбивый Людовик, и для его невиданно пышного двора.

После смерти Кольбера некоторые достижения его политики были быстро утрачены, а ее пороки дали о себе знать с удвоенной силой. В 1701 г. началась самая неудачная и разорительная для Франции война – так называемая Война за испанское наследство, в которой против нее выступала коалиция в составе Англии, Голландии, Австрии и нескольких мелких государств.

Старая, Людовик XIV терял свой талант привлекать к руководству государством способных людей. На смену энергичному и трудолюбивому Кольберу пришли посредственности. Первое место среди министров при Людовике XIV и двух следовавших за ним Бурбонах занимал генеральный контролер финансов, в руках которого было сосредоточено управление финансами государства, хозяйством страны, внутренними делами, юстицией, а порой и военными делами. По существу, это был премьер-министр, который, однако, только выполнял волю монарха.

Проведение любых экономических реформ зависело от генерального контролера. Зная это, *Буагильбер* без конца пытался убедить в полезности

своих проектов людей, которые занимали этот пост в последнем десятилетии XVII и первом десятилетии XVIII в. – Поншартрена и Шамильяра. Но эти люди были неспособны даже выслушать его до конца. Добившись однажды аудиенции у Поншартрена, Буагильбер начал свой доклад таким заявлением: возможно, министр сначала сочтет его сумасшедшим, но быстро изменит свое мнение, как только вникнет в его, Буагильбера, идеи. Послушав его несколько минут, Поншартрен расхохотался и сказал, что он остается при первоначальном мнении и не нуждается в дальнейшем разговоре.

Правительство не желало и слышать ни о каких реформах, которые могли бы затронуть интересы привилегированных сословий (дворянства и духовенства) и новых кровососов – налоговых откупщиков, богатых финансистов. Между тем только такие реформы могли вывести хозяйство страны из затяжного кризиса, и в этом направлении шли проекты докучливого руанца.

Сочинения Буагильбера являются одним из важнейших источников сведений о бедственном состоянии экономики Франции той эпохи, о тяжелом положении народа, три четверти которого составляло крестьянство. Но об этом писали многие. Видный автор политических и экономических сочинений маршал Вобан в 1707 г. отмечал, что одна десятая часть всего населения нищенствует, пять десятых – на грани нищенства, три десятых – в очень стесненном положении и лишь одна, высшая, десятая доля живет хорошо, в том числе несколько тысяч человек – роскошно.

Отличие Буагильбера от этих критиков заключалось в том, что он в какой-то мере понимал коренные причины такого положения. Поэтому он и мог много сделать для развития экономической мысли. Не случайно взгляд его обращался к деревне. Здесь был ключ к развитию во Франции прогрессивного буржуазного хозяйства. Король, дворянство и церковь упорно отказывались пользоваться этим ключом, пока революция в конце столетия не сломала все замки. Французский крестьянин был лично свободен уже несколько столетий. Но он не был свободным собственником земли, на которой жил и работал. Средневековый принцип «нет земли без сеньора» действовал с полной силой, хотя и в изменившихся формах. В то же время во Франции не было того сильного нового класса капиталистических фермеров-арендаторов, который развивался в Англии. Крестьянство изнемогало под тройным гнетом: оно платило ренту и несло бремя самых разных феодальных повинностей по отношению к помещикам; содержало многочисленную армию попов и монахов, отдавая на церковь десятую часть своих доходов; было, по существу, единственным плательщиком налогов королю. Дворянство и духовенство налогов не платили, а городская буржуазия была, с одной стороны, относительно слаба, а с другой – гораздо успешнее могла уклоняться от налогов.

Как много раз повторял Буагильбер в своих сочинениях и докладных записках, эта экономическая система убивала у крестьянина всякие стимулы к улучшению обработки земли, к расширению производства.

Подчиняя всю экономическую политику задаче извлечения налоговых доходов, государство использовало феодальные пережитки, задерживало их разрушение. Вся Франция была разрезана на отдельные провинции таможенными границами, на которых взимались пошлины со всех перевозимых товаров. Это мешало развитию внутреннего рынка, росту капиталистического предпринимательства. Другим препятствием было сохранение в городах ремесленных цехов с их привилегиями, жесткой регламентацией и ограничением производства. Это тоже было выгодно правительству, потому что оно без конца продавало цехам одни и те же привилегии. Даже немногие крупные мануфактуры, которые насаждал Кольбер, в начале XVIII столетия пришли в упадок. В 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт, которым допускалась известная веротерпимость. Многие тысячи семей гугенотов – ремесленников и торговцев покинули Францию, увозя с собой деньги, мастерство и предпринимательскую сметку.

10.1.2. Судья из Руана

Экономические прожектеры – особый тип людей, который встречается, наверное, во все времена и во всех странах. Они похожи на другое особенное племя – изобретателей и нередко наталкиваются на такие же препятствия: эгоистические интересы сильных мира сего, консерватизм и обыкновенную человеческую глупость.

Буагильбер был одним из самых неистовых, честных и бескорыстных экономических прожектеров. Во Франции Людовика XIV его неизменно ждала неудача, и она была для него более глубокой личной трагедией, чем для Петти. Личность Буагильбера, может быть, не отличается такой многогранностью и колоритностью, как фигура сэра Уильяма. Но уважения он внушает, пожалуй, больше. Уже современники, давая характеристику смелому руанцу, обращались за примерами подобных гражданских добродетелей к классической древности.

Пьер Лепезан* де Буагильбер родился в 1646 г. в Руане. Семья его принадлежала к нормандскому «дворянству мантии» – так называли в старой

* Это и была, собственно, фамилия экономиста: Буагильбер – название земельного поместья, приобретенного его предками. Такое дополнение к фамилии делалось обычно, когда буржуа получал дворянство. Однако Пьер Лепезан всегда был известен под именем де Буагильбера.

Франции дворян, занимавших наследственные судебные и административные посты; кроме того, имелось «дворянство шпаги», служившее королю оружием. «Дворянство мантии» в XVII и XVIII столетиях быстро пополнялось за счет разбогатевших буржуа. Таково было и происхождение Буагильберов.

Юный Пьер Лепезан получил отличное для своего времени образование, по его завершении поселился в Париже и занялся литературой. Вскоре он обратился к традиционной в их семье юридической профессии и в 1677 г. получил судебно-административную должность в Нормандии. По каким-то причинам он находился в ссоре со своим отцом, был лишен наследства в пользу младшего брата и вынужден был сам «выходить в люди». Делал он это весьма успешно, так что уже в 1689 г. смог купить за большие деньги доходную и влиятельную должность генерального лейтенанта (начальника) судебного округа Руана. В своеобразной системе тогдашнего управления это означало нечто вроде главного городского судьи вместе с функциями полицейского и общего муниципального управления. Эту должность Буагильбер сохранил до конца дней и за два месяца до смерти передал старшему сыну.

Экономическими вопросами Буагильбер начинает заниматься, видимо, с конца 70-х гг. Живя среди сельского населения Нормандии и путешествуя по другим провинциям, он видит отчаянное положение крестьянства и скоро приходит к выводу, что это – причина общего упадка хозяйства страны. Дворяне и король оставляют крестьянину лишь столько, чтобы он не умер с голоду, а порой забирают и последнее. Трудно при этом надеяться, что он будет увеличивать производство. В свою очередь, страшная нищета крестьянства – главная причина упадка промышленности, так как она не имеет сколько-нибудь широкого рынка сбыта.

Эти идеи постепенно зреют в голове судьи. В 1691 г. он уже говорит о своей «системе» и, очевидно, излагает ее на бумаге. «Система» представляет собой серию реформ, как мы теперь сказали бы, буржуазно-демократического характера. При этом Буагильбер выступает не столько как выразитель интересов городской буржуазии, сколько как защитник крестьянства. «С Францией обращаются как с завоеванной страной» – этот рефрен пройдет через все его сочинения.

Можно сказать, что *«система» Буагильбера и в ее первоначальной форме, и в окончательном виде, какой она приобрела в 1707 г., состояла из трех основных элементов.*

Во-первых, он считал необходимым провести большую налоговую реформу. Не вникая в детали, можно сказать, что он предлагал заменить старую, ярко выраженную регрессивную систему пропорциональным или слегка прогрессивным обложением. При регрессивной системе чем больше доход данного лица, тем меньше в процентном отношении налоговые изъятия; при

пропорциональной системе изымаемая доля дохода одинакова; при прогрессивной она растет с повышением дохода. Предложение Буагильбера было исключительно смелым для своего времени: ведь знать и церковь, как уже говорилось, по существу, вовсе не платили налогов, а он хотел обложить их по меньшей мере в такой же пропорции, как и бедняков.

Во-вторых, он предлагал освободить внутреннюю торговлю от ограничений. От этой меры он ждал расширения внутреннего рынка, роста разделения труда, усиления обращения товаров и денег.

В-третьих, Буагильбер требовал ввести свободный рынок зерна и не сдерживать естественное повышение цен на него. Он находил политику поддержания искусственно низких цен на зерно крайне вредной, так как эти цены не покрывают издержек производства в сельском хозяйстве и исключают возможность его роста. Буагильбер считал, что экономика будет лучше всего развиваться в условиях свободной конкуренции, когда товары смогут находить на рынке свою «истинную ценность».

Эти реформы Буагильбер считал исходными условиями хозяйственного подъема и повышения благосостояния страны и народа. Только таким путем можно увеличить доходы государства, убеждал он правителей. Стремясь донести свои идеи до публики, он выпустил в 1695–1696 гг. анонимно свою первую книгу под характерным названием: «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население».

Упоминание о простых способах и о возможности всего достичь за один месяц носит в известной мере рекламный характер. Но вместе с тем оно отражает искреннюю веру Буагильбера в то, что стоит только принять ряд законов (а для этого, как он писал, надо всего два часа работы министров), и хозяйство поднимется «как на дрожжах».

Однако цепь разочарований только начинается. Книга остается почти незамеченной. В 1699 г. место Поншартрена занимает Шамильяр, который лично знает Буагильбера и как будто сочувствует его идеям. Руанец вновь полон надежд, он работает с новой энергией, пишет новые работы. Но главная его продукция в следующие пять лет – серия длинных писем-меморандумов для министра. Эти удивительные документы – не только докладные записки, но вместе с тем личные письма, крик души.

Буагильбер доказывает и уговаривает, грозит экономическими бедствиями, упрощает и закликает. Натолкнувшись на стену непонимания и даже на насмешки, он вспоминает о своем достоинстве и замолкает. Но, сознательно жертвуя личной гордостью ради отечества, вновь взывает к тем, кто обладает властью: спешите, действуйте, спасайте! Одно из писем 1702 г. заключается

так: «На этом я кончаю; тридцать лет усердия и забот дают мне силу предвидения, и я публично писал, что тот способ, которым Франция управляется, приведет ее к гибели, если это не будет остановлено. Я говорю лишь то, что говорят все купцы и земледельцы»*.

10.1.3. Преступление и наказание

Идут годы. Буагильберу запрещено публиковать новые сочинения, но он все надеется на практическое осуществление своих идей. В 1705 г. Буагильбер наконец получает округ в Орлеанской провинции для «экономического эксперимента». Не совсем ясно, как и в каких условиях проводился этот опыт. Но уже в следующем году он закончился провалом.

В начале 1707 г. Буагильбер публикует два тома своих сочинений. Наряду с теоретическими трактатами там есть и резкие политические выпады против правительства, суровые обвинения и грозные предупреждения. Ответ не заставляет себя долго ждать: книгу запрещают, автора ссылают в провинцию. Из ссылки он вновь обращается с письмом к Шамильяру и получает грубый ответ.

Буагильберу уже 61 год. Дела его расстроены, у него большая семья: пятеро детей. Родные уговаривают его утихомириться. Младший брат, добропорядочный советник парламента (провинциального суда) в Руане, хлопочет за него. Заступников у Буагильбера хватает, да и Шамильяр понимает нелепость наказания. Но неистовый прожектер должен смириться! Стиснув зубы, Буагильбер соглашается: бессмысленно дальше биться головой о стену. Ему позволяют вернуться в Руан. Как сообщает мемуарист той эпохи герцог Сен-Симон, которому мы обязаны многими деталями этой истории, горожане встретили его с почетом и радостью.

Буагильбер больше не подвергался прямым репрессиям. Он выпустил еще три издания своих сочинений, опустив, правда, иные, самые острые места. Но морально он был уже сломлен. В 1708 г. Шамильяра на посту генерального контролера сменил племянник Кольбера, умный и дельный Демаре. Он хорошо относился к опальному Буагильберу и даже пытался привлечь его к управлению финансами. Но было поздно: и Буагильбер был не тот, и финансы быстро катились в пропасть, готовя почву для эксперимента Джона Ло. Буагильбер умер в Руане в октябре 1714 г.

Из сочинений и писем Буагильбера, а также из немногочисленных свидетельств современников выступает цельная и яркая личность. Он был упрям и

* Цит. по: *Roberts H. van D. Boisguillebert, Economist of the Reign of Louis XIV. N. Y., 1935. P. 40.*

неуживчив, но эти черты характера имели под собой принципиальную основу: пренебрегая собственными выгодами и вступая в конфликты с сильными мира сего, Буагильбер отстаивал свои идеи, целью которых было благо родины и простого народа.

10.1.4. Теоретик

Как и все ранние экономисты, Буагильбер подчинял свои теоретические построения практике, обоснованию предлагавшейся им политики. Его роль как одного из основателей экономической науки определяется тем, что в основу своих реформ он положил цельную и глубокую для того времени систему теоретических взглядов. Ход мыслей Буагильбера был, вероятно, схож с логикой Петти. Он задался вопросом о том, чем определяется экономический рост страны; Буагильбера конкретно волновали причины застоя и упадка французской экономики. Отсюда он перешел к более общему теоретическому вопросу: какие закономерности действуют в народном хозяйстве и обеспечивают его развитие?

Стремление найти закон образования и изменения цен проходит через всю экономическую теорию, начиная с Аристотеля. Буагильбер сделал в этот многовековой поиск своеобразный вклад. Он подошел к задаче с позиций, как мы сказали бы теперь, «оптимального ценообразования». Он писал, что важнейшим условием экономического равновесия и прогресса являются пропорциональные, или нормальные, цены.

Что это за цены? Прежде всего это цены, обеспечивающие в среднем в каждой отрасли покрытие издержек производства и известную прибыль, чистый доход. Далее, это цены, при которых будет бесперебойно совершаться процесс реализации товаров, при которых будет поддерживаться устойчивый потребительский спрос. Наконец, это такие цены, при которых деньги «знают свое место», обслуживают платежный оборот и не приобретают тиранической власти над людьми.

Понимание закона цен, т. е., в сущности, закона стоимости как выражения пропорциональности народного хозяйства, было совершенно новой и смелой мыслью. С этим связаны другие основные теоретические идеи Буагильбера. При указанной трактовке цен, естественно, вставал вопрос: каким образом могут быть обеспечены «оптимальные цены» в экономике? По мнению Буагильбера, такая структура цен будет складываться стихийно в условиях свободы конкуренции.

Он видел главное нарушение свободы конкуренции конкретно в установлении максимальных цен на зерно. Буагильбер считал, что с отменой

максимальных цен рыночные цены на зерно повысятся, это увеличит доходы крестьян и их спрос на промышленные изделия, далее возрастет производство этих изделий и т. д. Такая цепная реакция обеспечит одновременно и всеобщее установление «пропорциональных цен», и процветание хозяйства.

До сих пор существует спор о том, кому принадлежит знаменитая фраза: «Laissez faire, laissez passer», ставшая позже лозунгом свободы торговли и невмешательства государства в экономику и тем самым принципом классической школы в политической экономии. В вольном переводе это выражение можно изложить примерно так: «Предоставьте (людям) делать свои дела, предоставьте (делам) идти своим ходом». Имеется мнение, что первая часть относится к свободе производства, а вторая – к свободе торговли. Фразу приписывают полностью или по частям то крупному купцу времени Людовика XIV Франсуа Лежандру, то маркизу д'Аржансону (30-е гг. XVIII в.), то другу Тюрго интенданту торговли Венсану Гурнэ. Но если Буагильбер и не придумал это выражение, то он четко выразил заключающуюся в нем идею. Он писал: «Надо лишь предоставить действовать природе...»

Как отмечал Маркс, у Буагильбера в понятие «laissez faire, laissez passer» еще не вкладывается тот эгоистический индивидуализм капиталиста-предпринимателя, какой в него стали вкладывать позже. У него «это учение имеет еще нечто *человечное и значительное*. *Человечное* в противоположность хозяйству старого государства, которое стремилось пополнить свою кассу неестественными средствами, *значительное* как первая попытка освободить буржуазную жизнь. Ее надо было освободить, чтобы показать, *что она собой представляет**.

Вместе с тем Буагильбер не отрицал экономических функций государства; это было немыслимо для такого реалиста и практика, каким он был. Он полагал, что государство, особенно с помощью разумной налоговой политики, может способствовать высокому уровню потребления и спроса в стране. Буагильбер понимал, что сбыт и производство товаров неизбежно застопорятся, если замедлится поток потребительских расходов. Он не замедлится, если бедняки будут больше зарабатывать и меньше отдавать в виде налогов, так как они склонны быстро тратить свой доход. Богачи же, напротив, склонны сберегать доход и тем самым обостряют трудности сбыта продукции.

Этот ход рассуждений Буагильбера важен с точки зрения развития экономической мысли в последующие столетия.

Исторически в буржуазной политической экономии сложились две принципиальные позиции по вопросу о главных факторах роста производства и богатства в капиталистическом обществе. Первая позиция сводилась

* Denis H. Histoire de la pensee economique. P., 1967. P. 151.

к тому, что рост производства определяется исключительно размерами накопления (т. е. сбережений и капиталовложений). Что касается платежеспособного спроса, то это «само приложится». Далее эта концепция логически вела к отрицанию возможности экономических кризисов общего перепроизводства. Другая позиция делала упор на потребительский спрос как на фактор поддержания высоких темпов роста производства. Ее предшественником в известном смысле был Буагильбер. Такая трактовка, напротив, закономерно вела к проблеме экономических кризисов.

Правда, Буагильбер связывал «кризисы» (вернее, явления, подобные кризисам, характерным лишь для более поздней стадии развития капитализма) не столько с внутренними закономерностями хозяйства, сколько с плохой государственной политикой. Его можно понять и так, что при хорошей политике недостатка спроса и кризисов можно избежать. Неполнота и противоречивость взглядов Буагильбера по этому вопросу позволяют разным историкам экономической мысли противоположно трактовать роль Буагильбера. Француз Анри Дени пишет, что концепция Буагильбера в конечном счете сводится к невозможности кризисов при свободе конкуренции, а потому она «подготавливает (если уже не содержит) знаменитый «закон рынков», приписываемый Жану Батисту Сэю, согласно которому в системе, основанной на свободном обмене продуктов, никогда не может быть перепроизводства продуктов»*. Напротив, Шумпетер подчеркивает, что Буагильбер видел в недостатке потребительского спроса и излишке сбережений угрозу стабильности капиталистической экономики и причину кризисов, вследствие чего он является предшественником критиков «закона Сэя», в частности Кейнса**.

Как бы то ни было, в своей главной теоретической работе «Рассуждение о природе богатства, денег и податей» Буагильбер ярко и образно показал, что происходит при экономическом кризисе. Люди могут умирать не только от недостатка, но и от избытка благ! Представьте себе, говорил он, 10 или 12 человек, прикованных цепями на расстоянии друг от друга. У одного много пищи, но нет ничего больше; у другого избыток одежды, у третьего – напитков и т. д. Но обменяться между собой они не могут: цепи – это внешние, непонятные людям экономические силы, вызывающие кризисы. Эта картина гибели при изобилии вызывает в памяти факты XX в.: молоко, выливаемое в море, кукурузу, сжигаемую в топках паровозов, – и это среди безработицы и нищеты.

Как в теории, так и в политике позиция Буагильбера отличается от взглядов меркантилистов и во многом направлена против них. Он пытал-

* Schumpeter I. History of Economic. 15. P. 285–287.

** Marx K., Engels F. Historisch-kritische Gesamtausgabe. Werke, Schriften, Briefe, Moskau, III, Abt. 1, Band 3. S. 575.

ся искать экономические закономерности не в сфере обращения, а в сфере производства, считая первоосновой экономики сельское хозяйство. Он отказывался видеть богатство страны в деньгах и стремился развенчать их, противопоставляя деньгам реальное богатство в виде массы товаров. Наконец, выступление Буагильбера за экономическую свободу означало прямой разрыв с меркантилизмом.

10.1.5. Буагильбер и французская политическая экономия

Гуманизм является светлой и привлекательной чертой взглядов Буагильбера. Но его «крестьянлюбие» имело и свою оборотную сторону с точки зрения экономической теории. Во многом он смотрел не вперед, а назад, недооценивая роль промышленности и торговли, идеализируя крестьянское хозяйство. Это влияло на его взгляды по коренным экономическим вопросам.

Причины позиции Буагильбера, заметно отличающей его от Петти, надо искать в исторических особенностях развития французского капитализма. Промышленная и торговая буржуазия была во Франции слабее, чем в Англии, капиталистические отношения развивались медленнее. В Англии они утвердились уже и в сельском хозяйстве. Английская экономика в большей мере характеризовалась разделением труда, конкуренцией, мобильностью капитала и рабочей силы. В Англии политическая экономия развивалась как чисто буржуазная система взглядов, во Франции она во многом имела мелкобуржуазный характер.

Английская классическая политическая экономия, у истоков которой стоит Петти, выдвинула в центр научного анализа два важнейших и связанных между собой вопроса. Какова конечная основа цен товаров? Откуда берется прибыль капиталиста? Для того чтобы дать ответы на эти вопросы, необходимо было исследовать природу стоимости. Трудовая теория стоимости закономерно оказалась основой мышления английских экономистов. Развивая эту теорию, они постепенно приближались к пониманию различия между конкретным трудом, создающим различные потребительные стоимости, и абстрактным трудом, лишенным качественной характеристики, имеющим только один параметр – продолжительность, количество. Это различие никогда не было выяснено и сформулировано до Маркса, но приближение к нему представляет собой некоторым образом историю английской политической экономии от Петти до Рикардо.

Закон стоимости – вот подлинный предмет ее исследований. Но, как отмечает Маркс, «закон стоимости для своего полного развития предполагает

общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество»*. Такое общество развивалось во Франции с большим запозданием против Англии. Это затрудняло для теоретиков наблюдение и понимание действия закона стоимости.

Правда, Бугильбер через свою концепцию «пропорциональных цен» сводил «если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени...»**. Но он был далек от понимания двойственной природы труда и потому вообще игнорировал стоимостную сторону богатства, в которой как раз и воплощается всеобщий абстрактный труд. В богатстве он видел только вещественную сторону, рассматривал его лишь как массу полезных благ, потребительных стоимостей.

Особенно ярко эта ограниченность мышления Бугильбера сказалась в его взглядах на деньги. Он не учитывает, что в обществе, где действует закон стоимости, товары и деньги представляют собой неразрывное единство. Именно в деньгах, этих абсолютных носителях меновой стоимости, находит свое самое завершенное выражение абстрактный труд. Бугильбер фанатически борется против денег, противопоставляя им товары, – в его понимании, просто полезные блага. Поскольку деньги сами по себе не являются предметом потребления, они кажутся ему чем-то внешним и искусственным. Деньги приобретают противоестественную тираническую власть, и это причина экономических бедствий. Свое «Рассуждение о природе богатств» он начинает яростными нападками на деньги: «Испорченность сердец превратила... золото и серебро... в идолов... Их превратили в божества, которым приносили и приносят в жертву больше благ, ценностей и даже людей, чем слепая древность когда-либо жертвовала этим божествам, с давних пор превратившимся в единственный культ и религию большей части народов»***.

Утопическое стремление освободить капиталистическое производство от власти денег, не меняя в то же время его основ, – это, как выразился Маркс, «национальный наследственный недуг» французской политической экономии, начиная с Бугильбера и кончая Прудоном.

Бугильбер был одним из первых людей, сочинения которых готовили гибель «старого порядка», прокладывая путь революции.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 46.

** Там же. С. 40.

*** *Economistes financiers du XVIII-e ciele* // E. Kaire. P., 1843. P. 394–395.

10.2. Джон Ло: авантюрист и пророк

Имя Ло хорошо известно. Первая биография знаменитого шотландца вышла при его жизни. После краха во Франции «системы Ло» о нем писали на всех европейских языках. Ни один французский политический автор XVIII в. не обходил Ло молчанием. В XIX в., с созданием современных банков и огромным развитием кредита и биржевой спекуляции, поднимается новая волна интереса к деятельности и идеям этого страстного апостола кредита. На него смотрят уже не только как на гениального авантюриста, но и как на крупного экономиста.

XX век – «век инфляции» – поворачивает эту замечательную личность новой стороной к современникам. Джон Ло надеялся через изобилие кредита и бумажных денег поддерживать постоянное процветание в экономике. Эта же идея (разумеется, в новой форме) лежит в основе антикризисной политики современного буржуазного государства. Многие ученые находят прямо-таки мистическое сходство между Ло и Кейнсом: «Параллель между Джоном Ло из Лористона (1671–1729), генеральным контролером финансов Франции... и Джоном Мейнардом Кейнсом уходит так глубоко и охватывает столь широкую область, затрагивая даже некоторые аспекты их личной жизни, что иной спиритуалист мог бы найти в Кейнсе перевоплощение Ло через два столетия»*.

Характерны заглавия некоторых книг о Ло, вышедших за последние годы: «Отец инфляции», «Волшебник кредита», «Необыкновенная жизнь банкира Ло». Вместе с тем он занял почетное место в объемистых томах по истории экономической мысли.

10.2.1. Опасная карьера и смелые идеи

Джон Ло родился в 1671 г. в столице Шотландии Эдинбурге. Отец его был золотых дел мастером и давал также деньги в рост. В 1683 г. он купил небольшое имение Лористон и тем самым стал дворянином. Имея деньги, хорошую внешность и манеры, Джон Ло рано начал жизнь игрока и бретера. В 20 лет, когда он, по словам одного из сотоварищей, был уже «весьма хорошо знаком со всеми видами распутства», Ло нашел Эдинбург слишком провинциальным для себя и отправился в Лондон.

В Лондоне молодой шотландец скоро стал известен под прозвищем Beau Law (Красавчик Ло, или Франт Ло). В апреле 1694 г. он убил человека на дуэли. Суд признал дуэль убийством и приговорил его к смертной казни. Благодаря

* *Zweig F. Economic Ideas. A Study in Historical Perspectives. N. Y., 1950. P. 87.*

заступничеству каких-то влиятельных лиц король Вильгельм III помиловал шотландца, но родственники убитого начали против него новый процесс. Не дожидаясь его исхода, Ло с помощью друзей бежал из тюрьмы, спрыгнув с высоты 30 футов и вывихнув при этом ногу. Путь ему был один – за границу, и он выбрал Голландию.

В течение трех лет, которые Ло провел в Лондоне, он общался не только с кутилами и женщинами. Обладая приличным практическим образованием и способностями к расчету и разного рода денежным делам, он свел близкое знакомство с финансовыми дельцами, которыми кишел Лондон после революции 1688–1689 гг. Несколько лет спустя был основан Английский банк, что явилось важным событием в истории английского капитализма.

Ло был романтиком банковского дела. Это звучит теперь довольно странно: банк и романтика! Но тогда, на заре развития капиталистического кредита, его возможности многим казались безграничными и чудесными. Недаром Ло много раз в своих сочинениях сравнивал учреждение банков и развитие кредита с «открытием Индий», т. е. морского пути в Индию и Америку, откуда в Европу шли драгоценные металлы и редкие товары. В Джоне Ло не испытанная тогда еще сила кредита нашла своего поклонника, поэта, пророка.

В Голландии Ло пристально изучал самый солидный и крупный во всей тогдашней Европе Амстердамский банк. В 1699 г. след Ло обнаруживается в Париже. Оттуда он отправляется в Италию, увозя с собой молодую замужнюю женщину, англичанку по происхождению, Кэтрин Сеньер. Отныне она сопровождает его во всех странствиях. Одержимый идеей создания банка нового типа, Ло в 1704 г. приезжает в Шотландию, чтобы попытаться здесь осуществить свою идею.

Страна в тисках экономических трудностей. В торговле застой, в городах безработица, дух предпринимательства подавлен. Тем лучше! Свой проект разрешения этих трудностей Ло излагает в книжке, которая вышла в 1705 г. в Эдинбурге под названием «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами». Ло не был теоретиком в сколько-нибудь широком смысле. Его экономические интересы почти не выходят за пределы проблемы денег и кредита. Но, страстно ратуя за свой проект, он высказал по этой проблеме мысли, которые сыграли свою роль в экономической науке.

«Это был человек системы», – несколько раз повторяет Сен-Симон, оставивший важные свидетельства о личности Ло. Придя к основным положениям своей системы, Ло с несокрушимым упорством и последовательностью проповедовал и осуществлял ее.

Ло утверждал, что ключ к экономическому процветанию – изобилие денег в стране. Не то чтобы он считал сами деньги богатством, он отлично по-

нимал, что подлинное богатство – это товары, предприятия, торговля. Но изобилие денег, по его мнению, обеспечивает полное использование земли, рабочей силы, предпринимательских талантов.

Он писал: «Внутренняя торговля есть занятость людей и обмен товаров... Внутренняя торговля зависит от денег. Большое их количество дает занятие большему числу людей, чем меньшее количество... Хорошие законы могут довести денежное обращение до той полноты, к какой оно способно, и направить деньги в те отрасли, которые наиболее выгодны для страны; но никакие законы... не могут дать людям работу, если в обращении нет такого количества денег, которое позволило бы платить заработную плату большему числу людей»*.

Ло заметно отличается от старых меркантилистов: хотя он тоже ищет пружину экономического развития в сфере обращения, он отнюдь не прославляет металлические деньги, а, напротив, всячески развенчивает их. Через 200 лет Кейнс назовет золотые деньги «варварским пережитком»; это вполне мог сказать Ло. Деньги должны быть не металлические, а кредитные, создаваемые банком в соответствии с нуждами хозяйства, иначе говоря, бумажные: «Использование банков – лучший способ, какой до сих пор применялся для увеличения количества денег»¹.

Система Ло увенчивалась еще двумя принципами, значение которых трудно переоценить. Во-первых, для банков он предусматривал политику кредитной экспансии, т. е. предоставление ссуд, во много раз превышающих хранящийся в банке запас металлических денег. Во-вторых, он требовал, чтобы банк был государственным и проводил экономическую политику государства.

Это следует немного пояснить, тем более что подобные проблемы – в других условиях и иных формах – сохраняют свою актуальность и теперь. Представьте себе, что владельцы банка внесли в качестве его капитала 1 млн. фунтов стерлингов золотом. Кроме того, они приняли вклады золотом на 1 млн. Банк печатает на миллион банкнот и выдает ими ссуды. Для людей, имеющих хотя бы самое элементарное представление о бухгалтерии, ясно, что баланс этого банка будет выглядеть так:

АКТИВ		ПАССИВ	
Золото	2 млн	Собственный капитал	1 млн
Ссуды	1 млн	Вклады	1 млн
		Банкноты	1 млн
В с е г о	3 млн	В с е г о	3 млн

* *Law J. Keuvres completes, publ. par P. Harsin. T. 1. P., 1934. P. 14–16.*

Конечно, такой банк будет абсолютно надежен, так как его золотой фонд полностью покрывает вклады и банкноты, которые могут быть в любой момент предъявлены к оплате. Но, спрашивает не без основания Ло, велика ли польза от такого банка? Известная польза, конечно, будет: он облегчит расчеты, сбережет золото от потери и стирания. Однако несравненно большей будет польза, если банк выпустит банкнот, скажем, на 10 млн и снабдит ими хозяйство. Тогда получится такая картина:

Такой банк будет действовать с известным риском: что произойдет, если, скажем, держатели банкнот предъявят их на 3 млн к размену?

Банк лопнет, или, как говорили во времена Ло и говорят теперь, прекратит платежи. Но Ло считает, что это оправданный и необходимый риск. Более того, он полагает, что если банку придется на какое-то время прекратить платежи, это тоже не такая большая беда.

В нашем примере золотой запас банка составляет лишь 20% суммы выпущенных банкнот и еще меньше, если к банкнотам прибавить вклады. Это так называемый принцип частичного резерва, который лежит в основе всего банковского дела. Благодаря этому принципу банки в состоянии эластично расширять ссуды и пополнять обращение. Кредит играет важнейшую роль в развитии капиталистического производства, и Ло был одним из первых, кто разглядел это.

Но в этом же принципе заложена опасность для устойчивости банковской системы. Банки склонны «зарываться», раздувать свои ссуды ради прибылей. Отсюда и возможность их краха, который может иметь для экономики очень тяжелые последствия.

Другая опасность или, скорее, другой аспект этой опасности – эксплуатация удивительных способностей банков государством. Что будет, если банку придется расширять выпуск своих банкнот не для удовлетворения действительных потребностей хозяйства, а просто для покрытия дефицита в государственном бюджете? Слово «инфляция» еще не было изобретено, но именно она угрожала и банку Ло, и стране, где он действовал бы.

Ло видел преимущества кредита, но не видел или не хотел видеть его опасности. Это было главной практической слабостью его системы и в конечном счете погубило ее. Теоретическим пороком взглядов Ло было то, что он наивно отождествлял кредит и деньги с капиталом. Он думал, что, расширяя ссуды и выпуск денег, банк будет создавать капитал и тем самым увеличивать богатство и занятость. Однако никакой кредит не может заменить действительные трудовые и материальные ресурсы, необходимые для расширения производства.

Кредитные операции, которые Ло предусматривал в своей первой книге и которые он в грандиозных масштабах осуществил через 10–15 лет на

практике, придают его системе явный характер финансового авантюризма. Относя Джона Ло к «главным провозвестникам кредита», Маркс саркастически отмечал свойственный таким личностям «приятный характер помеси мошенника и пророка»*.

10.2.2. Завоевание Парижа

Шотландский парламент отверг проект учреждения банка. Английское правительство дважды отклонило ходатайство Ло о прощении совершенного им 10 лет назад преступления. В связи с подготовкой акта об унии (объединении) Англии и Шотландии Ло вновь был вынужден уехать на континент. Он ведет жизнь почти профессионального игрока, занимается спекуляцией ценными бумагами, драгоценностями, картинами старых мастеров.

Монтескье в «Персидских письмах» (1721 г.) вкладывает в уста некоему персу, путешествующему по Европе, следующее ироническое наблюдение: «Игра в большом ходу в Европе: быть игроком – это своего рода общественное положение. Звание это заменяет благородство происхождения, состояние, честность, всякого, кто его носит, оно возводит в ранг порядочного человека...».

Именно таким путем создал себе Ло и общественное положение, и состояние. О его таланте игрока возникли легенды. Хладнокровие, расчет, необыкновенная память и, наконец, удача приносили ему крупные выигрыши. Когда Ло решил окончательно осесть в Париже, он привез с собой во Францию состояние в 1600 тыс. ливров. Но Париж привлекал его не только игрой и спекуляциями. По мере обострения финансового кризиса он все более чувствовал, что здесь наконец ухватятся за его проект. Казна государства была пуста, государственный долг огромен, кредит подорван, в хозяйстве упадок и застой. Все это Ло предлагал поправить путем создания государственного банка с правом эмиссии банкнот.

Его час настал, когда в сентябре 1715 г. умер Людовик XIV. Ло уже несколько лет исподволь внушал свою идею человеку, который имел шансы стать правителем страны при малолетнем наследнике престола, – герцогу Филиппу Орлеанскому, племяннику старого короля. Филипп уверовал в шотландца. Когда он, оттеснив других претендентов на регентство, захватил власть, то немедленно призвал к себе Ло. Потребовалось более полугода, чтобы преодолеть сопротивление аристократических советников регента и парижского парламента, боявшихся радикальных мер и не доверявших ино-

* *Law J. Keuvres completes. T. 1. P. 46.*

странцу. Ло пришлось отказаться от идеи государственного банка и согласиться на частный акционерный банк. Впрочем, это был лишь обходный маневр: с самого начала банк был тесно связан с государством. Учрежденный в мае 1716 г. Всеобщий банк в первые два года своей деятельности имел потрясающий успех. Талантливый администратор, ловкий делец, искусный политик и дипломат, Ло при поддержке регента уверенно овладевал всей денежной и кредитной системой страны. Банкноты Всеобщего банка, выпуск которых Ло в этот период успешно регулировал, внедрялись в обращение и часто принимались даже с премией против монет. По сравнению с парижскими ростовщиками банк давал ссуды из умеренного процента, сознательно направляя их в промышленность и торговлю. В народном хозяйстве наметилось известное оживление.

10.2.3. Великий крах

Ло не был патриотом страны, он был патриотом своей идеи. Сначала он безуспешно предлагал эту идею Шотландии и Англии, савойскому герцогу и Генуэзской республике. Когда Франция наконец приняла ее, он искренне почувствовал себя французом. Немедленно принял он французское подданство, а позже, когда он счел это нужным для успеха системы, перешел в католическую веру.

Нет никакого сомнения в том, что Ло действительно верил в свою идею и вложил в ее осуществление во Франции не только все свои деньги, но и душу. Можно верить Сен-Симону, когда он говорит о Ло: «В его характере не было ни алчности, ни плутовства». Мошенником его сделала сама неумолимая логика его системы!

В написанном в декабре 1715 г. письме Ло к регенту, в котором он еще раз объясняет свои идеи, есть загадочное место, отдающее прямо-таки мистификацией: «Но банк – не единственная и не самая большая из моих идей, я создам учреждение, которое поразит Европу изменениями, вызванными им в пользу Франции. Эти изменения будут более значительны, чем те перемены, которые произошли от открытия Индий или введения кредита. Ваше Королевское Высочество сможет вызволить королевство из печального состояния, в которое оно приведено, и сделать его более могущественным, чем когда-либо, установить порядок в финансах, оживить, поддерживать и развивать сельское хозяйство, промышленность и торговлю»*. Через два года выяснилось, что скрывалось за этими туманными обещаниями. В конце

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 285.

1717 г. Ло основал свое второе гигантское предприятие – Компанию Индий. Поскольку она была первоначально создана для освоения принадлежавшего тогда Франции бассейна реки Миссисипи, современники чаще всего называли ее Миссисипской компанией.

Внешне тут, казалось, было мало нового: в Англии уже более столетия процветала Ост-Индская компания, подобное общество было и в Голландии. Но компания Ло отличалась от них. Это не было объединение узкой группы купцов, распределивших между собой паи. Акции Миссисипской компании предназначались для продажи сравнительно широкому кругу капиталистов и для активного обращения на бирже. Компания была теснейшим образом связана с государством не только в том смысле, что она получила от государства огромные привилегии, монополию во многих областях. В правлении компании рядом с невозмутимым шотландцем восседал сам Филипп Орлеанский, регент Франции. Компания была сращена с Всеобщим банком, который с начала 1719 г. перешел к государству и стал именоваться Королевским банком. Банк давал капиталистам в ссуду деньги для покупки акций компании, вел ее финансовые дела. Все нити управления обоими учреждениями были сосредоточены у Ло.

Итак, вторая «великая идея» Ло была идея централизации, ассоциации капиталов. И здесь шотландец опять-таки выступил пророком, опередившим свое время. Лишь в середине XIX в. в Западной Европе и Америке начался бурный рост акционерных обществ. В настоящее время они охватили почти все хозяйство в развитых капиталистических странах, особенно крупное производство. Большие предприятия не под силу одному или даже нескольким капиталистам, как бы богаты они ни были. Для этого необходимо объединить капиталы многих владельцев. Разумеется, мелкие акционеры только дают деньги и никакого влияния на ход дела не оказывают. Реально управляет верхушка, которую в Миссисипской компании представляли Ло и несколько его сподвижников. Маркс говорит о прогрессивной роли акционерных обществ: «Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг»*.

Неизбежным спутником акционерного дела являются ажиотаж и спекуляция при купле-продаже акций. Система Ло породила этот ажиотаж в невиданных до тех пор размерах. После того как в течение первого года своего существования компания пустила корни, Ло перешел к решительным дей-

* *Law J. Keuvies copletes. T. 2. P. 266.*

ствиям с целью поднять курс и расширить сбыт акций. Для начала он купил двести 500-лировых акций, стоивших тогда только 250 ливров за штуку, «на срок», обязавшись через шесть месяцев уплатить за каждую акцию по номиналу 500 ливров, сколько бы она тогда ни стоила. В этой, как многим казалось, нелепой сделке был большой расчет, и он оправдался. Через полгода цена акции в несколько раз превышала номинал, Ло положил в карман огромную прибыль.

Но это было не главное: лишняя сотня тысяч не имела для него теперь особого значения. Цель была в том, чтобы привлечь к акциям внимание, заинтересовать покупателей. В то же время он с большой энергией и размахом расширял дела компании. Предвосхищая и в этом отношении далекое будущее, он сочетал реальное дело с искусной рекламой.

Ло начал колонизацию долины Миссисипи и основал город, который в честь регента был назван Новый Орлеан. Поскольку добровольных переселенцев не хватало, правительство по просьбе компании начало ссылать в Америку воров, бродяг, проституток. Вместе с тем Ло организовал печатание и распространение всякого рода завлекательных известий о сказочно богатом крае, жители которого якобы с восторгом встречают французов и несут золото, драгоценные камни и другие богатства в обмен на безделушки. Он отправлял иезуитов для обращения индейцев в католичество.

Компания Ло поглотила несколько влачивших жалкое существование французских колониальных компаний и стала всемогущей монополией. При этом несколько десятков старых судов, которые она имела, в устах Ло и под пером его помощников превращались в огромные флоты, везущие во Францию серебро и шелк, пряности и табак. В самой Франции компания взяла у правительства откуп налогов и, надо отдать ей справедливость, повела это дело гораздо разумнее и эффективнее, чем ее хищные предшественники. Вообще все это представляло собой странную смесь блестящей организации и смелого предпринимательства с безудержным авантюризмом и прямым обманом.

Хотя компания выплачивала весьма скромные дивиденды, ее акции с весны 1719 г. поднялись ввысь, как воздушный шар. Только этого и ждал Ло. Умело управляя рынком, он начал проводить новые выпуски акций, продавая их по все более высоким ценам. Спрос на акции превышал их выпуск, и при объявлении подписки у дверей компании выстраивались и стояли днем и ночью тысячные очереди. И это несмотря на то, что уже в сентябре 1719 г. компания продавала свои акции номиналом в 500 ливров по 5 тыс. ливров. Люди влиятельные и знатные не стояли в очереди, а осаждали самого Ло и других директоров, добиваясь подписки. Ведь акцию, которая стоила по выпускной цене 5 тыс. ливров, можно было завтра продать на бирже за 7 или

8 тысяч! Люди пытались проникнуть в кабинет Ло через печную трубу; какая-то светская дама приказала кучеру перевернуть коляску около его дома, чтобы выманить галантного кавалера и заставить его выслушать свою просьбу; секретарь нажил целое состояние на взятках, которые он брал с просителей, ожидавших приема у Ло.

Мать регента Филиппа, старая язвительная дама, запечатлевшая в письмах к своим родственникам в Германию эту фантастическую эпоху, писала: «За Ло бегают так, что у него нет покоя ни днем, ни ночью. Одна герцогиня публично целовала ему руки».

Еще более странные вещи творились на улочке Кенкампуа, где возникла и расцвела биржа. С утра до вечера здесь кипела толпа, которая продавала и покупала, приценивалась и рассчитывала. 500-ливровая акция поднялась до 10 тыс., потом до 15 и остановилась на 20 тыс. ливров. Стремительно вырастали огромные состояния; в эти дни возникло и так хорошо знакомое теперь слово «миллионер». Оргия обогащения соединяла все сословия, которые нигде больше, даже в церкви, не сливались. Знатная дама толкалась рядом с извозчиком, герцог торговался с лакеем, аббат мусолил пальцы, рассчитываясь с лавочником. Здесь был один бог – деньги!

В расчетах за акции золото и серебро принимали неохотно. В разгар бума 10 акций равнялись по цене 14 или 15 центнерам серебра! Почти все платежи производились в банкнотах. И все это бумажное богатство – и акции и банкноты – создал шотландский финансовый чародей.

В январе 1720 г. Ло официально стал генеральным контролером финансов. Фактически же он управлял финансами страны уже давно. Но как раз в это время стали ощущаться первые подземные толчки под его системой.

Куда вкладывались огромные деньги, которые собирала компания путем выпуска своих акций? В ничтожной части – в корабли и товары. В подавляющей – в облигации государственного долга. Фактически она взяла на себя весь огромный государственный долг (до 2 млрд. ливров), выкупи облигации у владельцев. Это и было то установление порядка в финансах, которое обещал Ло. Каким образом размещались все новые и новые акции компании? Только благодаря тому, что банк Ло одновременно печатал и пускал в оборот все новые сотни миллионов в банкнотах.

Этот порядок не мог быть долговечным. Ло не хотел этого видеть, но его многочисленные враги и недоброжелатели, и просто дальновидные спекулянты – те уже видели. Они, разумеется, спешили избавиться и от акций, и от банкнот. Ло ответил на это поддержкой твердого курса акций и ограничением размена банкнот на металл. Однако, так как для поддержки акций были нужны деньги, Ло печатал их все больше и больше. Многочисленные предписания, которые он издавал в эти месяцы, носят следы растерянности. Ло был

загнан в тупик, система погибала... К осени 1720 г. банкноты, превратившись в инфляционные бумажные деньги, стоили не более четверти своей нарицательной стоимости в серебре. Цены всех товаров сильно повысились. В Париже не хватало продовольствия, усиливалось народное возмущение. С ноября банкноты перестали быть законным платежным средством. Началась ликвидация системы.

На этих последних рубежах Ло продолжал вести упорную борьбу. Однажды он едва спасся от разъяренной толпы, требовавшей обмена обесцененных бумажек на полноценные деньги, и с трудом нашел спасение во дворце регента. Все замечали, что Ло исхудал, потерял свою обычную самоуверенность и утчивость. У него начались нервные припадки.

По Парижу ходило множество куплетов, анекдотов и карикатур, в которых издевались над Ло, а заодно и над регентом. Герцог Бурбон, наживший, по слухам, 25 млн. ливров на спекуляциях с акциями и вовремя вложивший их в материальные ценности, уверял Ло, что теперь ему не грозит опасность: парижане не убивают тех, над кем смеются. Но Ло имел основание думать по-другому и не появлялся иначе как под надежной охраной, хотя министерский пост был у него уже отнят. Парижский парламент, который всегда был в оппозиции к Ло, требовал судить его и повесить. Приближенные герцога предлагали, по крайней мере, упрятать его в Бастилию. Филипп стал понимать, что лучше отделаться от своего любимца, чтобы как-то успокоить страсти. Его последней милостью было разрешение Ло покинуть Францию. В декабре 1720 г. Джон Ло с сыном, оставив в Париже жену, дочь и брата, тайно выехал в Брюссель. Все его имущество было вскоре конфисковано и использовано для удовлетворения кредиторов.

Что означали система Ло и ее крах с социальной точки зрения? Об этом спорят уже 250 лет.

В XVIII в. Ло в основном ругали, но в этом было больше морального негодования, чем трезвого анализа. В середине прошлого столетия Луи Блан в его «Истории французской революции» и другие социалисты «реабилитировали» Ло. По мнению Луи Блана, Ло нападал на золото и серебро как на «деньги богачей» и хотел наполнить обращение «деньгами бедняков» – бумажными. Своим всеобъемлющим банком и торговой монополией Ло якобы стремился утвердить социалистический принцип ассоциации в противовес буржуазному принципу безжалостной конкуренции. Луи Блан изображал некоторые экономические меры Ло как сознательную политику, направленную на облегчение жизни трудового люда.

Это довольно далеко от истины. В том виде, в каком Ло хотел внедрить принцип ассоциации, это чисто буржуазный принцип. Он противостоит вовсе не капитализму, а феодализму с его косным делением общества на сосло-

вия, отсутствием социальной мобильности людей. Ло хотел ассоциировать и уравнивать любых акционеров своей компании и клиентов своего банка – аристократов и буржуа, ремесленников и дельцов, но ассоциировать их как капиталистов.

Своей системой Ло готовил то, что капитализм в полной мере осуществил позже: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль».

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»*.

В этом смысле Ло был прогрессивным деятелем. Но Ло не был защитником угнетенных классов даже в том ограниченном смысле, в каком им был Буагильбер. В его сочинениях мы не найдем того искреннего сочувствия к народу, к крестьянству, которое украшает руанца. Да это и несовместимо с личностью авантюриста, игрока, спекулянта. Ло выражал интересы крупной денежной буржуазии. На ее предпринимательский дух он возлагал надежды. Такова была и его политика. Он до конца поддерживал акции своей компании, которыми владели крупные капиталисты, бросив на произвол судьбы банкноты, распространенные среди широких слоев.

Система и ее крах вызвали немалое перераспределение богатства и дохода. Это еще более подорвало положение дворянства, которое распродало поместья и особняки, чтобы принять участие в спекуляции. События эпохи регентства ослабили монархию.

С другой стороны, финансовая магия Ло ударила по городской бедноте, которая жестоко страдала от дороговизны. Когда бумажные деньги были поставлены вне закона, оказалось, что очень значительная их часть мелкими суммами скопилась у ремесленников, торговцев, прислуги и даже у крестьян.

Важным социальным результатом системы Ло было возвышение нуворишей, сумевших сохранить богатство, нажитое на бешеных спекуляциях.

После своего бегства из Парижа Ло прожил восемь лет. Он был беден. Конечно, не так беден, как человек, умирающий с голоду, а как человек, который не всегда имеет собственный выезд и снимает не особняк, а скромную квартиру. Он был бездомен, но жизнь изгнанника и странника он вел всю свою жизнь. Ему не пришлось больше увидеть жену (с которой он, впрочем, так и не успел обвенчаться) и дочь: его не пускали во Францию, а их не выпускали оттуда.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 642.

Первые годы он не терял надежду вернуться, оправдать себя и продолжить свою деятельность. Он засыпал регента письмами, в которых вновь и вновь все объяснял и обосновывал. В этих письмах суть его экономических идей осталась прежней, он только предполагал действовать более осторожно и терпеливо.

В 1723 г. Филипп Орлеанский скоропостижно умер. Все надежды Ло на возвращение должности и имущества и даже на скромную пенсию, которую стал ему выплачивать регент, сразу рухнули. К власти пришли люди, которые не хотели и слышать о нем. В это время Ло жил в Лондоне. Английское правительство сочло его достаточно влиятельным и ловким человеком, чтобы послать с каким-то полусекретным поручением в Германию.

Это была уже только тень великого финансиста и всемогущего министра. Он стал словоохотлив и без конца рассказывал о своих деяниях, защищал себя, обвинял врагов. В слушателях не было недостатка: люди считали, что у шотландца есть какая-то тайна, какой-то секрет, превращающий бумагу в золото. Многие полагали, что он не мог быть настолько глуп, чтобы не припрятать часть своих богатств за пределами Франции, и надеялись чем-нибудь поживиться. Наиболее суеверные думали, что он колдун.

Последние годы Ло провел в Венеции. Он делил свой досуг между игрой (от этой страсти его излечила только могила), беседами со все еще многочисленными гостями и работой над объемистой «Историей финансов времен регентства». Это сочинение Ло писал, стремясь оправдаться перед потомками. Оно было впервые опубликовано через 200 лет. В 1728 г. его посетил знаменитый Монтеस्कье, совершавший поездку по Европе. Он нашел Ло несколько одряхлевшим, но по-прежнему несокрушимо уверенным в своей правоте и готовым защищать свои идеи. Джон Ло умер от воспаления легких в Венеции в марте 1729 г.

10.2.4. Ло и XX век

Современникам казалось, что чудовищные эксцессы системы Ло никогда не могут повториться. Но они ошибались. Предприятия Ло, поражавшие воображение людей той эпохи, теперь кажутся детскими игрушками в сравнении с тем, что создал капитализм в XIX и XX столетиях.

В середине прошлого века идеи Ло, его Всеобщий банк и Миссисипская компания как бы воскресли в предприятии ловких финансистов братьев Перейра – парижском акционерном банке Credit Mobilier. Наполеон III играл в отношении этого спекулятивного колосса ту же роль покровителя

и эксплуататора, какую регент Филипп – в отношении учреждений, основанных Ло. Спрашивая, какие средства использует этот банк, чтобы «умножать свои операции» и подчинить все промышленное развитие Франции биржевой игре, Маркс отвечал: «Да те же самые, какие использовал Ло»^{*} – и далее разъяснял это сходство подробнее.

Credit Mobilier лопнул незадолго до франко-прусской войны, но он сыграл немалую историческую роль, положив начало новой эре банкового дела – созданию спекулятивных банков, тесно связанных с промышленностью. Из развития крупных акционерных обществ, захвативших господствующие позиции в целых отраслях промышленности, из роста гигантских банков и их сращивания с промышленными монополиями на рубеже XIX и XX столетий образовался финансовый капитал.

Но это, так сказать, «конструктивное» развитие. Что же говорить об эксцессах? В какое сравнение идет миссисипская авантюра Ло с грандиозной аферой, предпринятой в конце XIX в. во Франции группой дельцов, которые собрали деньги 800 тыс. акционеров для строительства Панамского канала и расхитили их?

В какое сравнение идет крах системы Ло, скажем, с крахом нью-йоркской биржи в 1929 г. или инфляция Ло со «сверхинфляциями» XX в., когда деньги (в Германии в 20-х гг., в Греции в 40-х гг.) обесценивались в миллионы и миллиарды раз? Трудно преувеличить значение проблемы инфляции для современного капитализма. Инфляция стала «нормой», постоянной чертой капиталистической экономики. Она усиливает хозяйственные трудности, обостряет социальные конфликты, способствует валютному кризису. Разумеется, современная инфляция – несравненно более сложное и многостороннее явление, чем обесценение бумажных денег Джона Ло. Современная инфляция – это общий народно-хозяйственный процесс, который часто связан с избыточной эмиссией бумажных денег, но отнюдь не исчерпывается этим, а иногда происходит и без такой эмиссии. Во многих случаях в качестве первичного фактора инфляции выступает повышение цен, не связанное непосредственно с «денежной» стороной, а вызванное иными причинами: политикой монополий, товарным дефицитом, внешнеэкономической ситуацией. Но затем увеличение денежной массы как бы «подпирает» возросший уровень цен, закрепляет его и может, в свою очередь, подталкивать инфляцию. Как денежная масса, так и уровень цен приобрели в современных условиях одностороннюю эластичность: они никогда не уменьшаются, а только растут. Зародыш этой закономерности имелся уже в системе Ло.

^{*} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 426.

Личность Ло как финансового дельца с богатым воображением, размахом и энергией тоже многократно «повторялась» в истории; капитализм требовал таких людей и порождал их. Это и реальные лица, вроде Исаака Перейры или Джона Пирпонта Моргана, и литературные герои: герой романа Золя «Деньги» биржевой магнат Саккар, драйзеровский финансист Каупервуд.

Финансовая практика и идеи Ло сыграли важную роль в становлении и развитии политической экономии. Правда, сколько-нибудь прямых последователей в науке Ло пришлось дожидаться 100, а то и 200 лет. Напротив, если буржуазная классическая политическая экономия XVIII и первой половины XIX в. в своем блестящем развитии в значительной мере отталкивалась от идей Ло, то отталкивалась лишь как от опасной и вредной ереси. Борьба с этой ересью сыграла немалую роль в становлении взглядов Кенэ, Тюрго, Смита, Рикардо. Анализируя развитие французской политической экономии, Маркс замечает: «Возникновение физиократии было связано как с оппозицией против кольбертизма, так и, в особенности, со скандальным крахом системы Ло»*.

Критика Ло со стороны классиков была прогрессивной и шла в верном направлении. Она была частью их борьбы против меркантилизма, к которому во многих отношениях был близок Ло. Конечно, Ло уже резко отличается от тех примитивных меркантилистов, которые сводили все экономические проблемы к деньгам и торговому балансу. Он рассматривал деньги в основном как орудие воздействия на развитие экономики. Но при этом он не покидал поверхностной сферы обращения и даже не пытался постигнуть сложную анатомию и физиологию капиталистического производства. А классики политической экономии стремились именно к этому.

Рассчитывая на денежные факторы, Ло, естественно, связывал все свои надежды с государством. Он с самого начала хотел иметь государственный банк, и лишь временные трудности заставили его сначала согласиться на банк частный. Его торговая монополия была своеобразным придатком государства.

В своей конкретной экономической политике Ло был непоследователен: он отменял одни меры государственной регламентации, стеснявшие хозяйство, и тут же вводил другие. Его деятельность на посту министра несколько не похожа на деятельность Тюрго через столетия, о чем речь будет дальше. Ло опирался на феодально-бюрократическое государство, а именно против грубого и обременительного вмешательства этого государства в экономику выступили и физиократы, и Смит. В этом отношении им тоже гораздо ближе был Буагильбер, чем Ло.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 33.

Однако, отвергая капиталотворческую концепцию кредита, которую выдвигал и пытался практиковать Ло, классики недооценили действительно важную роль, которую играет кредит в развитии производства. Как говорится, вместе с водой выплеснули и ребенка. Можно сказать, что взгляды Ло на кредит по меньшей мере интереснее, чем взгляды Рикардо, хотя в целом Ло несравним с крупнейшим представителем классической политической экономики.

Ло не была свойственна вера в предустановленную гармонию «естественного порядка», во всецелие *laissez faire*. И в этом он проявил глубокое чутье. Обострение противоречий капитализма заставляло буржуазную науку пересматривать свое отношение к Ло. Его реабилитация во времена Луи Блана и Исаака Перейры оказалась не последней. Новую реабилитацию – разумеется, с других позиций – осуществляют последователи Кейнса, идеологи государственно-монополистического капитализма.

Главные идеи Ло – воздействие на экономику через кредитно-финансовую сферу и вмешательство государства в экономику – пришлись здесь как нельзя кстати.

В США изменение ставок налогов на капиталистические компании и отдельных лиц может быть произведено лишь с санкции Конгресса. Это старая буржуазно-демократическая мера, ограничивающая исполнительную власть. Нынешние экономические советники правительства точат на этот порядок зубы: маневрирование налогами – важнейшее оружие в арсенале современной экономической политики, и им хотелось бы иметь его в своем полном распоряжении. Здесь вспоминается Ло, который восхищался тем, как легко было решать вопросы в тогдашней Франции: «Это – счастливая страна, где данная мера может быть обсуждена, решена и выполнена в 24 часа, а не в 24 года, как в Англии». Его не смущало, что Франция была деспотической абсолютной монархией и только по этой причине дело обстояло таким образом.

Идеи Ло о благотворной роли изобилия денег и инфляции вновь и вновь возрождаются в различных вариантах современными экономистами. В «умеренной инфляции» они ищут спасения от экономических кризисов, безработицы, застоя в хозяйстве. Однако эта политика, если она проводится в жизнь, создает свои острейшие проблемы и конфликты.

В 70-х гг. нашего столетия вопрос о средствах и методах воздействия государства на экономику приобрел новую остроту.

Обнаружилось, что инфляция – плохое лекарство от безработицы и недогрузки промышленности. Выявилась неэффективность экономической политики по рецептам Кейнса и его последователей. Среди нынешних экономистов еще меньше единства мнений, чем обычно. Одни требуют умень-

шения государственного вмешательства, большего простора для стихийных сил капиталистической экономики. Другие настаивают на более последовательном и гибком регулировании через финансы, кредит и деньги. Наконец, третьи говорят, что помочь может лишь более прямой и жесткий контроль государства над ключевыми сферами экономической деятельности, внедрение программ и планов.

10.3. Несколько слов о XVIII столетии

Можно сказать, что в первой половине XVIII в. сложилась Британия нового времени. Эта эпоха закрепила классовый компромисс между дворянами-землевладельцами и буржуазией. Интересы обоих эксплуататорских классов тесно срастались и переплетались. Дворянство обуржуазивалось, а буржуа становились землевладельцами. Сложилась политическая система, которая в своей основе сохраняется до сих пор и которая представляла собой в течение двух веков буржуазно-демократический идеал. Это парламентарная монархия, где король царствует, но не правит; две партии, время от времени сменяющие друг друга у власти; неслыханная в тогдашней Европе свобода личности, печати и слова, которой, однако, могли реально пользоваться лишь привилегированные и богатые слои общества.

Тори, консервативная партия землевладельцев, и виги, либеральная партия высшей просвещенной аристократии и городской буржуазии, начали свои бесконечные парламентские и предвыборные баталии. Немаловажная функция этих баталий состояла в том, чтобы отвлекать «низшие классы» от подлинно острых вопросов классовой борьбы.

Политическая борьба в значительной мере потеряла ту религиозную окраску, которую она имела в предыдущем столетии. Наряду с государственной английской церковью утвердилось несколько бывших пуританских сект, и Англия стала «островом с сотней религий». Но это уже не мешало социально-экономическому развитию буржуазной нации.

Быстро росла империя. Заселялись колонии в Северной Америке, процветали сахарные и табачные плантации в Вест-Индии, были завоеваны Индия и Канада, открыто множество островов в разных концах земного шара. Войны, которые вела Англия, в основном были для нее успешны. Она стала неоспоримо первой морской и торговой державой мира. В частности, английские купцы почти монопольно захватили в свои руки работоторговлю и ежегодно перевозили в Америку многие тысячи негров.

Конечно, в основе всех этих процессов лежали изменения в экономике Англии. Прежде всего менялась деревня, английское сельское хозяйство, ко-

торое в середине века все еще давало примерно в три раза больше продукции, чем промышленность. Процесс огораживания земель принял в это время особенно широкие масштабы. Мелкокрестьянское и общинное землевладение постепенно исчезало, уступая место крупным поместьям, которые участками сдавались в аренду состоятельным фермерам. Это способствовало развитию капитализма и в сельском хозяйстве, и в промышленности.

Быстро рос класс наемных рабочих, лишенных земельной и иной собственности, не имеющих ничего, кроме своих рабочих рук. Этот класс формировался за счет крестьян, терявших землю или старинное право полуфеодальной аренды, кустарей и ремесленников, которых разоряла конкуренция. Но настоящий фабричный пролетариат составлял еще незначительную часть «низших классов». В капиталистической эксплуатации было много черт патриархальности, пережитков «доброе старое время». Ужасы фабричного рабства еще были впереди.

На другом полюсе вырастал класс промышленных капиталистов. Его пополняли разбогатевшие цеховые мастера-купцы, колониальные плантаторы, привозившие в Англию нажитые за морем деньги. Процесс подчинения производства капиталу был сложным: часто капиталисты сначала проникали как скупщики и поставщики сырья в домашние промыслы, потом основывали ремесленные мастерские и фабрики.

Это был конец эры мануфактуры, т. е. ручного производства, основанного на разделении труда. Даже при сохранении прежних примитивных орудий разделение труда и специализация рабочих позволяли увеличивать производительность. Машинная индустрия только зарождалась. Вместе с тем приближалась промышленная революция. Начиналась эпоха великих изобретений. В 30-х гг. были сделаны первые шаги к механизации прядения и ткачества, была открыта плавка чугуна на коксе. В 60-х гг. Уатт изобрел паровую машину.

Промышленники для своих предприятий, купцы для заморской торговли, правительство для колониальных войн нуждались в кредите. Возникли и бурно росли банки и акционерные общества, которые собирали денежные капиталы. Значительно увеличился государственный долг. В обиход вошли ценные бумаги и биржа.

Товарно-денежные отношения уже насквозь пронизывали жизнь нации. Не только торговля, но и производство стало в большой мере капиталистическим. Отчетливее выделились основные классы буржуазного общества. В результате массового повторения социальных явлений достаточно четко определились такие объективные категории, как капитал, прибыль, процент, земельная рента, заработная плата. Все это уже могло стать объектом наблюдения и научного анализа.

С другой стороны, буржуазия была самым прогрессивным классом общества. Она пока не видела в растущем рабочем классе своего главного противника. Классовая борьба между ними еще имела зачаточные формы. Так сложились условия для развития классической политической экономии в Англии.

10.4. Даниэль Дефо и робинзонады политической экономии

В 1719 г. в Лондоне вышло в свет первое издание романа Дефо «Робинзон Крузо». Судьба «Робинзона» необычна. С одной стороны, это признанный шедевр приключенческого жанра. С другой стороны, литература на многих языках, в которой дается философское, педагогическое и политико-экономическое толкование «Робинзона» и робинзонад, могла бы составить в настоящее время целую библиотеку.

Робинзонада – это созданная воображением мыслителя и писателя ситуация, в которой отдельная человеческая личность (иногда небольшая группа людей) поставлена в условия жизни и труда вне общества. Робинзонада – это, если хотите, экономическая модель, в которой исключаются отношения людей между собой, т. е. общественные отношения, и оставлены только отношения обособленного человека с природой. Политическая экономия любит робинзонады, заметил Маркс. Можно добавить, что к послемарксовской буржуазной политической экономии это относится в еще большей степени, чем к домарксовской.

Несмотря на успех «Робинзона», который Дефо написал в возрасте почти 60 лет, и успех нескольких других романов, написанных еще позже, он до конца дней считал их безделками. Дефо думал, что посмертную славу ему создадут вышедшие из-под его пера многочисленные политические, экономические и исторические сочинения. Подобная иллюзия не редкость в истории культуры.

Жизнь Даниэля Дефо сама похожа на авантюрный роман. Он родился в Лондоне в 1660 г. (эта дата, однако, не бесспорна) и умер там же в 1731 г. Сын мелкого торговца-пуританина, Дефо сам пробил себе путь в жизни благодаря природным способностям, энергии и ловкости. Участник мятежа Монмута против короля Иакова II в 1685 г., он лишь по счастливой случайности избежал казни или ссылки в колонии. Состоятельный купец к 30 годам, он обанкротился в 1692 г., имея долгов на 17 тыс. фунтов стерлингов.

Начав в это время писать политические памфлеты, Дефо вошел в доверие к королю-голландцу Вильгельму III и его приближенным. В 1698 г. он

опубликовал экономическое сочинение «Опыт о проектах», где предлагал ряд смелых экономических и административных реформ. Вскоре после смерти своего покровителя-короля, в 1703 г., Дефо попал к позорному столбу и в тюрьму за язвительный памфлет против господствующей церкви в защиту диссентеров-пуритан. Дефо был освобожден из тюрьмы (где он провел полтора года и развернул бурную литературную деятельность) лидером партии тори Робертом Харли. В обмен Дефо отдал этой партии и лично Харли свое перо лучшего журналиста эпохи. Он был секретным агентом Харли, ездил с важными и тайными поручениями от него в Шотландию и по разным областям Англии.

Смерть королевы Анны и падение Харли оборвали его карьеру. В 1715 г. он вновь попал в тюрьму по обвинению в политической клевете. Дефо вышел на свободу, опять приняв на себя неблагоприятную задачу – разлагать изнутри враждебную новому правительству печать.

Человек, написавший «Робинзона», имел богатейший и разнообразнейший жизненный опыт. Этот опыт и наполнил историю о приключениях моряка из Йорка такой глубиной содержания. Дефо не знал ни отдыха, ни покоя до конца жизни. Трудно поверить, что один человек между 60 и 70 годами мог написать несколько больших романов, монументальное экономико-географическое описание Великобритании, ряд исторических сочинений (в том числе историю русского императора Петра I), целую серию книг по демонологии и магии (!) и множество мелких статей и памфлетов на самые разные темы. В 1728 г. он издал экономическое сочинение «План английской торговли». В последние месяцы жизни неутомному старику пришлось скрываться от кредиторов (или от политических врагов – что до сих пор остается неясным).

Вернемся к робинзонадам. В основе классической политической экономии лежало представление о *естественном человеке*. Эта идея возникла из неосознанного протеста против «искусственности» феодального общества, где человек опутан всевозможными нерыночными, принудительными связями и ограничениями. Но «естественный» человек нового буржуазного общества, освобожденный от этих связей индивидуалист, подходящий для мира свободной конкуренции и равенства возможностей, Смиту и Рикардо, как и их предшественникам, представлялся не продуктом длительного исторического развития, а, напротив, его исходным пунктом, но и поглощением «человеческой природы».

Пытаясь объяснить поведение этого индивидуалиста в общественном производстве при капитализме и опираясь на идеи естественного права, они обращают свой взгляд не на реальный путь развития общества, а на фантастическую фигуру одиночного охотника и рыбака, т. е. Робинзона.

Конечно, при этом конкретный Робинзон Крузо, попавший на необитаемый остров, превращается по воле авторов в нечто аллегорическое и абстрактное, часто в полную условность.

Итак, робинзонада – это попытка исследовать закономерности производства, которое всегда было и может быть только общественным и находящимся на конкретной стадии исторического развития, на абстрактной модели, исключаяющей самое главное – общество. Маркс дал замечательную по глубине мысли критику робинзонад классической политической экономии. Он замечает, что эта склонность перешла и в «новейшую политическую экономию» Бастиа, Кэри, Прудона: им очень удобно находить экономические отношения, свойственные развитому капитализму, в фантастическом мире «естественного человека». Цитируем из Маркса только одну фразу: «Производство обособленного одиночки вне общества – редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и динамически уже содержащим в себе общественные силы (подчеркнуто мной. – А. А.), – такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»*.

Подчеркнутое место интересно в связи с сюжетом «Робинзона Крузо». Вспомните: Робинзон настолько несет в себе общественные силы, что при изменении обстановки быстро превращается из «естественного человека» сначала в патриархального рабовладельца (Пятница), а потом в феодала (колония поселенцев). Он превратился бы и в капиталиста, если бы его «общество» продолжало развиваться.

Робинзонада оказалась настоящим кладом для субъективной школы в политической экономии, которая пытается рассматривать экономические явления через призму субъективных ощущений и психологии отдельного человека. Для этой политической экономии, возникшей в 70-х гг. XIX в., в центре внимания которой стоит «атомистический индивид», более подходящей фигуры, чем Робинзон, не придумаешь.

Пожалуй, самый характерный пример представляет робинзонада Бем-Баверка, крупнейшего экономиста австрийской субъективной школы. Дважды автор заставляет Робинзона служить исходным пунктом своих построений – в теории стоимости и в теории накопления капитала.

Еще писатели XVII и XVIII столетий догадывались, что стоимость – это общественное отношение, которое существует лишь тогда, когда продукты производятся как товары, для обмена в обществе. Бем-Баверку же, как он сам пишет, для ведения понятия стоимости достаточно «колониста, бревенчатая

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 31.

хижина которого стоит в стороне от всех путей сообщений, одиноко в первобытном лесу». Этот Робинзон имеет пять мешков зерна и полезностью последнего из них измеряет стоимость зерна.

Капитал – общественное отношение между теми, кто владеет средствами производства, и теми, кто лишен их, продает свою рабочую силу и подвергается эксплуатации. Он возникнет лишь на определенной стадии общественного развития. Но для Бем-Баверка это просто любые орудия труда в их вещественной форме. Поэтому, пока Робинзон занимается только сбором дикорастущих плодов, у него нет никакого капитала. Но как только он употребляет часть своего рабочего времени на то, чтобы изготовить себе лук и стрелы, он, по мнению Бем-Баверка, становится капиталистом: это первичный акт накопления капитала. Как видим, капитал не связан ни с какой эксплуатацией.

10.5. Бернард Мандевиль и его парадоксы

И в тех же лондонских кофейнях и книжных лавках, где поклялся Дефо, можно было встретить другую колоритную фигуру – доктора Бернарда Мандевиля. Врач без практики, обитатель бедного квартала, любитель пображничать в веселой компании, Мандевиль пользовался незавидной репутацией. Говорили, что живет он подачками винокуров и пивоваров, которые платят ему за выступления в печати в защиту спиртных напитков.

Бернард Мандевиль родился в Голландии в 1670 г. Окончив в 1691 г. Лейденский университет, он вскоре переселился в Англию. Прожив жизнь в Лондоне, подробности которой мало известны, он умер там же в 1733 г.

Своей известностью философа и писателя Мандевиль обязан одному произведению. В 1705 г. он анонимно издал небольшое сочинение в плохих стихах под заглавием «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными». Особого внимания эта поэма не привлекла. В 1714 г. Мандевиль опубликовал эти же стихи, добавив к ним объемистое рассуждение в прозе. Теперь это называлось «Басня о пчелах, или Частные пороки – общественные выгоды». Под таким названием книга Мандевиля и вошла в мировую литературу.

Но и это издание прошло, видимо, незамеченным. Лишь вышедшее в 1723 г. новое издание «Басни о пчелах», которое носило громкий подзаголовок «Исследование о природе общества», вызвало ту реакцию, на которую, возможно, и рассчитывал Мандевиль. Суд графства Миддлсекс признал эту книгу «нарушающей общественный порядок», в печати вокруг нее завязалась

полемика, в которой Мандевиль с явным удовольствием принял участие. До смерти автора вышло еще пять изданий, а в 1729 г. он выпустил, кроме того, второй том «Басни о пчелах».

Мандевиль оказал большое влияние на развитие английской политической экономии, прежде всего на Смита и Мальтуса (хотя на словах оба забавным образом открещивались от него, как от грубого циника!). Это влияние идет не по линии разработки основных категорий (стоимость, капитал, прибыль и т. д.), а больше по коренной философской позиции, которая легла в основу классической школы.

Главный парадокс Мандевилья содержится во фразе «частные пороки – общественные выгоды». Поставьте вместо пороков (*vices*) знаменитый смитов *selfinterest* (своекорыстный интерес), и вы получите коренное представление Смита о буржуазном обществе: если предоставить каждому индивиду разумно преследовать свой интерес, свою выгоду, то это будет способствовать богатству и процветанию всего общества. Смит так критиковал Мандевилья в своей книге «Теория нравственных чувств»: автор «Басни о пчелах», мол, не прав лишь в том, что он всякое эгоистическое устремление и действие называет «пороком». Корыстолюбие, скажем, вовсе не порок.

Но этим значение Мандевилья для истории экономической науки не исчерпывается. В своей сатире он дал ядовитую критику буржуазного общества и одним из первых нащупал некоторые его коренные пороки. В этом и заключалась его «аморальность». «Честный человек и ясная голова»*, – заметил о Мандевиле К. Маркс.

Пчелиный улей – это человеческое общество, вернее, буржуазная Англия времен Мандевилья. Первая часть басни – достойная пера Свифта, сатира на нее. Красной нитью проходит мысль: такое общество может существовать и даже процветать лишь благодаря бесчисленным порокам, нелепостям и преступлениям, которые царят в нем. «Процветание» возможно в этом обществе лишь потому, что миллионы людей «обречены 14 часов трудиться с помощью серпа и лопаты и заниматься всякой иной тяжелой работой, где эти несчастные ежедневно истощают свои силы и тела, чтобы только прокормиться»**. Но и эту работу они имеют лишь потому, что богатые любят комфорт и роскошь и тратят массу денег на вещи, потребность в которых часто вызывается лишь модой, фантазией, тщеславием и т. д. Алчные сутяги-юристы, шарлатаны-врачи, ленивые и невежественные попы, драчливые генералы, даже преступники – все они, вопреки здравому смыслу, оказыва-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 629.

** *Mandeville B. The Fable of the Bees. or* Private Vices, Public Benefits. With an Essay on Charity and Charity – Schools. And a Search into the Nature of Society. 5th ed L., 1728. P. 3.*

ются необходимы в этом обществе. Почему? Потому, что их деятельность порождает спрос на всевозможные товары и услуги, подталкивает трудолюбие, изобретательность, предприимчивость.

Итак, в этом обществе «роскошь давала занятие миллиону бедняков, а мерзкая гордыня – еще миллиону. Сама зависть и тщеславие служили трудолюбию, а их порождение – непостоянство в пище, убранстве и одежде, этот странный и смешной порок – стал самым главным двигателем торговли»*.

(Ну как тут не вспомнить, к примеру, американские автомобильные компании, которые без всякой технической необходимости меняют ежегодно модели машин, только чтобы сыграть на тщеславии покупателей и любой ценой увеличить сбыт. Руководители этих компаний могли бы вполне согласиться с Мандевилем, что процветание промышленности опирается на «непостоянство» и другие слабости людей, причем эти слабости старательно пестуются.)

Но пчелы ропщут на господство порока в их улье, и вот Юпитер, которому надоели их жалобы, внезапно изгоняет всякий порок и делает всех пчел добродетельными. Расточительство сменяется бережливостью. Исчезает роскошь, прекращается потребление всего, что выходит за пределы простых естественных потребностей. Ликвидируются паразитические профессии. Избавившись от шовинизма и склонности к агрессии, они «не держат больше войск за границей, смеются над своим престижем у чужеземцев и над пустой славой, которую приносят войны»**.

Одним словом, торжествуют нормальные, здоровые принципы человеческого общежития. Но, о ужас! Именно это несет разруху и гибель обществу, которое Мандевиль изобразил в стихотворной форме:

Сравните улей с тем, что было:
Торговлю честность погубила.
Исчезла роскошь, спесь ушла,
Совсем не так идут дела.
Не стало ведь не только мота,
Что тратил денежки без счета:
Куда все бедняки пойдут,
Кто продавал ему свой труд?
Везде теперь один ответ:
Нет сбыта и работы нет!..
Все стройки прекратились разом,

* Ibid. P. 10.

** *Mandeville B.* Кр. cit. P. 18.

У кустарей – конец заказам.
Художник, плотник, камнерез –
Все без работы и без средств*.

Короче говоря, начинается экономический кризис: растет безработица, товары скапливаются на складах, падают цены и доходы, прекращается строительство. Хорошо же общество, в котором для процветания нужны ту-неядцы, милитаристы, расточители и мошенники, а такие безусловные добродетели, как миролюбие, честность, бережливость, умеренность, ведут к экономической катастрофе!

Идеи Мандевиля, развитые им в гротескной, парадоксальной форме, выглядят особенно интересно в свете развития политической экономии в последующие столетия. Укажем на два важнейших факта.

Мысль о производительности и экономической необходимости всех классов и слоев (землевладельцев, попов, чиновников и т. д.) была подхвачена Мальтусом и его последователями. В небольшом памфлете, содержащемся в «Теориях прибавочной стоимости», Маркс использовал для разоблачения этого взгляда мысли и даже стиль Мандевиля.

Идея о вреде чрезмерной бережливости, о полезности и даже необходимости непродуманных расходов, любого расточительства, лишь бы это создавало спрос и занятость, была воскрешена и возведена в канон в наше время Кейнсом. Он считал Мандевиля (как и Мальтуса) своим предшественником.

Еще в конце XIX в. буржуазная политическая экономия, не желавшая видеть в капиталистической системе никаких пороков, считала Мандевиля шарлатаном и ловким казуистом. Никому и в голову не приходило осуждать бережливость, возведенную Адамом Смитом в ранг первой частной и гражданской добродетели. Лишь мировой экономический кризис 1929–1933 гг. направил мысль крупнейших буржуазных экономистов по пути Мандевиля: если люди будут стремиться сберегать, значит, они не будут покупать товары, значит, упадет «эффективный спрос»; надо заставить людей расходовать деньги – любым способом и на любые цели.

* Стихотворный перевод отрывка сделан автором. В 1974 г. вышло первое русское издание «Басни о пчелах» Б. Мандевиля (издательство «Мысль», серия «Философское наследие»). Стихотворная часть сочинения переведена там прозой.

10.6. Становление классической школы

Полагают, что впервые курс политической экономии как особой науки начал читать в 1801 г. в Эдинбургском университете Дагалд Стюарт, ученик и друг Смита. Лишь в XIX в. появляется и постепенно становится привычной фигура профессора-экономиста, хотя и после этого важнейший вклад в науку часто делали отнюдь не профессора. Талантливых людей, которые в XVII и XVIII столетиях создавали новую науку, можно разделить на три группы.

Во-первых, это философы, занимавшиеся экономическими вопросами в рамках своих характерных для той эпохи общих систем природы и общества. Наиболее выдающиеся из них в Англии – *Томас Гоббс, Джон Локк, Давид Юм* и в известном смысле сам *Адам Смит*; во Франции – *Гельвеций, Кондильяк*; в Италии – *Беккариа*.

Во-вторых, это купцы и деловые люди, которые переходили от узкого практицизма торговли к государственным делам и стремились мыслить по-государственному. Здесь можно назвать имена *Томаса Мана, Джона Ло, Дадли Норса, Ричарда Кантильона*. Во Франции *Буагильбер, Тюрго, Гурнэ* представляют характерную для этой страны судейско-чиновную ветвь.

Наконец, в-третьих, это разночинцы-интеллигенты, люди разных профессий, иногда переходившие в высший класс, а иногда – нет. Еще Маркс отметил, что теоретической экономией с особым успехом занимались медики: *Уильям Петти, Николас Барбон, Бернард Мандевиль, Франсуа Кенэ*. Это можно понять: медицина была единственной естественно-научной специальностью и привлекала людей мыслящих и энергичных. В XVIII в. среди экономистов появляются духовные лица: аббаты во Франции и Италии (в том числе глубокий и оригинальный итальянский экономист Галиани), англиканские пасторы в Англии (Такер, Мальтус).

Нельзя не оговориться, что эти грани весьма условны и тем более не определяют развитие идей. Но они помогают разобраться в сложном процессе становления науки.

Главный мотив экономических сочинений, как и прежде, практический: обоснование или критика определенной экономической политики. Но появившиеся в 60-х гг. XVIII в. сочинения *Тюрго* и *Джемса Стюарта* резко отличаются от меркантилистских памфлетов XVII и начала XVIII в., это первые попытки систематического и теоретического изложения основ политической экономии.

Кроме того, «практический мотив» надо понимать по-разному. У одних он отражает прямую защиту в печати интересов своего класса и своих

личных корыстных интересов. У других – более глубокий процесс научного познания общественных явлений, лишь в сложной и опосредованной форме учитывающий классовый интерес. Нечего и говорить, что классическая буржуазная политическая экономия создавалась людьми второго типа. Адам Смит, скажем, не был ни купцом, ни промышленником и не мог для себя лично ожидать выгод от той политики свободы торговли, которую он обосновывал в «Богатстве народов». Более того, один из парадоксов его жизни заключается в том, что после выхода этой книги он получил доходное место в таможне – учреждении, как раз олицетворявшем собой систему, против которой он боролся.

При всей яркости своих парадоксов Мандевиль стоит несколько особняком в истории становления классической школы в Англии. Становление этой школы связано в первую очередь с именами Локка и Норса, выступивших прямыми продолжателями Петти.

Крупнейший философ XVII в., один из создателей материалистической теории познания, отец буржуазного либерализма *Джон Локк* занимает важное место в экономической науке благодаря опубликованному в 1691 г. сочинению «Некоторые соображения о последствиях понижения процента и повышения ценности денег». Вместе с тем философия Локка в целом служила основой для построений всей английской политической экономии XVIII и даже начала XIX в. Локк развивал в общественных науках идеи естественного права, которые служили своего рода эквивалентом механистическому материализму Ньютона в естественных науках. Для своего времени эти идеи, как говорилось выше, были прогрессивны, так как вносили в сферу общественных явлений принцип объективной закономерности. Даже важный шаг к пониманию прибавочной стоимости Локк сделал с позиций естественного права. Он пишет, что человек, естественно, должен иметь столько земли, сколько он может обработать своим трудом, и столько других благ (в том числе, очевидно, денег), сколько ему необходимо для личного потребления. Но искусственное неравенство в распределении собственности приводит к тому, что некоторые люди имеют избыток земли и денег; землю они сдают в аренду, а деньги – в ссуду. Земельную ренту и ссудный процент Локк понимал, в сущности, как две схожие формы эксплуататорского дохода.

Своеобразной личностью был *Дадли Норс*. Младший отпрыск аристократического рода, он в детстве проявил столь скудные способности к наукам, что был отдан в ученики к купцу Левантской компании. Много лет Норс провел в Турции и вернулся оттуда к 40 годам богатым человеком, но, как пишет один автор, «выглядел он варваром и был лишь немного культурнее варвара». Норс проявил свои янычарские замашки, став в 1683 г., в период торийской реакции при Карле II, шерифом (высшим полицейским чином) в

лондонском Сити. Он верно служил королю и причинил немало зла вигам, за что был удостоен рыцарского звания и стал сэром Дадли. После этого он занимал несколько важных постов, но революция 1688–1689 гг. лишила его шансов на дальнейшую карьеру.

Не обладая, может быть, и десятой долей учености Локка, сэр Дадли отличался исключительной способностью к четкому и смелому экономическому мышлению, не признававшему никаких авторитетов. Его небольшое сочинение «Рассуждения о торговле», написанное одновременно с работой Локка и посвященное тем же вопросам, – одно из значительных достижений экономической мысли XVII в.

Норс много сделал для развития основного научного метода политической экономии – логической абстракции: чтобы анализировать экономическое явление, которое всегда бесконечно сложно и имеет бесчисленные связи, надо представить его «в чистом виде», отвлечься от всех несущественных черт и связей.

У Норса имеются первые шаги к пониманию капитала, который он, правда, рассматривал только в виде денежного капитала, приносящего проценты. Он указал, что ссудный процент определяется не количеством денег в стране (как считали меркантилисты и даже Локк), а соотношением между накоплением денежного капитала и спросом на него. Это легло в основу классической теории процента, а из нее далее возникло и понимание категории прибыли. Норе немало способствовал и развитию теории денег.

Но, может быть, самое главное у Норса состоит в резкой и принципиальной критике меркантилизма, в его решительном выступлении за «естественную свободу». Поводом для этого послужили его возражения (вслед за Петти и Локком) против принудительного регулирования процента. Однако Норс шел дальше, чем они, в борьбе против меркантилизма. В этом отношении он один из самых прямых предшественников Адама Смита.

Ни Локк, ни Норс не пошли дальше Петти в трудовой теории стоимости. Но в многочисленных сочинениях XVII и XVIII вв. она постепенно развивается и утверждается, подготавливая почву для Смита. Рост разделения труда в обществе, появление новых отраслей производства, расширение товарного обмена – все это укрепляло представление, что люди, в сущности, обмениваются густками человеческого труда. Следовательно, соотношения обмена, меновые стоимости товаров должны определяться количеством труда, которое затрачивается на производство каждого товара. Растет сознание того, что земля и орудия производства, безусловно, участвуют в создании богатства как массы потребительных стоимостей, но не имеют отношения к созданию стоимости.

Эти представления кристаллизуются из хаоса и путаницы понятий медленно, с большим трудом. Такую тяжелую борьбу формирующихся идей

воспроизвел в своем мозгу Адам Смит, и мы попытаемся разобраться в ней ниже. Среди важнейших его предшественников в теории стоимости надо назвать *Ричарда Кантиллона, Джозефа Харриса, Джозайю Такера*, писавших в 30–50-х гг.

Но с великолепной четкостью, в известном смысле превосходя самого Смита, формулирует трудовую теорию стоимости автор, о личности которого мы решительно ничего не можем сказать, ибо его зовут **Аноним 1738 г.** Большое число экономических сочинений выходило в XVII и XVIII вв. анонимно. Но авторы одних давно установлены, другие не сыграли в науке заметной роли. Исключение составляет Аноним 1738 г. – личность вроде неведомого «мастера жизни Марии», или «мастера легенды святой Урсулы» в истории искусства.

Приведем ключевую цитату из этого сочинения, которое носит скромное название «Некоторые мысли о проценте вообще и о проценте по государственным фондам в особенности». Чтобы облегчить читателю труд анализа, даны комментарии.

«Подлинная и реальная ценность жизненных благ пропорциональна той роли, которую они играют в поддержании жизни человеческого рода.

Стоимость же их, когда они обмениваются одно на другое, регулируется количеством труда, которое необходимо требуется и обычно затрачивается при их производстве. А стоимость или цена их, когда они покупаются и продаются и приводятся к общему знаменателю, определяется количеством затраченного труда, и большим или меньшим количеством средств (обращения) или всеобщего мерила. Вода столь же нужна для жизни, как хлеб или вино; но десница божия излила ее на человека в таком изобилии, что каждый может иметь ее в достаточном количестве без труда, так что обычно она не имеет цены.

Автор определяет здесь, в сущности, потребительную стоимость.

Дается понятие меновой стоимости, совершенно отличной от потребительной; имеется зачаток идеи об общественном необходимом рабочем времени.

Автор видит отличие цены от стоимости и отмечает, что цена колеблется под влиянием избытка или недостатка денег.

Но если где-либо (для получения воды) необходим труд, прилагаемый лицами, то этот труд должен быть оплачен, хотя сама вода и не оплачивается.

И по этой причине в некоторые времена и в некоторых местах бочка воды может стоить столько же, сколько бочка вина*.

Эта классическая иллюстрация так называемого «парадокса стоимости» показывает принципиальное различие потребительной и меновой стоимости. Автор категорически заявляет, что труд создает стоимость, а не природа.

* Цит. по Meek R. L. Studies in the Labour Theory of Value. L., 1956. P. 42–43.

Несколькими годами ранее другую четкую формулировку трудовой теории стоимости дал молодой **Бенджамин Франклин**, в дальнейшем замечательный мыслитель, ученый-физик и крупный государственный деятель, один из основателей Соединенных Штатов Америки как независимого государства. Его работа называлась «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег» и вышла в 1729 г. в Филадельфии. Франклин был последователем Петти и развивал его идеи. Чтобы доказать полезность бумажных денег, он выдвигает, как ему кажется, важный тезис, что не деньги являются истинным мерилом стоимости, а труд. В обоснование этого тезиса Франклин приводит свою формулировку трудовой теории стоимости и пример с серебром и зерном, близкий к примеру Петти.

Франклин ближе, чем Петти, подошел к идее о равенстве, общем качестве всех различных видов конкретного труда. Он не усматривал каких-либо особых свойств в труде по добыче драгоценных металлов. Но здесь была и его слабость. Правильно отмечая, что с точки зрения создания стоимости нет разницы между трудом по производству серебра и зерна, он решил, что между этими двумя товарами нет разницы и по роли, выполняемой в обмене и обращении товаров. Он игнорировал специфически общественную роль денежного товара, каким было тогда серебро. Бумажные деньги могли функционировать лишь как представители и заместители серебра. Франклин же трактовал их просто как искусное изобретение человеческого ума и отрывал от полноценных денег.

В своих более поздних работах Франклин много раз обращался к экономическим проблемам. Он не создал крупных книг по политической экономике и не исследовал детально ни одного важного вопроса этой науки. Однако к большим мыслителям нельзя подходить с заранее скроенной меркой, а к ученым, работавшим на заре науки, – особенно. Франклин внес большой вклад в развитие экономической науки всей своей литературной, научной и практической деятельностью. Он стоит у истоков экономической мысли на Американском континенте.

В связи с развитием теории стоимости идет прогресс и в ряде других важнейших областей. Разрабатывая идею Петти о том, что заработная плата наемных рабочих в конечном счете определяется минимумом средств их существования, экономисты ближе подходят к пониманию природы этого минимума. Занимаясь вопросами народонаселения, они в какой-то мере уясняют себе механизм, который обеспечивает такое воспроизводство рабочей силы, при котором конкуренция между рабочими сводит заработную плату к прожиточному минимуму.

В толковании капитала и дохода на капитал важным шагом было размежевание торгово-промышленной прибыли и ссудного процента. Джозеф

Мэсси и Давид Юм, писавшие в 50-х гг., уже ясно понимают, что процент в нормальных условиях – это часть прибыли: купец и промышленник вынуждены делиться с владельцем денег, ссудного капитала.

Таким образом, досмитова политическая экономия, по существу, рассматривает прибавочную стоимость, не понимая, однако, ее природу и трактуя ее лишь в особых формах прибыли и процента, а также земельной ренты. К 60-м гг. XVII в., когда Смит начал свои экономические исследования, основы классической политической экономии в Англии были заложены.

10.7. Давид Юм

В марте и апреле 1776 г. Юм, будучи смертельно болен и зная это, спешил написать историю своей жизни. Он прожил после этого четыре месяца. Автобиография была опубликована вскоре после смерти Юма вместе с коротким письмом-предисловием Адама Смита, его ближайшего друга на протяжении четверти века. Смит описывал последние месяцы жизни философа. Юм умирал с завидным спокойствием духа и незаурядной твердостью. Человек общительный и веселый, он сохранял эти черты до конца, хотя болезнь превратила его из толстяка в живой скелет.

Письмо Смита сыграло своеобразную роль в политической экономии. Из него было совершенно ясно, что Юм, уже имевший репутацию безбожника, умирал отнюдь не как богобоязненный христианин. И Смит явно разделял этот языческий дух.

На мертвого Юма и живого Смита обрушилась ярость церковников. Недавно опубликованное «Богатство народов» Смита было замечено вначале лишь узким кругом образованных людей. Но возникшая вокруг имен Юма и Смита перепалка, которая для самого Смита, человека осторожного и скромного, была неприятной неожиданностью, привлекла общее внимание к книге. Издания последовали одно за другим, а лет через десять «Богатство народов» стало библией английской политической экономии.

Но Юм прокладывал дорогу Смигу и в ином смысле. В небольших, блестящих по форме эссе Юма как бы кратко подводится итог некоторым достижениям досмитовой классической школы в борьбе с меркантилизмом. Они сыграли важную роль в подготовке умов к «Богатству народов».

Давид Юм родился в 1711 г. в Эдинбурге и был младшим сыном в небогатой дворянской семье. Он вынужден был сам пробивать себе дорогу в жизнь, полагаясь главным образом на свое искусное перо. В 28 лет Юм издал свое главное философское сочинение – «Трактат о человеческой природе»,

который впоследствии сделал его одним из самых видных британских философов XVIII в. Философия Юма получила позже название агностицизма. Вслед за Локком Юм утверждал, что ощущения – важнейший источник знаний человека о материальных вещах, но сами эти внешние вещи (т. е. материю) он считал принципиально не познаваемыми до конца. Юмизм пытается найти себе место где-то посередине между материализмом и идеализмом, но, утверждая непознаваемость мира, неизбежно скатывается к последнему. Юм критически относился к религии и внес немалый вклад в борьбу с мракобесием. Но он не был последовательным атеистом, а его философия открывала лазейку для «примирения» науки и религии.

Книга Юма первоначально не имела успеха. Он приписал это ее сложности и занялся популяризацией своих идей в небольших по объему очерках. Кроме того, он обратился к философии общества. Первый успех ему принесли политические и экономические сочинения, а европейскую славу – многотомная «История Англии». Как историк Юм выступил сторонником тори – партии землевладельцев, к которым примыкала консервативная буржуазия. Утонченный интеллигент, «аристократ духа», Юм не любил «вигскую чернь», презирал грубость лавочников и тупость пуритан, а лондонских богачей-финансистов называл «варварами с берегов Темзы».

Несколько лет Юм прожил в Париже, будучи секретарем английского посольства. Он пользовался большой популярностью в салонах и был другом многих деятелей французского просвещения, особенно д'Аламбера и Тюрго. Потом Юм занимал дипломатический пост в Лондоне. Свои последние годы Юм провел в Эдинбурге, находясь в центре кружка друзей – ученых и литераторов.

Экономические сочинения Юма содержат немало интересных мыслей и наблюдений. Например, он, видимо, первый указал, выражаясь современным экономическим языком, на наличие лагов (отставаний) в процессе повышения цен под влиянием увеличения денег в обращении. Юм особо отметил, что среди цен всех товаров в последнюю очередь повышается «цена труда», т. е. заработная плата рабочих. Эти важные закономерности помогают понять социальные и экономические процессы, происходящие при бумажно-денежной инфляции.

Юм наиболее полно в XVIII в. развил мысль о том, что золото и серебро естественным образом распределяются между странами, а торговый баланс каждой страны стихийно стремится в конечном счете к равновесию. Идея естественного равновесия, свойственная всей классической школе, вообще сильно выражена у Юма. На этом Юм основывал свою критику меркантилизма с его политикой искусственного привлечения и удержания драгоценных металлов. Концепция естественного уравнивания торговых

(точнее, платежных) балансов была далее развита Рикардо. В очерке о нем мы вернемся к этой концепции.

Однако даже верные наблюдения Юма связаны у него с пониманием денег, которое находится во внутреннем противоречии с трудовой теорией стоимости. Юм, подобно французам, обходился вообще без теории стоимости; в этом, может быть, сказывались его философский агностицизм и скептицизм.

В политической экономии Юм известен прежде всего как один из создателей *количественной теории денег*. Юм и другие авторы, выдвигавшие схожие взгляды, исходили из исторического факта так называемой революции цен. После того как золото и серебро из Америки потекло в XVI–XVIII вв. в Европу, уровень цен товаров там постепенно поднялся. По оценке самого Юма, цены в среднем повысились в 3–4 раза. Отсюда Юм делал, казалось бы, очевидный вывод: стало больше денег (полноценных металлических!), вот и цены соответственно поднялись.

Но, как говорится, внешность обманчива. Ведь весь ход этого процесса можно и нужно объяснить иначе. Открытие богатых рудников вызвало снижение затрат труда на добычу драгоценных металлов и, следовательно, падение их стоимости. Поскольку стоимость денег по отношению к товарам упала, цены товаров повысились.

Юм считал, что в обращении может находиться какое угодно количество полноценных металлических денег, а «стоимость» денег (попросту говоря, товарные цены) устанавливается в процессе обращения, когда куча товаров сталкивается с грудой денег.

На самом деле и деньги и товары вступают в обращение со стоимостью, уже определенной общественно необходимыми затратами труда. Раз это так, то в обращении – при данной скорости оборота денег – может находиться лишь определенное количество денег. Избыток, если он образуется, уйдет за границу или в сокровище.

Другое дело – бумажные деньги. Они никуда из обращения уйти не могут. Покупательная сила каждой бумажки действительно зависит (наряду с другими факторами) от количества этих бумажек. Если их выпустить больше, чем необходимо для обращения количество полноценных металлических денег, то они обесценятся. Это называется, как известно, инфляцией. Юм, рассматривая золото и серебро, в сущности описывал явления бумажно-денежного обращения.

Заслуга Юма состоит в том, что он привлек внимание к проблемам, играющим и теперь большую роль в политической экономии: чем определяется количество денег, необходимое для обращения? Как влияет количество денег на цены? Какова специфика ценообразования при обесценении денег?

10.8. Франсуа Кенэ и его секта

Призвание (и признание) приходит к людям по-разному. *Франсуа Кенэ* был врачом и естествоиспытателем. Политической экономией он занялся, когда ему было под 60. Последние годы своей жизни Кенэ провел в тесном кругу друзей, учеников и последователей. Это был человек, к которому применимы слова Ларошфуко: «Уметь быть старым – это искусство, которым владеют лишь немногие». Кто-то из его знакомых сказал: у него 30-летняя голова на 80-летнем туловище.

Кенэ – крупнейший французский политэконом XVIII в. Он был основателем и главой физиократической школы, которая стала французским вариантом классической политической экономии.

10.8.1. Век Просвещения

Фридрих Энгельс писал: «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него»*.

В блестящей когорте мыслителей XVIII в. почетное место занимают экономисты Кенэ и Тюрго. Просветители надеялись, что лед феодализма постепенно растает под яркими лучами солнца – освобожденного человеческого разума. Этого не случилось. Все вздыбилось грозным ледоломом революции, а те из младшего поколения просветителей, в том числе и экономистов-физиократов, кто дожил до этого, в страхе отшатнулись от раскрывшейся пучины народной ярости.

Французская экономика середины XVIII в., когда началась научная деятельность Кенэ, не слишком отличалась от экономики начала столетия, когда писал Буагильбер. Это была по-прежнему крестьянская страна, и положение крестьянства едва ли улучшилось за полвека. Как и Буагильбер, Кенэ начинает свои экономические сочинения описанием бедственного состояния французского сельского хозяйства.

Однако кое-что изменилось за полвека. Возник и стал развиваться, особенно в Северной Франции, класс капиталистических фермеров, которые либо имели землю в собственности, либо арендовали ее у помещиков. С этим

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 16.

классом Кенэ связывал свои надежды на прогресс сельского хозяйства, а такой прогресс он справедливо считал основой здорового экономического и политического развития общества в целом.

Франция изнемогала от бессмысленных разорительных войн. В этих войнах она потеряла почти все свои заморские владения, а значит, и выгодную торговлю с ними. Ослабли и ее позиции в Европе. Промышленность обслуживала в первую очередь нелепую роскошь и расточительство двора и высших классов, тогда как крестьянство обходилось в большой мере изделиями домашнего ремесла. Скандальный крах системы Ло тормозил развитие кредита и банковского дела. В глазах многих людей, выражавших общественное сознание во Франции середины XVIII в., земледелие казалось последним прибежищем мира, благополучия и естественности.

Нация увлекалась земледелием, но увлекалась по-разному. О нем стало модно говорить при дворе, в Версале устраивались кукольные фермы. В провинции возникло несколько обществ поощрения агрикультуры, которые пытались внедрять «английские», т. е. более производительные, методы хозяйства. Стали выходить агрономические сочинения.

В этих условиях идеи Кенэ быстро нашли отклик, хотя его интерес к земледелию был иного рода. Опираясь на свое представление о земледелии как единственной производительной сфере хозяйства, Кенэ и его школа разработали программу экономических реформ, носивших антифеодальный характер. Их пытались проводить впоследствии Тюрго. В значительной мере они были осуществлены революцией.

Кенэ и его последователи были, в сущности, гораздо менее революционны, чем основное ядро просветителей во главе с Дидро, не говоря уже об их левом крыле, из которого вышел позже утопический социализм. Как писал французский историк прошлого века Токвиль, они были «люди кротких и спокойных нравов, люди благомыслящие, честные должностные лица, искусные администраторы»*. Даже ближайший сподвижник Кенэ пылкий энтузиаст Мирабо хорошо помнил ходячее изречение одного остроумца тех времен: во Франции искусство красноречия состоит в том, чтобы говорить все и не попасть в Бастилию. Правда, он однажды все же попал на несколько дней под арест, но влиятельный доктор Кенэ быстро вытащил его из тюрьмы, а кратковременное заключение только упрочило его популярность. После этого он стал осторожнее.

Но объективно деятельность физиократов была весьма революционна и подрывала устои «старого порядка». Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» писал, например, что Тюрго – «в смысле прямого влияния – является одним из отцов французской революции»**.

* Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1898. С. 178.

** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 346.

10.8.2. Мегук маркизы Помпадур

Фаворитке было немногим более тридцати, но она уже теряла расположение ветреного и сластолюбивого монарха. Позже она взяла на себя управление его гаремом и таким образом все же до конца удержалась у власти. Рядом с двумя самыми могущественными людьми во Франции стоял доктор Кенэ, личный врач маркизы и один из медиков Людовика XV. Много государственных и интимных тайн знал этот сутулый, скромно одетый человек, всегда спокойный и слегка насмешливый. Но доктор Кенэ умел молчать, и это его качество ценилось не меньше, чем профессиональное искусство.

Король любил бордо, но по требованию Кенэ, который считал это вино слишком тяжелым для монаршего желудка, был вынужден отказаться от него. Однако за ужином он выпивал столько шампанского, что порой едва держался на ногах, отправляясь в покои маркизы. Несколько раз ему делалось дурно, на этот случай Кенэ всегда был под рукой.

Простыми средствами он облегчал состояние пациента, одновременно успокаивая маркизу, которая дрожала от страха: что будет, если король умрет в ее постели? Ее завтра же обвинят в убийстве! Кенэ деловито говорил: такой опасности нет, королю только 40 лет; вот если бы ему было 60, то он не поручился бы за его жизнь. Многоопытный, умный доктор понимал Помпадур с полуслова.

В медицине Кенэ предпочитал простые и естественные средства, во многом полагаясь на природу. Его общественные и экономические идеи вполне соответствовали этой черте характера. Ведь слово «физиократия» означает власть природы (от греческих слов «физис» – природа, «кратос» – власть).

Людовик XV благоволил к Кенэ и называл его «мой мыслитель». Он дал доктору дворянство и сам выбрал для него герб. В 1758 г. король собственноручно сделал на ручном печатном станке, который завел доктор для его физических упражнений, первые оттиски «Экономической таблицы» – сочинения, впоследствии прославившего имя Кенэ. Но Кенэ не любил короля и в глубине души считал его опасным ничтожеством. Это был совсем не тот государь, о котором мечтали физиократы: мудрый и просвещенный блюститель законов государства. Исполдволь, пользуясь своим постоянным пребыванием и влиянием при дворе, Кенэ пытался сделать такого государя из дофина – сына Людовика XV и наследника престола, а после его смерти – из нового дофина, внука короля и будущего Людовика XVI.

Франсуа Кенэ родился в 1694 г. в деревне, недалеко от Версаля, и был восьмым из 13 детей в семье крестьянина, заодно занимавшегося мелкой торговлей. До 11 лет Франсуа не знал грамоты. Потом какой-то добрый человек

научил его читать и писать. Дальше – ученье у сельского кюре и в начальной школе в соседнем городе. Все это время ему приходилось выполнять тяжелую работу в поле и дома, тем более что отец умер, когда Франсуа было 13 лет. Страсть мальчика к чтению была такова, что он мог иной раз выйти на заре из дому, дойти до Парижа, выбрать нужную книгу и к ночи вернуться домой, отмахав десятки километров.

В 17 лет Кенэ решил стать хирургом и поступил подручным к местному эскулапу. Главное, что он должен был уметь делать, – это открывать кровь: кровопускание было тогда универсальным способом лечения. Как бы плохо ни учили в то время, Кенэ учился усердно и серьезно. С 1711 по 1717 г. он живет в Париже, одновременно работая в мастерской гравера и практикуя в госпитале. К 23 годам он уже настолько стоит на собственных ногах, что женится на дочери парижского бакалейщика с хорошим приданым, получает диплом хирурга и начинает практику в городке Мант, недалеко от Парижа. Кенэ живет в Манте 17 лет и благодаря своему трудолюбию, искусству и особой способности внушать людям доверие становится популярнейшим врачом во всей округе. Он принимает роды (этим Кенэ особенно славился), открывает кровь, рвет зубы и делает довольно сложные по тем временам операции. В числе его пациентов постепенно оказываются местные аристократы, он сблизается с парижскими светилами, выпускает несколько медицинских сочинений.

В 1734 г. Кенэ, вдовец с двумя детьми, покидает Мант и по приглашению герцога Виллерау занимает место его домашнего врача. В 30-х и 40-х гг. он отдает много сил борьбе, которую вели хирурги против «факультета» – официальной ученой медицины. Дело в том, что согласно старинному статуту они были объединены в один ремесленный цех с цирюльниками. Заниматься терапией хирургам было запрещено. Кенэ становится во главе «хирургической партии» и в конце концов добивается победы. В это же время Кенэ выпускает свое главное естественно-научное сочинение, своего рода медико-философский трактат, где трактуются основные вопросы медицины: о соотношении теории и врачебной практики, о медицинской этике и др.

Важным событием в жизни Кенэ был переход в 1749 г. к маркизе Помпадур, которая «выпросила» его у герцога. Кенэ обосновался на антресолях Версальского дворца. К этому времени он был уже очень состоятельным человеком.

Медицина занимает большое место в жизни и деятельности Кенэ. По мосту философии он перешел от медицины к политической экономии. Человеческий организм и общество. Кровообращение, обмен веществ в человеческом теле и обращение продукта в обществе. Эта биологическая аналогия вела мысль Кенэ.

В своей квартире на антресолях Версальского дворца Кенэ прожил 25 лет и был вынужден съехать оттуда лишь за полгода до своей смерти, когда умер Людовик XV и новая власть выметала из дворца остатки прошлого царствования. Квартира Кенэ состояла всего из одной большой, но низкой и темноватой комнаты и двух полутемных чуланов. Тем не менее она скоро стала одним из излюбленных мест сборищ «литературной республики» – ученых, философов, писателей, сплотившихся в начале 50-х гг. XVIII в. вокруг «Энциклопедии». Доктор Кенэ в первое время проповедовал свои идеи не столько в печати, сколько в кругу друзей, собиравшихся на его антресолях. У него появились ученики и единомышленники, появились, конечно, и несогласные. Мармонтель оставил живое описание собраний у Кенэ: «В то время как под антресолями Кенэ собирались и рассеивались бури, он усердно трудился над своими аксиомами и расчетами по экономике земледелия, столь же спокойный и безразличный к движениям двора, как будто он находился в ста лье от него. Внизу толковали о мире и войне, о назначении генералов и отставке министров, а мы на антресолях рассуждали о земледелии и исчисляли чистый продукт, а иногда весело обедали в обществе Дидро, д'Аламбера, Дюкло, Гельвеция, Тюрго, Бюффона. И мадам де Помпадур, не будучи в состоянии привлечь эту компанию философов в свой салон, сама порой поднималась наверх, чтобы повидать их за столом и поговорить с ними»*.

По словам д'Аламбера, Кенэ был «философ при дворе, который жил в уединении и трудах, не зная языка страны** и не стремясь его изучить, будучи мало связан с ее обитателями; он был судья столь же просвещенный, сколь беспристрастный, совершенно свободный от всего, что он слышал и видел вокруг себя...»***.

Позже, когда вокруг Кенэ сплотилась его секта, собрания приняли несколько иной характер: за стол садились в основном ученики и последователи Кенэ или люди, которых они представляли ему. В 1766 г. здесь провел несколько вечеров Адам Смит.

Школу физиократов часто называли сектой, причем в это слово не вкладывалось никакого дурного смысла или иронии, а имелась в виду лишь тесная идейная связь между последователями Кенэ. Адам Смит, относившийся к Кенэ с величайшим уважением, писал о секте в «Богатстве народов».

Каков был Кенэ? Из множества довольно разноречивых свидетельств современников складывается образ лукавого мудреца, слегка таящего свою мудрость под личиной простоватости; его сравнивали с Сократом. Говорят, он любил притчи с глубоким и не сразу понятным смыслом. Он был очень скро-

* *Marmontel J. F. Keuvres completes. T. 1. P., 1818. P. 291.*

** То есть языка придворных сплетен и интриг.

*** *Francois Quesnay et la physiocratie. T. 1. P., 1958. P. 240.*

мен и лично не честолюбив. Внешне Кенэ был неприметен, и новый человек, попав в его «антресольный клуб», не мог сразу понять, кто же здесь хозяин и председатель. «Умен, как дьявол», – сказал брат маркиза Мирабе, побывав у Кенэ. «Хитер, как обезьяна», – заметил какой-то придворный, послушав одну из его побасенок. Таков он на портрете, написанном в 1767 г.: некрасивое плебейское лицо с иронический полуулыбкой и умными, пронизывающими глазами.

Свое влияние на маркизу и на самого короля Кенэ использовал в интересах дела, которому он был теперь предан. Он содействовал (вместе с Тюрго) некоторому смягчению законодательства, устраивал издание сочинений своих единомышленников, а для Лемерсье добился назначения на крупный пост, где тот попытался провести первый физиократический эксперимент. Смерть мадам Помпадур в 1764 г. несколько подорвала позиции экономистов при дворе. Но Кенэ оставался лейб-медиком короля, который по-прежнему благоволил к нему.

10.8.3. Новая наука

Крестьянин, вспахав, удобрив и засеяв участок земли, собрал урожай. Он засыпал семена, отложил зерно на пропитание семьи, часть продал для приобретения самых необходимых городских товаров и с удовлетворением убедился, что у него еще есть какой-то избыток. Что может быть проще этой истории? А между тем именно подобные вещи натолкнули доктора Кенэ на разные мысли.

Кенэ хорошо знал, что будет с этим избытком: крестьянин отдаст его деньгами или натурой сеньору, королю и церкви. Он даже оценивал в одной из своих работ долю каждого получателя: сеньору – четыре седьмых, королю – две седьмых, церкви – одну седьмую. Возникают два вопроса. Первый: по какому праву эти трое с ложкой забирают у одного с сошкой значительную часть его урожая или дохода? Второй: откуда взялся избыток?

На первый вопрос Кенэ отвечал примерно так. О короле и церкви нечего говорить: это, так сказать, от Бога. Что касается сеньоров, то он находил своеобразное экономическое объяснение: их ренту можно рассматривать как законный процент на некие «поземельные авансы» (*avarices foncieres*) – капиталовложения, якобы сделанные ими вовремя для приведения земли в пригодное для обработки состояние. Трудно сказать, верил ли в это сам Кенэ. Во всяком случае, он не представлял себе земледелие без помещиков. Ответ на второй вопрос казался ему еще очевиднее. Земля, природа дала этот избыток! Столь же естественным образом он и достался тому, кто владеет землей.

Избыток сельскохозяйственного продукта, который образовался за вычетом всех издержек его производства, Кенэ называл *чистым продуктом* (*produit net*) и анализировал его производство, распределение и оборот. Чистый продукт в трактовке физиократов – это ближайший прообраз прибавочного продукта и прибавочной стоимости, хотя они односторонне сводили его к земельной ренте и считали естественным плодом земли. Однако их огромной заслугой было то, что они «перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства»*.

Почему Кенэ и физиократы обнаружили прибавочную стоимость только в земледелии? Потому, что там процесс ее производства и присвоения наиболее нагляден, очевиден. Его несравненно труднее разглядеть в промышленности. Суть дела заключается в том, что рабочий в единицу времени создает больше стоимости, чем стоит его собственное содержание. Но рабочий производит совсем не те товары, которые он потребляет. Он, может быть, всю жизнь делает гайки и винты, а ест он хлеб, порой мясо и, весьма вероятно, пьет вино или пиво. Чтобы разглядеть тут прибавочную стоимость, надо знать, как привести гайки и винты, хлеб и вино к какому-то общему знаменателю, т. е. иметь понятие о стоимости товаров. А такого понятия Кенэ не имел, оно его просто не интересовало.

Прибавочная стоимость в земледелии кажется даром природы, а не плодом неоплаченного человеческого труда. Она непосредственно существует в натуральной форме прибавочного продукта, особенно в хлебе. Строя свою модель, Кенэ брал в нее не бедного крестьянина-испольщика, а скорее своего излюбленного фермера-арендатора, который имеет рабочий скот и простейшее оборудование, а также нанимает батраков.

Размышления над хозяйством такого фермера толкнули Кенэ на известный анализ капитала, хотя слово «капитал» мы у него не встретим. Он понимал, что, скажем, затраты на осушение земли, строения, лошадей, плуги и бороны – это один тип авансов, а на семена и содержание батраков – другой. Первые затраты делаются раз в несколько лет и окупаются постепенно, вторые – ежегодно или непрерывно и должны окупаться каждым урожаем. Соответственно Кенэ говорил о первоначальных авансах – *avances primitives* (мы называем это основным капиталом) и ежегодных авансах – *avances annuelles* (оборотный капитал). Эти идеи были развиты Адамом Смитом. Теперь это азбука экономиста, но для своего времени такой анализ был огромным достижением. Маркс начинает исследование учения физиократов в «Теориях

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч 1. С. 12.

прибавочной стоимости» такой фразой: «Существенная заслуга физиократов состоит в том, что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*. Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономии»*. Введя эти понятия, Кенэ создал основу для анализа оборота и воспроизводства капитала, т. е. постоянного возобновления и повторения процессов производства и сбыта, что имеет огромное значение для рационального ведения хозяйства. Сам термин «*воспроизводство*», играющий такую важную роль в марксистской политической экономии, был впервые использован Кенэ.

Кенэ дал такое описание классовой структуры современного ему общества: «Нация состоит из трех классов граждан: *класса производительного, класса собственников и класса бесплодного*»**.

Странная на первый взгляд схема! Но она очень логично вытекает из основ учения Кенэ и отражает как его достоинства, так и недостатки. Производительный класс – это, конечно, земледельцы, которые не только возмещают затраты своего капитала и кормят себя, но и создают чистый продукт. Класс собственников – это получатели чистого продукта: помещики, двор, церковь, а также вся их челядь. Наконец, бесплодный класс – это все прочие, т. е. люди, говоря словами Кенэ, «выполняющие другие занятия и другие виды труда, не относящиеся к земледелию».

Как понимал Кенэ это бесплодие? Ремесленники, рабочие, торговцы у него бесплодны совсем в ином смысле, чем земельные собственники. Первые, разумеется, работают. Но своим трудом, не связанным с землей, они создают ровно столько продукта, сколько потребляют, они только преобразуют натуральную форму продукта, создаваемого в земледелии. Кенэ считал, что эти люди находятся как бы на заработной плате у двух остальных классов. Напротив, собственники не работают. Но зато они собственники земли, единственного фактора производства, который Кенэ считал способным увеличивать богатство общества. В присвоении чистого продукта и состоит их социальная функция.

Недостатки этой схемы велики. Достаточно сказать, что рабочие и капиталисты как в промышленности, так и в сельском хозяйстве зачисляются у Кенэ в один и тот же класс. Уже Тюрго отчасти исправил эту нелепость, а Смит полностью опроверг ее.

Или другая немаловажная деталь. Если капиталист получает только своего рода зарплату, то как, из чего может он накапливать капитал? Чтобы объяснить это, Кенэ делает такой фокус. Он говорит, что нормально, экономически «законно» только накопление из чистого продукта, т. е. из дохода

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч 1. С. 12.

** Кенэ Ф. Избранные экономические произведения. М.: Сопэкгиз, 1960. С. 360.

землевладельцев. Фабрикант же или купец могут накапливать лишь не совсем «законным» способом, урывая что-то из своей «зарплаты».

Эта точка зрения имела под собой то основание, что источники накопления в промышленности, где преобладали либо малопроизводительные ремесленные мастерские, либо полуфеодальные королевские мануфактуры, были очень слабы. Надежды Кенэ на экономический прогресс страны связывались с накоплением, которое имеет своим источником высокопроизводительное, капиталистически организованное фермерское хозяйство. При этом ему казалось не самым существенным, ведется ли оно на собственной или на арендованной земле. Он знал, что в Англии успешно развивали сельское хозяйство капиталистические фермеры, арендовавшие землю у лендлордов.

Посмотрим, какие практические выводы вытекали из учения Кенэ. Естественно, что первой рекомендацией Кенэ было всемерное поощрение земледелия в форме крупного фермерского хозяйства. Но далее следовали по меньшей мере две другие рекомендации, которые выглядели в то время не так безобидно. Кенэ считал, что налогом надо облагать только чистый продукт, как единственный подлинный экономический «излишек». Любые другие налоги обременяют хозяйство. Что же получалось? Те самые феодалы, на которых Кенэ возлагал столь важные и почетные социальные функции, должны были на деле платить все налоги. В тогдашней Франции дело обстояло как раз наоборот: они не платили никаких налогов. Кроме того, говорил Кенэ, поскольку промышленность и торговля находятся «на содержании» у земледелия, надо, чтобы это содержание обходилось возможно дешевле. А это будет при том условии, если отменить или хотя бы ослабить все ограничения и стеснения для производства и торговли. Физиократы выступили сторонниками *laissez faire*.

Таково было в главных чертах учение Кенэ. Такова была физиократия. При всех ее недостатках и слабостях это было цельное экономическое и социальное мировоззрение, прогрессивное для своего времени и в теории, и на практике.

Идеи Кенэ рассеяны во многих небольших по объему сочинениях и в работах его учеников и единомышленников. Собственные его произведения публиковались в разной форме и часто анонимно на протяжении 1756–1768 гг., а некоторые остались в рукописи, были разысканы и увидели свет лишь в XX в. Современному читателю нелегко разобраться в сочинениях Кенэ, хотя они умещаются в один не очень толстый том: его основные идеи многократно воспроизводятся и повторяются с трудно уловимыми оттенками и вариациями. В 1768 г. ученик Кенэ Дюпон де Немур опубликовал сочинение под заголовком «О происхождении и прогрессе новой науки». В нем подводились итоги развития учения физиократов.

10.8.4. Физиократы

Особенность физиократической теории состояла в том, что ее буржуазная сущность скрывалась под феодальной оболочкой. Хотя Кенэ и собирался обложить чистый продукт единым налогом, в основном он обращался к просвещенному интересу власть имущих, обещая им рост доходности земель и укрепление земельной аристократии.

И «хитрость» эта удалась в большой мере. Дело тут, конечно, не только в слепоте власть имущих. Дело в том, что снести земельную аристократию действительно могли только буржуазные реформы, как это случилось, – правда, в других условиях – в Англии. А в рецепте старого доктора Кенэ это горькое лекарство было изрядно подслащено и скрыто под привлекательной оберткой!

По этой причине школа физиократов в первые годы имела немалый успех. Ей покровительствовали герцоги и маркизы, иностранные монархи проявляли к ней интерес. И в то же время ее высоко ценили философы-просветители, в частности Дидро. Физиократам сначала удалось привлечь симпатии как наиболее мыслящих представителей аристократии, так и растущей буржуазии. С начала 60-х гг. кроме версальского «антресольного клуба», куда допускались только избранные, открылся своего рода публичный центр физиократии в доме маркиза Мирабо в Париже. Здесь ученики Кенэ (сам он не часто бывал у Мирабо) занимались пропагандой и популяризацией идей мэтра, вербовали новых сторонников. В ядро секты физиократов входили молодой Дюпон де Немур, Лемерсье де ла Ривьер и еще несколько человек, лично близких к Кенэ. Вокруг ядра группировались менее близкие к Кенэ члены секты, разного рода сочувствующие и попутчики. Особое место занимал Тюрго, отчасти примыкавший к физиократам, но слишком крупный и самостоятельный мыслитель, чтобы быть только рупором мэтра. То, что Тюрго не смог втиснуться в прокрустово ложе, срубленное плотником с версальских антресолей, заставляет нас с иной стороны посмотреть на школу физиократов и ее главу.

Конечно, единство и взаимопомощь учеников Кенэ, их безусловная преданность учителю не могут не вызывать уважения. Но это же постепенно становилось слабостью школы. Вся деятельность сводилась к изложению и повторению мыслей и даже фраз Кенэ. Его идеи все более застывали в виде жестких догм. На вторниках Мирабо свежая мысль и дискуссия все более вытеснялись как бы ритуальными обрядами. Физиократическая теория превращалась в своего рода религию, особняк Мирабо – в ее храм, а вторники – в богослужения.

Секта в смысле группы единомышленников превращалась в секту в том отрицательном смысле, какой мы вкладываем в это слово теперь: в группу слепых приверженцев жестких догм, отгораживающих их от всех инакомыслящих. Дюпон, ведавший печатными органами физиократов, «редактировал» все, что попадало в его руки, в физиократическом духе. Самое смешное, что он считал себя большим физиократом, чем сам Кенэ, и уклонялся от публикации переданных ему ранних работ последнего (когда Кенэ писал их, он был, по мнению Дюпона, еще недостаточно физиократом).

Такому развитию дел способствовали некоторые черты характера самого Кенэ. Д. И. Розенберг в «Истории политической экономии» замечает: «В отличие от Вильяма Петти, с которым Кенэ делит честь именоваться творцом политической экономии, Кенэ был человеком непоколебимых принципов, но с большой склонностью к догматизму и доктринерству»*. С годами такая склонность увеличивалась, да и поклонение секты этому способствовало.

Считая истины новой науки «очевидными», Кенэ становился нетерпим к другим мнениям, а секта во много раз усиливала эту нетерпимость. Кенэ был убежден в универсальной применимости своего учения независимо от условий места и времени.

Его скромность ни на йоту не уменьшилась. Он отнюдь не искал славы, но она сама находила его. Он вовсе не принижал своих учеников, но они принижали себя сами. В последние годы Кенэ стал невыносимо упрям. В 76 лет он занялся математикой и возомнил, что сделал важные открытия в геометрии. Д'Аламбер признал эти открытия вздором. Друзья в один голос уговаривали старца не делать из себя посмешище и «не публиковать работу, где он излагал свои идеи. Все было напрасно. Когда в 1773 г. это сочинение все же вышло, Тюрго сокрушался: «Это же скандал из скандалов, это солнце, которое потускнело». На это можно, видимо, ответить только пословицей: и на солнце бывают пятна.

Кенэ умер в Версале в декабре 1774 г.

Физиократы не могли никем его заменить. К тому же они уже пережили упадок. Правление Тюрго в 1774–1776 гг. оживило их надежды и деятельность, но тем сильнее был удар, нанесенный его отставкой. К тому же 1776 г. – это год выхода в свет «Богатства народов» Адама Смита. Французские экономисты следующего поколения – Сисмонди, Сэй и др. – больше опирались на Смита, чем на физиократов. В 1815 г. Дюпон, уже глубокий старик, в письме попрекал Сэя тем, что он, вскормленный на молоке Кенэ, «бьет свою кормилицу». Сэй отвечал, что после молока Кенэ он съел немало хлеба и мяса, т. е. изучил Смита и других новых экономистов. В конечном счете Сэй отказался и от главных прогрессивных элементов учения Смита.

* Розенберг Д. И. История политической экономии. М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 1. С. 88.

Коренная причина распада физиократической школы и уменьшения популярности идей Кенэ в 70–80-х гг. состоит в том, что потерпели неудачу ее попытки подготовить классовый компромисс между дворянством и буржуазией. Королевская власть оказалась неспособной играть роль арбитра и примирителя между обоими классами. Утратив покровительство двора, последователи Кенэ стали подвергаться нападкам феодальной реакции. В то же время им было не по пути с левым, демократическим направлением в просветительстве. Тем не менее физиократы сыграли большую роль в развитии общественных идей во Франции и в становлении политической экономики как науки.

10.8.5. «Зигзаг» гоктора Кенэ

Как пишет в своих мемуарах Мармонтель, уже с 1757 г. доктор чертил свои «зигзаги чистого продукта». Это была «Экономическая таблица», которая неоднократно издавалась и толковалась в трудах самого Кенэ и его учеников. Она существует в нескольких вариантах. Однако во всех вариантах «Таблица» представляет собой одно и то же: в ней изображается с помощью числового примера и графика, как создаваемый в земледелии валовой и чистый продукт страны обращается в натуральной и денежной форме между тремя классами общества, которые выделял Кенэ.

Чтобы показать хотя бы в основных чертах трактовку «Экономической таблицы» с точки зрения современной науки, воспользуемся словами академика Василия Сергеевича Немчинова. В работе «Экономико-математические методы и модели» он пишет: «В XVIII в. на заре развития экономической науки... Франсуа Кенэ... создал «Экономическую таблицу», явившуюся гениальным взлетом человеческой мысли. В 1958 г. исполнилось 200 лет с момента опубликования этой таблицы, однако идеи, заложенные в ней, не только не померкли, а приобрели еще большую ценность... Если охарактеризовать таблицу Кенэ в современных экономических терминах, то ее можно считать первым опытом макроэкономического анализа, в котором центральное место занимает понятие о совокупном общественном продукте... «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ – это первая в истории политической экономики макроэкономическая сетка натуральных (товарных) и денежных потоков материальных ценностей. Заложенные в ней идеи – это зародыш будущих экономических моделей. В частности, создавая схему расширенного воспроизводства, К. Маркс отдал должное гениальному творению Франсуа Кенэ...»*.

* Немчинов В. С. Экономико-математические методы и модели. М.: Мысль, 1965. С. 175, 177.

Основной смысл приведенных цитат понятен читателю, но детали, возможно, стоит пояснить. Макроэкономический анализ – это анализ совокупных экономических величин (общественный продукт, национальный доход, капиталовложения и потребление нации) и связанные с этим экономические проблемы. В противоположность этому микроэкономика – анализ категорий и проблем товара, стоимости, цены и т. п., а также кругооборота индивидуального капитала. Макроэкономическая модель Кенэ – это гипотетическая, построенная на известных допущениях и постулатах схема воспроизводства и обращения общественного продукта. Она послужила одной из главных точек опоры, которые использовал Маркс в своих схемах воспроизводства.

В письме Энгельсу от 6 июля 1863 г. он впервые описывает свои исследования в этой области и набрасывает числовой и графический пример: как возникает совокупный продукт из затрат постоянного капитала (сырье, топливо, машины), переменного капитала (зарплата рабочих) и прибавочной стоимости. Образование продукта происходит в двух различных подразделениях общественного производства: там, где производятся машины, сырье и т. п. (первое подразделение), и там, где производятся предметы потребления (второе подразделение)*.

Насколько Маркс вдохновлялся идеями Кенэ, свидетельствует тот факт, что непосредственно под своей схемой он изобразил в письме «Экономическую таблицу», вернее, самую ее суть. Схема Маркса даже в этом первоначальном виде, конечно, резко отличается от «Таблицы» Кенэ: в ней показан действительный источник прибавочной стоимости – эксплуатация наемного труда капиталистами. Но важно то, что у Кенэ содержалась в зародыше важнейшая идея: *процесс воспроизводства и реализации может бесперебойно совершаться только при соблюдении определенных народно-хозяйственных пропорций.*

И Кенэ в «Таблице», и Маркс в этой первой схеме исходили из простого воспроизводства, при котором производство и реализация повторяются каждый год в прежних размерах, без накопления и расширения производства. Это естественный путь от простого к сложному, от частного к более общему.

Во втором томе «Капитала», который был опубликован Энгельсом уже после смерти его автора, Маркс развил теорию простого воспроизводства и заложил основы теории *расширенного воспроизводства*, т. е. воспроизводства с накоплением и увеличением объема производства.

* В этом письме Маркс еще считает, наоборот, первым подразделением производство жизненных средств. В. С. Немчинов отмечает, что Маркс поступает так, «как бы следуя в этом за физиократами».

Главная проблема, которой занимался Кенэ, – это, говоря языком современной науки, проблема основных народно-хозяйственных пропорций, обеспечивающих развитие экономики. Достаточно назвать эту проблему, чтобы понять ее крайнюю актуальность и важность для современности. Можно сказать, что идеи Кенэ лежат в основе составляемых теперь и в нашей стране, и в других странах балансов межотраслевых связей. Эти балансы отражают производственные взаимоотношения отраслей и играют все большую роль в управлении хозяйством.

Межотраслевой баланс (иначе называемый баланс затраты – выпуск) дает наиболее полный исходный статистический материал для анализа производства и распределения совокупного общественного продукта и для планирования экономически обоснованных народно-хозяйственных пропорций. Внедрение этого метода – одно из самых значительных и практически важных достижений экономической науки нашего времени.

10.9. Тюрго: мыслитель, министр, человек

Двухлетнее правление Тюрго при короле Людовике XVI – драматическая страница истории предреволюционной Франции. Реформаторская деятельность Тюрго потерпела неудачу: он пытался реформами поправить то, что могла «поправить» уже только революция.

В этом человеке было что-то от Дон-Кихота. Впрочем, он был скорее Дон-Кихотом не по характеру, а по воле обстоятельств: иногда донкихотством оказываются самые разумные идеи и целесообразные действия. Но это сравнение уместно еще в одном отношении: лично Тюрго был человеком большого душевного благородства, безусловной принципиальности и редкого бескорыстия. Эти качества были при дворе Людовиков XV и XVI столь же странными и неуместными, как в мире, созданном воображением Сервантеса.

10.9.1. Мыслитель

Тюрго родился в 1727 г. в Париже, он происходил из старинной нормандской дворянской семьи, имевшей вековые традиции государственной службы. Его отец занимал в Париже должность, соответствующую современной должности префекта или мэра. Тюрго был третьим сыном, и, согласно традиции, семья предназначала его для церкви. Благодаря этому Тюрго получил лучшее образование, какое было возможно в то время. Окончив с блеском се-

минарию и готовясь к ученому званию, 23-летний аббат, гордость Сорбонны и восходящая звезда католицизма, неожиданно оставил духовную карьеру.

Это – решение зрелого и мыслящего человека. Много занимаясь в эти годы философией, изучая английских мыслителей, Тюрго пишет ряд философских работ, направленных против субъективного идеализма, который объявлял весь внешний мир порождением сознания человека. Способности Тюрго с юных лет поражали учителей и товарищей. Он хорошо знал шесть языков, изучал множество разных наук, обладал феноменальной памятью. В 22 года Тюрго пишет замечательную по глубине мысли работу о бумажных деньгах, анализирует систему Ло и ее пороки. Но пока экономические вопросы занимают Тюрго лишь в рамках широких философско-исторических проблем.

В 1752 г. Тюрго получает судебную должность в парижском парламенте, а в следующем покупает на свою скромную долю наследства место докладчика судебной палаты. Служба не мешает ему усиленно заниматься науками и вместе с тем посещать салоны, где концентрируется умственная жизнь Парижа. Как в светских, так и в философских салонах молодой Тюрго скоро становится одним из лучших украшений. Он сближается с Дидро, д'Аламбером и их помощниками по «Энциклопедии». Тюрго пишет для «Энциклопедии» несколько статей – философских и экономических.

Важнейшую роль в жизни Тюрго сыграл видный прогрессивный чиновник Венсан Гурнэ, ставший в области экономики его наставником. Гурнэ, в отличие от физиократов, считал промышленность и торговлю важнейшими источниками процветания страны. Однако вместе с ними он выступал против цеховых ограничений ремесла, за свободу конкуренции. Как уже говорилось, ему иногда приписывают знаменитый принцип *laissez faire, laissez passer*. Тюрго совершил вместе с Гурнэ, занимавшим пост интенданта торговли, ряд поездок по провинциям с целью инспектирования торговли и промышленности. Когда по возвращении в Париж Тюрго стал вместе с Гурнэ бывать в «антресольном клубе» Кенэ, он был уже закален против крайностей физиократии. Хотя Тюрго был согласен с некоторыми основными идеями Кенэ и относился к нему лично с большим уважением, он во многом шел в науке своим путем. Гурнэ умер в 1759 г. В «Похвальном слове Венсану де Гурнэ», написанном сразу после его смерти, Тюрго не только дал характеристику взглядов своего покойного друга, но и впервые систематически изложил свои собственные экономические идеи.

Научная и литературная деятельность Тюрго была прервана в 1761 г. назначением на должность интенданта (губернатора) глухой Лиможской провинции. В Лиможе Тюрго провел 13 лет, периодически наезжая в Париж и живя там в зимние месяцы.

Интендант, как главный представитель центральной власти, ведал всеми хозяйственными вопросами в провинции. Но главная его обязанность состояла в сборе налогов для короля.

Очутившись в этой глуши, Тюрго, очевидно, первое время ощущал нечто вроде того, что испытывают молодые, исполненные добрых намерений помещики у Льва Толстого, столкнувшись с жестокой действительностью, с невежеством и косностью забитых крестьян. Тюрго писал: «Почти нет крестьян, умеющих читать и писать, и очень мало таких, на ум или честность которых можно рассчитывать; это упрямая раса людей, которые сопротивляются даже таким переменам, которые направлены на улучшение их жизни»*.

Но у Тюрго не опустились руки. Человек энергичный, даже самоуверенный и властный, он, вопреки всем трудностям, начинает проводить в своей провинции известные реформы. Он стремится упростить систему взимания налогов; заменяет ненавистную для крестьян дорожную повинность вольнонаемным трудом и строит хорошие дороги; организует борьбу с эпидемиями скота и вредителями посевов; внедряет среди населения картофель и, подавая пример, приказывает повару ежедневно готовить к обеду для себя и гостей картофельное блюдо.

Ему пришлось столкнуться с неурожаем и голодом. Действуя в борьбе с бедствиями смело и разумно, он по необходимости отступал от своих теоретических принципов, требовавших все предоставить частной инициативе, свободной конкуренции и естественному ходу событий. Тюрго действовал как прогрессивный и гуманный администратор, но в условиях монархии Людовика XV он мог сделать слишком мало.

Из своего Лиможа и во время поездок в Париж Тюрго следит за успехами физиократов. Он сближается с Дюпоном, знакомится с приехавшим в Париж Адамом Смитом. Однако его основная продукция в эти годы – бесконечные доклады, отчеты, служебные записки и циркуляры. Лишь в редкие свободные часы, урывками может он заниматься наукой. Так, почти случайно, пишет Тюрго в 1766 г. свою главную экономическую работу – «Размышления о создании и распределении богатств»: основные идеи давно сложились у него в голове и фрагментами были уже изложены на бумаге, в том числе в официальных документах.

История этой работы необычна. Тюрго написал ее по просьбе друзей в качестве учебника или руководства для двух молодых китайцев, привезенных иезуитами-миссионерами для обучения во Францию. Дюпон опубликовал ее в 1769–1770 гг. По своему обычаю он «причесал» Тюрго под физиократа, в результате чего между ними возник острый конфликт. В 1770 г. Тюрго сам

* Цит. по: *Dakin D. Turgot and the Ancien Regime in France*. N. Y., 1965. P. 37.

выпустил отдельное издание. «Размышления» написаны с блестящим лаконизмом, напоминающим лучшие страницы Петти. Это 100 сжатых тезисов, своего рода экономических теорем (кое-что, правда, принимается в качестве аксиом). Теоремы Тюрго четко делятся на три части.

До теоремы 31 включительно Тюрго – физиократ, ученик Кенэ. Но теории чистого продукта он придает оттенок, который заставляет Маркса заметить: «У Тюрго физиократическая система приняла наиболее развитый вид»*. Развитый не в смысле развития ее ошибочных исходных положений, а в смысле наиболее научного толкования действительности в рамках физиократии. Тюрго приближается к пониманию прибавочной стоимости, незаметно переходя от «чистого дара природы» к создаваемому трудом земледельца излишку продукта, который присваивает собственник главного средства производства – земли.

Следующие 17 теорем посвящены стоимости, ценам, деньгам. На этих страницах Тюрго, а также в некоторых других его сочинениях буржуазные экономисты через 100 лет обнаружили первые зачатки субъективных теорий, которые расцвели пышным цветом к концу XIX в. Как и вся французская политическая экономия, Тюрго оказался не способен даже приблизиться к трудовой теории стоимости. По Тюрго, меновая стоимость и цена товара определяются соотношением потребностей, интенсивностью желаний вступающих в обмен лиц, продавца и покупателя. Но эти мысли у Тюрго мало связаны с костяком его учения.

Право на одно из самых почетных мест в истории экономической мысли дают Тюрго в основном последние 52 теоремы.

Уже говорилось, что общество в системе физиократов состоит из трех классов: производительного (земледельцы), собственников земли и бесплодного (все прочие). Тюрго делает замечательное дополнение к этой схеме. Последний класс у него «распадается, так сказать, на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов; все они являются обладателями больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, давая работу за счет своих авансов. Второй разряд состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего, кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к получению заработной платы»**. О том, что заработная плата этих пролетариев сводится к минимуму средств существования, Тюрго говорит в другом месте. Совершенно аналогично «класс земледельцев, как и класс фабрикантов, распадается на два разряда людей: на предпринимателей,

* Тюрго А. Р. Ж. Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 21961. С. 129.

** Тюрго особо оговаривает также страховой фонд, который должен выделяться из стоимости продукта на случаи непредвиденных затрат (падеж животных и т. п.).

или капиталистов, дающих авансы, и на простых рабочих, получающих заработную плату»*.

Эта модель общества, состоящего из пяти классов, ближе к действительности, чем модель Кенэ, делящего общество на три класса. Она как бы представляет собой мост между физиократами и английскими классиками, которые четко выделили три главных класса с точки зрения их отношения к средствам производства: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Они избавились от принципиального разграничения промышленности и сельского хозяйства, на что еще не может решиться Тюрго.

Другим его замечательным достижением был анализ капитала, значительно более глубокий и плодотворный, чем у Кенэ. Последний толковал капитал в основном лишь как сумму авансов в различной натуральной форме (сырье, оплата труда и т. п.), поэтому капитал у него недостаточно связан с проблемой распределения продукта между классами общества. В системе Кенэ не было места прибыли; капиталист у него, так сказать, «сидел на зарплате», и Кенэ не исследовал, какими законами определяется эта «зарплата».

Здесь Тюрго делает большой шаг вперед. Он уже не может обойтись без прибыли и даже, руководимый верным чутьем, начинает ее рассмотрение с промышленного капиталиста: здесь происхождение прибыли, действительно, видно яснее, так как глаза не закрывает физиократический предрассудок о том, что «весь избыток происходит из земли».

Тюрго-физиократ, далее, забавным образом извиняется за то, что он «несколько нарушил естественный порядок» и лишь во вторую очередь обращается к земледелию. Но он напрасно извиняется. Напротив, он рассуждает очень верно: фермер-капиталист, использующий наемный труд, должен иметь по меньшей мере такую же прибыль на свой капитал, как и фабрикант, плюс некоторый избыток, который он должен отдать землевладельцу в качестве ренты.

Пожалуй, самая удивительная теорема – 62-я. Вложенный в производство капитал обладает способностью самовозрастания. Чем определяется степень, пропорция этого самовозрастания?

Тюрго пытается объяснить, из чего состоит стоимость продукта, создаваемого капиталом (в действительности трудом, который эксплуатируется данным капиталом). Прежде всего в стоимости продукта возмещается затрата капитала, в том числе заработная плата рабочих**. Остальная часть (в сущности, прибавочная стоимость) распадается на три части.

Первая – прибыль, равная доходу, который капиталист может получить «без всякого труда» как собственник денежного капитала. Это часть прибы-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 530.

** Там же.

ли, соответствующая ссудному проценту. Вторая часть прибыли оплачивает «труд, риск и искусство» капиталиста, который решается вложить свои деньги в фабрику или ферму. Это предпринимательский доход. Таким образом Тюрго наметил распадение промышленной прибыли, ее деление между ссудным и функционирующим капиталом. Третья часть – земельная рента. Она существует только для капиталов, занятых в земледелии. Безусловно, этот анализ был новым словом в экономической науке.

Но тут же Тюрго сворачивает на иной путь. Он отходит от правильной точки зрения, что прибыль – основная, обобщающая форма прибавочной стоимости, из которой вытекают и процент, и рента. Сначала он сводит прибыль к проценту: это тот минимум, на который имеет право всякий капиталист. А если он вместо того, чтобы спокойно сидеть за своей конторкой, лезет в дым и гарь фабрики или жарится на солнце, следя за батраками, то ему полагается некоторая надбавка – особого рода зарплата. Далее, процент, в свою очередь, сводится к земельной ренте: ведь самое простое, что можно сделать с капиталом, – это купить участок земли и без хлопот сдавать его в аренду. Теперь основной формой прибавочной стоимости оказывается земельная рента, а остальные – производные от нее. Опять все общество «сидит на зарплате», которую производит только земля. Тюрго возвращается в лоно физиократии.

Как известно, даже ошибки больших мыслителей плодотворны и важны. Это можно сказать и о Тюрго. Рассматривая различные формы приложения капитала, он ставит важнейшие вопросы о конкуренции капиталов, о естественном уравнивании нормы прибыли благодаря возможностям их перелива из одной сферы приложения в другую. Следующий важный шаг в решении этих проблем, в сущности, сделал уже Рикардо. Эти поиски французской и английской классической экономии постепенно подводят к решению, которое дал Маркс в III томе «Капитала» теориями прибыли и цены производства, ссудного капитала и процента, земельной ренты.

10.9.2. Министр

Короли Бурбоны оставляли потомству афоризмы. Генрих IV, согласно легенде, сказал, что Париж стоит мессы. Людовик XIV выразил суть абсолютной монархии в знаменитой формуле: «Государство – это я». Людовик XV произнес не менее знаменитую фразу: «После нас – хоть потоп». Людовик XVI не оставил афоризма, может быть, потому, что ему скоро отрубили голову, а может быть, потому, что был просто слишком незначителен. Как говорил Мирабо (сын маркиза-физиократа), в королевской семье Людовика XVI единственным мужчиной была королева Мария Антуанетта.

Людовик XV умер от оспы в мае 1774 г. Последние годы его жизни были отмечены жестокой реакцией и кризисом финансов. Смерть деспота обычно приносит какие-то либеральные веяния, даже если на пороге власти стоит новый деспот. Так было после смерти Людовика XIV, а в России – после смерти Павла I и Николая I. Смерть старого короля вызвала во всей Франции вздох облегчения. Философы надеялись, что 20-летний король, человек мягкий и податливый, откроет наконец «эру разума», осуществит их идеи. Новую пищу этим надеждам дало высокое назначение Тюрго, который стал сначала морским министром, а через несколько недель занял пост генерального контролера финансов и взял на себя руководство фактически всеми внутренними делами страны.

Много раз писали, что Тюрго попал в министры случайно: его друг аббат Вери шепнул графине Морена, последняя нажала на своего супруга, фаворита нового короля, и т. д. Это верно лишь отчасти. Действительно, назначение Тюрго было результатом интриг. Старая придворная лиса Морена рассчитывал использовать в своих интересах его популярность и хорошо известную честность. До идей и проектов Тюрго ему было мало дела.

Но это не вся история. Как никогда ранее, в стране ощущалась необходимость каких-то перемен. Это понимала даже феодально-аристократическая верхушка. Нужен был свежий человек, не связанный с придворной камарильей, не запятнанный казнокрадством. Такой человек нашелся – это был Тюрго. Беря на себя расчистку авгиевых конюшен финансов и хозяйства страны, Тюрго отнюдь не тешил себя иллюзией, что это легкая задача. Он с полным сознанием взял на плечи ношу и понес ее, не сгибаясь под ней. Это был путь смелых буржуазных реформ, которые в глазах Тюрго были необходимы с точки зрения общечеловеческого разума и прогресса.

В Версале он пришелся в буквальном смысле не ко двору. Обладая многими талантами, он не имел того дара, о котором говорил Талейран: использовать язык не для того, чтобы изъяснять свои мысли, а чтобы скрывать их.

Личность Тюрго замечательна тем, что он сочетал в себе талант глубокого ученого-новатора с блестящими способностями практика, государственного деятеля. Это нечасто встречается в истории экономической науки.

Маркс писал: «Тюрго был великим человеком, ибо он соответствовал своему времени...»*. И в другой работе: «Он был одним из интеллектуальных героев, свергнувших старый режим...»**.

Что же сделал Тюрго, будучи министром? Невероятно много, если учесть короткий срок его деятельности и огромные трудности, на которые он наталкивался. Очень мало, если судить по конечным, долговременным резуль-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 15. С. 384.

** Там же.

татам. Однако именно неудача Тюрго имела революционное значение. Если такой человек, как Тюрго, не смог провести реформы, значит, реформы были невозможны. Поэтому от реформ Тюрго прямая дорога ведет к взятию Бастилии в 1789 г. и к штурму дворца Тюильри в 1792 г.

Самой насущной задачей, за которую с первого дня взялся Тюрго, было оздоровление финансов государства. Он имел долгосрочную программу, включавшую такие радикальные реформы, как ликвидация системы налоговых откупов и обложение доходов от земельной собственности. Эту программу Тюрго не стремился оглашать, хорошо понимая, как будут на нее реагировать заинтересованные круги. Пока же он с большой настойчивостью проводил многочисленные частные меры, устраняя самые вопиющие нелепости и несправедливости в налоговой системе, облегчая бремя налогов для промышленности и торговли, прижимая налоговых откупщиков. С другой стороны, Тюрго попытался ограничить расходы бюджета, из которых главным было содержание двора. Здесь его воля скоро столкнулась с капризной и злой волей расточительной Марии Антуанетты. Тюрго удалось добиться некоторого улучшения в бюджете и восстановления кредита государства. Но зато число врагов министра быстро увеличивалось, а их активность возростала.

Важным экономическим мероприятием Тюрго было введение свободной торговли зерном и мукой и ликвидация монополии, которую захватили при поддержке прежнего министра ловкие проходимцы. Эта в принципе прогрессивная мера создала, однако, для него большие осложнения. Урожай 1774 г. был небогатый, и следующей весной цены на хлеб заметно поднялись. В нескольких городах, особенно в Париже, произошли народные волнения. Хотя доказать это никому не удалось, есть основания полагать, что волнения были в большой мере спровоцированы и организованы врагами Тюрго с целью подорвать его положение. Министр твердой рукой подавил беспорядки. Возможно, он полагал, что народ не понял собственного интереса и ему надо объяснить этот интерес любыми средствами. Все это было использовано против Тюрго его недругами, в число которых тайно перешел и Морена: чем дальше, тем больше он опасался Тюрго и завидовал ему.

А Тюрго, не оглядываясь, шел дальше. В начале 1776 г. он добился одобрения королем шести эдиктов, которые более, чем все принятые ранее меры, подрывали феодализм. Важнейшими из них были два: об отмене дорожной повинности крестьян и об упразднении ремесленных цехов и гильдий. Второй эдикт Тюрго не без оснований рассматривал как необходимое условие быстрого роста промышленности и сословия капиталистических предпринимателей. Эдикты натолкнулись на ожесточенное сопротивление, центром которого стал парижский парламент, — они могли стать законами лишь после

так называемой регистрации парламентом. Борьба продолжалась более двух месяцев. Лишь 12 марта Тюрго добился регистрации, и законы вступили в силу.

Это была пиррова победа. Все силы старого порядка теперь сплотились против министра-реформатора: придворная камарилья, высшее духовенство, дворянство, судейское сословие и цеховая буржуазия

Народ в какой-то степени понимал демократический смысл реформ Тюрго. Крестьяне радовались избавлению от ненавистной барщины на королевских дорогах, но едва ли слышали его имя. Более грамотные парижские подмастерья и ученики ликовали и славили Тюрго в куплетах. Но народ был далеко внизу, а враги – рядом и наверху. Веселые куплеты подмастерьев вместе с дельными статьями физиократов тонули в мутном потоке злобных памфлетов, издевательских стихов и карикатур, который захлестнул Париж. Пасквилянты изображали Тюрго то злым гением Франции, то беспомощным и непрактичным философом, то марионеткой в руках «секты экономистов». Только на неподкупную честность Тюрго они не посягали: таким обвинением никто бы не поверил.

Вся эта кампания направлялась и финансировалась придворной кликой. Другие министры составляли заговоры против Тюрго. Королева истерично требовала от Людовика отправить его в Бастилию. Брат короля выпустил один из самых ядовитых пасквилей.

В этом содоме непреклонно твердый, гордый и одинокий Тюрго поистине представлял величественную и трагическую фигуру.

Его падение стало неизбежным. Людовик XVI наконец уступил нажиму, которому он давно подвергался с разных сторон. Король не решился в глаза сказать своему министру об отставке: приказание сдать дела принес Тюрго королевский посланец. Это произошло 12 мая 1776 г. Большинство проведенных им мер, в частности, указанные выше эдикты, были вскоре полностью или частично отменены. Почти все пошло по-прежнему. Единомышленники и помощники Тюрго, которых он привлек к работе в государственном аппарате, ушли вместе с ним, а некоторые были высланы из Парижа. Надежды физиократов и энциклопедистов рухнули.

10.9.3. Человек

Хотя Тюрго еще не было 50 лет, здоровье его было сильно расстроено. Особенно мучили его приступы подагры. Из 20 месяцев, которые он был министром, семь месяцев провел в постели. Тем не менее его работа не прерывалась ни на один день: он диктовал проекты законов, доклады и письма,

принимал чиновников, инструктировал помощников. В кабинет короля его иногда носили в портшезе.

Он и далее презирал болезнь, хотя она упорно преследовала его. Часто он мог ходить только на костылях, которые с мрачным юмором называл «мои лапы». Впрочем, умер он от болезни печени. Это случилось в мае 1781 г., ровно через пять лет после отставки.

Друзей поражало спокойствие духа, с которым Тюрго переносил свою опалу и крах его реформ. Он мог шутить даже по поводу вскрытия цензорами его писем. Казалось, он удалился в частную жизнь с удовольствием: в течение 15 лет, пока он был интендантом и министром, ему не хватало времени на книги, научные занятия и общение с друзьями. Теперь он получил это время.

В июне 1776 г. он пишет своему секретарю и другу Кайяру: «Досуг и полная свобода представляют собой главный чистый продукт двух лет, которые я провел в министерстве. Я постараюсь использовать их (досуг и свободу.– А. А.) с приятностью и пользой».

В письмах Тюрго последних лет множество упоминаний о его библиотеке, которую он за несколько месяцев до смерти разместил в купленном им новом доме. Во многих письмах он обсуждает вопросы литературы и музыки, говорит о своих занятиях физикой и астрономией.

В 1778 г. в качестве годовичного президента Академии надписей и изящной словесности он торжественно вводит в число академиков своего нового друга – Б. Франклина. Для Франклина, как посла восставших американских колоний, он пишет свое последнее экономическое сочинение – «Мемуар о налогах». Американские дела в эти годы сильно волнуют его, как и все французское общество. Со всегда свойственным ему оптимизмом он надеется, что заокеанская республика избегнет ошибок и пороков дряхлой феодальной Европы.

Тюрго – постоянный гость в салонах своего старого друга герцогини д'Анвиль и вдовы философа Гельвеция, где собираются самые свободомыслящие и просвещенные люди. Разум великого поклонника человеческого разума оставался острым и ясным до последнего дня. Тюрго был в жизни несколько суровым и суховатым человеком. Недостаток гибкости, излишнюю прямолинейность ему порой ставили в упрек. Это, видимо, затрудняло общение с ним иногда даже близких к нему людей и отпугивало людей малознакомых.

Особенно его раздражали в людях лицемерие, легкомыслие, непоследовательность. Придворных манер Тюрго не имел и не усвоил. Версальских шаркунов, пишет его биограф, смущала и пугала одна его внешность – «пронизывающие темные глаза, массивный лоб, величественные черты, сама посадка головы и достоинство, как у римской статуи».

11. ХОЗЯЙСТВО ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мануфактурный период, как уже сказано, период переходный, когда капиталистическое хозяйство «сосуществовало» с феодальным, будучи еще не в силах его победить. Со второй половины XVIII в. капитализм одерживает решительную победу, причем рост производства с этого времени резко ускоряется. В чем заключались преимущества капитализма, которые сделали неизбежной его победу?

1. Феодалы не любили и не умели заниматься хозяйством. Это военное сословие. Профессия феодалов – военное дело, хозяйство для них только источник доходов, которые они тратят на свое потребление, на роскошь, отличающую их от простолюдинов.

Буржуа – хозяйственник по профессии. Для него хозяйство – главное, и хозяйству он посвящает не только всю свою энергию, но и деньги, т. е. полученную от хозяйства прибыль он старается вложить обратно в хозяйство, чтобы увеличить свой капитал.

2. При феодализме технический прогресс был крайне медленным, потому что классический феодализм – это натуральное хозяйство, а при натуральном хозяйстве нет стимулов к техническому прогрессу. Крестьянину незачем производить продукции больше, чем требуется для себя и феодальной ренты, а в ремесле этот прогресс был под запретом.

При капитализме появляется сильный стимул технического прогресса – конкуренция. Если капиталист вводит новую технику, он получает дополнительную прибыль. При этом техническая перестройка одного предприятия становится обязательной и для других: кто отстает в техническом отношении, тот разоряется. Поэтому изобретательство, новая техника получают стремительное распространение.

3. Для феодализма было характерно мелкое производство – ремесленник в городе, крестьянин в деревне. Производственной единицей в сельском хозяйстве было хозяйство крестьянина, а не феодала. Даже если крестьянин работал на барщине, на господском поле, он имел свои орудия труда. Феодал в принципе не вкладывал в производство капитал, не покупал производственного оборудования.

Капитализм обобществляет производство, заменяет эти мелкие семейные хозяйственные ячейки крупными предприятиями. А крупное производство давало возможность применять машины.

4. При феодализме крестьянин имел свое хозяйство и был экономически независим от феодала. Его можно было только внешнеэкономическим принуждением, силой заставить работать на феодала или отдавать ему часть своей продукции.

Капиталисту не надо заставлять работать на него. Рабочий умрет от голода, если не будет работать на капиталиста. Он сам ищет себе эксплуататора и встает в очередь, если работы не хватает. О таком положении феодал не мог и мечтать.

Эти преимущества не только обеспечили его победу, но и ускорили темпы технического и экономического прогресса,

Но почему капитализм побеждает только со второй половины XVIII в.? Потому что с этого времени начинается промышленный переворот – переход от мануфактуры к фабрике, от ручного труда к машинам. Мануфактура с ее ручным трудом еще не могла использовать преимущества капитализма, преимущества крупного производства перед мелким.

Но вымышленный переворот это не только переворот в технике, он сопровождается изменениями и в общественных отношениях. К. Маркс писал: «Машины – средство производства прибавочной стоимости»*. Увеличивая производительность труда, т. е. количество продукции на работника, машины увеличивают величину лишь прибавочного продукта, а необходимый продукт остается прежним. Если при переходе к машинам рабочий производит в 10 раз больше продукции, чем прежде, то его зарплата, расходы на его содержание не увеличиваются в 10 раз. Правда, нужно учитывать, что производительность труда повысилась не потому, что рабочий стал интенсивней или дольше работать, а потому что хозяин предприятия заплатил за машину. Эту машину изготовили тоже рабочие, и часть стоимости машины пошла на оплату их труда. Кроме того, если рабочий изготовил в 10 раз больше продукции, то выручка от продажи этой продукции выросла не в 10 раз, а меньше: переход к машинному производству существенно понижал цены продукции.

И все же, если на мануфактурной стадии производства рабочий еще мог надеяться стать капиталистом, то завести оснащенную машинами фабрику на свои сбережения рабочий явно не мог. Между рабочим и капиталистом вырастает стена. Промышленный переворот завершает формирование двух классов буржуазного общества – буржуазии и пролетариата.

В разных странах переворот происходил в разное время, но раньше всего начался в Англии, на примере которой мы и будем рассматривать ход этого переворота.

Принято считать, что в Англии он начался в 70-х гг.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 382.

XVIII в. и закончился в 20-х гг. XIX в. На континенте промышленная революция началась лишь в начале XIX в., когда во Франции распространилось механическое хлопкопрядение. В германских землях переход к машинной индустрии начинается в середине XIX в., в России – в последней трети XIX в. И лишь в начале XX в. промышленная революция охватывает всю Европу.

К тому же следует выделить три этапа промышленной революции. Начинается она в большинстве стран с хлопчатобумажной промышленности и быстро охватывает другие отрасли легкой промышленности. Лишь после этого, на втором этапе, она распространяется на тяжелую промышленность. Дело в том, что до переворота в легкой промышленности для тяжелой не было достаточно емкого рынка сбыта. Пока не было машин, не могло быть машиностроения. Первые машины изготавливались или в кустарных мастерских, или на самих текстильных предприятиях, для которых они предназначались. Лишь в первой половине XIX в. появились металлообрабатывающие станки – токарные, фрезерные, сверлильные, а в середине этого века начали действовать машиностроительные заводы. Так что и в Англии промышленный переворот еще не завершился в 20-х гг.

XIX в. Во второй половине XIX в. ведущей отраслью европейской промышленности стала металлургия, которая обеспечивала сырьем машиностроение и железные дороги.

И лишь в третью очередь техническая революция охватывает транспорт. Даже в Англии первые пароходы (пока только речные) и первые железные дороги появились в XIX в. Следует заметить, что если первая железная дорога в Англии (Стоктон – Дарлингтон) имела коммерческое значение, предназначались в основном для перевозки угля, то первая железная дорога в России в 1837 г. соединила столицу с Царским Селом – летней резиденцией императора, а первая железная дорога во Франции в 1832 г. соединила столицу с Сен-Жерменским предместьем, где находился королевский замок.

Первое морское паровое судно было построено в России в 1815 г., но 87% морского судоходства даже в 1890 г. приходилось на парусные суда. Это и позволяет нам утверждать, что технический переворот на транспорте происходил лишь в третью очередь.

Таким образом, если говорить о континентальной Европе, то промышленная революция здесь продолжалась на протяжении всего XIX в. А в XVIII в., несмотря на победное шествие капитализма, на континенте еще господствовал «старый порядок» – не феодальные пережитки, а феодальная система хозяйства.

Население Европы (включая Англию) за XVIII в. увеличилось на 58% – со 118 до 187 млн. За XIX в. оно еще удвоилось. В отличие от Средних веков, когда массовая гибель людей от холеры и чумы сменялась скачкообразным

ростом населения, теперь происходил равномерный демографический рост. Успехи медицинской науки уже кончали с эпидемиями, но одновременно понизилась рождаемость.

Самые высокие темпы демографического роста наблюдались в Великобритании и России. Население России за XIX в. выросло в 4 раза, Великобритания – в 3,5 раза. Это свидетельствует, что темпы роста населения не были напрямую связаны с экономическим прогрессом: если Великобритания была лидером экономического развития, то Россия – одной из самых отстающих стран.

Подавляющее большинство населения Европы было занято в сельском хозяйстве. В Англии в начале XVIII в. сельские жители составляли 75% населения, во Франции до 85%*. Основой аграрного сектора континентальной Европы были мелкие крестьянские хозяйства, которые находились в той или иной степени зависимости от господствующего сословия феодалов. Англия, где огораживания почти уничтожили мелкое крестьянское землевладение, была исключением.

Сохранились общинные порядки: если пахотные земли были закреплены за владельцами, то коллективное пользование лугами и другими угодьями оставалось.

Крестьянское хозяйство – это низкая техника земледелия и низкая урожайность. Средняя урожайность зерновых в XVIII в. составляла «сам-4». Такая урожайность, обеспечивая потребности крестьянской семьи, препятствовала превращению натурального хозяйства в товарное производство.

Но в XVIII в. на континенте уже началась аграрная революция, социально-экономической основой которой стал переход от натурального крестьянского хозяйства к фермерскому товарному производству. По мере разрушения уравнилельных общинных отношений из состава крестьянства выделялся слой предприимчивых фермеров, которые готовили продукцию для продажи, втягиваясь в рыночные отношения.

Изменялся характер аренды. Мелкая крестьянская аренда, которая в сущности принципиально не отличалась от традиционных феодальных отношений, вытеснялась крупной «коммерческой», когда земля арендовалась для организации товарного производства с использованием наемного труда.

Земли в сельской местности охотно скупала городская буржуазия. Иметь загородный дом было престижно, а, кроме того, земельная собственность была самым надежным видом капиталовложений и под залог земли всегда

* История Европы М, 1994. Т.4. 260.

можно было получить кредит. Естественно, по крайней мере часть этой буржуазии использовала землю для организации товарного производства.

Наконец, и часть феодалов втягивается в рыночные отношения, превращая домен в крупное товарное хозяйство. Как уже отмечено, особенно интенсивно этот процесс шел в странах Восточной Европы.

В отличие от промышленной аграрная революция началась не с применения машин. Машины, начиная с механической молотилки, начинают использоваться лишь во второй половине XIX в. А до этого техника оставалась традиционной, лишь все чаще плуг заменял соху, а при сборке урожая вместо серпов стали использовать косы.

Аграрная революция заключалась в переходе к интенсивным методам, позволявшим увеличить продуктивность и рентабельность сельского хозяйства.

Основным направлением был переход к многопольным севооборотам. Если прежде треть, а то и половина пашни отдыхала под паром, не принося дохода, то теперь использовалась вся площадь пашни. Пар заменили посевы кормовых культур, клевера, репы, турнепса. Увеличивались площади под картофелем, кукурузой, гречихой. Особое значение имел картофель, который в голодные годы заменял крестьянам хлеб. Росли посевы технических культур, особенно льна: спрос на волокно был высоким и обеспечивал повышенный доход с земли.

Многопольные севообороты и новые культуры доламывали общинную систему. Теперь уже нельзя было выгонять скот на поле после уборки урожая, общественное пастбище сокращалось, да тем, кто выращивал кормовые культуры, оно было не так уж и необходимо.

Эта аграрная революция началась в Англии уже в XVII в., во Франции – с середины XVIII в., в Германии – в конце XVIII в., а в Испании – даже в конце XIX в.

Аграрная революция ускоряла развитие промышленности. Она давала дешевое сырье и продовольствие для рабочих, позволяя сокращать производственные затраты, но главное – она сопровождалась разорением натурального крестьянского хозяйства и «выталкивала» из аграрного сектора тех, кто не мог приспособиться к новым условиям.

Но города пока росли медленно. В XVIII в. горожане составляли не более 20% населения (за исключением Нидерландов). Дело в том, что, несмотря на начало промышленной революции, XVIII в. – это период расцвета мануфактурного производства, а мануфактура развивалась преимущественно за пределами города. И не только потому, что в городах ее стесняли цеховые ограничения. Рассеянная мануфактура, которая охватывала сельские районы, в отличие от централизованной, не требовала значительных капиталовложе-

ний. Основную массу рабочих такой мануфактуры составляли неразорившиеся крестьяне. Крестьянин был занят сельскохозяйственными полевыми работами только часть года, поэтому зимой он был рад любому дополнительному заработку. Это была самая дешевая рабочая сила. К тому же квалифицированная мануфактура вырастала из прежних крестьянских промыслов. Скупщик продукции таких промыслов обычно и становился хозяином рассеянной мануфактуры. Это было настолько просто и рентабельно, что в XVIII в. наблюдалось даже «бегство» промышленности из городов в деревни.

И, в частности, победа английской промышленности над голландской была победой сельской рассеянной мануфактуры над городской.

Доля централизованных мануфактур в Европе была незначительна. Это были в основном казенные предприятия, обслуживавшие потребности государства и королевских дворов. Они готовили вооружение, обмундирование, военные корабли, предметы роскоши для высшего слоя общества. Они выполняли государственные заказы, и государство компенсировало издержки производства. Но по своей структуре они были близки будущим фабрикам и заводам: здесь был основной капитал, а рабочие уже не были связаны с сельским хозяйством и существовали за счет заработной платы.

Следует заметить, что до промышленного переворота промышленники еще не могли соперничать с банкирами и купцами по величине капитала.

Итак, раньше, чем в других странах, промышленный переворот начался в Англии. Именно она теперь становится экономическим лидером, оттеснив голландию – прежнего лидера. В XVIII в. конкурентом, соперником Англии, оставалась Франция.

Франция считалась традиционно самым сильным и самым просвещенным государством Европы. Раздробленные на части германия и Италия, маленькая Португалия не могли быть союзниками. Испания с ее реакционным режимом постепенно теряла позиция в европейских делах. По территории и численности населения Франция намного превосходила Англию. В 1800 г. в Англии насчитывалось 16,2 млн. жителей, а во Франции – 27,3 млн. Изобретений во Франции было не меньше, чем в Англии. Достаточно упомянуть льнопрядильную машину Жирара, шелкоткацкий станок Жаккара, сталеплавильную печь Мартена. Правда, эти изобретения были сделаны уже в XIX в., но, как уже говорилось, XIX в. – это разгар промышленной революции.

Однако во Франции господство феодальных отношений сохранялось до конца XVIII в. Если в Англии одной из главных предпосылок промышленной революции стала ликвидация крестьянства в ходе огораживаний, то Великая французская революция закрепила мелкое крестьянское землевладение, натуральные хозяйства крестьян. Это обстоятельство затормозило развитие промышленности.

Поэтом если в Англии развивались преимущественно отрасли массового производства, «базовые» отрасли – хлопчатобумажная, шерстяная, металлургическая, машиностроительная, то Франция стала специализироваться на производстве предметов роскоши, модных товаров. Если в Англии переворот начался с хлопчатобумажной промышленности, то Франция стала лидером по производству тканей. Франция диктовала моду, и аристократы всех стран считали долгом одеваться у французских портных, покупать французскую мебель и французский фарфор. Но производство модных товаров – это не массовое производство на народный рынок. Модные товары тем и ценились, что они были индивидуальными, изготавливались в штучных экземплярах с большой затратой квалифицированного ручного труда. Это тормозило переход к машинному производству, и по мере победного шествия промышленной революции Франция все более отставала от Англии.

Такова была общая картина состояния европейской экономики в период промышленного переворота. Аграрная революция, расцвет мануфактурного производства на базе крестьянских промыслов – основные процессы, на фоне которых промышленный переворот шел к своему завершению.

Л и т е р а т у р а

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2–3. М., 1992.
2. *Всемирная история.* Т. 5–6. М., 1958–1959.
3. *История Европы.* Т. 4–5. М., 1994–2000.
4. *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 2. М–Л., 1931.
5. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Соч. М., 1987.
6. *Мотълее В. И.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
7. *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
8. *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968.

12. АДАМ СМИТ: ШОТЛАНДСКИЙ МУДРЕЦ

В трудах Адама Смита классическая политическая экономия нашла свое развитие и последовательное выражение.

Уолтер Бэджгот, английский экономист и публицист Викторианской эпохи, писал еще в 1876 г.: «О политической экономии Адама Смита было сказано бесконечно много, о самом же Адаме Смите – очень мало. А между тем дело не только в том, что он был одним из самых своеобразных людей, но и в том, что его книги едва ли можно понять, если не иметь представления о нем как о человеке»*.

После Бэджгота смитоведение, конечно, продвинулось вперед. Тем не менее в 1948 г. английский ученый Александр Грей говорит: «Адам Смит был столь явно одним из выдающихся умов XVIII в. и имел такое огромное влияние в XIX в. в своей собственной стране и во всем мире, что кажется несколько странной наша плохая осведомленность о подробностях его жизни... Его биограф почти поневоле вынужден восполнять недостаток материала тем, что он пишет не столько биографию Адама Смита, сколько историю его времени»**.

Потребности эпохи рожают нужного человека. Будучи обусловлена развитием самого капиталистического хозяйства, политическая экономия в Англии достигла такой стадии, когда возникла необходимость создания системы, необходимость упорядочения и обобщения экономических знаний. Смит был человеком и ученым, которому такая задача оказалась по плечу. Этот шотландец счастливо сочетал в себе способности абстрактного мышления с умением живо рассказывать о конкретных вещах. Энциклопедическую ученость – с исключительной добросовестностью и научной честностью. Умение использовать идеи других ученых – с большой самостоятельностью и критичностью мысли. Научную и гражданскую смелость – с профессорской уравновешенностью и систематичностью.

Прелесть экономической науки заключается в том, что она позволяет понять или, по крайней мере, стремится истолковать смысл внешне простых и повседневных, но жизненно важных для человека явлений. Какая, казалось бы, простая вещь деньги. Нет человека, который не держал бы их в руках и не знал бы, что это такое. Но в деньгах заключено много тайн. Для экономистов

* *Bagehot W. Historical Essays. N. Y., 1966. P. 79.*

** *Gray A. Adam Smith. L., 1948. P. 3.*

эта проблема неисчерпаемо сложна, и нет сомнения, что она еще долго будет занимать их умы.

Смит удивительно чувствовал романтику обыденных хозяйственных явлений. Под его пером все эти акты купли и продажи, аренды земли и найма рабочих, уплаты налогов и учета векселей приобретали совсем особый смысл и интерес. Оказывалось, что без них не поймешь и того, что происходит в «благородной» высшей сфере политики управления государством. Тем, что политическая экономия казалась во времена Байрона и Пушкина такой интересной, она обязана Смиту.

Но самое главное состоит в том, что Смит, выражая интересы растущей промышленной буржуазии, ни в коем случае не был ее безусловным апологетом. Он не только субъективно стремился к научному беспристрастию и независимости суждений, но в большой мере добился этого. Такие качества позволили ему создать систему научной политической экономии. По выражению Маркса, «это была попытка проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества»*. Книга Смита – значительный памятник человеческой культуры, вершина экономической мысли XVIII в.

12.1. Шотландия

Стало уже общепринятым мнение, что политическая экономия Смита может быть понята лишь с учетом того, что он был шотландец, и притом типичный, с ярко выраженным национальным характером.

«Шотландцы – не англичане, отнюдь» – так начинается биографию другого великого шотландца, первооткрывателя пенициллина Александра Флеминга французский писатель Андре Моруа. Что же такое шотландский национальный характер? На этот вопрос не так легко ответить, особенно если попытаться отделить реальность от бездны традиционных представлений, вымыслов и насмешек по поводу шотландцев, которая накопилась за столетия в фольклоре их южных соседей – англичан. Считается, что этот небольшой народ (во времена Смита шотландцев было около полутора миллионов) отличается трудолюбием, бережливостью и расчетливостью. Считается, что шотландцы трезвы, молчаливы и деловиты. Считается, наконец, что они склонны порассуждать на отвлеченные темы, «помудрствовать».

Вероятно, все это в какой-то мере соответствует действительности. Но едва ли так можно объяснить характер Смита и особенности его взглядов. Влияние Шотландии на него, очевидно, глубже и сложнее. Оно определяет

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 178.

ся не только довольно плоской абстракцией национального характера, но и конкретным положением страны и народа во времена Смита.

В 1707 г. была заключена государственная уния между Англией и Шотландией. Это было в интересах английских и шотландских промышленников, купцов и богатых фермеров, влияние которых к этому времени заметно усилилось. Были сняты таможенные барьеры между обеими странами, расширился сбыт шотландского скота в Англию, купцы из Глазго получили доступ к торговле с английскими колониями в Америке. Ради этих благ шотландская буржуазия готова была слегка поступиться патриотизмом: в новом Соединенном Королевстве Шотландия неизбежно должна была играть подчиненную роль. Напротив, шотландские аристократы были в своем большинстве против унии. Опираясь на верных им воинственных горцев, которые жили еще при феодальных порядках с пережитками родового строя, они несколько раз поднимали восстания. Однако население экономически более развитой равнинной Шотландии их не поддерживало, и восстания каждый раз кончались неудачей.

После унии в Шотландии началось значительное экономическое развитие, хотя некоторые отрасли страдали от английской конкуренции, а другие – от еще сохранившихся феодальных порядков. Особенно быстро рос город и порт Глазго, вокруг которого возникал целый промышленный район. Наличие дешевой рабочей силы из сельских и горных районов и широких рынков сбыта в Шотландии, Англии и Америке способствовало росту промышленности. Крупные землевладельцы и богатые фермеры-арендаторы начали вводить улучшения в сельском хозяйстве. За 70 лет между унией 1707 г. и публикацией «Богатства народов» в 1776 г. Шотландия резко изменилась. Правда, экономический прогресс затронул почти исключительно равнинную Шотландию. Но именно здесь, в треугольнике между городами Керколди, Глазго и Эдинбургом, прошла почти вся жизнь Смита.

Ко времени зрелости Смита экономика неразрывно связала судьбу Шотландии с судьбами Англии; складывалась единая буржуазная нация. Для Смита, который смотрел на все с точки зрения развития производительных сил и «богатства нации», это было особенно очевидно. Что касается шотландского патриотизма, то он принял у него, как и у многих просвещенных шотландцев, «культурный», эмоциональный, но не политический характер.

Влияние церкви и религии на общественную жизнь и науку постепенно уменьшалось. Церковь утратила контроль над университетами. Шотландские университеты отличались от Оксфорда и Кембриджа духом свободомыслия, большой ролью светских наук и практическим уклоном. В этом отношении особенно выделялся Глазговский университет, где учился и преподавал Смит. Рядом с ним работали и были его друзьями изобретатель паровой машины

Джеймс Уатт и один из основоположников современной химии *Джозеф Блэк*. Примерно в 50-х гг. Шотландия вступает в полосу большого культурного подъема, который обнаруживается в разных областях науки и искусства. Блестящая когорта талантов, которую дала на протяжении полувека маленькая Шотландия, выглядит очень внушительно. Кроме названных в нее входят экономист *Джеймс Стюарт* и философ *Давид Юм*, историк *Уильям Робертсон*, социолог и экономист *Адам Фергюсон*. Смит был хорошо знаком с такими людьми, как геолог *Джеймс Хаттон*, прославленный врач *Уильям Хантер*, архитектор *Роберт Адам*. Значение всех этих людей и их трудов выходило не только далеко за пределы Шотландии, но и за пределы Британии.

Такова была среда, атмосфера, в которой вырос талант Смита. Разумеется, Смит отнюдь не был только плодом шотландской культуры, а его экономические наблюдения выходили далеко за пределы Шотландии. Английская наука и культура, прежде всего английская философская и экономическая мысль, сформировали его не менее, чем чисто шотландские влияния. В практическом смысле вся его книга направлена на то, чтобы оказать определенное (антимеркантилистское) влияние на экономическую политику Соединенного Королевства, лондонского правительства. Наконец, надо отметить еще одну линию влияний – французскую. В Шотландии, связанной со времен Марии Стюарт традиционными узами с Францией, влияние французской культуры чувствовалось сильнее, чем в Англии. Смит хорошо знал сочинения *Монтескье* и *Вольтера*, восторженно приветствовал первые работы *Руссо* и тома «Энциклопедии».

12.2. Профессор Смит

Адам Смит родился в 1723 г. в маленьком городке Керколди, близ Эдинбурга. Его отец, таможенный чиновник, умер за несколько месяцев до рождения сына. Адам был единственным ребенком молодой вдовы, и она посвятила ему всю жизнь. Мальчик рос хрупким и болезненным, сторонясь шумных игр сверстников. Семья жила небогато, но и настоящей нужды не знала. К счастью, в Керколди была хорошая школа и учитель, не забивавший, по примеру многих, головы детей только цитатами из Библии и латинскими спряжениями. Кроме того, Адама с детства окружали книги. Таковы были первые зачатки той необъятной учености, которая отличала Смита.

Правда, Смит не получил по понятным причинам такого блестящего образования, как аристократ *Тьюрго*. Он, в частности, никогда не имел хорошего учителя французского языка и так и не научился как следует говорить на

нем, хотя читал свободно. Древние языки, без которых в XVIII в. нельзя было обойтись образованному человеку, он в значительной мере осваивал уже в университете (особенно древнегреческий).

Очень рано, в 14 лет (это было в обычаях того времени), Смит поступил в Глазговский университет. После обязательного для всех студентов класса логики (первого курса) он перешел в класс нравственной философии, выбрав тем самым гуманитарное направление. Впрочем, он занимался также математикой и астрономией и всегда отличался изрядными познаниями в этих областях. К 17 годам Смит имел среди студентов репутацию ученого и несколько странного малого. Он мог вдруг глубоко задуматься среди шумной компании или начать говорить с самим собой, забыв об окружающих. Эти маленькие странности остались у него на всю жизнь. Успешно окончив в 1740 г. университет, Смит получил стипендию на дальнейшее обучение в Оксфордском университете. Стипендия выплачивалась из наследства одного богача-благотворителя. В Оксфорде он почти безвыездно провел шесть лет.

Профессора и надзиратели тщательно следили за чтением студентов, изгоняя вольнодумные книги. Жизнь Смита в Оксфорде была тяжелой, и он всегда вспоминал свой второй университет с неприязнью. Он тосковал и к тому же часто болел. Опять его единственными друзьями были книги. Круг чтения Смита был очень широк, но никакого особого интереса к экономической науке он в то время еще не проявлял. Бесплодность дальнейшего пребывания в Англии и политические события (восстание сторонников Стюартов в 1745–1746 гг.) заставили Смита летом 1746 г. уехать в Керколди, где он прожил два года, продолжая заниматься самообразованием. Во время одной из своих поездок в Эдинбург он произвел столь сильное впечатление на Генри Хьюма (позже – лорд Кеймс), богатого помещика и мецената, что тот предложил молодому ученому прочитать цикл лекций по английской литературе. В дальнейшем тематика лекций Смита, имевших значительный успех, изменилась. Их основным содержанием стало естественное право; это понятие включало в XVIII в. не только юриспруденцию, но и политические учения, социологию, экономику. Первые проявления специального интереса Смита к политической экономии также относятся к этому времени.

Видимо, в 1750–1751 гг. он уже высказывал основные идеи экономического либерализма. Во всяком случае, в 1755 г. он писал, особо оговариваясь, что эти мысли восходят к его лекциям в Эдинбурге: «Человек обычно рассматривается государственными деятелями и прожектерами (т. е. политиками. – А. А.) как некий материал для политической механики. Прожектеры нарушают естественный ход человеческих дел, надо же предоставить природе самой себе и дать ей полную свободу в преследовании ее целей и осуществлении ее собственных проектов...

Для того чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении; все остальное сделает естественный ход вещей. Все правительства, которые насильственно направляют события иным путем или пытаются приостановить развитие общества, противоестественны. Чтобы удержаться у власти, они вынуждены осуществлять угнетение и тиранию»*.

Это язык прогрессивной буржуазии XVIII в. с ее строгим отношением к государству, еще далеко не сбросившему свою феодальную шкуру. В отрывке чувствуется мужественный, энергичный стиль, характерный для Смита. Это уже тот самый Смит, который в «Богатстве народов» с гневным сарказмом коснется «того коварного и хитрого создания, в просторечии называемого государственным деятелем или политиком, решения которого определяются изменчивыми и преходящими моментами»**. Думается, здесь не только отрицательное отношение буржуазного идеолога к тогдашнему государству, но и просто глубокая неприязнь интеллигента-демократа к бюрократам и политикам.

В 1751 г. Смит переехал в Глазго, чтобы занять там место профессора в университете. Сначала он получил кафедру логики, а потом – нравственной философии, т. е. общественных наук. В Глазго Смит прожил 13 лет, регулярно проводя 2–3 месяца в году в Эдинбурге. В старости он писал, что это был счастливейший период его жизни. Он жил в хорошо знакомой ему и близкой среде, пользуясь уважением профессоров, студентов и видных горожан. Он мог беспрепятственно работать, и от него много ждали в науке. У него появился круг друзей, и он начал приобретать те характерные черты британца-холостяка и «клубмена» (клубного человека), которые сохранились у него до конца дней.

В 1759 г. Смит опубликовал свой первый большой научный труд – «Теорию нравственных чувств». Эта книга – этап становления философских и экономических идей Смита.

Видное место в его учении занимает антифеодальная идея равенства. Каждый человек от природы равен другому, поэтому принципы морали должны применяться одинаково ко всем.

Однако Смит исходил из абсолютных, «естественных» законов поведения людей и весьма смутно представлял себе, что этика определяется в своей основе социально-экономическим строем данного общества. Поэтому, отвергнув религиозную мораль и «врожденное нравственное чувство», он поставил на их место другой абстрактный принцип – «принцип симпатии». Он

* Цит. по: *Scoll W. R. Adam Smith as Student and Professor. Glasgow, 1937. P. 53–54.*

** *Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 341.*

думал объяснить все чувства и поступки человека по отношению к другим людям его способностью «влезать в их шкуру», силой воображения ставить себя на место других людей и чувствовать за них. Как бы талантливо и порой остроумно ни разрабатывалась эта идея, она не могла стать основой научной материалистической этики. «Теория нравственных чувств» не пережила XVIII в., не она обессмертила имя Смита, а, напротив, слава автора «Богатства народов» предохранила ее от забвения.

Между тем уже в ходе работы над «Теорией» направление научных интересов Смита заметно изменилось. Он все глубже занимался политической экономией. К этому его толкали не только внутренние склонности, но и запросы времени. В торгово-промышленном Глазго экономические проблемы особенно властно вторгались в жизнь. Существовал своеобразный клуб политической экономии, где толковали о торговле и пошлинах, заработной плате и банковом деле, условиях аренды земли и колониях. Скоро Смит стал одним из виднейших членов этого клуба. Знакомство и дружба с Юмом также усилили интерес Смита к политической экономии.

В конце XIX в. английский ученый-экономист Эдвин Кэннан обнаружил и опубликовал важные материалы, бросающие свет на развитие идей Смита. Это были сделанные каким-то студентом Глазговского университета, затем слегка отредактированные и переписанные записи лекций Смита. Судя по содержанию, эти лекции читались в 1762–1763 гг. Из них ясно, что курс нравственной философии, который читал Смит студентам, превратился к этому времени, по существу, в курс социологии и политической экономии. Он высказывал ряд замечательных материалистических мыслей, например: «До тех пор, пока нет собственности, не может быть и государства, цель которого как раз и заключается в том, чтобы охранять богатство и защищать имущих от бедняков»*. В экономических разделах лекций можно легко различить зачатки идей, получивших развитие в «Богатстве народов».

В 30-х гг. XX столетия была сделана другая любопытная находка: набросок первых глав «Богатства народов». Английские ученые датируют этот документ 1763 г. Здесь тоже имеется ряд важных идей будущей книги: роль разделения труда, понятие производительного и непроизводительного труда и т. д. В этих работах содержится также весьма острая критика меркантилизма и обоснование принципа *laissez faire*.

Таким образом, к концу своего пребывания в Глазго Смит уже был глубоким и оригинальным экономическим мыслителем. Но он еще не был готов к созданию своего главного труда. Трехлетняя поездка во Францию (в качестве воспитателя юного герцога Баклю) и личное знакомство с физиократами завершили его подготовку.

* *Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms / Ed. by E. Cannan. Kxford, 1896. P. 15.*

12.3. Смит во Франции

Через полвека после описываемых событий Жан Батист Сэй расспрашивал старого Дюпона о подробностях пребывания Смита в Париже в 1765–1766 гг. Дюпон отвечал, что Смит бывал в «антресольном клубе» доктора Кенэ. Однако на сборищах физиократов он сидел смиренно и больше молчал, так что в нем нельзя было угадать будущего автора «Богатства народов». Аббат Морелле, ученый и писатель, с которым шотландец подружился в Париже, в своих мемуарах рассказывает: «Месье Тюрго... высоко ценил его (Смита. – А. А.) талант. Мы виделись с ним много раз. Он был представлен у Гельвеция. Мы говорили о теории торговли, о банках, государственном кредите и многих вопросах большого сочинения, которое он замышлял»*. Из писем известно также, что Смит сблизился с математиком и философом д'Аламбером и великим борцом против невежества и суеверий бароном Гольбахом. Смит посетил Вольтера в его поместье в окрестностях Женевы и имел с ним несколько бесед. Он считал Вольтера величайшим из живущих французов и не разочаровался в нем.

Если не считать языковых трудностей, Смит был хорошо подготовлен к встречам с парижскими философами. Еще в 1755 г. он опубликовал в журнале «Эдинбургское обозрение» статью, которая показывает исключительную осведомленность автора о французской культуре. Из его лекций видно, что он имел детальное представление об идеях и деятельности Джона Ло и читал нескольких французских авторов, писавших о системе Ло. Вероятно, он был мало знаком с трудами физиократов, хотя и читал статьи Кенэ в «Энциклопедии». В основном он почерпнул знание их идей уже в Париже, в личном общении и из физиократической литературы, которая как раз стала появляться в изобилии.

Можно сказать, что Смит попал во Францию вовремя: он уже был достаточно зрелым ученым и человеком, чтобы не подпасть под влияние физиократов, и вместе с тем он оказался способным воспринять все полезное из учения Кенэ и Тюрго.

Вопрос о зависимости Смита от физиократии и особенно от Тюрго имеет свою историю. Смит глубже проник во внутреннюю физиологию буржуазного общества. Идя в русле английской традиции, он построил свою экономическую теорию на фундаменте трудовой теории стоимости, тогда как физиократы вообще не имели, в сущности, теории стоимости. Это позволило ему сделать по сравнению с физиократами важнейший шаг вперед, сказав, что всякий производительный труд создает стоимость, а отнюдь не только

* *Mordlet A. Memoires sur le XVIII siecle et sur la revolution francaise. T. 1. P., 1822. P. 244.*

земледельческий. Смит имеет более ясное, чем физиократы, представление о классовой структуре буржуазного общества.

Вместе с тем есть области, в которых физиократы стояли выше, чем Смит. Это в особенности касается гениальных идей Кенэ о механизме капиталистического воспроизводства. Смит непоследователен в своем тезисе о равноправии, экономической равноценности всех видов производительного труда. Он явно не мог избавиться от представления, что земледельческий труд с точки зрения создания стоимости все-таки заслуживает предпочтения: здесь, мол, вместе с человеком «работает» сама природа.

Отношение Смита к физиократам было совершенно иным, чем к меркантилизму. В меркантилистах он видел идейных противников и, при всей своей профессорской сдержанности, не жалел для них критических резкостей (иногда даже неразумных). В физиократах он видел союзников и друзей, идущих к той же цели несколько иной дорогой. Вывод его в «Богатстве народов» гласит, что «изложенная теория, при всех ее несовершенствах, пожалуй, ближе всего подходит к истине, чем какая-либо другая теория политической экономии, до сих пор опубликованная»*. В другом месте он пишет, что физиократия по крайней мере «никогда не причиняла и, вероятно, никогда не причинит ни малейшего вреда ни в одной части земного шара»**. Последнее замечание можно принять за шутку. Так шутит Адам Смит: почти незаметно, сохраняя невозмутимую серьезность.

Франция присутствует в книге Смита не только в идеях, прямо ли, косвенно ли связанных с физиократией, но и в великом множестве разных наблюдений (включая личные), примеров и иллюстраций. Общий тон всего этого материала критический. Для Смита Франция с ее феодально-абсолютистским строем и оковами для буржуазного развития – самый яркий пример противоречия фактических порядков идеальному «естественному порядку». Нельзя сказать, что в Англии все хорошо, но в общем и целом ее строй гораздо больше приближается к «естественному порядку» с его свободой личности, совести, и главное – предпринимательства.

Что означали три года во Франции для Смита лично, в человеческом смысле? Во-первых, резкое улучшение его материального положения. По соглашению с родителями герцога Баклю он должен был получать 300 фунтов в год не только во время путешествия, но в качестве пенсии до самой смерти. Это позволило Смицу следующие 10 лет работать только над его книгой; в Глазговский университет он уже не вернулся. Во-вторых, все современники отмечали изменение в характере Смита: он стал собраннее, деловитее, энергичнее и приобрел известный навык в обращении с различными людьми, в

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 491.

** Там же. С. 480.

том числе и сильными мира сего. Впрочем, светского лоска он не приобрел и остался в глазах большинства знакомых чудаковатым и рассеянным профессором. Рассеянность Адама Смита скоро срослась с его славой и стала как бы ее составной частью.

12.4. «Экономический человек»

Смит провел в Париже около года – с декабря 1765 по октябрь 1766 г. Но он не занимал в парижских салонах такого места, которое в течение трех предыдущих лет занимал его друг Юм, а затем – Франклин. Смит не был создан, чтобы блистать в обществе, и хорошо сознавал это.

Особое значение для него имело знакомство с гельвецием, человеком большого личного обаяния и замечательного ума. В своей философии гельвеций, стремясь освободить этику от церковно-феодалных оков, объявил эгоизм естественным свойством человека и фактором прогресса общества. Новая, в сущности буржуазная, этика строилась на своекорыстном интересе, на естественном стремлении каждого к своей выгоде, ограничиваемом только таким же стремлением других людей. гельвеций сравнивал роль своекорыстного интереса в обществе с ролью всемирного тяготения в природе. С этим связана идея природного равенства людей: каждому человеку, независимо от рождения и положения, должно быть предоставлено равное право преследовать свою выгоду, и от этого выиграет все общество.

Смит развил эти идеи и применил их к политической экономии. Созданное Смитом представление о природе человека и соотношении человека и общества легло в основу взглядов классической школы. Понятие «*homo oeconomicus*» («экономический человек») возникло несколько позже, но его изобретатели опирались на Смита. Знаменитая формулировка о «невидимой руке», может быть, является чаще всего цитируемым местом из «Богатства народов».

Ход мыслей Смита можно представить себе так. главным мотивом хозяйственной деятельности человека является своекорыстный интерес. Но преследовать свой интерес человек может, только оказывая услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд и продукты труда. Так развивается разделение труда. Люди помогают друг другу и одновременно способствуют развитию общества, хотя каждый из них – эгоист и печется только о своих интересах. Естественное стремление людей улучшать свое материальное положение – это такой мощный стимул, что если ему предоставить действовать без помехи, он сам собой способен привести общество к благосостоянию. Бо-

лее того, как говорится, гони природу в дверь – она войдет в окно: этот стимул даже способен «преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность...»*. Здесь Смит резко выступает против меркантилизма, ограничивающего «естественную свободу» человека – свободу продавать и покупать, нанимать и наниматься, производить и потреблять.

Каждый отдельный человек стремится использовать свой капитал (как видим, речь, в сущности, идет не просто о человеке, а о капиталисте) так, чтобы продукт его обладал наибольшей стоимостью. Обычно он и не думает при этом об общественной пользе и не сознает, насколько содействует ей. Он имеет в виду лишь собственный интерес, но «в этом случае, как и во многих других, он *невидимой рукой* (подчеркнуто мной. – А. А.) направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это»**.

«Невидимая рука» – это стихийное действие объективных экономических законов. Эти законы действуют помимо воли людей и часто против их воли. Введя в такой форме в науку понятие об экономическом законе, Смит сделал важный шаг вперед. Этим он, по существу, поставил политическую экономию на научную основу. Условия, при которых наиболее эффективно осуществляется благотворное действие своекорыстного интереса и стихийных законов экономического развития, Смит называл *естественным порядком*. У Смита и у последующих поколений политикоэкономов это понятие имеет как бы двойной смысл. С одной стороны, это принцип и цель экономической политики, т. е. политики *laissez faire* (см. ниже), с другой – это теоретическая конструкция, «модель» для изучения экономической действительности.

В физике как полезнейшие орудия познания природы применяются абстракции идеального газа и идеальной жидкости. Реальные газы и жидкости не ведут себя «идеально» или ведут себя так лишь при некоторых определенных условиях. Однако имеет большой смысл абстрагироваться от этих нарушений, чтобы изучать явления «в чистом виде». Нечто подобное представляет собой в политической экономии абстракция «экономического человека» и свободной (совершенной) конкуренции. Реальный человек не может быть сведен к своекорыстному интересу. Точно так же при капитализме никогда не было и не может быть абсолютно свободной конкуренции. Однако наука не смогла бы изучать массовидные экономические явления и процессы, если бы она не делала известных допущений, которые упрощают, моделируют бес-

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 393.

** Там же. С. 332.

конечно сложную и разнообразную действительность, выделяют в ней важнейшие черты. С этой точки зрения абстракция «экономического человека» и свободной конкуренции была вполне оправданной и сыграла важнейшую роль в экономической науке. В особенности соответствовала она реальности капитализма XVIII и XIX столетий.

Приведем два примера из марксистской экономической теории.

Закон стоимости действует в товарном хозяйстве, основанном на частной собственности, как стихийный регулятор и двигатель производства. Если, например, данный товаропроизводитель уменьшает благодаря каким-то техническим нововведениям рабочее время, которое он затрачивает на выпуск единицы товара, то снижается *индивидуальная стоимость* этого товара. Но *общественная стоимость*, которая определяется средними общественными затратами рабочего времени, при прочих равных условиях не меняется. Наш искусный товаропроизводитель будет продавать каждую единицу своего товара по прежней цене, определяемой в принципе общественной стоимостью, и получать дополнительный доход, поскольку, скажем, за рабочий день он производит на 25% больше единиц товара, чем остальные. Очевидно, товаропроизводители-конкуренты постараются перенять новую технику. Таков в своей первооснове механизм «стимулирования технического прогресса». Результатом действия описанных стихийных факторов, независимых от воли людей, будет уменьшение общественно необходимых затрат труда на единицу товара и снижение общественной стоимости. Нетрудно видеть, что каждый товаропроизводитель действует здесь как «экономический человек», стремясь максимизировать свой доход, а условия, в которых происходит действие, – это условия свободной конкуренции.

Другой пример – образование средней нормы прибыли в условиях капитализма свободной конкуренции. Немыслимо, чтобы в течение сколько-нибудь длительного времени норма прибыли в разных отраслях предпринимательства была существенно различной. Объективной необходимостью является уравнение нормы прибыли. Механизм, который обеспечивает это уравнение, заключается в межотраслевой конкуренции и переливе капитала из отраслей с более низкой нормой прибыли в отрасли с более высокой нормой. Опять-таки ясно, что капиталист здесь рассматривается лишь с одной стороны – как воплощение стремления к прибыли. Условие о неограниченной возможности перелива капитала равнозначно условию о свободной конкуренции. Разумеется, в действительности всегда были факторы, ограничивающие свободу перелива капитала, и Маркс их хорошо знал. Но эти факторы должны быть введены в модель лишь после того, как она рассмотрена «в идеальном виде».

Капиталист, по выражению Маркса, есть персонифицированный капитал. Иначе говоря, для политической экономии не могут иметь значение личные свойства каждого отдельного капиталиста. Для науки он интересен лишь постольку, поскольку в нем выражаются общественные отношения капитала. Здесь ощутимо некоторое родство с мыслями Смита. Но вывод совершенно иной. У Смита капиталист, преследуя свою выгоду, бессознательно укрепляет капитализм. У Маркса он, действуя, в общем, таким же образом, не только развивает производительные силы капитализма, но и объективно готовит его закономерный конец. С этим связано и другое принципиальное отличие. Маркс рассматривает человека с позиций исторического материализма как продукт длительного общественного развития. Этот человек как объект политической экономии существует лишь в рамках данного конкретного классового общества и действует в соответствии с его законами. Для Смита же его «экономический человек» – выражение вечной и естественной человеческой природы. Это не продукт развития, а скорее его исходный пункт. Такое внеисторическое понятие о человеческой природе Смит разделял со всеми крупными мыслителями эпохи, в частности с Гельвецием.

Концепцией «экономического человека» Смит поставил вопрос колоссальной теоретической и практической важности: о мотивах и стимулах хозяйственной деятельности человека. И он дал плодотворный и глубокий для своего времени ответ на этот вопрос.

12.5. Laissez faire

Политика *laissez faire*, или, как выражается Смит, естественной свободы, прямо вытекает из его взглядов на человека и общество. Если экономическая деятельность каждого человека ведет в конечном счете к благу общества, то ясно, что эту деятельность не надо ничем стеснять.

Смит считал, что при свободе передвижения товаров и денег, капитала и труда ресурсы общества будут использоваться самым рациональным, оптимальным образом. Свобода конкуренции была альфой и омегой его экономического учения. Она проходит красной нитью через все «Богатство народов». Этот принцип Смит применял даже к врачам, университетским профессорам и... попам. Если предоставить священникам всех вероисповеданий и сект свободно конкурировать между собой, не давать ни одной группе привилегий и тем более монополии, то они будут наиболее безвредны (а это, как он намекает, и есть их наивысшая эффективность).

Роль Смита заключается не в том, что он открыл принцип *laissez faire*, а в том, что он обосновал его с наибольшей основательностью и систематич-

ностью. Хотя родился этот принцип во Франции, развить его до логического конца и положить в основу экономической теории должен был британец. Англия, превращавшаяся в самую развитую промышленную страну мира, была уже объективно заинтересована в свободе торговли. Во Франции мода на физиократическую теорию была в большой мере капризом просвещенных и либеральных аристократов и прошла очень скоро. В Англии «мода» на Смита превратилась в символ веры буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Экономическая политика английского правительства на протяжении следующего столетия была в известном смысле осуществлением смитовой программы.

Первые шаги были сделаны еще при жизни Смита. Сохранился такой любопытный рассказ. В последние годы жизни Смит был уже знаменит. Будучи в 1787 г. в Лондоне, Смит приехал в дом одного знатного вельможи. В гостиной было большое общество, включавшее премьер-министра Уильяма Питта. Когда вошел Смит, все встали. По своей профессорской привычке он поднял руку и сказал: «Прошу садиться, господа». Питт на это ответил: «После вас, доктор, мы все здесь ваши ученики». Возможно, это только легенда. Но она правдоподобна. Питт действительно провел ряд мер в области торговли, по своему духу соответствовавших идеям «Богатства народов».

Смит нигде не формулирует свою программу по пунктам. Но это можно сделать без особого труда. Конкретно *laissez faire* у Смита означает следующее.

Во-первых, он требует отмены всех мер, ограничивающих, выражаясь современным языком, мобильность рабочей силы. Прежде всего речь идет о таких феодальных пережитках, как обязательное ремесленное ученичество и закон о поселении. Ясно, что объективный смысл этого требования заключается в обеспечении свободы действий для капиталистов. Но надо помнить об эпохе, когда писал Смит: британский рабочий класс в то время страдал еще не столько от капитализма, сколько от недостаточности его развития. Поэтому требование Смита было прогрессивным и даже гуманным.

Во-вторых, Смит выступил за полную свободу торговли землей. Он был противником крупного землевладения и предлагал отменить законы, препятствующие дроблению наследственных земель. Смит был за то, чтобы земли переходили в руки собственников, способных использовать их более экономично или склонных пускать землю в оборот. Все это направлено на развитие капитализма в сельском хозяйстве.

В-третьих, Смит предлагал отменить остатки правительственной регламентации промышленности и внутренней торговли. Акцизы (косвенные налоги), которыми облагается продажа некоторых товаров на внутреннем рынке, должны вводиться только ради бюджетных доходов, а не для воздействия

на хозяйство. В Англии уже не было пошлин, взимаемых при перевозке товаров внутри страны. Но тем острее и актуальнее звучала эта критика Смита для Франции.

В-четвертых, Смит подверг детальной критике всю внешнеторговую политику Англии и разработал программу свободы внешней торговли. Это – важнейшее его требование, и оно наиболее непосредственным образом направлено против меркантилизма. Так родилось фритредерство*, ставшее в XIX в. знаменем английской промышленной буржуазии. Под огонь Смита попадает весь арсенал меркантилистской политики: стремление к обязательной активности платежного баланса, запрещение ввоза и вывоза определенных товаров, высокие импортные пошлины, премии за экспорт, монопольные торговые компании. Особенно резко он выступил против английской колониальной политики, прямо заявляя, что она диктуется не интересами нации, а интересами кучки торгашей. Смит считал близорукой и нелепой политику удушения промышленности и ограничения торговли, которую Англия проводила в Ирландии и особенно в североамериканских колониях. Он писал: «Запрещение целому народу выделять из продукта своего труда все то, что он может, или затрачивать свой капитал и промышленный труд таким образом, как он считает для себя наиболее выгодным, представляет собою явное нарушение самых священных прав человечества»**.

Это опубликовано в 1776 г., когда Англия уже вела войну против восставших колонистов. Смит относился к американскому республиканизму с симпатией, хотя, оставаясь добрым британцем, выступал не за отделение колоний, а за создание полностью равноправного союза между Англией и колониями. Не менее смело высказывался он о политике грабежа и угнетения, которую проводила Ост-Индская компания в Индии. Следует также учесть, что Смит в своей книге написал немало язвительных и суровых слов о церкви и системе университетского образования. Правда, в Англии он не рисковал ни головой, ни свободой и мог особенно не опасаться тюрьмы, где в разное время побывали иные из его французских друзей: Вольтер, Дидро, Морелле, даже Мирабо. Но он знал, как чувствительны могут быть ненависть и нападки англиканских попов, университетских властей и газетных писак. Он боялся всего этого и не скрывал, что боится.

Привлекательность личности Смита состоит в том, что он, человек от природы осторожный и опасливый, все же написал и напечатал свою смелую книгу.

* От английского «free trade» – свободная торговля.

** *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 424.

12.6. «Богатство народов»: создание системы

Весной 1767 г. Смит уединился в Керколди и прожил там почти безвыездно шесть лет, которые целиком посвятил работе над книгой. В одном из писем он жалуется, что однообразие жизни и чрезмерная концентрация сил и внимания на одном предмете подрывают его здоровье. Уезжая в 1773 г. в Лондон, Смит чувствовал себя настолько плохо, что на случай смерти считал нужным формально передать Юму права на свое литературное наследство. Смит думал, что едет с готовой рукописью. На самом деле ему понадобилось еще около трех лет, чтобы закончить работу. «Богатство народов» отделено от первых экономических опытов в эдинбургских лекциях четвертью века. Поистине эта книга была делом всей его жизни.

«Исследование о природе и причинах богатства народов» вышло в свет в Лондоне в марте 1776 г. Издателем был Уильям Стрэхен, либеральный член парламента и друг Бенджамина Франклина. Не сразу выяснилось, какое большое будущее суждено этой книге. Вначале лишь немногие могли оценить труд Смита. Но вскоре острота поставленных в нем социальных и политических проблем привлекла внимание широкого читателя.

Сочинение Смита состоит из пяти книг. Основы его теоретической системы, в которой завершены и обобщены многие идеи английских и французских экономистов предыдущего столетия, изложены в двух первых книгах. В первой содержится, по существу, анализ стоимости и прибавочной стоимости, которую Смит рассматривает в конкретных формах прибыли и земельной ренты. Вторая книга носит заглавие «О природе капитала, его накоплении и применении». Остальные три книги представляют собой приложение теории Смита отчасти к истории, а в основном к экономической политике. В небольшой третьей книге речь идет о развитии экономики Европы в эпоху феодализма и становления капитализма. Обширная четвертая книга – история и критика политической экономии; восемь глав посвящены меркантилизму, одна – физиократам. Самая большая по объему пятая книга посвящена финансам – расходам и доходам государства. Однако именно в этих трех книгах в гуще конкретного материала запряваны некоторые самые характерные высказывания Смита по коренным экономическим проблемам.

«Богатство народов», безусловно, одна из самых занимательных книг в истории политической экономии. Как заметил Уолтер Бэдждот, это не только экономический трактат, но и «очень любопытная книга о старых временах». Она заметно отличается от суховатых аналитических эскизов Кенэ, теорем Тюрго и от «Принципов» Рикардо с их разреженной атмосферой глубокой абстракции.

Смит вложил в свое сочинение огромную эрудицию, тонкую наблюдательность и оригинальный юмор. Из «Богатства народов» можно вычитать тьму любопытных вещей о колониях и университетах, военном деле и банках, серебряных рудниках и контрабанде... и о многом другом. С современной точки зрения, многое из этого едва ли имеет прямое отношение к экономической теории. Но для Смита политическая экономия и была именно такой почти всеобъемлющей наукой об обществе.

Основной метод исследования в политической экономии – метод логической абстракции. Выделив в экономике ряд основных исходных категорий и связав их принципиальными зависимостями, можно далее анализировать все более сложные и конкретные общественные явления. Адам Смит развивал этот научный метод. Он попытался построить свою систему, положив в основу такие категории, как разделение труда, обмен, меновая стоимость. Далее он анализировал доходы основных классов. Его многочисленные отступления и описания можно в этом смысле рассматривать как фактические иллюстрации, имеющие определенную доказательность и ценность. Но Смит не смог удержаться на этом высоком уровне научного исследования. Описательство, поверхностные представления часто захватывали его, и он оставлял свой более глубокий аналитический подход. Эта двойственность была объективно обусловлена эпохой и местом Смита в науке, субъективно – особенностями его интеллекта.

Маркс в связи с этим писал: «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает внутреннюю связь экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, стало быть, представляется чуждому науке наблюдателю, а равно и человеку, который практически захвачен процессом буржуазного производства и практически заинтересован в нем. Оба эти способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь буржуазной системы, так сказать, в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешне проявляется в жизненном процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, – оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат»*.

Далее Маркс говорит, что двойственность Смита имеет свое оправдание, так как его задача действительно была двойкой. Стремясь привести эконо-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 177.

мические знания в систему, он должен был не только абстрактно анализировать внутренние связи, но и описать буржуазное общество, подобрать номенклатуру определений и понятий. Эта двойственность Смита, его непоследовательность в проведении основных научных принципов имела большое значение для дальнейшего развития политической экономии. Давид Рикардо был, вероятно, первым, кто критиковал шотландца, защищая Смита-аналитика от Смита-описателя. Вместе с тем на «Богатство народов» могли опираться и те авторы, которые, в отличие от Рикардо, развивали поверхностные, вульгарные представления Смита.

Смит имел глубокое представление о предмете политической экономии как науки, сохраняющем свое значение до настоящего времени. Политическая экономия имеет две стороны. Прежде всего это наука, изучающая объективные, существующие независимо от воли людей, законы производства, обмена, распределения и потребления материальных благ в данном обществе. Формулируя во введении тематику двух первых книг своего исследования, Смит, по существу, излагает это понимание политической экономии. Он будет рассматривать в них *причины* роста производительности общественного труда, *естественный* порядок распределения продукта между различными *классами* и группами людей в обществе, *природу капитала* и способы его постепенного *накопления*.

Это *позитивный*, аналитический подход к экономической структуре общества. Изучается то, что есть в действительности, как и почему эта действительность развивается. Важно, что Смит видит в политической экономии прежде всего анализ *социальных* проблем, отношений между классами общества.

Но есть и другая сторона. По мнению Смита, политическая экономия должна на основе объективного анализа решать практические задачи: обосновывать и рекомендовать такую *экономическую политику*, которая могла бы «обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их...»*. Политическая экономия должна, следовательно, вести дело к тому, чтобы в обществе действовал порядок, создающий максимально благоприятные условия для роста производительных сил.

Это – *нормативный*, практический подход. Экономист при таком подходе пытается ответить на вопрос, что и как делать для «роста богатства».

Как правило, оба метода тесно взаимосвязаны и в любой экономической концепции один дополняет другой. Однако, как мы увидим ниже, для многих крупных ученых было в дальнейшем характерно преобладание либо

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 313.

первого, либо второго подхода: если школа Сэя кичилась своим «позитивизмом», декларативно отказывалась от нормативных рекомендаций, то Сисмонди, напротив, видел в политической экономии прежде всего науку о том, как преобразовать общество в желанном с его точки зрения направлении. Смит же, со свойственной ему многогранностью, очень органично соединял оба подхода.

12.6.1. Разделение труда

Смит начинает свою книгу с разделения труда, изображая его как главный фактор роста производительности общественного труда. Само изобретение и совершенствование орудий и машин он связывает с разделением труда. Смит приводит свой знаменитый пример с булавочной мануфактурой, где специализация рабочих и разделение операций между ними позволяют во много раз увеличить производство. Далее во всей книге, как отмечает автор предисловия к последнему русскому изданию «Богатства народов» В. С. Афанасьев, «разделение труда является своего рода исторической призмой, сквозь которую А. Смит рассматривает экономические процессы». Мы уже видели, что с разделением труда у Смита связано представление об «экономическом человеке» и мотивах хозяйственной деятельности. Отсюда же он исходит, трактуя проблему стоимости, функции денег и многое другое.

Смит говорит, что «богатство» общества, т. е. объем производства и потребления продуктов, зависит от двух факторов: доли населения, занятого производительным трудом, и производительности труда. Смит дальновидно заметил, что несравненно большее значение имеет второй фактор. Поставив вопрос, чем же определяется производительность труда, он дал вполне закономерный для своего времени ответ: разделением труда. Действительно, на мануфактурной стадии развития капитализма, когда машины еще были редкостью и преобладал ручной труд, именно разделение труда было главным фактором роста его производительности.

Разделение труда бывает двоякого рода. Рабочие, занятые на одной мануфактуре, специализируются на разных операциях и совместно производят готовый продукт, к примеру, те же булавки. Это один вид. Совсем другой – разделение труда в обществе, между отдельными предприятиями и отраслями. Скотовод выращивает скот и *продает* его на бойню, мясник забивает скот и *продает* шкуру кожевнику, последний выделывает кожу и *продает* ее сапожнику...

Смит смешивал оба эти вида разделения труда и не видел принципиального различия: в первом случае нет купли-продажи товара, во втором – есть.

Все общество представлялось ему как бы гигантской мануфактурой, а разделение труда – всеобщей формой экономического сотрудничества людей в интересах «богатства народов». Это связано с общим его взглядом на буржуазное общество, которое он считал единственно возможным, естественным и вечным. В действительности разделение труда, которое видел Смит, было специфически капиталистическим, что и определяло его основные черты и следствия. Оно не просто способствовало прогрессу общества, но развивало и усиливало вместе с тем подчинение труда капиталу.

Двойственный в этом вопросе, как и во многих других, Смит, воспев в начале книги хвалу капиталистическому разделению труда, изображает в другом месте, как бы между прочим, его отрицательное влияние на рабочего: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум... Его (рабочего. – А. А.) ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого*». Рабочий превращается в беспомощный придаток капитала, капиталистического производства, в то самое, что Маркс назвал частичным рабочим.

Обращает на себя внимание последняя фраза цитаты из Смита. Она звучит довольно неожиданно в устах безусловного сторонника *laissez faire*. Дело в том, что Смит чувствует здесь опасную тенденцию капитализма: если предоставить все естественному ходу дел, то возникает угроза вырождения значительной части населения. Он не видит иной силы, кроме государства, которая могла бы воспрепятствовать этому.

Изобразив разделение труда и процесс обмена товаров, Смит ставит вопрос о деньгах, без которых регулярный обмен невозможен. В небольшой четвертой главе он добросовестно рассказывает о природе денег и истории их выделения из всего мира товаров как особого товара – всеобщего эквивалента. К деньгам и кредиту Смит затем возвращается неоднократно, но в целом эти экономические категории играют у него скромную роль. В деньгах Смит видел лишь техническое орудие, облегчающее ход экономических процессов, и называл их «колесом обращения». Кредит он рассматривал лишь как средство активизации капитала и уделял ему довольно мало внимания. Достоинством взглядов Смита было то, что он выводил деньги и кредит из

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 556– 557.

производства и видел их подчиненную роль по отношению к производству. Но эти взгляды были вместе с тем односторонними и ограниченными. Он недооценивал самостоятельность, которую приобретают денежно-кредитные факторы, и их большое обратное влияние на производство.

Первые четыре главы «Богатства народов», довольно легкие и немного развлекательные по своему содержанию, служат своего рода введением к центральной части учения Смита – теории стоимости. Смит переходит к ней, заботливо попросив у читателя «внимания и терпения» ввиду «чрезвычайно абстрактного характера» вопроса.

12.6.2. Трудовая стоимость

Первые критики Смита пользовались чаще всего его же методами и идеями. Поэтому влияние Смита, в особенности сплавленное с влиянием Рикардо, было огромно вплоть до 60-х гг. XIX в. Затем положение изменилось. С одной стороны, возник марксизм. С другой стороны, в 70-х гг. появилась и быстро укрепилась субъективная школа в политической экономии.

К Смиуту стали относиться «строго», и первой жертвой стала, естественно, его теория стоимости. Это произошло, разумеется, не сразу. Еще *Альфред Маршалл*, крупнейший английский буржуазный ученый второй половины XIX в., сохранивший связи с рикардизмом и пытавшийся как-то примирить его с новыми субъективными идеями, писал о Смите, что его «главный труд состоял в том, чтобы собрать воедино и развить соображения его французских и английских современников и предшественников о стоимости»*.

Позиция видного американского ученого *Пола Дугласа*, писавшего через 40 лет, уже иная. Он обвиняет Смита в том, что тот якобы отбросил у предшественников именно самое ценное и своей теорией стоимости толкнул английскую политическую экономию в тупик, из которого она не могла выйти целое столетие. *Шумпетер* в своей «Истории экономического анализа» закрепляет внешне почтительное, но, по существу, весьма скептическое отношение к Смиуту. Он вообще сомневается, можно ли сказать, что Смит придерживается трудовой теории стоимости. Наконец, в заурядном американском учебнике истории экономической мысли (Дж. Ф. Белла) говорится: «Вклад Смита в теорию стоимости больше запутал дело, чем прояснил. Ошибки, неточности и противоречия – вот бич его рассуждений»**.

Из всего этого безусловно верно одно: теория стоимости Смита действительно страдает серьезными недостатками. Но, как показал Маркс, эти не-

* Цит. по: *Schumpeter J. History of Economic Analysis. P. 307.*

** *Bell F. A History of Economic Thought. P. 188.*

достатки и противоречия были закономерны и по-своему плодотворны для экономической теории. Смит пытался сделать шаг от исходной, простейшей формулировки трудовой теории стоимости, в которой она может показаться лишь общим местом, к реальной системе товарно-денежного обмена и ценообразования при капитализме в условиях свободной конкуренции. В этом исследовании он натолкнулся на неразрешимые противоречия. Маркс считал, что конечной, глубинной причиной этого было отсутствие у Смита (и у Рикардо) исторического взгляда на капитализм, трактовка ими отношений капитала и наемного труда как вечных и единственно возможных. Кроме них Смит знал лишь «первобытное состояние общества», представлявшееся ему почти мифом. Тем не менее он с большой научной глубиной подошел к проблеме стоимости.

Смит с большей четкостью, чем кто-либо до него, определил и разграничил понятия потребительной и меновой стоимости. Отвергнув догму физиократов и опираясь на свое учение о разделении труда, он признал равнозначность всех видов производительного труда с точки зрения создания стоимости. Тем самым он уловил, что в основе меновой стоимости лежит, по выражению Маркса, субстанция стоимости, т. е. труд как любая производственная деятельность человека. Это расчищало дорогу к открытию Марксом двойственного характера труда как абстрактного и конкретного труда. Смит имел понятие о том, что квалифицированный и сложный труд создает в единицу времени больше стоимости, чем неквалифицированный и простой, и может быть сведен к последнему с помощью каких-то коэффициентов. Он также в известной мере понимал, что величина стоимости товара определяется не фактическими затратами труда отдельного производителя, а теми затратами, которые в среднем необходимы при данном состоянии общества.

Плодотворной была концепция Смита о естественной и рыночной цене товаров. Под естественной ценой он, в сущности, понимал денежное выражение меновой стоимости и считал, что в длительной тенденции фактические рыночные цены стремятся к ней как к некоему центру колебаний. При уравнивании спроса и предложения в условиях свободной конкуренции рыночные цены совпадают с естественными. Он положил также начало анализу факторов, способных вызывать длительные отклонения цен от стоимости; важнейшим из них он считал монополию.

Глубокое чутье Смита проявилось в том, что он по меньшей мере поставил проблему, которая оставалась в центре теории стоимости и ценообразования на протяжении всего следующего столетия. В категориях Маркса речь идет о превращении стоимостей в цены производства. Смит знал, что прибыль должна быть в тенденции пропорциональна капиталу, и ощущал

природу средней нормы прибыли. Слабость его заключалась в том, что он не мог связать и совместить это явление с трудовой теорией стоимости.

Трудно с какой-либо степенью уверенности судить теперь о внутренних умственных процессах, происходивших в мозгу Смита и приводивших его к выводам, которые он делал, и к противоречиям, которых, очевидно, не замечал. Действительно, как писал Маркс, мы находим у Смита «не только два, но целых три, а говоря совсем точно, – даже четыре резко противоположных взгляда на стоимость, которые мирно располагаются у него рядом или переплетаются друг с другом»*. По-видимому, основная причина этого заключается в том, что Смит не мог найти удовлетворительных с точки зрения научной логики связей между трудовой теорией стоимости, как она сложилась в то время и как она была им зафиксирована, и сложностью конкретных процессов капиталистической экономики. Не находя этих связей, он стал варьировать и приспособлять исходную концепцию.

Прежде всего, наряду со стоимостью, определяемой количеством заключенного в товаре необходимого труда (первый и основной взгляд), он ввел второе понятие, где стоимость определяется количеством труда, которое можно купить на данный товар. В условиях простого товарного хозяйства, когда нет наемного труда и производители товаров работают на принадлежащих им средствах производства, это по величине одно и то же. Ткач, скажем, обменивает кусок сукна на сапоги. Можно сказать, что кусок сукна стоит пары сапог, а можно – что он стоит труда сапожника за то время, пока он изготавливал эти сапоги. Но количественное совпадение не служит доказательством тождества, так как стоимость данного товара может быть количественно определена только одним-единственным способом – в известном количестве другого товара.

Смит совсем потерял почву под ногами, когда попытался применить это свое второе толкование стоимости к капиталистическому производству. Если сапожник работает на капиталиста, то стоимость произведенных им сапог и «стоимость его труда», то, что он получает за свой труд, – совершенно разные вещи. Выходит, что наниматель, купив труд рабочего (как показал Маркс, в действительности покупается рабочая сила, способность к труду), получает большую стоимость, чем платит за этот труд.

Смит не смог объяснить это явление с позиций трудовой теории стоимости и сделал неверный вывод, что стоимость определялась трудом только в «первобытном состоянии общества», когда не было капиталистов и наемных рабочих, т. е., в терминах Маркса, при простом товарном производстве.

* Четвертый взгляд – понимание стоимости в субъективном духе, как результат бремени труда, – имеется у Смита лишь в самой зачаточной форме.

Для условий капитализма Смит сконструировал третий вариант* теории стоимости: он решил, что стоимость товара просто складывается из издержек, включая заработную плату рабочих и прибыль капиталиста. Его ободряло и то, что эта теория стоимости, казалось, объясняла явление средней прибыли на капитал, «естественную норму прибыли», как он выражался. Смит просто отождествил стоимость с ценой производства, не видя между ними сложных посредствующих звеньев.

Это была «теория издержек производства», которой суждено было играть важную роль в течение следующего столетия. Смит встал здесь на практическую точку зрения капиталиста, которому действительно представляется, что цена его товара в основном определяется издержками и средней прибылью, а в каждый данный момент также спросом и предложением.

12.6.3. Классы и доходы

Мы уже знаем, что теория стоимости должна дать ответ на два взаимосвязанных вопроса: о конечном основании цен и о конечном источнике доходов. Смит дал отчасти правильный ответ на первый вопрос, но, не сумев примирить его с реальностью, перешел на вульгарную позицию. Развивая трудовую теорию стоимости, он сделал вклад и в научное решение второго вопроса, но опять-таки оказался непоследователен.

Что понимал Смит под «первобытным состоянием общества»? Хотя оно казалось ему почти мифом, это был миф с большим смыслом. Имел ли он в виду общество без частной собственности? Едва ли. Такого «золотого века» Смит не видел ни в прошлом, ни в будущем человечества. Скорее он представлял себе общество с частной собственностью, но без классов. Возможно ли это и было ли это в истории – совсем другой вопрос.

Представим себе общество, где существует миллион фермеров, из которых каждый имеет ровно столько земли и орудий труда и производит столько продукции для собственного потребления и для обмена, чтобы могла существовать его семья. Кроме того, в этом обществе имеется миллион независимых ремесленников, каждый из которых работает со своими орудиями труда и сырьем. Наемного труда в этом обществе нет.

С точки зрения Кенэ, в этом обществе два класса, с точки зрения Смита – один. И подход Смита правильнее, так как классы отличаются не по отрасли хозяйства, в которой заняты составляющие их люди, а по отношению этих людей к средствам производства. В этих условиях, говорит Смит, обмен то-

* Четвертый вариант – понимание стоимости в субъективном духе, как результат бремени труда, имеется у Смита лишь в самой зачаточной форме.

варов производится по трудовой стоимости, и весь продукт труда (или его стоимость) принадлежит работнику: делиться ему, на его счастье, еще не с кем. Но такие времена давно прошли. Земля стала частной собственностью землевладельцев, а мастерские и фабрики в результате накопления капитала оказались в руках хозяев-капиталистов. Таково современное общество. Оно состоит из трех классов: наемных рабочих, капиталистов и землевладельцев. Смит достаточно реалистичен, чтобы видеть также разные промежуточные слои и группы. Но в принципиальном экономическом анализе от этого может отвлечься и исходить из трехклассовой модели.

Итак, рабочий ныне, как правило, работает на чужой земле и с помощью чужого капитала. И потому весь продукт его труда уже не принадлежит ему. Рента землевладельца – первый вычет из этого продукта или из его стоимости. Второй вычет составляет прибыль хозяина-капиталиста, который нанимает рабочих и предоставляет им орудия и материалы для работы.

В этом рассуждении Смит близко подходил к понятию прибавочной стоимости как выражения эксплуатации труда капиталистами и землевладельцами. Однако, как и все экономисты до Маркса, он не выделял прибавочную стоимость в качестве особой категории и рассматривал ее лишь в тех конкретных формах, которые она принимает на поверхности буржуазного общества: прибыли, ренты, ссудного процента. Эта струя в мышлении Смита, связанная с трудовой теорией стоимости, представляет собой прогрессивный элемент его учения.

Другая струя вытекала из трактовки стоимости как суммы доходов: заработной платы, прибыли и ренты. В самом деле, прибыль и рента не могут быть *вычетами* из полной стоимости товара, если они сами эту стоимость образуют. Здесь получается совсем иная картина распределения доходов: каждый фактор производства (этот термин возник позже), т. е. труд, капитал и земля, участвует в создании стоимости товара и, естественно, претендует на свою долю. Отсюда недалеко до «божественного права капитала», провозглашенного в XIX в. экономистами-апологетами.

Сложив стоимость из доходов, Смит решил исследовать, как определяется *естественная* норма каждого дохода, т. е. по каким законам стоимость отдельного товара, а также всего совокупного продукта распределяется между классами общества.

Когда Смит рассматривает каждый из трех основных доходов, он в известной мере вновь возвращается к своей теории прибавочной стоимости. Его взгляд на заработную плату сохраняет интерес и в настоящее время. Конечно, теория *заработной платы* у Смита во многом неудовлетворительна, поскольку он не понимал подлинного характера отношений, связанных с продажей работником своей рабочей силы капиталисту. Он полагал, что то-

варом является сам труд, что он, следовательно, имеет естественную цену. Но эту естественную цену он в принципе определял так же, как Маркс определял стоимость рабочей силы, – стоимостью необходимых средств существования рабочего и его семьи. К этому Смит делал ряд реалистических и важных дополнений.

Во-первых, он уже понимал, что стоимость рабочей силы («естественная заработная плата» в его терминологии) определяется не только физическим минимумом средств существования, но зависит от условий места и времени, включает исторический и культурный элемент. Смит приводил пример с кожаной обувью, которая в Англии уже стала предметом необходимости и для мужчин, и для женщин, в Шотландии – только для мужчин, а во Франции не была таковым ни для того, ни для другого пола. Напрашивается вывод, что с развитием хозяйства круг потребностей расширяется и стоимость рабочей силы в реальном товарном выражении, скорее всего, должна повышаться.

Во-вторых, Смит ясно видел, что одна из главных причин низкой заработной платы, ее близости к физическому минимуму – слабые позиции рабочих по отношению к капиталистам. Об этом он писал очень остро. Вывод, который нетрудно сделать, состоит в том, что организованность и сплоченность рабочих, их сопротивление могут ограничить жадность предпринимателей.

Наконец, в-третьих, он связывал тенденцию заработной платы с состоянием хозяйства страны, различая три случая: экономический прогресс, экономический регресс, неизменное состояние. Он считал, что в первом случае заработная плата должна повышаться, поскольку в растущей экономике имеет место большой спрос на труд. Последующее развитие капиталистического хозяйства показало, что условия экономического подъема действительно облегчают борьбу рабочих за повышение заработной платы.

Смит завершил выделение в политической экономии прибыли как особой экономической категории. Он категорически отвергает утверждение, что прибыль – это только заработная плата за особый вид труда «по надзору и управлению». Размер прибыли, показывает он, определяется размерами капитала и никак не связан с предполагаемой тяжестью этого труда. Здесь и в нескольких других местах Смит фактически толкует прибыль как эксплуататорский доход, как основную форму прибавочной стоимости.

С этим взглядом опять-таки мирно соседствует поверхностный взгляд на прибыль как на естественное вознаграждение капиталиста за риск, за авансирование рабочему средств существования за так называемое «воздержание». К таким противоречиям теории Смита читатель должен уже привыкнуть.

12.6.4. Канумал

Смит работал над «Богатством народов», когда промышленный переворот в Англии только начинался и новая техника играла еще весьма ограниченную роль в повышении производительности общественного труда, в «росте богатства». Он ждал больше пользы от разделения труда, чем от внедрения машин. Тем не менее он с большой силой выразил в книге главную социально-экономическую проблему эпохи промышленной революции – проблему накопления капитала. Он понимал, что эффективность разделения труда может быть неизмеримо выше, если оно осуществляется на базе капиталовложений в новые производственные сооружения, оборудование, транспортные средства. Смит многократно подчеркивал: накопление – ключ к богатству нации, каждый, кто сберегает, – благодетель нации, а каждый расточитель – ее враг.

По подсчетам современных английских ученых, норма накопления (накопленная доля национального дохода) в Англии второй половины XVIII в. в среднем не превышала 5%. Вероятно, она начала повышаться лишь примерно с 1790 г., когда промышленная революция вступила в самый бурный период. Конечно, 5% – это очень мало. В наше время развивающаяся страна (а этот недавно появившийся термин, очевидно, подходит к Англии времен Смита) считает положение более или менее благополучным, если норма накопления составляет не менее 12–15%; 10% – сигнал тревоги, а 5% – сигнал бедствия. Любой ценой поднять норму накопления! Так на нынешнем языке звучит лозунг Смита.

Кто может и должен накапливать? Конечно, капиталисты – состоятельные фермеры, промышленники, купцы. В этом Смит видел, в сущности, их важнейшую социальную функцию. Он еще в глазговских лекциях с удовольствием отмечал «аскетизм» тамошних рыцарей капитала: во всем городе трудно было найти богача, который бы держал более одного человека мужской прислуги. Нанимая производительных работников, человек богатеет, нанимая слуг – беднеет, писал Смит. Это же применимо ко всей нации: надо стремиться свести к минимуму часть населения, не занимающуюся производительным трудом. Смитова концепция производительного труда была остро направлена против феодальных элементов в обществе и всего связанного с ними: государственной бюрократии, военщины, церкви. Маркс отметил, что критическое отношение ко всей этой публике, обременяющей производство и мешающей накоплению, выражает точку зрения как буржуазии той эпохи, так и рабочего класса.

Смит писал: «...Государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собою непроизводительных ра-

ботников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения... К одному и тому же классу должны быть отнесены как некоторые из самых серьезных и важных, так и некоторые из самых легкомысленных профессий – священники, юристы, врачи, писатели всякого рода, актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и пр.»*.

Итак, король и паяцы – в одной компании! Офицеры и священники – в сущности паразиты! «Писателей всякого рода», к которым относится и сам автор, научная добросовестность заставляет его тоже признать с экономической точки зрения непроизводительными работниками. В этих фразах, несомненно, есть ирония, довольно смелая и злая, но она глубоко запрятана под профессорской серьезностью и объективностью. Таков Адам Смит.

12.6.5. Смитианство

Наибольшее влияние учение Смита имело в Англии и во Франции – странах, где промышленное развитие в конце XVIII и начале XIX в. шло наиболее интенсивно и где буржуазия в значительной мере овладела государственной властью.

В Англии, однако, среди последователей Смита не было, вплоть до Рикардо, сколько-нибудь крупных и самостоятельных мыслителей. Первыми критиками Смита выступили люди, выражавшие экономические интересы землевладельцев. Виднейшими из них были *Т. Мальтус* и граф *Лодердейл*.

Во Франции учение Смита сначала натолкнулось на прохладный прием со стороны поздних физиократов. Затем революция отвлекла внимание от экономической теории. Перелом произошел в первые годы XIX в. В 1802 г. был издан первый полноценный перевод «Богатства народов», сделанный *Жерменом Гарнье* и снабженный его комментариями. В 1803 г. вышли книги *Сэй* и *Сисмонди*, в которых оба экономиста выступают в основном последователями Смита. Сэй интерпретировал шотландца в духе, который больше устраивал буржуазию, чем «чистый» Смит. Однако в той мере, в какой Сэй энергично выступал за капиталистическое промышленное развитие, многие его идеи были близки к взглядам Смита.

Если смитианство было прогрессивно в Англии и во Франции, то в еще большей мере это было ощутимо в странах, где господствовала феодальная реакция и буржуазное развитие только начиналось, – в Германии, Австрии, Италии, Испании и, конечно, в России. Есть сведения, что в Испании книга Смита была первоначально запрещена инквизицией. В Германии реак-

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 245.

ционные профессора долгое время не хотели признавать Смита. И тем не менее именно в Пруссии – крупнейшем германском государстве – идеи Смита оказали определенное влияние на ход дел: люди, которые в период наполеоновских войн проводили там либерально-буржуазные реформы, были в известной степени его последователями.

Говоря о смитианстве и влиянии Смита, надо иметь в виду, что непоследовательность Смита, наличие в его книге разнородных и прямо противоположных концепций позволяли использовать их людям совершенно различных взглядов и принципов и считать его своим учителем и предшественником. Английские социалисты 20–40-х гг. XIX в., стремившиеся повернуть учение Рикардо против буржуазии, считали себя вместе с тем и действительно являлись духовными наследниками Адама Смита. Эти люди опирались в основном на положения Смита о полном продукте труда и вычетах из него в пользу капиталиста и землевладельца. С другой стороны, последователем Смита считала себя школа Сэя во Франции. Она опиралась на другой поток в мышлении Смита: сотрудничество факторов производства в создании продукта и его стоимости. Она брала также у Смита его фритредерство, но придавала ему грубо торгашеский характер.

Исторически важная линия теоретических влияний от Смита идет к Рикардо и Марксу.

Смитианство имело различные аспекты с точки зрения теории и с точки зрения конкретной экономической и социальной политики. Были смитианцы, которые брали у Смита, в сущности, только одно: свободу внешней торговли, борьбу против протекционизма. В зависимости от конкретной ситуации эти выступления объективно могли иметь и прогрессивный, и достаточно реакционный характер. Например, в Пруссии за свободу торговли выступали консервативные юнкерские круги: они были заинтересованы во ввозе дешевых иностранных промышленных товаров и в беспрепятственном вывозе своего зерна.

Но мы уже хорошо знаем, что у Смита его фритредерство было лишь частью большой антифеодальной программы экономической и политической свободы. Огромная роль Смита в истории цивилизации определяется тем, что его идеи (очень часто в трудноразделимом сплаве с идеями других передовых мыслителей XVIII столетия) ощутимы во многих прогрессивных и освободительных движениях первой половины XIX в.

Пожалуй, это наиболее очевидно в России. Всю первую половину 1826 г. шло следствие по делу декабристов. В ходе следствия каждому мятежнику давали особого рода анкету, в которой был, в частности, вопрос об источниках его «вольнодумных и либеральных мыслей». Среди авторов, которых называли декабристы, рядом с Монтескье и Вольтером несколько раз фигурирует

имя Смита. Еще чаще упоминаются просто сочинения по политической экономике, но надо помнить, что в то время это практически означало систему Смита.

Декабристы, дворянские революционеры, имели, по существу, буржуазно-демократическую программу. Для этой программы они воспользовались самыми прогрессивными идеями западных мыслителей. У Смита их привлекала вся его система естественной свободы, а конкретнее – категорическое осуждение рабства (крепостного права), выступление против всех других форм феодального гнета и за промышленное развитие, требование всеобщности налогообложения и т. д. Само по себе фритредерство Смита их меньше интересовало. Среди декабристов и близких к ним мыслящих людей были как сторонники свободы торговли, так и сторонники протекционистских тарифов для защиты нарождавшейся русской промышленности. Еще меньше занимались они (да и русские экономисты того времени вообще) чисто теоретическими сторонами учения Смита: вопросами стоимости, доходов, капитала.

Влияние Смита на декабристов было итогом продолжавшегося уже несколько десятилетий распространения его идей среди русского образованного общества. На волне либеральных веяний, распространившихся после восшествия на престол Александра I, в 1802–1806 гг. вышел первый русский перевод «Богатства народов». Перевод книги Смита был исключительно трудным делом, ведь на русском языке еще только складывалась научная экономическая терминология, система основных понятий. Тем не менее он сыграл важную роль не только в распространении идей Смита в России, но и в развитии русской экономической мысли вообще. Период 1818–1825 гг. был временем наибольшего влияния учения Смита в России. После декабрьского восстания оно попало в руки консервативных профессоров, которые вытравили из него все смелое и острое.

Замечательно, что это не укрылось от наблюдательности Пушкина, который ранее отразил в «Евгении Онегине» увлечение Смитом. В одном из прозаических отрывков 1829 г., который публикуется под заглавием «Роман в письмах», читаем: «Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость нравов и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг, – нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, что это все переменялось. Французский кадрили заменил Адама Смита...»*.

Пушкин был хорошо знаком и даже дружен по меньшей мере с тремя декабристами, которые оставили важный след в развитии русской экономи-

* А. С. Пушкин. Собр. соч.: В 10 тт. Т. 5. М., 1975. С. 415.

ческой мысли: Николаем Тургеневым, Павлом Пестелем и Михаилом Орловым. Особенно большую роль в формировании общественных взглядов молодого Пушкина сыграл Тургенев, который считал себя учеником Смита. В книге Тургенева «Опыт теории налогов» (1818 г.) множество ссылок на Смита. Заглавие книги обманчиво, так как оно продиктовано цензурными соображениями. В действительности это была острейшая экономическая и социально-политическая критика крепостного права. Важнейшая идея, которая связывает Н. И. Тургенева со Смитом, – это идея экономической и политической свободы. Саму науку политической экономии Тургенев рассматривал как научное обоснование «конституционной свободы народов Европы».

Как и у Смита, у декабристов не было сознательной апологетики капитализма, который представлялся им строем равенства, свободы и прогресса. Лишь в виде исключения отмечали они отдельные его отрицательные стороны. Такие элементы особенно заметны у Пестеля.

13. ЛИЧНОСТЬ СМИТА

О жизни Смита осталось сказать немного. Через два года после выхода в свет «Богатства народов» он получил хлопотами герцога Баклю и других влиятельных знакомых и почитателей весьма выгодную должность одного из таможенных комиссаров Шотландии в Эдинбурге с годовым окладом в 600 фунтов стерлингов. Это было много по тем временам: Роберт Бернс, служивший в том же ведомстве по акцизной части, получал сначала 50, а позже 70 фунтов. В таможенном управлении, следя за сбором пошлин, ведя переписку с Лондоном и посылая время от времени солдат на поимку контрабандистов, Смит просидел до конца своих дней. Он поселился в Эдинбурге, сняв квартиру в старой части города. Продолжая вести прежний скромный образ жизни, Смит довольно много денег тратил на благотворительность. Единственной ценностью, оставшейся после него, была значительная библиотека.

Государственные должности вроде полученной Смитом в XVIII в. давались только по протекции и рассматривались как отличная синекура. Но Смит при его добросовестности и известном педантизме относился к своим обязанностям серьезно и проводил на службе довольно много времени. Уже одно это (плюс возраст и болезни) исключало продолжение глубокой научной работы. Казалось, что Смит к ней особенно и не стремился. Правда, в первое время он носился с планом написать свою третью большую книгу – нечто вроде всеобщей истории культуры и науки. (После его смерти остались и были вскоре опубликованы интересные наброски, посвященные истории астрономии и философии и даже изящным искусствам.) Но он скоро отказался от этого замысла. Довольно много времени у него отнимали новые издания его сочинений. При жизни Смита в Англии вышло шесть изданий «Теории нравственных чувств» и пять – «Богатства народов». К третьему изданию «Богатства народов» (1784 г.) Смит сделал значительные добавления, в частности написал главу «Заключение о меркантилистической системе». В какой-то мере он следил и за иностранными изданиями своих книг.

Шотландская столица была вторым после Лондона культурным центром страны, а в некоторых отношениях не уступала ему. С другой стороны, это был сравнительно небольшой уютный город. Верный своим многолетним привычкам Смит и здесь имел свой клуб, где регулярно встречался с узким кругом друзей и знакомых. Смит стал европейской знаменитостью. Путешественники из Лондона и Парижа, Берлина и Петербурга стремились позна-

комиться с шотландским мудрецом. Одно из знакомств Смита в этот период интересно с точки зрения истории русской культуры. В Эдинбурге жила, наблюдая за обучением в университете своего сына, княгиня Воронцова-Дашкова, образованнейшая женщина своего времени, будущий директор Петербургской академии наук и первый президент Российской академии, созданной для изучения и совершенствования русского языка. Из ее мемуаров известно, что Смит среди других эдинбургских ученых бывал у нее.

Во внешности Смита не было ничего выдающегося. Он был немного выше среднего роста. Простое лицо с правильными чертами, серо-голубые глаза, крупный прямой нос. Одевался очень скромно. Носил до конца жизни парик. Любил ходить с бамбуковой тростью на плече. Имел привычку говорить сам с собой, так что однажды уличная торговка приняла его за помещанного и сказала соседке: «Бог мой, вот бедняга! А ведь прилично одет!»

Смит умер в Эдинбурге в июле 1790 г. на 68-м году жизни. Около четырех лет до этого он тяжело болел.

Смит – крупнейшая фигура в мировой экономической науке до Маркса. Его учение и личность продолжают привлекать к себе внимание и интерес. Юбилей в 1976 г., который был отмечен научными конференциями и публикациями как в социалистических, так и в капиталистических странах, вновь показал долговечность и актуальность многих идей великого мыслителя.

13.1. Русские ученики Агама Смита

В XVIII в. науки, изучающие человеческое общество (социология, экономика, политология и право, отчасти история и философия), объединились обычно обширным и не очень определенным понятием юриспруденции. Иногда юриспруденция, в свою очередь, делилась на две области. Первая в одних случаях называлась естественным правом, в других – нравственной философией, а часто оба понятия употреблялись вместе. Этими понятиями обозначалась та область знаний, которую мы теперь назвали бы обществоведением. Вторая область – это юридическая наука в узком смысле слова: римское право как основа юридических систем Нового времени, законы и судопроизводство современных государств.

Когда русское правительство стало посылать способных молодых людей для изучения общественных наук в иностранные университеты, перед ними ставилась задача изучить юриспруденцию в ее широком понимании. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков, посланные в 1761 г. в Глазговский университет в Шотландии и ставшие впоследствии первыми русскими профессо-

рами общественных наук, могут считаться и первыми русскими экономистами европейского академического уровня.

Два обстоятельства способствовали тому, что экономические проблемы заняли видное место в их деятельности: их личные способности и личности профессоров, которые им преподавали. Можно сказать, что Десницкому и Третьякову фантастически повезло: они слушали лекции самого Адама Смита. И не только слушали, но и прониклись взглядами Смита и принесли их в Россию. Смит в эти годы еще не был автором «Исследования о природе и причинах богатства народов» и вовсе не был так знаменит, как четверть века спустя. Его взгляды в политической экономии только еще формировались. В известном смысле можно сказать, что Десницкий и Третьяков были первыми «смитианцами» не только в России, но и во всей Европе.

Как и другие русские последователи Смита, они принимали учение шотландца не во всех его аспектах, а скорее вдохновлялись его духом и существом. Они сознательно и бессознательно изменяли и приспособливали это учение к условиям России.

Другим ведущим направлением классической буржуазной политической экономии в 60–70-х гг. XVIII в. была французская физиократия, созданная прежде всего трудами Кенэ и Тюрго. Она также оказала некоторое влияние на русскую мысль.

13.2. Русские в Шотландии

Десницкий и Третьяков были, насколько известно, первыми русскими студентами в британских университетах. Они, особенно Десницкий, стали посредниками между русской и британской культурой.

Однако многое, касающееся жизни и деятельности Десницкого и Третьякова, остается неизвестным. Мы даже не знаем точно года рождения Десницкого. Оба профессора, составлявшие подлинную гордость Московского университета, вынуждены были уйти из него. Но причины их ухода известны лишь приблизительно. Наконец, существует двухвековая загадка «московского конспекта» лекций Смита. Эту рукопись Десницкий и Третьяков привезли из Глазго и использовали в работах московского периода, но затем она бесследно исчезла.

Семен Ефимович Десницкий родился около 1740 г. в городе Нежин на Украине в мещанской семье. Известно, что он учился в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, откуда перешел в гимназию при Московском университете, а в 1760 г. стал студентом университета, переживавшего еще свои

младенческие годы. Здесь он встретился с *Иваном Андреевичем Третьяковым*, который родился в 1735 г. в Твери в семье офицера (очевидно, невысокого чина) и там же получил образование в семинарии. С этих пор жизненный путь обоих был неразрывно связан. Они были вызваны в Петербург и по решению Академии наук отправлены на учебу в Англию. По всей вероятности, университет, в котором им предстояло обучаться, не был определен заранее, и Глазго был выбран для них русским посланником в Лондоне по совету его английских знакомых. В одном из документов Глазговского университета сказано, что «оба русских джентльмена» были присланы туда по рекомендации лорда Мансфилда. Мэнсфилд происходил из шотландского аристократического рода и сделал в Лондоне блестящую судебскую и политическую карьеру*.

Выбор университета для русских студентов был удачным: шотландские университеты отличались высоким качеством обучения и известным вольномыслием, а Глазговский был едва ли не лучшим из них. В Глазго интенсивно развивались промышленность и торговля, в старых университетских стенах веял свежий ветер жизни. Профессором нравственной философии был Адам Смит, профессором медицины и химии – ученый с мировым именем Джозеф Блэк, университетским механиком – ровесник русских студентов Джеймс Уатт, будущий изобретатель парового двигателя. Анализируя то, что писал Десницкий об Уатте по возвращении в Россию, Браун и Грацианский с большой степенью вероятности полагают, что русский студент был близко знаком с молодым механиком. Десницкий характеризовал Уатта как человека, «преискусного в механике, математике и натуральной философии»**.

Десницкий и Третьяков провели в Глазго безвыездно шесть лет. Живя среди студентов и горожан, они, несомненно, быстро овладели английским языком. Судя по сохранившимся документам и по результатам, они учились успешно и не зря ели хлеб, довольно, впрочем, скудный.

Из заявления Десницкого и Третьякова властям Глазговского университета документально известно, что они «посещали класс доктора Смита по этике и юриспруденции». Из всей последующей деятельности обоих ясно, что эти занятия оказали на их мировоззрение большое влияние. В начале 1764 г. Смит покинул Глазго, чтобы отправиться в заграничное путешествие в качестве воспитателя молодого аристократа. Очевидно, русские студенты занимались у него в 1762/63 учебном году и в осеннем семестре следующего учебного года.

* Scott W. Adam Smith as Student and Professor. Glasgow, 1937. P. 158.

** Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М., 1959. С. 115 (далее: Юридические произведения... – *Ред.*)

Число профессоров (преподавателей) в Глазговском университете едва превышало десяток, а численность студентов была не более 200–250. В этих условиях личное внеаудиторное общение студентов и профессоров было почти неизбежным. Известно, например, что студенты были нередко гостями в доме Смита. Трудно представить себе, чтобы он не заинтересовался любознательными молодыми людьми из далекой и малоизвестной страны. Летом 1762 г. Десницкий и Третьяков оказались в отчаянном положении: запаздывали денежные переводы из русского посольства в Лондоне. Они были вынуждены просить университет о ссуде. В протоколе заседания сената (ученого совета) университета от 11 августа 1762 г. имеется запись о том, что сенат решил кредитовать их на сумму 40 фунтов стерлингов. Вручить эту сумму молодым людям было поручено профессору Смигу, и он же доложил сенату 27 октября того же года, что ссуда погашена ими*. Можно думать, что Смит был в это время их непосредственным руководителем по учебе.

Экономические вопросы занимали центральное место в лекциях Смита по юриспруденции. В этих лекциях поднимались многие вопросы, развитые впоследствии в капитальном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов». В частности, Смит много говорил об эволюции собственности по мере развития человеческого общества, и эта тема впоследствии заняла видное место в сочинениях Десницкого. Третьякова интересовали вопросы, которые излагались Смитом в разделе «О причинах медленного прогресса благосостояния».

После отъезда Смита руководство русскими студентами принял на себя его ученик, молодой профессор Джон Миллар, имя которого тоже занимает почетное место среди деятелей шотландского просвещения. Миллар был лишь несколькими годами старше своих учеников, и можно не сомневаться, что их связывали отношения, близкие к дружеским. Под руководством Миллара Десницкий и Третьяков изучали римское право, поскольку это было необходимым условием получения ученой степени – сначала магистра, а затем доктора прав. Но их, видимо, больше влекли социология и политология, где Миллар был одним из пионеров. Возможно, что в какой-то мере они продолжали заниматься политической экономией.

В конце 1766 г. произошло трагикомическое происшествие, которое могло кончиться для Десницкого печально. Один из профессоров университета, преподававший естественную философию (т. е. науки о природе), Андерсон, отличался плохим характером. Он был по совместительству руководителем университетского хора. По-видимому, он отказал Десницкому в праве занять место среди участников хора в университетской часовне, причем сделал это

* Документы приводятся в упомянутой книге У. Р. Скотта и в статьях А. Х. Брауна.

в грубой форме. Десницкий счел себя оскорбленным и вскоре в свою очередь публично оскорбил Андерсона. Как следует из документов, он сорвал с него парик в присутствии многих студентов в университетском дворе. Десницкому грозило исключение из университета за грубейшее нарушение дисциплины и порядка. Дело было передано в руки лорда-ректора (почетного главы университета), который, к счастью, оказался гуманным человеком. Учитывая особое положение Десницкого как иностранца, посланного на учебу за счет правительства, лорд-ректор ограничился суровым внушением. Десницкому было указано принести публичное извинение оскорбленному им профессору и самому университету. Таким образом, инцидент был исчерпан, и власти в Москве и Петербурге о нем не узнали. Весьма возможно, что сравнительной мягкостью приговора Десницкий был обязан заступничеству Миллара, имевшего репутацию человека, который не мог оставить студента в беде.

Между тем Десницкий и Третьяков получили повеление срочно возвратиться на родину. Поскольку необходимые экзамены были ими сданы, университет, в виде исключения, присудил им степени доктора без защиты диссертаций. Весной или летом 1767 г. они навсегда покинули Глазго.

13.3. Московские профессора

Сравнительно недавно опубликована относящаяся к 1765–1766 гг. канцелярская переписка Московского университета с петербургскими учреждениями насчет Десницкого и Третьякова. Она касается почти исключительно денежных дел глазговских студентов – стипендий, отчетов и долгов – и предвещает им мало хорошего по возвращении на родину. Они без разрешения начальства влезли в долги, и, к несчастью, «без окупы (погашения. – А. А.) долгов оставить их невозможно, чтобы всему обществу и нашей нации не навести какова предосуждения», да и «все их учение не весьма порядочно». Десницкий и Третьяков, видимо, предлагают возместить Московскому университету дополнительные затраты на «окуп» их долгов. «...В репорте своем (они) пишут: есть ли де одна книга ими в России напечатана будет, а какая, не именовали и только объяснили, что она де ни исповеданию веры, ни правлению не противная, то де в один год весь свой долг заплатить могут»*.

* Исторический архив. 1956. № 2. С. 167–173. Приложение к статье Н. А. Пенчко. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758–1771 гг.).

Отношение университетского начальства к предложению Десницкого и Третьякова о написании книги было явно скептическим, и, разумеется, оно не было принято.

К счастью, вопрос о долгах каким-то образом разрешился, и глазговские доктора вернулись в Москву. Однако власти Московского университета, предубежденные против них, отказались безоговорочно признать их дипломы. Университетская конференция (ученый совет университета) потребовала от Десницкого и Третьякова сдачи экзаменов по юриспруденции и математике. Возможно, второе требование было коварной подножкой, так как математику они изучали короткое время и лишь в начале своего пребывания в Глазго. С экзаменом по юриспруденции, который проходил на латинском языке, оба справились успешно. На экзамен по математике Десницкий не явился, а Третьяков провалился на нем. Тем не менее они были допущены к чтению пробных лекций и вскоре стали экстраординарными профессорами (кандидатами на профессорское звание) юридического факультета. Через пять лет Десницкий получил звание ординарного (полного) профессора. О Третьякове подобного свидетельства нет. С разрешения императрицы оба начали читать лекции по праву впервые на русском языке (до этого преподавание велось на латыни).

Деятельность Десницкого в Московском университете продолжалась двадцать лет и оставила глубокий след. Историки права единодушно считают его основателем русской юридической школы. В стенах Московского университета Десницкий воспитал много способных молодых людей. Установлено, что он сотрудничал в изданиях русского просветителя Н. И. Новикова, позже арестованного и заключенного в тюрьму. В 1783 г. при основании Российской академии, призванной заниматься изучением русского языка и подготовкой первого толкового словаря, Десницкий был избран ее членом и разрабатывал юридическую терминологию для академического словаря.

Десницкий был знатоком и ценителем английского языка, который в то время был мало известен в России. Одно время он преподавал его московским студентам. Любовь к английскому языку связывалась у него с убеждением, что на нем написаны и пишутся сочинения, выражающие, как образно сказал по этому же поводу А. Н. Радищев, «упругость духа вольности»*. Десницкий издал и отчасти сам перевел капитальный труд английского юриста Блэкстопа, озаглавленный в русском издании «Истолкование английских законов», и снабдил перевод своими примечаниями. Для самодержавной и крепостнической России это была очень смелая книга. Ее неоднократно упо-

* Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву// Полн. собр. соч. М.-Л., 1938. Т. 1. С. 289.

минает Радищев. Интеллектуальные интересы Десницкого были широки, он даже переводил Шекспира.

В юридических и социологических сочинениях Десницкий выступает как самостоятельный и оригинальный мыслитель. Вместе с тем через всю жизнь пронес он прогрессивные и гуманные идеи своих учителей – лучших деятелей шотландского просвещения. Как справедливо говорит Браун, «Десницкий заплатил долг своим Глазговским профессорам тем, что смело поддерживал многие из их основных идей в среде, которая часто была крайне враждебна таким радикальным взглядам»*.

Хотя биографические данные о Десницком крайне скудны, имеется несколько указаний на его столкновения с университетским начальством и духовенством. По меньшей мере правдоподобно предположение М. Т. Белявского, что его внезапная отставка в 1787 г. связана с тем, что ему, возможно, принадлежали смелые политические статьи в издававшихся

Новиковым «Московских ведомостях». По мнению Грацианского, Десницкий сотрудничал с Новиковым начиная с 1768 г.** Некоторые следы борьбы Десницкого с идейными противниками, в том числе с профессорами-иностранцами, боявшимися подрыва своей монополии на преподавание, можно найти в его сочинениях.

Десницкий умер в 1789 г., едва перейдя рубеж пятидесятилетия. Деятельность и жизнь его друга оборвалась раньше. В 1773 г. Третьяков подал в сенат прошение об отставке. Причины и судьба этого прошения, а также его деятельность в последующие годы неизвестны. И. А. Третьяков умер в 1776 г.

Главные сочинения Десницкого – записка для правительства о реформе государственного управления в России и серия университетских речей, которые публиковались под заглавием «слов» или «рассуждений». От Третьякова остались всего три таких речи, причем одна из них, как показал Браун на основании Глазговских материалов, на деле подготовлена Десницким и лишь «говорена» Третьяковым***. Зато одна из работ Третьякова специально посвящена экономике.

Десницкий и Третьяков происходили из разночинцев и пробили себе путь в науку талантом, трудами и настойчивостью. Их идеи и деятельность объективно были направлены на буржуазное развитие России. Двести лет назад это направление было глубоко прогрессивно, оно выражало интересы русского народа как национальной общности.

* *Brown A. H. Adam Smith's First Russian Followers // Essays on Adam Smith. P. 272–273.*

** *Белявский М. Т. Семен Десницкий и новые документы о его деятельности // Вестник Московского университета. История. 1969. № 4. С. 68; Грацианский П. С. Десницкий. С. 81.*

*** *См.: Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761–1767) // Вестник Московского университета. История. 1969. № 4. С. 84–86.*

13.4. Десницкий и «Наказ» Екатерины II

Десницкий и Третьяков вернулись в Россию в пору, когда общество было охвачено надеждами и иллюзиями. В 1767 г. была создана «Комиссия о сочинении проекта нового Уложения» – выборный совещательный орган из представителей всех сословий, кроме крепостных крестьян. Для комиссии Екатерина II собственноручно написала «Наказ» – своего рода манифест просвещенного абсолютизма, в котором идеи самодержавия прихотливо переплетались с фразеологией, заимствованной из сочинений западных просветителей.

В феврале или марте 1768 г. Десницкий, только что ставший профессором Московского университета, направил царице документ, озаглавленный «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Он состоит из обращения к Екатерине, основного текста и четырех приложений. Хотя Десницкий в одном месте упоминает «Наказ», его записка, по сути, заметно отличается от него, даже отчасти ему противоречит. Правда, на словах он заявляет о необходимости сохранения как самодержавия, так и крепостного права, но, по существу, намечает реформы, ограничивающие оба эти института.

Вместо основанного Петром I сената, назначаемого монархом из высших дворян и призванного помогать ему в осуществлении самодержавной власти, Десницкий предлагает создать новый сенат, своего рода парламент из 600–800 членов. В этом органе должны быть представлены не только дворянство и духовенство, но и русское «третье сословие» – купцы, мещане, свободные крестьяне-собственники, а также разночинная интеллигенция – представители «университетов и разных корпусов, училищ, наук и художеств». Только дворцовые, государственные и помещичьи крестьяне были бы отстранены от выборов и участия в этом законодательном органе.

Для избирателей и сенаторов Десницкий предлагал ввести имущественный ценз, т. е. допускать к выборам и тем более к сенаторским креслам только состоятельных людей. Таким образом, старый сословный принцип сочетался с чисто буржуазным подходом к формированию органов власти. Десницкий наделял сенат достаточно широкими полномочиями. Оговариваясь, что все равно монарх будет выше сената, он, возможно, думал о том, что самодержавие будет в какой-то степени защищать интересы «третьего сословия» от посягательств дворян, которые неизбежно должны были оказаться в сенате в большинстве. Десницкий, видимо, надеялся, что постепенно положение изменится и «третье сословие» оттеснит дворян от власти.

Заявив о крепостных крестьянах, что «нет возможности без нарушения спокойствия государства дать оным земледельцам права и имущества»,

Десницкий, вместе с тем, предлагал ряд конкретных мер, которые законодательно ограничивали бы власть помещиков над крестьянами и узаконивали бы право крестьян на определенную частную собственность. Это было достаточно смело для времени, когда крепостное право продолжало распространяться вширь и вглубь.

Идеи Десницкого остались без всякого внимания со стороны Екатерины. Но весьма интересно, что в некоторых конкретных вопросах императрица или ее советники в дальнейшем использовали записку московского профессора. В апреле 1768 г. Екатерина подписала «Дополнение к Большому Наказу», которое посвящено исключительно экономическим и финансовым вопросам. В нескольких местах оно дословно повторяет записку Десницкого. Например, Десницкий пишет о «предлогах», т. е. объектах, «накладки» (налогообложения): «Считают пять предлогов, на которые можно учинить накладку: 1) лица; 2) имения; 3) произрастения домашние, употребляемые народом; 4) товары отвозные и привозные; 5) действия»*. В официальном русском тексте «Дополнения» (одновременно публиковался французский текст) имеются лишь несущественные изменения: «Считают пять предлогов, на которые обыкновенно делается накладка: а) лица; в) имения; г) произрастения домашние, употребляемые людьми; д) товары отвозные и привозные; е) действия»**. В целом раздел о государственных расходах и налогах изложен по Десницкому, который, в свою очередь, опирался на лекции Смита.

С заимствованиями Десницкого у Смита связан вопрос о «московском конспекте». В конце XIX в. в Эдинбурге были случайно обнаружены записи лекций Смита по юриспруденции, которые он, по всей вероятности, читал в 1762/63 учебном году***. В работах Десницкого и Третьякова можно встретить места и фразы, представляющие собой почти дословный перевод соответствующих мест из этих записей. Отсюда необходимо заключить, что они имели в своем распоряжении другую копию, которая и получила в литературе название «московского конспекта». Если он не был уничтожен сразу после смерти Десницкого, то, вернее всего, погиб в пожаре 1812 г. вместе с архивом Московского университета.

Заимствования из лекций Смита, использование идей Смита, Миллера и других авторитетов ни в коей мере не принижают заслуг Десницкого и

* Юридические произведения... С. 138.

** Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 154. Буква «б» при перечислении пропущена в подлиннике.

*** Опубликовано Э. Кеннаном: Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms. Oxford, 1896. Переизданы в юбилейном шеститомном издании сочинений А. Смита в 70-х гг. XX в. В это издание вошел также найденный позже другой вариант записей тех же лекций.

Третьякова. Во-первых, такая форма использования источников была обычной в XVIII в. К тому же они, особенно Десницкий, неоднократно ссылаются на Смита. Во-вторых, восприятие и использование наиболее передовых идей западных мыслителей в России того времени было само по себе немалой заслугой. В-третьих, русские ученики отнюдь не следуют слепо своим британским учителям, а, напротив, воспринимают их идеи творчески, отчасти критически и всегда имеют в виду конкретную обстановку в России. По ряду вопросов их взгляды идут вразрез с идеями Глазговских профессоров. Они принципиально иначе, чем Смит, трактуют экономическую роль государства, возлагая на него, например, такие важные функции, как контроль над ценами и финансирование образовательных учреждений.

С Десницкого и Третьякова начинается научная проблема, которой было суждено большое будущее в XIX в.: Адам Смит и Россия. Личный интерес, рынок, конкуренция, предпринимательство, экономическая свобода – ведь все это пришло в русскую мысль от Смита.

13.5. Стадии развития общества

Научные труды и заслуги Десницкого относятся скорее к области социологии, чем политической экономии. Однако эти общественные науки и теперь смыкаются между собой, а в XVIII в. были практически неразделимы. Это видно на примере величайшего политэконома столетия Адама Смита.

Можно думать, что, отослав записку, связанную с «Наказом» Екатерины II, Десницкий засел за подготовку другой крупной работы, которой хотел закрепить свое положение в университете. Он огласил ее в виде университетской речи 30 июня 1768 г., и в том же году она была опубликована под названием «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции». Десницкий выступает здесь во всеоружии европейской учености. Он дает солидный обзор литературы по социологии и четко высказывается за то направление в ней, которое близко к идеям Смита и которое мы назвали бы теперь экономическим материализмом. Возможно, что имя Адама Смита впервые прозвучало в России в этой речи. Десницкий отмечает переход Смита от проблем этики к социально-экономическим вопросам. Именно они произвели такое сильное впечатление на русских студентов в лекциях Смита. В другой своей работе, опубликованной в 1772 г., Десницкий называет Смита «великим философом»*, что, пожалуй, не имеет аналогий в западноевропейской литературе тех лет. Классиком Смит стал значительно позже.

* *Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIII siecle. P., 1951. P. 179–186.*

Десницкий смело, с задором молодости критикует теорию естественного права в том виде, в каком она сложилась к тому времени в Западной Европе, особенно в Германии. Он обвиняет ее в схоластике, в отсутствии исторического подхода к человеческому обществу. Ученые этой школы пишут «о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким способом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается...»*. Здесь уже содержатся истоки взгляда, что развитие человеческого общества определяется в первую очередь отношениями собственности, а эти отношения зависят от способа производства материальных благ.

Важные и новые для России идеи Десницкий развил в своей речи 1781 г., которая была опубликована под заглавием «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежития». В сущности, здесь речь идет о том, какие типы собственности характерны для различных стадий развития человеческого общества.

Эта последняя известная нам крупная работа Десницкого производит сильное впечатление своей продуманностью и четкостью. Здесь постаревший и укрепивший свои позиции в ученом мире автор уже не стремится блеснуть эрудицией, как в речи 1768 г. Он экономно использует небольшой объем для изложения своей концепции. Опять-таки отталкиваясь от Смита и Миллара, которых он, несомненно, имеет в виду, именуя «новейшими и рачительнейшими испытателями природы человеческой», Десницкий формулирует концепцию четырех стадий развития человеческого общества. Эти стадии: охотничья, скотоводческая, земледельческая и коммерческая. Как бы ни была несовершенна эта схема, она отражала эволюционный взгляд на человеческое общество и фиксировала изменения в способах производства материальных благ. Под коммерческим состоянием общества Десницкий, в сущности, понимает капитализм или, во всяком случае, его зачатки в недрах феодального общества, отмечает связь коммерческой стадии с развитием общественного разделения труда.

В духе экономического материализма Десницкий делает следующее замечание: «Такое происхождение и возвышение обществ человеческих есть сродно всем первоначальным народам, и по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и искусствах»**. Формы собственности Десницкий считает непосредственным базисом, определяющим надстройку, – формы «правления государственного», законодательство и

* Юридические произведения... С. 158.

** Там же. С. 245.

идеологию. Эти взгляды русского ученого надо признать выдающимися для его времени.

Под собственностью Десницкий неизменно понимает частную собственность, и ее развитие он считает проявлением прогресса общества. Поэтому у него в охотничьем и отчасти в скотоводческом состоянии собственность как бы вовсе отсутствует. На деле же он характеризует основные черты коллективной первобытнообщинной собственности. «...У народов, живущих ловлею зверей, и самое употребление вещей бывает по большей части нераздельное и общее всем. Ибо как они живут все в одной хижине или пещере, то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное владение и употребление, и как они едят все вместе, то их и съестные припасы бывают всем общи, а по недостатку даже и самые одеяния у них, точно как и у наших крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие и нераздельные»*.

Похоже, что здесь Десницкий недвусмысленно намекает на нищету русских крестьян, сравнивая их по убожеству жизни с первобытными охотниками. Примечательно в этой работе также использование данных этнографии. Автор приводит свидетельства современных ему путешественников по Африке, знатоков жизни североамериканских индейцев.

К сожалению, вопросы коммерческого состояния, т. е. современности, автором рассматриваются скупо. Социальная структура капитализма, отношения классов в этом обществе Десницким практически не освещаются. Его глазговских воспоминаний было, конечно, мало, чтобы реально изобразить Западную Европу накануне французской революции.

Западное «коммерческое» общество, основанное на частной собственности, представлялось Десницкому конечной целью развития человечества, своего рода идеалом. Лишь в таком обществе возможно успешное развитие экономики, создающее, выражаясь языком Смита, богатство народов. Десницкий полагал, что Россия может вступить в сообщество цивилизованных наций, только идя по этому пути. В одном из его сочинений мы находим фразу, актуально звучащую и в наши дни: «Купечеством больше народы скрепляются и соединяются, нежели каким другим средством».

13.6. Третьяков о богатстве и бедности народов

Профессора-немцы, которые экзаменовали Десницкого и Третьякова в августе 1767 г., отметили лучшую подготовку первого по сравнению со вторым. В данном случае они оказались правы. Третьяков не показал

* Юридические произведения... С. 247–248.

себя столь оригинальным и глубоким мыслителем, как Десницкий. Правда, его профессорская деятельность продолжалась всего несколько лет.

Однако история русской социально-экономической мысли была бы неполной без его имени. В небольшой работе, относящейся к 1772 г., Третьяков впервые в России грамотно и содержательно изложил ранние экономические взгляды Адама Смита, высказав при этом ряд оригинальных мыслей. Возможно, Третьякову были ближе, чем Десницкому, собственно экономические проблемы.

Само заглавие работы Третьякова напоминает Смита и его знаменитую книгу, до появления которой оставалось еще четыре года: «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов». Здесь любопытно и упоминание о медленном обогащении, т. е. не столько о богатстве, сколько о «бедности народов».

Третьяков начинает с вопроса о потребностях как стимуле производства и роста богатства. Человек отличается от животного тем, что не берет все необходимое ему от природы непосредственно, а добывает потребляемые им блага трудом, преобразуя вещество природы. Этот труд может быть более или менее производительным в зависимости от степени его разделения и от применяемых орудий и машин. Таким образом, констатирует Третьяков, имеются «...две настоящие государственного обогащения причины, то есть разделение трудов и изобретение художеств...»*.

Следующим фактором, который «обогащает всякое государство несказанно», выдвигается «учреждение банков для коммерции». Наличию банков автор приписывает процветание таких стран, как Голландия и Англия. Хотя ни слова не говорится о России, нетрудно домыслить, что и здесь учреждение банков могло бы, по мнению автора, способствовать росту богатства. Традиционное опасение, что банки склонны «зарываться» или выпускать много банкнот под недостаточное обеспечение драгоценными металлами, Третьяков отводит предложением создать несколько банков в стране, которые будут конкурировать между собой. При этих условиях «банкосодержатели остерегаются и принуждены предусматривать как бы по принесении ассигнаций немедленно и безотговорно наличною монетою в том соответствовать»**.

От вопроса о банках Третьяков переходит к золоту и серебру как форме богатства. Впервые в России он подвергает довольно серьезной критике теорию и практику меркантилизма, объявляя заблуждением мнение, согласно которому «государственное богатство заключается во множестве золота и серебра». Третьяков приводит, хотя не в слишком четкой форме, важнейший тезис классической политэкономии о том, что количество денег в стране стихийно приспособляется к потребностям обращения.

* Юридические произведения... С. 245.

** Там же. С. 300.

Третьяков толкует о факторах, которые задерживают экономическое развитие страны. Первым из них он считает, выражаясь современным языком, недостаточное накопление. Если нет запаса, «избытка вещей», то не может успешно развиваться разделение труда, не могут возникать новые ремесла. Можно понять, что этот избыток должен состоять как из предметов потребления, так и из орудий. Эта забота о накоплении, об обеспечении будущего тоже представляет собой одну из характернейших черт классической школы.

К политическим (или «гражданским») причинам бедности государства относится слабость правительства, неспособность его обеспечить безопасность производства, защитить земледельцев и ремесленников от внешних врагов. К счастью, в современной Европе существует определенное равновесие, *balancedepouvoir*, употребляет Третьяков французское выражение. Но тем сильнее мешает экономическому прогрессу незащищенность от войн и нашествий на других континентах. С другой стороны, подготовка к военным действиям, культ войны, как это было у древних римлян, порождает пренебрежение к мирному труду и тоже подрывают хозяйство.

Новизна этих идей, хотя и не принадлежащих Третьякову, но сжато и дельно им изложенных, была недоступна его современникам. Многие из того, что говорил Третьяков, было в России забыто и вновь стало привлекать к себе внимание в начале XIX в., когда сложились определенные условия для восприятия идей классической политэкономии.

13.7. Физиократия в России

В 60-х гг. XVIII в. в Париже было модно бывать на вторниках у маркиза Мирабо, где собирались «экономисты», как называли себя ученые и писатели, получившие позже название физиократов. Признанным главой их был лейб-медик короля Людовика XV Франсуа Кенэ. Среди приверженцев школы и светских говорунов, посещавших дом Мирабо, выделялся молодой русский аристократ, сначала советник посольства, а с 1763 г. полномочный министр (т. е. посол) России во Франции, князь *Дмитрий Алексеевич Голицын*. Он родился в 1734 г. и принадлежал к одному из самых знатных дворянских родов, который дал полководцев и фаворитов, государственных деятелей и декабристов, ученых и миссионеров. Д. А. Голицын провел за границей на дипломатической службе и в отставке всю сознательную жизнь.

В то время «новая наука» – политическая экономия в физиократическом варианте – привлекала многих умных и либеральных людей из разных слоев общества. Физиократы провозглашали основой процветания государства земледелие, проповедовали экономическую свободу, стояли на позициях просвещенного абсолютизма.

Голицын был блестяще образованным человеком, занимался естественными науками и философией, был другом Вольтера и Дидро, хорошо знал весь круг французских энциклопедистов. С восшествием Екатерины Пна русский престол он стал ее доверенным лицом, посредником в столь любезных ее сердцу сношениях с «князьями науки». Но милость самодержцев переменчива, и ему пришлось самому это испытать.

В 1767 г. Дидро свел его за обедом с учеником Кенэ, теоретиком и практиком физиократии (он пытался проводить в жизнь ее принципы, служа губернатором острова Мартиники) Лемерсье де ла Ривьерой. Дидро сам в это время увлекался физиократией и покровительствовал Лемерсье. Возникла идея приглашения Лемерсье на русскую службу. Голицын доложил ее в Петербург, где она была принята благосклонно. Вокруг приглашения Лемерсье возникли фантастические слухи. Говорили, что царица приглашает его возглавить работу законодательной комиссии, для которой она написала свой «Наказ». Видимо, сам Лемерсье предавался иллюзиям насчет своей будущей роли в этой темной и невежественной стране, куда он должен был принести свет разума. Все это кончилось полным провалом: в августе 1767 г. он отбыл в Петербург, а в марте 1768 г. уже вернулся в Париж, не получив никаких постов в России. Лемерсье обвинял императрицу и ее придворных в пренебрежении к нему, они обвиняли его в заносчивости и бестактности. Екатерина писала Вольтеру: Лемерсье, очевидно, считал, что русские ходят на четвереньках, а он призван научить их ходить на задних лапах*.

Вскоре после этого, по причинам, не выясненным до конца, Голицын потерял пост посла в Париже и был переведен в провинциальную Гаагу, где провел в качестве посла в Нидерландах 13 лет. Он продолжал заниматься науками, переписывался и общался с философами, а свои социально-экономические взгляды излагал в обширных письмах-мемуарах, которые направлял в Петербург. Издана лишь небольшая часть этих писем. Среди заслуг князя Голицына перед французской и мировой культурой – первое издание в 1773 г. книги великого философа Гельвеция «О человеке».

В 1782 г. Голицын был отозван с поста посла в Нидерландах. Г. К. Цверева, опираясь на опубликованные и архивные документы, полагает, что отзыв Голицына был связан с его чрезмерно самостоятельными действиями в пользу только что народившихся Соединенных Штатов Америки, которые еще не были признаны Петербургом**. Его назначили послом в Турине, столице Сардинского королевства. Но Голицын отказался ехать туда, вышел в отставку и до конца жизни (1803 г.) прожил частным лицом в Голландии и Германии.

* См.: Цверева Г. К. Дмитрий Алексеевич Голицын. М., 1985. С. 48.

** Голицын Д. А. Письмо от 30 сентября 1770 г. // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 2. С. 42.

Он был членом многих научных академий, в том числе Лондонского королевского общества.

Осмыслив уроки французской революции, которая поглотила многих из его парижских знакомцев, Голицын решает на публикацию экономического сочинения. В 1796 г. он выпустил в Германии на французском языке книгу, заглавие которой выражает ее главную цель: «О духе экономистов, или Экономисты, оправданные в том, что их принципы легли в основу французской революции». После казни короля и террора ему не хотелось, чтобы имена друзей его молодости связывались в умах людей с этими событиями. Изложив основное содержание доктрины физиократов, Голицын доказывал, что она была направлена на сохранение старого порядка, может быть, в слегка улучшенном виде. Если европейские монархи последуют идеям физиократов, то это избавит их от революции, подобной той, которая произошла во Франции.

Физиократы были не более «виноваты» в революции, чем Руссо или Дидро. Эти философы, и вместе с ними Кенэ и Тюрго, вряд ли могли одобрительно отнестись к крайностям революции. Но, с другой стороны, труды энциклопедистов и физиократов (в ряде случаев это были одни и те же лица) идейно подготовили революцию.

Идеи физиократов были гораздо менее применимы в царской России, чем в королевской Франции. Крах миссии Лемерсье объясняется не только его оплошностями при петербургском дворе. Столь же неудачной оказалась позже поездка Дидро и усилия других философов обратить Екатерину II в свою веру на деле, а не на словах. Лучше всего процитировать А. К. Толстого из знаменитой сатиры:

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, –
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, –
Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».
«Messieurs, – им возразила
Она, – vous me comblez*», –
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле**.

* Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Собр. соч. М., 1963. Т. 1. С. 396. При Екатерине значительная масса ранее свободного крестьянского населения Украины была превращена в крепостных.

** Голицын Д. А. Письмо от 30 сентября 1770 года // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1952. Т. 2. С. 42.

Кенэ строил свою экономическую теорию, опираясь на класс свободных капиталистических фермеров. Тюрго, будучи министром, уменьшал феодальные повинности крестьян и пытался обложить налогом земельную собственность. В России класса фермеров не было и в помине, а подобные реформы были невозможны: там еще продолжался процесс усиления крепостного права.

Голицын, как ученик физиократов, не мог быть сторонником крепостного права. Действительно, он выступил одним из первых его критиков с позиций либерального дворянства. Он с полным основанием утверждал, что отсутствие личной свободы и собственности у крестьян является главным препятствием росту производительности труда в земледелии, мешает развитию ремесла и торговли. «...Я так совершенно убежден... в невозможности завести в России цветущую торговлю без упразднения крепостного состояния крестьян»*.

В этом же письме Голицын кратко излагает свою программу освобождения крестьян. Они должны быть лично свободны и получить право иметь движимую собственность (личное имущество, скот, орудия). Земля остается у помещиков, но свободным крестьянам должно быть предоставлено право покупать или брать ее в аренду. Это был предел, до которого мог дойти дворянский либерал. Он хотел роста сельской и городской буржуазии при сохранении богатства и власти дворян. Однако даже такие умеренные предложения оставались еще в течение столетия неприемлемыми для дворянства и самодержавия.

* Толстой А. К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева.

14. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В АНГЛИИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Два события конца XVIII в. знаменовали переход Европы к капитализму – Великая французская революция и промышленный переворот в Англии, точнее, апогей этого переворота.

Промышленный переворот в Англии принято рассматривать как цепь изобретений начиная с летучего челнока Кэя и прялки «Дженни» Харгривса. Но и летучий челнок, и прялка «Дженни» создавались для домашней промышленности, для рассеянной мануфактуры и сами по себе не вызвали перехода к фабричному производству, как и последующие изобретения. Как известно, много изобретений в это время делалось и в других странах, но это не составляло промышленного переворота.

Промышленный переворот – это сложный процесс перехода от мануфактуры к фабрике, который был вызван целым рядом обстоятельств. В чем заключались эти обстоятельства? Главным в них было то, что буржуазные отношения уже победили в Англии, что к началу переворота Англия была уже буржуазной страной.

Революция во Франции была буржуазной: буржуазия при поддержке низов сломила господство дворян-феодалов. Но в Англии к этому времени буржуазия уже занимала господствующее положение, и борьба низов против верхов здесь означала бы борьбу против господства буржуазии.

14.1. Вторая волна огораживаний

К началу XVIII в. Англия была аграрной страной. Из 5,5 млн жителей 4,3 млн (около 80%) было занято в сельском хозяйстве. Но именно переворот в сельском хозяйстве, то обстоятельство, что ликвидация крестьянства здесь была доведена до логического конца, стало одной из главных причин промышленной революции.

Огораживания XVI в. в XVII в. почти прекратились, но в XVIII в. вновь усилились. Однако теперь они отличались от прежних. Тогда, в XVI в., «овцы поели людей»: земли захватывались, чтобы превратить их в пастбища для овец. Теперь огораживания были связаны с аграрной революцией. В результате огораживаний рождались крупные товарные хозяйства, в которых земледелие сочеталось с продуктивным животноводством.

Согласно распространенному представлению огораживания заключались только в том, что феодалы-лендлорды выгоняли крестьян со своей земли. В действительности основой огораживаний послужило разложение крестьянской общины, и ликвидация крестьянства выражалась не только в его обезземеливании, но и в превращении части крестьян в капиталистических фермеров.

Как и в других европейских странах, основной формой крестьянского землевладения в Англии были «открытые поля». «Открытое поле» – это пространство, на котором чересполосно разбросаны пахотные участки жителей деревни. Земля каждого так перепутана с участками соседей, что только в результате долгой привычки можно узнать, какая полоса принадлежит одному и какая другому. Средняя величина каждого участка – 200 × 20 метров, что соответствует главной мере английской земельной площади – акру. При такой перепутанности участков – полос – единственным способом их использования были коллективные действия. Унавоживание, вспашка, сев – все делалось сообща. Одно поле засевалось пшеницей или ячменем, другое овсом, горохом или бобами, третье оставалось под паром. И если поле засевалось ячменем, то владелец каждой полоски должен был сеять ячмень, а отнюдь не горох. Между жатвой и севом поле превращалось в коллективное пастбище – земля становилась общей.

В общем распоряжении жителей деревни находились общинные угодья (commons) – усеянные кустарником пустоши, болота, иногда лес. Здесь можно было заготавливать хворост, пасти скот, но только то количество голов скота, которое соответствовало пахотной земле в «открытом поле».

Здесь же разрешалось строить свои коттеджи (т. е. хижины, лачуги) беднякам-коттерам, батракам, не имеющим своей пахотной земли. (Вот откуда взялось название современных загородных домов.)

Очевидно, что при таких общинных порядках прогресс в сельском хозяйстве был невозможен. Аграрная революция требовала разрушения общины, и это разрушение совершилось.

Основным направлением этой революции был переход к многопольным севооборотам с введением кормовых культур (турнепса, репы) и травосеяния (клевер, вика и др.). Если при трехполье ежегодно треть поля не засеивалась, то теперь использовалась вся пашня. Это позволяло обеспечивать скот кормом на зиму, и не надо было значительную часть скота пускать осенью под нож, как это практиковалось прежде. К тому же при стойловом содержании скот давал достаточно навоза для удобрения полей, результатом чего было повышение урожайности. К началу XIX в. на полях Англии появились цельнометаллический плуг и рядовая сеялка.

«Кавалера» XVII в., которого интересовали лишь охота и война, сменил дворянин-фермер, темами разговоров которого с соседями стали севообороты, дренаж, клевер и люцерна.

Конечно, перейти к товарному рациональному ведению хозяйства стремились не только дворяне, но и зажиточные инициативные крестьяне-йомены. Однако для этого надо было выделить свое хозяйство из общинных владений.

Огораживания заключались в том, что «открытые поля» и общинные угодья делились на частные владения и огораживались. Каждый получал количество пашни, которое соответствовало общей площади его полосок в «открытом поле». Пропорционально этому количеству делились и огораживались общинные угодья.

Малоземельный крестьянин теперь уже не мог выгонять скот на «открытое поле» после уборки урожая. Правда, он получал участок в общинных угодьях, но этот участок был слишком мал. К тому же процесс огораживаний требовал значительных затрат на плату чиновникам, проводившим раздел земель, на изгороди. Для бедняка эти затраты часто оказывались непосильными, и он вынужден был продавать свою землю богатым соседям или вообще посторонним людям. Правда, у него оставался дом с приусадебным участком. Огораживания сопровождались скупкой земли.

В связи с этим растут размеры ферм. Резко сокращается число хозяйств менее 40 га, увеличивается доля ферм размером свыше 120 га. Естественно, эти крупные фермеры вели рациональное товарное хозяйство.

Правда, чтобы провести в общине огораживание, требовалось согласие ее членов, в собственности которых находилось не менее 80% земли. Основную часть этих 80% составляли крупные землевладельцы, а недостающие голоса получались путем давления и подкупа.

Вторая волна огораживаний и стала основой аграрной революции. Теперь пшеницы производилось больше, чем требовалось жителям острова. Ее экспорт увеличился с 1160 тыс. квартеров в 1697–1705 гг. до 9515 тыс. в 1746–1765 гг., т. е. в 8 с лишним раз [7, с. 272]. Росла продуктивность животноводства. На одном из рынков Лондона средний вес продаваемых быков увеличился с 370 фунтов в 1710 г. до 800 фунтов в 1795 г. (в два с лишним раза), телят – с 50 до 148 фунтов (почти в три раза) [9, с. 269].

Таким образом, одним из следствий огораживания стало резкое увеличение производства продовольствия. А это было одним из условий промышленного переворота, увеличивающего долю рабочего населения, потребляющего товарное, покупное продовольствие.

Но главным следствием огораживаний стало разорение крестьян, возникновение массы людей, потерявших источник существования в виде на-

турального хозяйства. Для них оставался один выход – наниматься работать на других.

Правда, аналогичная ситуация возникла и при первой волне огораживаний, в XVI в., но тогда еще не было фабрик, а рассеянная мануфактура не могла поглотить этих «лишних» людей: чтобы стать работником такой мануфактуры, надо было иметь дом в деревне.

14.2. Шерстяная промышленность: причины поражения

Казалось, переворот должен был начаться с шерстяной промышленности – главной отрасли промышленности Англии, тем более что сырье для этой отрасли производилось дома. Спикер палаты общин сидел на мешке с шерстью, потому что именно шерстяную промышленность англичане считали основой процветания страны. В конце XVII в. в Англии насчитывалось 12 млн овец, с которых настригалось шерсти на 2 млн фунтов стерлингов. К 1741 г. число овец достигло 17 млн., а шерсти настригалось на 3 млн фунтов стерлингов. В 1774 г. было получено шерсти даже на 4,5 млн фунтов. Шерстяных тканей в конце XVII в. готовилось на 7 млн фунтов стерлингов, в 1741 г. – на 8 млн, в 1774 г. – на 13 млн. Англия была главным поставщиком сукна на мировой рынок. В начале XVIII в. сукно составляло 2/3 экспорта, к 70-м гг. этого столетия – 1/3 [9, с. 272–272]. Заметим, впрочем, что его доля уже стала сокращаться.

Одной из причин поражения шерстяной промышленности в соревновании с хлопчатобумажной было то обстоятельство, что она существовала в форме рассеянной мануфактуры и была разбросана почти по всей территории Англии.

Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо», так описывал в 1720 г. этот промысел в районе Галифакса: «Местность была разделена на маленькие огороженные участки в 2–7 акров каждый... Вряд ли встречался один дом, удаленный от других больше, чем на расстояние человеческого голоса... Мы заметили перед каждым домом раму для растягивания ткани, а на каждой раме – кусок обыкновенного сукна, каразеи или саржи» [6, с. 29].

Дом, окруженный участком земли, – это приусадебное хозяйство. Пашни, тех полосок в открытом поле, о которых говорилось выше, у хозяина дома не было. На окружающем дом участке паслось несколько голов скота. Очевидно, это крестьяне, которые уже потеряли пахотную землю в результате огораживаний, но сохранили приусадебные хозяйства. Ведь законы против огораживаний реально защищали эти дома и хозяйства, да эти клочки и не представляли ценности в качестве пастбища для овец.

Основным источником существования этих людей стало производство шерстяных тканей. Здесь было семейное разделение труда: жена и дочери пряли шерсть, мальчики были заняты ее чесанием, а отец семейства работал за ткацким станком.

Впрочем, здесь было не только семейное разделение труда. Хозяином промысла был купец, который раздавал шерсть, скупал грубые необработанные ткани, а для того, чтобы их продать, он должен был содержать мастерскую, где эти ткани подвергались аппретуре и окрашивались. Поэтому мы можем считать такой промысел мануфактурой.

Социальной основой ее были люди, которые сохранили дом с приусадебным хозяйством, но не имели пашни, потерянной еще на первом этапе огораживаний. Но второй этап захватывал и эту группу людей, и социальная база рассеянной мануфактуры сужалась. А перейти к фабричному производству на этой социальной базе было невозможно.

Второй причиной застоя шерстяной промышленности было то, что она была скована административной регламентацией, корни которой уходили в цеховое ремесло. Так, правила определяли размер и вес каждого куска ткани.

Правительство защищало эту отрасль от конкуренции. Было запрещено вывозить не только шерсть, но и овец, и даже стричь их разрешалось не ближе пяти миль от морского берега. Закон разрешал хоронить покойников только в шерстяном саване. Государственный протекционизм, ставя отрасль в монопольное положение, затормозил ее развитие. Артур Юнг писал: «Хотите вы, чтобы над все увеличивающимся процветанием Манчестера (центра хлопчатобумажной промышленности. – С. С.) нависла черная туча? Дайте ему монополию хлопчатобумажного производства» [6, с. 59].

Развитие шерстяной промышленности стало одной из предпосылок промышленного переворота в хлопчатобумажной: здесь формировались кадры ткачей и прядильщиков, складывался слой предпринимателей-текстильщиков, рождались первые изобретения, а государственное покровительство ставило хлопчатобумажную промышленность в условия жесткой конкуренции, ускорявшей технический прогресс.

14.3. Хлопчатобумажная промышленность: цель изобретений

Хлопчатобумажное производство с древних времен было развито в Индии. Оттуда ткани из хлопка привозили в Англию, и здесь они находили хороший сбыт, потому что были дешевыми и легкими. Особым успехом

пользовались набивные ткани с пестрым рисунком. Чтобы оградить шерстяную промышленность от конкуренции, в 1700 г. импорт набивных тканей был запрещен. Это создавало стимул для производства аналогичной продукции в самой Англии. Через некоторое время жалобы суконщиков на конкуренцию бумажных тканей возобновились. Ткачи шерсти нападали на улицах на людей, одетых в хлопчатобумажную одежду, разрывали и сжигали ее. В 1719 г. издается новый закон, который запрещал не только ввозить индийские ткани, но даже торговать ими и носить хлопчатобумажную одежду. Однако эти запреты лишь подстегнули развитие производства.

Правда, оказалось, что английская пряжа хуже индийской: она была или слишком толста и груба, или слаба и рвалась. Поэтому здесь ее употребляли в смеси с льняной пряжей. И в 1720 г. такие смешанные ткани в Англии были разрешены, поскольку они не являлись чисто хлопчатобумажными.

Вначале хлопчатобумажная промышленность представляла точную копию шерстяной. Здесь была та же рассеянная мануфактура в сельской местности. Хозяин-«бумазейщик» покупал льняную пряжу и хлопок и раздавал ткачам. Ткач работал в своем коттедже, окруженном участком земли. Женщины и дети чесали хлопок и пряли.

В 1760 г. в центре хлопчатобумажной промышленности Манчестере по случаю коронации Георга III было организовано большое шествие ремесленных цехов. В нем участвовали портные, сапожники, столяры и т. д. Ткачей хлопка здесь не было: деревенские ткачи цеха не составляли.

В 1727 г. Манчестер насчитывал 9–10 тыс. жителей, в 1801 г. – 95 тыс. В начале XVII в. Ланкашир, район, окружающий Манчестер, представлял пустыню, покрытую лесами и болотами. Ливерпуль, в будущем ближайший к Манчестеру порт, через который в Англию двинется поток хлопка, был рыбацкой деревней у входа в залив. Но уже к середине XVIII в. он занял второе место после лондонского порта.

Итак, перед английскими промышленниками стояла задача усовершенствовать производство, чтобы готовить ткани дешевле и не хуже индийских. Эта задача и была выполнена в результате серии изобретений.

Началось с того, что ткач и механик Джон Кэй изобрел «летучий челнок», который перебрасывался ударами ракеток с одной стороны ткацкого станка на другую. Раньше это приходилось делать вручную, и ширина ткани ограничивалась длиной рук ткача. Теперь можно было ткать широкие ткани и делать это гораздо быстрее.

Изобретение Кэя не нарушило социальной организации производства, не требовало перехода к фабрике. Станок с «летучим челноком» можно было ставить в жилище ткача, там, где стоял и прежний станок. Более того, «летучий челнок» использовался и в шерстяной промышленности. Тем не менее

изобретение Кэя было встречено враждебно ткачами, которые боялись потерять работу. Ткачи разгромили его дом. Кэй бежал в Манчестер, откуда выбрался в мешке с шерстью и уехал во Францию.

К 60-м гг. «летучий челнок» применялся уже во всех отраслях текстильной промышленности. Изобретение Кэя намного ускорило работу ткачей, но теперь им не хватало пряжи. Недостаток пряжи вызвал ее вздорожание. Возникла диспропорция между двумя операциями – прядением и ткачеством. Надо было что-нибудь изобрести и для прядильщиков. В 1761 г. «Общество поощрения искусства и промышленности» предложило премию за изобретение прядильной машины.

Правда, еще до этого плотник Джон Уайетт и сын французского эмигранта Льюис Пауль в 1738 г. взяли патент на прядильную машину. Но это изобретение не получило распространения. Пауль был посажен в тюрьму за долги. Изобретение было продано издателю Кэву. Кэв построил фабрику, машины которой приводились в движение водой. Фабрика прекратила существование в 1764 г. Таким образом, первая попытка оказалась неудачной. Однако уже в 60-х гг. были сконструированы две новые машины, судьба которых была успешной.

В 1765 г. плотник Джеймс Харгривс или, по другим источникам, Харгрейвс, построил прялку «Дженни», названную так по имени его дочери. «Дженни» изготовлялась из дерева, не требовала силового двигателя, помещалась в жилище прядильщика и была предназначена для домашнего производства. В 1767 г. Харгривс изготовил несколько машин для продажи. Прядильщики ворвались в его дом и разрушили машины. Однако прялка «Дженни» нашла широкое применение, и в 1788 г. таких станков уже насчитывалось около 20 тысяч.

В 1767 г. Томас Хайс сконструировал ватерную машину, которая должна была приводиться в движение от водяного колеса. Хайс был талантливым механиком, но не предпринимателем. Его изобретение присвоил цирюльник Ричард Аркрайт. Ватерную машину уже нельзя было установить в жилище прядильщика, для ее использования надо было построить фабрику. В первом заведении Аркрайта машины, вопреки их названию, приводились в движение конной силой. Скоро, однако, была построена крупная фабрика при речной плотине, на которой было занято 300 рабочих и действовало несколько тысяч веретен. Затем Аркрайт построил еще несколько фабрик.

Он, однако, не смог закрепить за собой звание изобретателя. В ходе судебного процесса выяснилось, что ватерную машину изобрел не он, и его патент был аннулирован. Это обстоятельство ускорило распространение прядильной машины: при внедрении машин не надо было платить изобретателю.

Аркрайт не был изобретателем, но он был способным предпринимателем, и именно он положил начало фабричному производству в хлопчатобумажной промышленности.

Ватерная машина и «Дженни» имели существенные недостатки. Ватерная машина давала толстую нить, а «Дженни» – тонкую и непрочную, так что ее можно было использовать лишь в смеси с льняной. В 1779 г. Сэмюэль Кромптон сконструировал мюль-машину (т. е. машину, приводимую в движение мулами), которая не имела этих недостатков. Она давала тонкую и прочную нить, которая позволяла готовить чисто хлопчатобумажные ткани, действительно не уступающие индийским. О значении этого изобретения свидетельствует тот факт, что до сих пор прядильные машины называются «мюлями», хоть, конечно, в движение они приводятся не мулами.

Отец Кромптона был деревенским ткачом и прядильщиком, работником рассеянной мануфактуры. У изобретателя не было средств для оформления патента. Он решил передать свое изобретение в общее пользование промышленникам, предполагая, что они сами его вознаградят. По подписке была собрана мизерная сумма в 67 фунтов стерлингов. Позже Кромптон сконструировал еще одну машину – для кардования, но, подумав, сломал ее.

Теперь возникла обратная диспропорция – ткачи не успевали за прядильщиками. Пряжи готовилось слишком много, она не находила сбыта, и цены на нее падали. С 1779 по 1799 г. пряжа подешевела в 5,5 раза [8, с. 115]. Прядильщики были вынуждены увеличивать производство, чтобы получать прежний доход, а в результате количество пряжи увеличивалось еще больше. Теперь надо было снова увеличивать производительность труда ткачей.

В 1785 г. священник Эдменд Картрайт взял патент на ткацкий станок своей конструкции, который увеличивал производительность труда ткачей в 40 раз. Изобретатель построил небольшую ткацкую фабрику в 20 станков, которые сначала приводились в движение силами рабочего скота, а с 1789 г. паровым двигателем. Картрайт стал получать угрожающие письма от конкурентов, а затем его фабрику сожгли.

Чтобы завершить серию изобретений в хлопчатобумажной промышленности, отметим, что в 1783 г. Томас Белл сконструировал цилиндрическую набивную машину. Ведь особой популярностью пользовались индийские набивные ткани. До изобретения Белла рисунок на ткань наносился вручную досками – штампами. Цилиндрическая машина Белла заменяла 100 рабочих.

Но изобретением всех этих прядильных, ткацких и набивных машин перелом даже в одной только хлопчатобумажной промышленности не был закончен. Дело в том, что машина в принципе состоит из двух частей: рабочей машины (машины-орудия), которая непосредственно обрабатывает материал, заменяя орудие в руке рабочего, и двигателя, который приводит в

движение эту рабочую машину. Поэтому машины мануфактурного периода были только «половинками» машин. Правда, Маркс говорит о трех частях машины, добавляя сюда «передаточный механизм». Но, поскольку он не имеет самостоятельного значения, мы будем говорить о двух частях.

Промышленная революция началась с машины-орудия. Если до этого рабочий мог работать одним веретеном, то машина могла вращать много веретен, соответственно увеличивая производительность труда.

Но если рабочий прежде был сам и двигателем, т. е. сам двигал орудие труда, то теперь, когда материал обрабатывала машина, за ним осталась только функция двигателя – он должен был приводить в движение эту рабочую машину. Но человек – слишком несовершенный двигатель: он слаб и нуждается в большом расходе на свое содержание. Чтобы приводить в движение прядильные и ткацкие станки, требовалась более дешевая и мощная сила. Сначала прибегли к паллиативу, используя силу рабочего скота или падающей воды. Первые машины не случайно назывались мюль-машинами (т. е. приводились в движение мулами), ватерными машинами (действующими от водяного колеса).

В мануфактурный период именно водяное колесо использовалось как главный двигатель, и первые фабрики назывались мельницами (mills), причем это название некоторое время сохранялось и при использовании парового двигателя. Но лошадь – относительно слабый двигатель, нуждается в отдыхе, водяное колесо может работать только часть года, его действие зависит от уровня воды в пруду. Для этого действия нужно обязательно строить плотину на реке.

Полностью использовать преимущества машинного производства оказалось возможным только с появлением парового двигателя, и поэтому изобретение парового двигателя считается центральным событием промышленного переворота.

Первые паровые машины появились еще в XVII в., но их назначение было узким – это были, в сущности, паровые насосы для откачки воды из шахт. Универсальный паровой двигатель, который можно было применять в разных отраслях промышленности и на транспорте, сконструировал механик университета г. Глазго Джеймс Уатт в 1782 г. Он не был членом цеховой корпорации механиков, поэтому городские власти не могли ему разрешить заниматься изобретательством. Он мог закончить свою работу только в университетских лабораториях, потому что университеты пользовались автономией и были неподвластны городу.

История паровой машины лишней раз доказывает, что промышленный переворот – не просто цепь изобретений. Русский механик И. И. Ползунов сконструировал паровой двигатель раньше Уатта, но в России того време-

ни она оказалась не нужна и о ней забыли, как забыли и обо многих других «несвоевременных» изобретениях.

Первоначально паровой двигатель стал использоваться в хлопчатобумажной промышленности. Первая фабрика с паровыми двигателями начала действовать в 1785 г. К началу XIX в. основным потребителем паровой энергии и была хлопкопрядильная промышленность. Но даже и в хлопкопрядильном производстве массовый переход к паровым двигателям происходил лишь в 1801–1804 гг. В ткачестве переход не только к паровым двигателям, но и вообще к машинному производству начался еще позднее. Ткацкие фабрики стали строиться в основном в 20–30-х гг. XIX в.

До 1790 г. машинное производство ограничивалось хлопчатобумажной промышленностью Ланкашира. Лишь позже оно распространилось на шерстяную и другие отрасли промышленности.

Таким образом, переход от мануфактуры к фабрике даже в хлопчатобумажной промышленности происходил в основном в XIX в. Но мы не можем на основании этого считать, что промышленный переворот вступил в силу только в XIX в., потому что результаты внедрения первых машин, начиная с «летучего челнока» и прялки и прялки «Дженни», даже в условиях рассеянной мануфактуры резко ускорили производство.

Переработка хлопка в Англии выросла с 2 млн фунтов в 1720 г. до 11 млн в 1785 г. (в 5 раз за 65 лет) и с 11 млн в 1785 г. до 52 млн в 1800 г., т. е. в 5 раз за 15 лет. Экспорт хлопчатобумажных товаров за последние 20 лет XVIII в. увеличился в 15 раз – с 355 тыс. до 15 млн фунтов стерлингов. А за 130 лет с 1741 по 1871 г. переработка хлопка выросла в 1000 раз [8, с. 115; 9, с. 291].

14.4. Металлургия и транспорт

Нет необходимости проследить промышленный переворот во всех отраслях промышленности. Но следует рассмотреть его содержание в металлургии, поскольку здесь он отличался значительными особенностями. Некоторые процессы в этой отрасли были механизированы и до переворота (механические молоты, механическое дутье в домне), а другие и после переворота долго оставались ручными – засыпка шихты в печь, разливка чугуна или стали. Дело в том, что металлургия относится не к механическим, а к химическим производствам, и основные производственные процессы здесь не зависят от скорости механических движений: пока плавка чугуна не закончена, его нельзя выпускать из печи. Поэтому механизация таких химических процессов невозможна. Можно механизировать лишь вспомогатель-

ные работы, но их механизация не ускоряет производственного процесса. Промышленным переворотом в таких производствах считается изменение технологии, которое увеличивает и удешевляет выпуск продукции.

Для английской металлургии это означало переход от древесного угля к каменному. Ко времени переворота леса в Англии были уже повыврублены, угля не хватало, поэтому металлургия находилась в застое. В 1720 г. в Англии насчитывалось всего 60 доменных печей, которые давали 17 тыс. т чугуна в год. Англия была вынуждена ввозить металл из других стран, в основном из России, и промышленный переворот в Англии совершался в значительной степени на российском железе. Российское железо составляло более трети всего железа, потребляемого в Англии.

На примитивном уровне оставалась и организация металлургического производства. Рудник, доменная печь и переработка чугуна в железо обычно составляли одно предприятие, которое находилось в коллективной собственности пайщиков – металлургов. В сущности, рабочие были и хозяевами предприятия.

Металлообработка, центрами которой были Шеффилд и Бирмингем, оставалась преимущественно на уровне ремесла. В Шеффилде рабочих было не больше, чем хозяев. Хозяин мастерской-кузницы работал вместе со своими учениками и подмастерьями.

Первым научился выплавлять доброкачественный чугун на каменном угле сын графа Додлей еще в 1619 г. Но его предприятие было разгромлено металлургами, боявшимися конкуренции, и секрет его метода остался неизвестным.

Вторично открыл способ выплавки чугуна на каменно-угольном коксе представитель семьи потомственных металлургов Авраам Дерби в 1735 г. Но только в 60-х гг. этот метод стал применяться, а затем быстро распространился на все чугуноплавильное производство Англии.

Как и в хлопчатобумажной промышленности, в результате первого изобретения возникла диспропорция. На железо чугун переделывался старым способом на древесном угле, и выплавку железа тормозил не только недостаток древесного угля, но и низкая производительность этого способа.

И только в 1782 г. Генри Корт, металлург, который выполнял заказы адмиралтейства, разработал метод пудлингования – переработки чугуна на железо на каменном угле. Этот метод, однако, требовал значительных капиталовложений. Корт был вынужден залезть в долги. В 1789 г. его предприятие было конфисковано, причем не за его долги, а за долги его кредитора. Был конфискован даже его патент, и Генри Корт остаток жизни существовал на небольшую пенсию. Аннулирование патента ускорило распространение пудлингования на другие металлургические предприятия.

Каменного угля в Англии было достаточно. Он использовался для отопления и горел, в частности в знаменитых английских каминах. К концу XVIII в. дефицит металла был ликвидирован. Если в 1740 г. здесь выплавлялось 17 тыс. т чугуна, то в 1796 г. – 125 тыс. т, а к 1852 г. выплавка достигла 2,7 млн. т [7, с. 278, 334]. Заметим, что если за первый период в 56 лет производство чугуна выросло в 7,3 раза, то за второй – в 21,6 раза. Англия теперь стала экспортировать металл и даже ввозить железную руду из Швеции.

В металлообработке кустарно-ремесленное производство перерастало в крупные предприятия. Одним из первых предпринимателей стал энтузиаст этого дела Вилькинсон, которого называли даже «отцом железной промышленности». На его предприятия стали готовить из железа многое, что прежде делали из дерева, даже стулья. В 1776 г. он построил первый железный мост через Северн, а в 1787 г. – первое железное судно. Когда он умер в 1805 г., по завещанию его похоронили в железном гробу.

В конце XVIII в. были изобретены сверлильные машины, токарные, гвоздильные, винторезные станки.

Заметим, что изобретатели, как правило, не получали материальной выгоды от своих изобретений. Харгривс, Кромптон, Картрайт, Корт, не говоря уже о первых изобретателях, предтечах технической революции, были неудачниками в бизнесе. Это были энтузиасты технического прогресса, но не деловые люди. Их изобретения использовали другие – капиталисты, которые прокладывали дорогу новой технике в хозяйство, в экономику.

Промышленная революция имела характер цепной реакции. Изобретения вызывали диспропорции и влекли за собой следующие изобретения. Переворот начался с легкой промышленности, но в ходе его создавался рынок для тяжелой. Для изготовления машин требовалось много металла, а это вызвало переворот в металлургии. Спрос на машины нельзя было удовлетворить, изготавливая их в кустарных мастерских с ручным трудом – и это вызвало переворот в машиностроении, рождение машиностроительных заводов. Но возросшую массу товаров уже невозможно было перевезти на лошадях и парусных судах, поэтому переворот в промышленности вызвал переворот и на транспорте.

Но началось не с этого. Месторождения каменного угля редко находились рядом с месторождениями железной руды, а, следовательно, металлургическими заводами. Было невозможно перевозить такой массивный груз, как уголь, по грунтовым дорогам. И к концу XVIII в. в Англии начинается усиленная прокладка каналов. Несколько позже переходят к совершенствованию дорог, и в начале XIX в. наступает пора знаменитых почтовых дилижансов, которые стали в какой-то мере символом Англии.

Первый в мире пароход был построен в Англии механиком Саймингтоном в 80-х гг. XVIII в. Однако власти запретили его использовать, заявив, что волна от парохода разрушает берега. Вторично пароход был изобретен Робертом Фултоном в Америке в 1807 г. И только после этого пароходы стали строить в Англии.

В 1825 г. была пущена в ход первая железная дорога. Железные дороги не сразу завоевали признание. Сначала рельсы делали из чугуна, и они ломались под тяжелыми паровозами. Было представление, что гладкие колеса будут скользить по гладким рельсам, поэтому на колесах и рельсах делали зубья. Владельцы дилижансов, которые боялись конкуренции железных дорог, вели против них агитацию. Один из журналов писал: «Железные дороги помешают коровам пастись, куры перестанут нести яйца, отравленный дымом воздух будет убивать пролетающих птиц (экологическая катастрофа. – С. С.), дома близ дороги погорят, лошади никому не будут нужны, овес и сено перестанут покупать, гостиницы будут разорены, а самое путешествие будет грозить жизни, так как в случае взрыва паровоза будут разорваны на куски и его пассажиры».

Изобретатель паровоза Джордж Стефенсон заявил, что его паровоз может развивать скорость более 30 км в час. Один из журналов возмутился: «Нет ничего более смешного и глупого, чем обещание построить паровоз, который двигался бы в два раза быстрее почтовой кареты. Предположение, что англичане доверят свою жизнь такой машине, так же маловероятно, как и мысль, что они дадут себя добровольно взорвать на ракете». И Стефенсон назвал свой паровоз «Ракетой» (в Англии принято давать собственные имена домам, паровозам и т. п.).

14.5. «Фабрика мира»

Промышленный переворот ускорил развитие английской промышленности. С 1800 по 1871 г. выплавка чугуна в Англии выросла в 33 раза, переработка хлопка – в 25 раз. В 1850 г. на долю Англии приходилось 60% мировой добычи угля, около половины мировой выплавки чугуна и около половины всей мировой промышленной продукции. Ее называли «фабрикой мира».

Но причина ускорения роста промышленности заключалась не в том, что машины позволяли производить больше продукции. Увеличение количества продукции без увеличения рынка сбыта привело бы только к кризису перепроизводства. Пришлось бы останавливать заводы и уничтожать

лишнюю продукцию. Действительная причина ускорения роста производства заключалась в том, что машины понизили стоимость продукции и тем расширили рынок сбыта. Себестоимость хлопчатобумажной пряжи в ходе переворота упала в 12 раз! Хлопчатобумажные ткани стали настолько дешевле, что даже беднейшие слои населения, наиболее многочисленные, могли их покупать. Рынок расширился не за счет богачей. Кроме того, английские товары фабричного производства оказывались вне конкуренции на мировых рынках, и теперь на экспорт шли не только хлопчатобумажные и шерстяные ткани. За последние 15 лет XVIII в. английский экспорт увеличился почти втрое, а за первую половину XIX в. – еще в три раза.

С развитием капитализма начинаются первые экономические кризисы. Уже первый кризис в 1825 г. привел к банкротству 80 банков и 3,5 тысячи фирм. Следующий наступил в 1837 г., когда цены на промышленные товары упали на 40–45%. В 1847 г., во время третьего кризиса, промышленное производство сократилось на четверть. Затем кризисы повторялись каждое десятилетие.

Со времени промышленного переворота ускоряется и рост населения: при развитии фабричного производстве местность может прокормить значительно больше людей, чем при феодальном сельском хозяйстве. В конце XVII в. Англию населяло 5,5 млн человек. Один из ученых того времени, исходя из тогдашних темпов роста населения, подсчитал, что через 600 лет, т. е. к 2300 г., Англия будет иметь 11 млн жителей, а еще через 12 веков, к 3500 г. – 22 млн, «если, конечно, мир будет существовать тогда» [6, с. 290]. В действительности уже к 1900 г. население Англии превысило 32 млн.

Естественно, особенно быстро растут города: большая часть населения уже занята в промышленности, а промышленность теперь в отличие от мануфактурного периода располагалась в городах, а не в сельской местности. В сельском хозяйстве в 1850 г. было занято только 20% населения, а в 1871 г. – 14%.

Но это совсем не означало упадка сельского хозяйства. Наоборот, оно в это время становится самым рациональным, самым продуктивным в мире. Теперь завершилась аграрная революция, и крестьянские натуральные хозяйства были окончательно вытеснены капиталистическими фермерами.

Это получилось так. С ростом городов повысился спрос на молоко, мясо, овощи, и теперь производство именно этих продуктов стало самым выгодным в сельском хозяйстве. Но лендлорды, в руках которых оставалась основная часть земли, не могли сами заниматься этими отраслями, которые требовали хозяйственных забот и личного участия хозяина. К тому же свиноферма или овощеводческое хозяйство не требовали много земли, а владения

лендлордов были большими и часто разбросанными в разных частях Англии. Поэтому для лендлордов было проще сдавать землю в аренду.

С развитием капитализма арендная плата выросла в 5–10 раз. Арендаторы, которые вели традиционное натуральное хозяйство, уже не могли платить такую высокую плату. Они разорялись. Их сменяли те, кто применял передовую агротехнику, минеральные удобрения, разводил породистый скот, короче говоря, переходил к рациональному товарному производству. Эти могли платить не только высокую арендную плату, но и получали значительную прибыль.

Земля теперь приносила достаточный доход, если фермер вкладывал достаточный капитал в хозяйство. В начале XIX в. считалось, что для ведения фермы нужно вложить капитала 5 фунтов стерлингов на акр (0,4 га), а в середине века исходили из того, что при вложении на акр меньше 10–12 фунтов хозяйство вести нельзя.

Немногочисленные в Англии крестьяне, сохранившие собственную землю, не стали фермерами: их не заставлял рост арендной платы переходить к рациональному товарному производству. Так и получилось, что в Англии сельскими капиталистами, фермерами стали не собственники земли, а арендаторы.

В результате перехода к капитализму продуктивность сельского хозяйства Англии стала значительно выше, чем в других странах. Урожайность зерновых в середине XIX в. здесь была вдвое выше, чем во Франции, а продуктивность мясного животноводства – выше в 2,5 раза.

Изменилась и торговая политика английского правительства. В 40-х гг. XIX в. оно переходит от протекционизма к фритредерской политике (политике свободной торговли), т. е. снижает или совсем отменяет импортные пошлины. Теперь, когда английские товары завоевывали мировой рынок, главной задачей стало не защищать для них внутренний рынок страны, а обеспечивать их экспансию на внешние рынки. Заключая торговый договор с другим государством, Англия демонстративно отменяет пошлины на товары этого государства, но требует, чтобы и оно отменило пошлины на английские товары, пустило их на свой рынок.

Началось с отмены хлебных законов, т. е. высоких пошлин на импорт хлеба. Вокруг этих законов шла борьба между лендлордами, представлявшими сельское хозяйство, и промышленниками. Лендлордам нужны были пошлины, чтобы оградить сельское хозяйство Англии от конкуренции, сохранить высокие цены на продовольствие. Промышленники же были заинтересованы в снижении цен на продовольствие и сырье. Снижение цен позволяло понизить зарплату рабочим, сократить затраты на сырье и повысить прибыли. Промышленники сумели привлечь на свою сторону и основную массу

городского населения, которое, конечно, было заинтересовано в дешевизне продовольствия. Лендлорды оказались в изоляции. Хлебные законы были отменены в 1846 г.

Отмена хлебных пошлин была благоприятна и для развития сельского хозяйства Англии. Конкуренция импортного хлеба заставляла совершенствовать сельское хозяйство, чтобы выдержать конкуренцию.

В 1849 г. был отменен Навигационный акт – основа английского протекционизма. Английские фабриканты и купцы больше не боялись иностранной конкуренции. Наконец, в 1860 г. импортные пошлины были практически отменены.

14.6. Колониальная империя

В период промышленного переворота Англия продолжала колониальные захваты. В результате Семилетней войны 1756–1769 гг. Англия отняла у Франции Канаду, территорию к западу от Миссисипи, ряд островов в Вест-Индии и вытеснила Францию из Индии.

Правда, Индия пока не являлась английской колонией. Ведь Ост-Индская компания формально была торговой. Но используя раздробленность этой страны на отдельные княжества и распри между ними, Англия поочередно захватывает их. Принцип «разделяй и властвуй» для Англии был традиционным. Власть местных раджей сменялась английской администрацией. В результате Ост-Индская компания стала ненужной и в 1858 г. была ликвидирована. Индия стала «жемчужиной британской короны». Население остальных колоний в 1870 г. было в 16 раз меньше населения одной Индии.

Захваты продолжались. В 1788 г. Англия присоединила к своим владениям целый континент – Австралию, в 1796 г. – Цейлон, в 1806 г. – Капскую колонию, плацдарм для своего господства в Южной Африке.

Теперь территория английских колоний была в 100 раз больше территории самой Англии, и англичане с гордостью заявляли, что над Британской империей никогда не заходит солнце.

В результате промышленного переворота значение колоний для Англии и характер их эксплуатации меняются. Если прежде колонии служили источником первоначального накопления капиталов путем прямого или торгового ограбления, то теперь они стали источником сырья и рынком сбыта для английской промышленности. Сырье доставляется из колоний не даром. В обмен на сырье в колонии направляется поток дешевой фабричной продукции. Но эта продукция подавляет ростки местной промышленности, и

хозяйство колоний замораживается на докапиталистическом уровне. Колонии становятся аграрным придатком метрополии.

Примером может служить Австралия. Непосредственно грабить эту страну, как испанцы грабили ацтеков и инков, было невозможно: у австралийских аборигенов не было никаких богатств. Не было здесь и пряностей, которые можно было бы продавать в Европу в несколько раз дороже. Англичане стали создавать там огромные скотоводческие хозяйства, разводя главным образом овец, превратив Австралию в источник сырья для английской шерстяной промышленности. Вот куда переместилось теперь овцеводство из Англии.

Впрочем, первоначально Австралия стала местом каторжных работ. Для устройства отбывших срок каторжников предполагалось создавать мелкие фермы. Между тем, в Австралию хлынул поток переселенцев из Англии. Ставить им препоны, ограничивая их владения, местная администрация уже не могла. В результате и стали преобладать огромные скотоводческие ранчо.

Из Индии до промышленного переворота ввозилась, в сущности, промышленная продукция – хлопчатобумажные ткани. В результате переворота Индия становится источником сырья для английской хлопчатобумажной промышленности. Посевы хлопчатника вытесняли продовольственные культуры, и в Индии теперь уже не хватало своего продовольствия. Голод здесь стал обычным явлением.

Английские фабрики обрекли на гибель миллионы индийских ткачей, которые не могли конкурировать с дешевыми фабричными тканями. Генерал-губернатор Индии писал: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопкоткачей».

Но на долгие столетия заморозить экономическое развитие колоний, в частности в Индии, было невозможно. Колониализм – это и экспорт капитала в колонии. Там дешевая рабочая сила, дешевое сырье, следовательно, высокие прибыли. И капитал прорывается в колонии. В Индии начинается строительство железных дорог, которые были необходимы для вывоза сырья из глубинных районов и оперативной переброски войск. Но для железных дорог необходимы металл и уголь, поэтому развивается их производство. Около железных дорог складываются узлы экономической жизни.

В предпринимательство втягивается и местная буржуазия, сколотившая свой капитал на посредничестве, на поставках англичанам индийской продукции.

С изменением роли колоний наиболее варварские, грубые методы их эксплуатации сменяются более цивилизованными. Тропическая Африка долгое время была «полем охоты на чернокожих». Рабы являлись главной статьей экспорта из Африки. За XVIII в. англичане доставили 500 тысяч рабов только

на испанские и французские плантации в Северной Америке. Труд рабов использовался и на своих, английских плантациях. Эксплуатация одного негра на английских плантациях в Ост-Индии давала такой же доход, как эксплуатация семи рабочих в Англии.

В этот период англичане не проникали в глубь Африканского континента, а имели лишь опорные базы на побережье. Они вооружали прибрежные племена и натравливали их на соседей для захвата рабов и доставки их англичанам (опять «разделяй и властвуй»). Результатом было опустошение больших районов.

В 1807 г. работорговля была запрещена, а в 1834 г. было отменено рабство в колониях. После этого англичане стали двигаться в глубь континента, и оказалось, что Африка богата не только рабами. Отсюда стали вывозить какао, пальмовое масло и даже золото. На эксплуатации африканских колоний возникла компания Левер, которая в дальнейшем переросла в одну из крупнейших британских монополий.

Отмена рабства не означала, что английский колониализм стал гуманным. Он стал лишь более рациональным: были отброшены те формы, без которых в новых условиях можно было свободно обойтись. Если даже и очень жестокий метод приносил большую прибыль, колониалисты от него не отказывались. Например, англичане в больших количествах ввозили в Китай из Индии опиум, получая от этого большую прибыль. Китайское правительство пыталось запретить ввоз опиума. Англия на это ответила войной: в 40-х гг. она ведет «опиумные» войны против Китая – за право ввозить опиум.

Египет формально не был британской колонией. Здесь Англия действовала путем финансового закабаления. Глава этого государства, хедив, брал займы у англичан для «европеизации» своей страны, для строительства железных дорог и прокладки каналов, а в результате оказался в неоплатном долгу. Пользуясь кабальной зависимостью хедива, англичане устанавливали свои порядки, и теперь Египет управлялся чиновниками под британским контролем. Здесь все больше земли отводилось под хлопчатник, и в Египте, как и в Индии, стало не хватать своего продовольствия.

По мере освоения колоний усиливалась эмиграция из Англии. Сюда устремлялись те, кто потерял землю на родине, чтобы завести здесь фермерское хозяйство. Сюда устремлялись авантюристы в надежде разбогатеть, потому что было известно, что в колониях люди быстро становятся богачами. Из Великобритании в 1815–1888 гг. эмигрировало 4,8 млн человек, из Ирландии – 5 млн. Эмиграция ослабляла социальные противоречия в Англии. Оказавшись в безвыходном положении, можно было уехать за океан и начать жизнь заново.

Английские колонии можно разделить на два типа: переселенческие и непереселенческие. Переселенческие колонии – это те, основное население которых составили переселенцы из Англии и других стран Европы. К таким колониям относились Канада, Австралия, Южно-Африканский Союз – территории в относительно умеренном климате. В таких колониях довольно быстро развивается буржуазная экономика. У буржуазии таких колоний, т. е. «своей» же английской буржуазии, только переселившейся на новое место, возникают противоречия с английским правительством. Англия, опасаясь потерять эти колонии, как она уже потеряла колониальные владения в Северной Америке, ставшие самостоятельным государством, США идет на уступки местной буржуазии, предоставляет права самоуправления и относительную хозяйственную самостоятельность. В дальнейшем такие колонии получили статус доминионов.

Англия этого времени стала не только «фабрикой мира» и крупнейшей колониальной державой, но и «ладычицей морей». В середине XIX в. ей принадлежало 60% мирового торгового флота. Она теперь так же господствовала в мировой торговле, как два столетия назад господствовала Голландия.

14.7. Формирование рабочего класса

Казалось, промышленный переворот, снизив цены на товары народного потребления, был выгоден беднейшим слоям населения, промышленным рабочим и сельским батракам. Но это лишь одна сторона социальных последствий переворота.

Переворот в текстильной промышленности разорил ткачей – работников рассеянной мануфактуры. Первое время они пытались конкурировать с машинами, удлиняя свой рабочий день и довольствуясь все меньшей оплатой своего труда. Но со временем машины настолько удешевили производство, что дальнейшее сопротивление стало невозможным.

Рабочий рассеянной мануфактуры был еще не вполне рабочим. Он сохранял самостоятельность. Словом «мануфактурист» (manufacturer) называли и рабочего, и хозяина мануфактуры. Четкой границы между рабочим и предпринимателем не было, потому что не было основного капитала, не было затрат предпринимателя на производственное здание и оборудование. Производственные затраты капиталиста сводились к плате за сырье и работу.

Положение рабочего рассеянной мануфактуры отличалось от положения ремесленника только тем, что он работал по заказу не потребителя, а мануфактуриста. Чем-то это было даже удобней: не надо было заботиться о

заготовке сырья, о сбыте продукции. А работал он у себя дома, работал тогда, когда ему было удобно.

И жил он не так уж плохо. В 1750-х гг. глостерский ткач зарабатывал 13–18 шиллингов в неделю, т. е. 2–3 шиллинга в день. Потребление мяса в Англии было выше, чем на континенте. «Нередко можно видеть, – писал Дефо, – что ткач ... отправляется в базарный день в Галифакс и покупает там для убоя 2–3-х волов» [6, с. 41].

С переходом к фабрике изменился сам характер работы. Ручной труд – это творческий процесс, при котором работник видит результат своего труда, и этот результат тем выше, чем выше его квалификация. Машинное производство уже не требовало мастерства от рабочего: уже не он, а машина непосредственно обрабатывала материал. С работой при машине могли справиться женщины и дети, труд которых капиталисту обходился гораздо дешевле. Поэтому теперь в промышленности стал усиленно применяться женский и детский труд. Поскольку родители сначала не хотели отдавать детей на фабрику, первые контингенты детей поступали из приютов и сиротских домов. Благотворительность стала выгодным делом. Благотворители оптом, по несколько сотен, сдавали детей на фабрику, естественно, за деньги. Дефо изумлялся, что четырехлетние дети зарабатывали себе на жизнь, как взрослые люди.

Переход к машинам не привел к безработице: промышленность росла быстрее, чем машины вытаскивали лишних рабочих с предприятий. Но конкуренция дешевого женского и детского труда, а также то обстоятельство, что работа при машине не требовала прежнего мастерства, вели к снижению заработной платы. В начале XIX в. на свой дневной заработок английский ткач мог купить 2,5 кг хлеба. Очевидно, что на такие деньги нельзя было прокормить семью. Поэтому значительная часть рабочих оказалась на содержании церковных приходов.

В Англии издавна был обычай содержать бедняков за счет приходов. Если человек не мог прокормить своим трудом семью, недостающие деньги он получал от прихода. Поскольку в годы промышленного переворота число бедняков стало катастрофически увеличиваться, был введен специальный налог на бедных. Составлялись таблицы скудного прожиточного минимума, и разница между прожиточным минимумом и заработной платой покрывалась за счет этого налога. Предприниматели получили возможность дополнительно снижать заработную плату, перекладывая на плечи общества расходы по содержанию своих рабочих. Налог на бедных в середине XVIII в. составлял 700 тыс. фунтов стерлингов, к 1800 г. вырос до 4 млн. [7, с. 286].

Чтобы сократить выдачу пособий по бедности, были придуманы «рабочие дома». Теперь вместо выдачи пособий на руки стали содержать бедняков

в рабочих домах, где условия были намеренно сделаны очень тяжелыми: здесь кормили впроголодь и заставляли выполнять бессмысленную и ненужную работу – бить камни или расплетать канаты. Смысл рабочих домов заключался не в том, чтобы содержать бедняков, а в том, чтобы загнать их на фабрики. Как было сказано в официальном документе, «каждый работоспособный человек, проживающий в рабочем доме, должен подвергаться такому режиму в отношении труда и дисциплины, который оттолкнет даже бездельников и порочных людей» [7, с. 332]. Тем, кто отказывался поступать в рабочий дом, пособия по бедности теперь не давались. Негодованием против рабочих домов наполнены романы Диккенса. Рабочие дома заставляли людей поступать на фабрики даже за самую мизерную заработную плату.

Низкая зарплата дополнялась непомерной длиной рабочего дня. Особенно тяжелыми были условия на старых фабриках, работавших на водяной энергии. Здесь рабочий день доходил до 16–18 часов. Поскольку производство зависело от погоды и времени года, фабрикант старался использовать благоприятные условия для безостановочной работы машин.

Борьба рабочих за улучшение своего положения первоначально имела форму движения луддитов – разрушителей машин. Это движение развернулось в конце XVIII – начале XIX в. Началом этого движения были выступления против изобретателей, начиная с Кэя. Ломали машины и сжигали фабрики в основном разорявшиеся рабочие рассеянной мануфактуры. Масштабы действий луддитов были довольно крупными. Они объединялись в отряды, иногда им удавалось захватить город, и тогда они уничтожали в нем все фабрики.

В дальнейшем рабочее движение шло по двум направлениям – чартизма и тред-юнионизма. Чартизм – движение за политические права, за изменение избирательной системы. Это движение возглавили промышленники. Дело в том, что промышленная буржуазия, которая уже господствовала в экономике, почти не была представлена в парламенте. Избирательный закон давал право голоса землевладельцам и господствующей верхушке старых городов. Промышленные центры, такие как Манчестер, Бирмингем, Шеффилд, не имели права избирать членов парламента. Между тем, в результате миграции старые города превращались в малонаселенные «гнилые местечки», а по мере исчезновения слоя фригольдеров основными избирателями становились лендлорды.

Чартисты добились изменения избирательной системы. Теперь право голоса получили фермеры – арендаторы, хозяева и съемщики крупных домов в городах. Решающая роль в избрании членов парламента перешла к крупным индустриальным районам. Закон 1832 г. увеличил число избирателей с 220 до

670 тысяч (при населении в 14 млн.), и теперь решающую роль в парламенте стала играть промышленная буржуазия.

Рабочие права голоса не получили. Уже новым составом парламента был в 1834 г. принят закон о работных домах. После этого участие рабочих в чартистском движении сходит на нет, и рабочее движение все в большей степени приобретает форму тред-юнионизма.

Первые объединения рабочих для борьбы за улучшение условий труда возникли еще в XVIII в. Очень часто они апеллировали к традициям, к цеховым регламентам. На основании этих регламентов они требовали ограничить число принимаемых на фабрику учеников, не принимать на работу людей, не прошедших срок ученичества, а затем переходили к требованиям не принимать рабочих, не входивших в объединение, угрожая бойкотом. «Когда в продаже мало яиц, они дорого стоят, – говорил один из лидеров этого движения. – Когда рабочих мало, тогда они дорого стоят» [7, с. 368].

В 1799 г. союзы рабочих были запрещены, но в 1824 г. это запрещение было отменено. Теперь рабочие в основном добивались сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Результатом стало рабочее законодательство.

Следует заметить, что если в чартистском движении рабочие выступали в союзе с буржуазией, то теперь их союзниками выступали лендлорды. Промышленники требовали отмены хлебных законов, т. е. понижения цен на продовольствие, апеллируя к беднейшим слоям, в том числе рабочим, но имея в виду возможность в связи с этим понизить заработную плату. В ответ лендлорды указывали на непомерную продолжительность рабочего дня и плохие условия труда на фабриках, тоже апеллируя к низам. Фабриканты защищались, ссылаясь на принцип невмешательства государства в частное предпринимательство и заявляя, что «только последний час приносит барыш».

И все же в 1819 г. законом был запрещен на хлопчатобумажных фабриках труд детей до 9 лет, а в 1847 г. рабочий день женщин и детей был сокращен до 10 часов. Это означало сокращение рабочего дня и для мужчин, потому что продолжать производственный процесс без той части работы, которую выполняли женщины и дети, было невозможно.

Рабочие законы стимулировали технический прогресс. Эти законы были ударом по предприятиям с устаревшим оборудованием, особенно использующим водную энергию. В конкурентной борьбе побеждали хорошо технически оснащенные фабрики.

Переход к капитализму изменил психологию людей. Раньше работа, дело служили для удовлетворения потребностей. Труд крестьянина был важен его результатом. В XVIII в. в Англии существовала обширная литература для

предпринимателей – инструкции, как вести хозяйство. Эти инструкции рекомендовали выходить из хозяйственной деятельности, когда капитал достигнет 50 тыс. фунтов, так как после этого можно купить поместье и жить как сквайр. Человек оставался мерой вещей. При переходе к капитализму производство, бизнес становится самоцелью, а не средством достижения других целей. Цель капиталистического предприятия – увеличение прибыли, а не производство каких-то ценностей.

14.8. Подведем итоги

Почему именно Англия стала лидером промышленного переворота, опередив другие страны? Потому что здесь раньше, чем в других странах, была разрушена феодальная система и произошел переход от натурального хозяйства к товарному производству. На первый взгляд, это не так. В Англии земля осталась в собственности феодалов – лендлордов, тогда как во Франции феодальное землевладение, а с ним и господство феодалов были ликвидированы.

Но во Франции революция, ликвидировав господство феодалов, закрепила мелкое крестьянское землевладение – основу натурального хозяйства. В Англии лендлорды сохранили свое господство, но перестали быть феодалами, заводя крупное товарное производство или сдавая землю в аренду. А крестьянство в процессе огораживания было ликвидировано, что ускорило аграрную революцию и обеспечило фабрики рабочей силой.

Дополнительной предпосылкой промышленной революции было господство шерстяной промышленности. Государственное покровительство и регламентация этой отрасли ставили хлопчатобумажную промышленность в условия жесткой конкуренции, стимулирующей технический прогресс.

Еще одной предпосылкой переворота было рождение колониального хозяйства. Пока что это были не огромные колониальные территории. Индия пока не была завоевана, Австралия не стала источником сырья, а колонии в Северной Америке не обеспечивали значительного притока капиталов. Источниками первоначального накопления капиталов служила работорговля и торговое ограбление не принадлежащих Англии территорий. Англия накапливала капиталы за счет чужих колоний и еще не завоеванных стран.

Сам промышленный переворот, т. е. переход от мануфактуры к фабрике, в XVIII в. только начинался. XVIII в. – это цепь изобретений, которые первоначально предназначались не для фабрик, а для мануфактур. Правда, реализация этих изобретений ускорила развитие производства и появле-

ние первых фабрик. Но основные плоды изобретений были получены уже в XIX в. Даже в хлопчатобумажной промышленности, самой передовой отрасли, ткацкие фабрики в основном строились в 20–30-х гг. XIX в.

Только в первой половине XIX в. были полностью внедрены в металлургию изобретения Дерби и Корта, начался переворот на транспорте, только в первой половине XIX в. произошло резкое ускорение промышленного производства, которое сделало Англию «фабрикой мира».

Переходя к последствиям промышленной революции, мы должны отметить резкое падение стоимости промышленной продукции.

Вторым следствием переворота стало завершение аграрной революции, окончательный переход к фермерскому товарному производству и выдвигание на первый план продуктивного животноводства и овощеводства.

Третьим следствием промышленной революции стало изменение роли колоний. Только теперь колонии стали источниками сырья и рынками сбыта, а в связи с этим Англия переходит от работоторговли и просто торговли колониальными товарами к захвату огромных территорий – Индии, Австралии, африканских владений.

Четвертым следствием стало резкое ухудшение положения промышленных рабочих и рождение рабочего движения.

Л и т е р а т у р а

1. Всемирная история. Т. V–VI. М., 1958–1959.
2. *Ерофеев Н. А.* Очерки истории Англии. 1815–1917. М., 1959.
3. История Европы. Т. 4–5. М., 1994–2000.
4. *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 2. М.; Л., 1931.
5. *Конотопов М. В., Сметанин С. И.* История экономики зарубежных стран. М., 2001.
6. *Манту П.* Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937.
7. *Мортон А. Л.* История Англии. М., 1950.
8. *Мотълев В. И.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
9. *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран. Эпоха капитализма. М., 1961.

15. ДАВИД РИКАРДО: ГЕНИЙ ИЗ СИТИ

В 1799 г. молодой состоятельный делец с лондонской биржи жил на курорте Бат, где лечилась его жена. Зайдя в публичную библиотеку, он случайно перелистал «Богатство народов» Адама Смита, заинтересовался и попросил прислать книгу ему на квартиру. Так впервые пробудился интерес Рикардо к политической экономии.

Эта история рассказывается со слов самого Рикардо, но она все же анекдотична, как рассказы о яблоке Ньютона и чайнике Уатта. Будучи образованным человеком, он едва ли мог не знать о книге Смита. Рикардо имел уже обширные практические познания в экономике, а также известный навык к абстрактному мышлению, ибо интересовался науками. Тем не менее находка в библиотеке Бата могла, конечно, послужить толчком.

Рикардо продолжал делать деньги, а для души занимался минералогией. Но вскоре главным его делом, трудом, отдыхам и отрадой стали занятия политической экономией. Среди достоинств, которыми обладал Рикардо, пожалуй, больше всего поражает эта самозабвенная увлеченность наукой, постоянная и бескорыстная погоня за истиной. Рикардо был скромный человек и всю жизнь считал себя в науке немного дилетантом. Но этот «дилетант» завершил создание английской классической политической экономии.

Важной заслугой Рикардо была разработка методов научного исследования в экономической науке. Уже современники говорили о вышедшей из-под пера Рикардо «новой науке политической экономии» и в известном смысле были правы: действительно, в его работах политическая экономия в значительной мере впервые обрела черты науки как системы знаний об экономическом базисе общества. Рикардо пытался найти ответ на вопрос, всегда волновавший и волнующий экономистов, – каковы общественные условия производства и распределения, в наибольшей степени благоприятные (оптимальные) для роста материального богатства общества. По этой проблеме он высказал ряд идей, не потерявших своего значения до наших дней. Важным отличием теоретических взглядов Рикардо было наличие единой общей концепции, лежащей в основе научного истолкования всего огромного многообразия фактов экономической действительности. Рикардо стремился исследовать экономику как сложную систему и определить основные условия равновесия. Это было связано у него с уверенностью в том, что в экономике действуют объективные законы и существуют механизмы, обеспечиваю-

щие действие этих законов как преобладающих тенденций. Проблема «механизмов саморегулирования» в экономике сохраняет свое теоретическое и практическое значение.

Важную роль сыграли труды Рикардо в развитии таких конкретных областей экономической науки, как денежное обращение и кредит, международные экономические отношения, налоги. По теории земельной ренты и международного разделения труда Рикардо высказал идеи, вошедшие в золотой фонд экономической мысли. Глубокий теоретик, Рикардо вместе с тем близко стоял к экономическим проблемам своего времени и своей страны. Он был искусным полемистом и талантливым публицистом по экономическим и социальным вопросам. Рикардо были свойственны высокие принципы научной этики, заслуживающие уважения и подражания.

Даже для той эпохи, когда жил Рикардо и профессии экономиста фактически еще не существовало, его путь в науку был необычен и вызывал изумление. Один из последователей Рикардо восторженно писал в 1821 г.: «Возможно ли, что один англичанин, и притом не из мира академической науки, а стесненный коммерческими и общественными заботами, совершил то, что не могли продвинуть на волосок все университеты Европы и целое столетие научной мысли»*.

15.1. Промышленная революция

Англия воевала четверть века. Сначала с якобинцами, потом с генералом Бонапартом, наконец, с императором Наполеоном. Война кончилась летом 1815 г. битвой при Ватерлоо. Теперь Англия могла пользоваться плодами победы. Рухнула континентальная блокада, которой Наполеон надеялся удушить английскую торговлю. Европейские рынки открылись для английских товаров – самых лучших и разнообразных в тогдашнем мире.

Война шла вдалеке от берегов Англии, на континенте Европы, в колониях, на морях и океанах. Она не мешала Англии богатеть. Последняя треть XVIII в. и первая треть XIX в. – это эпоха промышленной революции в Англии. Капитализм из мануфактурной стадии вступил в стадию машинной индустрии. Место кустарных мастерских стали занимать фабрики, на которых работали сотни людей. Как грибы выростали мрачные, закопченные фабричные города. В центре промышленного переворота находилась хлопчатобумажная промышленность. Вместе с тем развивались отрасли, производившие для нее машины и топливо. Начался век угля и железа. Пар становился

* Цит. по: *Ricardian A. Baug. Economics. A Historical Study. New Haven, 1958. P. V.*

главным источником двигательной силы. В поездку на континент в 1822 г. Рикардо отправился уже на пароходе, а через два года после его смерти впервые пошел по рельсам паровоз.

Менялась сельская Англия. Мелкие независимые крестьянские хозяйства на своей или арендованной земле исчезали, уступая место крупному землевладению и хозяйству капиталистических фермеров-арендаторов. Формировался сельскохозяйственный пролетариат, который, вместе с тем, пополнял ряды шахтеров, землекопов, каменщиков, фабричных рабочих.

Англия богатела, но вместе с богатством росло неравенство в распределении. Классовые различия становились резче и определеннее. Для рабочих это был чудовищно жестокий мир – тот мир, который потряс молодого Энгельса, когда он в 1842 г. впервые попал в Англию. Рабочий день продолжался 12–13 часов, а иногда и больше. Заработная плата обеспечивала пропитание буквально не выше голодного минимума. Безработица или болезнь обрекала рабочего и его семью на голод. Машины позволяли фабрикантам широко использовать еще более дешевый женский и детский труд, особенно в текстильной промышленности.

Любые объединения и союзы рабочих были запрещены законом и рассматривались как мятежные. Первые выступления рабочих против ужасных условий жизни были стихийными вспышками отчаяния и ярости. Луддиты разрушали машины, наивно считая их виновниками своих бедствий. В 1811–1812 гг. их движение приняло довольно большие размеры. Байрон поднял в палате лордов свой одинокий голос в защиту отчаявшихся бедняков. Рикардо не мог, конечно, одобрять действия луддитов, но он выступал за легализацию рабочих союзов и впервые дал в своих сочинениях трезвый анализ социальных последствий применения машин. В 1819 г. войска расстреляли в Манчестере большую демонстрацию рабочих.

И все же классовый антагонизм буржуазии и пролетариата в начале XIX в. еще не был столь острым, как в последующее время. Буржуазия была еще восходящим классом, ее интересы соответствовали интересам развития производительных сил. Рабочий класс был слаб и неорганизован. Он являлся, скорее, объектом, а не субъектом в общественных отношениях и в политике.

Интересам буржуазии пока серьезно угрожали посягательства землевладельцев. Повышение цен на хлеб принесло им рост земельной ренты, и они после войны добились от торийского парламента принятия хлебных законов, которые резко ограничивали ввоз иностранного зерна в Англию и способствовали сохранению высоких цен на хлеб. Это было невыгодно фабрикантам, так как им приходилось платить более высокую денежную заработную плату своим рабочим, чтобы они не умерли с голоду. Борьба вокруг хлеб-

ных законов была важнейшей частью политической жизни Англии в течение всей первой половины XIX в. и в немалой степени определяла теоретические позиции экономистов, в частности Рикардо. В этой борьбе интересам землевладельцев в известной мере противостояли тогда совместные интересы промышленной буржуазии и рабочего класса.

Такова была историческая обстановка, в которой сложилось учение Рикардо и своей высшей точки достигла английская классическая школа. Эта обстановка отчасти объясняет, почему Рикардо мог с большой научной объективностью и беспристрастием анализировать коренные социально-экономические проблемы, в особенности отношения между капиталом и трудом. Разумеется, огромное значение имела при этом и личность Рикардо как ученого.

15.2. Самый богатый экономист

Есть такая английская шутка. Кто такой экономист? Человек, который не имеет ни гроша в кармане и дает другим такие советы, что если они будут следовать им, то окажутся тоже без гроша. Однако нет правил без исключений. Рикардо составил себе миллионное состояние и порой давал друзьям, в частности Мальтусу, такие советы насчет помещения денег, что те не имели оснований жаловаться.

Предки Рикардо, испанские евреи, бежали от преследований инквизиции в Голландию и осели там. Отец экономиста в 60-х гг. XVIII в. перебрался в Англию, где сначала занимался оптовой торговлей товарами, а потом перешел к торговле векселями и ценными бумагами. Давид был третьим из его 17 детей. Он родился в Лондоне в апреле 1772 г., обучался в обычной начальной школе, а затем был отправлен на два года в Амстердам, где начал постигать в конторе своего дяди тайны коммерции.

По возвращении Рикардо еще некоторое время учился, но в 14 лет его систематическое образование окончилось. Правда, отец разрешил ему брать уроки у домашних учителей. Однако скоро выяснилось, что интересы юноши выходят за пределы того, что отец считал необходимым для дельца. Это ему не понравилось, и уроки прекратились. В 16 лет Давид уже был ближайшим помощником отца в конторе и на бирже. Наблюдательный, сообразительный, энергичный, он быстро сделался заметным человеком на бирже и в деловых конторах Сити. Отец стал поручать ему самостоятельные дела и неизменно оставался доволен.

Однако Давид тяготился деспотизмом и консерватизмом отца. Он был равнодушен к религии, а дома его заставляли строжайшим образом следовать

всем догмам иудаизма и выполнять его обряды. Конфликт вышел наружу, когда в 21 год Рикардо заявил отцу, что он намерен жениться на христианке. Невеста была дочерью врача-квакера, такого же домашнего тирана, как старый Рикардо. Брак был заключен против воли обоих семейств. Женитьба на христианке означала для Рикардо изгнание из иудейской общины. Рикардо не перешел и в квакерскую общину, а остановился на унитарянстве – самой свободной и гибкой из сект, отколовшихся от государственной англиканской церкви. По всей видимости, это было просто благопристойным прикрытием его атеизма.

Счастливый конец этой романтической истории мог бы быть омрачен бедностью, так как молодые, естественно, ничего не получили от родителей. А в 25 лет Рикардо уже был отцом троих детей (всего их было восемь). Он не знал никакого другого дела, кроме биржевой спекуляции, и теперь занимался ею не как подручный отца, а самостоятельно. Ему повезло, помогли также связи, репутация и способности. Через пять лет он уже был богат и вел крупные операции.

В наше время на фондовых биржах Англии, США и других стран продаются главным образом акции крупных частных компаний. В конце XVIII в. акционерных обществ было еще очень мало. Сделки с акциями Английского банка, Ост-Индской компании и нескольких других обществ составляли ничтожную долю биржевых операций, и Рикардо ими почти не занимался. Золотым дном для него, как для многих ловких дельцов, оказался государственный долг и сделки с облигациями государственных займов. За первые 10 лет войны – с 1793 по 1802 г. – английский консолидированный государственный долг возрос с 238 до 567 млн. фунтов стерлингов, а к 1816 г. превысил 1 млрд. Кроме того, в Лондоне размещались иностранные займы. Курсы облигаций менялись под влиянием разных экономических и политических факторов. Игра на курсах стала первым источником обогащения молодого дельца.

Как рассказывают современники, Рикардо отличался феноменальной проницательностью и чутьем, быстротой реакции и вместе с тем большой осторожностью. Он никогда не зарывался, не терял хладнокровия и трезвости оценок. Умел продавать вовремя, порой удовлетворяясь скромным выигрышем на каждой облигации, наращивая прибыль за счет больших оборотов.

В эти годы начались операции, из которых впоследствии выросло инвестиционное банковское дело, а с ним состояния и власть таких финансовых магнатов, как Ротшильды и Морганы. Богатые финансисты, объединявшиеся в небольшие группы, брали у правительства подряд на размещение вновь выпускаемых займов. Проще говоря, они оптом покупали у него все облигации нового займа, а затем распродавали их в розницу. Прибыли от

этих операций были огромны, хотя порой они были сопряжены с большим риском: курс облигаций мог внезапно упасть. Заем доставался той группе финансистов, которая называла на торгах, устраиваемых казначейством, самую выгодную для правительства цену. В 1806 г. Рикардо в компании с двумя другими дельцами неудачно выступил на торгах, и заем достался другой группе. В следующем году Рикардо и его группа добились права размещения 20-миллионного займа. После этого он в течение 10 лет неизменно участвует в торгах и несколько раз проводит размещение займов.

К 1809–1810 гг. Давид Рикардо – одна из крупнейших фигур лондонского финансового мира. Покупается роскошный дом в самом аристократическом квартале Лондона, а затем большое поместье Гэткомб-парк в Глостершире, где Рикардо устраивает свою загородную резиденцию. После этого Рикардо постепенно отходит от активной деятельности в мире бизнеса и превращается в крупного землевладельца и рантье. Его состояние достигает 1 млн. фунтов, что по тем временам представляло огромную сумму.

Это биография талантливого финансиста, ловкого дельца, рыцаря наживы. При чем тут наука?

Но этот биржевой волк и почтенный отец семейства был человеком с детски любознательным умом и ненасытной жадой знаний. В 26 лет Рикардо, добившись финансовой независимости и даже некоторого богатства, вдруг обращается к наукам, которыми обстоятельства не позволили ему заняться в юности: естествознанию и математике. Какой контраст! В первой половине дня на бирже и в конторе не по годам выдержанный и хладнокровный делец. Вечером у себя дома – симпатичный, увлекающийся молодой человек, который с наивной гордостью показывает родным и знакомым опыты с электричеством и демонстрирует свою коллекцию минералов.

Яркий интеллект Рикардо развивался под влиянием этих занятий. Они способствовали выработке тех качеств, которые сыграли столь важную роль в его экономических трудах: мышление его отличалось строгой, почти математической логичностью, четкостью. В это время Рикардо впервые столкнулся с политической экономией как наукой. В ней еще безраздельно царил Смит, и молодой Рикардо не мог не подпасть под его влияние. Вместе с тем на него сильное впечатление произвел Мальтус, чей «Опыт о законе народонаселения» вышел первым изданием в 1798 г. Позже, лично познакомившись с Мальтусом, Рикардо писал ему, что при чтении этого сочинения нашел идеи Мальтуса «такими ясными и так хорошо изложенными, что они пробудили во мне интерес, уступающий только интересу, вызванному прославленным трудом Адама Смита»*.

* Цит. по: *Hollander H. Kavid Ricardo. A Centenary Estimate. Baltimore, 1910. P. 478.*

В начале века в Лондоне появился молодой шотландец Джеймс Милль, острый публицист и писатель по социально-экономическим вопросам. Рикардо познакомился с ним, знакомство вскоре перешло в тесную дружбу, которая связывала их до смерти. В первые годы Милль играл роль наставника. Он ввел Рикардо в круг ученых и писателей, подтолкнул его к публикации первых сочинений. Позже роли в известном смысле переменились. После выхода главных трудов Рикардо Милль объявил себя его учеником и последователем. Правда, в своих работах он развивал не сильнейшие стороны учения Рикардо и защищал его от критиков отнюдь не лучшим образом. Тем не менее Милля нельзя не помянуть здесь добрым словом: искренний поклонник таланта Рикардо, он постоянно наседали на него, требуя писать, переделывать, публиковать. Иной раз Милль брал на себя слегка комическую роль, задавая Рикардо «уроки» и требуя отчетов. В октябре 1815 г. он пишет Рикардо: «Я надеюсь, вы в настоящее время уже в состоянии что-то сообщить мне о том, насколько вы продвинулись в вашей книге. Я считаю теперь, что эта работа – ваш определенный обет»*.

Некоторым талантливым людям такие друзья очень нужны!

Рикардо всегда страдал от неуверенности в своих силах, от некоторой литературной робости. У него не было и такого чувства долга, «призванности», с которым Смит много лет работал над своей книгой. Вне пределов своего бизнеса Рикардо был мягкий и даже немного застенчивый человек. Это проявлялось в повседневной жизни, в общении с людьми. В 1812 г. он поехал в Кембридж, где его старший сын Осман первый год обучался в университете. И вот в непривычной обстановке он, 40-летний богач и уважаемый человек, чувствует себя неуверенно, нелегко. Давая в письме жене отчет о своей поездке, Рикардо говорит: «Я стараюсь преодолеть все, что есть в моем характере робкого и замкнутого, чтобы сделать все возможное и обеспечить Осману несколько приятных знакомств»**.

15.3. На подступах: проблема денежного обращения

Как пишет Маркс, в парламентских прениях по поводу банковских актов 1844 и 1845 гг. будущий премьер Гладстон однажды заметил, что даже любовь не свела с ума стольких людей, сколько мудрствования о сущности денег***.

* Цит. по: *Ricardo D. The Works and Correspondence* / Ed. by P. Sraffa and M. Kobb. Vol. 6. Cambridge, 1952. P. 309.

** *Ricardo D.* Кр. cit. P. 140.

*** См: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 49.

В Англии начала XIX в. вопрос о деньгах и банках оказался в центре страстной полемики и борьбы партийных и классовых интересов. Естественно, что Рикардо, который хорошо знал кредитно-денежную практику, впервые попробовал свои силы как экономист и публицист на этой арене. Ему было тогда 37 лет.

В 1797 г. Английскому банку было разрешено приостановить размен его банкнот на золото. Банкноты превратились в неразменные бумажные деньги. В нескольких статьях и памфлетах, опубликованных в 1809–1811 гг., Рикардо доказывал, что повышение рыночной цены золота в этих бумажных деньгах является следствием и проявлением их обесценения в связи с чрезмерным выпуском. Его противники утверждали, что повышение цены золота объясняется другими причинами, в частности спросом на золото для вывоза за границу. В этих сочинениях раскрылся талант Рикардо – искусного полемиста, автора, способного очень логично и последовательно тянуть цепь аргументов. Это отнюдь не была академическая дискуссия. За теми, кто отрицал обесценение банкнот, стояли заправилы Английского банка, консервативное большинство парламента, министры, вся «военная партия». В конечном счете тут находили выражение классовые интересы землевладельцев, которым война и инфляция приносили рост рент. Рикардо же выражал, как и во всей своей последующей деятельности, интересы промышленной буржуазии, которые в то время были прогрессивны. Политически он был близок к вигской (либеральной) оппозиции.

Рикардо не ограничился критикой существующей системы денежного обращения, но разработал позитивную программу. Он дополнил ее в нескольких более поздних сочинениях. То, что он предлагал, было денежной системой, максимально соответствующей потребностям развития капиталистического хозяйства. И надо сказать, что идеи Рикардо в большой мере осуществились в течение XIX столетия. С 1819 по 1914 г. в Англии действовал золотой стандарт.

Коротко говоря, эти идеи сводились к следующему: 1) устойчивое денежное обращение – важнейшее условие роста экономики; 2) такая устойчивость возможна лишь при денежной системе, основанной на золоте; 3) золото в обращении может быть в значительной мере или даже полностью заменено бумажными деньгами, разменными по твердому паритету на золото, что дает нации большую экономию. В своей последней работе, которую он не успел закончить, Рикардо предлагает отнять у Английского банка, являвшегося частной компанией, право эмиссии банкнот и управления государственными средствами. Для этих целей он предлагает создать новый Национальный банк. В то время это было крайне смелое предложение.

Рикардова теория денег отражала как силу, так и слабость классической политэкономии. Рикардо попытался положить в основу теории денег трудовую теорию стоимости, но сделал это непоследовательно и фактически отказался от нее при анализе конкретных экономических процессов.

Стоимость золотых денег, как и всех товаров, определяется в принципе затратами труда на их производство. И товары и деньги входят в обращение с данными стоимостями. Значит, для того чтобы обслуживать обращение данной массы товаров, нужно определенное количество денег. Если, скажем, вся годовая товарная масса представляет 1 млрд. рабочих дней среднего труда, а в одном грамме золота воплощается 1 рабочий день, то для обращения нужен 1 млрд. граммов золота. Предположим, однако, что каждый грамм золота может в течение года обслужить 10 сделок, сделать 10 оборотов. Тогда будет достаточно в 10 раз меньше золота – 100 млн. граммов. К этому надо добавить еще, что часть золота может быть сэкономлена за счет сделок, производимых в кредит. Такова в главных чертах концепция, позже четко изложенная Марксом.

Но Рикардо не пошел таким путем. Он исходил из того, что в данной стране может обращаться любое количество так или иначе попавшего туда золота. В обращении масса товаров просто сталкивается с массой денег, и таким образом устанавливаются товарные цены. Если попало золотых денег больше, то цены выше, если меньше – ниже. Это количественная теория денег, уже знакомая нам по Юму. Рикардо стремится как-то примирить ее с трудовой теорией стоимости. Но это ему, понятно, плохо удается.

Над мышлением Рикардо тяготел опыт неразменного бумажно-денежного обращения. Покупательная сила бумажных денег действительно в основном определяется их количеством. Сколько бы ни было выпущено этих денег, все они будут представлять то количество полноценных золотых денег, какое необходимо для обращения. Когда, скажем, бумажных долларов становится вдвое больше, чем нужно золотых, каждый бумажный доллар обесценивается вдвое.

Почему, однако, Рикардо механически перенес явления бумажно-денежного обращения на золото? Потому, что он не видел принципиальной разницы между тем и другим, считая золото тоже в сущности знаком стоимости. Он видел в деньгах только средство обращения и не учитывал всей сложности и многообразия их функций.

Рикардо думал, что его теория денег объясняет также колебания в международных экономических отношениях. Он рассуждал так. Если в данной стране оказывается слишком много золота, то в ней повышаются товарные цены и становится выгодно ввозить в нее товары из-за границы. В торговом балансе страны образуется дефицит, который приходится оплачивать

золотом. Золото уходит из страны, цены понижаются, приток иностранных товаров приостанавливается, и все приходит в равновесие. При недостатке золота в стране все происходит в обратном порядке. Таким образом действует автоматический механизм, выравнивающий торговые балансы и распределяющий золото между странами. Отсюда Рикардо делал выводы в пользу свободы торговли. Нечего беспокоиться, говорил он, если ввоз превышает вывоз товаров и золото уходит из страны. Это вовсе не основание для ограничений ввоза. Просто в стране слишком много золота и слишком высокие цены. Свободный импорт помогает их понизить.

Требование свободы торговли в Англии во времена Рикардо было прогрессивным, как и во времена Смита. Но его теория об автоматическом выравнивании плохо отражала действительность. Во-первых, она опиралась на количественную теорию денег и необоснованно утверждала, что изменение количества денег в стране прямо определяет уровень цен. Во-вторых, золото между странами передвигается не только под влиянием относительных уровней товарных цен. Критики Рикардо не без основания указывали, например, что в годы наполеоновских войн золото уходило из Англии не потому, что цены в Англии были выше (наоборот, цены на промышленные товары были там значительно ниже), а в связи с большими военными платежами за границе, закупками хлеба в неурожайные годы и т. п. В-третьих, если выравнивание, о котором писал Рикардо, в конечном счете и происходит, то отнюдь не в виде гладкого и гармоничного процесса, а через острые кризисы, ценой больших потерь для народного хозяйства. Эта закономерность в полной мере обнаружилась уже после смерти Рикардо, в ходе циклических экономических кризисов последующих десятилетий.

При всех своих недостатках рикардова теория денег все же сыграла важную роль в развитии экономической науки. Она выдвинула много вопросов, о которых ранее было крайне смутное представление и значение которых росло в дальнейшем: о скорости обращения денег; о «спросе на деньги», т. е. о факторах, определяющих потребности хозяйства в деньгах; о роли разменности бумажных денег на золото; о механизме международного движения золота и влиянии уровня товарных цен на торговые и платежные балансы.

В 1809 г. Рикардо еще был совершенно неизвестен как экономист. В 1811 г. он уже признанный авторитет, лидер движения за восстановление разменности банкнот. Отчасти через Милля, отчасти другими путями Рикардо знакомится с видными политиками, журналистами, учеными. В его гостеприимном доме начинаются регулярные собрания, где без конца дебатуются острые вопросы – политические, экономические, литературные. Без особых усилий с его стороны Рикардо оказывается в центре этого круга людей. Причина – не только его ум, но и такт, спокойствие, выдержка.

Английская писательница Мария Эджуорт оставила пронизательную характеристику Рикардо как собеседника: «Мистер Рикардо, с его очень спокойной манерой держаться, имеет живой ум, который непрерывно находится в движении; все время он в беседе поднимает новые темы. Мне никогда не приходилось спорить или дискутировать вопрос с человеком, который спорил бы более честно и больше стремился бы к истине, чем к победе. Он полностью отдает должное любому аргументу, выдвигаемому против него, и не настаивает на своем мнении ни одной минуты больше, чем говорит ему его убеждение по этому вопросу. Для него, кажется, совершенно безразлично, вы ли обнаружите истину или он, лишь бы она была обнаружена. Беседуя с ним, всегда что-то получаешь; убеждаешься, что ты либо неправ, либо прав, и начинаешь лучше понимать дело, причем настроение в этой беседе всегда сохраняется наилучшим»*.

Рикардо познакомился с Т. Р. Мальтусом. Дружба этих двух людей – любопытный парадокс в истории науки. Она была весьма тесной, Рикардо и Мальтус часто встречались, ездили друг к другу в гости и без конца переписывались.

Между тем трудно представить себе более разных людей. Вся история их дружбы – это история идейных споров и разногласий. Они редко могли согласиться в чем-либо. И неудивительно: мальтусова политическая экономия подчинена интересам класса землевладельцев, что для Рикардо было совершенно неприемлемо. В свою очередь, Мальтус не мог принять самые важные идеи Рикардо: трудовую теорию стоимости, изображение ренты как паразитического дохода, свободу торговли, требование отмены хлебных законов.

Вероятно, одно из объяснений этой дружбы состоит в том, что Рикардо в высшей мере обладал качествами научной объективности и самокритичности. Всегда недовольный тем, чего он достиг и как он это выразил, Рикардо искал в острой критике Мальтуса ключ к совершенствованию, к уяснению и развитию своих идей. С другой стороны, критикуя Мальтуса, он сам двигался вперед.

15.4. Принцип сравнительных затрат

Рикардо много думал о факторах, определяющих потоки международной торговли. Это понятно: для Англии внешняя торговля всегда играла (и теперь играет) особо важную роль. Он задался вопросом: почему из дан-

* Цит. по: *Ricardo D. The Works and Correspondence. Vol. 10. 1955. P. 168–169.*

ной страны вывозятся именно такие товары, а ввозятся другие? И что дает внешняя торговля для роста производства, для экономического прогресса?

У Адама Смита был простой и, в общем-то, довольно плоский ответ на такие вопросы. Может быть, и мыслимо производить в Шотландии виноградное вино, но затраты труда будут непомерно велики. Выгоднее производить в Шотландии, скажем, овес и обменивать его на вино из Португалии, где производство вина требует мало затрат труда, а овса – много. По всей вероятности, выиграют обе страны. Но это не могло удовлетворить Рикардо. Неужели торговля возможна только в очевидных случаях, когда диктует сама природа?

Он рассуждал так. Если даже представить себе, что Шотландия производит и овес и вино с меньшими издержками, но по овсу ее преимущество больше, чем по вину, то при известном соотношении издержек и известных пропорциях обмена ей будет все же выгодно производить *только* овес, а Португалии – *только* вино. Это и есть принцип сравнительных затрат, или сравнительного преимущества. Рикардо основывал этот принцип на трудовой теории стоимости и пытался доказать его с помощью числового примера; он вообще очень любил и постоянно использовал такие примеры.

Попытаемся проиллюстрировать идеи Рикардо числовым примером, который по возможности приближен к реальности начала XIX в. Представим себе, что в Англии и Франции производятся только два товара – сукно и зерно. В Англии производство 1 м сукна требует в среднем 10 часов труда, а 1 т зерна – 20 часов. Во Франции цифры составляют для сукна 20 часов, для зерна – 30 часов. В соответствии с законом стоимости в Англии 1 тонна зерна будет обмениваться на 2 метра сукна, а во Франции – на 1,5 м. Заметим, что в данном примере Англия имеет абсолютное преимущество в производстве обоих товаров, но сравнительное – лишь по сукну. По зерну сравнительное преимущество имеет Франция. Это можно объяснить еще так: во Франции производство сукна обходится в два раза дороже, чем в Англии, а зерна – только в 1,5 раза. Это только и есть сравнительное преимущество.

Предположим, что обе страны последовали совету Рикардо и специализировались: Англия – на производстве сукна, Франция – на производстве хлеба. Можно думать, что соотношение обмена сукна на хлеб будет находиться где-то между английским и французским и составит, скажем, 1,7 (т. е. 1,7 м сукна за 1 т зерна). Дальнейшие рассуждения лучше изобразить в виде табл. 1:

В итоге этого как бы первого этапа обмена Франция при 50 часах общественного труда имеет чистый выигрыш для потребления в размере 0,14 м сукна, что, кстати, эквивалентно для нее 2,8 рабочим часам. Но для Англии положение на первый взгляд не совсем ясное: с одной стороны, она пока

Таблица 1

	Англия	Франция
Совокупная затрата часов на 1 м сукна и 1 т зерна	30	50
До специализации		
Производство и потребление сукна (м)	1	1
Производство и потребление зерна (м)	1	1
После специализации		
Производство сукна (м)	3	–
Производство зерна (т)	–	1,67
Потребление сукна (м)	1	$0,67 \times 1,7 = 1,14$
Потребление зерна в пределах возможного обмена (т)	0,67	1
Нереализованный остаток сукна (м)	$3 - 2,14 = 0,86$	

имеет нереализованный остаток сукна в размере 0,86 м, с другой – «дефицит» зерна в размере 0,33 т. В этом нет ничего удивительного. Нет никаких оснований считать, что обмен непременно должен завершиться в рамках данных затрат труда (30 часов для Англии, 50 – во Франции). Чтобы Англия могла реализовать остаток сукна, в обмен должно быть вовлечено дополнительное количество французского зерна.

Это ни в какой мере не потеря для Франции, так как и это зерно обменивается на английское сукно по прежнему соотношению. Получаем, что 0,86 м сукна обмениваются на 0,51 т зерна ($0,86 : 1,7$). Это на 0,18 т больше обнаруженного нами «дефицита». Теперь мы видим, что при 30 часах общественного труда Англия имеет тоже чистый выигрыш в размере 0,18 т зерна, что эквивалентно для нее 3,6 рабочего часа. Таким образом, достаточно строго доказано, что при наличии сравнительного преимущества специализация и обмен могут быть в принципе выгодны обеим странам.

Надо сказать, что Рикардо посвятил теории внешней торговли всего несколько страниц. Как и в ряде других областей, он высказал и обосновал фундаментальную идею, предоставив поколениям экономистов развивать и модернизировать ее.

Маркс указывал, что в принципе специализация может быть выгодна даже относительно отсталой стране, так как такая страна «все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить». Вместе с тем

уже Рикардо делал из принципа сравнительных затрат выводы в духе своей теории о гармоническом развитии международных экономических отношений в условиях свободы торговли. У него получалось, что торговля сплотит все цивилизованные нации в одну всемирную общину, если хлеб, вино и другие сельскохозяйственные товары будут производиться в прочих странах мира, а металлические изделия и другие промышленные товары – в Англии. Таким образом, оправдывалось «естественное» преобладание Англии в качестве главной промышленной державы мира. В дальнейшем принцип сравнительных затрат стал использоваться в ряде случаев для оправдания односторонней специализации экономически слаборазвитых стран на производстве сырья и продовольствия как довод против их индустриализации.

Изменение претерпела, впрочем, вся идея свободы торговли, представлявшая собой важную составную часть классической политической экономии. Хотя свобода торговли была особенно выгодна для английской буржуазии, ее основное направление было в то время все же прогрессивным: она была нацелена на ликвидацию феодализма в самой Англии и в других странах, на создание капиталистического мирового рынка. В современных условиях идея свободы торговли, во всяком случае в применении к развивающимся странам, является нередко реакционной. Даже многие экономисты из Западной Европы и США признают, что свобода торговли обрекла бы развивающиеся страны на вечную роль сырьевых придатков и могла бы лишь законсервировать их отсталость. Напротив, только активное вмешательство в сферу внешней торговли (как и в другие сферы хозяйства), в частности обложение пошлинами ввоза иностранных промышленных товаров, содействие национальному экспорту таких товаров и т. д., могут помочь этим странам выбиться из отсталости.

15.5. Главная книга

Главное сочинение Рикардо появилось совсем иначе, чем «Богатство народов» Смита. Бурная эпоха не отвела ему долгих лет для кропотливой работы.

Научные интересы Рикардо были очень тесно связаны с острыми вопросами дня. Таким вопросом стали хлебные законы, оттеснившие даже проблемы банков и денег. Рикардо, в это время уже видный экономист и публицист либерального лагеря, бросился в бой. Непосредственным поводом для его выступлений послужила полемика с Мальтусом, который отстаивал хлебные законы и высокие цены на хлеб. Из этой полемики под пером

Рикардо выросла теоретическая система. В его трудах, написанных в 1814–1817 гг., нашла свое высшее выражение классическая буржуазная политическая экономия в Англии.

Система Смита уже не могла претендовать на полное объяснение экономической реальности. Слишком многое изменилось за 40 лет. Завершилось выделение классов буржуазного общества, произошла кристаллизация их экономических интересов. Борьба вокруг хлебных законов открыто велась с позиций основных классов, главным образом промышленной буржуазии и землевладельцев. В центре экономической науки оказалась проблема распределения национального дохода между классами. Для Смита это была лишь одна из важных проблем. Для Рикардо это, в сущности, предмет политической экономии. Он пишет: «Определить законы, которые управляют этим распределением, – главная задача политической экономии. Как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и др., все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны»*.

Рикардо пытался установить законы *распределения* исходя из условий и интересов *производства*. Что это конкретно означало? Прежде всего он положил в основу своей системы теорию, утверждающую, что стоимость товаров создается трудом в процессе производства и измеряется количеством этого труда. Далее, производство он рассматривал в конкретной капиталистической форме и задавался вопросом, как образуется стоимость и распределяются доходы в условиях, когда средства производства находятся в руках лендлордов (земля) и капиталистов (фабрики, машины, сырье). Наконец, главную функцию капитализма он видел в увеличении производства материальных благ.

В начале 1815 г. Рикардо опубликовал небольшой памфлет под заглавием «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Здесь была впервые в сжатой форме изложена рикардова теория экономических отношений классов и развития капитализма. Рикардо делал следующий основной вывод. Если предоставить экономическое развитие самому себе, то в связи с ростом населения и постепенным переходом к обработке все менее плодородных земель цены на сельскохозяйственные продукты будут расти. Вся выгода от этого достанется землевладельцам, тогда как норма прибыли на капитал будет понижаться. От этого будут страдать и рабочие, так как на их труд будет предъявляться относительно более низкий спрос. Что может оказать противодействие этой тенденции? В частности, импорт дешевого хлеба из-за границы. Отсюда очевиден вред хлебных законов: выгодны они только паразитам-лендлордам.

* Рикардо Д. Соч. Т. 1. М., 1955. С. 30.

В ходе работы Рикардо наталкивается на главную трудность – проблему стоимости (ее суть мы изложим ниже). Смитова теория его не удовлетворяет, но заменить ее он еще не в состоянии. Поиски становятся мучительны. В одном из писем он сообщает, что две недели не знал покоя, пока додумался до какой-то важной вещи. Письма Рикардо вообще наполнены в это время жалобами и сомнениями. Милль старается вселить в него бодрость любыми средствами, вплоть до лести: «Вы уже лучший *мыслитель* в политической экономии, я уверен, что вы будете и лучшим писателем». Жалобы Рикардо не мешают феноменальному темпу, в котором создается книга.

В апреле 1817 г. «Начала политической экономии и налогового обложения» уже выходят из печати тиражом 750 экземпляров. Книга Рикардо носит все следы спешки. Он посылал издателям рукопись частями, одновременно дописывая и переделывая оставшееся. При жизни Рикардо вышли еще два издания. Они мало отличались от первого, за исключением главы первой – «О стоимости», в которой Рикардо упорно стремился к четкости и убедительности.

В третьем издании книга состоит из 32 глав, которые четко распадаются на три части. Основы рикардовой системы изложены в первых семи главах. Более того, все самое главное сказано уже в первых двух главах – о стоимости и ренте. Маркс говорит, что здесь Рикардо проникает в самую суть капиталистического способа производства и дает «некоторые совершенно новые и поразительные результаты. Отсюда то высокое теоретическое наслаждение, которое доставляют эти две первые главы...»*. После семи теоретических глав следуют (не подряд) 14 глав, посвященных вопросам налогов. В остальных 11 главах содержатся различные дополнения, возникшие после завершения основных глав, мысли и критические соображения по адресу других экономистов, в основном Смита, Мальтуса и Сэя.

Рикардо были чужды всякие сентименты. Его политическая экономия была жестока, ибо жесток был тот мир, который она пыталась объяснить. Поэтому были не правы даже такие люди, как Сисмонди, которые критиковали Рикардо с позиций гуманности и блага отдельных индивидов. Научность взглядов Рикардо, как и Смита, определяется тем, что он смотрел на интересы классов только с точки зрения развития производства, роста богатства нации. Интересы промышленной буржуазии он тоже защищал лишь в той мере, в какой они соответствовали этому высшему принципу. Рикардо действительно изображал положение рабочих в процессе производства как живых орудий. Капиталист выбирает, что ему выгоднее, нанять рабочих или установить новые машины. И чувства здесь решительно ни при чем. Маркс

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 182.

писал: «Это – стоицизм, это объективно, это научно. Поскольку это возможно без *греха* против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он и был в *практической жизни*»*.

Конечно, Рикардо не думал, что благотворительность может излечить пороки общества. Но в жизни он был добрым и щедрым человеком. При своем богатстве он, впрочем, мог себе позволить заниматься филантропией. Мария Эджуорт рассказывает, что близ Гэткомбпарка она осматривала школу, где на его деньги и под эгидой миссис Рикардо обучалось 130 детей бедняков. Рикардо давал деньги на больницы и приюты, помогал множеству бедных родственников.

15.6. Завершение системы

15.6.1. Головоломка стоимости

Рикардо упорно работал, стремясь дать себе ясный отчет о природе стоимости. Не раз признавал он свои прежние взгляды неудовлетворительными и пересматривал их. Когда ему казалось, что он разрешил одну трудность, перед ним вставали новые. Последняя его работа, которую прервали болезнь и смерть, носила заглавие «Абсолютная и относительная стоимость». Под абсолютной стоимостью Рикардо понимал то, что Маркс назвал субстанцией стоимости, – заключенное в товаре количество труда. Под относительной стоимостью – меновую стоимость, количество другого товара, которое должно в силу естественных законов обмениваться на единицу данного товара. Слабость Рикардо заключалась в том, что, признавая абсолютную стоимость, он вместе с тем даже не пытался проникнуть в ее природу, исследовать характер самого труда, воплощенного в этой стоимости. Что его всегда интересовало, так это только количественная сторона дела: как определяется сама величина меновой стоимости и чем ее можно измерять. Отсюда его поиски «идеальной меры стоимости» – погоня за химерой, за неуловимой тенью.

Иногда Рикардо приходил в отчаяние от невозможности найти полное примирение между своей теорией стоимости и всеми реальными процессами экономики. В одну из таких минут слабости он написал в письме, что, в конце концов, может быть, следовало бы просто выбросить проблему стоимости за борт и исследовать законы распределения без нее. Но слабость проходила, он вновь возвращался к своей главной задаче и искал выход из тупиков.

* Там же. С. 125.

Как во многих других вопросах, Рикардо начал там, где остановился Смит. Он еще более четко разграничил два фактора товара – потребительскую и меновую стоимость. Меновая стоимость всех товаров, кроме ничтожного числа невозпроизводимых благ (скажем, картины старых мастеров или выдержанные вина из знаменитых погребов), определяется относительными затратами труда на их производство.

Мы знаем, что Смит был непоследователен в своей трудовой теории стоимости. Он считал, что определение стоимости трудом, рабочим временем применимо лишь к «примитивному состоянию общества», когда не было капитала и наемного труда. В современном же обществе стоимость определяется фактически суммой доходов в виде заработной платы, прибыли и ренты, получаемых от производства и реализации товара. Такая непоследовательность была неприемлема для строгого логического ума Рикардо. Свойственное Смигу вольное обращение с основными принципами его не устраивало. Такой фундаментальный закон, как закон стоимости, не может полностью меняться с развитием общества. Нет, сказал Рикардо, определение стоимости рабочим временем есть абсолютный, всеобщий закон.

Тезис о полной применимости закона трудовой стоимости к развитому капиталистическому обществу был большой научной заслугой Рикардо. Из взглядов Смита и его последователей вытекало, в частности, что повышение (и вообще изменение) денежной заработной платы должно вызывать соответствующее изменение стоимости и цен товаров. Рикардо решительно отверг это утверждение: «Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд»¹.

Если повысится заработная плата без всякого изменения производительности труда, то стоимость товара от этого не изменится. При прочих равных условиях это не повлияет и на цену, которая представляет собой лишь выражение стоимости в золоте. Что же изменится? Распределение стоимости между заработной платой рабочего и прибылью капиталиста. В условиях свободной конкуренции капиталисты не могут компенсировать рост заработной платы повышением цен своих товаров.

Этой проблеме было суждено большое будущее. Она с самого начала носила острый политический характер и была тесно связана с борьбой рабочего класса за повышение заработной платы. Маркс опирался, в частности, на Рикардо, когда подверг вопрос о взаимоотношении заработной платы, цены и прибыли специальному анализу в связи с конкретной задачей дать отпор вредной для рабочего движения позиции, суть которой заключалась в том, что борьба за повышение заработной платы бессмысленна, поскольку это по-

вышение будет все равно быстро сведено на нет ростом цен. Маркс отмечал, что «общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но в целом не отразилось бы на ценах товаров»*.

Эти положения важны и теперь, поскольку экономисты и политики на Западе часто усматривают в повышении денежной заработной платы рабочих единственную или главную причину роста дороговизны и усиления инфляции. Вместе с тем надо иметь в виду, что взгляды Рикардо и Маркса были высказаны в конкретных условиях, когда капитализму были свойственны некоторые черты, ныне отсутствующие или изменившиеся. Важнейшими из них были, во-первых, свободная конкуренция, исключавшая для каждого отдельного предпринимателя возможность воздействия на рыночные цены своих товаров, и, во-вторых, преобладание устойчивого денежного обращения на базе золотого стандарта, что ограничивало возможность приспособления кредитно-денежной массы к повысившемуся уровню цен.

Для современного капитализма характерны, как известно, напротив, господство монополий, обладающих значительной степенью контроля над рынками и ценами, и односторонняя эластичность денежного обращения и кредита в сторону увеличения их объема. В этих условиях предприниматели имеют возможности для перекладывания повысившейся заработной платы на цены товаров, чем постоянно пользуются для сохранения и дальнейшего увеличения прибылей. Конечно, возможность такого перекладывания не является неограниченной и зависит от степени монополизации рынка и многих других факторов. Проблема соотношения заработной платы и цен играет важнейшую роль в политической жизни современных капиталистических стран. Повышение цен монополиями, которое обычно «обосновывается» ростом денежной заработной платы, является фактором современной инфляции.

Вывод об обратной зависимости заработной платы и прибыли занимает важное место во взглядах Рикардо на перспективы капитализма и в его политической программе. Рикардо считал, что цены сельскохозяйственных продуктов имеют хроническую тенденцию к повышению. Это должно вызывать рост денежной заработной платы: поскольку рабочие всегда получают только голодный минимум, они просто начнут вымирать, если этого не будет. Но прибыли капиталистов будут соответственно сокращаться, так как они не могут повышать цены промышленных товаров. Дорогой хлеб ущемляет промышленников и на известной стадии лишает их стимулов к накоплению капитала. А это, с точки зрения Рикардо, своего рода экономический конец света!

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. Ч. I. С. 155.

Рикардо ощущал главные трудности, на которые наталкивалась трудовая теория стоимости. Первая из них заключалась в объяснении обмена между рабочим и капиталистом. Труд рабочего создает стоимость товара, а количество этого труда определяет величину стоимости. Но в обмен на свой труд рабочий получает в виде заработной платы меньшую стоимость. Получается, что в этом обмене имеет место нарушение закона стоимости. Если бы этот закон соблюдался, то рабочий должен был бы получать полную стоимость создаваемого его трудом продукта, но в этом случае была бы невозможна прибыль капиталиста. Получалось противоречие: либо теория не соответствует действительности, либо закон стоимости непрерывно нарушается в важнейшей сфере обмена.

Это противоречие разрешил Маркс, показав, что рабочий продает капиталисту не труд, который есть лишь процесс, деятельность, затрата энергии человека, а свою рабочую силу, т. е. способность к труду. Покупая ее, капиталист при обычных условиях оплачивает рабочему полную стоимость его рабочей силы, ибо эта стоимость определяется вовсе не тем, что создает труд, а тем, что необходимо рабочему для жизни и воспроизведения себе подобных. Таким образом, обмен между капиталом и трудом совершается в полном соответствии с законом стоимости, что отнюдь не исключает эксплуатацию рабочего капиталистом.

Вторая трудность заключалась в том, как совместить закон стоимости с тем фактом, что прибыль капиталистов в действительной жизни определяется не стоимостью производимых на их предприятиях товаров, а размерами применяемого капитала. Если стоимость создается только трудом и товары обмениваются примерно по стоимости, то отдельные отрасли производства оказываются в совершенно разном положении. Отрасли и предприятия, где применяется много рабочей силы и мало машин, материалов, сырья, должны иметь высокую стоимость товаров, продавать свои товары по высоким ценам и, следовательно, получать большую прибыль. То же самое можно сказать об отраслях, где капитал быстро оборачивается и быстро дает прибыль. Напротив, отрасли и предприятия, где много капитала приходится вкладывать в средства производства или где медленнее оборот капитала, стоимость товаров, цены и прибыли должны иметь ниже.

Но это невозможно! Это противоречит реальности капитализма. Хорошо известно, что равные капиталы имеют тенденцию приносить одинаковую норму прибыли. Иначе капиталы уйдут из малоприбыльных отраслей. Получается, что закон трудовой стоимости несовместим с реально действующим законом средней прибыли.

Адам Смит ушел от этого противоречия, фактически отказавшись от трудовой стоимости и сложив стоимость из доходов, одним из которых яв-

ляется средняя прибыль. Рикардо не мог этого сделать, так как более последовательно связал свою концепцию с трудовой теорией стоимости. Он попытался насильно втиснуть в рамки этой теории факт равной прибыли на равный капитал. Чтобы рамки не разлетелись вдребезги, он с искусством и упорством, заслуживающим лучшего применения, старается преуменьшить значение различий в составе и обороте капитала. Несколько наивным образом Рикардо, в сущности, пытается убедить читателя, что если средняя прибыль и меняет закон стоимости, то лишь самую малость, и этой малостью можно пренебречь.

Конечно, Рикардо пытался доказать недоказуемое. Когда товары производятся капиталистически, закон стоимости действует (в этом Рикардо прав), но он не может действовать так, как при простом товарном производстве (и в этом он не прав). Стоимость преобразуется в цену производства, которая включает среднюю прибыль на капитал, и таким путем уравниваются различия в составе и обороте капиталов. Осуществляет это механизм капиталистической межотраслевой конкуренции. Это не отрицание, а развитие закона стоимости. Таков был в самых общих чертах ответ, который дал на этот вопрос Маркс.

Цена производства – принципиально иная категория, нежели стоимость. Она может лишь случайно совпадать с последней. Рикардо же пытался доказать, что это одно и то же, а отклонениями можно пренебречь. Эта позиция очень скоро оказалась весьма уязвимой для критики со стороны его теоретических противников.

Позиция Рикардо имела свое историческое объяснение и оправдание. Перед его глазами была экономика, в которой промышленная революция еще не завершилась. С одной стороны, различия в структуре и обороте капитала в разных отраслях производства не выявились в полной мере. С другой стороны, не было достаточной свободы перелива капитала из одной отрасли в другую, этим процессам мешали сильные элементы феодализма, неразвитость общенационального рынка и другие факторы. Формирование средней нормы прибыли наталкивалось на большие препятствия. Рикардо во многих местах своего труда, по существу, предполагает тенденцию к усреднению прибыли, но не вводит среднюю норму прибыли в свой анализ в явном виде.

15.6.2. «Денеж пирога»

У Рикардо был, в сущности, математический ум. Те времена, когда экономика и математика протянули друг другу руки, были еще далеки, а потому в его трудах нет формул и уравнений. Но способ его мышления и манера

изложения напоминают строгость математических доказательств. Рикардо обладал исключительной способностью выделить в сложном экономическом комплексе простые элементы и принципы и развивать их до логического конца, абстрагируясь от всего, что казалось ему не главным, не решающим. Строгость и логичность его мышления производили сильное впечатление на современников.

Уже француз Курно, пионер математических методов в экономике, отмечал в 1838 г. эту особенность мышления Рикардо и вместе с тем не без основания указывал на слабость рикардовой «математики» с ее громоздкими числовыми примерами: «Имеются авторы, как Смит и Сэй, которые сохраняли в своих сочинениях по политической экономии все красоты чисто литературного стиля. Но имеются и другие, как Рикардо, которые, трактуя наиболее абстрактные вопросы или стремясь к наибольшей точности, не могли избежать алгебры и лишь скрывали ее под арифметическими исчислениями утомительного объема»*.

Однако в его математическом подходе был и свой порок. В распределении, как и в стоимости, Рикардо видел прежде всего количественную сторону. Его интересовали доли и пропорции и мало интересовала сама природа распределения, его связь с устройством и развитием общества.

Рикардо развивал в основном смитовы взгляды на заработную плату, прибыль и ренту как на первичные доходы трех главных классов общества. Определение заработной платы стоимостью средств существования рабочего и его семьи было воспринято Рикардо от предшественников. Ему казалось, что он улучшает эту теорию, подводя под нее базу Мальтусовой теории народонаселения: он принимал ее основные принципы, что было, кажется, единственным важным пунктом его согласия с Мальтусом. Опираясь на Мальтуса, Рикардо считал, что заработная плата удерживается в жестких пределах физического минимума не в силу специфических законов капитализма, а в силу естественного всеобщего закона: как только средняя заработная плата немного превышает минимум средств существования, рабочие начинают производить на свет и воспитывать больше детей, конкуренция на рынке труда усиливается, и заработная плата вновь снижается.

Распределение национального дохода в обществе представлялось Рикардо как дележ пирога, который по своему размеру остается в общем-то неизменным. Свою скромную долю из него получают рабочие. Все остальное достается капиталистам, которые, однако, вынуждены делиться с землевладельцами, причем доля последних неуклонно растет.

* Cournot A. A. Recherches sui les principes mathematiques de la theorie des richesses. P., 1838. P. IX.

Эта мысль – что рента (а также ссудный процент, уплачиваемый промышленниками денежному капиталисту) представляет собой лишь вычет из прибыли – имела важное значение. Тем самым прибыль трактовалась как первичная, основная форма дохода, основанием которого является капитал, т. е., в сущности, как прибавочная стоимость.

Стоимость отдельного товара и всех товаров, образующих национальный доход, определяется объективно затратами труда. Эта стоимость распадается на заработную плату и прибыль (включая ренту). Отсюда у Рикардо вытекала принципиальная противоположность классовых интересов пролетариата и буржуазии. Бесконечное число раз писал он, что заработная плата и прибыль могут меняться только в обратном отношении: если заработная плата растет, то прибыль падает, и наоборот. Потому-то ярый апологет капитализма американец Кэри и назвал теорию Рикардо системой раздора и вражды между классами.

Но Рикардо опять-таки интересовали только пропорции, количественная сторона дела. Природа, генезис и перспективы тех отношений, которые порождают противоположность между заработной платой и прибылью, его не занимали. Поэтому он и не мог раскрыть «тайну прибавочной стоимости», хотя близко подходил к этому, понимая, что капиталист забирает у рабочего часть стоимости, созданной его трудом.

Анализ природы и величины земельной ренты был одним из блестящих научных достижений Рикардо. В отличие от своих предшественников он построил теорию ренты на прочной основе трудовой теории стоимости. Он объяснил, что источником ренты является не какая-то особая щедрость природы, а прилагаемый к земле труд. Поскольку ресурсы земли ограничены, приходится возделывать не только лучшие, но также средние и худшие участки. Стоимость сельскохозяйственных продуктов определяется затратами труда на относительно худших участках земли.

Худшими в понимании Рикардо, в сущности, являются участки, на которых приложение капитала и труда обеспечивает предпринимателю только среднюю прибыль, и не более того. Если такой участок не приносит хотя бы средней прибыли, он не будет обрабатываться. По современной сложившейся терминологии, это предельный участок, предельное вложение капитала. Все участки, которые лучше предельного по плодородию или расположению, дают норму прибыли выше средней, причем размеры этого превышения различны. Но фермеры, арендующие такие участки, не имеют экономических оснований претендовать на повышенную норму прибыли: если земледелец убедится, что на каком-то из его участков арендатор получает особенно высокую прибыль, он постарается прекратить аренду и найти нового арендатора, который удовлетворится средней прибылью. Поэтому вся при-

быль, превышающая среднюю, достается землевладельцам в виде ренты, размер которой дифференцируется по качеству и местоположению земли.

Рикардо считал, что самые худшие участки не приносят ренты. Маркс показал, что это неверно: в условиях частной собственности на землю землевладелец не отдает даром в аренду даже самый плохой участок. Рикардову ренту Маркс назвал *дифференциальной* (т. е. связанной с естественными различиями земли), а эту особую, не замеченную Рикардо, – *абсолютной* рентой. Он показал также, что цены на сельскохозяйственную продукцию формируются таким образом, что арендатор худшего участка все же имеет некоторый излишек прибыли над средней нормой. Это позволяет ему выплачивать землевладельцу абсолютную ренту. Излишне говорить, что все эти закономерности действуют как тенденции и вовсе не обязательно касаются каждого отдельного землевладельца и арендатора.

15.6.3. Круга угем капитализм

Трагизм, который видел Рикардо в капиталистическом строе, и его пессимизм в отношении будущего этого строя имели глубокие основания и отражали действительные тенденции развития капитализма. Правда, праздные землевладельцы не пожрали Англию.

Пессимизм Рикардо умерялся по меньшей мере двумя соображениями. Во-первых, он считал, что свобода торговли, особенно свобода ввоза хлеба из-за границы, может и должна существенно изменить положение, остановив рост ренты и падение прибыли. Во-вторых, Рикардо безусловно принимал принцип невозможности общего перепроизводства и экономических кризисов, позже получивший название «закона Сэя». По крайней мере с этой стороны, думал он, капитализму не грозят опасности.

Потребности общества в товарах и услугах безграничны, говорил Рикардо. Если человеческое брюхо и не может вместить больше определенного количества пищи, то потребности в различных предметах «удобства и украшения» не имеют пределов. Не смешивал ли Рикардо потребности и платежеспособный спрос? Нет, он не был настолько наивен и понимал, что потребность, не подкрепленная деньгами в кармане, экономически мало что значит. Но, как и Сэй, Рикардо думал, что само производство, порождая доходы, тем самым автоматически создает и платежеспособный спрос на товары и услуги, и этот спрос неизбежно обеспечивает реализацию всех товаров и услуг.

Капиталистическое хозяйство представлялось ему идеально отлаженным механизмом, в котором всякое затруднение со сбытом разрешается

быстро и просто: производители товара, который выпускается в излишнем количестве, немедленно получают соответствующий сигнал от рынка и переключаются на производство другого товара. Тезис о невозможности общего перепроизводства Рикардо выражал так: «Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги служат только мерилom, при помощи которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже возмещен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами»*.

Как говорится, не успели высохнуть чернила, которыми писались эти строки, как жизнь начала решительно опровергать их: уже в 1825 г. в Англии разразился первый общий кризис перепроизводства. Возможно, что Рикардо, при его научном беспристрастии и самокритичности, пересмотрел бы впоследствии свои взгляды. Но его уже не было в живых.

Итак, в трудах Рикардо нашла свое наиболее полное выражение система классической буржуазной политической экономии (классическая школа). Попытаемся изложить основные ее черты.

1. Для классической школы было характерно стремление проникнуть, используя метод научной абстракции, в глубь экономических явлений и процессов. Она анализировала эти процессы с большой объективностью и беспристрастием. Это было возможно постольку, поскольку промышленная буржуазия, интересы которой классическая школа в конечном счете выражала, была в то время прогрессивной силой, а классовая борьба между буржуазией и пролетариатом еще существовала в неразвитой форме.

В основе учения классической школы лежала трудовая теория стоимости, на ней строилось все здание политической экономии. Однако классическая школа оказалась не в состоянии объяснить законы капитализма, исходя из трудовой теории стоимости в такой форме, в какой эта теория была развита ее представителями. Классической школе было свойственно представление о капитализме как о единственно возможном, вечном и естественном общественном строе.

Классическая школа рассматривала проблемы производства и распределения в обществе с точки зрения положения основных классов. Это позволило ей близко подойти к выводу о том, что источником доходов капиталистов и землевладельцев является эксплуатация рабочего класса. Однако выяснить природу прибавочной стоимости она не могла, так как не имела ясного представления о специфике рабочей силы как товара.

Представления классической школы о воспроизводстве общественного капитала покоились на принципе естественного равновесия в экономиче-

* Рикардо Д. Соч. Т. 1. С. 240.

ской системе. Это было связано с уверенностью в существовании объективных стихийных экономических законов, не зависящих от воли человека. Но в концепции саморегулирования капиталистической экономики заключалось и затушевывание ее противоречий. Особенно важное значение имело отрицание классиками возможности всеобщего перепроизводства и кризисов.

Классическая политическая экономия выступала за максимальное ограничение вмешательства государства в экономику, за свободу торговли. Экономический либерализм в большой мере сочетался в ней с либерализмом политическим, с проповедью буржуазной демократии.

15.7. Член парламента

«Начала политической экономии и налогового обложения» отнюдь не были бестселлером. Это была книга для экономистов – не для широкой публики. Но через год после ее выхода в свет Мак-Куллох опубликовал большую хвалебную рецензию, где попытался изложить идеи Рикардо в более популярной форме и выделил его высказывания по актуальным вопросам экономической политики. Мальтус уже писал свои собственные «Принципы политической экономии», где спорил с Рикардо по основным вопросам теории и политики.

В том же 1819 г., когда вышло второе издание, Рикардо окончательно ушел из сферы бизнеса и отказался от членства на бирже. Его состояние было к этому времени помещено в землю, недвижимость и надежные, неспекулятивные бумаги. Дети Рикардо воспитывались как наследники богатого землевладельца, английского джентльмена.

Парламентская деятельность была весьма естественна для человека с положением и склонностями Рикардо. Друзья советовали ему вступить на эту арену. Чтобы попасть в палату общин, у Рикардо был только один путь – купить парламентское кресло у какого-нибудь обедневшего лендлорда, хозяина одного из многочисленных «гнилых местечек». Он так и сделал. Избранный от глухого ирландского захолустья, Рикардо никогда не бывал там и в глаза не видел своих избирателей, что было вполне в духе времени.

В парламенте он провел всего четыре года, но играл там довольно видную роль. Рикардо не принадлежал формально ни к правящей партии тори, ни к вигской оппозиции. Последняя была ему ближе, и он пользовался большим авторитетом в левых и радикальных кругах оппозиции. Но в палате он занимал независимую позицию и нередко голосовал против руководства вигов.

Экономические проблемы занимают, естественно, важнейшее место в парламентской деятельности Рикардо. Он продолжал борьбу против хлеб-

ных законов, за свободу торговли, сокращение государственного долга, улучшение банковского дела и денежного обращения. Но среди его речей мы находим и выступления за свободу печати, против ограничений права собраний. Как и Адам Смит, Рикардо был в политике сторонником максимально полной буржуазной демократии.

Он обладал несколько резким, высоким голосом с необычайно четкой дикцией. Одни находили его голос приятным, другие – неприятным. Но все свидетели сходятся на том, что, когда Рикардо говорил, палата слушала внимательно. Рикардо не был блестящим оратором в обычном понимании этого слова. Однако свойственным его сочинениям стремление проникнуть в социальную суть явлений и проблем, строгая логичность и деловитость характерны и для парламентских речей Рикардо.

Парламент отнимал у Рикардо почти все время в течение сессий. В эти месяцы он жил в Лондоне. С утра он дома читал документы, писал письма и планы выступлений, принимал посетителей, а иногда ехал в Вестминстер на заседания комитетов. Во второй половине дня заседала палата, и Рикардо был одним из самых аккуратных ее членов. Почти все его работы 1819–1823 гг. связаны с парламентской деятельностью. Главные из них посвящены хлебным законам и государственному долгу.

Наукой он мог заниматься только в летние месяцы в Гэткомб-парке, который нравился ему все больше. Там он писал возражения на книгу Мальтуса, готовил третье издание своих «Начал», продолжал напряженно думать над проблемами стоимости, земельной ренты, экономических последствий применения машин. Продолжалась интенсивная переписка с Мальтусом, Миллем, Мак-Куллохом, Сэем. В эти годы Рикардо стоял в центре всей европейской экономической науки. Регулярные собрания экономистов в его доме привели в 1821 г. к основанию лондонского клуба политической экономии, где Рикардо был общепризнанным лидером. Он выполнял эту функцию с большим тактом и скромностью.

15.8. Человеческий облик

Смерть настигла Рикардо внезапно. Он умер в Гэткомб-парке в сентябре 1823 г. от воспаления мозга. Ему был только 51 год.

Каким человеком был Рикардо в жизни?

Внешность его описывают таким образом: ниже среднего роста, худощав, но хорошо сложен и очень подвижен; приятное лицо с выражением ума, доброжелательства и искренности; глаза темные, внимательные и острые; ма-

неры простые и располагающие. Судя по всему, что мы знаем, это был симпатичный и приятный в общении человек. Он был органически не способен ссориться с друзьями, хотя по вопросам науки и политики нередко с ними расходился.

В сильнейшей степени обладал Рикардо качествами семьянина, главы большой семьи. Не только его дети, но и младшие братья и сестры, и даже родственники жены смотрели на него как на старшего, мудрого и справедливого человека.

Рикардо был хорошо образованным человеком. Но объемом знаний и интересов он далеко уступал энциклопедическому уму Адама Смита. В круг его интересов мало входили искусство, изящная литература, даже история. Трудно назвать это недостатком Рикардо. Выполнение его исторической миссии в науке требовало огромной интеллектуальной концентрации в одной области. Если бы он пытался стать всезнайкой, он, вероятно, не смог бы сделать того, что он за короткое время сделал в политической экономии.

О восприятии Давидом Рикардо мира в его многообразии мы можем лучше всего судить по «журналу», который он вел во время заграничного путешествия 1822 г. в виде писем-отчетов родным. Это единственная большая серия его писем, где политическая экономия не является главной темой. Надо сказать, что этот «журнал» во многом рисует довольно заурядного человека с восприятием и взглядами среднего английского джентльмена из числа тех, которые во множестве устремились на континент после окончания многолетних войн. В «журнале» – изобилие бытовых подробностей, добродушный юмор, известная наблюдательность. Но не более того. Рикардо добросовестно осматривает соборы, музеи и дворцы, но это только взгляд туриста, выполняющего обязательную программу. Все, что он видит, не вызывает у него ни сильных эстетических ощущений, ни исторических и культурных ассоциаций, ни глубоких размышлений. Даже с точки зрения экономиста наблюдения могли бы быть богаче и интереснее.

Конечно, это семейный документ, который вовсе не предназначался для публикации и автор которого не претендовал ни на что, кроме добросовестной информации родных. Но в документе, который занимает почти 200 страниц книжного текста, личность автора неизбежно рисуется даже вне зависимости от того, о чем и для кого он пишет.

16. ТОМАС РОБЕРТ МАЛЬТУС

В период активного становления и развития в Западной Европе рыночной системы экономики, принявшей на рубеже XVIII–XIX вв. форму классического капитализма, история мировой экономической мысли далеко не случайно ознаменовалась появлением в Великобритании еще одной (наряду с Адамом Смитом и Давидом Рикардо) чрезвычайно крупной фигуры – Томаса Роберта Мальтуса.

Сегодня, по прошествии почти двухсот лет, Роберт Мальтус должен быть с полным основанием отнесен к плеяде тех великих мыслителей, которые выступают главными представителями классической политической экономии, осуществившими разработку фундаментальной научной теории саморегулируемой системы рыночных отношений.

Жизнь и идея Т. Мальтуса, выдающегося экономиста, историка, социолога, а равно и религиозного деятеля (в некоторых современных энциклопедических словарях его еще называют «преподобным Т. Мальтусом»), нуждаются в наше время в новом, значительно более объективном прочтении и изучении. Само его имя требует своеобразной реабилитации перед многочисленными потомками по причине причудливо и даже трагически сложившейся истории его взглядов, в ходе которой Мальтус неоднократно становился либо устрашающим безнравственным пугалом, либо мишенью ожесточенных нападок и язвительных насмешек и даже переводился из классиков экономической теории в ее эпигона, в одного из основоположников вульгарной политической экономии, занимающийся исключительно беспардонной (и, следовательно, псевдонаучной) апологией интересов буржуазии и земельных собственников.

16.1. Страницы биографии

Т Мальтус родился 14 февраля 1766 г. недалеко от Лондона, близ Доркинга, в семье землевладельца среднего достатка.

• Он был младшим сыном Даниэля Мальтуса, человека высокообразованного для своего времени, не чуждого литературной деятельности и лично знакомого с такими именитыми современниками, как английский фи-

лософ и историк Давид Юм и французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо, который даже назначил Д. Мальтуса своим душеприказчиком. Ранняя смерть матери сделала Д. Мальтуса главным воспитателем своего сына, приученного с юных лет к чтению серьезных книг и неординарным самостоятельным размышлениям. Отсюда понятно, почему молодой Томас проникся симпатией к идеям Руссо об «общественном договоре» и происхождении неравенства между людьми. Что же касается Юма, то в душу будущего ученого запало высказывание философа о том, что смелые научные попытки лишь тогда приносят пользу обществу, когда «они колеблют ярмо авторитетов, бросают новые намеки, которые одаренные люди могут развить, и уже самим противопоставлением взглядов проливают свет на пункты, в которых никто до этого не подозревал каких-либо трудностей».

В 1785 г. Мальтус поступил в колледж Кембриджского университета, получил там прекрасное образование и, выбрав по совету отца духовную карьеру, в 1797 г. стал сельским пастырем. С 1805 г. и до конца жизни он был профессором современной истории и политической экономии (кстати, первым, кто был назначен на такую должность в Великобритании) в колледже знаменитой Ост-Индской компании в Хэйлибери, где по совместительству продолжил исполнять обязанности священника.

Еще в 1797 г. Мальтус написал свой первый политический памфлет «Кризис», в котором подверг решительной критике действия правительства (по понятной причине сей опус остался неопубликованным).

Важной вехой в истории жизни и деятельности Мальтуса становится 1798 г., когда увидело свет (правда, изданное анонимно) его первое теоретическое исследование – «Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием населения». Именно этот труд и принес ему в дальнейшем всемирную и одновременно скандальную известность. Только при жизни автора «Опыт о законе народонаселения», постоянно подвергаясь серьезной переработке и дополнениям, вышел шестью изданиями с неуклонно нарастающим тиражом. Причем последнее издание (1826 г.) обнаружило по сравнению с первым пятикратное увеличение объема книги.

В 1799 г. Мальтус издал трактат «О причине дороговизны товаров», в 1815 г. – «Замечания на хлебные законы» и «Исследование о природе и возрастании земельной ренты» и, наконец, в 1820 г. – свой главный, с точки зрения анализа наиболее общих вопросов экономической теории, труд «Принципы политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение» (в русском переводе его обычно называют «Основы политической экономии»). Последняя работа Мальтуса «Понятия политической экономии» (в ином переводе – «Определения экономических понятий») увидела свет в 1827 г. При подготовке второго (и существенно

переработанного) издания «Принципов политической экономии» Мальтус скоропостижно скончался 29 декабря 1834 г.

Это скупое перечисление основных сочинений Мальтуса в качестве своеобразных «станций» на жизненном пути ученого далеко не случайно, так как сама его биография не слишком богата внешними событиями. Практически всю свою жизнь он провел в тихой деревенской обстановке в достаточно живописной местности. Однако при этом в течение трех лет (1799–1802) Мальтус путешествовал с друзьями, собирая фактический материал для будущих исследований, по Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии и даже по России (к сожалению, о его кратковременном пребывании в России не осталось никаких следов), а несколько лет спустя посетил Францию и Швейцарию. Следует также отметить участие Мальтуса в работе Королевского научного общества и позднее (вместе с Джеймсом Миллем и Давидом Рикардо) в известном «Экономическом клубе», основанном английским ученым Томасом Туком, автором многотомной «Истории цен и денежного обращения». В качестве еще одного факта биографии Мальтуса следует упомянуть посещение им в Шотландии текстильного предприятия Роберта Оуэна, где знаменитый утопист ставил свой социальный эксперимент (отношение Мальтуса к идеям социалистов-утопистов будет выяснено при рассмотрении его теоретических концепций). И, наконец, немаловажной составляющей как жизни, так и творческой деятельности Мальтуса была его многолетняя дружба (с 1810 по 1834 г.) с другим классиком политической экономии – Давидом Рикардо. При очевидных теоретических разногласиях и спорах они с удовольствием обменивались результатами своих исследований, о чем свидетельствует изданная в последующем одним из биографов Мальтуса их обширная переписка.

Вообще же, по свидетельству близко знавших Мальтуса современников, он был хорошим семьянином (женившись лишь в 39 лет, имел сына и двух дочерей, из которых одна умерла в раннем детстве) и отличался коммуникабельным, уравновешенным характером.

Поскольку Мальтус нередко изображался в последующем в качестве безнравственного человека, будет нелишним привести здесь некоторые высказывания о нем тех людей, кто долго состоял с ним в личном общении. Так, одна современница дает ему в своих мемуарах отличные характеристики, дополняя их воспоминанием об одном любопытном разговоре: «Человека более простодушного, доброжелательного и благожелательного, чем Мальтус, нельзя было найти во всей Англии. Я видела в нем одного из самых веселых и невозмутимых людей... Однажды я спросила Мальтуса, разве он не страдал от клеветы, которая его преследовала? «Только в самом начале», – сказал он мне. «Я удивляюсь, что это не заставляет Вас быть каждую мину-

ту настороже». – «После первых двух недель – никогда», – был его ответ». А епископ Оттер, ставший позднее биографом Мальтуса и знавший его около 50 лет, напишет о нем предельно восторженные слова: «Его жизнь была более чем чья-либо другая постоянным проявлением просвещенного благоволения, довольства и мира; он представлял собой тип чистейшего и лучшего философа, просветленного христианскими чувствами и проникнутого христианским милосердием». Стоит ли после этого удивляться, что родные и друзья поместили на его могильной плите следующую надпись: «Памяти Томаса Роберта Мальтуса, хорошо известного всему образованному миру своими прекрасными трудами по социальным вопросам политической экономики и в особенности своим «Опытом о законе народонаселения»; одного из лучших людей и честнейших философов всех времен и народов, природными достоинствами своего ума поднявшегося выше кривотолков невежд и презрения людей великих; он прожил счастливую и невозмутимую жизнь, посвященную поискам и распространению истины».

Однако, как это ни парадоксально, именно за свои теоретические искания он получит у будущих историков мировой экономической мысли «звание» возмутителя спокойствия.

16.2. Теория народонаселения в русле классической политэкономии и вне его

В общем и целом Мальтус бесспорно относился к числу правоверных учеников и последователей великого Адама Смита, хотя при этом он сумел занять вполне самостоятельное место в эволюции экономической науки. Что же касается другого классика – Давида Рикардо, то, несмотря на многолетнюю дружбу с ним, Мальтус нередко вступал со своим коллегой в острую полемику. Уже в XX в. знаменитый англичанин Джон Мейнард Кейнс при сопоставлении теоретических взглядов Мальтуса и Рикардо на экономическую жизнь общества сделает следующее небезынтересное замечание: «Если бы только Мальтус, а не Рикардо был основоположником политической экономики XIX в., насколько мудрее и богаче был бы сейчас мир. Мы должны мучительно пробираться через туман наших неправильных представлений, который никогда уже не прояснится». И чтобы разобраться в упомянутом «тумане», следует начать с исходного и главного.

Среди теоретических идей Мальтуса особое место, несомненно, занимает разработанная им теория народонаселения. Вызывая многочисленные споры уже на протяжении двух столетий, она положила начало одному из течений

в демографии (сама демография как новая наука была по существу создана именно Мальтусом) и социологии, получившему название мальтузианства и неомальтузианства. Однако, прежде всего, теория народонаселения Мальтуса представляет интерес с точки зрения экономической науки. Известный современный английский историк экономических учений Марк Блауг отмечает, что «эта теория сохранилась как неотъемлемая часть наследия классической мысли много времени спустя после того, как побудившее Мальтуса к созданию этой теории «предвидение» стало достоянием прошлого», что благодаря теории народонаселения «Мальтус имел совершенно невероятный успех, ни с чем не сравнимый в истории экономической мысли».

Необходимо вспомнить, что первое издание «Опыта о законе народонаселения» (1798 г.), написанного молодым 32-летним автором, явилось своеобразным продолжением классического труда А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», увидевшего свет более 20 лет спустя в 1776 г. Своеобразие же состояло в первую очередь в том, что Мальтус решил проанализировать причины не богатства, а бедности народов. Хотя конечной целью подобного анализа опять-таки, как и у Смита, выступала проблема приумножения национального богатства на основе рыночных отношений и путем устранения конкретных причин бедности. «Всякий беспристрастный читатель, – подчеркивал в заключение своей книги Мальтус, – должен признать, что, несмотря на возможные ошибки, практическая цель, которую преследовал автор этого сочинения, состояла в улучшении участи и увеличении счастья низших классов общества».

Осмыслив и переработав различные концепции народонаселения, уже встречавшиеся в прошлом, Мальтус полемически противопоставил свои идеи взглядам Уильяма Годвина, выпустившего достаточно популярную в то время книгу «О политической справедливости». Утопическое сочинение Годвина рисовало картину будущего справедливого общества, в котором воцарится равенство людей, прогресс науки приведет к полному удовлетворению их потребностей, а прогресс разума будет обуздывать их корыстные интересы и борьбу за прибыль, обеспечивая полное преодоление жажды жизни.

«При взгляде на нарисованную Годвином картину будущего общественного строя, – писал Мальтус, – нельзя удержаться от восхищения и страстного желания увидеть ее осуществление. Но, к сожалению, это невозможно, так как прекрасная картина Годвина – только мечта, плод его воображения. Это всеобщее благоденствие, это господство истины и добродетели исчезают при первом столкновении с действительностью и уступают место сплетению радостей и страданий, из которых состоит жизнь».

Отсюда следует, что для Мальтуса были чужды и внутренне неприемлемы идеи всех социалистов-утопистов (в частности, и Роберта Оуэна), которыми позднее будет восхищаться французский поэт Пьер-Жан Беранже:

«Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!»

Вопреки оптимистическим «золотым снам» на дорогах общественного прогресса (даже в случае подведения под эти «сновидения» фундаментальной теории) Мальтус излагал в своей книге принципиально иные взгляды. Он решительно опроверг утверждения экономистов, в которых численность населения и его рост (т. е. расширение объема самих трудовых ресурсов) однозначно считались фактором приумножения национального богатства. Исходя из ограниченности земли, пригодной для сельскохозяйственного производства, он предположил, что ее производительность, и следовательно, предложение продуктов питания может увеличиться в лучшем случае в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4, 5, и т. д.), тогда как само население растет в прогрессии геометрической (1, 2, 4, 8, 16 и т. д.) и может удваивать свою численность каждые 25 лет. Противоречивое единство данных тенденций Мальтус охарактеризовал в качестве «естественного закона народонаселения», сделав вывод, что действие этого закона, порождающего абсолютное перенаселение Земли, неминуемо ведет к росту нищеты. Видя конечную причину бедности в несоответствии темпов прироста населения, с одной стороны, и жизненных средств (продуктов питания), с другой, Мальтус считал, что смягчение этого несоответствия и должно быть положено в основу экономической политики, направленной на процветание нации. Он выступил против попыток одолеть нищету за счет использования прямых государственных субсидий или частной благотворительности, против сознательных попыток государства улучшить с помощью реформ условия жизни людей, поскольку, по его мнению, подобные улучшения всегда могут оказаться в тупике абсолютного перенаселения.

Однако не следует превращать Мальтуса, как это делали его критики (особенно представители марксистской политэкономии), в какого-то врага человеческого рода, монстра, призывающего к сокращению численности населения через увеличение его смертности путем войн, эпидемий и других форм самоуничтожения.

И здесь важно обратить внимание на тот очевидный факт, что Мальтус по мере переиздания своей книги, не отказываясь от ее принципиальных положений, постоянно вносил в нее существенные поправки и дополнения.

Так один абзац, содержащийся в первом издании и тем не менее многократно использованный оппонентами для разоблачения «бесчеловечных» взглядов Мальтуса, был снят автором уже во втором издании (1803 г.), которое, кстати сказать, имело измененное и более длинное название – «Опыт о законе народонаселения, или взгляд на его воздействие на счастье общества в прошедшем и настоящем, а кроме того, изучение, насколько основательны наши ожидания относительно устранения или смягчения тех бедствий, которые он производит». Что же касается абзаца, решительно исключенного автором из книги, то именно в нем заключалось известное мрачное пророчество: «Человек, появляющийся в мире, уже занятом другими людьми, не находит для себя места на великом пиру природы. Природа повелевает ему погибнуть и не замедлит привести свою угрозу в исполнение».

Между тем Мальтус не имел намерений запугать человечество апокалиптической трагедией, вытекающей из сопоставления «двух прогрессий» в условиях ничем не ограниченного размножения людей. Он стремился разобраться в том, как, выражаясь его словами, «человек может избежать вредных для него и для общества последствий закона народонаселения». В последних изданиях своей книги он даже отказался от категорического неприятия любой благотворительности и рекомендовал предоставлять государственную помощь многодетным семьям.

В ходе исследования «препятствий, задерживающих размножение населения», Мальтус разделил их на «предупредительные» и «разрушительные», отдав явное предпочтение первым и искренне надеясь на устранение или хотя бы смягчение вторых. Ведь именно к категории «разрушительных препятствий» он отнес такие их формы, как «вредные для здоровья занятия, тяжкий, чрезмерный или подвергающийся влиянию непогоды труд, крайнюю бедность, дурное питание детей, нездоровые жизненные условия больших городов, всякого рода излишества, болезни, эпидемии, войну, чуму, голод».

Невольно напрашивается риторический вопрос: сумело ли человечество даже в начале XXI в. избавиться от всех названных Мальтусом «препятствий», не стоит ли оно и сегодня перед острой необходимостью решения многочисленных проблем, связанных с последствиями действия пресловутого закона народонаселения.

Достаточно актуально звучит и в наше время следующая высказанная Мальтусом мысль: «Политическая экономия, быть может, единственная наука, относительно которой необходимо сказать, что незнакомство с ней причиняет не только лишения, но даже тяжкое зло».

«Нужно совершенно не понимать моего учения, – подчеркнул в своей книге Мальтус, – для того, чтобы считать меня врагом размножения населения. Враги, с которыми я борюсь, – это порок и нищета».

И в борьбе с этим, как их называл Мальтус, «грозными противниками» он предпринял изучение «пределов крайней нищеты» в различных странах (в том числе и в России), сделав вывод, что «главнейшими условиями, повышающими этот предел и умножающими нищету наиболее нуждающихся классов населения, является свобода, обеспечение собственности, распространение среди народа знаний».

Одновременно он четко обозначил два основных условия (или фактора), существование которых объективно и неумолимо ведет к трагическому понижению предела нищеты, т. е., выражаясь современным языком, к снижению черты бедности. Такими условиями как раз являются, с точки зрения Мальтуса, деспотизм и невежество.

Быть может, именно подобного рода аргументы далеко не в последнюю очередь превратили добродетельного, кабинетного ученого в «возмутителя спокойствия», в того, кто в рамках своей «мрачной» теории народонаселения и в целях совершенствования человеческого общества ратовал за настоятельную необходимость устранения «двух зол» – деспотизма и невежества.

Отсюда понятно, почему одним из элементов теории народонаселения Мальтуса (при его в целом негативном отношении к чисто денежной благотворительности) является оказание всему населению, в том числе и бедному, государственной помощи в форме образования, поскольку образование представляет собой такое благо, получение которого одними членами общества не причиняет вреда другим. Здесь мы видим уже что-то похожее на первые ростки будущих теорий социальной ориентации рыночной экономики.

Разумеется, в мальтузианской теории есть очевидные ошибки. И прежде всего это относится к содержащимся в ней расчетам, связанным с постоянно расходящимися прогрессиями роста населения, с одной стороны, и продуктов питания, с другой. Так определенный Мальтусом период удвоения населения длиной в 25 лет опирался на реальный опыт увеличения населения в США, хотя данный рост был вызван отнюдь не ускоренной рождаемостью, а форсированной иммиграцией. Однако, даже отбросив как практически недоказуемые чисто математические формулы названных прогрессий, следует признать, что сущностное содержание самого закона народонаселения заключается в опережающем увеличении населения по сравнению с ростом продуктов питания. При этом Мальтус явно недооценивал такие факторы, как научно-технический прогресс, открытие новых земель, развитие медицины, ведущее к снижению как детской смертности, так и смертности лиц преклонного возраста, и, наконец, повышение доходов и общего уровня жизни населения, вызывающее самопроизвольное снижение рождаемости.

Вопреки пессимистическим прогнозам Мальтуса во всех высокоразвитых странах (особенно начиная со второй половины XX в.) существенное

увеличение доходов населения сопровождается заметным ограничением рождаемости при росте производства жизненных средств. Население Западной Европы, например, выросло за прошедшие 200 лет почти в 5 раз, но даже при почти неизменной (а нередко и сократившейся за счет промышленности) площади сельскохозяйственных земель европейцы стали питаться значительно лучше, устранив в своих странах массовую бедность и нищету.

Однако можно ли на этом основании считать, что последующее экономическое развитие общества полностью опровергло теорию Мальтуса, что выдвинутая им проблема оказалось в значительной степени мнимой. К сожалению, нет.

Комплекс мальтузианских проблем продолжает и сегодня остро стоять перед рядом развивающихся стран Азии и Африки в условиях «демографического взрыва» и нарастающей безработицы и бедности. «Импортируя» достижения современной медицины, которые обеспечивают резкое снижение смертности и эффективную ликвидацию эпидемий, эти страны сталкиваются с реальным противоречием между увеличением рождаемости и ограниченностью продуктов питания. «Зоны массового голода» продолжают существовать на карте мира. Положение населения в отдельных странах ухудшается еще и в результате негативных последствий развития современной глобализации, о чем, конечно, не мог и догадываться Мальтус в начале XIX в. Что же касается богатых стран, то и они, по прогнозам экологов, не застрахованы от истощения в будущем своих ресурсов в ходе гипертрофированного ускорения технического прогресса и роста промышленности. Даже так называемая «новая экономика», идущая сегодня на смену постиндустриальному обществу, вряд ли может однозначно оцениваться лишь в качестве какого-то подвоя эры всеобщего благоденствия.

Таким образом, трезво оценивая и очевидные недостатки, и несомненные достоинства теории народонаселения, а равно и содержащиеся в ней конкретные рекомендации по устранению причин бедности народов (в частности, такую меру, как государственное регулирование численности детей в семье с учетом возможностей их реального обеспечения продуктами питания), пора сдать в архив бытовавшие еще в недавнем прошлом обвинения Мальтуса в ненаучности его исследования, когда он изображался исключительно как апологет промышленной буржуазии и лендлордов.

16.3. О кризисах перепроизводства и тайнах рыночного обмена

В большом наследии Мальтуса серьезного внимания заслуживает также ряд важных политэкономических проблем, выходящих за рамки его теории народонаселения, а порой и за рамки постулатов классической теории в целом.

Французские экономисты Ш. Жид и Ш. Рист писали еще в начале XX в. в своей широко распространенной в то время «Истории экономических учений» следующее: «Хотя Мальтус известен главным образом своим законом народонаселения, однако и помимо этого он пользовался славой первоклассного экономиста за свой пространный трактат по политической экономии и за многочисленные выдающиеся исследования по экономическим вопросам».

Прежде всего здесь имеется в виду его фундаментальное сочинение «Принципы политической экономии» (1820 г.), которое, кстати сказать, достаточно редко было объектом самостоятельного рассмотрения. (В творческом наследии Д. Рикардо осталась обширная черновая рукопись «Примечаний» к названной книге Мальтуса. Написанная еще в 1820 г., она почти 100 лет считалась утраченной и была найдена и передана в Британский музей лишь в 1919 г. Впервые опубликована в США в 1928 г. Русский перевод появился в III томе собрания сочинений Д. Рикардо в 1955 г.)

Именно в этом труде Мальтуса можно и должно обнаружить ряд положений, касающихся не только стержневых вопросов развития экономической теории XIX в., но в определенном смысле не утративших своей актуальности и по сей день. К таким вопросам целесообразно в первую очередь отнести проблему соотношения спроса и предложения в биполярной рыночной системе, а отсюда – теорию перепроизводства и цены.

Исследуя рыночную экономику в качестве системы, управляемой соотношением спроса и предложения, Мальтус заложил этот принцип в фундамент своей теоретической конструкции. Соотношение между спросом и предложением оказывает непосредственное влияние на уровень цен, а отсюда на величину прибыли капиталиста и заработной платы наемного рабочего. Рост предложения товаров первой необходимости (в частности, продуктов питания) воздействует как на цены, так и на численность народонаселения. Причем цены начинают снижаться, а население расти. Превышение предложения над спросом ведет к перепроизводству продукции, с одной стороны, и к перенаселению, с другой. И в том, и в другом случае возникает кризисная ситуация.

Характеризуя колебания спроса и предложения, Мальтус выступил с опровержением пресловутого закона, открытого французским экономистом Жаном Батистом Сэем, согласно которому само предложение всегда создает для себя соответствующий спрос, что обеспечивает невозможность существования на рынке избытка товаров и, следовательно, кризиса перепроизводства. При этом Сэй исходил из постулата, что на рынке «продукты обмениваются на продукты», ибо для того, чтобы что-то купить, необходимо что-то продать.

В отличие от Сэя Мальтус считал образование избытка товаров, т. е. превышение предложения над спросом, вполне реальной рыночной ситуацией, которая порождается не недопотреблением благ, а перенакоплением богатства (капитала). «Нельзя сомневаться, – отмечал он, – что только соответственное стремление к потреблению может поддержать равновесие между спросом и предложением; и также несомненно, что неумеренная страсть к накоплению богатств должна вести к тому, что продукты производятся в количестве, превышающем возможное их потребление». Мальтус образно сравнивал перенакопление капитала, вызывающее перепроизводство товаров, с ускоренным ростом населения. Только в первом случае для устранения кризиса необходим активный денежный спрос, тогда как во втором – соответствующий объем продуктов питания. Если при нехватке пищи нельзя поощрять размножение людей, то при недостаточном спросе опасно ускорять накопление капиталов, что ведет к кризису перепроизводства. Отсюда Мальтус делал важные выводы о необходимости расширения спроса путем развития внутренней и внешней торговли, увеличения числа мелких земельных собственников и, наконец, за счет растущего потребления богатой земельной аристократии. Рассматривая в соответствии с концепцией А. Смита три главные формы доходов в условиях рынка – заработную плату, прибыль и земельную ренту, он обратил внимание на невысокую покупательную способность двух первых доходов и сделал особый упор на ренту, считая, что именно она в состоянии в большой степени нейтрализовать сокращение совокупного спроса. Поэтому далеко не случайно Дж. М. Кейнс назовет Мальтуса родоначальником теории перепроизводства, отметив, что в его анализе нарушений и последующего восстановления рыночного равновесия содержатся ценные мысли о факторах «эффективного спроса», о подключении к потреблению произведенной продукции различных слоев общества и, в частности, так называемых «непроизводительных слоев».

Обнаружив редкую научную интуицию при обосновании возможности кризисов перепроизводства, Мальтус выразил свое несогласие по данному вопросу и со взглядами Рикардо, который, по словам Кейнса, «покорил Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию».

Пытаясь раскрыть тайну рыночного обмена, Мальтус выступил с принципиальным отрицанием рикардианской трудовой теории стоимости. Если, по мысли Рикардо, «стоимость товара или количество всякого другого товара, на которое он обменивается, зависит от сравнительного количества труда, необходимого для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, получаемого за этот труд», то Мальтус подошел к рыночной цене не как к денежной форме трудовой стоимости. Он считал, что цена представляет собой денежную форму меновой стоимости товара, а последняя есть «отношение одного товара к другому или к нескольким другим, способным быть обмененными». В свою очередь данное отношение должно непосредственно определяться спросом и предложением, тогда как сами издержки, связанные с производством определенного товара, играют при формировании рыночной цены лишь второстепенную роль. Что же касается дороговизны или дешевизны отдельных товаров, то они порождаются либо их относительной редкостью, либо обильным предложением по сравнению со спросом («всякий предмет тем дешевле, чем более он распространен»).

Разумеется, для убежденных сторонников исключительно трудовой теории стоимости подобные рассуждения выглядят неверными и ненаучными. Однако, если принять во внимание обоснованную в ходе дальнейшего развития экономической теории двойственную основу рыночной цены (с точки зрения предложения, этой основой несомненно являются издержки, а с точки зрения спроса – убывающая предельная полезность), то во взглядах Мальтуса можно обнаружить своеобразное появление первых ростков будущего маржинализма, ознаменовавшего серьезный переворот в экономической науке на рубеже XIX–XX в.

И хотя в дальнейшем не все крупные теоретики благосклонно отнеслись к различным идеям Мальтуса, выдвинутым еще в эпоху промышленного капитализма в Англии, нелишне вспомнить, как уже в начале XX в. шведский ученый Кнут Виксель, одним из интеллектуальных наследников которого по праву считается Дж. М. Кейнс, подчеркивал, что «теоретическая подготовка квалифицированного экономиста должна включать тщательное изучение произведений Мальтуса». Во второй же половине XX в. известный американский профессор Бен Селигмен – автор фундаментального исследования «Основные течения современной экономической мысли» (1963 г.) – уверенно возведет Мальтуса в ранг «великих экономистов».

И в заключение уместно привести еще одно высказывание самого Мальтуса, касающееся не устаревшей и сегодня необходимости изучения экономической жизни общества с позиции многофакторного характера всех протекающих здесь процессов: «Политическая экономия – не математика, и та искусственная простота, которую стараются придать ее выводам, служит

только в ущерб ей, отдаляя ее от действительной жизни... Первая задача... – это объяснить вещи как они есть, а не как они могут представиться нашему воображению... И пусть ни соображения временного удобства, ни опасения нарушить стройность общего правила не побуждают нас никогда сходить с прямой дороги к истине или скрывать такие факты, которые могут не согласоваться с нашими общими положениями».

17. РИКАРДИАНСТВО: ДЖЕЙМС МИЛЛЬ И МАК-КУЛЛОХ

Сочинения Джеймса Милля и Мак-Куллоха представляли собой в 20-х и 30-х гг. XIX в. самое старательное воспроизведение и популяризацию буквы учения Рикардо. Что касается духа этого учения, то они его не понимали и не могли развивать. Убожество ближайших последователей Рикардо признается и современными буржуазными экономистами. Шумпетер пишет, что его учение «увяло в их руках и стало мертвым и бесплодным немедленно»*. Но причины этого он видит, по существу, в бесплодности самого учения Рикардо.

В чем подлинная причина столь своеобразной судьбы наследия великого экономиста? Рикардо оставил глубокую систему идей, но вместе с тем полную кричащих противоречий и пробелов. Он сам лучше, чем кто-либо, сознавал это. Чтобы действительно развивать Рикардо, надо было, усвоив основы его учения, найти научное разрешение этих противоречий.

Конечно, важное значение имело то, что люди, окружавшие Рикардо, были лично неспособны решать такие задачи. Но этим проблема не исчерпывается. Как ни велика роль личности в науке, она подчиняется тем же законам, что и роль личности в истории вообще: эпоха, историческая необходимость порождают людей, способных решать назревшие задачи. Дело в том, что в тех конкретных условиях творческое развитие учения Рикардо требовало перехода на позиции иной идеологии, оно было по существу невозможно в рамках идеологии буржуазной. Поэтому подлинным наследником Рикардо явился марксизм.

Вспомним два главных противоречия, на которые натолкнулся Рикардо. Первое. Он не мог объяснить, каким образом обмен капитала на труд (проще говоря, наем рабочих капиталистом) совместим с его трудовой теорией стоимости. Если рабочий получает полную «стоимость своего труда» (мы знаем, что это выражение неправомерно, но Рикардо говорил именно так), т. е. если его заработная плата равна создаваемой его трудом стоимости товара, то, очевидно, невозможно объяснить прибыль. Если же рабочий получает неполную «стоимость труда», то где же здесь обмен эквивалентов, закон стоимости? Второе. Он не мог совместить трудовую стоимость с явлением равной прибыли на равный капитал. Если стоимость создается только трудом,

* *Schumpeter J. History of Economic Analysis. N. Y., 1954. P. 478.*

то товары, на которые затрачивается равное количество труда, должны продаваться по примерно одинаковым ценам, какие бы по размерам капиталы ни применялись при их производстве. Но это означало бы различную норму прибыли на капитал, что, очевидно, невозможно как длительное явление.

Посмотрим, каким путем пошли английские экономисты 20–30-х гг. При этом мы не станем разбираться в тонкостях отдельных авторов, а покажем общую тенденцию. Ученики Рикардо не могли найти разрешения этих противоречий и попытались обойти их следующим образом.

Капитал есть накопленный труд. От этой вполне рикардианской печки танцевали Милль и Мак-Куллох. Следовательно, в стоимость товара, производимого трудом при помощи капитала, должна входить стоимость последнего. Если речь идет о том, что в стоимость товара входит перенесенная стоимость машин, сырья, топлива и т. д., то это верно. Но тогда мы ни на шаг не приблизились к ответу на вопрос, откуда берется прибыль. Ведь не станет капиталист авансировать капитал, т. е. покупать эти средства производства только ради того, чтобы их стоимость была воспроизведена в готовом товаре.

Нет, говорили экономисты, мы имеем в виду не это. На фабрике работает рабочий, но работает и машина. По аналогии можно сказать, что «работает» также хлопок, уголь и т. д. Ведь все это накопленный труд. Работая, они создают стоимость. Создаваемая ими часть стоимости есть прибыль, она, естественно, достается капиталисту и пропорциональна капиталу.

Это – псевдоразрешение рикардовых противоречий. По такой схеме рабочий получает «полную стоимость труда», ибо то, что он недополучил из вновь созданной стоимости, создал ведь не он, не его живой труд, а прошлый труд, воплощенный в капитале. Стоимость товара, создаваемая этим совместным трудом, при реализации товара приносит капиталисту среднюю прибыль на капитал. Такая концепция устраняет научную основу учения Рикардо – трудовую теорию стоимости, от которой остается одна видимость. Стоимость товара теперь складывается из издержек капиталиста на средства производства, его затрат на заработную плату и из прибыли. Иначе говоря, стоимость равна издержкам производства плюс прибыль.

Но ведь это банальнейшая вещь, скажете вы, это трюизм. Отнюдь не будучи капиталистами, вы легко догадаетесь, что капиталист, примерно определяя цены своих товаров, делает именно так: калькулирует издержки и накидывает на них какую-то сносную прибыль. В том-то и дело, что эта теория описывает самые поверхностные, обыденные вещи и не идет глубже. А там, где за видимостью явления не раскрывается его сущность, кончается наука.

И как эта схема хороша для капиталистов! В самом деле, рабочий получает заработную плату, справедливо вознаграждающую его труд. Капиталист получает прибыль – опять-таки законное вознаграждение за «труд» принад-

лежащих ему зданий, машин, материалов. К этому легко добавить, что владелец земли с полным основанием получает ренту: ведь земля тоже «работает». Антагонизм классов, который выпирал из учения Рикардо, здесь исчез, уступив место мирному сотрудничеству труда, капитала и земли. Подобную схему во Франции еще ранее выдвинул Сэй, только он не утруждал себя попытками подогнать ее под трудовую теорию стоимости. Труд – заработная плата; капитал – прибыль; земля – рента. Эта триада, соединяющая факторы производства и соответствующие доходы, утвердилась в английской политической экономии к середине XIX в.

В этой теории стоимости, которую часто называют теорией издержек производства, было очевидное слабое место. Стоимость товара объяснялась издержками, т. е. стоимостью товаров, участвующих в производстве. По существу, цены объяснялись ценами. В самом деле, ткань стоит столько-то шиллингов и пенсов за ярд потому, что труд стоит столько-то, машины – столько-то, хлопок – столько-то и т. д. Но почему машины стоят столько, а не больше и не меньше? И так далее.

Вопрос о конечной основе цен, который всегда был центральным для политэкономии, здесь просто обходился, а тесно связанный с ним вопрос о конечном источнике доходов решался апологетически.

Чтобы как-то преодолеть эту трудность, экономисты 30– 50-х гг. сделали следующие шаги, все далее отходя от Рикардо и все больше прокладывая путь к концепциям Джевонса и Маршалла. С одной стороны, издержки стали трактоваться не как объективные стоимости, в конечном счете все же зависящие от затрат труда, а как субъективные жертвы рабочего и капиталиста. С другой стороны, стоимость все менее считалась функцией одной переменной, издержек производства, и все более – функцией многих переменных, особенно спроса на данный товар и его полезности для покупателя. На стоимость переставали смотреть как на естественную основу, центр колебаний цен. Речь теперь шла о том, чтобы непосредственно объяснить цены, а цены, конечно, устанавливаются и меняются под влиянием многих факторов.

Дальнейшие шаги на пути вульгаризации Рикардо были сделаны также при объяснении капиталистической прибыли так называемым «воздержанием» капиталистов. Эта концепция в большой мере связана с именем английского экономиста Н.У. Сениора. Объяснение прибыли тем, что ее порождают работающие машины, здания и материалы, казалось многим экономистам неудовлетворительным. Поэтому была выдвинута теория о том, что прибыль порождается «воздержанием» капиталиста, который мог бы затратить свой капитал на потребление, но «воздерживается» от этого.

Представим себе двух капиталистов, имеющих денежный капитал по 10 тыс. фунтов стерлингов каждый. Первый вкладывает капитал, скажем, в

пивоваренный завод, сидит в конторе, следит за работой. Итог года: тысяча фунтов прибыли, или 10% на капитал. Второй капиталист тоже имеет 10 тыс. фунтов стерлингов, но он не любит запах пивной браги и конторскую суету. Вместе с тем он не хочет истратить свои деньги на новый дом, экипаж и т. п. Он обращается к первому капиталисту с предложением: «Присоедини мои 10 тыс. к твоему капиталу, расширь свой завод, а мне выплачивай 5% в год, 500 фунтов». Первый капиталист соглашается. Очевидно, чужой капитал приносит ему точно такую же норму прибыли, как и свой: ведь деньги, как говорится, не пахнут. Но половину этой прибыли он отдает собственнику капитала. Мог бы второй капиталист истратить свои деньги на перечисленные и любые другие блага, хоть на посещение публичных домов? – спрашивают авторы теории «воздержания». Мог бы. Но он воздерживается, он предпочитает подождать год и получить проценты на свой капитал, подождать два года и еще раз получить проценты (причем капитал-то остается цел и по-прежнему при желании может быть израсходован!). Человеку по его внутренней природе свойственно предпочитать настоящие блага будущим. Соглашаясь отказаться от настоящих благ ради будущих, наш капиталист приносит жертву и потому приобретает право на вознаграждение.

А первый капиталист? Он тоже мог бы продать свой пивоваренный завод и прожить деньги. Он этого не делает и потому имеет точно такое же право на награду за воздержание. Но он выгодно отличается от своего собрата тем, что «сам» варит пиво. За этот труд надзора, управления, руководства он должен получать своего рода заработную плату. Значит, на свой собственный капитал он получает, в сущности, не прибыль в тысячу фунтов, а два разных дохода: процент за воздержание – 500 фунтов и заработную плату за управление – еще 500 фунтов.

Прибыль как экономическая категория здесь вообще исчезает. Альфред Маршалл был по-своему логичен, когда через полсотни лет заменил триаду (труд, капитал, земля) комбинацией четырех факторов: труд – заработная плата, земля – рента, капитал – процент, «организация» – предпринимательский доход. «Воздержание» (abstinence), которое звучало не совсем прилично (миллионер, видите ли, воздерживается от траты своих денег и не полностью удовлетворяет свои нужды!), он заменил более приличным «ожиданием» (waiting). Тогда же были сделаны попытки объяснить на основе теорий, как определяется размер вознаграждения каждого фактора. Другие экономисты выделили еще один элемент капитала – риск и, соответственно, еще одну форму вознаграждения капиталиста – своего рода плату за страх. До сих пор спорят, входит ли вознаграждение за риск в состав ссудного процента или предпринимательского дохода (или в состав того и другого).

18. ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

В 50–60-х гг. XIX в. Англия достигла пика своего экономического и политического могущества в мире. Буржуазия могла – и была вынуждена – слегка поделиться плодами процветания с рабочим классом, тем более что эмиграция несколько ослабляла давление относительного перенаселения в Англии. Это коснулось прежде всего высших квалифицированных групп рабочего класса, так называемой «рабочей аристократии». Но к концу столетия улучшились условия труда, повысился уровень жизни рабочего класса в целом. Росло и классовое сознание пролетариата. Однако оно все более направлялось в сферу чисто экономических интересов, что в общем даже устраивало буржуазию. В известной мере она пошла навстречу рабочему классу: был принят целый ряд фабричных законов, легализованы профсоюзы, которые скоро выросли в значительную силу. Все это достигалось не без борьбы. Более дальновидной, либеральной буржуазии приходилось преодолевать сопротивление косных толстосумов и лендлордов. В сущности, эта борьба велась, конечно, за подлинные интересы буржуазии – только более перспективные, широкие, гибкие. История показала, что с точки зрения английской буржуазии это был разумный курс.

В сознании многих представителей либеральной буржуазии эта идеология и борьба могли выглядеть совсем иначе. Им представлялось (причем, возможно, субъективно вполне честно), что речь идет о вечных идеалах гуманизма и прогресса, о равноправном сотрудничестве людей ради этого прогресса, о свободе и терпимости как абсолютных ценностях. Думается, таким образом надо объяснять психологию и научно-общественную деятельность Джона Стюарта Милля. Мир бессердечного чистогана вовсе не был ему приятен, но он надеялся, что постепенно самые мрачные стороны этого мира отойдут в прошлое. Он даже интересовался социализмом, разумеется, эволюционным, без потрясений, без классовой борьбы. Милль оказался, однако, в конечном счете носителем идей «презренной середины», мастером компромиссов и эклектики. Он старался согласовать политическую экономию капитала с притязаниями рабочего класса, которые уже нельзя было игнорировать.

Личность Джона Милля не лишена интереса. Он родился в Лондоне в 1806 г. и был старшим сыном Джеймса Милля, философа и экономиста, друга Рикардо. Человек суровый до жестокости, принципиальный до догматизма, Джеймс Милль имел свою систему воспитания и решил применить ее к сыну.

«Рабочий день» ребенка был строго расписан. Список книг, которые мальчик прочел к восьми годам, приводит в изумление. Он не знал ни игрушек, ни сказок, ни игр со сверстниками. Прогулки с отцом, во время которых он давал ему отчет о прочитанных книгах, а позже – занятия с маленькими братьями и сестрами заменяли все это. Ребенок превращается в настоящего вундеркинда, неизменно поражая своими познаниями друзей и знакомых Милля-отца. Привычка к чтению и умственному труду становится уже частью его натуры. Он самостоятельно занимается высшей математикой, естествознанием. Но любимым его предметом остается история. Он пишет сочинения, пересказывая и порой критически комментируя древних и новых авторов. Строгость отца не только не уменьшается, но, скорее, усиливается. Джеймс Милль требует от мальчика зрелого и самостоятельного мышления, он любит давать невыполнимые задания. Сын всегда должен думать, что он знает, умеет, понимает страшно мало. И сын думает так, потому что он почти лишен общества детей и подростков своего возраста. Лишь позже, выйдя в широкий мир, он познает и свои преимущества, и свои трагические недостатки...

В 13 лет младший Милль проходит с отцом курс политической экономии. Отец читает ему лекции, они детально обсуждают сложные вопросы, сын пишет рефераты. Джон Стюарт Милль позже рассказывал: «Поскольку я постоянно участвовал в научной работе отца, я был знаком с самым близким из его друзей, Давидом Рикардо. Своим благожелательным участием, своей добротой и снисходительностью он очень привлекал к себе молодых людей. После того как я стал заниматься политической экономией, он приглашал меня к себе и во время совместных прогулок беседовал со мной о проблемах этой науки»*.

В 1822 г. Милль опубликовал свои первые работы по политической экономии – две небольшие статьи о теории стоимости. Он мечтал о политической карьере, но отец решил иначе. В следующем году Джон занял место самого низшего клерка в отделе Ост-Индской компании, которым заведовал Джеймс Милль, и начал восхождение по служебной лестнице. В первые годы служба не очень мешала его кипучей интеллектуальной деятельности. Привыкнув работать по 14 часов в сутки, он продолжал читать и писать для себя и для печати, обучать братьев и сестер. Милль сам называл себя мыслящей машиной. Но искусственная, чисто интеллектуальная атмосфера не могла заменить юноше всю сложность жизни, естественный мир чувств, желаний, впечатлений. Результат – нервный крах, разочарование, мысли о самоубийстве.

Знакомство в 1830 г. и возникшая дружба с миссис Харриет Тэйлор, красивой и умной 22-летней женой состоятельного лондонского купца и матерью двоих детей, излечили Милля от его черной меланхолии. Милль и

* *Mill Sf. Autobiography L., 1944 P. 38.*

Тэйлор создали кружок мыслящих и либерально настроенных людей. Постепенно она стала ближайшим сотрудником Милля, первым читателем и критиком его сочинений.

В 30-х гг. Милль издавал политический журнал, который был рупором «философских радикалов» – самой левой группировки вигов в тогдашнем парламенте. В 1843 г. вышло его важнейшее философское сочинение – «Система логики», в 1844 г. – «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии». В этой работе содержится в основном то новое, что Милль внес в науку, тогда как его объемистые «Принципы политической экономии» (1848 г.) представляют собой искусную компиляцию. Несмотря на это – или, лучше сказать, именно благодаря этому, – книга Милля имела невиданный успех, выдержала при его жизни семь изданий, была переведена на многие языки.

Смерть мужа позволила Х. Тэйлор в 1851 г. вступить в брак с Миллем. В течение восьми лет, которые ей еще оставалось жить, миссис Милль была тяжело больна. Милль, сам имевший плохое здоровье, показал себя образцом самоотверженности и стоицизма. Когда читаешь «Автобиографию» и переписку Милля, воспоминания лично знавших его людей, то испытываешь противоречивые чувства. Он был слабым человеком; возможно, таким его сделало воспитание. В сущности, вся его жизнь в течение 20 лет была непрерывным, порой тягостным и унижительным компромиссом. Он одновременно и бросал вызов правилам света, и не хотел нарушать их слишком сильно. Это очень характерно для личности Милля. В личной жизни, как в науке и политике, Милль не умел идти навстречу трудностям, разрубать узлы одним ударом. Он предпочитал жить, спрятав, подобно страусу, голову под крыло. Он создал себе особый, изолированный интеллектуальный мир и умудрялся чувствовать себя в нем более или менее спокойно. Как однажды заметил Карлейль, это был несчастный человек, который сам себе казался очень счастливым.

С другой стороны, моральный облик Милля не может не вызывать определенного уважения. Он был по-своему принципиален и последователен. Надо помнить, что Милль и Харриет Тэйлор принадлежали не к литературной богеме, а к уважаемому буржуазному обществу викторианской эпохи, не прощавшему нарушения «приличий».

В 1858 г. закончилась служба Милля в Ост-Индской компании. В последующие годы Милль опубликовал несколько политических и философских сочинений, но политической экономией он больше, по существу, не занимался, если не считать новых изданий «Принципов». Он развивал идеи буржуазной демократии («О свободе»), выступал за права женщин («О подчинении женщин»). Несколько лет Милль был членом парламента. Потерпев поражение на очередных выборах, он уехал во Францию, где умер в 1873 г.

19. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ

19.1. Первоначальное накопление, феодализм и ростовщичество

Накануне буржуазной революции Франция была аграрной страной. Из 26 млн ее населения 22 млн, т. е. 85%, составляли крестьяне. Это не было особенностью Франции: при феодализме всегда доминирует сельское хозяйство, промышленность становится главной отраслью производства лишь в результате промышленного переворота.

Невелика здесь была и доля горожан, правда, в Париже насчитывалось полмиллиона жителей, но уже во втором по численности населения Марселе числилось только 90 тысяч, а в Лионе, который занимал третье место, – 85 тысяч.

Французские крестьяне в это время были уже лично свободными, но оставались в феодальной зависимости и платили феодальную ренту.

Право крестьян на свои земли приближалось к праву собственности. Крестьянин мог продать свою землю, но к покупателю переходила и обязанность платить феодальную ренту и выполнять феодальные повинности. Впрочем, собственность самих феодалов на землю была не абсолютной. Вспомним, что право феодальной собственности на землю – это лишь право на получение ренты и сеньория – это инструмент для взимания этой ренты. «Сеньория и земельное владение – два различных института, не покрывающие друг друга, – пишет И. В. Луцицкий. – Можно быть сеньором и в то же время не иметь ни клочка земли». В источниках говорится, например, что сеньор приходит «не владеет в нем ни замком, ни землями, а только рентами» [5, с. 17–20].

К тому же в соответствии с системой вассалитета сеньор мог пользоваться своей сеньорией лишь при условии несения службы вассала. Верховным собственником земли барона считался граф, владения которого входили в состав герцогства, а владения герцога были в подчинении короля. Система получалась очень запутанная, тем более что с развитием рыночных отношений ренты становились объектом купли-продажи.

Основной формой ренты с крестьян был ценз, или чинш – денежный оброк. Его величина была закреплена законом и не подлежала изменению. В результате «революции цен» реальная величина чинша существенно сокра-

тилась, иногда настолько, что феодалы вообще перестали его взимать. Дополнительно к чиншу с крестьян собирался натуральный оброк – шампар, который составлял 16–20% урожая.

Регулярной барщины во Франции почти не было, потому что французские феодалы в отличие от английских почти не вели свое хозяйство, не имели своей запашки. Бесплатный труд крестьян использовался лишь в особых случаях: для сооружения замков, каналов, дорог, мостов.

Обременительными для крестьян были баналитеты – обязанность крестьян пользоваться мельницей сеньора для помола зерна, его печью для выпечки хлеба, прессом для выжимания винограда. Пользоваться всем этим, впрочем, было не обязательно, но вносить в казну сеньора деньги за это было необходимо. В сущности, это стало просто дополнительным оброком. Во Франции сохранялись даже такие архаичные повинности крестьян, как обязанность бить палками по воде, чтобы не давать лягушкам квакать в часы сна сеньора. [9, с. 167].

Крестьяне подлежали суду сеньора, а это не только увеличивало их зависимость, но и обеспечивало феодалу доход в форме судебных штрафов и разного рода вымогательств.

Одной из привилегий дворян была монополия дворян на право охоты. Охотники на лошадях со сворами собак топтали посевы крестьян, запрещая им даже ставить изгороди, а крестьяне должны были терпеть, когда волки пожирали их скот, а птицы портили посевы.

Домениальные земли крестьяне обычно сдавали в аренду. Конечно, феодалу удобней было сдавать землю крупными участками, иногда весь домен целиком. В качестве арендаторов выступали разбогатевшие крестьяне или горожане. Но эти крупные арендаторы не вели сами хозяйство на этой земле, а дробили ее на части и сдавали мелким арендаторам, малоземельным и безземельным крестьянам. Широко практиковалось половничество, когда арендатор получал от хозяина не только землю, но и семена для посева, орудия производства и рабочий скот, но в качестве арендной платы отдавал до половины урожая.

Конечно, во Франции происходило расслоение крестьян, но выделявшиеся сельские буржуа здесь обычно не становились фермерами, не заводили рациональное товарное хозяйство, а превращались в «квазисеньоров», арендуя домениальные владения и сдавая мелкими участками половникам. Они же выступали и в качестве деревенских ростовщиков.

Процесс разорения и обезземеливания крестьян не породил, как в Англии, значительного слоя сельскохозяйственных рабочих. Безземельные крестьяне, доля которых составляла около 18% всего крестьянства, чаще всего и становились половниками.

Кроме феодальной ренты крестьяне платили высокие налоги государству: талью (налог с земли), подушный налог, а также косвенные налоги, например, габель – налог на соль, который обязывал крестьян к тому же покупать определенное количество соли. Прямые налоги за XVIII в. выросли с 16 до 229 млн ливров, косвенные – с 11,5 до 311 млн ливров, и, по расчетам Ф. Я. Полянского, накануне революции крестьяне отдавали государству до 2/3 своих доходов. [10, с. 137]. Если это так, то теперь главным эксплуататором крестьян стало государство. Следует добавить, что крестьяне еще платили десятину церкви, т. е. отдавали церкви десятую часть своих доходов.

Во второй половине XVIII в., когда в результате падения цен на сельскохозяйственные продукты доходы феодалов стали сокращаться, происходит процесс, который принято называть «феодальной реакцией»: сеньоры увеличивали поборы с крестьян, восстанавливая по документам давно забытые виды повинностей и требуя уплаты накопившихся недоимок за прошлые годы. В некоторых районах крестьяне заявляли, что им неизвестно, кому принадлежит их земля, и что они давно не несли никаких повинностей: сеньориальный режим уже давно стал разлагаться. Теперь восстанавливался принцип «нет земли без сеньора».

В Англии одним из процессов разрушения общинных отношений были огораживания. Во Франции такие огораживания получили форму триажа, когда в пользу сеньора отходила треть общинных непахотных угодий. Заинтересованы были в триаже и зажиточные крестьяне, поскольку присвоенные феодалом земли обычно сдавались им в долгосрочную аренду. Но во Франции государство выступало против триажа, чтобы сохранить крестьянские хозяйства – основу для поступления налогов. Закон запрещал триаж, и переход в состав домена общинных владений объявлялся недействительным. Поэтому к концу XVIII в. основная часть общинных угодий сохранилась, как и право общинного выпаса скота на полях после уборки урожая. Во Франции до революции сохранились общинные порядки, сохранилось господство крестьянского землевладения и землепользования.

Быт крестьян был крайне примитивным. Крестьянская хижина, крытая соломой, иногда так мало возвышалась над землей, что походила скорее на погреб. Домашние животные помещались под одной крышей с людьми. Даже когда жилище было разделено на хлев и помещение для людей, люди на зиму все-таки переходили в хлев, потому что там было теплее. Эти дома не имели ни окон, ни печей, а дым выходил в единственное отверстие – дверь.

Артура Юнга поразило отсутствие обуви у крестьян – ни чулок, ни башмаков у них не было. Мясо появлялось на столе крестьян лишь в праздничные и воскресные дни. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни была не более 25 лет.

Натуральное крестьянское хозяйство – низкий уровень техники. Нередко крестьяне обрабатывали землю даже мотыгами из-за отсутствия рабочего скота. Кроме трехполья практиковалась архаичная двухпольная система севооборотов. Урожайность зерновых во Франции была вдвое ниже, чем в Англии, хотя природные условия для земледелия здесь были лучше. Частыми были неурожайные годы. В документах сообщалось: «В графстве Турени люди едят траву уже год»; «в епископстве Шартрском люди едят траву как овцы и мрут как мухи».

С середины XVIII в. по примеру Англии здесь началось увлечение сельскохозяйственной наукой, но, в отличие от Англии, оно осталось модным поветрием правящей верхушки, а до земли не дошло. Крестьяне же, как и прежде, с гусеницами боролись заклинаниями, отлучали от церкви животных, портивших овощи.

Во второй половине XVIII в. появился картофель, который отныне спасал от голодной смерти. Первое время крестьяне к нему относились недоверчиво, и власти его усиленно пропагандировали: король и его министры приказывали ежедневно готовить себе блюда из картофеля, а Мария Антуанетта цветами картофеля украшала свою одежду.

Главной сферой первоначального накопления во Франции стало ростовщичество. В первую очередь в кабалу к ростовщикам попадали крестьяне. Это началось еще в процессе коммутации, когда натуральная рента заменялась денежной. Крестьянину трудно превратить натуральный продукт в деньги: он не купец, он не может доставлять свой маленький товар в далекий город. Ему приходится продавать свою продукцию за полцены перекупщику. Чтобы заплатить ренту деньгами, ему приходится обращаться за ссудой к ростовщику, попадая к нему в кабалу. Теперь эти крестьяне дополнительно к феодальной ренте и государственным налогам должны были платить ростовщические проценты за ссуду.

В качестве сельских ростовщиков, как уже сказано, выступали разбогатевшие крестьяне, а иногда и сеньоры (вспомним пушкинского «Скупого рыцаря»).

Но особенность ростовщической эксплуатации крестьян заключалась в том, что она обычно не ведет к их полному разорению и обезземеливанию: с ликвидацией крестьянского хозяйства исчезает источник доходов ростовщика. Более того, ростовщичество подчас тормозит разорение крестьян: когда крестьянин оказывается на грани разорения, он может, взяв ссуду у ростовщика, продолжать вести свое хозяйство, оставаясь на грани нищеты. И ростовщичество явилось одной из причин того, что во Франции не было массового разорения и обезземеливания крестьян, как в Англии.

Особой формой ростовщичества были государственные долги. Французским королям, содержавшим самый пышный двор в Европе, постоянно не хватало денег, и они делали займы у банкиров, а до возвращения долга выплачивали высокие проценты. Сначала займы делались просто у банкиров, а потом стали распространяться облигации государственного займа среди богатых людей. Человек, который покупал эти облигации на крупную сумму, получал надежный источник дохода.

Особенно неприятно на положении народа отражались займы в форме откупов: правительство получало у финансистов необходимую сумму денег, а вместо возвращения долга с процентами предоставляло собирать ее в форме налога с какой-либо местности. При этом величина налога существенно увеличивалась, и при его сборе допускались всякого рода злоупотребления, покрываемые государством.

Несмотря на такое развитие ростовщичества, кредитная система Франции существенно отставала от английской. Если в XVIII в. банкноты Английского банка уже выполняли функции денег, то Французского банка пока еще не было, а векселя частных банкиров имели ограниченное хождение. Современник описывал зрелище платежей звонкой монетой в Париже: по определенным дням «встречаешь носильщиков с мешками, полными денег, стигающихся под этой тяжестью. Они бегут так, словно на город только что напала неприятельская армия» [1, т. 1, с. 501].

Государство покрывало свои расходы также продажей должностей в государственном аппарате и армии. За деньги, например, продавались офицерские патенты. Покупатель должности, конечно, не отличался высокой компетентностью, а рассматривал свое положение как источник доходов в виде жалования и взятки.

Вместе с должностью приобретался и дворянский титул. И если в Англии существовал слой джентри – полудворян, полубуржуа, то во Франции дополнительно к старому родовому дворянству теперь добавилось «дворянство мантии», в состав которого входили судебские и другие государственные чиновники, врачи, лица свободных профессий. Конечно, старое родовое дворянство относилось с презрением к этим выскочкам, но «дворяне мантии» отвечали той же монетой, совсем не стараясь перенимать образ жизни «дворянства шпаги» с его военным ремеслом, охотой и дуэлями. Один из представителей этого нового слоя писал: «Почтенные буржуа городов и добрые купцы более благородны, чем все они (родовые дворяне), ибо они ведут более добропорядочную жизнь..., а главное – они никогда не совершат подлого деяния... Не надо более искать добродетели у дворянства» [1, т. 2. С. 489]. Досуг «дворян мантии» – библиотеки, гуманистическая культура. Именно из этой среды выходили интеллигенты, ставшие идеологами революции.

Итак, главным источником первоначального накопления капиталов во Франции стало ростовщичество. Но ростовщический характер первоначального накопления имел существенные недостатки, тормозившие развитие промышленности.

Ростовщичество, как уже сказано, не вело к массовому разорению крестьян и превращению их в рабочих. Эта сторона первоначального накопления во Франции проявлялась сравнительно слабо. В 1788 г. рабочих насчитывалось всего 200 тысяч, но и из них большинство работало на дому. Таким образом, первоначальное накопление здесь было односторонним: капиталы накапливались, но массового разорения крестьян с образованием армии наемных рабочих не происходило.

В сфере ростовщичества капиталы накапливались относительно медленно и редко переходили в сферу производства. Ростовщичество рождало не промышленников, а рэпты, живущих на доход с ценных бумаг. Это не требовало хозяйственных забот и знаний, но обеспечивало твердый доход.

Наконец, ростовщичество сужало внутренний рынок. Оно отнимало у крестьян и ту часть дохода, которая могла использоваться для покупки товаров. Крестьяне почти ничего не покупали, а без покупателей, без рынка промышленность развиваться не может. Основными покупателями в стране оказывались не крестьяне, а дворяне и буржуазия, состоятельные слои общества. Это и определило специализацию мануфактур во Франции – производство не товаров народного потребления, а предметов роскоши. Первыми здесь стали развиваться мануфактуры по производству шелка, бархата, ковров, зеркал, фарфора.

19.2. Мануфактуры XVIII в.

В XVIII в. во Франции существовало три вида промышленного производства: ремесло, рассеянная и централизованная мануфактура.

Производство предметов потребления – одежды, обуви, посуды, мебели – оставалось на стадии ремесла. Главным центром такого ремесленного производства был Париж.

В текстильной промышленности господствовала рассеянная мануфактура. Примером может служить шелковая промышленность, сосредоточенная в основном в Лионе. Здесь купцы, которые раздавали ткачам пряжу, считались мастерами шелкоткацкого цеха, а ткачи, владельцы ткацких мастерских, были низведены до степени подмастерьев. В отличие от рассеянной текстильной мануфактуры Англии шелкоткацкая промышленность Франции

была городской отраслью: шелковые ткани готовили не крестьяне, а горожане, не имевшие подспорья в виде натуральных хозяйств.

Удельный вес централизованных мануфактур был невысоким. Это были в основном мануфактуры по производству предметов роскоши, находились под особым покровительством государства, а некоторые, «королевские», и содержались за счет государства. Английский экономист Артур Юнг, который путешествовал по Франции в конце XVIII в., отмечал, что французская мануфактура гобеленов «несомненно занимает первое место во всем мире», как и зеркальная мануфактура в Сен-Гобене. К числу централизованных мануфактур следует отнести и металлургическую компанию Крезю, где к концу XVIII в. действовало 4 доменных печи.

К концу этого столетия Франция занимала второе место в мире по объему промышленного производства. Ее внешнеторговые обороты с 1716 по 1789 г. выросли почти в 10 раз: французские кружева, шелк, ковры, зеркала, галантерея вывозились во все страны Европы.

Как и в других странах, государство содействовало развитию промышленности, причем это содействие выражалось не только в повышении импортных пошлин, но и в основании королевских мануфактур, в прямом субсидировании промышленности. Особенно активно этим занимался Кольбер, Генеральный контролер финансов при Людовике XIV, который нам известен по романам Дюма. Впрочем, методы проведения экономической политики, как, впрочем, и в других странах в то время, часто носили не экономический характер. Вот лишь один эпизод борьбы за создание французской промышленности, который положил начало зеркальному производству. Сначала в Европе лишь одна Венеция владела секретом производства зеркал. Этот секрет считался государственной тайной, и его разглашение каралось смертью. Французы выкрали несколько рабочих зеркальной мануфактуры. Во Франции им предложили большие деньги, и они наладили зеркальное производство. Через некоторое время рабочие-венецианцы стали умирать от отравления: венецианские власти добрались-таки до них. Но секрет производства зеркал уже перестал быть секретом.

При Кольбере городская промышленная политика сменилась общегосударственной. При прежних порядках пережитки феодальной раздробленности выражались в том, что каждый город заботился о своем процветании, отгораживаясь от остального мира внутренними таможенными пошлинами. Пережитком Средневековья была и цеховая регламентация. Кольбер ликвидировал внутренние пошлины и подчинил цеха государству. Цеховая регламентация сменилась государственной.

19.3. Великая буржуазная революция и экономика

Одной из главных предпосылок революции стала ее идеологическая подготовка целой плеядой публицистов и ученых, просветителей, энциклопедистов – от Вольтера до Дидро и Руссо. Подвергнув резкой критике существовавшие во Франции порядки, феодальные отношения, абсолютную монархию, они, в сущности, составили развернутую программу демократических преобразований, реализованных затем в ходе революции. Революция первоначально совершилась в умах людей.

А главной экономической причиной революции стал кризис феодальной структуры общества, феодальной монархии. Существовавшие порядки препятствовали дальнейшему развитию экономики. Лидируя по численности населения, по своему положению среди других стран Европы, Франция постепенно сдавала позиции. Одним из проявлений этого стала потеря заокеанских колоний. По Парижскому мирному договору 1763 г., которым закончилась Семилетняя война, Франция потеряла свои владения в Северной Америке (Канаду и земли к востоку от Миссисипи), владения в Африке и Вест-Индии и была почти полностью вытеснена Англией из Индии. Это было ударом и по финансам Франции: ведь колонии в это время служили одним из главных источников накопления капиталов.

Феодальная реакция, попытки феодалов восстанавливать архаичные формы феодальной эксплуатации, не увеличила существенно их доходы, но вызвала озлобление крестьян и рост крестьянских выступлений.

Непосредственным толчком к революции стало финансовое банкротство государства. Государственные расходы намного превысили доходную часть бюджета: кроме расходов на содержание королевского двора, на армию и государственный аппарат во Франции за счет государства действовали «королевские» мануфактуры, а в условиях слабого развития капиталистической промышленности, архаичной организации сельского хозяйства поступление налогов в казну не покрывало расходов.

К 1788 г. бюджетный дефицит составил 160 млн ливров, и только на погашение долгов тратилось 40% государственных расходов. Для покрытия долга надо было увеличить налоги. Простым королевским волеизъявлением это было сделать невозможно. Поэтому Генеральный контролер финансов Неккер уговорил Людовика XVI созвать Генеральные штаты, собрание представителей всех трех сословий государства. А поскольку дворянство и духовенство были освобождены от налогов, вся сумма их ложилась на третье сословие, т. е. всех остальных жителей. И чтобы выторговать увеличение налогов, третьему сословию было предоставлено в Генеральных штатах

двойное число мест, т. е. депутаты от третьего сословия составили половину состава Генеральных штатов.

Генеральные штаты начали работу в Версале 5 мая 1789 г. Первоначально предполагалось, что каждое сословие будет заседать и принимать решения отдельно. Представители третьего сословия при таком порядке оказывались в меньшинстве. Депутаты третьего сословия не только отказались подчиниться такому решению, но и объявили себя Национальным собранием, т.е. верховным органом государства, а 20 июня, собравшись в зале для игры в мяч (поскольку другие помещения в королевском Версале оказались для них закрытыми), поклялись не расходиться, пока не примут конституцию Франции. К ним примкнуло духовенство. Король был вынужден уступить и предписал депутатам от дворянства присоединиться к третьему сословию. Так началась революция.

Изучение революций не является предметом экономической истории, поэтому мы не будем подробно излагать ход этой революции, действия ее героев, а рассмотрим только социально-экономические преобразования, которые отразились на дальнейшем развитии хозяйства страны.

Революция во Франции была не первой, ей предшествовали революции в Англии и Голландии. Почему же именно Французскую буржуазную революцию принято называть великой? В Нидерландах революция имела форму национально-освободительной войны. В Англии и Германии революции закончились компромиссным соглашением между феодалами и буржуазией. В большинстве стран к моменту революции в экономике уже господствовали буржуазные отношения, надо было лишь привести политическую надстройку общества в соответствие с уже сложившейся буржуазной экономикой.

Во Франции к моменту революции еще господствовали феодальные отношения, и революция их ликвидировала, не закончилась компромиссом между феодалами и буржуазией, а ликвидировала господство феодалов, отобрал у них землю. В отличие от других революций французская не ограничилась преобразованиями в политическом строе, а сломала прежнюю экономическую структуру. Именно поэтому она и стала народной: в процесс были вовлечены широкие массы населения, тогда как в других революциях дело нередко ограничивалось борьбой «верхушечных» групп общества.

До диктатуры якобинцев революция развивалась по нарастающей.

Первый период – с 1789 по 1792 г. – период Учредительного, а затем созванного по новому избирательному закону Законодательного собрания, период умеренных преобразований. Номинально Франция пока оставалась монархией.

Второй период – с 1792 по 1793 г., когда была установлена республика, главным органом власти стал Конвент, в котором главная роль принадлежала жирондистам.

Третий период – с 1793 по 1794 г. – период диктатуры самой радикальной группы революционеров – якобинцев или монтаньяров.

Социальный состав разных групп и объединений революционеров, которые боролись между собой, поочередно приходя к власти, был приблизительно одинаковым. Здесь были представители и третьего сословия, и дворянства, и духовенства, но главную роль играли интеллигенты, вдохновленные идеями Руссо и других просветителей. Их девизом стали слова: «Свобода, равенство, братство». Лишь реализация этого лозунга проводилась несколько по-разному.

Уже в первый период революции в соответствии с принятой «Декларацией прав человека и гражданина» была провозглашена отмена феодальных отношений, дворянские звания и титулы упразднялись вместе с сословными привилегиями. Повинности крестьян, которые определялись их личной зависимостью, также упразднялись. Феодальная рента, т. е. чинш, шампар и другие платежи, определяемые земельной зависимостью, подлежали выкупу, поскольку земля сеньории считалась собственностью феодала, а собственность была признана одним из неотъемлемых прав человека. Выкуп должен был в 20 раз превышать величину годовой ренты, т. е. для большинства крестьян был непосилен. Но крестьяне к этому времени практически уже перестали платить ренту и теперь не спешили с выкупом. Практически они получили землю в свою полную собственность без выкупа.

Церковные земли переходили в собственность государства. Вместо доходов от церковного имущества священники должны были получать жалование от государства, становясь таким образом государственными служащими. Конфискованные у церкви земли предполагалось пустить в продажу. А так как государство испытывало огромный бюджетный дефицит, унаследованный от прежних времен, да к тому же в условиях революции, в казну перестали поступать налоги, было решено под залог церковных земель выпустить ценные бумаги – ассигнаты на сумму 400 млн ливров. Опыт оказался успешным, и позже, в 1790 г., сумма ассигнатов была увеличена до 1200 млн ливров. Естественно, это привело к инфляции – ассигнаты, которые теперь стали бумажными деньгами, резко обесценились.

Под давлением революционных обстоятельств король был вынужден подписать «Декларацию прав» и новую конституцию, ограничившую его власть, и надеть трехцветную сине-бело-красную кокарду (белый – цвет королевского знамени Бурбонов, красный и синий – цвета герба Парижа). Это и составило цвета государственного флага Франции.

Но значительная часть высшей дворянской аристократии, в том числе брат короля, бежала за границу. В условиях начавшейся войны, когда монархи Европы двинули войска против революционной Франции, это рассматривалось как измена. Поэтому земли эмигрантов переходили в собственность государства и в дальнейшем, как и церковные земли, подлежали продаже.

Исходя из принципа равенства, революционеры не отдавали предпочтения какому-либо классу или группе населения. Крестьяне освобождались от повинностей именно во имя осуществления этого принципа. Когда в результате роста дороговизны рабочие стали объединяться для борьбы за повышение заработной платы, в 1791 г. был принят закон Ле Шапелье, запрещавший объединения рабочих и стачки – не потому, что Законодательное собрание было против рабочих, а потому, что стачки препятствовали мобилизации промышленности на дело революции.

В августе 1792 г. низы парижского населения, санкюлоты, под руководством повстанческой коммуны, которая заменила парижский муниципалитет, штурмом взяли королевскую резиденцию, Тюильрийский дворец. Монархия была низложена, Франция стала республикой, а сам король в январе 1793 г. был гильотинирован.

Поскольку Законодательное собрание исходило из принципов конституционной монархии, оно было распущено, и в сентябре 1792 г. начал действовать новый учредительный орган – Конвент, который возглавил революцию. Так начался второй период революции, который принято считать периодом жирондистов, поскольку большинство в Конвенте первоначально принадлежало к этой относительно умеренной группе революционеров, значительную часть которой составляли представители департамента Жиронда.

Именно в этот период окончательно решался вопрос о порядке продажи церковных земель и владений феодалов-эмигрантов. Эти земли составляли 20–25% всей территории Франции. Конечно, продаже подлежали лишь домовладения, а не крестьянские владения, входившие в состав сеньории. А феодалы Франции, как уже сказано, редко вели собственное хозяйство, поэтому пашни в составе продаваемых земель было не так уж много.

Первоначально предполагалось во имя обеспечения равенства продавать землю мелкими участками в рассрочку на 12 лет. Но поскольку государство очень нуждалось в деньгах, а деление земель на мелкие участки было задачей сложной, требующей времени, от этого варианта практически отказались. Предпочтение теперь отдавалось тем, кто сразу вносил всю сумму, крупные участки стали продаваться целиком, без дробления на мелкие части, и даже стала практиковаться продажа с аукциона. Поэтому земли эмигрантов раскупили в основном разбогатевшие крестьяне и горожане. Большинство

крестьян от распродажи земель ничего не получило. Франция осталась страной мелкого крестьянского хозяйства.

Для укрепления частной собственности и содействия развитию сельского хозяйства по образцу Англии была сделана попытка разрушить общину. Было предписано разделить общественные земли между крестьянами. Однако это удалось сделать только в немногих общинах, а в большинстве общин крестьяне саботировали проведение этого декрета в жизнь.

И все же земельный вопрос был решен в пользу крестьян. Революция ликвидировала практически без выкупа феодальную зависимость крестьян и феодальные повинности, ликвидировала феодальную ренту. Даже документы, фиксировавшие права феодалов, подлежали сожжению, и их хранение каралось пятилетней каторгой. Земельные участки, которые были в пользовании крестьян, объявлялись теперь их полной собственностью.

Наиболее сложным и противоречивым периодом этой революции была диктатура якобинцев, когда, по выражению одного французского историка, революцию «занесло». Она вышла за рамки буржуазной революции, приняла крайние формы, начался террор, поглотивший и самих основателей этой диктатуры во главе с Робеспьером.

Чтобы понять, почему это произошло, нужно учитывать три составляющие этой диктатуры. Идейними руководителями движения якобинцев, как и революции в целом, были интеллигенты, в основном дворянского происхождения (дворянином был и Робеспьер). Вдохновленные идеями просветителей, особенно Руссо и Монтескье, они не считали себя представителями ни буржуазии, ни какого-либо другого класса. Они стремились построить республику на принципах полного равенства, без богатых и бедных. Естественно, эта утопия совершенно не соответствовала задачам буржуазной революции, но была знаменем, за которым шел народ.

Одной из действующих сил революции стало крестьянство, которое составляло подавляющую часть населения Франции. Оно хотело и добилось ликвидации господства феодалов. Но ведь само крестьянство – класс феодального общества, и сохранение этого класса, как мы дальше увидим, тоже не соответствовало задачам буржуазной революции

Но главной действующей силой революции был городской плебс, санкюлоты. В его состав входили рабочие мануфактур, подмастерья, ремесленники, мелкие лавочники. Они горячо поддерживали принцип равенства. Они были против богачей вообще – и дворян, и буржуазии. Именно под их давлением, давлением коммуны Парижа, был принят ряд законов, получивших название законов «всеобщего максимума». Этими законами вводилась реквизиция излишков хлеба у богатых людей, устанавливались твердые цены на продовольствие и распределение этого продовольствия по нормам, что,

естественно, вызывало недовольство крестьян. Было даже предписано выпекать хлеб только одного сорта – «хлеб равенства» – из смеси ржаной и пшеничной муки. Законы «всеобщего максимума» были направлены против буржуазии. Особое недовольство буржуазии вызвали декреты о конфискации доходов, превышающих 9 тысяч ливров. Но ведь революция-то была буржуазной! Она не могла стать направленной против буржуазии. Когда якобинцы стали издавать декреты о конфискации собственности врагов революции и передаче ее неимущим патриотам, эти декреты остались на бумаге.

Диктатура якобинцев не выражала интересы и рабочих. Согласно принципам того же «всеобщего максимума» устанавливалась низкая норма заработной платы, а закон Ле Шапелье оставался в силе.

Якобинцы и санкюлоты не могли повернуть буржуазную революцию против буржуазии. Они растерялись. Оказалось, что свою диктатуру они могли поддерживать только силой, страхом, террором. И террор из средства защиты революции превратился в способ заставить народ принять те социальные ценности, в которые верили сами якобинцы. Террор становился самоцелью, пока революция не пожрала своих детей.

Террор начался еще до роспуска Законодательного собрания и учреждения Конвента. В августе – сентябре 1792 г. Парижская коммуна, орган санкюлотов Парижа, организовала аресты «подозрительных» и массовые убийства заключенных парижских тюрем, большинство которых ни в каких заговорах против революции не участвовали. Так же действовали санкюлоты и в других городах. Только в Париже были убиты полторы тысячи человек.

В сентябре 1794 г. якобинский Конвент принял «Закон о подозрительных», согласно которому подлежали аресту и заключению люди, которые только подозревались в антиреволюционном образе мыслей. Донос в комитет общественной безопасности, карательный орган якобинцев, о таком подозрении считался достаточным основанием для ареста, а потом и казни.

Общее число арестованных в 1793–1794 гг. достигло 30–40 тыс. Более 80% из них принадлежало к третьему сословию, в состав которого входила и буржуазия. [3, с. 78].

Якобинцы не смогли увлечь за собой Францию. Если на первом этапе революции масса людей устремлялась в Париж на поддержку действий революционеров, и песня двигавшихся в Париж марсельцев, «Марсельеза», стала гимном Франции, то теперь якобинцы оказались в изоляции. Начался «федералистский мятеж». Летом 1793 г. 60 из 83 департаментов Франции выступили против Конвента. Под его властью остался лишь небольшой островок с центром в Париже. Боевые силы знаменитой Вандеи, конечно, не могли состоять из одних феодалов и церковников. В основном в них входили крестьяне.

Подавлялись мятежи жестоко. В одной Вандее было убито не менее 10 тысяч человек. В декрете Конвента по случаю взятия Лиона было сказано: «Город Лион будет разрушен. На развалинах Лиона будет воздвигнута колонна, которая напомним потомству о преступлениях и наказании роялистов этого города такой надписью: «Лион восстал против свободы. Лиона больше нет [3, с. 79]. А ведь Лион был главным центром шелковой промышленности, ведущей отрасли промышленности Франции, и в отличие от Парижа там было особенно много рабочих.

19.4. Наполеон и континентальная блокада

На заключительном этапе революции к власти приходит Наполеон. Конечно, сам он не считал себя представителем буржуазии, но объективно его правительство действовало в соответствии с интересами промышленной буржуазии. Отменять земельные законы революции, возвращать земли и привилегии дворянам он не считал нужным: буржуазия не была заинтересована в восстановлении феодальных порядков.

Правда, в противовес старому дворянству Наполеон попытался создать что-то вроде нового дворянства из преданных ему людей под названием Почетный легион, и орден Почетного легиона с того времени так и остался одной из главных государственных наград Франции.

Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. закрепил основные итоги революции. В основу его были положены принципы «Декларации прав» – свободу личности, равенство граждан перед законом, свободу совести. Это и дает нам основание считать правление Наполеона заключительным этапом революции. Наполеон закрепил те завоевания революции, которые были необходимы для буржуазного развития Франции.

Одной из мер по содействию развитию капитализма стало основание Французского банка в 1800 г. Банк был акционерным, и Наполеон стал одним из первых акционеров этого банка. Конечно, через банк проводилась государственная политика в сфере кредита.

Наполеоновские войны были войнами за интересы французской буржуазии, за источники сырья и рынки сбыта, за экономическое господство Франции в Европе. Наполеон пытался возродить и колониальную империю Франции, о чем свидетельствует египетский поход 1798 г., когда была сделана попытка прорваться на Восток, в Индию.

Но следует учитывать и другое значение наполеоновских войн: они распространяли достижения французской революции на другие страны

Европы. На завоеванных территориях ликвидировались феодальные отношения, крестьяне освобождались от феодальной зависимости, устанавливались принципы равенства людей перед законом. Под влиянием этих новых демократических порядков оказывались и соседние с завоеванными страны. Так, если в западной части Германии крестьяне были освобождены от феодальной зависимости по французскому образцу – с землей и без выкупа, то в восточной части это послужило толчком к освобождению крестьян на более тяжелых условиях.

Главным соперником, конкурентом Франции Наполеон считал Англию. Чтобы сокрушить экономическое господство Англии, Наполеон в 1806 г. объявляет континентальную блокаду, т. е. запрещает торговлю между континентом и Англией. Замысел был таков: отобрать у Англии европейские рынки, подорвав этим ее промышленность, и получить эти рынки для французской промышленности.

Но Наполеон просчитался, переоценив возможности французской промышленности. Она была слишком слаба, чтобы заменить Европе английскую. Она не только не могла дать Европе количество товаров, но и сама не могла обойтись без Англии. Французская промышленность стала ощущать нехватку хлопка, сахарного тростника и другого сырья, которое поступало через Англию из английских колоний. В 1811 г. из 1700 хлопкопрядильных предприятий Франции действовало только 300. Закрывались сахарные заводы. Правда, блокада стала толчком к развитию свеклосахарного производства, но первые опыты пока были довольно скромными.

Затормозился начавшийся промышленный переворот, потому что машины во Францию пока поступали из Англии. Короче говоря, континентальная блокада больше повредила самой Франции, чем Англии. К тому же непрерывные войны истощили хозяйство. Все это подготовило падение Наполеона.

К власти возвращается королевская династия Бурбонов, про которую принято говорить, что они «ничему не научились». Однако это утверждение не вполне справедливо: Бурбоны не пытались восстанавливать феодальные отношения, вернуть феодалам землю. Земля осталась в собственности крестьян, а дворяне получили только частичное денежное возмещение. Компенсация составила около 1 млрд франков.

Кроме того, дворянам были возвращены оставшиеся нераспроданными домениальные земли. Это были в основном лесные угодья. Получив эти земли, дворяне продавали на вырубку лес, а затем продавали землю мелкими участками крестьянам.

Реставрация Бурбонов, которая была проведена силами объединенной коалиции европейских монархий, экономически поставила Францию на ко-

лени. Ей было, в сущности, запрещено проводить протекционистскую политику, защищая французский рынок для своей промышленности. В 1814 г. префект полиции докладывал королю, что англичане «очень недовольны намерениями французского правительства затруднить доступ английских мануфактуратов во Францию, чтобы помочь этим французской промышленности. Англичане заявляют, что они вели 20 лет войну не попусту» [13, с. 18]. Таможенно-военная система, созданная при Наполеоне, была уничтожена.

Даже в немногих оставшихся французских колониях теперь господствовали англичане. Парижский трактат 1814 г. разрешал иностранцам ввозить в эти колонии свои товары с уплатой пошлины всего в 2%.

19.5. Сельское хозяйство в первой половине XIX в.

В период реставрации Франция оставалась аграрной страной. В 1827 г. из 31 млн ее жителей 22 млн было занято в сельском хозяйстве, и из 8,7 млрд франков национального дохода 5 млрд давало сельское хозяйство [2, с. 185].

Зная, что французская буржуазная революция ликвидировала феодальные отношения и самым радикальным образом разрешила аграрный вопрос, мы вправе ожидать успешного развития сельского хозяйства и капитализма в сельском хозяйстве. Однако этого не происходит. И в XIX в. сельское хозяйство Франции развивается медленно и намного отстает от английского. Чем это объяснялось?

Во-первых, избавив крестьян от феодалов, революция не избавила их от ростовщиков. В 1840 г. треть доходов от земледелия ушла на уплату процентов по ипотечному кредиту. Еще треть доходов крестьян уходила на уплату государственных налогов. Для сравнения – феодальная рента крестьян в XVIII в. составляла 10–20% стоимости урожая. Ростовщические проценты по-прежнему истощали крестьянское хозяйство.

Во-вторых, развитие сельского хозяйства тормозила раздробленность, парцеллярность крестьянских хозяйств. Передавая землю, собственником которой он стал, по наследству, крестьянин делил ее между сыновьями. Участок земли каждого сына оказывался, естественно, меньше, чем имел отец. Происходило парцеллирование земли (от слова «парцелла» – часть), дробление ее на мелкие части

Прямым следствием парцеллярности стал замедленный рост населения. Чтобы не дробить свою землю между сыновьями, французский крестьянин старался не иметь много детей. Население Европы выросло со 188 млн чело-

век в 1800 г. до 308 млн в 1870 г., т. е. на 64%. За это время население Англии увеличилось с 9,2 до 22,7 млн, т. е. на 146%, а население Франции – только с 27,3 до 36,2, т. е. на 34% [4, с. 447–488]. В 1860 г. на квадратный километр во Франции приходилось 67 жителей, а в Англии – 133.

В середине XIX в. свыше 70% крестьян Франции владели участками меньше 2 га. Таким образом, во Франции преобладающим оставалось натуральное крестьянское хозяйство, соответствующее феодальному способу производства, исключаящее агротехнический прогресс.

Правда, в то же время 40% земли принадлежало крупным собственникам, каждый из которых имел более 40 гектаров. Это были уже капиталисты-фермеры, применявшие машины, удобрения, многопольные севообороты. Такими фермерами стали богатые крестьяне, скупившие земли эмигрантов во время революции. Общие итоги развития сельского хозяйства Франции с 1812 по 1870 г. и отражают этот неоднородный характер землевладения. В целом сельскохозяйственное производство выросло. Если в 1812 г. сельскохозяйственная продукция Франции оценивалась в 3 млрд франков, то в 1870 г. – в 7,5 млрд, т. е. сельскохозяйственное производство выросло в 2,5 раза. Если учитывать, что цены на сельскохозяйственные продукты за это время упали, рост окажется значительно больше.

Сбор пшеницы за это время увеличился вдвое, но по ее урожайности Франция занимала лишь 11-е место в мире. Как уже говорилось, урожайность зерновых и продуктивность животноводства во Франции в середине XIX в. были вдвое ниже, чем в Англии.

В то же время резко увеличилось производство сахарной свеклы, которая во время континентальной блокады заменила французским сахарозаводчикам импортный сахарный тростник. Быстро росло шелководство, обеспечивавшее сырьем шелковую промышленность. Сделало большие успехи разведение меринских овец, правда, за счет ограбления Испании: во время войны Наполеон перегнал оттуда во Францию стада меринских овец. Короче говоря, наиболее высокими темпами развивалось производство сельскохозяйственного сырья для промышленности.

19.6. Промышленный переворот

Таким образом, три причины, которые тормозили развитие промышленности до революции, сохранились и в первой половине XIX в.

Франция оставалась страной мелких крестьянских хозяйств. Разорялась и уходила в город лишь небольшая доля крестьян. В середине XIX в.

в Англии горожане составляли половину населения, во Франции – четверть. Население больших городов (насчитывавших свыше 100 тысяч жителей) в Англии составляло 23% населения, во Франции – 4,6% [4, с. 488].

Крестьяне, как и прежде, покупали мало промышленных товаров, потому что вели натуральное хозяйство, да к тому же часть доходов отдавали ростовщикам, поэтому внутренний рынок рос очень медленно.

Ростовщичество, как и прежде, отвлекало капиталы от промышленности.

И мелкому крестьянскому сельскому хозяйству соответствовали мелкие распыленные мастерские в промышленности.

К тому же Франция по-прежнему специализировалась на производстве модных товаров, предметов роскоши, а это производство не могло стать крупным и механизированным по самой своей природе. Механизируется массовое производство, а модные товары тем и ценились, что производились индивидуально, с большой затратой живого труда.

Одной из причин такой специализации была промышленная гегемония Англии. Франция могла рассчитывать на увеличение экспорта только таких товаров, которые не конкурировали с английскими, т. е. на экспорт не железа, машин или хлопчатобумажных тканей, а галантерейных товаров.

Поэтому во Франции сохранялось преобладание рассеянной мануфактуры и даже ремесла. В Лионе в 1831 г. 750 мануфактуристов давали работу 8 тысячам хозяев мастерских, в которых трудились, кроме самих хозяев, 30 тысяч подмастерьев. В Париже производство одежды, обуви, галантереи, парфюмерии оставалось преимущественно на уровне ремесла.

К 1870 г. во Франции в среднем на промышленное предприятие приходилось 1,7 рабочего. Удивительный показатель! Даже и в это время здесь преобладали мелкие ремесленные мастерские, а не крупные фабрично-заводские предприятия.

Промышленный переворот происходил в основном путем импорта машин из Англии. В начале века, когда торговые отношения с Англией были под запретом, правительство поощряло контрабандный ввоз английских машин. Пленных англичан старались женить на француженках, чтобы оставить во Франции: предполагалось, что все англичане умеют обращаться с машинами.

И все же через некоторое время начинается контрабандный вывоз машин и сманивание рабочих из самой Франции в Испанию и Италию: там промышленный переворот шел еще медленнее.

Из собственных изобретений во Франции следует отметить Жаккарда для изготовления шелковых узорчатых тканей, льнопрядильную машину Жирара, мартеновскую печь, сконструированную Мартеном. Как и в Англии, изобретения здесь нередко присваивались деловыми людьми, и, по утверж-

дению Ф.В. Потемкина, станок жаккарда был изобретен не Жаккардом, а его предшественниками [11, с. 110–112].

Ход промышленного переворота отражают следующие цифры. В 1812 г. промышленность произвела продукции на 2 млрд франков (меньше, чем сельское хозяйство), в 1850 г. – на 4 млрд франков, т. е. почти за 40 лет производство выросло всего вдвое. Это явно не похоже на темпы промышленного переворота. Зато в 1870 г. стоимость промышленной продукции составила 12 млрд франков, т. е. за 20 лет производство выросло втрое. Это уже ближе к обычным темпам промышленного переворота, но и эти темпы для переворота невысоки.

В середине XIX в. Франция еще сохраняла второе место в мире по объему промышленного производства, но к 1870 г. она была отброшена на третье место после Англии и США.

Как и в Англии, переворот здесь начался с хлопчатобумажной промышленности. В 30-х гг., когда в традиционной французской отрасли, шелковой, еще господствовала рассеянная мануфактура, в Эльзасе уже действовали бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики, которые давали основную массу хлопчатобумажной продукции. По объему продукции хлопчатобумажная промышленность вышла во Франции на первое место. Нетрудно заметить, что традиционная шелковая промышленность здесь сыграла такую же роль, как шерстяная в Англии.

В первой половине XIX в. промышленная революция происходила в основном в текстильной промышленности, а в 50–60 гг. распространилась на тяжелую. За эти годы производство чугуна во Франции выросло в 3 раза, стали – в 8 раз. И все же по развитию металлургии Франция пока отставала не только от Англии, но и от раздробленной на мелкие государства Германии. В 1870 г. во Франции было выплавлено 1,2 млн т чугуна, тогда как в Германии – 1,4 млн т, в США – 1,7 млн, а в Англии – 6 млн т [9, с. 197].

До середины века основой промышленной энергетики Франции оставались гидравлические двигатели, только в 50–60 гг. побеждает паровая машина. Если к концу 40-х гг. действовало 5 тыс. паровых двигателей, то к концу 60-х – 29 тысяч [9, с. 197].

В 50–60 гг. во Франции в основном развернулось и строительство железных дорог. В 1850 г. здесь действовало только 3 тыс. км рельсовых путей, в 1870 г. – 17,4 тыс. За два десятилетия длина железных дорог выросла в 6 раз. И все же по этому показателю Франция отставала от Германии.

19.7. Рождение финансового капитала

Но в одном отношении Франция вырвалась вперед – по развитию кредитной, банковской системы. Если французская буржуазия слабо вкладывала капиталы в промышленность, то собирать капиталы, концентрируя их в банках, она умела.

Заявление финансиста Лаффита после утверждения на троне «короля-буржуа» Луи Филиппа: «Отныне Францией будем управлять мы, банкиры» – стало пророческим [2, с. 227].

Основанный Наполеоном Французский банк долгое время сохранял монопольное положение, и его банкноты были бумажными деньгами Франции. Только с 1815 по 1830 г. денежная наличность Французского банка выросла с 50 до 145 млн франков, а ценность его банкнот – с 41 до 234 млн [2, с. 190].

Особенностью Франции стала деятельность коммерческих акционерных банков, не связанных с государством. Эти банки не только открывали кредит промышленникам и торговцам, пассивно содействуя экономическому развитию страны, но и активно вмешивались в хозяйственную жизнь. Поскольку промышленное предпринимательство отставало от накопления капиталов в банках, банкиры создавали сами промышленные акционерные компании, организовывали строительство каналов и железных дорог. Именно они организовали строительство Суэцкого канала, а организация строительства французскими же банкирами Панамского канала привела к международному скандалу.

Среди этих банков следует особо отметить банк «Креди-мобилье», который существовал всего 15 лет, но за это время успел создать ряд промышленных фирм, проложить ряд железных дорог и каналов, а также банки «Сосьете женераль» и «Лионский кредит», действующие до настоящего времени.

Таким образом, во Франции раньше, чем в других странах, начался процесс слияния банковского капитала с промышленным и образования финансового капитала.

Поскольку капиталы все же не находят достаточно выгодного применения внутри страны, банки начинают их давать в долг за границу, вывозить капитал. Франция становится международным банкиром, мировым ростовщиком. В 1869 г. французский капитал, вывезенный за границу, составлял 10 млрд франков.

В связи с этим необходимо остановиться на деятельности банкирского дома Ротшильдов, который до сих пор играет значительную экономическую роль в Европе. Этот банк имел отделения во Франции, Англии, Австрии, Германии и Италии. Во главе каждого отделения стоял один из братьев Рот-

шильдов. Благодаря международному характеру банка каждое из этих государств могло оформить заем у Ротшильдов как внутренний. А это очень существенно: при внутреннем займе проценты по долгу не идут за границу, страна не беднеет.

Действия Ротшильдов часто шли вразрез с общепринятой моралью. Натан Ротшильд, который присутствовал при Ватерлоо, поспешил оттуда в Лондон и распространил там слух, что англичане в этой битве потерпели поражение. На бирже последовал обвал государственных бумаг, на котором Ротшильд за один день «заработал» 1 млн фунтов стерлингов, потому что знал подлинное состояние дел. Французский банкир Джеймс Ротшильд был приближенным Луи Филиппа и узнавал новости непосредственно от короля, что давало возможность зарабатывать деньги на бирже на «предвидении» событий.

Банк Ротшильдов добился небывалого могущества. Говорили, что мать пятерых братьев в своем салоне могла гарантировать мир в Европе: война не состоится, если братья откажутся дать кредиты враждующим государствам. Говорили, что любому европейскому министру финансов, если он не добился расположения Ротшильдов, следует «закрыть свою лавочку»: все его начинания не будут иметь успеха.

Подводя итоги, мы обнаруживаем удивительное несоответствие между радикальным характером французской революции и довольно жалкими экономическими последствиями. Можно было ожидать, что, сбросив власть феодалов, Франция в ближайшие десятилетия вырвется вперед, а она занимает среднее положение.

Дело в том, что революция укрепила мелкую крестьянскую собственность, а натуральный характер крестьянского хозяйства ограничивал развитие крупного капиталистического производства, содействуя использованию капиталов в сфере кредита. Типичной для французского капитализма становится фигура рантье, человека, не занимающегося предпринимательской деятельностью, а живущего на доход с ценных бумаг.

Великая буржуазная революция во Франции не стала последней. За ней последовали революции 1830, 1848 гг., наконец, Парижская коммуна 1871 г. Очевидно, это было отражением того обстоятельства, что первая революция, несмотря на радикальный характер, не создала оптимальных условий для экономического развития, а значит – и для жизни общества. Пришлось снова и снова «подправлять» ее результаты.

Радикальный характер французской революции, ее направленность на защиту низов населения, оказывается, менее соответствовала задачам развития буржуазного производства, чем компромисс между буржуазией и феодалами в Англии и Германии, направленный против этих низов.

Л и т е р а т у р а

1. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2–3. М., 1992.
2. *История Франции.* Т. 2. М., 1973.
3. *История Европы.* Т. 5. 2000.
4. *Кулишер И. М.* Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1916.
5. *Лучицкий И. В.* Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрной реформы. Киев, 1912.
6. *Люблинская А. Д.* Очерки истории Франции. М., 1957.
7. *Манфред А. З.* Очерки истории Франции. М., 1961.
8. *Манфред А. З.* О природе якобинской власти // Вопросы истории. 1969. № 5.
9. *Мотълев В. И.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
10. *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
11. *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. Т. 1. М., 1971.
12. *Сергеев В.* Тигр в болоте // Знание – сила. 1988. № 7.
13. *Тарле Е. В.* Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства // Соч. Т. 6. М., 1959.

20. СИСМОНДИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОМАНТИЗМ

Труды швейцарского экономиста Сисмонди сыграли важную роль в истории политической экономии.

Роль Сисмонди и его идей определяется прежде всего тем, что в эпоху промышленной революции и триумфального шествия капитализма он первым выступил как глубокий и проницательный критик этой общественной системы и ее экономического механизма. Это была критика с мелкобуржуазных позиций, но именно такая идеологическая позиция позволила ему увидеть в развитии капитализма противоречия и проблемы, которые игнорировал Рикардо, крупнейший представитель классической буржуазной политэкономии. Сисмонди был первым крупным экономистом домарковского периода, поставившим под сомнение господствовавшую догму о естественности и вечности капитализма. В политэкономии он видел не науку о буржуазном богатстве и способах его увеличения, а науку о совершенствовании социального механизма в интересах человеческого счастья. Сочинения Сисмонди исполнены искреннего сочувствия к тяжелой судьбе нарождавшегося пролетариата и других трудящихся слоев. Он ввел в социально-экономическую литературу нового времени само слово «пролетариат», возродив и переосмыслив древнеримский термин.

В сочинениях Сисмонди, отличающихся ярким и живым литературным стилем, отразилась его личность гуманиста и радикала, который искренне сочувствовал трудовому народу и искал решения острых социальных проблем.

20.1. Гражданин Женевы

Жан Шарль Леонар Симонд де Сисмонди родился в 1773 г. в окрестностях Женевы. Предки его происходили из Северной Италии, долгое время жили во Франции, а позже, приняв кальвинизм и спасаясь от религиозных преследований, переселились в

Женеву. Отец экономиста был кальвинистским пастором; семья была состоятельная и принадлежала к женевской аристократии.

В XVIII в. Женева была маленькой независимой республикой, связанной с остальными кантонами Швейцарии лишь довольно зыбким союзом.

Подобно Руссо, его великому земляку и в какой-то мере учителю, Сисмонди был, по словам одного из биографов, женевец по рождению и чувствам, но француз по характеру ума и направлению трудов. Все научные работы Сисмонди написаны по-французски и издавались, как правило, в Париже. В значительной мере он может рассматриваться как представитель французской экономической мысли.

Корни идей Сисмонди можно до известной степени видеть в той мирной патриархальной обстановке, в которой прошли его детство и юность. На всю жизнь он сохранил убеждение, что счастье чаще всего приходит в дома честных работающих ремесленников и фермеров и бежит прочь от больших городов с их фабриками, торговыми конторами и банками. Но именно эта патриархальная жизнь уходила в прошлое, разрушаемая промышленным переворотом, в ходе которого ремесло уступало место фабричному производству, а независимый ремесленник, гордый своим мастерством и скромным достатком, – нищему пролетарию.

Не закончив образования, Сисмонди в 18 лет был вынужден уехать в Лион и работать там конторщиком у купца, с которым был дружен его отец. Якобинская революция скоро дошла до Лиона, а затем захватила и Женеву, всегда тесно связанную с соседней Францией. Для семьи Сисмонди настало время скитаний. В начале 1793 г. они эмигрировали в Англию, где прожили полтора года. Вскоре после возвращения им пришлось снова бежать – на этот раз в Северную Италию, которая, однако, скоро тоже была оккупирована французами. В течение пяти лет Сисмонди-младший управлял небольшой фермой в Тоскане, купленной на спасенные при бегстве деньги. За эти бурные годы он несколько раз побывал в разных тюрьмах как политически подозрительное лицо. Семья Сисмонди вернулась на родину после того, как Женева (в 1798 г.) стала официально частью Франции, где первый консул Наполеон Бонапарт «восстановил законность и порядок».

Способности и склонности молодого Сисмонди к этому времени достаточно определились. В 1803 г. он публикует работу по политической экономии «О коммерческом богатстве», в которой выступает как ученик Адама Смита и проповедник его идей.

Сисмонди входит в кружок ученых и писателей, которые группировались вокруг мадам де Сталь, писательницы и общественной деятельницы, женщины, по словам Пушкина, необыкновенной. Сисмонди подолгу жил и работал в имении мадам де Сталь, сопровождал ее в путешествиях. Литературный романтизм Сталь и близких к ней писателей оказал, очевидно, известное влияние на Сисмонди. Главным занятием Сисмонди была история. Он написал многотомную «Историю итальянских республик». В 1813 г. Сисмонди отправился в Париж, где наблюдал падение Наполеона, реставрацию Бурбонов и

трагедию Ста дней. Эти события внезапно превратили его из противника в сторонника Наполеона: он надеялся, что новая империя осуществит его довольно туманные идеалы свободы и счастья.

После окончательного поражения Наполеона Сисмонди вернулся в Женеву, ставшую вновь частью Швейцарии. В эти годы сложились социально-экономические идеи Сисмонди, которые он изложил в опубликованной в 1819 г. книге «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению». Это главный вклад Сисмонди в экономическую науку. Книга вскоре сделала его экономистом с европейской известностью. В 1827 г. Сисмонди выпустил ее второе издание, где еще более заострена его полемика со школой Рикардо в Англии и школой Сэя во Франции. Экономический кризис 1825 г. он считал доказательством своей правоты и ошибочности представлений о невозможности общего перепроизводства. Книга эта, как писал Сисмонди, возникла не столько в результате углубленного изучения трудов других ученых, сколько выросла из жизненных наблюдений, которые убедили его в неверности самих основ «ортодоксальной» науки.

Сисмонди заявил, что производство не самоцель, что национальное богатство, в сущности, не богатство, так как от него подавляющему большинству населения достаются жалкие крохи. Путь крупной промышленности губелен для человечества. Сисмонди требовал, чтобы политическая экономия видела за своими абстрактными схемами живого человека. Книга Сисмонди была исполнена благородного гуманизма и резкой критики пороков капитализма.

В 1819 г. Сисмонди женился на молодой англичанке. Детей у них не было. Остаток жизни он мирно прожил в своем небольшом имении под Женевой, погруженный в работу над грандиозной «Историей французов». Было выпущено 29 томов, но он так и не довел до конца этот труд. Сисмонди опубликовал также ряд других исторических и политических сочинений.

При жизни Сисмонди считался более историком, чем экономистом. Это был неутомимый труженик. До последних дней жизни он неизменно проводил за письменным столом ежедневно восемь часов, а часто и больше. Развлечениями его были прогулки и беседы с многочисленными друзьями и гостями, которые охотно собирались в его гостеприимном доме. Умер Сисмонди в 1842 г. в возрасте 69 лет.

20.2. Критика капитализма

Мелкобуржуазный характер критики капитализма со стороны Сисмонди не следует понимать примитивно. Единоличник или кустарь представлялся Сисмонди венцом творения. Но он не знал другого класса, с которым мог бы связать свои надежды на лучшее будущее человечества. Он видел бедствия промышленного пролетариата и немало писал о его тяжелом положении, но совершенно не понимал его исторической роли. Сисмонди выступил в эпоху, когда формировались идеи утопического и мелкобуржуазного социализма. И хотя он не был социалистом, эпоха придала сисмондистской критике капитализма социалистический характер. Сисмонди оказался родоначальником мелкобуржуазного социализма, прежде всего во Франции, но в известной мере и в Англии. Маркс и Энгельс отметили это уже в 1848 г., в «Манифесте Коммунистической партии».

Сисмонди поставил в центр своей теории проблему рынков, реализации и кризисов и тесно связал ее с развитием классовой структуры буржуазного общества, с тенденцией к превращению масс трудящихся в пролетариев. Тем самым он попал в самую точку, ухватил противоречие, которое превратилось затем в опасный недуг. Сисмонди не разрешил проблему кризисов. Но уже тем, что он ее поставил, он сделал большой шаг вперед по сравнению со своими современниками.

В противовес школе Смита – Рикардо, считавшей ключевой проблемой капитализма накопление и игнорировавшей проблему реализации, Сисмонди выдвинул на передний план противоречие между производством и потреблением, а в связи с этим проблему рынка и реализации. Для Рикардо и его последователей экономический процесс был бесконечной серией состояний равновесия, а переход от одного такого состояния к другому совершался путем автоматического «приспособления». Сисмонди, напротив, фиксировал внимание на этих переходах, т. е. экономических кризисах. Как известно, тезис об автоматическом приспособлении спроса к предложению и невозможности общего перепроизводства получил в истории политэкономии название «закона рынков Сэя», или просто «закона Сэя». Сисмонди был решительным его противником.

Модель капитализма у Сисмонди заключается в следующем. Поскольку движущей силой и целью производства является прибыль, капиталисты стремятся выжать возможно больше прибыли из своих рабочих. Вследствие естественных законов размножения предложение труда хронически превышает спрос, что позволяет капиталистам удерживать зарплату на голодном уровне. Покупательная способность этих пролетариев крайне низка и ограничи-

ваются небольшими количествами предметов первой необходимости. Между тем их труд способен производить все больше и больше товаров. Внедрение машин лишь усиливает диспропорцию: они повышают производительность труда и одновременно вытесняют рабочих. В результате неизбежно получается, что все больше общественного труда занято производством предметов роскоши богатых. Но спрос последних на предметы роскоши ограничен и неустойчив. Отсюда почти без промежуточных звеньев Сисмонди выводит неизбежность кризисов перепроизводства.

Общество, в котором существует более или менее «чистый» капитализм и преобладают два класса – капиталисты и наемные рабочие, обречено на жестокие кризисы. Спасения Сисмонди ищет, подобно Мальтусу, в «третьих лицах» – промежуточных классах и слоях. Только для Сисмонди, в отличие от Мальтуса, это прежде всего мелкие товаропроизводители – крестьяне, кустари, ремесленники. Кроме того, Сисмонди полагал, что развитие капиталистического производства невозможно без обширного внешнего рынка, который он трактовал односторонне: как сбыт товаров более развитых стран в менее развитые. Наличием внешних рынков объяснял он то, что Англия еще не задохнулась под бременем богатства. Сисмонди отвергал положение А. Смита о том, что общественный интерес будет наилучшим образом обеспечен, если каждому члену общества предоставить возможность максимально свободно преследовать свою личную экономическую выгоду. Свободная конкуренция, указывал Сисмонди, имеет губительные экономические и социальные последствия: обнищание основной массы населения при концентрации богатства в руках немногих, тяжелые экономические кризисы. В связи с этим он выступал с программой социальных реформ, для проведения которых, впрочем, требовал «только постепенных и косвенных мер со стороны законодательства, только осуществления в отношениях между хозяином и рабочим полной справедливости, которая возлагала бы на первого всю ответственность за зло, которое он причиняет второму»*. Реформы, которые рекомендовал Сисмонди, сводятся к введению социального обеспечения за счет предпринимателей, ограничению рабочего дня, установлению минимума заработной платы. Он писал также о желательности участия рабочих в прибыли предприятия. Для своего времени эти меры были прогрессивны, а порой казались опасно социалистическими. Как известно, подобные реформы оказались впоследствии приемлемы для капиталистов и отнюдь не подрывали их господство.

Но во многом Сисмонди смотрел не вперед, а назад. Спасения от бед капитализма он искал в искусственном сохранении старых порядков, в недопу-

* Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 176.

щении концентрации богатства в руках немногих лиц. Сисмонди, конечно, не хотел возвращения к средним векам, к феодализму. Но он желал, чтобы бесчеловечное шествие капитализма было остановлено путем насаждения общественных институтов, которые под видом нового вернули бы «добрые старые времена». Чтобы создать рабочим обеспеченность, он предлагал ввести систему, напоминающую старые ремесленные цехи. Он хотел бы возродить и в Англии мелкую земельную собственность. Этот экономический романтизм был утопическим и по сути реакционным, так как он отрицал прогрессивное существование развития капитализма и черпал свое вдохновение в прошлом.

Во многих отношениях Сисмонди был передовым мыслителем. Это проявляется прежде всего в его понимании исторического процесса как смены менее прогрессивного общественного строя более прогрессивным. Споря с Рикардо и его последователями, не видевшими никаких иных перспектив общественного развития, кроме капитализма, Сисмонди задавал своим оппонентам вопрос: на основании того, что капитализм прогрессивнее формаций, которые он сменил, «можно ли заключить, что мы достигли теперь истины, что мы не откроем основного порока в системе наемного труда... как мы его открыли в системах рабства, феодализма, цеховых корпораций... Придет, без сомнения, время, когда наши внуки будут считать нас варварами за то, что мы оставили трудящиеся классы без защиты, такими же варварами, какими они, так же, как и мы, будут считать нации, обратившие эти классы в рабство»*. Из этого замечательного высказывания видно, что Сисмонди предвидел смену капитализма каким-то более высоким и гуманным общественным строем, черты которого он, однако, совершенно себе не представлял.

20.3. Кризисы

«Итак, народы подвержены опасностям как будто противоречивого характера. Они могут разоряться и оттого, что тратят слишком много, и оттого, что тратят слишком мало»**. Приходится удивляться прозорливости Сисмонди. Так поставить вопрос не пришло бы в голову Смиуту и Рикардо! С их точки зрения, нация, как и отдельный человек, может разоряться лишь оттого, что затраты превосходят доход и потому «проедается капитал». Но как можно разоряться, тратя слишком мало?

На самом деле эта мысль Сисмонди таит в себе немалую долю истины, притом вполне применимой к современному капитализму. До известной сте-

* Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Т. 2. С. 201.

** Там же. С. 209.

пени верно, что кризисы начинаются потому, что нации «тратят слишком мало». На складах накапливаются товары, которые некому покупать. Сокращается производство, падают занятость и доходы. Современное буржуазное государство в антикризисном арсенале числит меры, направленные на то, чтобы подтолкнуть людей тратить больше. Либо же оно само начинает усиленно тратить деньги, добывая их с помощью государственного кредита. Если в хозяйстве недостает платежеспособного спроса, чтобы рассосать производимые массы товаров, надо этот спрос подстегнуть или даже искусственно создать. Это прописная истина современного антикризисного регулирования. Она отражает если не теоретическое понимание причин кризисов, то порожденные опытом и его обобщением практические методы, которые в известных пределах могут быть эффективными в борьбе с кризисами.

Но теоретическая система Сисмонди содержала в себе глубокие ошибки, которые в конечном счете привели к реакционной утопии – к защите патриархальщины, отсталости, ручного труда. Вслед за Смитом Сисмонди сводил продукт труда общества к сумме доходов – прибыли, ренты и заработной платы. Отсюда вытекало странное представление, которое Маркс назвал догмой Смита и которое заключается в том, что годовой продукт нации можно свести по его натуральной форме к массе потребительских товаров. Ведь доходы в своей подавляющей части тратятся на потребление. Всем остальным, что производит народное хозяйство, можно как бы пренебречь для «чистоты анализа». Сисмонди придал этой, по выражению Маркса, «баснословной догме» особый смысл, положив ее в основу своих представлений о причинах экономических кризисов.

В действительности же годовой продукт общества состоит не только из предметов потребления, но также из средств производства – машин и транспортных средств, угля, металла и других материалов. Часть из них, правда, воплотится потом в предметы потребления. Но это вполне может произойти в будущем году и даже позже. Кроме того, и в рамках данного года нельзя говорить только о реализации тканей, надо говорить также о реализации хлопка, из которого будут произведены ткани, и т. д.

С усложнением производства, с развитием новых отраслей, с ростом применения машин доля средств производства в годовом продукте до известного предела растет. Она бывает особенно велика при высокой норме накопления, т. е. при большом по отношению к продукту объеме капиталовложений. Потребности хозяйства в средствах производства создают особый рынок, в значительной мере независимый от потребительной способности общества. Поэтому-то кризисы не могут быть непрерывными, а всегда периодичны. До какой-то степени капитал поддерживает сам себя, как бы вращаясь в замкнутом кругу. Добывается уголь, но он идет не в домашние печи, а в

домны. Выплавляется металл, но из него делают не ножи и вилки, а, скажем, машины для горной промышленности. Стихийный характер капиталистического хозяйства отнюдь не сразу обнаруживает, что производятся и лишний уголь, и лишний металл, и лишние машины.

Неверно искать причину кризисов только в бедности основной массы населения, неспособной предъявлять платежеспособный спрос на потребительские товары. И теория, и исторический опыт показывают, что производство может значительно расти и при крайне низком уровне жизни народных масс. Это особенно очевидно, когда к производственному спросу в хозяйстве добавляется еще значительный военный спрос. Можно, наконец, напомнить, что до эпохи развитого капитализма кризисов не было, хотя народная нищета была, во всяком случае, не меньше, чем в XIX в.

Кризис является естественной и неизбежной формой движения капиталистического хозяйства, формой перехода от одного временного состояния равновесия к другому. Говоря языком кибернетики, капиталистическое хозяйство есть самонастраивающаяся система с очень сложными обратными связями и без центрального регулирования. Настройка этой системы на режим оптимального (для данного момента) функционирования происходит путем проб и ошибок. Кризисы и представляют собой эти, мягко говоря, «пробы и ошибки», а цена их для общества в экономическом и социальном плане очень высока.

20.4. Исторические судьбы сисмондизма

В начале XX в. важнейшей теоретической проблемой для марксизма стали закономерности монополистической стадии капитализма. В рамках этой проблемы встали вопросы о новых формах и тенденциях накопления капитала, о противоречиях этого процесса в условиях империализма. В 1913 г. появилась книга одного из лидеров германской социал-демократии – Розы Люксембург «Накопление капитала». Поскольку Сисмонди был первым мыслителем, рассмотревшим возможности и пределы капиталистического производства и накопления, анализ его идей занял важное место в этой книге. Р. Люксембург показала сильные стороны Сисмонди в его спорах со школой Рикардо и с Сэем.

Однако в своей теоретической концепции Р. Люксембург фактически приняла тезис Сисмонди о невозможности накопления капитала и поступательного развития производства в «чисто капиталистическом» обществе. Подобно Сисмонди Р. Люксембург, но существу, утверждала, что поступа-

тельное движение капитализма возможно лишь за счет разложения докапиталистических форм хозяйства. Завершение этого процесса грозит капитализму «удушьем». Отсюда вытекала, в частности, ее неверная трактовка империализма. Р. Люксембург фактически сводила империализм к политике захвата колоний, считая, что эта политика диктуется лишь сужением внутренних рынков сбыта для стран капитала и обострением проблемы реализации.

Идеи Сисмонди используются современной политэкономией. Следы его взглядов, известное сходство «духа», в котором рассматриваются социально-экономические явления, можно видеть у авторов, выступавших в конце XIX и начале XX в. против ортодоксальных доктрин политэкономии. Одни выступления содержали более или менее острую социальную критику самого буржуазного строя; другие – ограничивались критикой взглядов «неоклассической» школы на экономические кризисы и выдвигали эту проблему на передний план. В некоторых случаях оба эти критических направления сочетались. Важнейшим примером такого сочетания может служить экономическая теория англичанина *Дж. Гобсона*.

Гобсон выступил с серьезной критикой капитализма рубежа XIX–XX вв. и официальной политической экономии этой эпохи, прежде всего английской. Подобно Сисмонди Гобсон отмечает, что капиталистическое производство ни в коей мере не подчинено цели улучшения благосостояния массы населения, а ведет к увеличению богатства, плодами которого эта масса не может пользоваться. Он хотел бы, чтобы производство и богатство оценивались с позиций «человеческой полезности». Гобсон выступал с программой социальных реформ, среди которых, наряду с установлением минимума заработной платы и высоких прогрессивных налогов на капиталистов, был жесткий государственный контроль над монополиями. У него встречается такая формулировка: «...для любых схем перестройки общества необходима замена мотива частной прибыли прямым общественным контролем хода процессов производства»*.

Известное родство с идеями Сисмонди можно видеть и в теории кризисов Гобсона, где он утверждал, что кризисы общего перепроизводства в капиталистической экономике не только возможны, но и неизбежны. Причиной кризиса у Гобсона выступают вытекающее из социальной структуры буржуазного общества постоянное стремление к чрезмерному накоплению и столь же постоянное отставание покупательной способности. Избыток капитала и недостаток внутреннего спроса на капиталовложения и на потребительские товары, возникающие в результате этого, Гобсон считал основной

* Цит. по: *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1980. С. 131.

причиной внешнеэкономической экспансии крупного капитала более развитых капиталистических стран.

В теории накопления и кризисов Кейнс считал Гобсона одним из своих ближайших предшественников. В связи с этим у многих буржуазных авторов возник вопрос о наличии идейных связей между Кейнсом и Сисмонди. Однако связь эта ограничивается, очевидно, тем, что Кейнс рассматривал так называемое падение предельной склонности к потреблению в качестве одной из причин потенциально избыточных сбережений и недостатка эффективного спроса. При столь расширительном понимании «влияние» Сисмонди может быть обнаружено практически во всех теориях экономических кризисов, где какую-либо роль играет проблема личного потребления и потребительского спроса.

В более широком плане объективно обусловленная эволюция политической экономии последних десятилетий идет в направлении, известные черты которого были прозорливо намечены Сисмонди. Французский экономист Э. Жамс писал: «Макроэкономия, а отнюдь не микроэкономия, стремление к изучению экономических явлений с точки зрения динамики, убежденность в частой повторяемости и «нормальности» неравновесия, отказ от идей *laissez faire* и распространение идей государственного вмешательства – таковы основные направления экономического анализа в середине XX в. в отличие от его начала»*. По существу, каждый из перечисленных элементов (в иных терминах и часто с иными выводами) можно в зародыше обнаружить в трудах Сисмонди.

Но наследие женевого мыслителя и его историческое значение имеют и другую сторону: в трудах Сисмонди содержится дух гневного социального протеста.

* Жамс В. История экономической мысли XX в. М., 1959. С. 45.

21. ШКОЛА СЭЯ И ВКЛАД КУРНО

Официальную экономическую науку во Франции в первой половине XIX в. представляла школа Сэя. Вначале в ней было сильно антифеодалное направление. Но по мере обострения классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом идеологическое острие в официальной науке все более обращалось против рабочего класса, против социализма. Школа Сэя восхваляла предпринимателя-капиталиста, проповедовала гармонию классовых интересов, выступала против рабочего движения. В экономической политике ее главным принципом было *laissez faire*.

Критика апологетических взглядов Сэя, согласно которым прибыль капиталиста порождается капиталом без всякой эксплуатации рабочих, имела важнейшее значение для выработки теории прибавочной стоимости Маркса. С именем Сэя связана постановка в буржуазной политэкономии такой важной проблемы, как механизм реализации общественного продукта.

В специальных областях экономической науки во Франции, как и в Англии, отмечался значительный прогресс. В исторической перспективе особое значение имела попытка Курно применить в экономической теории математические методы анализа.

В первой половине XIX в. во Франции развернулась промышленная революция, начала развиваться машинная индустрия. Отношения между капиталистами и наемными рабочими становились главной формой общественных связей, прежде всего в городе, но в известной мере и в деревне. Буржуазия экономически и политически сменила дворянство в качестве господствующего класса общества.

Эта эпоха нашла свое художественное отражение в одном из самых поразительных созданий мировой литературы – в «Человеческой комедии» Бальзака. Как всякого большого писателя, Бальзака интересовал *человек*. Но он не только стихийно выражал своим творчеством тот принцип, что человек всегда существует лишь в рамках определенной эпохи и конкретной социальной группы, а сознательно положил его в основу своего грандиозного произведения. Бальзак писал, что «Человеческая комедия» – это одновременно история человеческого сердца и история социальных отношений. Он изобразил процесс возвышения буржуазии в его самых различных аспектах: от банкирского дома Нусингена, воплощавшего высшую «финансовую буржуазию», до сельских ростовщиков и кулаков в «Крестьянах». Верный прав-

де жизни и искусства, Бальзак изобразил и разложение дворянства. Рабочий класс еще виделся ему в образе ремесленников и подмастерьев, но и это во многом соответствовало действительности.

В Париже той эпохи бурлила политическая жизнь. Идеи, родиной которых был Париж, воспринимались в Европе и Америке с таким же почтением и интересом, как французские моды. Концепции школы Сэя нередко в изложении способных публицистов широко распространялись за пределами Франции, в частности определяли лицо официальной науки в России 30–50-х гг.

21.1. Сэй как человек и ученый

Жан Батист Сэй родился в 1767 г. в Лионе и происходил из буржуазной гугенотской семьи. Он получил неплохое образование, но рано должен был начать службу в торговой конторе. Сэй много занимался самообразованием. Изучая политическую экономию, он прежде всего штудировал «Богатство народов» Смита.

Он восторженно принял революцию. Его патриотического пыла хватило на то, чтобы пойти волонтером в революционную армию, воевавшую с европейскими монархами на восточных границах Франции. Но якобинской диктатуры для Сэя оказалось уже слишком много. Он ушел из армии и вернулся в Париж, где стал редактором довольно солидного журнала. Власть консервативной буржуазии, правившей в эти годы после свержения якобинцев, в общем устраивала Сэя, хотя он и критиковал многие действия правительства.

Консульство Бонапарта сначала принесло Сэю дальнейшее выдвижение. Он получил пост члена трибуната в комитете финансов. Одновременно Сэй работал над большим сочинением, которое вышло в 1803 г. под заглавием «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства». Эта книга, которую Сэй впоследствии многократно переделывал и дополнял для новых изданий (при жизни автора их вышло пять), так и осталась главным его произведением.

«Трактат» Сэя представлял собой упрощенное, схематизированное и очищенное, как он считал, от ненужных абстракций и сложностей изложение Смита. Трудовая теория стоимости, которой, хотя и не вполне последовательно, следовал шотландец, уступала место «плюралистической» трактовке, где стоимость ставилась в зависимость от ряда факторов: субъективной

полезности товара, издержек его производства, спроса и предложения. Идеи Смита об эксплуатации наемного труда капиталом (т. е. элементы теории прибавочной стоимости) совершенно исчезли у Сэя, уступив место теории факторов производства, о которой речь специально пойдет ниже. Сэй следовал Смиту в его экономическом либерализме. Он требовал «дешевого государства» и выступал за сведение к минимуму его вмешательства в экономику. В этом отношении он примыкал также к физиократической традиции. Экономический либерализм Сэя имел особое значение для судьбы книги и автора.

Он оказался в конфликте с политикой Наполеона, направленной на жесткое регулирование экономики, и долгое время был в опале. Реставрация Бурбонов вновь упрочила его положение в обществе и науке.

Сэй с его культом трезвого рассудка и коммерческого расчета был точно создан для эпохи консолидации буржуазных позиций. Он начал читать публичные лекции по политической экономии, которые были весьма популярны. Как и в своих сочинениях, он упрощал проблемы политической экономии, сводя их до уровня обывательского рассудка. Искусный систематизатор и популяризатор, он создавал у слушателей иллюзию ясности и доступности.

В 1828–1829 г. Сэй издал «Полный курс практической политической экономии», в котором, однако, не давал ничего теоретически нового по сравнению с «Трактатом». Он занял специально созданную для него кафедру политической экономии в Коллеж де Франс. Сэй умер в Париже в ноябре 1832 г.

В последние десятилетия жизни Сэй, по существу, прекратил всякие научные поиски и только без конца повторял свои старые идеи.

21.2. Факторы производства и доходы

Труд – заработная плата, капитал – прибыль, земля – рента. Вспомним еще раз эту триаду, или триединую формулу, которая играет в буржуазной политической экономии такую важную роль.

Теория факторов производства Сэя была попыткой ответить на основной вопрос, разрешения которого мучительно искали и Смит, и Рикардо. С развитием капитализма производство материальных благ все больше ведется с применением средств производства, принадлежащих особому общественному классу. Следовательно, стоимость товаров должна каким-то образом содержать в себе элемент, приходящийся на долю класса капиталистов. Как возникает эта доля и чем она определяется?

Для Смита и Рикардо (как мы видели, и для рикардианцев вплоть до младшего Милля) это была одновременно проблема стоимости и распределения. У Сэя дело обстоит проще. По существу, теория распределения у него отделена от теории стоимости, причем последняя его вообще мало интересует. От процесса производства остается в результате лишь одна сторона – создание полезностей, потребительных стоимостей. При такой постановке вопроса действительно очевидно, что для всякого производства необходимо соединение природных ресурсов, средств и орудий труда, рабочей силы, т. е. земли, капитала и труда. На эту очевидность и напирал Сэй.

Следует возразить, что это общая черта всякого процесса производства и поэтому она не может объяснить специфику капиталистического производства. Но такое возражение не могло даже прийти в голову Сэю, так как для него капиталистический способ производства был еще больше, чем для Смита, единственно мыслимым, вечным и идеальным. Существование капиталистов и наемных рабочих казалось ему своего рода законом природы, вроде восхода и захода солнца.

В теории Сэя прибыль предстает как естественное порождение капитала, а рента – как естественное порождение земли. И то и другое совершенно независимо от общественного строя, от классовой структуры, от формы собственности. Капитал приносит прибыль, как яблоня – яблоки, а смородинный куст – ягоды смородины.

Эта концепция отрицает эксплуатацию рабочих капиталистами и землевладельцами и изображает экономический процесс как гармоническое сотрудничество равноправных факторов производства. Главное сочинение Фредерика Бастиа, получившего из всех последователей Сэя наибольшую известность, так и называлось: «Экономические гармонии».

Теория факторов производства в том виде, в каком ее излагали Сэй и его ученики, даже в буржуазной науке заслужила репутацию чрезмерно упрощенной и поверхностной.

Действительно, ответы, которые давал Сэй на коренные вопросы экономической науки своего времени, в большой мере были уходом от этих вопросов. Как образуется стоимость и чем в конечном счете определяются цены товаров? Как складываются пропорции распределения созданной стоимости – доходы, приходящиеся на долю каждого из факторов производства? Сэй и его ученики не могли, по существу, ничего сказать об этом. Они отделялись банальностями, общими местами.

В своих сочинениях Сэй рассматривал в отдельности каждый вид дохода, но интерес представляет лишь его трактовка прибыли. Как мы уже знаем, прибыль распадается на ссудный процент и предпринимательский доход. Первый присваивается капиталистом как собственником капитала, второй – капиталистом как руководителем предприятия. Для Сэя предпринима-

тельский доход не просто род заработной платы, которую мог бы получать и наемный управляющий. Это – вознаграждение за особую и очень важную общественную функцию, суть которой – рациональное соединение всех факторов производства.

Доходы предпринимателя, писал Сэй, – это «вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководство»*. Смит тоже высоко оценивал роль капиталиста, который сберегает и вкладывает деньги в производство. Но он уделял сравнительно мало внимания организующей деятельности предпринимателя. И дело здесь не только в том, что характеры обоих экономистов были различны. Смит принадлежит еще XVIII столетию, а Сэй – в большей мере XIX, эпохе относительно крупных предприятий и больших масштабов накопления капитала. В условиях, когда наемный труд соединяется с растущими массами средств производства, проблемы оптимального сочетания факторов производства и его организации приобретают важнейшее значение. Теория Сэя в зачаточной форме отразила эту объективную потребность.

Объяснение предпринимательского дохода организующей ролью предпринимателя было подхвачено Маршаллом. Шумпетер использовал другой мотив Сэя – роль предпринимателя как новатора, носителя технического прогресса. Наконец, американец Найт писал, что предприниматель несет «бремя неопределенности», или, проще говоря, риска, за что должен быть особо вознагражден; намек на это также есть у Сэя.

Проблема соединения элементов природы, овеществленного и живого труда в процессе производства существует и независимо от той трактовки, которую ей давала школа Сэя и дает современная политическая экономия. Это важнейшая технико-экономическая проблема.

21.3. «Закон Сэя»

Мы уже несколько раз сталкивались с «законом рынков» Сэя, или, попросту, с «законом Сэя». Проблема реализации и кризисов, которой он касается, играет огромную роль в развитии капитализма и политической экономии. История «закона Сэя» слегка напоминает историю «закона народонаселения» Мальтуса. В первом издании «Трактата» Сэй написал четыре странички о сбыте. На них в очень нечеткой форме была изложена мысль, что общее перепроизводство товаров в хозяйстве и экономические кризисы в принципе невозможны. Всякое производство само порождает доходы, на

* Сэй Ж. В. Трактат политической экономии. М., 1896. С. 58.

которые обязательно покупаются товары соответствующей стоимости. Совокупный спрос в экономике всегда равен совокупному предложению. Могут возникать лишь частичные диспропорции: одного товара производится слишком много, другого – слишком мало. Но это выправляется без всеобщего кризиса. Подобно основной идее Мальтуса это простое положение отличается внешним подобием самоочевидности. Но с другой стороны, бросается в глаза его непомерная абстрактность, делающая мысль Сэя, по существу, бессодержательной.

Скоро вокруг «закона Сэя» (тогда он еще не носил этого громкого названия) развернулась бурная дискуссия. В ней приняли участие крупнейшие ученые-экономисты той эпохи, в том числе Рикардо, Сисмонди, Мальтус и Джеймс Милль. Защищая и обосновывая свою идею, Сэй с каждым новым изданием «Трактата» раздувал изложение «закона», однако так и не придал ему сколько-нибудь четкой формы.

Содержательная часть «закона Сэя» состоит, очевидно, в допущении, что цены товаров в капиталистической экономике обладают абсолютной гибкостью и мгновенной реакцией на изменения в конъюнктуре хозяйства. Они сами по себе способны выправить диспропорции, которые могут возникать в производстве товаров. Мы уже видели, как подобная точка зрения проявляется у Рикардо.

В наше время дискуссия о «законе Сэя» в западной науке – это в основном дискуссия между сторонниками так называемого неоклассического и кейнсианского направлений в политической экономии. Первые, даже если они не ссылаются на «закон», фактически стоят на позициях, в общем и целом восходящих к Сэю. Они говорят, что через гибкость цен, заработной платы и других основных элементов экономика может стихийно избегать серьезных кризисов. Поэтому они обычно выступают против большого вмешательства буржуазного государства в экономику. В смысле взглядов на экономическую политику неоклассическое направление часто склоняется, таким образом, к «неолиберализму».

Напротив, Кейнс и его последователи указывают на неизбежность кризисов в свободно развивающейся капиталистической экономике и критикуют «закон Сэя». Кейнс писал, что приверженность профессиональных экономистов к этому «закону», который опровергается жизнью, привела к тому, что со стороны рядового человека «стало заметно все меньше и меньше склонности относиться к экономистам с тем же уважением, как к другим группам ученых, у которых теоретические выводы, когда их применяют на практике, согласуются с наблюдениями»*. Кейнсианское направление выступает за широкое вмешательство государства в экономику.

* Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 32.

В рассматриваемую эпоху, т. е. в первой половине XIX в., «закон Сэя» – или то, что под ним понимали тогдашние экономисты, – сыграл двоякую роль. С одной стороны, он отражал свойственную школе Сэя веру в предустановленную гармонию буржуазного общества и хозяйства. Эта школа не видела или не хотела видеть противоречий, неизбежно ведущих к кризисам перепроизводства. «Закон Сэя» подразумевает, что товары производятся непосредственно ради удовлетворения потребности людей и обмениваются при совершенно пассивной роли денег в этом обмене. Это бесконечно далеко от действительности. Но в «законе Сэя» была и прогрессивная для своего времени сторона. Он был направлен против тезиса Сисмонди о невозможности поступательного развития капитализма. В нем, хотя и в очень неточной форме, выражался тезис, что капитализм в ходе своего развития сам создает себе рынок и в принципе не нуждается для разрешения проблемы реализации в пресловутых «третьих лицах». Используя аргументы Сэя, буржуазия выдвигала прогрессивные требования сокращения бюрократического государственного аппарата, свободы предпринимательства и торговли.

21.4. Школа

В 1873 г. Маркс написал послесловие ко второму изданию «Капитала» (первого тома), в котором дал краткий очерк развития буржуазной политической экономии в XIX столетии. Отметив достижения классической школы в начале века и бурные дискуссии 20-х гг., он говорил далее: «В 1830 году наступил кризис, которым все было решено одним разом.

Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробила смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»*.

Это более всего касается школы Сэя–Бастиа. Маркс пишет далее, что после 1848 г. вульгарная экономия претерпела новые изменения, в результате которых «...благоразумные практики, люди наживы, сплотились вокруг знамени Бастиа, самого пошлого, а потому и самого удачливого представителя вульгарно-экономической апологетики»**.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 17.

** Там же. С. 18.

Школа Сэя, увлеченная служением буржуазной практике, фактически ничего не сделала для развития экономической теории. На это указывают не только марксисты, но и наиболее серьезные историки экономической мысли. Центром школы почти до конца столетия была кафедра политической экономии в Коллеж де Франс, которую в последние годы своей жизни занимал Сэй. Одним из его преемников был сравнительно крупный экономист *Мишель Шевалье*, который наряду с Бастиа сильнее всех представлял фритредерское направление в школе и был практическим деятелем в сфере экономической политики. Члены школы выпускали книги по политической экономии, вдохновленные Сэем и написанные в его манере. В свое время они пользовались популярностью, но в науке не оставили почти никакого следа.

К школе можно причислить также *Жерома Адольфа Бланки*, который был родным братом революционера, утопического коммуниста Луи Огюста Бланки. Бланки – экономист был, напротив, самым уважаемым буржуазным профессором. Он известен в основном своей «Историей политической экономии в Европе» (1839 г.), одним из первых капитальных курсов истории экономической мысли, который долгое время считался своего рода образцом и был переведен на многие языки, включая русский.

Следует упомянуть *Шарля Дюнуайе*, еще одного горячего «оптимиста», поборника «экономической свободы», защитника существующей капиталистической системы против любой критики. С помощью Дюнуайе удобно проиллюстрировать изложенное выше различие между нормативным и позитивным подходом в политической экономии. Свято веривший во внутренние силы капитализма и отрицавший государственное вмешательство в экономику, он был сторонником позитивного подхода. Взгляды по этому вопросу выражены им в следующей афористической форме: «Я ничего не предписываю; я ничего не предлагаю; я излагаю».

Школа Сэя и ее взгляды сложились в 30–40-х гг. в ожесточенной борьбе с социалистическими идеями, которые получили широкое распространение во Франции. Это во многом определяло черты школы. Далее мы ознакомимся с экономической частью учения великих социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье, ученики и последователи которых были главными идейными противниками школы Сэя.

21.5. Курно: жизнь и деятельность

Многие экономические явления и процессы носят по самой своей природе количественный характер. Между экономическими величинами обычно существуют количественные связи: если изменяется одна

из них, то по какому-то закону изменяется другая или другие, связанные с первой. Скажем, если повышается цена на данный товар, то, вернее всего, снизится в какой-то мере спрос на него. Характер этой зависимости, вероятно, можно передать какой-то функцией. Приблизительно такие соображения заставили некоторых мыслящих людей уже в XVIII в. задуматься над вопросом, не следует ли применить математику для изучения экономических явлений. И такие попытки делались. В дальнейшем развитие теоретической экономики вплотную подвело к математической формализации некоторых коренных проблем этой науки.

Первым ученым, который сознательно и последовательно применил математические методы в экономическом исследовании, был француз *Антуан Огюстен Курно*. Произведение Курно, принесшее ему впоследствии славу, вышло в 1838 г. и называлось «Исследование математических принципов теории богатства». Поскольку оно не вызвало при его жизни почти никакого интереса, в литературе по истории экономической мысли сложилось представление, что Курно был талантливым неудачником, «мучеником науки». Это не совсем верно. Курно прожил спокойную и обеспеченную жизнь профессора высшей школы и администратора учебных заведений. Он был автором ряда математических сочинений, имевших в свое время успех. Курно находился в хороших отношениях со всеми режимами, сменявшими друг друга во Франции на протяжении его долгой жизни, и занимал видное место в официальной науке и на государственной службе.

Но вместе с тем верно то, что Курно болезненно ощущал непризнание его научных заслуг в гораздо более глубоком смысле. Он пытался найти с помощью математики и философии какой-то синтез естественных и общественных наук. Его сочинения последних двух десятилетий жизни посвящены в основном философии естествознания. Не применяя формул, Курно попытался также в двух работах 60-х и 70-х гг. вернуться к экономической науке, но и они не привлекли внимания публики. Эти работы Курно не имеют оригинальности его первой книги и, в отличие от нее, так навсегда и остались пылиться на библиотечных полках. Они никогда не переиздавались. Биограф Курно пишет: «Имеется явный контраст между его блестящей служебной карьерой и совершенно недостаточным признанием его при жизни как ученого... Печально и гордо говорит он в своих записках, что какой бы малый сбыт ни находили его сочинения, особенно во Франции, они все же содержали более или менее новые идеи, способные больше, чем ранее, осветить общую систему наук»*.

* Цит. по: *Reichardt H. Augustin A. Cournot. Sein Beitrag zur exacten Wirtschaftswissenschaft. Tübingen, 1954. S. 8.*

Курно родился в 1801 г. в маленьком городке Грe (в Восточной Франции) в состоятельной мелкобуржуазной семье, среди членов которой были хорошо образованные люди. Дед его был нотариусом и оказал на воспитание мальчика большое влияние. До 15 лет Курно учился в школе, затем около четырех лет жил дома, занимаясь чтением и самообразованием, и некоторое время посещал колледж в Безансоне. В 1821 г. он поступил на естественное отделение Высшей нормальной школы в Париже, где его увлечение математикой проявилось в полной мере. Однако вскоре школа была временно закрыта правительством по причине антироялистских настроений студентов, и Курно, несмотря на свою аполитичность, попал на некоторое время в числе других студентов под надзор полиции.

С 1823 по 1833 г. Курно жил в семье маршала Сен-Сира как воспитатель его сына и секретарь маршала, писавшего мемуары о временах Первой империи. Все эти годы Курно много занимался науками, посещал лекции в разных учебных заведениях, опубликовал несколько статей. В 1829 г. он получил от Парижского университета докторскую степень за работу по математике. Он сблизился со многими видными учеными, особенно с математиком Пуассоном, который считал Курно одним из своих талантливейших учеников и до конца жизни покровительствовал ему. Благодаря протекции Пуассона Курно получил место профессора в Лионе и начал там преподавать высшую математику. Через год он был переведен ректором академии (университета) в Гренобль, где проявил себя дельным администратором. В 1838 г. он получил еще более высокий пост в системе народного образования, став генеральным инспектором учебных заведений. В начале 40-х гг. вышли в свет и главные математические труды Курно.

Особенно велики заслуги Курно в развитии теории вероятности и ее философском истолковании. Как говорят отечественные ученые, подготовившие первое издание его математического труда на русском языке, «идеи Курно в области теории вероятности обогнали на много десятков лет его эпоху и только теперь... становятся общепризнанными и кладутся в основу логики и философии этой дисциплины»*.

Для биографов представляет своего рода загадку, каким образом среди этих многообразных трудов и, по внешней видимости, совершенно неожиданно появилось на свет экономическое сочинение Курно. Не обнаружено никаких признаков того, что до этого он проявлял интерес к политической экономии. Надо, однако, иметь в виду, что Курно был человеком энциклопедического ума и широких интересов. Очевидно, в круг его чтения входили весьма популярные в то время труды Сэя. Возможно, через Сэя он ознакомился

* См.: Курно А. Основы теории шансов и вероятностей. М.: Наука, 1970. С. 6.

с произведениями Смита и Рикардо. К этому надо прибавить здравый смысл и своего рода экономическую интуицию, которые очень ощущаются в книге Курно. Неудовлетворенный неточностью, зыбкостью, бездоказательностью положений экономической науки, он попытался применить к ней строгую логику и математические методы. Курно, видимо, рассчитывал, что его книга привлечет внимание и подтолкнет мысль других исследователей, но его ждало разочарование.

Успешная служебная карьера Курно продолжалась до 1862 г. В период Второй республики (1848–1851 гг.) он был членом комиссии по высшему образованию, при Второй империи – членом имперского совета по народному образованию. Восемь лет он был ректором университета в Дижоне, где заслужил своей принципиальностью и широтой взглядов уважение студентов и профессоров. Выйдя в отставку, Курно поселился в Париже и до конца своих дней вел педантично размеренную жизнь: вставал и ложился всегда в одно время и первую половину дня неизменно отдавал работе. На первый взгляд он казался человеком строгим и суровым. Но с друзьями и хорошими знакомыми был общителен и разговорчив, не лишен юмора. Курно умер в Париже в 1877 г.

21.6. Вклад Курно

Курно опасался, что его экономико-математическая книга может показаться слишком сложной для обычных читателей и в то же время не привлечет внимания профессиональных математиков. Он писал, однако, что «имеется большой класс людей... которые, получив основательную математическую подготовку, занялись затем теми науками, которые особенно интересуют общество (имеются в виду, очевидно, техника и естественные науки. – А. А.). Теории богатства общества должны привлечь их внимание. Но, рассматривая эти теории, они наверняка почувствуют, как почувствовал я, необходимость с помощью известных им символов сделать определенным и точным тот анализ, который является обычно неопределенным и часто темным у авторов, считающих достаточным ограничиваться возможностями обычного языка»*. Курно был, возможно, первым из характерного для последующей эпохи типа математиков, инженеров, ученых-естественников, которые, увлекшись своеобразными и острыми проблемами общественных наук, пытаются применить к ним точный язык математики. Как многие мате-

* *Cournot* A. A. Recherches sur les principes mathematiques de la theorie des richesses. P., 1838. P. X.

матики после него, он брал в основном экономическую науку и ее задачи такими, какими находил их в существующей литературе.

В этой работе Курно исследовал, в сущности, один большой вопрос: о взаимозависимости цены товара и спроса на него при различных рыночных ситуациях, т. е. при различной расстановке сил покупателей и продавцов. Тем самым он проявил верное чутье в отношении характера и пределов применения математики в экономическом исследовании. Он не претендовал на разработку с помощью математики принципиальных социально-экономических вопросов, ограничившись задачей, условия которой были более или менее пригодны для математической формализации.

Занимаясь вопросом о соотношении спроса и цены, Курно прежде всего фактически ввел в науку важное понятие «эластичности спроса». Как уже сказано, обыденный опыт говорит, что при повышении цены данного товара спрос на него уменьшается, при снижении цены спрос увеличивается. Этот «закон спроса» Курно, обозначив спрос через A , а цену через p , записал в виде функции $D = F(p)$.

Курно отметил, что для разных товаров эта зависимость различна. Спрос может значительно меняться при относительно небольшом изменении цен – это случай высокой эластичности спроса. И наоборот, спрос может мало реагировать на изменение цены, – это случай низкой эластичности спроса. Курно отмечал, что последнее относится, как это ни странно, и к некоторым предметам роскоши, и к предметам самой первой необходимости. Например, цена скрипки или астрономического телескопа может упасть вдвое, но едва ли это заметно повысит спрос: он ограничивается узким кругом любителей, для которых цена не главное. С другой стороны, цена на дрова может повыситься вдвое, но спрос сократится в гораздо меньшей степени, так как люди готовы скорее урезать другие расходы, чем жить в нетопленных домах. Таким образом, функция спроса может иметь различный вид и, следовательно, изображаться разными кривыми. Менее очевидное, но математически важнейшее предположение Курно состоит в том, что эта функция непрерывна, т. е. что любому бесконечно малому изменению цены соответствует бесконечно малое изменение спроса. Не без основания он полагает, что экономически этот принцип осуществляется тем полнее, чем «шире рынок, чем больше возможных комбинаций потребностей, состояний и даже капризов среди потребителей». За определенными исключениями, которые не могут играть роли в сфере экономических явлений, непрерывные функции можно дифференцировать. Курно впервые показал возможность применения высшей математики (математического анализа) к экономике на конкретном, но чрезвычайно важном и перспективном примере взаимозависимости спроса и цены товара.

Валовая выручка за известное количество данного товара может быть, исходя из приведенных выше обозначений, записана как произведение p/l или $pF(p)$. Курно дифференцирует эту функцию и ищет ее максимум, исходя из того предположения, что всякий товаропроизводитель, являясь «экономическим человеком», стремится максимизировать свой доход. Отсюда путем преобразований Курно находит цену, соответствующую максимуму валовой выручки (дохода).

Эта цена зависит от вида функции спроса, т. е. от характера его эластичности. Очевидно также, что не самая высокая цена дает максимум выручки, а какая-то конкретная цена, к которой продавец стремится приблизиться путем проб и ошибок. Курно начинает анализ с простейшего, по его мнению, случая – естественной монополии. Предположим, говорит он, некто является владельцем источника уникальной по своим свойствам минеральной воды. Какую цену на эту воду должен установить владелец, чтобы обеспечить максимум дохода? Попытавшись ответить на такой вопрос, Курно переходит к более сложным случаям, вводя дополнительные факторы (издержки производства, конкуренцию, другие ограничения).

Он рассматривает случаи дуополии (два конкурирующих монополиста), ограниченного числа конкурентов и, наконец, свободной конкуренции. Таким образом, модель Курно строится в обратном отношении к действительному историческому процессу развития в XIX в., которое шло от свободной конкуренции к монополии.

Весь анализ основывается на использовании единого метода – на определении экстремальных значений функции спроса, принимающих различный вид в зависимости от рыночной ситуации. Математическая строгость и логичность этого исследования производит сильное впечатление. Работа Курно резко отличается от современных ему произведений видных представителей буржуазной экономической мысли. Язык Курно был для них совершенно незнакомым, как бы иностранным языком. Неудивительно, что его не поняли.

Курно понимал, что его математическая модель могла бы стать более ценным орудием познания, если бы удалось наполнить ее эмпирическим материалом, в цифровой форме отражающим экономическую реальность.

22. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

22.1. XVIII век: причины экономической отсталости

В Германии развитие капитализма началось позднее, чем в странах Западной Европы. К началу XIX в. 80% ее населения было занято в сельском хозяйстве, в котором сохранялись феодальные отношения. Промышленность оставалась преимущественно на стадии ремесла, и даже рассеянная мануфактура еще не одержала над ним верх. *В чем заключались причины этого отставания?*

1. Одной из причин была сохранившаяся феодальная раздробленность. Как говорили немцы, у них было столько государств, сколько дней в году. Германские государства были объединены в «Священную римскую империю германской нации», про которую Вольтер говорил, что она была не священной, не римской, не империей. Не римской, потому что к Риму она не имела никакого отношения, не империей, потому что каждое из трехсот с лишним государств действовало самостоятельно как во внутренней, так и во внешней политике.

Раздробленность разобщала хозяйство страны, потому что каждое государство имело свои деньги и устанавливало пошлины на своих границах. Феодальная раздробленность препятствовала развитию торговли, установлению экономических связей между разными частями страны, т. е. образованию единого германского рынка, а тем самым – и экономическому развитию вообще. На пути от Страсбурга до границы с Голландией находилось 30 таможенных застав, между Дрезденом и Магдебургом с товара 16 раз бралась пошлина. К тому же каждый раз приходилось менять деньги, потому что в каждом государстве была своя денежная система. Путь от Берлина до Кенигсберга занимал неделю, и такое путешествие описывали в книгах, как будто это было путешествие по Африке.

Раздробленность усилилась в результате тридцатилетней войны, разорившей страну. Численность населения Германии в результате этой войны сократилась более чем вдвое, а некоторые местности почти полностью опустели. Поля зарастали лесом. По Вестфальскому договору 1648 г., завершившему войну, за главой каждого мелкого государства закреплялось право самостоятельной внешней политики, в том числе и действий против своих германских соседей. Противники Германии, победители, подкупали мелких

монархов, чтобы направлять их действия в выгодном для себя направлении. Только с 1750 по 1772 г. немецкие князья получили от Франции 137 млн франков.

В условиях феодальной раздробленности города Германии сохраняли средневековый характер. К началу XIX в. большинство городов еще не вышло за пределы старых городских стен. Горожанин был домоседом. Подмастерья жили в доме хозяина. По возможности все необходимое готовилось дома. Вечером усаживались перед домом на скамеечке, а в воскресенье шли за городские ворота в свой сад или огород.

Конечно, общая тенденция к ликвидации феодальной раздробленности и образованию централизованных государств действовала и в Германии. Здесь она выражалась в усилении Пруссии. Маленькое герцогство, владения которого к тому же были разбросаны по разным частям Германии, за XVIII в. превратилось в крупное королевство, которое уже принимало активное участие в европейской политике.

Основой такого выдвижения была армия. Деятель французской революции Мирабо писал: «Война – это национальная промышленность Пруссии» [7, с. 208]. В период царствования «старого Фрица», Фридриха II, на содержание армии тратилось 2/3 государственного бюджета.

2. Экономическое развитие Германии затормозило и «второе издание крепостничества». Когда сельское хозяйство втягивалось в рыночные отношения, то в странах, лежащих к западу от Германии, это вело к ликвидации крепостного права и коммутации. В Германии (точнее – в восточной части Германии) эта же причина привела к усилению крепостничества, которое Ф. Энгельс и назвал «вторым изданием крепостничества».

Дело в том, что в торговлю здесь втягивались не крестьяне, а сами феодалы. Поскольку внутренний рынок Германии в условиях феодальной раздробленности еще не сложился, товарно-денежные отношения проникали сюда извне, с запада, со стороны более развитых государств. Возник спрос на германскую сельскохозяйственную продукцию – пшеницу, ячмень, лен, скот – и она шла в основном на экспорт. А экспортную торговлю могли вести феодалы, собирая крупные партии товара, но не крестьяне, тем более что крестьянское хозяйство оставалось еще натуральным. Чтобы получить больше продукции для экспорта, причем продукции однородной и достаточно кондиционной, феодалы увеличивают свою запашку, отбирая часть земли у крестьян. При этом увеличивается барщина, потому что поле феодала обрабатывается барщинным трудом крестьян. А барщина всегда требует крепостной зависимости крестьянина, поэтому усиливается крепостное право.

Крепостное право было доведено почти до степени рабства. Крестьянин уже не имел права выходить за пределы владений своего господина, а для

вступления в брак требовалось его разрешение. Германские феодалы нашли, что крепостных выгодно продавать в солдаты – и тысячи немецких крестьян были проданы в качестве солдат в другие страны.

Обезземеливание крестьян шло и в Англии, но если английские крестьяне при этом освобождались и от феодальной зависимости, становясь свободными, то в Германии они становились барщинными крепостными. Разоренный английский крестьянин мог уйти в город, стать рабочим, германский был обязан работать в хозяйстве феодала. Разорение крестьян здесь не создавало армию труда для промышленности, что, естественно, тормозило ее развитие. Иными словами, эта сторона первоначального накопления в Германии задерживалась.

Следует оговориться, что на западе Германии, особенно на землях, прилегающих к границам Франции, Бельгии, Голландии, «второго издания» не было. Здесь развитие шло по обычному пути. Крепостное право здесь к началу XVIII в. было уже ликвидировано, феодалы собственное товарное хозяйство обычно не вели, крестьяне платили им в основном денежную ренту.

И все же «второе издание крепостничества» не означало усиления феодализма. Это был еще один путь разложения феодализма и подготовки условий для капитализма. Если, с одной стороны, в хозяйствах помещиков практиковались барщина и крепостное право, то с другой, это было крупное товарное производство. Иначе говоря, «второе издание» было альтернативой процессу коммутации.

3. Великие географические открытия вызвали перемещение мировых торговых путей, а это, по выражению Ф. Энгельса, «выключило» Германию из мировой торговли. Если раньше через Германию по Рейну шел великий торговый путь с юга на север Европы, то теперь он утратил прежнее общеевропейское значение. Если раньше города севера Германии были объединены в Ганзейский союз, который держал в руках всю торговлю по северу Европы, то теперь этот союз прекратил существование. К тому же Германия потеряла многие из этих портовых городов в результате поражения в 30-летней войне: эти города вместе с устьями рек у нее отобрали страны-победительницы.

Все это тормозило развитие промышленности. Правда, здесь существовала рассеянная мануфактура, в основном в текстильном производстве. Примером может служить полотняная промышленность Силезии. Ткачами здесь были крепостные крестьяне, которые заработанными деньгами платили оброк своим помещикам. Скупщики крестьянской продукции для окончательной обработки полотна содержали мастерские-белильни с наемным трудом. В конце XVIII в. здесь действовали 162 белильни с 2,7 тыс. рабочих.

Но развитие даже рассеянной мануфактуры в сельской местности тормозила цеховая регламентация. Даже в наиболее развитой в промышленном

отношении Саксонии в конце XVIII в. существовал закон, запрещавший крестьянам заниматься ремеслом.

В отличие от других стран в Германии цеховая система сохранилась и в первой половине XIX в., причем перед лицом закона цеха считались более «правильной» частью промышленности, чем рассеянная мануфактура. Но если дешевое силезское полотно находило хороший сбыт и за границей, то цеховое ремесло не выдерживало конкуренции с мануфактурной (а частью уже фабричной) продукцией Англии и Голландии. Например, в Баварии, области германского сукноделия, сохранившего цеховую организацию, за сто лет, с 1680 по 1780 г., выделка сукна сократилась с 70 до 5 тыс. штук. Чтобы сохранить производство в условиях ограниченного сбыта, цеха «закрывались», не принимая новых членов. Подмастерье такого цеха уже не мог стать мастером. Впрочем, для подмастерьев теперь и не находилось работы. В полотняном цехе Неймарка к 1763 г. на 8 мастеров остался лишь один подмастерье.

Немногочисленные централизованные мануфактуры находились преимущественно в государственной собственности и на иждивении государства, например, фарфоровая мануфактура в Мейссене, принадлежавшая королю Саксонии. В условиях «второго издания» рабочие были прикреплены к таким предприятиям и использовался крепостной труд. Крепостная мануфактура не была монополией России.

Руководители германских государств пытались проводить протекционистскую политику, подражая политике руководителей более развитых стран. Но эти меры имели в основном административный, полицейский характер. Например, Фридрих Вильгельм, чтобы содействовать развитию текстильной промышленности, запретил своим подданным шить одежду из привозных тканей и обязал солдат и купеческих жен заниматься прядением. Но он же запретил использовать в производстве машины.

К тому же протекционизм в Германии усиливал феодальную раздробленность, увеличивая изоляцию отдельных государств, укрепляя таможенные рогатки между ними.

Итак, наступил XIX век, в Англии промышленный переворот уже шел к завершению, а в Германии даже первоначальное накопление не вступило в полную силу.

22.2. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве

Первоначальное накопление в Германии в основном происходило уже в XIX в. и было связано с ликвидацией крепостного права и феодальной зависимости крестьян. Толчок к ликвидации крепостного права дали наполеоновские войны. Левобережье Рейна временно отошло к Франции, и на этих землях крепостное право было отменено, причем крестьяне были освобождены с землей по французскому образцу.

Это и послужило стимулом к освобождению крестьян в остальной Германии. Процесс освобождения продолжался с 1807 по 1850 г., потому что в разные годы принимались законы об освобождении разных категорий крестьян в разных государствах. Но и в каждом из государств процесс освобождения крестьян затянулся на десятилетия.

Крупнейшим государством Германии в это время была Пруссия, игравшая решающую роль в германских делах. Другие государства следовали ее примеру в освобождении крестьян. Поэтому мы рассмотрим, как происходило освобождение крестьян именно в Пруссии.

Здесь в 1807 г. эдиктом была отменена личная зависимость крестьян. Земельная зависимость и связанные с ней повинности, включая барщину, сохранялись, т. е. Пруссия переходила, в сущности, к нормам классического феодализма. В других германских государствах отмена крепостничества происходила с 1808 по 1821 г.

«Эдиктом о регулировании» 1811 г. в Пруссии принципиально допускался переход крестьянских хозяйств в их собственность путем выкупа феодальной ренты. В 1816 г. это положение было конкретизировано: крестьяне, имеющие упряжку лошадей, должны были за освобождение от феодальных повинностей отдать своему господину от 1/3 до 1/2 своей земли.

В 1821 г. условия выкупа были изменены: за освобождение от феодальной зависимости крестьяне должны были заплатить феодалам сумму, которая в 25 раз превышала величину годовой ренты. Но и этот закон касался только крестьян, имевших полноценную запряжку лошадей.

Этим же законом была ликвидирована община – марка. Общинные поля делились, и каждый хозяин получал участок пашни, соответствующий его доле в общинном поле. По этому же принципу делились и непахотные угодья (альменда). В результате феодалы присвоили еще часть крестьянской земли.

Наконец, в 1850 г. в Пруссии от феодальной зависимости освободились уже все крестьяне, заплатив выкуп, превышающий годовую ренту в 18 раз.

Для осуществления этой операции создавались специальные банки, которые должны были завершить выкупную операцию через 56 лет.

Таким образом, крестьяне при освобождении передавали помещикам-юнкерам часть своей земли и в качестве выкупа заплатили им такую сумму денег, которая в среднем в 20 раз превышала величину годовой ренты.

В результате происходила капитализация ренты, т. е. феодальная рента превращалась в доход с капитала: положив выкуп в банк, помещик продолжал получать в виде процентов такой же доход, какой он раньше получал в виде ренты с крестьян.

При таком освобождении часть крестьян теряла землю, часть сохраняла ее настолько мало, что не могла с нее прокормиться и должна была искать заработки на стороне. Достаточно сказать, что половина прусских крестьян получила участки земли меньше одного гектара. Эти крестьяне были вынуждены продолжать работать на помещиков в качестве сельскохозяйственных рабочих. Таким путем прошла одна сторона первоначального накопления – разорение крестьян и превращение их в наемных рабочих.

Другая сторона – накопление капиталов – тоже была связана с реформой по освобождению крестьян. Выкупная операция дала в руки юнкеров огромную сумму денег – около 1 млрд марок. Часть этих денег была вложена в банки, часть была затрачена на покупку акций промышленных предприятий. В обоих случаях эти деньги инвестировались в промышленность. Конечно, как и в других странах, часть капиталов накапливалась в торговле и ростовщичестве. Но особенность накопления капиталов в Германии составляло именно ограбление крестьян при их освобождении.

Но часть юнкерских капиталов была инвестирована в сельское хозяйство. Юнкера превращали свои поместья в крупные капиталистические хозяйства с наемным трудом. Подавляющая часть земли после освобождения крестьян оказалась в их собственности. К концу реформ 30% сельских хозяйств Германии владело 90% земли, а на долю остальных 70% сельских хозяйств оставалось только 10% земли. Это значит, что мелкие крестьянские хозяйства, занимавшие только десятую часть земли, не играли существенную роль в развитии сельского хозяйства.

Итак, развитие капитализма в сельском хозяйстве Германии происходило путем превращения феодальных поместий в крупные капиталистические хозяйства, путем превращения помещиков в сельских капиталистов, а крестьян – в наемных рабочих. При этом и эксплуататоры, и эксплуатируемые оставались на своих местах, менялась только форма эксплуатации. В. И. Ленин назвал это прусским путем развития капитализма в сельском хозяйстве.

Почему прусским, а не германским? Потому что единого германского государства пока не было, а крупнейшим из германских государств была Прус-

сия. Кроме того, в западных землях Германии, как уже говорилось, крестьяне были освобождены с землей и без выкупа, и капитализм в сельском хозяйстве там развивался не прусским путем.

Конечно, прусский путь был мучительным для крестьян и социально несправедливым. Небольшие участки земли, которые не обеспечивали жизнь крестьянина, привязывали его к прежнему господину, позволяли ему эксплуатировать труд крестьянина полуфеодальными методами. Такие «батраки с наделом» составляли самую бесправную часть населения Германии.

Но для развития сельского хозяйства этот путь оказался вполне благоприятным, потому что еще в период «второго издания крепостничества» юнкера переходили к крупному товарному производству, а выкупная операция позволила им существенно повысить технику земледелия. Юнкера переходят от средневекового трехполья к научным многопольным севооборотам. Начинается широкое применение искусственных удобрений, тем более что Германия богата сырьем для таких удобрений – залежами калийных солей и фосфатов. На полях появляются сельскохозяйственные машины: сеялки, жатки, культиваторы. Растет урожайность.

Особенно значительные достижения у немцев были в производстве технических культур. По сбору картофеля и сахарной свеклы в 50–60 гг. Германия выходит на первое место в мире. Помещики на месте перерабатывают часть этой продукции, устраивая свеклосахарные, винокуренные и пивоваренные заводы. Было обнаружено, что гнать спирт можно не только из зерна, но и из картофеля. Картофельный спирт, естественно, оказался намного дешевле хлебного и находил хороший сбыт за пределами Германии. Его стали широко применять для фальсификации рома, коньяков и вин. «Спирт, добываемый из картофеля, – писал Ф. Энгельс, – это для Пруссии то же самое, что железо и хлопчатобумажные товары для Англии: это товар, который представляет Пруссию на мировом рынке» [9, с. 47].

Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве сохранял господство юнкеров, реакционной группы населения уже в силу того, что они были заинтересованы в сохранении определенных пережитков феодализма. Кроме того, юнкера были военной кастой: именно в их руках была армия. В Германии профессия военного, офицера, считалась особенно престижной. Юнкерство стало реакционной силой, наложившей отпечаток на политику Германии в последующее время.

22.3. Особенности промышленного переворота

Как уже сказано, к началу XIX в. промышленный переворот в Германии еще не начался. И в первые десятилетия XIX в. положение почти не менялось. Первый паровой двигатель появился в Германии в 1788 г., а второй – только в 1822 г., три с половиной десятилетия спустя. Правда, во втором десятилетии XIX в. началось некоторое оживление в промышленности: континентальная блокада сократила импорт дешевых английских товаров, и их производство пришлось налаживать в Германии. Именно в это время появились первые фабрики.

Из-за феодальной раздробленности отдельные районы Германии существенно различались по уровню и темпам экономического развития: если в западной части Германии развивались угольная, металлургическая и текстильная промышленность, то в восточной была только полотняная, да и та на стадии рассеянной мануфактуры.

Начало промышленного переворота можно отнести к 30-м гг., но в это время он затронул только текстильную промышленность и лишь в некоторых из германских государств. В 1846 г. в Германии действовало 313 прядильных предприятий с 2,3 тыс. рабочих, но ткацкое производство оставалось на стадии рассеянной мануфактуры. В Пруссии в этом году насчитывалось 160 тыс. ткацких станков, в том числе механических – только 4,6 тысячи. А это значит, что даже в текстильном производстве переворот оставался на начальной стадии.

К середине XIX в. в Германии не только фабрика не вытеснила мануфактуру, но и мануфактура пока не одержала верх над цеховым ремеслом. Даже в начале 60-х гг. рабочих в Германии насчитывалось 1,5 млн, а ремесленников – 2 млн. В Пруссии в это время на 3,5 млн батраков приходилось 250 тыс. фабричных рабочих.

Это объяснялось тем, что в первой половине XIX в. сохранялись те причины, которые тормозили развитие промышленности в XVIII в. Сохранялась феодальная раздробленность. Правда, число государств в составе Германии уменьшилось до 38. Сохранялись феодальные отношения – лишь в 1850 г. были изданы последние законы об окончательном освобождении крестьян. Германия – в стороне от мировых торговых путей.

Но к середине века в Германии происходят события, которые частично устраняют препятствия.

В 1833 г. был образован Таможенный союз, который сначала объединял только часть германских государств, а затем к нему присоединились и остальные. Пошлины в торговле между ними, которые были главным пре-

пятствием к экономическому общению, были в одних случаях ликвидированы, в других – резко уменьшены. Таможенный союз стал первым шагом к слиянию германских государств в единое экономическое целое.

В 1848 г. в Германии произошла буржуазная революция. Перед ней стояли обычные задачи буржуазной революции – ликвидировать остатки феодальных отношений и политическое господство феодалов. Стояла и не совсем обычная задача: объединить Германию в одно государство, ликвидировать феодальную раздробленность. Ведь обычно феодальная раздробленность кончается задолго до буржуазной революции.

Франкфуртский парламент, который был созван в результате революции, провозгласил отмену феодальных отношений и принял имперскую конституцию. Эта конституция оставляла нетронутыми власть всех монархов и прежний государственный аппарат, но, тем не менее, была отклонена правительствами германских государств, в том числе прусским королем.

Таким образом, революция не выполнила ни одной из стоявших перед ней задач. Ликвидация феодальных отношений продолжалась путем реформ, а объединение Германии пока не состоялось. И все же революция несколько расчистила путь для дальнейшего экономического развития.

3. Главным стимулом развития промышленности и промышленного переворота было, конечно, освобождение крестьян, которое завершилось в 50-х гг.

И промышленный переворот здесь развернулся в 50–60-х гг., но не закончился к 1870 г. Даже к этому времени фабрика не вытеснила мануфактуру и ремесло. Из всех людей, занятых в это время в промышленности, лишь половину составляли рабочие, а половину – ремесленники. Дело в том, что Германия все еще не была объединена в одно государство, и в ее составе наряду с экономически развитыми государствами сохранялись отсталые аграрные. Завершение промышленного переворота могло произойти и произошло только после объединения Германии в 1871 г.

Промышленный переворот Германии, ее индустриализация, т. е. создание фабрично-заводской промышленности, имели свои особенности.

Первая особенность заключалась в том, что если в других странах индустриализация сначала охватывала легкую промышленность, то в Германии в годы переворота развивалась главным образом тяжелая промышленность, а легкая отставала. За период с 1850 по 1870 г. промышленное производство Германии выросло на 49%, но добыча каменного угля – в 5 раз, а выплавка чугуна – в 7 раз, мощность паровых двигателей – в 9,5 раза, а потребление хлопка – только в 4,5 раза. Правда, переворот в текстильной промышленности начался в 40-х гг., но и в 1870 г. в этой отрасли еще господствовала рассеянная мануфактура. Чем объяснялся этот опережающий рост тяжелой про-

мышленности? Тем, что главными стимулами развития промышленности в Германии стали железнодорожное строительство и военные потребности.

В середине XIX в. в Германии разворачивается усиленное строительство железных дорог. За 50–60-е гг. длина рельсовых путей увеличилась с 6 до 19,6 тыс. км, число паровозов – в 8 раз, товарных вагонов – в 12 раз, грузовые перевозки – в 20 раз. Половина дорог была построена государствами, а не частными предпринимателями.

Строительство железных дорог имело не только экономические, но и стратегические цели.

Во-первых, как уже сказано, Германия к этому времени оказалась в стороне от мировых торговых путей. Но только до железных дорог. Ведь Германия занимает центральное положение в Европе. Теперь она оказалась в центре европейской железнодорожной сети – соседним государствам стало выгоднее всего перевозить товары через ее территорию. И Германия оказалась в центре европейской торговли.

Во-вторых, строительство железных дорог сближало отдельные германские государства и ускоряло их объединение.

В-третьих, строительство железных дорог создавало огромный спрос на металл, уголь, паровозы, вагоны, т. е. содействовало развитию главных отраслей тяжелой промышленности – металлургической, угольной, машиностроительной.

Вторым стимулом развития тяжелой промышленности были военные устремления Пруссии. Пруссия под руководством Бисмарка стремилась объединить Германию, т. е. присоединить остальные германские государства, что и произошло. Но Бисмарк хоть и грозил объединить Германию «железом и кровью», совсем не стремился к кровавой войне между германскими государствами. А для этого была нужна передовая военная техника, чтобы эти государства, парализованные мощью прусских военных сил, не стали сопротивляться. Поэтому ведущее место в прусской промышленности заняли военные предприятия, на первое место среди которых выдвинулись артиллерийские заводы Круппа. В деревне еще господствовали феодалы, в текстильной промышленности преобладали ручные станки, а у Круппа изготовлением пушек занимались 16 тысяч рабочих, и его заводы занимали первое место среди военных заводов мира. Все страны заказывали себе пушки у Круппа.

Крупповские пушки готовились из крупповской стали на крупповских станках. В условиях, когда смежные отрасли были еще недостаточно развиты, приходилось готовить для производства и сырье, и оборудование, поэтому в состав заводов Круппа входили и металлургические, и машиностроительные

предприятия. К тому же такое «самообслуживание» соответствовало сохранившимся в Германии традициям феодального хозяйства.

Второй важной особенностью индустриализации Германии было то обстоятельство, что Германия была страной «молодого капитализма». Германские заводы строились на полвека позже английских и, естественно, оборудовались новейшей по тому времени техникой. Техника английских заводов к этому времени уже морально устарела. В Германии не надо было изобретать заново уже изобретенные в Англии машины. Более того, она покупала новейшие машины у Англии, и эти машины сразу ставились в цеха германских заводов. А чтобы ставить эти новые английские машины в английские цеха, надо было сначала выбросить из них старые машины, что значительно сложнее.

Впрочем, у немцев было немало и своих изобретений. Здесь, например, открыли методы производства анилиновых красок (1856 г.), изобрели динамомашину (1868 г.), а в результате этих открытий химическая и электротехническая промышленности Германии быстро вышли на первое место в мире.

Итак, по техническому уровню своей промышленности Германия вырвалась вперед, причем этому способствовала теперь и иностранная конкуренция. Если прежде, на начальном этапе развития капитализма иностранная конкуренция заглушала промышленность (поэтому и был необходим протекционизм), то теперь иностранная конкуренция делала доброе дело. Она позволяла выживать только передовым, наиболее совершенным предприятиям. И немецкие заводы строились на базе новейшей техники, с обязательным расчетом выпускать продукцию лучше и дешевле, чем английские заводы.

Третья важная особенность индустриализации Германии определялась тем, что значительная часть необходимых для развития промышленности капиталов находилась не у промышленников, а у юнкеров. Чтобы мобилизовать эти капиталы для развития промышленности, в Германии разворачивается усиленное акционерное предпринимательство (грюндерство). Новые промышленные фирмы и банки создавались как акционерные и, продавая акции юнкерам, получали их капиталы. За 50–60-е гг. только в Пруссии возникло 295 акционерных компаний с капиталом в 2,4 млрд марок. В результате юнкера заняли сильные позиции не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности.

По объему промышленного производства Германия выдвинулась на третье место в мире. Впереди оставались Англия и США.

В соответствии с ростом промышленности изменялась и внешняя торговля. Если за первую половину XIX в. внешняя торговля выросла в два раза, то за 50–60-е гг. – в три раза. Если в первой половине столетия Германия

в основном вывозила сельскохозяйственную продукцию и сырье, то теперь в экспорте преобладала промышленная продукция – уголь, машины, ткани. И наоборот, если раньше ввозились в основном промышленные товары, то теперь – сырье и сельскохозяйственная продукция.

Итак, Германия представляет еще один вариант развития промышленного капитализма. В отличие от Англии, где базой послужили эксплуатация колоний и огораживания, в Германии толчком к развитию капитализма стала реформа по освобождению крестьян, которая обезземелила их, ограбила и обеспечила сильные позиции помещиков-юнкеров в новом буржуазном обществе.

Бросается в глаза сходство между путями экономического развития Германии и России. В России, как и в Германии, было «второе издание крепостничества», а частично – и прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. В России еще в большей степени, чем в Германии, мануфактура была приспособлена к условиям крепостничества. Большую роль в хозяйстве Германии играло государство. Государство строило железные дороги, с помощью государства в Пруссии создавалась военная промышленность. Еще большую роль играло государство в развитии хозяйства России.

Л и т е р а т у р а

1. Галкин И.С. Создание Германской империи. 1815–1871. М., 1986.
2. Германская история в Новое и Новейшее время. Т. 1. М., 1969.
3. Дживелегов А.К. История современной Германии. Ч. 1. СПб., 1908.
4. Зомбарт В. Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX в. М., 1924.
5. История Европы. Т. 5. М., 2000.
6. Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Пг., 1916.
7. Мотпьев В.И. Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
8. Полянский Ф.Я. Экономическая история зарубежных стран. М., 1961.
9. Энгельс Ф. Прусская водка в германском рейхстаге // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
10. Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21.

23. ТЮНЕН И ПРЕДЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Почти одновременно с Курно (даже несколько ранее) немец *Иоганн Генрих фон Тюнен* построил другую экономическую модель и отчасти сделал то, о чем говорил Курно, – наполнил ее эмпирическим материалом. Тюнен был северогерманским юнкером (помещиком) и всю жизнь мирно занимался сельским хозяйством в своем небольшом поместье. Этот помещик, однако, был прирожденным мыслителем. Тюнен решал иную экономическую задачу. Он предположил существование изолированной хозяйственной области в виде круга с почвой абсолютно одинакового плодородия и с городом (единственным источником спроса на сельскохозяйственные продукты) в центре этого круга. Исследуя эту модель, он пришел к интересному выводу, что оптимальным будет размещение различных отраслей сельского хозяйства в виде концентрических колец по убывающей интенсивности. Тюнен с поразительным трудолюбием и аккуратностью вел учет затрат и результатов в своем хозяйстве. Он вычислял, в частности, на каком расстоянии от города при данной цене сельскохозяйственного товара транспортные издержки сравниваются с чистой выручкой (валовая выручка за вычетом издержек производства) и производство станет нерентабельным. Если книга Курно была началом абстрактной математической экономики, то расчеты Тюнена иногда считают прообразом эконометрики – математической экономики, которая включает статистическую информацию и разработку эмпирических, основанных на фактических количествах, моделей.

Единственное сочинение Тюнена носит название «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике». Первый том вышел в 1826 г., часть второго тома – в 1850 г. Остаток второго тома и третий том были опубликованы после смерти автора, в 1863 г. Тюнен был едва замечен и мало оценен современниками.

Создание эмпирической экономико-математической модели было единственным достижением Тюнена. Он попытался продолжить исследование распределения доходов там, где его оставил Смит – величайший авторитет для Тюнена. Любопытно, что он, по-видимому, вовсе не знал о трудах Рикардо и самостоятельно развил теорию дифференциальной ренты на основе трудовой стоимости. Он шел путем, который был близок к пути англичанина, но более последовательно и широко применил предельный подход к исследованию экономических явлений.

Подобно Курно, Тюнен стремился строго следовать той единой методологии, которую он разработал с замечательной интуицией и которая на десятилетия опережала развитие техники экономического анализа. Любой экономический процесс развивается путем постепенных малых приращений, пока не достигается некий предел, некая крайняя ситуация, когда происходит какое-то качественное изменение. Обычно он объяснял таким путем постепенное приближение, постепенное стихийное нащупывание какого-то равновесия или оптимального состояния. Он применял такой прием, например, к процессам взаимозамещения труда и капитала (т. е. рабочих рук и машин) и формирования оптимальной структуры производства.

Это был плодотворный метод, и он не был чужд Марксу. С помощью подобного рода рассуждений Маркс объяснял, например, как путем перелива капиталов из отрасли в отрасль устанавливается средняя межотраслевая норма прибыли.

Впоследствии метод малых приращений и предельных ситуаций в экономической науке получил название «маржинализм» (от фр. *marge* и англ. *margin*, что означает на обоих языках край, предел, граница). Как в марксистской, так и в немарксистской науке имеется представление, что маржинализм – это особое направление в теории, которое практически совпадает с субъективной школой. Эта школа выступила в 70-х гг. прошлого века против трудовой теории стоимости и основанной на ней теории распределения, против социального подхода к экономическим явлениям. Это представление нельзя признать правильным. Маржинализм – скорее метод анализа, применяемый для исследования принципов оптимального поведения в экономике, для приближения к оптимальным состояниям и решениям.

Экономист Герман Леманн отметил, что в первой половине XIX столетия предельный анализ развивали как предшественники субъективной школы, так и авторы, стоявшие на позициях трудовой теории стоимости и социального подхода. Главными представителями второй группы он считает Рикардо и Тюнена. «Эта привлекавшая пока мало внимания разница между вульгарно-экономическим предельным анализом и подобным анализом, связанным с классической трудовой теорией стоимости, особенно важна теперь, когда в политической экономии социализма растущую роль играет связь между оптимизацией экономических явлений и марксистской теорией стоимости»*.

Думается, автор затронул здесь проблему чрезвычайно важную. Ее развитие требует использования современных математических методов анализа, в частности предельного подхода. При этом важнейшее значение имеют сохранение и развитие принципиальных основ марксистской экономической теории как мировоззрения.

* *Lehmann H.* Ricardos und Thiinens Grenzanalyse auf der Grundlage der klassischen Arbeitswerttheorie // *Wirtschaftswissenschaft.* 1976. № 1. S. 57.

23.1. Полезность

Исторически дело обстояло так, что математические методы экономических исследований начали распространяться именно в тот период, когда в буржуазной науке складывалась субъективно-психологическая школа. Категория стоимости уступала место субъективной полезности. Объективно социальный подход изгонялся из экономической науки.

Пристальное внимание к проблеме полезности хозяйственных благ нельзя считать только отрицательной чертой этой науки. В сочетании с предельным методом это позволило разработать новые и нужные методы экономического исследования. Теоретики полезности поставили вопросы, которые были чужды официальной послерикардианской политической экономии: об экономической природе потребностей человека и характере их удовлетворения, об изменении степени удовлетворения по мере насыщения потребностей, о сравнении полезности благ для одного человека во времени и для разных людей в пространстве, о психологии потребительского выбора благ, о ранжировании (порядке важности) потребностей и ряд других.

Вплоть до 70-х гг. XIX в. ученые, которые пытались ставить и исследовать такие вопросы, наталкивались на стену непонимания и безразличия. Такова судьба талантливого немецкого экономиста *Германа Генриха Госсена*, который опубликовал в 1854 г. книгу «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил человеческой деятельности». Госсен, человек болезненный и нервный, был так огорчен полным равнодушием коллег и публики к его труду, что через несколько лет попытался изъять из книжных магазинов и уничтожить весь тираж. Он умер в 1858 г. в возрасте 47 лет. Двадцать лет спустя экземпляр его книги был случайно обнаружен Джевансом, который вскоре объявил этого совершенно забытого немца первооткрывателем новой экономической теории.

Из традиционной экономической науки своего времени Госсен взял философию утилитаризма с его принципами разумного эгоизма, субъективного сопоставления выгод и жертв, удовольствия и страдания. В остальном он полностью отверг послерикардианскую теорию и другие направления, имевшиеся в тогдашней науке. Труд Курно, видимо, был ему неизвестен.

Если для Рикардо и даже для младшего Милля центральная проблема политической экономии – распределение доходов между классами общества, то для Госсена – рациональное потребление индивидуумом ограниченного количества благ. Если Рикардо пытался ответить на вопрос, куда идет капитализм, то Госсен размышлял над тем, чем определяется выбор, который делает человек между лишней чашкой чая и еще одним яблоком.

Нельзя сказать, что такого рода вопросы бесполезны в экономической науке. Ведь это один из путей к важнейшей проблеме структуры потребительского спроса, к закономерностям, определяющим выбор товаров потребителем. Но Госсен полагал, что на этом должна быть основана вся экономическая наука. Политическую экономию он предлагал переименовать в *Genusslehre*, т. е. учение об удовлетворении (или удовольствии). Госсен игнорировал всю социальную структуру производства и начинал свои рассуждения с робинзонады. Потом он переносил выводы, сделанные на основе анализа поведения изолированного индивидуума, на человека реального буржуазного общества.

Госсен сформулировал два получивших позже большую известность закона, трактующих субъективно-психологическую оценку индивидуумом потребляемых благ. Первый закон Госсена, имеющий свойства довольно очевидной аксиоматической истины, гласит: величина удовлетворения от каждой дополнительной единицы данного блага неуклонно снижается и при насыщении (в предельном случае) достигает нуля. Второй закон Госсена менее очевиден, но может рассматриваться как мыслимое допущение и орудие анализа. Он говорит: максимальное удовлетворение потребностей при ограниченном количестве доступных благ достигается тогда, когда потребление каждого блага останавливается в точке, где интенсивность удовольствия (полезность) выравнивается, становится одинаковой для всех благ. Это тоже предельная и притом оптимальная ситуация.

В законах Госсена предполагается абсолютная осведомленность и рациональность поведения потребителей, гладкость и постепенность всех процессов, неограниченная делимость благ и многое другое, далеко не всегда отвечающее реальности. Они лишены какого-либо социального содержания и совершенно внеисторичны. Считается, что они в равной мере относятся к потреблению античного раба и современного рантье.

Законы Госсена легли в основу всей микроэкономической теории буржуазной политэкономии последующего столетия. Экономисты-математики довели ее в дальнейшем до большого формального совершенства. Она представляет значительный интерес и заслуживает изучения, поскольку отражает определенные ограниченные черты экономической реальности. Фундаментальный курс политической экономии итальянского ученого-марксиста Антонио Перейти, опубликованный также в переводе на русский язык, содержит обширное приложение «Микроэкономика. Субъективистский подход в экономике»*.

* *Пезетти А.* Очерки политической экономии капитализма. М.: Прогресс, 1976. Т. 2. С. 337–582.

Категорию полезности можно рассматривать как развитие категории потребительной стоимости. Если потребительную стоимость понимать технологически, то ею должны заниматься материаловедение, товароведение и другие подобные дисциплины, но не политическая экономия. Однако категории потребительной стоимости и полезности имеют, несомненно, и аспекты, заставляющие нас рассматривать их в рамках политэкономии.

23.2. Математические методы в экономике

Дискуссия о роли математических методов в экономике имеет по меньшей мере столетнюю давность. В ней высказывались всевозможные точки зрения, начиная от «антиматематического обскурантизма» и кончая утверждениями, что без математики вообще не может быть никакой экономической науки. В настоящее время подобные крайние позиции едва ли могут рассчитывать на поддержку. Но место, формы, пределы математики в различных областях экономического знания остаются и, несомненно, будут и далее предметом дискуссий. Принципиально вопрос о математических методах в экономике решается, как и всякий научный вопрос, прежде всего на основе критерия практики, или, проще говоря, самой жизнью. Объективные нужды хозяйствования на определенной стадии развития предъявили к экономике требования математизации. Когда основной производственной единицей была мелкая фирма, от ее руководителей требовалась лишь практическая сметка. Но управление производством, сбытом, финансами крупного современного предприятия – совсем другое дело. Здесь не обойдешься без науки, и этой наукой в значительной мере становится экономическая кибернетика, т. е. математическая дисциплина, изучающая связи, управление и контроль в экономических системах. Непосредственные хозяйственные потребности вызвали и появление новых математических методов решения экономических задач определенного класса. Основной тип экономической задачи – выбор оптимального, наиболее рационального варианта какой-то программы производства, капиталовложений, материального снабжения и т. п. Научное решение таких задач на основе экономико-математических методов становится возможным лишь при условии использования современной электронно-вычислительной техники. Она становится как бы третьим компонентом системы экономика – математика – ЭВМ, которая уже играет важную роль в повышении эффективности и будет приобретать все большее значение.

Применение экономико-математических методов в хозяйствовании давно уже вышло за рамки отдельных предприятий и даже крупных про-

изводственно-финансовых комплексов, какими являются в экономически развитых странах современные концерны. Практические нужды современной экономики толкают ученых к разработке математических моделей функционирования всего хозяйства (макромоделей). Характерно, что среди авторов таких моделей и исследований мы встречаем имена самых видных западных ученых-экономистов последних десятилетий. Общими для этих работ чертами являются, с одной стороны, использование традиционной общеэкономической методологии, с другой – широкое применение математики, начиная от простейшей символики и алгебры, кончая новейшими сложными методами. Эти работы обычно носят эконометрический характер, т. е. содержат или предполагают наполнение модели статистикой.

Самым дискуссионным в области экономико-математических методов является вопрос о применении математики в теоретических исследованиях по политической экономии, где ставится цель вскрыть коренные качественные, социально-экономические закономерности данной общественной системы. Математика является методом и орудием познания, подобно логике, абстракции, эксперименту. Сама по себе она нейтральна, как нейтральны, скажем, электронно-вычислительные машины.

24. ФРИДРИХ ЛИСТ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Германия дала человечеству Маркса. Но если при создании нового мировоззрения Маркс опирался на немецкую классическую философию, то немецкая политическая экономия мало что могла ему дать. В 1859 г. Фридрих Энгельс писал: «Немцы давно уже доказали, что во всех областях науки они равны остальным цивилизованным нациям, а в большей части этих областей даже превосходят их. Только среди корифеев одной науки – политической экономии – не было ни одного немецкого имени. Причина этого понятна. Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому развитые буржуазные отношения, отношения, которые в Германии в течение столетий... не могли возникнуть»¹.

Попутно следует сказать, что это замечание Энгельса проливает свет и на особенности русской экономической мысли в XVIII в. и в первой половине XIX в. В России развитие капитализма шло с более значительными трудностями, чем в Германии.

24.1. Лист и германская история

От XVIII в. немецкая политическая экономия унаследовала *камералистику* – возникший в средневековых университетах метод описательного изложения всей суммы общественных наук с упором на теорию и практику управления государством. Официальной экономической доктриной был меркантилизм – даже тогда, когда в Англии и во Франции он давно приказал долго жить. В начале XIX в. в Германии укореняются идеи Смита и в результате возникает своеобразная смесь смитианства со старомодной камералистикой.

Это был период бурных политических событий и экономических преобразований. Наполеоновское завоевание приводит в королевствах и княжествах, составлявших Германию, к ломке феодальных отношений. Отменяется личная зависимость крепостных. Распадаются городские ремесленные цехи. В ряде германских государств, особенно в Пруссии – самом крупном из них, к власти приходят буржуазные реформаторы. Но и после наполео-

новских войн Германия оставалась экономически отсталой и политически раздробленной страной. Князья и помещики сумели использовать патриотический подъем борьбы с иноземными захватчиками в своих интересах. Восторжествовала реакция, сила которой казалась несокрушимой до самого 1848 г., потрясшего Германию, как и всю Европу.

По уровню экономического развития Германия далеко отставала от Англии и даже от Франции. К 1840 г. население Германии было приблизительно равно населению Англии (около 27 млн. человек), но Германия добывала в 14 раз меньше угля, выплавляла в 8 раз меньше чугуна, перерабатывала в 16 раз меньше хлопка, чем Англия. Тем не менее промышленный рост Германии шел довольно быстро, особенно после того, как в 1834 г. был заключен Таможенный союз – экономическое объединение германских государств. Еще не сбросив путы феодализма и патриархальщины, Германия получила промышленность и рабочий класс, который силезским восстанием ткачей (1844 г.) грозно показал свою силу господствующим классам. Германская буржуазия, не успев проявить себя прогрессивным классом, носителем новых и смелых идей, быстро скатилась к союзу с помещиками и всеми реакционными силами. Из этого союза выросла вскоре Германская империя кайзеров и Бисмарка.

Политическая экономия в Германии в 20–40-х гг. развивалась как служанка прусской монархии и других князей. Ученые, вышедшие из школы камералистики, писали учебники, которые представляли собой плохое переложение англо-французских образцов на верноподданнически-немецкий лад и содержали лишь сумму знаний, необходимых для экзамена на должность чиновника.

Но новые времена все же требовали новых песен. Тогда явился Фридрих Лист, чья сила была не столько в развитии экономической теории, сколько в смелой постановке острых вопросов экономической политики в условиях относительно отсталой страны. Лист выразил стремления немецкой буржуазии – прогрессивные в той мере, в какой они были связаны с единством и промышленным развитием Германии, ретроградные в силу того, что их осуществление ставилось в зависимость от полуфеодальной монархии. Во многих вопросах Лист смог подняться над обычным уровнем профессорско-чиновничьей науки своего времени. Его вклад в экономическую науку представляет значительный интерес, так как он шел принципиально иными путями, нежели английские классики, тоже представлявшие интересы буржуазного класса, но в других исторических и социально-экономических условиях.

24.2. Служба, тюрьма, эмиграция

Ф*ридрих Лист* родился в 1789 г. в вюртембергском городе Рейтлинген (Южная Германия). Отец его был состоятельный ремесленник – кожевник. Семья не принадлежала к городской знати, но занимала потомственное почетное место в среднем сословии. Школьное образование Листа закончилось в 15 лет, после чего он два года помогал отцу в мастерской. Среди подмастерьев он скоро приобрел репутацию лентяя и фантазера. Тогда семейный совет решил отдать его в учение к писцу. Здесь молодой Лист достиг большого успеха и начал восхождение по лестнице служебных должностей Вюртембергского королевства, которое было до 1814 г. вассалом Французской империи. За десять лет службы Лист занимал множество разных постов с мудреными и труднопереводимыми на русский язык названиями, полтора года изучал право в Тюбингенском университете и закончил служебную карьеру в чине счетного советника (Rechnungsrat) в столице королевства Штутгарте. В 1817 г. он был назначен по протекции либерального министра Вангенгейма профессором «практики государственного управления» в Тюбингенском университете.

Блестящая карьера! Высокое назначение 28-летнего Листа не было случайностью. К этому времени он имел не только репутацию способного чиновника, но и известность видного публициста либерального направления. Возвращенный на идеях французской революции и немецкого освободительного движения Лист выступил решительным сторонником радикальных буржуазно-демократических реформ.

Лист обладал большим талантом литератора и оратора. Политическая страстность, смелость и четкость мысли, образность речи, язвительная ирония – все, чем отличаются его зрелые сочинения, появляется уже в этих первых статьях. В сентябре 1847 г. на брюссельском конгрессе экономистов, слушая нудного оратора-протекциониста, Маркс воскликнул с места, что тот мог бы лучше просто повторить речь Листа, в которой, по крайней мере, были «острота, жизнь и мужество»*.

По натуре это был увлекающийся, экспансивный, необычайно энергичный человек. Не оставляя политической борьбы в Вюртемберге, продолжая свою литературную и профессорскую деятельность, Лист бросается в 1819 г. в водоворот новой борьбы, теперь уже на общегерманском поприще. Он основывает Торгово-промышленный союз, главная задача которого – борьба за экономическое единство Германии.

* *Fabiunke G. Zur historischen Rolle des deutschen Nationalökonomen Friedrich List (1789–1846). Berlin (KKR), 1955. S. 31.*

Но в том же 1819 г. над головой Листа начинают сгущаться тучи. Профессора университета плетут против него интриги, пишут властям доносы, обвиняя Листа в «опасных политических тенденциях». Вангенгейм уже не может защитить Листа: он сам в отставке, в Вюртемберге побеждает реакция. Листу ставят в вину его деятельность в Торгово-промышленном союзе: как государственный служащий он должен был предварительно испросить санкцию начальства. Лист отвечает гордым и полным достоинства заявлением об отставке из университета. Между тем горожане Рейтлингена избрали Листа в новый вюртембергский парламент – палату сословий. Правительство добилось того, что выборы были признаны недействительными, под тем предлогом, что избранному еще не исполнилось в то время 30 лет. Таково было требование конституции. Но через полгода Лист был избран в палату повторно!

Парламентская деятельность Листа была бурной и недолгой. Вскоре после избрания он представил в палату написанную им самим петицию граждан Рейтлингена, где выдвигалась широкая программа демократических реформ. Этот документ был написан резким бунтарским языком и скоро навлек на Листа гонения правительства. По обвинению в «подстрекательстве против государственной власти» он был отдан под суд, лишен депутатского мандата и приговорен к 10 месяцам тюрьмы. Не дожидаясь ареста, Лист бежал за границу, где провел в скитаниях по соседним странам более двух лет.

Надеясь на милость короля, он вернулся в Вюртемберг, но был немедленно схвачен и заключен в крепость. Правительство решило избавиться от беспокойного арестанта и сильного политического противника, имевшего уже к этому времени общегерманскую известность. В обмен на согласие эмигрировать в Америку Лист был досрочно выпущен на свободу. В июне 1825 г. с женой и детьми он сошел с корабля в Нью-Йорке. Сначала Лист занялся фермерством, потом редактировал газету на немецком языке, стал промышленным предпринимателем. Занявшись политической деятельностью, Лист разрабатывал для Соединенных Штатов экономическую программу, в основе которой лежал протекционизм. Он видел много общего в положении США и Германии: в обеих странах промышленное развитие упиралось в английскую конкуренцию.

В 1832 г. Лист приехал в Европу американским гражданином и стал консулом США в Лейпциге. Это было время лихорадки железнодорожного строительства, охватившей всю Западную Европу. Лист давно увлекался этим новым делом, в котором он видел не только важнейшее средство экономического прогресса, но и гарантию против войн. (Эту странную иллюзию он разделял, впрочем, с такими людьми, как Генрих Гейне и Людвиг Берне. Лист был другом обоих знаменитых немецких писателей.) Лист организовал ак-

пионерное общество для строительства железной дороги Лейпциг–Дрезден, одной из первых в Германии. Втянутый в политические интриги и финансовые аферы, он разочаровался в практической деятельности грюндера и в 1837 г. уехал в Париж. Впрочем, веру в великое будущее железных дорог Лист сохранил до конца дней.

24.3. «Национальная система» и конец жизни

В Париже, в своей третьей и последней эмиграции, Лист прожил три года. Со страстью и энергией, без которых он ничего не умел в жизни делать, отдался он изучению политической экономии и изложению своих окончательно сформировавшихся взглядов. Итогом его трудов была сначала обширная рукопись под заглавием «Естественная система политической экономии», представленная на объявленный Французской академией конкурс и опубликованная лишь в XX в., а затем его главная работа – «Национальная система политической экономии», изданная в Аугсбурге в начале 1841 г.

Свою книгу Лист мыслил как первый том обширного труда, который должен был охватить все проблемы политической экономии. Поэтому книга имела подзаголовок: «Международная торговля, торговая политика и германский таможенный союз». Но претенциозный замысел Листа остался неосуществленным. «Национальная система» имела немалый успех, и в ближайшие годы потребовалось еще два издания. Она сыграла важную роль в горячих дискуссиях вокруг проблем экономического развития и торговой политики Германии и оказала серьезное влияние на немецкую экономическую мысль.

Лист развивал свою излюбленную идею: путь к процветанию и объединению Германии лежит через рост промышленности, а промышленность германская нуждается в защите от сильной иностранной конкуренции с помощью высоких импортных пошлин и других средств торговой политики. Больше всего эта идея устраивала растущую промышленную буржуазию Запада и Юга Германии. Книга Листа нашла отклик и среди демократической интеллигенции. Несмотря на монархизм и поклоны Листа в адрес дворянства, общий дух его книги был духом прогрессивных буржуазных реформ. Предлагаемые им реформы были осторожными и половинчатыми, но в затхлом воздухе Германии 40-х гг. эти идеи звучали чуть ли не революционно.

Книга безошибочно нашла и своих врагов. Идеи Листа затрагивали корыстные интересы прусских юнкеров, которые вывозили хлеб в Англию и охотно готовы были согласиться на беспошлинный ввоз английских про-

мышленных товаров в Германию в обмен на свободу импорта германского хлеба в Англию. В «свободе торговли» была заинтересована также старая каста торговой буржуазии северогерманских городов. В последние годы жизни Листа эти круги развернули против него кампанию клеветы, оскорблений, анонимных угроз. К тому же Лист нажил себе немало врагов своей деятельностью по строительству железных дорог и едкими публицистическими выступлениями, в которых он задевал и помещиков, и университетскую профессуру, и церковь, а порой и представителей власти.

После возвращения в Германию Лист жил главным образом в Аугсбурге, занимаясь журналистикой и научной работой.

Именно в эти годы он написал те сочинения, которые позже дали повод зачислить его в разряд великодержавных шовинистов и предшественников германского империализма. Лист утверждал, что перенаселенная Германия должна колонизовать «свободные» земли Юго-Восточной Европы (теперешние территории Венгрии, Югославии, Румынии, Словакии), которые находились в то время отчасти под властью Австро-Венгрии, отчасти – Турции. Он писал, что опорой великогерманской нации, в частности военной опорой, должно быть среднее независимое крестьянство, своего рода кулачество.

В связи с этими идеями Лист даже несколько изменил свое отношение к Англии, которую он всегда считал главным противником объединения и промышленного развития Германии. Теперь ему казалось, что Англия может поддержать Германию против ее сильных континентальных соседей – Франции и России. В 1846 г. он даже поехал в Англию, чтобы в беседах с английскими политическими деятелями выяснить, есть ли почва для такого сближения. Поездка эта кончилась полной неудачей.

Между тем здоровье Листа, от природы очень крепкое, заметно пошатнулось. Не мог добиться он и материальной обеспеченности для своей семьи. Сил его уже не хватало для постоянной борьбы, которую он вел, и бурной деятельности, к которой привык. Осенью 1846 г. Лист покончил жизнь самоубийством.

24.4. Промышленное воспитание нации

В политической экономии Лист выступил как критик классической школы, воплощением которой для него был Адам Смит. Однако его критика фактически не затрагивала основы учения классиков – теории стоимости и доходов. Эти области экономической теории Листа особенно не интересовали. Весь его интерес был сосредоточен на вопросах экономической политики, более того – преимущественно на вопросах внешнеторговой политики.

Лист окрестил смитову систему политической экономии космополитической. Он обвинял эту систему в том, что она не видит национальных особенностей хозяйственного развития отдельных стран и догматически навязывает им единые «естественные» законы и правила экономической политики. «Как характерное отличие выдвигаемой мной системы, – писал Лист, – я утверждаю национальность. Все мое здание основывается на природе нации как среднего звена между индивидуумом и человечеством»*.

Разные нации, говорит Лист, находятся на различных стадиях развития. В этих условиях полная свобода торговли между ними, может быть, и обеспечила бы какую-то абстрактную выгоду для мирового хозяйства в целом с точки зрения меновых стоимостей, т. е. по существу затрат труда, но воспрепятствовала бы развитию производительных сил в отставших странах. Свою концепцию он иногда называл теорией производительных сил в противовес «теории меновых стоимостей» Смита. Надо иметь в виду, что под производительными силами Лист понимал не совсем то, что позже вложил в этот термин Маркс. Для Листа производительные силы – просто вся совокупность общественных условий, без которых не может быть «богатства нации».

Чтобы вовлечь в производство празднолежащие ресурсы, чтобы преодолеть отсталость, допустимо и необходимо развивать отрасли, в которых производительность труда в данный момент ниже, чем за границей. Лист писал: «Эту потерю стоимостей надо, следовательно, рассматривать лишь как цену за промышленное воспитание нации»**. Развитие промышленности было альфой и омегой взглядов Листа. Он писал, что нация, которая занимается только сельским хозяйством, подобна человеку, имеющему для работы только одну руку. Рост промышленности Лист предлагал форсировать с помощью воспитательного протекционизма – системы государственных мероприятий, защищающих национальную промышленность от иностранной конкуренции до тех пор, пока она не встанет на ноги и не сможет конкурировать с иностранцами «на равных». Осуществление свободы торговли он отодвигал в довольно неопределенное будущее, когда все основные нации будут находиться примерно на одном уровне развития.

Вполне актуально в свете современного положения дел и современных взглядов звучит, например, такое высказывание

Листа: «Можно выдвинуть в качестве правила, что нация тем богаче и могущественнее, чем больше она экспортирует промышленных изделий, чем больше она импортирует сырья и чем больше она потребляет продуктов

* *List F. Werke, Schriften, Briefe. Band 6. Berlin, 1930. S. 34. Ibid. S. 37.*

** *Ibid. S. 37.*

тропической зоны»*. Достаточно указать на опыт Японии, для которой характерен именно такой тип внешней торговли и которая за последние годы в результате быстрого экономического роста стала второй промышленной державой капиталистического мира после США.

Большое будущее было суждено мысли Листа о необходимости рассматривать любое экономическое решение, например решение о создании новой отрасли производства, не только с точки зрения непосредственной эффективности (что в обычных условиях равнозначно рентабельности), но и с точки зрения длительных и косвенных последствий этого решения. Подобные ситуации хорошо знакомы каждому экономисту, да и не только экономисту. Если, например, в данной местности строится новое предприятие, то могут возникнуть важные дополнительные народно-хозяйственные выгоды, которые непосредственно не учтены в рентабельности данного производства: улучшение условий труда и жизни для населения, повышение средней квалификации рабочей силы в этой местности, вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов, которые ранее нельзя было использовать, и т. д.

Косвенные выгоды экономического и социального характера, проистекающие из любого хозяйственного решения, получили со времен Маршалла научное наименование «внешней экономии» (*external economies*). Противоположный эффект – косвенные потери, связанные с конкретным решением, – тоже нередко имеет место и называется *external diseconomies*. Л. Роббинс в авторитетной работе «Теория экономического развития в истории экономической мысли» говорит: «Задолго до Маршалла такого рода эффекты находились в центре различных изысканий Листа по вопросу о развитии производительных сил. Лист был бурной, трагической личностью, он был полон романтических предрассудков и склонен к диким преувеличениям, а допускавшееся им искажение идей его интеллектуальных противников, особенно Адама Смита, почти комично в силу своей ошибочности. Но будучи освобожденным от шума и ярости, его тезис содержит зерно истины: стимулирование определенных отраслей промышленности в конкретных исторических условиях может вести за собой рост производственного потенциала, который не может быть измерен лишь стоимостью известной продукции или увеличением стоимости капитала. На мой взгляд, его преувеличения и искажения принесли немало вреда, особенно в той мере, в какой они способствовали распространению экономического национализма в Европе. Но на этом основании нельзя отказывать его основному тезису в известной аналитической ценности»**.

* *List F. Werke, Sthriften, Briefe. Band 6. S. 54.*

** *Robbins L. The Theory of Economic Development in the History of Economic Thought. L., 1968. P. 116–117.*

Оригинальность и научная ценность трудов Листа состоит в серьезной разработке хозяйственно-политической проблемы о трудностях и факторах экономического роста слаборазвитых стран.

24.5. Протекционизм и свобода торговли

Капитал по самой своей природе космополитичен. Но эта его черта действует в диалектическом единстве с воинствующим национализмом, также органически присущим капиталу. «Но две души живут во мне!», – как сказано у Гете. Это единство и этот конфликт сопровождают все развитие капитализма, действуют они и в современных условиях. Если классики с большой силой выразили первую тенденцию капитала, то Лист выразил вторую.

В предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс рассказывает, каким путем он, будучи в 1842–1843 гг. редактором «Рейнской газеты», под давлением фактов и необходимости обратился к экономическим проблемам. Среди событий, которые «дали первые толчки... занятиям экономическими вопросами», он называет «дебаты о свободе торговли и покровительственных пошлинах»*.

В этих дебатах Фридрих Лист принимал самое активное участие. Любопытна деталь: до того как Маркс стал редактором «Рейнской газеты», издатели пытались привлечь на это место Листа, но он отказался, сославшись на нездоровье**.

В дальнейшем Маркс и Энгельс в своей практической и литературной деятельности вынуждены были неоднократно обращаться к проблеме свободы торговли и протекционизма. При этом они рассматривали также идеи Листа. Невысоко оценивая Листа как теоретика и подвергая критике буржуазно-апологетическую суть его учения, основоположники марксизма все же считали его самым выдающимся немецким экономистом той эпохи.

Дискуссия о свободе торговли отражает борьбу внутри класса буржуазии, а также между буржуазией разных капиталистических стран. Свобода торговли и протекционизм – лишь две разновидности классовой политики, в равной мере направленные на увеличение прибылей капиталистов путем эксплуатации рабочего класса. Но это не значит, что пролетариат и его партии могут устранить от самой проблемы, предоставить ее целиком бур-

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

** *Fabianke G.* Zur historischen Rolle des deutschen Nationalökonomen Friedrich List (1789–1846). S. 35.

жуазным экономистам и политикам. Рабочему классу вовсе не безразлично, какими темпами и в каких формах развивается в стране промышленность. А развитие промышленности в немалой степени зависит от торговой политики.

Политика свободы торговли прогрессивна с точки зрения рабочего класса постольку, поскольку она способствует развитию капитализма в мировом масштабе, росту его производительных сил. Прежде всего это может при известных условиях содействовать улучшению материального положения рабочего класса. Но в конечном счете суть дела заключается в том, что ускоренное развитие капитализма одновременно развивает его противоречия, поднимает на более высокую ступень конфликт между производительными силами и производственными отношениями и тем самым готовит гибель капитализма как системы. В 1847 г. Маркс говорил: «...мы стоим за свободу торговли, потому что с введением ее все экономические законы с их самыми поразительными противоречиями будут действовать в более широкой сфере, на более обширной территории, на территории всего мира; и потому, что сплетение всех этих противоречий в единый клубок, где они столкнутся, породит борьбу, которая в свою очередь завершится освобождением пролетариата»*.

Но позиция за свободу торговли ни в коем случае не может считаться универсальной, применимой к любой ситуации и любым конкретным условиям. В Германии середины прошлого века свобода торговли могла лишь увековечить промышленную отсталость страны, содействовать консервации остатков феодализма. Протекционизм мог быть в конечном счете выгоден рабочему классу как средство ускорения капиталистического развития и преодоления феодальных порядков. Маркс подчеркивал, что Лист и его последователи требуют покровительства не для мелкого кустарного производства, а для крупной капиталистической промышленности, где ручной труд вытесняется машинами, а патриархальное производство заменяется современным. В конце этого пути Маркс видел, однако, не торжество мощного германского капитала, а социальную революцию. По схожим причинам Энгельс в несколько более позднюю эпоху считал в принципе прогрессивной протекционистскую торговую политику Соединенных Штатов.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 266–267.

24.6. Историческая школа

Национальная душа, национальный характер, национальная судьба – эти и подобные им понятия пронизывали всю общественную мысль Германии конца XVIII и XIX в. Что может быть более национальным, чем *история*? Увлечение историей было также своеобразной реакцией на рационалистическую философию прошлого века, которая рассматривала все, что было до нее, т. е. феодализм и его институты как противоестественные явления, порожденные невежеством, недостатком просвещения.

Лист оказал на немецкую историческую школу политической экономии сильное влияние, которое может быть сведено к трем моментам: 1) вслед за Листом «историки» рассматривали политическую экономию не как науку об общих законах развития хозяйства, а как науку о национальном хозяйстве, подчеркивая при этом определяющую роль государства; 2) они критически относились к классической школе и к ее последователям, выступая, в частности, против космополитичности и абстрактности их теорий; 3) они исходили из концепции стадий экономического развития страны.

Однако они пошли дальше Листа, создав особый *исторический метод* в политической экономии, который сыграл в дальнейшем значительную роль в развитии этой науки, особенно в Германии и в США. Идеи исторической школы становятся понятнее, если учесть коренные пороки той политической экономии, которая была представлена буржуазными рикардianцами в Англии и школой Сэя во Франции. Их теории стоимости и доходов вполне могли казаться либо безнадежной путаницей, либо бессодержательным упрощением. Им действительно был чужд историзм, взгляд на экономическое развитие общества как на эволюционный процесс. Абстракция человека-счетчика, разумного эгоиста, освобожденного от всех прочих качеств, была неубедительна. «Космополитизм» этих экономистов, особенно английских, отражал господствующую роль Англии на мировом рынке. «Историки» хотели, чтобы в центр экономической науки был поставлен конкретный человек с его сложной психикой и моралью, с национальными и историческими чертами.

Но в условиях феодально-буржуазной Германии первой половины XIX в. и под пером прусских профессоров этот закономерный протест неизбежно должен был принять реакционный характер.

Историческая школа отказывалась от метода научной абстракции как основного метода исследования в политической экономии. Она отказывалась от познания всеобщих объективных законов общественного развития, возводя в абсолютный принцип национальные особенности. Особая об-

ласть экономической науки подменялась неопределенной и зыбкой сферой, включающей историю, этику, право, психологию, политику, этнографию.

В истории экономической науки есть свои штампы. Историческую школу принято представлять в виде троицы в составе Рошера, Гильдебранда и Книса, как будто они работали совместно. В более серьезных исследованиях показывается, что между этими тремя авторами имеются большие различия, что они не составляли «школу» в смысле личного и прямого общения, что кроме них в том же направлении работали многие другие. На деле все было гораздо сложнее.

Тем не менее в главных вопросах теории все три профессора следовали общему направлению и были его виднейшими представителями. *Вильгельм Рошер* в ранней (1843 г.) работе «Очерк политической экономии с точки зрения исторического метода» изложил некоторые основные положения будущего исторического метода. Однако Рошер принял многие положения классических английских и французских экономистов, которые устраивали его. В результате получалась лишенная какого-либо стержня мешанина. Таков же Рошер и в своих последующих работах.

За свою долгую жизнь Рошер написал целую библиотеку, в которую, в частности, входят две большие и выполненные с ученой тщательностью работы по истории экономической мысли. Почти 50 лет он был профессором в Лейпциге и пользовался почетом в правительственных и ученых кругах.

Жизнь *Бруно Гильдебранда* в первой ее половине была более бурной. От преследований реакционного правительства Гессена (одно из германских государств) он вынужден был бежать в Швейцарию, где преподавал в университетах Цюриха и Берна. Гильдебранд основал первую статистическую службу в Швейцарии. Он вернулся в Германию в 1861 г. и до конца жизни был профессором в Иене. С исторической школой его связывает главным образом книга «Национальная экономия настоящего и будущего», опубликованная в 1848 г. Гильдебранд более резко и систематически, чем Рошер, критиковал классическую школу и более агрессивно внедрял исторический метод. Он оказал большое влияние на развитие исторической школы в более позднюю эпоху.

Деятельность *Карла Книса* в значительной мере выходит за пределы рассматриваемой эпохи, поскольку он работал в 60–90-х гг. Однако его главная работа в духе исторической школы – «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» вышла в 1853 г. Книс более 30 лет профессорствовал в Гейдельберге.

В 70-х гг. более молодое поколение немецких ученых во главе с *Густавом Шмоллером* образовало так называемую новую историческую школу. К Кнису и Шмоллеру тянулись люди, искавшие третьего пути – помимо субъективной

школы («неоклассиков») и социализма. Они имели немало последователей и в англосаксонских странах.

Ученые исторической школы много сделали в области конкретных экономических исследований. Они широко вводили в свои работы исторический и статистический материал. Однако их бичом были описательство, ползучий эмпиризм, поверхностность. Историческая школа с самого начала выступала против любых социалистических учений. Став в Германской империи своего рода государственным научным направлением, она сделалась врагом марксизма, быстро распространявшегося в Германии.

24.7. Особый случай: Родбертус

Из письма Карла Родбертуса И. Целлеру: «Вы увидите, что это уже очень недурно использовано... Марксом, который меня, конечно, не цитирует»*. В другом письме Родбертус заявляет, что он раньше Маркса показал происхождение прибавочной стоимости и сделал это короче и яснее. Эти письма были опубликованы после смерти Родбертуса, но до смерти Маркса.

Обвинения Родбертуса, высказанные, впрочем, лишь в частных письмах, были известны Марксу. Но он ограничился, по свидетельству Энгельса, лишь ироническим замечанием по этому поводу. Вскоре после смерти Маркса немецкие катедер-социалисты, профессора, которые проповедовали мирное сотрудничество классов под эгидой твердой государственной власти, попытались воскресить этот вопрос. Их цель состояла в том, чтобы скомпрометировать учение Маркса и ослабить его влияние. Поэтому Энгельс, издавая второй том «Капитала», оставшийся в авторской рукописи, свое предисловие посвятил главным образом опровержению домыслов о приоритете Родбертуса. Ответ был исчерпывающий и окончательный. Шумпетер счел нужным отметить в этой связи: «Я не думаю, что есть сколько-нибудь серьезные основания оспаривать данное Энгельсом опровержение тезиса, будто Маркс «заимствовал» у Родбертуса»**.

Вместе с тем в трудах и письмах основоположников марксизма мы находим высокие оценки вклада, сделанного Родбертусом в общественную науку, его научной смелости и научной честности. Родбертус анализировал капитализм с социалистических позиций, но многое роднило его с утопистами, о которых речь пойдет ниже. Известно, что в молодости он испытал сильное влияние Сен-Симона.

* Цит. по: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 10.

** Schumeter J. History of Economic Analysis. P 506.

Родбертус родился в 1805 г. в Грейфсвальде, на севере Германии, изучал право в университетах Геттингена и Берлина, служил судебным чиновником. Оставив вскоре службу и поездив по Европе, он в 1836 г. поселился в купленном им имении Ягецов в Померании, где и прожил с небольшими перерывами до конца дней. Энгельс в одном из писем 1883 г. говорит о Родбертусе: «Этот человек когда-то близко подошел к открытию прибавочной стоимости, его поместье в Померании помешало ему сделать это»*. Конечно, вовсе необязательно помещик должен выражать идеологию класса помещиков. Но Родбертус, став помещиком, действительно эволюционировал вправо.

В 1842 г. Родбертус опубликовал книгу «К познанию нашего государственно-хозяйственного строя». Именно здесь он «чуть не открыл» прибавочную стоимость. Например, он пишет: «Если производительность труда настолько велика, что кроме необходимых средств существования рабочего он может произвести еще многие потребительские блага, то этот избыток становится рентой, т. е. присваивается без труда другими лицами, если существует частная собственность на землю и капитал. Другими словами: принципом получения ренты является частная собственность на землю и капитал»**.

Надо отдать должное Родбертусу: сказано неплохо. Но это свидетельствует лишь о том, что он хорошо усвоил Смита и Рикардо и взял у них ряд научных, глубоких положений. Разумеется, этим он принципиально отличается от представителей исторической школы и других современных ему немецких экономистов. Но не более того.

Маркс тоже отталкивается от Смита и Рикардо, но там, где у Родбертуса мы видим отдельные, хоть и полезные, кирпичики, подобранные у английских классиков, Маркс построил стройное здание пролетарской политической экономии. Кроме того, как убедительно показал Энгельс, Маркс не знал до 1859 г. экономических трудов Родбертуса.

Считать прибыль и земельную ренту плодом неоплаченного труда рабочих – вовсе еще не значит создать научную теорию прибавочной стоимости. Английские социалисты-рикардианцы шли дальше Родбертуса в этом вопросе, но и они не создали такую теорию. Родбертус не трактовал свою «ренту» как всеобщую форму прибавочного продукта при капитализме. Он не объяснил особую природу купли-продажи рабочей силы. Он не был последователен в трактовке «ренты» как эксплуататорского дохода. Наконец, Родбертус фактически не пошел дальше Рикардо в постановке вопроса об усреднении прибыли – важнейшего вопроса, решенного марксовой теорией цен производства.

* Маркс К. и Энгельс Ф. Письма о «Капитале». М., 1968. С. 401.

** Родбертус К. К познанию нашего государственно-хозяйственного строя. Пять теорем. М., 1935. С. 115.

Как все социалисты и демократы, Родбертус восторженно встретил события 1848 г. Он был членом прусского ландтага и первого общегерманского парламента во Франкфурте, лидером левоцентристской фракции, сторонником радикальных реформ. В течение короткого времени он занимал министерский пост в либеральном прусском правительстве Ганземана. Для победившей контрреволюции и готовой к компромиссам с властями буржуазии Родбертус оказался слишком левым и был вынужден удалиться в свое померанское поместье. После этого он не принимал активного участия в политической жизни.

Экономические идеи Родбертуса, помимо указанной выше работы, изложены главным образом в четырех «Социальных письмах», составляющих большой том. Первые два письма были опубликованы в 1850 г., третье – в 1851 г., четвертое – после смерти автора.

В своих сочинениях Родбертус продолжал то, что плохо удалось ему в свое время в практической политике. Он видел ряд опасных сторон капитализма, особенно его тенденцию сохранять нищету народных масс. Как он сам писал, необходимо искать способ «оградить капитал... от опасностей, проистекающих по его собственной вине». Он призывал капиталистов дать рабочему классу известную долю плодов, приносимых повышением производительности труда. При таких условиях, считал он, может быть достигнут «компромисс между трудом и собственностью на землю и капитал».

25. ПРЕКРАСНЫЙ МИР УТОПИСТОВ: СЕН-СИМОН И ФУРЬЕ

Во все времена были люди, мечтавшие о лучшей жизни для человечества и верившие в ее возможность на земле. К действительности своего времени эти люди относились критически. Нередко им приходилось бороться с этой действительностью, и они становились героями и мучениками. Выступая против современного им общества, они анализировали и критиковали социально-экономический строй этого общества. Предлагая переустройство общества, эти люди пытались обрисовать и обосновать более справедливый и гуманный строй. Их идеи выходят за пределы политической экономии, но они играют важную роль и в этой науке.

Социалистические и коммунистические идеи развивались во многих произведениях XVI–XVIII вв., разных по своим научным и литературным достоинствам и по своей судьбе. Но это была лишь предыстория утопического социализма. Свой классический период он переживает в первой половине XIX в.

К этому времени буржуазные отношения достаточно развились, чтобы вызвать к жизни развернутую и глубокую критику капитализма. В то же время классовая противоположность между буржуазией и пролетариатом еще не выявилась в полной мере, представлялась в виде более общего конфликта между богатством и бедностью, жестокой силой и бесправием.

25.1. От графа до нищего

Клод Анри Сен-Симон де Рувруа родился в Париже в 1760 г. и вырос в наследственном замке на севере Франции. Он получил хорошее домашнее образование. Свободолюбие и твердость характера рано проявились в юном аристократе. В 13 лет он отказался от первого причастия, заявив, что не верит в таинства религии и не собирается лицемерить. Скоро в нем обнаружилась еще одна черта, немало удивлявшая родных: убеждение в своем высоком общественном призвании. Существует рассказ о том, что 15-летний Сен-Симон приказал своему слуге ежедневно будить его словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела».

Но до великих дел еще далеко, а пока Сен-Симон, как это принято в их роду, поступает на военную службу и около трех лет ведет скучную гарни-

зонную жизнь. Избавление от нее для молодого офицера приходит, когда он отправляется в Америку добровольцем в составе французского экспедиционного корпуса, посланного в помощь восставшим колониям.

Во Францию он вернулся героем и скоро получил под командование полк. Блестящая карьера открывалась перед молодым графом Сен-Симоном. Но эта праздная жизнь скоро наскучила ему. Путешествие в Голландию, а затем в Испанию выявляет новое лицо Сен-Симона – лицо искателя приключений и прожектера. Создается впечатление, что его неуемная энергия и изобретательный ум, еще не найдя подлинного назначения, ищут себе выхода в этом прожектерстве. В Голландии он готовит военно-морскую экспедицию для отвоевания у англичан Индии. В Испании составляет проект большого канала для соединения Мадрида с морем.

Воспитанный на идеях энциклопедистов и на опыте американской революции, Сен-Симон с энтузиазмом принял события 1789 г. Около двух лет Сен-Симон довольно активно участвует в революции, однако только «на местном уровне»: он живет в маленьком городке вблизи от бывшего родового поместья. О потере поместья он не сожалеет, а от графского титула и древнего имени официально отказывается и принимает имя гражданина Бонома (bonhomme – простак, мужик).

В 1791 г. в жизни гражданина Бонома происходит резкий и на первый взгляд опять-таки странный поворот. Он уезжает в Париж и вступает на поприще земельных спекуляций, которые в этот период приняли огромные масштабы в связи с распродажей собственности, конфискованной государством у дворян и церкви. В партнеры себе он выбирает знакомого ему еще по Испании немецкого дипломата барона Редерна. Успех превосходит все ожидания. К 1794 г. Сен-Симон уже очень богат, но здесь на его голову опускается карающая десница якобинской революции. Контрреволюционный термидорианский переворот спасает узника от гильотины. Проведя около года в тюрьме, он выходит на свободу и вновь пускается в спекуляции. В 1796 г. совместное богатство Сен-Симона и Редерна оценивается в 4 млн франков.

Но на этом карьера преуспевающего спекулянта обрывается. В Париж возвращается барон Редерн, благоразумно скрывшийся за границу во время террора, и предъявляет свои права на все их совместное состояние, поскольку операции велись от его имени. После долгих споров Сен-Симон вынужден удовлетвориться отступным в 150 тыс. франков, которые дает ему Редерн.

Увлеченный большими успехами естественных наук, Сен-Симон с обычным для него жаром и энергией берется за их изучение. Остаток своего богатства он использует на содержание дома, где принимает крупнейших ученых Парижа. В течение нескольких лет Сен-Симон путешествует по Европе. При-

мерно к 1805 г. окончательно выясняется, что от его денег ничего не осталось, и он оказывается на грани бедности.

Печать большой оригинальности лежит и на первом печатном произведении Сен-Симона – «Письмах женеважского обитателя к современникам» (1803 г.). Это уже утопический план переустройства общества, хотя изложенный в зачаточной, туманной форме.

25.2. Учитель

Последние 20 лет жизни Сен-Симона наполнены лишениями, борьбой и интенсивным творчеством. Оказавшись без средств, он стал искать любой заработок и одно время работал переписчиком бумаг в ломбарде. В 1808 г. Сен-Симон выпустил свою вторую работу – «Введение к научным трудам XIX века».

В 1810–1812 гг. Сен-Симон дошел до предела нужды. Он писал, что продал все свое имущество, вплоть до одежды, что кормится он одним хлебом и водой и не имеет топлива и свечей. Однако чем труднее ему приходилось, тем упорнее он работал. Именно в эти годы окончательно формируются его взгляды на общество, которые он изложил в ряде зрелых работ.

Внимание публики было привлечено к Сен-Симону его брошюрой о послевоенном устройстве Европы. В ней Сен-Симон впервые выдвинул свой любимый тезис: «Золотой век человечества не позади нас, а впереди». Дальнейшая деятельность Сен-Симона посвящена его обоснованию.

Жизнь Сен-Симона несколько налаживается. У него появляются ученики и продолжатели. С другой стороны, проповедь мирного преобразования общества, обращенная к его просвещенным «вождям»-банкаирам, промышленникам, купцам, привлекает внимание некоторых людей среди этого класса, Сен-Симон получает возможность печатать свои сочинения, и они приобретают довольно широкую известность. Богатые последователи обеспечивают ему возможность жить в достатке и напряженно работать.

Но и в жизни, и в своих сочинениях Сен-Симон остается бунтарем, энтузиастом, человеком порыва и фантазии. Группа банкиров и богачей, давших деньги на издание одного из сочинений Сен-Симона, публично отмежевывается от его идей и заявляет, что он ввел их в заблуждение и обманул доверие. Вскоре после этого Сен-Симон попадает под суд по обвинению в оскорблении королевской фамилии: он напечатал «Притчу», в которой заявлял, что Франция ничего не потеряет, если вдруг волшебным образом бесследно исчезнут члены королевской фамилии, а заодно все аристократы, высшие чи-

новники, священники и т. д., но очень много потеряет, если исчезнут лучшие ученые, художники, мастера, ремесленники. Суд присяжных оправдал его, найдя здесь лишь забавный парадокс.

Если это трагикомический эпизод в жизни Сен-Симона, то попытка самоубийства в марте 1823 г. – подлинно трагический. В оставленной друзьям записке Сен-Симон говорит о своем разочаровании в жизни, вызванном слабым интересом людей к его идеям. Однако, едва поправившись после ранения, он вновь с жаром берется за работу и в 1823–1824 гг. издает свой самый законченный и отделанный труд – «Катехизис индустриалов». В течение 1824 г. Сен-Симон лихорадочно работает над своей последней книгой – «Новое христианство», стремясь дать будущему «обществу индустриалов» новую религию, берущую от христианства лишь его исходный гуманизм. В мае 1825 г., через несколько недель после выхода в свет «Нового христианства», Клод Анри Сен-Симон умер.

25.3. Сенсимонизм

Можно сказать, что сенсимонизм прошел в своем развитии четыре стадии. *Первая* представлена трудами Сен-Симона до 1814–1815 гг. В них – культ науки и ученых, довольно абстрактный гуманизм. Социально-экономические идеи сенсимонизма существуют лишь в зародыше.

Вторая стадия воплощается в зрелых трудах Сен-Симона последних 10 лет его жизни. В них Сен-Симон решительно отказывается признавать капитализм естественным и вечным строем и выдвигает тезис о закономерной смене его новым общественным строем, где сотрудничество людей сменит антагонизм и конкуренцию. Эта смена произойдет путем мирного развития «общества индустриалов», в котором будет ликвидирована экономическая и политическая власть феодалов и паразитических буржуа-собственников, хотя сохранится частная собственность. Сен-Симон все более склонялся к защите интересов самого многочисленного и самого угнетенного класса.

Сен-Симон считал, что современное ему общество состоит из двух основных классов – праздных собственников и трудящихся индустриалов. В этом представлении причудливо сплелись классовые противоположности феодального и буржуазного общества. Первый класс у Сен-Симона включает крупных землевладельцев и капиталистов-рантье, не участвующих в экономическом процессе. К ним примыкает возвысившийся за годы революции и империи слой военной и судейской бюрократии. Индустриалы – все прочие, составляющие вместе с семьями, по мнению Сен-Симона, до 96%

всего населения тогдашнего французского общества. Сюда входят все люди, занимающиеся любой общественно полезной деятельностью: крестьяне и наемные рабочие, ремесленники и фабриканты, купцы и банкиры, ученые и художники. Доходы собственников Сен-Симон считал паразитическими, доходы индустриалов – трудовыми. Если выразить это в политэкономических категориях, он соединял в доходах первых земельную ренту и ссудный процент, в доходах вторых – предпринимательский барыш (или всю прибыль) и заработную плату. Таким образом, Сен-Симон не видел классовой противоположности между буржуазией и пролетариатом или, во всяком случае, не считал ее значительной. Отчасти это объяснялось неразвитостью классов в начале XIX в., отчасти его стремлением подчинить всю свою теорию единой цели: сплочению подавляющего большинства нации для мирного и постепенного преобразования общества. Сен-Симон не выступал в принципе против частной собственности, а лишь против злоупотребления ею, и не предвидел ее ликвидацию в будущем обществе, а считал возможным установить над ней известный контроль со стороны общества.

Труды, пропаганда и практическая деятельность учеников в период от смерти Сен-Симона до 1831 г. представляют собой *третью* стадию сенсимонизма и, в сущности, его расцвет. Сенсимонизм становится подлинно социалистическим учением, поскольку он фактически требует ликвидации частной собственности на средства производства, распределения благ по труду и способностям, общественной организации и планирования производства. Наиболее полно и систематически эти идеи выражены в публичных лекциях, которые в 1828–1829 гг. читали в Париже ближайшие ученики Сен-Симона – С. А. Базар, Б. П. Анфантен, Б. О. Родриг. Эти лекции были впоследствии изданы под заглавием «Изложение учения Сен-Симона».

Ученики придали взглядам Сен-Симона на классы и собственность более очевидное социалистическое направление. Они уже не рассматривают индустриалов как единый и однородный социальный класс, а говорят, что эксплуатация, которой он подвергается со стороны собственников, всей своей тяжестью ложится на рабочего. Рабочий, пишут они, «эксплуатируется материально, интеллектуально и морально, как некогда эксплуатировался раб»*. Капиталисты-предприниматели здесь уже «участвуют в привилегиях эксплуатации».

Сенсимонисты связывают эксплуатацию с самим институтом частной собственности. В пороках общественной системы, основанной на частной собственности, они видят также главную причину кризисов и анархии производства, присущих капитализму. Правда, эта глубокая мысль не под-

* Изложение учения Сен-Симона. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 254.

тверждается каким-либо анализом механизма кризисов, но она является еще одним обоснованием их важнейшего требования – резкого ограничения частной собственности путем отмены права наследования. Единственным наследником должно быть государство, которое будет далее передавать производственные фонды предпринимателям как бы в аренду, по доверенности. Руководители предприятий превратятся тем самым в доверенных лиц общества. Так частная собственность постепенно преобразуется в общественную.

Новое слово сенсимонистов состояло также в том, что они стремились найти материальные основы будущего строя в недрах старого общества. Социализм, по их представлениям, должен был возникнуть как закономерный результат развития производительных сил. Такой зародыш будущей планомерной организации производства в интересах общества они видели в капиталистической кредитно-банковой системе. Правда, позже эти глубокие идеи сенсимонистов превратились в «кредитные фантазии» мелкобуржуазного и откровенно буржуазного характера. Но саму идею о том, что социалистическое общество может использовать созданный капитализмом механизм крупных банков для общественного учета, контроля и руководства хозяйством, классики марксизма-ленинизма считали гениальной догадкой.

В трудах Сен-Симона и его учеников мы не находим специальной трактовки основных категорий политической экономии. Они не анализировали создание и распределение стоимости, закономерности заработной платы, прибыли, земельной ренты. Отчасти они довольствовались принятыми представлениями буржуазной политэкономии той эпохи. Но главное заключалось в том, что их мысль развивалась в принципиально ином направлении и ставила иные задачи. Их заслуга в экономической науке заключается в том, что они выступили против основополагающей догмы буржуазных классиков и школы Сэя о естественности и вечности капиталистического строя. Тем самым вопрос о закономерностях хозяйства этого строя переносился в совершенно иную плоскость. Перед политической экономией была поставлена новая задача: показать, как исторически возник и развивался капиталистический способ производства, каковы его противоречия, почему и как он должен уступить место социализму. Сенсимонисты не могли решить эту задачу, но и постановка ее была большим достижением.

Период, начавшийся в 1831 г., представляет собой *четвертую* стадию и распад сенсимонизма. Не имея сколько-нибудь прочных позиций в среде рабочего класса, сенсимонисты оказались совершенно растерянными перед лицом первых революционных выступлений французского пролетариата. Еще более отдалила их от рабочего класса и даже от демократической учащейся молодежи религиозная сектантская окраска, которую принял сенсимонизм в эти годы. Анфантен стал «верховным отцом» сенсимонистской церкви, была

основана своеобразная религиозная коммуна, введена специальная униформа (застегивающиеся сзади жилеты). Возникли резкие расхождения внутри движения между различными группами последователей Сен-Симона. Споры сосредоточились вокруг вопроса об отношениях полов и положении женщины в коммуне. В ноябре 1831 г. Базар с группой своих сторонников вышел из церкви. Вскоре орлеанистское правительство, пришедшее к власти после Июльской революции 1830 г., организовало против Анфантена и его группы судебный процесс, обвинив их в оскорблении нравственности и в проповеди опасных идей. Анфантен был осужден на один год тюрьмы. Движение распалось организационно, некоторые его члены продолжали разрозненно и безуспешно проповедовать сенсимонизм, некоторые примкнули к другим социалистическим течениям, а иные превратились в добропорядочных буржуа.

Тем не менее влияние сенсимонизма на дальнейшее развитие социалистических идей во Франции, а отчасти и в других странах, было весьма велико. Сила сенсимонистов заключалась в том, что при всех нелепостях их религии они имели смелую и последовательную программу борьбы против буржуазного общества.

25.4. Трудная жизнь Шарля Фурье

Сочинения Фурье представляют собой единственное в своем роде явление в литературе общественных наук. Это не только научные трактаты, но и яркие памфлеты и невероятно изобретательные фантазии. Блестящая сатира сочетается в них со странной мистикой, пророческие предвидения – с почти бредовыми выдумками, широкие и мудрые обобщения – с докучливой регламентацией жизни людей будущего общества. Со времени появления главных трудов Фурье прошло полтора столетия. Сама жизнь отделила в творчестве Фурье мистику и беспочвенные фантазии от поистине гениальных идей о преобразовании человеческого общества.

Шарль Фурье родился в 1772 г. в Безансоне. Отец Фурье, состоятельный купец, умер, когда мальчику было 9 лет. Единственный сын в семье, он должен был унаследовать значительную часть состояния и дело отца. Но Шарль Фурье очень рано вступил в конфликт со своей средой и семьей. Обман и жульничество, с которыми была связана торговля, возмущали его уже в детские годы.

Образование Фурье получил в Безансоне, в учебном заведении иезуитов. У него были отличные способности к наукам, литературе, музыке. Позже он пытался поступить в военно-инженерную школу, но это ему не уда-

лось. В дальнейшем свои знания Фурье мог пополнить только путем чтения. В образовании Фурье остались пробелы, которые дали себя знать в его сочинениях. В частности, он никогда специально не изучал трудов английских и французских экономистов. Фурье познакомился с их идеями довольно поздно и из вторых рук – по журнальным статьям и из бесед со сведущими людьми. Он никогда и не пытался анализировать теории экономистов сколько-нибудь подробно, принципиально отвергая самый их дух, считая эти теории голой апологетикой гнусного «строения цивилизации», т. е. капитализма.

После долгих споров и попыток бунта 18-летний Фурье был вынужден уступить давлению семьи и начать службу учеником в большом торговом доме в Лионе. В этом промышленном городе ему было суждено провести значительную часть жизни, а наблюдения над общественными отношениями в Лионе помогли формированию его социально-экономических идей. В 1792 г., получив долю наследства отца, Фурье открыл собственное торговое дело.

Молодость Фурье проходила в годы революции. До этого великие исторические события, видимо, мало затрагивали его, но грозный 1793 г. перевернул всю жизнь молодого купца. Во время восстания Лиона против якобинского Конвента Фурье оказался в рядах восставших, а после капитуляции – в тюрьме. Все его имущество погибло. Из тюрьмы ему удалось освободиться, и он уехал в родной Безансон. В контрреволюцию юного Фурье привели, очевидно, не убеждения, а обстоятельства. Возможно, он был насильно мобилизован в войско мятежников.

Вскоре он вступил в революционную армию и полтора года служил республике. Уволенный из армии по состоянию здоровья (оно всю жизнь было у Фурье слабым), он нанялся коммивояжером в торговую фирму, а потом стал в Лионе мелким торговым маклером. В эти годы ему пришлось много ездить по Франции, наблюдать экономическую и политическую жизнь. Он видел, что на верхних ступеньках социальной лестницы место дворян заняли новые богачи – армейские поставщики, спекулянты, биржевики, банкиры. Новая фаза, в которую вступил «строй цивилизации», породила лишь новые бедствия и лишения для огромной массы населения.

В декабре 1803 г. Фурье опубликовал в лионской газете небольшую статью под заглавием «Всеобщая гармония», где возвещал о своем «удивительном открытии». Он писал, что на основе методов естественных наук откроем (или уже открыл) «законы социального движения», как другие ученые открыли «законы материального движения». Более полно идеи Фурье были изложены в вышедшей анонимно в 1808 г. в Лионе книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб».

При всей странности формы этого сочинения оно содержит основы «социетарного плана» Фурье, т. е. плана преобразования буржуазного общества в будущий «строй гармонии».

Книга Фурье осталась почти незамеченной, но это не уменьшило его энтузиазма. Он продолжал работать над развитием своих идей. Условия его жизни несколько облегчились после того, как в 1811 г. он перешел на государственную службу, а вскоре получил по завещанию матери небольшую пенсию. В 1816–1822 гг. Фурье жил в провинции, недалеко от Лиона. У него появились последователи. Впервые в жизни он мог работать в сравнительно спокойной обстановке.

Фурье пытался подробно разработать и обосновать устройство трудовых ассоциаций, которые он называл *фалангами*. Здание, в котором должны были жить, трудиться и отдыхать члены фаланги, называлось *фаланстером*. Фурье надеялся, что экспериментальные фаланги могут быть созданы немедленно, без изменения всего общественного строя. Живя в Париже, Фурье каждый день в объявленное время наивно ждал у себя дома богачей-жертвователей, на средства которых мог бы быть построен фаланстер. Разумеется, такие богачи не являлись.

Фурье вновь был вынужден зарабатывать себе на жизнь службой в конторах Парижа и Лиона. Лишь в 1828 г. ему удалось освободиться от постылого рабства благодаря материальной поддержке друзей и последователей. Он уединился в Безансоне и закончил там книгу, над которой работал уже несколько лет. Эта книга – «Новый хозяйственный и социетарный мир» (1829 г.) – лучшее произведение Фурье. К этому времени прошло четверть века после его первых литературных опытов. Развитие капитализма дало новую огромную массу материалов для его критики. Вместе с тем Фурье развивал свои взгляды на будущее общество, излагал их более популярно и в очищенном от мистики виде.

Последние годы жизни Фурье провел в Париже. Он продолжал напряженно трудиться. Мысль Фурье работала непрерывно и с большой творческой энергией, хотя его здоровье резко ухудшилось. Шарль Фурье умер в октябре 1837 г.

После 1830 г. существовало уже значительное фурьеристское движение, но тем не менее сам Фурье был очень одинок в свои последние годы. Нарастало отчуждение между ним и многими его учениками, стремившимися придать смелому учению Фурье беззубый реформистский оттенок. Для многих было трудно переносим его характер, в котором старость и болезни усиливали черты подозрительности, мнительности, упрямства.

С точки зрения буржуазного здравого смысла, Фурье, как и Сен-Симон, был, конечно, почти сумасшедшим. Остряки даже обыгрывали по этому по-

воду фамилии великих утопистов (saint – святой, fou – безумец). Но он был из тех безумцев, о которых сказал Беранже:

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет, –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

С точки зрения Шарля Фурье, безумным был в действительности мир, в котором он жил.

25.5. Этот безумный мир

Фурье сделал попытку представить историческую закономерность развития человеческого общества. История человечества от его появления до будущего общества гармонии выглядит у Фурье следующим образом*:

- Периоды, предшествующие производственной деятельности:
Раздробленное, обманное, отталкивающее производство
Социетарное, правдиво привлекательное производство
1. Первобытный, именуемый эдемом
 2. Дикость, или бездеятельность
 3. Патриархат, мелкое производство
 4. Варварство, среднее производство
 5. Цивилизация, крупное производство
 6. Гарантизм, полуассоциация
 7. Социантизм, простая ассоциация
 8. Гармонизм, сложная ассоциация

Внутри периода цивилизации Фурье выделял четыре фазы. Две первые представляют собой, в сущности, рабовладельческий и феодальный строй, а третья – капитализм свободной конкуренции, современный Фурье.

Как видим, Фурье не только в общем выделил основные стадии развития человеческого общества, но и увязал их с состоянием производства на каждой из этих стадий. Тем самым он прокладывает путь к введенному Марксом понятию общественно-экономической формации. Энгельс писал, что в понимании истории общества ярче всего проявилось величие Фурье.

* См: *Фурье Ш.* Избр. соч. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 15.

Что касается четвертой фазы цивилизации, то ее трактовка представляет собой пример одного из самых блестящих предвидений Фурье: он предсказал в своеобразной форме переход капитализма в монополистическую стадию, которую он называл торговым феодализмом. Проявляя незаурядный дар диалектического мышления, Фурье показывал, что свободная конкуренция закономерно превращается в собственную противоположность, ведет к монополии, которая представлялась ему в первую очередь в образе монополизации «новыми феодалами» торговли и банковского дела.

Фурье предъявил капитализму, который он называл миром навыворот, обвинительный акт, беспремерный по смелости и глубине для своей эпохи и сохраняющий отчасти свое значение даже для нашего времени. Но тут были и сила, и слабость Фурье. Живописуя преступления капитализма, он не мог открыть их коренную причину, поскольку не имел ясного представления о производственных отношениях и классовой структуре буржуазного общества. Подобно Сен-Симону Фурье считал предпринимателей и наемных рабочих единым трудовым классом. Правда, он включил фабрикантов в число «социальных паразитов», но лишь постольку, поскольку «добрая половина» их производит изделия плохого качества и обманывает общество и государство. Отсюда проистекала и его наивная идеалистическая вера в возможность мирного преобразования общества благодаря разуму, в частности путем принятия его учения сильными мира сего.

Вынужденный ради хлеба насущного заниматься коммерцией, Фурье питал прямо-таки патологическую ненависть к капиталистической торговле. Торговый и денежный капитал представлялся ему главным носителем эксплуатации и паразитизма в буржуазном обществе.

Капиталистическое производство Фурье характеризует как антисоциальное, разобщенное, раздробленное. В каком смысле? Единственная цель буржуазного производства – барыш предпринимателя, а не удовлетворение потребностей общества. Поэтому постоянной чертой капитализма является антагонизм интересов между индивидуальным производителем товаров и обществом. Конкуренция между предпринимателями отнюдь не служит интересам общества, как утверждают экономисты, а, напротив, разрушает его, создавая анархию производства, хаос и обстановку войны всех против всех. Погоня за барышом и конкуренция порождают чудовищную эксплуатацию наемных рабочих.

В росте пропасти между богатством и бедностью, в нищете среди изобилия Фурье видел также важнейшее доказательство краха буржуазной политической экономии с ее принципом свободы конкуренции.

«Строй цивилизации» превратил труд из нормальной жизнедеятельности человека, из источника радости в проклятье и ужас. В этом обществе все, кто

в состоянии это сделать, любыми правдами и неправдами избавляются от труда. Труд мелкого собственника – крестьянина, ремесленника, даже предпринимателя – это непрерывная борьба с конкурентами, отсутствие обеспеченности, зависимость. Но еще несравненно тяжелее труд наемного рабочего, труд подневольный и неспособный дать никакого удовлетворения человеку. С ростом производства, с его концентрацией и подчинением крупному капиталу такой труд становится все более преобладающим.

Фурье бичует отнюдь не только экономические язвы капитализма, но также его политику, мораль, культуру, систему воспитания. Особенно много и резко он писал о том, как извращает капитализм естественные, человеческие отношения полов и ставит женщину в неравноправное, угнетенное положение.

Вернемся теперь к таблице, где изображены периоды развития общества по Фурье. Мы видим, что между цивилизацией и гармонизмом Фурье помещал два переходных периода, которые он называл *гарантизм* и *социантизм*. Он много раз заявлял, что цель его заключается не в каких-то частных реформах строя цивилизации, а в уничтожении этого строя и создании принципиально нового общества. Но поскольку Фурье исключал революционный путь перехода и учитывал огромные трудности, он был согласен идти на компромисс и допускал, что людям цивилизации потребуется более или менее длительное время для создания гармонизма.

Основные черты первого переходного периода – гарантизма он намечал следующим образом. Частная собственность существенно не видоизменяется, но подчиняется коллективным интересам и контролю. Возникают частичные ассоциации, объединяющие группы семей для совместного труда, а также питания, отдыха и т. д. Как и все утопии Фурье, гарантизм не требует широких изменений в политическом устройстве, он может начаться при монархии абсолютной и конституционной, при республике и любом другом строе.

Фурье считал, что в самом строе цивилизации уже развились некоторые предпосылки гарантизма, что к этому направляется «гений строя цивилизации». Лишь заблуждения людей, и особенно воздействие буржуазных общественных наук, мешают переходу к гарантизму. С другой стороны, гарантизм, будучи установлен, быстро убедит человечество в преимуществах нового общественного устройства и подготовит его к строю полной ассоциации.

Но на гарантизм Фурье можно смотреть иначе: как на систему реформ, улучшающих капитализм, делающих его «сносным» и вовсе не подготовляющих его ликвидацию. Тогда учение Фурье превращается в заурядный реформизм, оно как бы становится в ряд идей, подготовивших современные концепции и практику буржуазного «государства благосостояния». Сам

Фурье протестовал бы против такого толкования его идей. Однако многие фурьеристы вели дело именно к этому.

В 30-х и отчасти в 40-х гг. XIX в. фурьеризм был главным социалистическим течением во Франции. Он оказался жизненнее сенсимонизма, поскольку был лишен религиозно-сектантской формы и выдвигал более близкие и реалистические идеалы, особенно производственно-потребительский кооператив в виде фаланги. Однако в среде французского рабочего класса учение Фурье имело слабые позиции и было распространено главным образом среди интеллигентной молодежи.

Революция 1848 г. толкнула фурьеристов на арену политической деятельности, где они заняли позиции, близкие к мелкобуржуазной демократии. Не поддержав народное восстание в июньские дни, они через год попытались выступить против правительства Луи Бонапарта, но были легко раздавлены. Немногие оставшиеся во Франции фурьеристы позже занимались кооперативной деятельностью. Историческая роль фурьеризма была исчерпана.

25.6. Облик грядущего

Сен-Симон оставил общий эскиз будущего общественного строя, Фурье разрабатывал его элементы с детализацией. Обе утопии во многом отличаются одна от другой, но имеют важнейшую общую черту: они рисуют социалистическое общество с рядом ограничений, из которых главным является сохранение частной собственности и нетрудового дохода. В обеих системах частная собственность должна, однако, радикально изменить свою природу и быть подчинена интересам коллектива, а нетрудовой доход постепенно приобрести черты трудового.

В настоящее время утопии Сен-Симона и Фурье интересны каждая по-своему. У Сен-Симона и его учеников замечательна идея центрально планируемой в масштабах страны экономики и системы управления ею на коллективных началах. У Фурье – анализ организации труда и жизни в отдельных ячейках социалистического общества.

Рассмотрим экономическую сторону утопии Фурье. Фаланга Фурье – это производственно-потребительское товарищество, сочетающее в себе черты коммуны с чертами обычного акционерного общества. Число участников фаланги вместе с детьми Фурье определял в разных работах от 1500 до 2000 человек. Он считал, что в таком коллективе будет иметь место необходимый и достаточный набор человеческих характеров для оптимального распре-

ления труда как с точки зрения склонностей людей, так и с точки зрения полезного результата. В фаланге сочетается сельскохозяйственное и промышленное производство с преобладанием первого.

Исходный фонд средств производства фаланга получает за счет взносов акционеров. Поэтому в ее состав должны входить капиталисты. Вместе с тем в фалангу принимаются бедняки, которые могут первоначально и не быть акционерами, а делать свой вклад трудом. Собственность на акции является частной. В фаланге сохраняется имущественное неравенство. Однако капиталист, став членом фаланги, перестает быть капиталистом в старом смысле. Общая обстановка созидательного труда вовлекает его в процесс непосредственного производства. Если он обладает талантом руководителя, инженера, ученого, общество использует его труд в этом качестве. Если нет, он работает по своему выбору в любой «серии» (бригаде). Но поскольку дети богатых и бедных воспитываются в одной здоровой среде, эти различия в следующих поколениях могут сгладиться. Крупные акционеры имеют некоторые привилегии в управлении фалангой. Но они не могут преобладать в руководящем органе, да и роль этого органа весьма ограничена.

Особое внимание уделял Фурье организации общественного труда. Отрицательные стороны капиталистического разделения труда он хотел ликвидировать путем частых переходов людей от одного вида труда к другому. Каждому человеку будет гарантирован известный жизненный минимум, в результате чего труд перестанет быть вынужденным, а станет выражением свободной жизнедеятельности. Появятся совершенно новые стимулы к труду: соревнование, общественное признание, радость творчества.

Богатство и доход общества стремительно возрастут, прежде всего благодаря увеличению производительности труда. Кроме того, исчезнут паразиты, работать будут все. Наконец, фаланга избавится от массы всякого рода потерь и непроизводительных затрат, неизбежных при старом строе. Общество будущего по Фурье – это подлинное общество изобилия, а также общество здоровья, естественности, радости. Аскетизм, который нередко связывался и связывается с представлениями о будущем обществе, был совершенно чужд Фурье.

В фаланге нет наемного труда и нет заработной платы. Распределение продукта труда (в денежной форме) совершается путем выдачи членам фаланги особого рода дивидендов по труду, капиталу и таланту. Весь чистый доход делится на три части: $5/12$ дохода достается «активным участникам работы», $4/12$ – владельцам акций, $3/12$ – людям «теоретических и практических знаний». Поскольку каждый член фаланги обычно относится сразу к двум, а иногда и к трем категориям, его доход складывается из нескольких форм. Оплата труда отдельного члена фаланги различна в зависимости от обще-

ственной ценности, привлекательности и неприятности выполняемой им работы. Однако оплата обычного (главным образом физического) труда более или менее уравнивается благодаря участию человека в разных «трудовых сериях»: если, к примеру, человек получает несколько меньше среднего как садовник, зато больше среднего – как конюх или свинарь.

Фактическую долю труда в распределении за счет капитала Фурье считывал несколько увеличить, особенно тенденции, путем введения дифференцированного дивиденда на акции различного типа. Но «рабочим акциям», которые покупаются в ограниченном количестве из мелких сбережений, он предлагал выплачивать высокий дивиденд, а по обычным акциям капиталистов – гораздо более низкий. Не ликвидировать частную собственность, а превратить всех членов общества в собственников и тем самым лишить частную собственность ее эксплуататорского характера и губительных социальных последствий – вот чего хотел Фурье.

Денежные доходы членов фаланги реализуются в товарах и услугах через торговлю, которая, однако, целиком находится в руках ассоциаций. Организация, выступающая от лица фаланги, ведет также торговлю с другими фалангами. Общественные арбитры устанавливают цены, по которым в розничной торговле продаются товары.

Система Фурье полна противоречий и зияющих пробелов. С чисто экономической точки зрения, многое в фаланге остается неясным и сомнительным, несмотря на стремление Фурье все предусмотреть и регламентировать. Каков характер и масштабы товарно-денежных отношений внутри фаланги? Как обмениваются ее подразделения продуктами своего труда, в частности как передаются в следующие стадии производства сырье и полуфабрикаты? Если здесь нет купли-продажи, а есть лишь какой-то централизованный учет (так можно понять Фурье), то для чего фаланге товарная биржа, которую он подробно описывает?

Неясно, как образуются общественные фонды потребления, которые должны играть в фаланге большую роль (школы, театры, библиотеки, затраты на празднества и т. п.). В фаланге как будто нет ни отчислений из совокупного дохода на подобные цели, ни налогов на личные доходы. У Фурье есть лишь намек, что богачи будут обильно жертвовать на общественные цели.

Еще важнее вопрос о накоплении и его социальных аспектах. Поскольку опять-таки не предусматривается отчислений из совокупного дохода на капиталовложения, фонд накопления, очевидно, может складываться лишь из индивидуальных сбережений членов фаланги, формой которых может быть покупка акций. Но капиталисты из своих высоких доходов (да еще при уравнительности потребления) могут сберегать гораздо больше, чем прочие члены фаланги. Поэтому должна действовать тенденция к концентрации капита-

ла и дохода. Возможно, опасаясь этого, Фурье и предложил описанную выше дифференциацию акций. Но в то же время, заботясь о привлекательности фаланг для капиталистов, он предусматривал возможность владеть акциями «чужих» фаланг. Вернее всего, эта система вновь и вновь рождала бы капитализм и самых настоящих капиталистов.

Эти и многие другие пороки системы Фурье заставляют сделать два главных вывода. *Во-первых*, утопический социализм не мог в силу исторических условий своего возникновения обойтись без мелкобуржуазных иллюзий и быть последовательным в проектах социалистического преобразования общества. *Во-вторых*, заведомо обречены на провал все попытки предписать людям будущего обязательный образ действий и поведения, подробно регламентировать их жизнь.

Но не иллюзии и промахи видим мы в первую очередь в трудах Фурье. Гений его заключался в том, что он, опираясь на свой анализ капитализма, показал ряд действительных закономерностей социалистического общества. Замечательны мысли Фурье об организации труда, о превращении труда в естественную потребность человека, о соревновании. Фурье поставил проблему уничтожения противоположности между физическим и умственным трудом. Сохраняют свое значение его мысли о рационализации потребления, о расширении сферы общественных услуг, об освобождении женщины от домашнего труда, о свободе и красоте любви людей социалистической эры, о трудовом воспитании подрастающего поколения.

26. РОБЕРТ ОУЭН И РАННИЙ АНГЛИЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

В гостинной был маленький, тщедушный старичок, седой как лунь, с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом – с тем голубым детским взглядом, который остается у людей до глубокой старости, как отсвет великой доброты.

Дочери хозяйки дома бросились к седому дедушке; видно было, что они приятели.

Я остановился в дверях сада.

– Вот, кстати, как нельзя больше, – сказала их мать, протягивая старику руку, – сегодня у меня есть чем вас угостить. Позвольте вам представить нашего русского друга. Я думаю, – прибавила она, обращаясь ко мне, – вам приятно будет познакомиться с одним из *ваших патриархов*.

– Robert Owen, – сказал, добродушно улыбаясь, старик, – очень, очень рад.

Я сжал его руку с чувством сыновнего уважения; если бы я был моложе, я бы стал, может, на колени и просил бы старика возложить на меня руки...

– Я жду великого от вашей родины, – сказал мне Оуэн, – у вас поле чище, у вас попы не так сильны, предрассудки не так закоснели... а сил-то... а сил-то!»*.

Так рассказывает А. И. Герцен о своей встрече в 1852 г. с Оуэном, которому тогда было за семьдесят.

26.1. Человек большого сердца

Роберт Оуэн родился в 1771 г. в маленьком городке Ньютаун (Уэльс) в семье мелкого лавочника, потом почтмейстера.

В семь лет учитель местной школы уже использовал его как своего помощника, но еще через два года школьное образование Оуэна навсегда закончилось. Он служил учеником и приказчиком в мануфактурных магазинах Стэмфорда, Лондона и Манчестера. Книжки удавалось читать только урывками.

Манчестер был в это время центром промышленной революции, особенно бурно развивалось здесь хлопчатобумажное производство. Для энер-

* Герцен А. И. Собр. соч. Т. XI. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 206–207.

гичного и дельного юноши, каким был Оуэн, скоро представилась возможность выйти в люди. Сначала он, взяв у брата взаймы деньги, открыл с одним компаньоном небольшую мастерскую, изготавливавшую прядильные машины, которые в то время быстро внедрялись в промышленность. Потом завел собственное крохотное прядильное предприятие, где работал сам с двумя-тремя рабочими. В 20 лет стал управляющим, а затем и совладельцем большой текстильной фабрики.

Будучи по делам фирмы в Шотландии, Оуэн познакомился с дочерью богатого фабриканта Давида Дэйла, хозяина текстильной фабрики в поселке Нью-Ланарк, близ Глазго. Брак с мисс Дэйл привел в 1799 г. к переселению Оуэна в Нью-Ланарк, где он стал совладельцем (вместе с несколькими манчестерскими капиталистами) и управляющим бывшей фабрики своего тестя. Как пишет Оуэн в своей автобиографии, он уже давно задумал свой промышленный и социальный эксперимент и прибыл в Нью-Ланарк с твердым планом.

Оуэн не посягал в то время ни на частную собственность, ни на капиталистическую фабричную систему. Но он поставил своей задачей доказать и доказал, что чудовищное наемное рабство и угнетение рабочих вовсе не являются необходимым условием эффективного производства и высокой рентабельности. Он только создал для рабочих элементарные человеческие условия труда и жизни, и отдача, как в виде повышения производительности труда, так и в виде социального оздоровления, оказалась разительной.

Оуэну приходилось вести постоянную борьбу со своими компаньонами, которые возмущались этими, с их точки зрения, нелепыми идеями и еще более нелепыми затратами и требовали, чтобы вся прибыль распределялась по паям. В 1813 г. ему удалось подыскать новых компаньонов, которые согласились получать твердый доход в размере 5% на капитал, а в остальном предоставили Оуэну полную свободу действий. К этому времени имя Оуэна было широко известно, а Нью-Ланарк стал привлекать толпы посетителей. Оуэн завел знакомства и нашел покровителей в самых высоких лондонских сферах: его мирная благотворительная деятельность еще мало кого беспокоила, а многим казалась неплохим способом разрешения острых социальных проблем. Первая книга Оуэна «Новый взгляд на общество, или Опыт о принципах образования человеческого характера» (1813 г.) была встречена благожелательно.

Но филантропия все менее удовлетворяла Оуэна. Он видел, что даже при известных успехах она бессильна разрешить коренные экономические и социальные вопросы капиталистической фабричной системы. Впоследствии он писал: «В немногие годы я сделал для этого населения все, что допускала фабричная система. И хотя бедный рабочий люд был доволен и, сравнивая свою

фабрику с другими фабричными предприятиями, а себя с другими рабочими, живущими при старой системе, считал, что с ним обращаются гораздо лучше, чем с другими, и больше о нем заботятся, и был вполне удовлетворен, однако, я понимал, что его существование жалко в сравнении с тем, что можно было бы создать для всего человечества при огромных средствах, находящихся в распоряжении правительства»*.

Непосредственным толчком для превращения Оуэна из капиталиста-благотворителя в проповедника коммунизма послужили дискуссии 1815–1817 гг., связанные с ухудшением экономического положения Англии, ростом безработицы и бедности. Переустройство общества Оуэн мыслил через трудовые кооперативные общины, несколько напоминающие фаланги Фурье, но основанные на последовательно коммунистических началах. Он обрушился с критикой на три опоры старого общества, которые стояли на пути этой мирной революции: на частную собственность, религию и существующую форму семьи. Наиболее полно свои идеи Оуэн высказал в «Докладе графству Ланарк о плане облегчения общественных бедствий», опубликованном в 1821 г.

Выступление против основ буржуазного общества потребовало от Оуэна большого гражданского мужества. Он знал, что вызовет ярость могущественных сил, но это не остановило его. С беззаветной верой в правоту своего дела он вступил на путь, с которого не сходил до конца дней. До странности наивный при всем своем трезвом реализме, он верил, что власть имущие и богатые должны быстро понять благодетельность его плана для общества. В эти и последующие годы Оуэн без конца предлагал его правительству Англии и американским президентам, парижским банкирам и русскому царю Александру I. Все усилия Оуэна были напрасны.

Разочаровавшись в английском «образованном обществе», не имея связи с рабочим движением тех лет, утратив даже свое влияние в Нью-Ланарке, Оуэн с сыновьями уехал в Америку. Он купил участок земли и основал в 1825 г. общину «Новая гармония», устав которой основывался на принципах уравнительного коммунизма. Практический склад ума и опыт помогли ему избежать многих ошибок, которые делали организаторы других подобных общин. Тем не менее это предприятие, поглотив почти все состояние Оуэна, окончилось провалом. В 1829 г. он вернулся на родину. Выделив некоторые средства своим детям (их было семеро), Оуэн в дальнейшем вел очень скромный образ жизни.

В эти годы бурно росли производственные и потребительские кооперативы, объединявшие ремесленников, а отчасти и фабричных рабочих. Оуэн

* Оуэн Р. Избр. соч. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 155.

скоро оказался во главе кооперативного движения в Англии. В 1832 г. он организовал Биржу справедливого обмена труда. Биржа принимала товары (как от кооперативов, так и от других продавцов) по оценке, основанной на затратах труда, и продавала другие товары на «трудовые деньги». В конце концов биржа обанкротилась, и Оуэну пришлось из своих средств покрывать убытки. Оуэн стоит у истоков и другого движения рабочего класса, которому было суждено большое будущее, – профсоюзного. В 1833–1834 гг. он руководил попыткой создания первого всеобщего национального профессионального союза, который объединял до полумиллиона членов. Организационная слабость, недостаток средств, сопротивление хозяев, имевших поддержку правительства, – все это привело союз к распаду.

Оуэн не был легким человеком в личном общении. Абсолютная убежденность в своей правоте делала его нередко упрямым и нетерпимым. Обаяние гуманистического энтузиазма в сочетании с деловитостью, которое так отличало Оуэна в молодости и зрелые годы, и привлекало к нему людей, отчасти уступило место навязчивому однообразию речей и мыслей. Сохранив до смерти большую ясность ума, он не избежал старческих странностей. В последние годы жизни Оуэн увлекся спиритизмом, стал склонен к мистике. Но он сохранил обаяние доброты, которое отметил Герцен. Всю жизнь он очень любил детей. Взгляды Оуэна на воспитание сохраняют значение и в наше время.

После 1834 г. Оуэн не играл большой роли в общественной жизни, хотя продолжал много писать, издавал журналы, участвовал в организации еще одной общины и неумолимо проповедовал свои взгляды. Его последователи образовали узкую секту, нередко выступавшую с довольно реакционных позиций.

Осенью 1858 г. Оуэн, имея от роду 87 лет, поехал в Ливерпуль и на трибуне митинга почувствовал себя плохо. Отлежавшись в течение нескольких дней, он вдруг решил отправиться в свой родной город Ньютаун, где не был с детства. Там он и умер в ноябре 1858 г.

26.2. Оуэн и политическая экономия

Оуэн был первым, кто сделал из принципов классической школы антикапиталистические выводы. Впрочем, из буржуазной классической политэкономии Оуэн брал лишь то, что было ему нужно для его системы, игнорируя и даже прямо отвергая многое другое. Экономических вопросов он касается в своих сочинениях походя, не занимаясь ими специально. Оуэн был практик и свои экономические идеи пытался осуществить в жизни.

В основе взглядов Оуэна лежит трудовая теория стоимости Рикардо: труд есть создатель и мерило стоимости; обмен товаров должен осуществляться по труду. Но в отличие от Рикардо он считает, что фактически при капитализме обмен не совершается по труду. По его мнению, обмен по труду предполагает, что рабочий получает полную стоимость произведенного им товара. В действительности этого нет и в помине.

Но для объяснения нарушения «справедливого» закона стоимости Оуэн обращается к идеям, которые напоминают чуть ли не Буагильбера: во всем виноваты деньги, это искусственное мерило стоимости, вытеснившее мерило естественное – труд.

Политическая экономия Оуэна нормативна в самой предельной степени: все эти соображения нужны ему только для обоснования предлагаемой им меры – введения трудовой единицы в качестве мерила ценности, обмена товаров на основе этого мерила, отказа от употребления денег. Это, по мнению Оуэна, разрешит самые трудные проблемы общества. Рабочий будет получать справедливое вознаграждение за свой труд. Поскольку вознаграждение, получаемое трудящимися, будет соответствовать истинной стоимости товаров, станут невозможны перепроизводство и кризисы. Такая реформа выгодна отнюдь не только одним рабочим, в ней заинтересованы также землевладельцы и капиталисты.

Каким именно образом деньги превращают «справедливый» обмен в сплошной обман? Чем в конечном счете определяются цены, если товары обмениваются не по количеству труда, заключенного в каждом из них? Откуда возьмутся доходы капиталиста и землевладельца, если рабочий будет получать всю стоимость создаваемого его трудом продукта? Такие вопросы Оуэну можно задавать бесконечно, и даже приближения к ответу мы у него не найдем.

Экономические взгляды Оуэна были бы, очевидно, несколько не выше мелкобуржуазных иллюзий об устранении зол капитализма путем реформы одной лишь сферы обращения, особенно путем устранения денег, если бы они не были у него неразрывно связаны с его планом радикального преобразования общества, включая производственные отношения. Оказывается, справедливый обмен по трудовой стоимости требует ликвидации капиталистической системы! Лишь в будущем обществе без частной собственности рабочий будет отдавать свой труд «по полной стоимости». В таком случае отпадает и вопрос о капиталистах и землевладельцах. Они выиграют от переустройства общества не как капиталисты и землевладельцы, а как люди.

Маркс и Энгельс отличали утопию Оуэна от других утопий той эпохи, подчеркивая ее коммунистический характер.

Как мы видели, системы Сен-Симона и Фурье не были до конца социалистическими. В их будущем обществе оставалась частная собственность с теми

или иными ограничениями, оставались и капиталисты, в той или иной форме распоряжающиеся средствами производства и получающие доход от капитала. Система Оуэна не только носит последовательно социалистический характер, но и рисует вторую, высшую фазу коммунизма, где полностью ликвидирована частная собственность и даже всякие классовые различия, существует обязательность труда для всех и, на основе роста производительных сил, распределение по потребностям. Оуэнова утопия совершенно лишена религиозной и мистической окраски, ее отличает известный реализм, порой даже деловой практицизм.

Ячейкой коммунистического общества у Оуэна является небольшая кооперативная община. Частная собственность и классы в общинах полностью отсутствуют. Единственное различие, которое может создавать известное неравенство и в труде, и в распределении, – это «различие в возрасте и опытности». Механизм распределения Оуэн почти не описывает, делая несколько неясных замечаний об обмене продуктами по труду внутри общины и ограничиваясь указанием, что при изобилии «каждому можно будет разрешать свободное получение из общих складов всего ему потребного». Много внимания Оуэн уделяет формированию нового человека, причем изменение психологии он связывает прежде всего с материальными факторами – ростом богатства и удовлетворения потребностей.

Выходя за пределы общины, Оуэн пытался обрисовать общество, объединяющее большое количество таких ячеек. Между ними существует значительное разделение труда, а взаимный обмен осуществляется на основе трудовой стоимости. Для целей этого обмена какой-то союз общин будет выпускать особые трудовые бумажные деньги под обеспечение товарами на складах. В представлении Оуэна это новое общество должно было в течение какого-то времени сосуществовать со «старым обществом» и его государством, платить последнему налоги и продавать этому обществу товары на обычные деньги.

Оуэн обходил важнейший вопрос о том, каким образом, от кого получат общины исходные средства производства, в том числе землю. Его иногда можно понять в том наивном смысле, что средства производства будут безвозмездно переданы общинам государством или разумными капиталистами. Но в другом месте он более реалистично говорит, что членам общины придется «оплачивать проценты на капитал, потребный для того, чтобы дать им работу». Выходит, от капиталистов общинам избавиться не удастся. В лучшем случае общины могут сохранить при себе предпринимательский доход, поскольку сами будут управлять производством, но ссудный процент – отдай!

Система Оуэна утопична и потому полна противоречий и непоследовательностей. Но без их ошибок, как и достижений, был бы невозможен прогресс в общественной науке.

27. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В США

27.1. Английские колонии в Америке

За Колумбом в Америку сначала двинулись испанцы и португальцы. Они устремились в Южную и Центральную Америку, где было золото и серебро, богатство в «чистом» виде, где уже существовали первые государства, города, где были собраны значительные ценности. Жители этих стран выращивали различную тропическую экзотику, находившую хороший сбыт в Европе.

Колонизацию Северной Америки начали голландцы, французы и англичане. Французские и голландские купцы выменивали у индейцев пушнину, получая огромные прибыли, но это не создавало крупных поселений за океаном. Французская и голландская колонизация не стала массовой, потому что французские крестьяне прочно сидели на земле и не стремились за океан, голландские фермеры – тоже. Кроме купцов, создающих на новой земле свои фактории, за океан из этих стран устремлялись лишь разного рода авантюристы, но они не могли составить основу развития хозяйства в Новом Свете.

Территория Канады уже в 1535 г. была объявлена владением французского короля, но первое французское поселение здесь возникло только в 1604 г., а в 1608 г. был основан город Квебек, после чего на огромной территории страны стали рождаться немногочисленные фактории и редкие поселения.

Английская колония Нью-Йорк до 1664 г. была голландской и называлась Новыми Нидерландами. Она была основана в 1621 г. голландской Вест-Индской компанией. В 1626 г. эта компания «купила» у индейцев остров Манхэттен за набор ножей, бус и безделушек, стоивших 60 гульденов, где и был основан город Новый Амстердам.

Чтобы быстрее заселить новые владения, компания приглашала сюда колонистов на льготных условиях: она оплачивала их переезд через океан, выделяла бесплатно участки земли. Купцы вывозили отсюда меха на сотни тысяч гульденов, но даже в 1647 г. здесь насчитывалось всего 50 ферм. В 1664 г. Новый Амстердам был захвачен англичанами, и на месте Новых Нидерландов возникли три английские колонии: Нью-Йорк, Нью-Джерси и Делавер. Нью-Амстердам стал теперь Нью-Йорком – столицей будущих Соединенных Штатов Америки.

Первые английские поселения на берегах Атлантики возникли уже в конце XVI в., но ни одно из них не сохранилось до 1607 г., когда появилось первое поселение, которое в действительности и положило начало английской колонизации Америки.

Так, еще в 1585 г. фаворит Елизаветы Уолтер Рэйли основал колонию, назвав ее в честь королевы-девственницы Виргинией. Но когда через 5 лет, в 1590 г. туда прибыл английский корабль, ни одного колониста там не оказалось: все они погибли частью от голода, частью от рук индейцев. От колонии осталось лишь название Виргиния, которое было передано следующим поселениям англичан на этом месте.

В 1606 г. король пожаловал хартию на колонизацию Виргинии Лондонской и Плимутской компаниям. Предполагалось, что первые годы колонисты будут работать совместно на компанию, получая все необходимое с ее складов. Колония Плимутской компании просуществовала недолго, разделив судьбу колонии Рэйли. Колония Лондонской компании выжила. До 1610 г. сюда было завезено 500 поселенцев. К весне этого года их осталось 50. Эта колония и стала теперь называться Виргинией. В 1635 г. здесь уже насчитывалось 5 тыс. колонистов.

Следующим крупным шагом английской колонизации Нового Света стало прибытие к американским берегам корабля «Мэйфлауэр» («Майский цветок») с пуританами – «пилигримами». Пуритане со своей проповедью равенства и отказа от земных благ не могли ужиться в Англии с Англиканской церковью, подвергались гонениям, от которых и отправились за океан, надеясь создать здесь идеальное общество. Они высадились в 1620 г. севернее Виргинии и основали поселение Новый Плимут. Так возникла группа колоний под общим названием Новая Англия. Осенью 1621 г. «пилигримы» собрали первый урожай и устроили праздник «День благодарения», который до сих пор считается национальным праздником США. Иметь среди своих предков одного из «пилигримов», прибывших сюда на «Мэйфлауэр», в США и поныне считается очень престижным.

В соответствии со своим учением они решили вести хозяйство на коллективных началах, т.е. вся продукция у них поступала на общие склады и потом делилась поровну. Однако надолго их коллективных устремлений не хватило: на третий год они разделили землю на частные владения.

Испанцев в Америку влекли легенда об Эльдорадо, золото. Главным стимулом английской колонизации была земля, огромные пространства плодородной земли, к тому же расположенной в благоприятном для европейцев умеренном климате

«Огораживания» лишали земли английских крестьян, и они теперь искали потерянную землю за океаном. Но у них не было средств, чтобы пере-

правиться через океан и создать хозяйство на новом месте. Именно поэтому организацию колоний брали в свои руки акционерные компании из купцов, такие как Плимутская и Лондонская. Крестьяне подписывали контракт с такой компанией, компания их перевозила через океан, снабжала необходимыми средствами производства, а за это крестьяне должны были отработать долг, в течение пяти-семи лет выполняя повинности в пользу компании.

Следует оговориться, что речь идет о бывших крестьянах, которые теперь составляли армию безработных бродяг, создававших криминальную обстановку в Англии. Поэтому рекомендовалось в первую очередь вывозить в колонии «бездельников» и «бунтовщиков».

Такие подписавшие контракт люди назывались «сервентами», что на русский обычно переводится термином «кабальные слуги». Да, «сервус» – слуга, но «серв» – раб. Почему их называли не «кабальными работниками»? Потому что до наступления капитализма не было сословия наемных рабочих. Каждый имел свое дело – ремесленную мастерскую или крестьянское хозяйство. Работать на другого значило быть слугой.

Сервенты жили в «общем доме», работали коллективно, получая со склада продукты по норме. Предполагалось, что по истечении контракта каждый получит душевой надел в 50–100 акров и будет вести собственное хозяйство.

Высший слой колонистов составляли служащие компании, администрация. Они захватывали наделы в сотни акров. Средний слой составляли фримены. К этой категории относились акционеры компании (на каждую акцию тоже полагалось 50 акров), а также люди, оплатившие свой переезд через океан. Они тоже получали душевой надел, но если такой фримен перевозил за свой счет и других переселенцев, то за каждого из них ему полагался дополнительный душевой надел.

Наконец, низший слой составляли сервенты. Ко времени войны за независимость три четверти колонистов были из сервентов.

Состав колонистов пополнялся ссыльными. За 150 лет колониального периода в Америку было отправлено 50 тыс. осужденных. Если такой осужденный мог оплатить судебные издержки и переезд через океан, здесь он становился свободным колонистом, если не мог – «белым рабом»: чтобы компенсировать затраты правительства, таких продавали в рабство богатым колонистам или колониальным компаниям обычно на срок в семь лет. Таким образом, положение «белых рабов» почти не отличалось от положения сервентов.

В Новой Англии иногда возникали корпоративные колонии. Организованная группа переселенцев на свои средства перебиралась через океан, приобретала здесь определенную территорию, часть земли (пастбища, леса) оставляла в общем пользовании, а остальную часть делила на семейные

участки. Корпоративными колониями были, в частности и колонии пилигримов – пуритан.

Верховным собственником земли в колониях считалось государство в лице короля, в том числе и в колониях, основанных акционерными компаниями. Но в Европе глава государства, монарх, раздавал эту землю своим вассалам, обеспечивая их службу и преданность. Поэтому и здесь король раздавал земли своим приближенным, лордам.

В 1632 г. барон Балтимор получил от короля территорию будущего штата Мерилэнд со столицей в городе Балтиморе. В названии столицы сохранилось имя первого владельца земли. В 1682 г. Вильяму Пенну была пожалована территория будущего штата Пенсильвания. В 1663 г. Каролина была разделена между восемью придворными, а в 1673 г. – Виргиния между двумя лордами. В конечном итоге 90% территории колоний оказалось в собственности «лордов-собственников», т.е. лендлордов.

В сущности, правительство просто переносило в колонии сложившуюся в Англии систему: лендлорды и фермеры-арендаторы. Можно ли считать это системой феодального землевладения? Люди, которые селились и вели хозяйство на земле такого собственника, были обязаны платить ему так называемую «квит-ренту», которую можно рассматривать и как феодальную ренту, и как арендную плату. Никаких других повинностей для поселенцев не существовало. Но ведь и в Англии лорды не вели свое хозяйство, поэтому барщина там не практиковалась.

Но, с другой стороны, лорды-собственники в колониях наделялись административными правами, присущими государственной власти, что соответствовало феодальной системе вассалитета. Например, лорд Балтимор «имел право объявлять войну, заключать мир... миловать преступников и жаловать титулы» [6, с. 69].

Квит-рента была невысокой: в Виргинии она составляла всего 12 пенни в год за 50 акров, а в Виргинии – 2 шиллинга за 199 акров (40 га).

Но колонисты были в принципе против ренты и прав лордов-собственников. Они хорошо знали, что значит вести хозяйство не на своей земле, они бежали сюда от английских порядков, поэтому сопротивлялись введению таких же порядков здесь. Лорды-собственники к тому же не могли контролировать переданные им огромные территории, да обычно и жили не здесь, а в Англии. А лорд Балтимор, владелец Мерилэнда, например, был католиком, т.е. исповедывал враждебную колонистам религию.

Поэтому большинство поселенцев или не платили ренты, или даже захватывало землю, не регистрируя ее у администрации. Вблизи западных границ колоний они просто выгоняли сборщиков ренты.

Возникло движение левеллеров – «уравнителей», которые считали, что право на землю принадлежит всем и следует ее делить поровну между всеми. Нередко происходили восстания против прав лордов-собственников.

В 1689–1692 гг. колонисты Мериленда подняли вооруженное восстание против лорда Балтимора, разогнали местные правительственные вооруженные силы и захватили власть. Правительство было вынуждено перевести колонию в собственность короны. В 1719 г. подняли восстание против лордов-собственников фермеры Южной Каролины. Их вооруженные отряды захватили Чарльстон, столицу колонии. Король был вынужден выполнить требование восставших и принять колонию под свою власть. К середине XVIII в. большинство владений лордов-собственников перешло в собственность государства. Квит-рента сохранилась, но теперь она уже была государственным земельным налогом.

27.2. Хозяйство колоний

Как уже очевидно из сказанного, английские колонии в Америке рождались как аграрные. 90–95% населения было занято в сельском хозяйстве. Но важную роль для метрополии составляли также лес и пушнина.

Меха выменивались у индейцев за бесценнок, причем главную роль в этом обмене играл ром. «За порцию рома стоимостью в полшиллинга можно купить у них мех, какого не получишь в обмен на другой товар даже стоимостью в 15 шиллингов» [7, с. 37] – писал Пенн. Это обеспечивало огромные прибыли купцам, но не занимало основную массу колонистов и не порождало крупных поселений. Полученные богатства уходили в метрополию

Для самих колонистов более важную роль играли рыбный и лесной промыслы. Прибрежные воды Америки были еще не истощены, а Европа нуждалась в рыбе, особенно во время постов. Ловили в основном треску. Добыча делилась на три части: самая крупная и жирная рыба, которую труднее солить и вялить, шла в пищу на месте, стандартная рыба средних размеров отправлялась в Европу, а мелкая и попорченная сбывалась на юг в пищу рабам.

Лес для экономики XVIII в. играл такую же роль, как уголь и железо для развитого капиталистического хозяйства. Но в Англии леса были уже в значительной степени вырублены, а оставшиеся находились во владениях лендлордов, которые, конечно, продавали лес для вырубки по крайне высоким ценам. Поэтому в Англии не хватало леса для строительства флота, а здесь были нетронутые лесные массивы. Так как везти лес через океан на парусных судах было дорого и сложно, суда строили в Америке. К тому же в Америке

не хватало денег, поэтому английские купцы привозили сюда промышленные товары, а плату за них вывозили натурой: на вырученные деньги строили суда и загружали их местными товарами для Европы. Считается, что треть судов английского флота к концу XVIII в. была построена в Америке. Верфи давали работу и местному населению

Но лес был нужен не только для судостроения. В числе первых промышленных предприятий были лесопилки, а промыслы по производству дегтя и скипидара также давали экспортную продукцию.

Но для судостроения нужны были и металлические припасы: гвозди, скобы, цепи, якоря. Да и для самих колонистов многое приходилось готовить на месте: те же гвозди, сельскохозяйственные орудия, металлическую посуду. Все это вызвало развитие металлургии и металлообработки. Во второй половине XVIIIв. колонии стали вывозить железо в Англию, а к 1775 г. по выплавке металла обогнали Англию.

Рано здесь развилась и шерстяная промышленность, потому что для колонистов-англичан это было привычное производство. Способствовало развитию отрасли и то, что привозимые из Англии шерстяные ткани продавались здесь по вздутым ценам. Из-за дороговизны тканей даже одежду колонисты часто готовили из кожи: брюки и жилеты для мужчин, юбки для женщин. Не является ли нынешняя мода на кожаную одежду ностальгическим воспоминанием о тех временах?

Развитию промышленности в колониях способствовало и то обстоятельство, что в годы английской буржуазной революции сократился приток промышленных товаров из метрополии. Многие изделия, необходимые для быта колонистов, теперь приходилось готовить на месте. Один английский автор за год до провозглашения независимости писал, что перевозка некоторых товаров из Англии «обойдется вдвое дороже, чем они стоят; такие изделия, конечно, изготавливать в самой колонии» [7, с. 93]. На базе кустарных промыслов и мелких мастерских в XVIIIв. стало развиваться мануфактурное производство.

Экономика колоний становилась все более самодовлеющей, независимой от метрополии. Англии – колонии по-прежнему были нужны: отсюда шел поток сырья и полуфабрикатов, но сами колонии вполне могли обойтись без английского импорта. Англия колониям теперь была не нужна. Это послужило экономической основой борьбы колоний за независимость. Традиционные связи с Англией слабели еще и потому, что усилился приток переселенцев из других стран Европы.

Хозяйственная специализация отдельных колоний была различной. В этом отношении английские колонии принято делить на три группы.

В северных колониях условия для земледелия были наименее благоприятны. Они были расположены в зоне лесов, а лесные почвы не очень плодородны, да и расчистка леса под пашню – дело трудное. Зато здесь имелись оптимальные возможности для развития промышленности, поэтому именно на севере и развивалась промышленность. Северные колонии давали 75% промышленной продукции колоний. Впрочем, 90% населения и здесь занималось сельским хозяйством.

В средней группе колоний, расположенных в зоне прерий, были очень плодородные земли. Здесь развивалось сельское хозяйство фермерского типа. Плодородие земли было еще нетронутым, почва давала прекрасные урожаи даже при примитивной технике земледелия. Удобрений здесь не применяли. Орудия труда были самыми примитивными. Известно, что население платило премию тому хозяину, который первым заводил плуг. Тем не менее, по свидетельству современников, пшеница и ячмень достигали высоты в два с лишним метра, и урожаи были намного выше, чем в Англии. Хорошие урожаи давали не только зерновые. Современник писал, что персиков здесь «так много, что свиньи на ферме едят их сколько хотят, и тем не менее огромное их количество гниет под деревьями».

Южная группа колоний располагалась в субтропиках. Жаркий и влажный климат был не очень благоприятен для выращивания пшеницы, зато здесь очень хорошо рос табак, на который в Европе был большой спрос. Колонисты высчитали, что площадь, засеянная табаком, дает в шесть раз больше дохода, чем площадь, засеянная пшеницей. Главную роль в хозяйстве этой группы колоний стали играть табачные плантации.

Привлечь белое население к работе на этих плантациях было явно невозможно, поэтому плантации обрабатывались трудом негров, привозимых из Африки, как это практиковалось в расположенных южнее испанских колониях. Естественно, что рабовладельческие плантации были намного крупнее фермерских хозяйств. Расходы на надсмотрщиков, на средства по обработке табака оправдывались только при достаточно крупном хозяйстве. Было подсчитано, что минимальный предел рентабельной табачной плантации – 400 га, но обычно плантация занимала до 2000 га и больше. Владельцы таких плантаций составляли «виргинскую аристократию» – аристократию Нового Света.

Объединить в одном поселке владельцев таких больших хозяйств было, конечно, невозможно, поэтому обычным видом населенных пунктов на юге были поместья плантаторов.

Табак в основном производился для экспорта в обмен на английские промышленные товары. Такого рода обмен на давал стимула к производству промышленных изделий, поэтому промышленность на юге почти не разви-

валась. Но обмен был неравноценным: сырье стоит дешевле готовых изделий. В середине XVIII в. долг колоний Англии составлял 5 млн фунтов стерлингов, и 5/6 этого долга приходилось на долю плантаторов юга.

27.3. Предпосылки и последствия войны за независимость

Таким образом, хозяйство колоний успешно развивалось, причем развитие шло не совсем тем путем, который намечался метрополией. Колонии становились все более экономически независимыми от Англии. Английское правительство принимает меры, чтобы сохранить их как аграрный придаток, как источник сырья и рынок сбыта для английской промышленности. Но это рождает неразрешимые противоречия между Англией и колонистами.

Одна группа противоречий касалась земли. В 1763 г. английское правительство объявило землю за Аппалачами, невысокой горной цепью, проходящей параллельно побережью, собственностью английской короны и запретило колонистам туда переселяться. Одной из мотивировок запрета была защита индейцев: ставилось препятствие захвату их земель колонистами.

Новые поселенцы должны были арендовать землю у лордов-собственников и попадать к ним в зависимость. В этом и заключался расчет английского правительства: отрезать путь к новым землям и поставить колонистов в зависимость от крупных собственников земли, которые были опорой Англии в колониях. Естественно, это встречало сопротивление колонистов.

Вторая группа противоречий касалась промышленности. «Все, что наше королевство может ожидать от северных колоний, это сокращать развитие мануфактур, в которых состриженная с овец шерсть превращается в ткань, снятый с земли лен – в полотно и кружева, содранная с животного шкура – в готовые кожаные изделия, добытая из земли железная руда – в разнообразные предметы, какие изготавливаются в Шеффилде и Бирмингеме, то же самое в других отраслях, – писал уже упомянутый английский автор, следует, не применяя насилия, подавить развитие этих мануфактур» [7, с. 93].

Чтобы затормозить развитие промышленности в колониях, Англия запретила там некоторые производства, например, металлообработку. Выплавка чугуна приветствовалась, чтобы вывозить его в Англию, но не производство металлических изделий. Чтобы задержать развитие текстильной промышленности, правительство запретило ввоз в колонии прядильных и ткацких машин, а продукцию текстильной промышленности запрещалось вывозить из колоний.

Но главное – вывозить американские товары разрешалось только в Англию на английских судах и ввозить европейские товары – только из Англии

на английских судах. В результате торговля колоний с внешним миром стала монополией английских купцов, которые могли диктовать цены колонистам и получать дополнительные прибыли. Именно поэтому здесь шерстяные ткани и продавались по непомерно вздутым ценам.

В 1764 г. английский парламент наложил запрет на выпуск бумажных денег в колониях, что затормозило развитие здесь товарно-денежных отношений. Колонии испытывали хроническую нехватку звонкой монеты. За колониальные товары Англия не платила деньгами, а обменивала их на свои промышленные изделия. Поэтому в обращении здесь были не столько фунты стерлингов, сколько испанские реалы и французские деньги. Вместо денег использовались табак, бобровые шкурки и даже индейские ожерелья из раковин. Это обстоятельство усиливало зависимость от метрополии.

Нарастание этих противоречий и послужило причиной войны американских колоний за независимость. Война продолжалась с 1775 по 1783 г. и закончилась образованием Соединенных Штатов Америки.

Началась она с «бостонского чаепития», когда жители Бостона отказались покупать доставленный в порт чай по вздутым ценам и вместо этого сбросили его в бухту. В ответ английские корабли блокировали Бостонский порт, отрезав колонию Массачусетс от поступления каких бы то ни было товаров. Это послужило толчком к объединению колоний в действиях против английского правительства. Повсеместно стали создаваться вооруженные отряды добровольцев для противодействия расквартированным в колониях английским войскам, и произошли первые столкновения.

Эти милицейские отряды использовали заимствованную у индейцев тактику рассыпного строя и партизанской войны, атакуя противника в самых неожиданных местах. Английские же войска, как и было принято в то время, действовали сомкнутыми колоннами.

В 1774 г. был созван первый Континентальный конгресс, первый объединенный орган колоний: ведь до этого каждая колония существовала как нечто самостоятельное. Конгресс принял «Декларацию прав», в которой признавалась зависимость от Англии, но содержалось требование прав колонистов «на жизнь, свободу и собственность». Война уже шла, но конгресс «не замечал» этого.

Только 2-й Континентальный конгресс в 1775 г. провозгласил «Декларацию независимости», объявил состояние войны с Англией и принял постановление о создании регулярной армии. Главнокомандующим был назначен Вашингтон, представитель плантаторской виргинской аристократии.

Из 56 лиц, подписавших «Декларацию независимости», 30 были юристами, 13 – купцами, 6 – землевладельцами, 3 – промышленниками, 2 – военны-

ми, в также один врач и один директор колледжа. Ни одного фермера или ремесленника в составе конгресса не было.

Таким же был состав и Конституционного Конвента, который в 1787 г. принял конституцию, ставшую основой государственной жизни США. Эта конституция защищала права собственности, но не гарантировала соблюдение гражданских прав человека. И лишь под давлением низов населения в 1791 г. были приняты первые 10 поправок к конституции, получившие название Билля о правах.

В Англии первоначально предполагали, что разгромить мятежников в колониях будет нетрудно. Один британский генерал заявлял, что с тысячей гренадеров он пройдет «из одного конца Америки в другой [5, с. 130]. После первых поражений армии стало очевидно, что тысячей гренадеров не обойдешься. Было решено отправить в колонии 20-тысячный корпус. Но в Англии удалось набрать только 5–6 тыс. солдат. Тогда стали набирать войско в Германии. Германские феодалы охотно продавали своих крепостных в солдаты, но боеспособность такого войска была довольно низкой. Солдаты из крепостных нередко переходили на сторону противника, тем более, что, кроме свободы, они там получали еще и землю. Британская армия терпела одно поражение за другим, и в 1783 г. Англия признала независимость колоний.

Война за независимость имела значение буржуазной революции: она ликвидировала те пережитки феодализма, которые пыталось здесь насаждать английское правительство. Земли короля, лордов-собственников и колониальных компаний были конфискованы в пользу народа, белые рабы и сервенты получили свободу, а все ограничения торговли и промышленности были ликвидированы.

27.4. Американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве

Добившись независимости, янки усиливают экспансию на запад. Они не только захватывают земли индейцев, отесняя и истребляя их, но также захватывают или «покупают» имевшиеся на тихоокеанском побережье владения Испании, Франции и России. И России, потому что у России тоже были владения в Калифорнии (знаменитый Форт Росс). Появлялись новые штаты: Индиана, Миссисипи, Иллинойс, Алабама, Мэн. Первоначальная территория США выросла более чем в три раза.

Идейной основой захватов стала доктрина Монро, принятая в 1823 г. Согласно этой доктрине мир делился на два полушария – на европейскую

и американскую системы. «Мы будем рассматривать любую попытку с их (европейских держав) стороны распространить свою систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия и безопасности» – гласила доктрина [5, с. 298]. Со своей стороны, США провозгласили политику невмешательства в дела Старого Света.

С одной стороны, доктрина была направлена против колониализма европейских государств, но, с другой, – служила обоснованием экспансии самих Соединенных Штатов. Защищая страны Латинской Америки от европейского колониализма, США создавали заповедник для своей охоты.

Показателем этого служили захваты США в Мексике. Мексика уже была самостоятельной республикой, независимой от европейских колониалистов, поэтому агрессия США здесь не оправдывалась доктриной Монро.

Началось с мирного проникновения. На территорию Техаса переселялось все больше американских колонистов, «пока их не стало больше, чем мексиканцев», – писал современник. Они практически установили контроль над Техасом. В 1836 г. США добились вывода мексиканских войск из Техаса, а в 1844 г. Техас был присоединен к США. В результате последовавшей затем войны США с Мексикой к США отошли Орегон, Калифорния, Аризона и Новая Мексика – земли, превосходившие территорию Германии и Франции вместе взятых.

Захваченные земли объявлялись государственной собственностью. От имени государства они продавались участками по 640 акров (260 га). Поскольку такой большой участок мог купить не каждый, да и был он слишком велик для фермерского хозяйства. Предполагалось, что подобная продажа ослабит поток переселенцев на запад. Дело в том, что сильный отлив людей на запад грозил оставить уже экономически освоенные восточные штаты без рабочих рук. Но из этого замысла ничего не получилось.

Во-первых, развернулась спекуляция землей. Покупались крупные участки, делились на мелкие и перепродавались по повышенной цене.

Во-вторых, на запад двинулась волна переселенцев, которые не собирались покупать землю. Они становились скваттерами – захватчиками земли.

Они двигались на запад караванами фургонов, по дороге отбивая нападения индейцев. Каждый фургон представлял громоздкое сооружение размером с железнодорожный товарный вагон. В такой фургон запрягали 4, 6 или 10 лошадей. После долгого тяжелого пути переселенцы добирались до благоприятного места, строили поселок, начинали распахивать землю. Так рождались небольшие городки, изображаемые обычно в вестернах. Фермер не мог жить на своей ферме: он там был беззащитен перед набегами индейцев и просто бандитов: ведь государственные законы здесь, на западе, не дей-

ствовали. А в таком агрогородке фермер был членом сплоченного боееспособного коллектива.

Переселенцы бойкотировали государственную распродажу земли, и если кто-нибудь покупал землю, которую они уже заняли, скваттеры в лучшем случае его выгоняли.

Они представляли там, на западе, главную силу. Правительство вынуждено было идти на уступки: стало продавать землю небольшими участками по 160 и даже по 40 акров. Однако скваттеры заявляли, что земля – «божья», что правительство никаких прав на нее не имеет.

Тогда правительство капитулировало полностью. По закону 1862 г. каждый гражданин США мог получить бесплатно, только заплатив за оформление 10 долларов, участок земли в 160 акров (65 га), при условии, что он будет на этой земле вести хозяйство. Такие участки были названы гомстедами.

Это и положило начало американскому пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Американский путь – это путь развития фермерских хозяйств на собственной земле. Американский фермер имел существенные преимущества перед английским: часть доходов английского фермера уходила в виде арендной платы землевладельцу, американский же мог тратить эту часть на повышение уровня своего хозяйства

Здесь стали широко применяться сельскохозяйственные машины, причем их было больше и они были лучше, чем в Европе, стали вводиться научные системы земледелия. Только за вторую половину XIXв. площадь обрабатываемых земель в США выросла в 3,5 раза и во столько же раз увеличилось производство зерна. Из США в Европу хлынул поток дешевого хлеба, разоря европейских хозяев. В истории это получило название мирового аграрного кризиса.

Кроме хлеба из Америки экспортировалось большое количество консервированного мяса, особенно свинины. Свинину сначала коптили или солили в бочках, а потом научились готовить консервы. На изготовлении консервов первоначально и вырос город Чикаго. Свиноводство развивалось в основном на западе. Зерно отсюда вывозить было невыгодно: перевозка к портовым городам атлантического побережья настолько увеличивала его стоимость, что оно уже не могло конкурировать с зерном восточных штатов. Поэтому зерно скармливали свиньям или перегоняли в виски. Виски и консервы – товар дорогой, компактный, и перевозка такого товара ненамного повышала его стоимость.

27.5. Особенности промышленного переворота

Промышленный переворот в США начался в конце XVIIIв., но происходил в особых условиях.

Одним из этих условий был постоянный приток эмигрантов из Европы. Если бы не это обстоятельство, американская промышленность не имела бы рабочих: здесь не происходило обезземеливание крестьян. Эту сторону первоначального накопления и заменяла эмиграция из Европы. Разорялись крестьяне в Европе, а уж потом эмигрировали в Америку. Эмигранты приносили сюда технический опыт своих стран, и в США сливались технические достижения Европы.

Другим условием переворота был хронический недостаток рабочих, потому что происходил отлив рабочих на запад, в фермеры, процесс, обратный этой стороне первоначального накопления. Люди сюда приезжали не для того, чтобы оставаться наемными рабочими. Сначала они нанимались на предприятия, осматривались, но при первой возможности отправлялись на запад. Недостаток рабочих ускорял промышленный переворот: дефицит рабочей силы повышал уровень заработной платы, а когда труд дорогой, его было выгоднее заменять машинами.

Поэтому американцы не только быстро перенимали европейскую технику, но многие изобретения рождались здесь, в Америке. Перечислим лишь некоторые из них: пароход, телеграф, косилка, жатка, трактор, револьверный станок, ротационная машина, швейная машина, бессемеровский процесс, турбина и т.д.

Как и в большинстве европейских стран, переворот начался здесь с хлопчатобумажной промышленности. В 90-е гг. XVIIIв. английский рабочий Слейтер, приехав в Америку, по памяти восстановил чертеж ватерной машины, одной из первых прядильных машин, и основал фабрику. Первоначально на этой фабрике у него работало всего 7 мальчиков и 2 девочки моложе 12 лет, и их зарплата составляла меньше 50 центов в день.

Приехав сюда без копейки, за 40 лет Слейтер накопил более 690 тыс. долларов.

Эти же годы американский учитель Уитни изобрел хлопкоочистительную машину, и здешняя хлопчатобумажная промышленность получила особенно дешевое сырье. К середине XIX в. переворот в хлопчатобумажной промышленности был закончен, и США по производству хлопчатобумажных тканей вышла на второе место в мире после Англии.

Успешно в США развивалось и машиностроение, особенно сельскохозяйственное: масса фермерских хозяйств представляла такой рынок для

этой отрасли, какого не могло быть ни в одной из европейских стран. 65 га гомстеда было невозможно обработать вручную – требовались машины. На международных выставках 50-х гг. американские жатки и молотилки оказывались в 2–3 раза производительнее европейских

К концу 50-х гг. промышленность США давала больше продукции, чем сельское хозяйство

Особенно важным для США был переворот на транспорте: связать отдельные части огромной территории, хозяйственно освоить земли Дальнего Запада стало возможным только с помощью железных дорог и пароходов. В 1807 г. по реке Гудзон начал ходить первый пароход Роберта Фултона. К середине XIX в. переворот на транспорте был завершен: все грузы водным путем перевозились пароходами, а по длине железных дорог США заняли 1-е место в мире. Правда, здесь топливом для паровозов все еще служили дрова: они здесь были дешевыми.

Необходимым условием машинной индустрии является развитие финансово-кредитной системы. Она здесь рождалась с большими трудностями.

Война за независимость потребовала огромных расходов. Для их покрытия выпускались бумажные деньги, но не было института, на который бы опирались эти деньги. Они не имели обеспечения и обесценивались. К 1780 г. они сохранили лишь сороковую часть номинальной стоимости, а через три года совершенно потеряли ценность.

Чтобы получить необходимые средства, правительство стало собирать с населения недоимки по налогам. За неуплату должников сажали в тюрьмы и принудительно продавали их фермы. Это вызвало народное восстание. Повстанцы захватывали здания судов, освобождали заключенных, а в 1789 г. даже штурмом взяли государственный арсенал в Спрингфилде.

Новое восстание, связанное с финансовыми проблемами, произошло в 1791 г. Для пополнения казны правительство ввело высокий акциз на производство виски. Производством виски, как уже сказано, в основном занимались фермеры запада. Восставшие фермеры сожгли дом акцизного инспектора, и против фермеров была брошена 15-тысячная армия с артиллерией.

Но постепенно и финансовые дела налаживались. В 1781 г. был учрежден Банк Северной Америки – первый в стране коммерческий банк. В 1791 г. начали действовать акционерный банк США, первая фондовая биржа и государственный монетный двор. Был введен единый для всей страны металлический доллар. В 1815 г. в стране насчитывалось уже 208 банков с капиталом в 82,3 млн долларов.

27.6. Экономические причины и последствия гражданской войны

Переворот в хлопчатобумажной промышленности оживил рабовладельческие плантации юга. Дополнительно к табаку и больше, чем табак, теперь там стали выращивать хлопок. Однако в середине XIX в. хозяйство плантаций стало испытывать серьезные трудности. Земля истощалась, потому что табак и хлопок сильно истощают почву., а применение передовой агротехники было несовместимо с рабовладением.

Поэтому плантаторы стремились на запад, на новые, еще не истощенные земли. Однако одновременно на запад двигались и свободные фермеры северных штатов. Вставал вопрос, кому достанутся эти земли – плантаторам-рабовладельцам или фермерам. И первые столкновения между Югом и Севером произошли там, на западе. Когда основывался новый штат и вставал вопрос, разрешать в нем рабовладение или нет, он нередко решался с оружием в руках.

Противоречие между Югом и Севером заключалось и в другом. Буржуазия Севера стремилась ликвидировать экономическую зависимость от Европы, развивать промышленность, а для этого защищать внутренний рынок страны высокими протекционистскими пошлинами. Плантаторы Юга были против. Они хотели без пошлин сбывать в Европу свои хлопок и табак и без пошлин, т.е. дешево, покупать европейские промышленные товары. Вопрос о пошлинах был в сущности вопросом о пути дальнейшего развития страны: или США будут развиваться как аграрный придаток Европы, или станут самостоятельным индустриальным государством.

Были и другие противоречия политического и даже этического порядка. Аболиционисты, боровшиеся за ликвидацию рабства, о пошлинах не говорили.

Война 1861–1865 гг. началась с того, что Конфедерация южных рабовладельческих штатов объявила о выходе из Союза, т.е. о государственном отделении южных штатов от северных.

Южане надеялись выиграть войну, считая, что Европа заставит северян пойти на уступки, чтобы не лишаться поступления хлопка. Один из деятелей-южан говорил перед началом войны: «Без единого пушечного выстрела и не обнажая меча, мы можем поставить на колени весь мир. Хлопок правит миром». Конечно, это оказалось заблуждением. Сырье миром не правит. На Юге не было развитой промышленности и потому во время войны южане остались без промышленных товаров.

Война кончилась победой Севера. Главнокомандующий южан генерал Ли в 1865 г. капитулировал. Заметим, что по странному совпадению ликви-

дация рабства в США произошла одновременно с ликвидацией крепостного права в России.

Северяне долго колебались, прежде чем начать военные действия против Юга. Это и неудивительно: к началу войны больше половины высших должностных лиц США составляли представители Юга. Конфедерация уже объявила о своем выходе, а президент и Конгресс решали вопрос, соответствуют ли силовые, военные действия конституции. Президент А. Линкольн доказывал, что согласно конституции штаты не могут выходить из союза, следовательно, они и не выходили, а объявление об отделении – это лишь акция негодных лиц. Опираясь на эту точку зрения, плантаторы Юга постарались и после войны сохранить прежние законы и порядки. От них требовалось лишь официальное признание отмены рабства.

В ходе войны негры нередко захватывали и делили брошенные плантации. Такие действия, например, разрешил генерал Шерман на отвоеванных территориях. Но официально плантаторы сохранили свое право на землю. Были конфискованы и распроданы с молотка лишь земли «мятежников».

Негры-рабы землю не получили и продолжали работать на прежних хозяев в качестве наемных рабочих. Согласно законам о «бродяжничестве» каждый негр должен был по первому требованию предъявлять трудовой контракт в доказательство того, что он работает. Негр, бросивший место работы, мог быть арестован.

Не выиграли от результатов войны и мелкие фермеры Юга. Плантаторы, составлявшие в южных штатах всего 3% белого населения, определяли экономическую и политическую жизнь этих штатов.

Но победа северян ускорила экономическое развитие США. Уже в годы войны был принят протекционистский тариф, повысивший импортные пошлины в среднем с 19 до 47% от цены ввозимых товаров.

Дополнительным стимулом развития промышленности стало открытие в Калифорнии в 50-х гг. богатых месторождений золота. На калифорнийских золотых приисках рождались огромные капиталы, которые в конечном итоге инвестировались в промышленность. К 1885 г. США по объему промышленной продукции вышли на первое место в мире.

* * *

Очевидно, главной причиной экономических успехов США было то, что капитализм там развивался на «чистой почве», без существенных пережитков феодализма. Личное предпринимательство, деловая инициатива здесь ничем не ограничивались: государство было вынуждено отступить даже перед явно незаконными действиями скваттеров. К тому же все это происходило в условиях еще не освоенных богатств огромной страны.

Л и т е р а т у р а

1. Аллен Дж. Реконструкция. М., 1963.
2. Джинчарадзе В. З. Экономическая история США. М., 1973.
3. Ефимов А. В. Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1958.
4. Жук С. И. Новые Нидерланды // Вопросы истории. 1984. № 10.
5. История США. Т. 1. М., 1983.
6. Куропятник Т. П. Борьба за землю в колониальный период истории США // Вопросы истории. 1974. № 8.
7. Рочестер А. Американский капитализм. 1601–1800. М.,
8. Фолькнер Т. История народного хозяйства США. М., 1932.

28. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ЯПОНИИ

Япония вступила на путь развития капитализма тогда, когда мировой капитализм переходил на стадию империализма. Реформы, устанавливавшие капиталистические порядки, были проведены в Японии только в 70-х гг. XIX в.

28.1. Революция Мэйдзи

Толчком, который ускорил крушение порядков сёгуната, стал прорыв изоляции в 50-х гг. XIX в. Прорыв совершили США. Им были нужны японские гавани как базы для китобойного флота и угольные базы для пароходов на пути в Азию. У берегов Японии появляется военная эскадра под командой коммодора Перри. Коммодор, угрожая артиллерийским обстрелом берега, потребовал от японского правительства открыть гавани для американских судов. Правительство не могло сопротивляться, потому что Япония не имела военного флота. После этого пришлось открыть гавани и для других стран.

Этим дело не закончилось. Япония была вынуждена допустить почти беспошлинный ввоз иностранных товаров (ей было позволено устанавливать пошлину лишь в 5% от цены товара). Усиленный приток фабричной продукции, естественно, стал препятствием развития собственной промышленности. В японских портах были созданы селтльменты, поселки иностранцев, на которые не распространялась власть японского правительства.

Дополнительным ущербом для японской экономики стал усиленный вывоз золота из Японии. В Японии, изолированной от мировых рынков, золото было втрое дешевле, чем в других странах. Здесь по официальному курсу золото считалось в пять раз дороже серебра, тогда как во всем остальном мире – в 15. Иностранцы обменивали здесь серебро на золото, и золото вывозили из страны.

Прорыв изоляции показал бессилие правительства сёгуна и послужил толчком к революции.

Расстановка сил в этой буржуазной революции была необычной. Буржуазия не выступала в качестве главной силы в революции как по причи-

не своей малочисленности и слабости, так и потому, что ростовщический капитал паразитирует преимущественно на докапиталистических способах производства, а следовательно, не очень заинтересован в наступлении капитализма.

Против сёгуната в революции выступило по разным причинам большинство самураев. Одни справедливо считали сёгунов Токугава узурпаторами и боролись за возвращение власти императору. Другие считали необходимым свергнуть правительство, которое привело страну к катастрофе. Третьи, наиболее дальновидные, понимали, что без ликвидации режима сёгуната, без буржуазных преобразований будет невозможно сохранить экономическую и политическую самостоятельность Японии.

Поэтому в революции против феодализма (если считать сложившиеся в Японии отношения феодальными) выступили сами феодалы-самураи в союзе с буржуазией, и буржуазия в этом союзе играла второстепенную роль. И революция получила необычную для буржуазных революций форму – форму реставрации законной монархии – власти микадо. В 1867–1868 гг. сёгун был свергнут, главой страны стал император Муцухито. Период его царствования назывался «Мэйдзи», что в приблизительном переводе означает «просвещенная монархия», и революция тоже получила название революции Мэйдзи.

Возникает вопрос: можно ли этот переворот считать буржуазной революцией? Можно, потому что после вооруженного переворота были проведены явно буржуазные реформы.

1. Самурайское войско было заменено регулярной армией, которая комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности. Офицерский корпус этой армии состоял из самураев, традиционных военных, но офицерами могла стать, конечно, только часть самураев. Рисовые пайки оставшимся не у дел самураям были заменены пенсиями, а в 1873 г. была проведена капитализация пенсий, т. е. выплата пенсий была прекращена, а вместо них одновременно выданы крупные суммы денег. Имелось в виду, что эти деньги, будучи использованы как капитал, дадут владельцам прибыль в размере прежних пенсий.

Часть полученных денег самураи использовали для покупки земли на льготных условиях (им из государственного фонда в это время продавали землю за полцены). Они вкладывали полученные капиталы в «национальные банки», которые стали расти, как грибы, после революции. В 1880 г. 76% капитала этих банков принадлежало самураям.

Но наиболее многочисленный низший слой самураев при этом потерял источник доходов: полученные в качестве компенсации суммы денег были слишком малы, чтобы их можно было использовать как капитал.

2. Аграрная реформа 1872–1873 гг. ликвидировала государственную ответственность на землю. Собственниками земли объявлялись теперь крестьяне, но в тех случаях, когда земля за долги крестьян перешла к новым помещикам (дзинуси), они и становились теперь собственниками земли, а крестьяне оставались их арендаторами. Таким образом, помещики из «незаконных» стали законными собственниками трети пахотных земель в Японии.

При новых порядках крестьяне должны были платить налог государству не рисом, а деньгами. Это увеличило их зависимость от ростовщиков, потому что товарно-денежные отношения в японской деревне были еще слабо развиты. Чтобы получить деньги для уплаты налога, надо было продать рис – тому же ростовщику, который был и скупщиком, а чтобы заплатить налог вовремя, приходилось брать деньги в долг. Поэтому процесс ростовщического закабаления и обезземеливания крестьян ускорился. К началу Первой мировой войны в собственность помещиков перешло уже 45% земли, а 70% крестьян стали арендаторами и полуарендаторами.

Высокая арендная плата (около половины урожая) препятствовала образованию крупных капиталистических хозяйств: сдавать землю в аренду было выгоднее, чем вкладывать капитал и вести свое хозяйство. Поэтому дзинуси по-прежнему жили за счет арендной платы.

Крестьянские хозяйства были мелкими – в среднем на хозяйство приходился 1 га земли, а 70% крестьян обрабатывали участки земли меньше гектара.

Техника сельского хозяйства оставалась на примитивном уровне. Земля обрабатывалась в основном вручную, мотыгой. Преобладало грядковое земледелие, требовавшее огромных затрат ручного труда. Однако новые условия стимулировали рост производства: за последние 25 лет перед Первой мировой войной оно выросло вдвое. При этом производство основных культур (риса, сои, ячменя) увеличилось незначительно, зато ускоренными темпами росло производство чая и шелка – главных экспортных культур.

Принципиальное значение аграрной реформы заключалось в том, что была введена частная собственность на землю, а тем самым ликвидирована основа азиатского способа производства, Япония перешла на европейский путь развития.

28.2. Развитие промышленности

Началом промышленного переворота и индустриализации Японии следует считать 70-е гг. XIX в., когда силами государства создается фабрично-заводская промышленность.

Первые десятилетия после революции частные капиталы в промышленность не вкладывались. Это объясняется тем, что процесс первоначального накопления в Японии не закончился, капиталов не хватало, поэтому ссудный процент был в несколько раз выше, чем в развитых капиталистических странах, использовать капитал в сфере кредита было достаточно выгодно. Поэтому государству пришлось самому заняться строительством заводов на средства казны. Оно приглашает европейских инженеров, выписывает европейскую технику и строит «образцовые» предприятия. «Образцовые» – потому, что они должны были служить образцом для частных предпринимателей.

Постепенно складываются условия для частного предпринимательства, и в 80-х гг. государственные предприятия передаются в частные руки. Поскольку они передаются на очень льготных условиях, то их собственниками становятся люди, имеющие хорошие связи в правительственных кругах. Это были старые торгово-ростовщические дома и наиболее родовитые самураи.

Ход промышленного переворота тормозил избыток дешевой рабочей силы. Ее дешевизна уменьшала стимул к внедрению машин. Поэтому и к началу Первой мировой войны переворот в Японии не был закончен: 40% предприятий оставалось еще на мануфактурной стадии, 60% населения было занято в сельском хозяйстве, а экспортировала Япония в основном сельскохозяйственную продукцию – чай и шелк-сырец.

Традиции азиатского способа производства отражались и на отношениях, складывающихся в промышленности. Здесь сохранялись полуфеодалные методы эксплуатации и «патернализм». В соответствии с традициями хозяин предприятия считался «отцом» и покровителем рабочих, контролировал все стороны их жизни, и на японских предприятиях практиковались физические наказания рабочих за проступки, связанные с производством. Естественно, такой порядок дополнительно понижал уровень заработной платы.

Л и т е р а т у р а

1. Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1953.
2. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
3. Сметанин С. И. Развитие капитализма в Японии. М., 1993.
4. Эйдус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.
5. Япония: экономика, политика, история. М., 1989.

Содержание

1. Экономические предпосылки и последствия великих географических открытий	5
2. Первоначальное накопление и мануфактура в Западной Европе	14
3. Экономическая мысль Западной Европы в эпоху первоначального накопления	20
3.1.1. Монкретьен	20
3.1.2. Томас Манн и «Евангелие меркантилизма»	25
Литература	31
4. Рождение цивилизации в Месоамерике	32
4.1. Месоамерика и Древний Восток	32
4.2. Майя	33
4.3. Инки	37
4.4. Тольтеки и ацтеки	40
4.5. Социальный строй ацтеков	43
Литература	47
5. Колониальное хозяйство стран Латинской Америки	48
5.1. Репартимьендо и энкомьендо	48
5.2. Ввоз рабов из Африки	49
5.3. «Новые законы» и переход к феодальным формам	50
5.4. Особенности экономического развития Бразилии	51
5.5. Креолаы, метисы, мгуааты	53
5.6. Экономические причины и последствия освободительных войн	53
Литература	55
6. Развитие капитализма в Нидерландах	56
Литература	65
7. Генезис капитализма в Англии	66
Литература	80
8. Ульям Пегги	82
8.1. Петти шагает сквозь века	82
8.2. От юнги до помещика	84
8.3. Колумб политической экономии	88
8.4. Политическая арифметика	93
8.5. Петти и Граунт, или Кто изобрел статистику?	97
8.6. Эпоха и человек	99
9. Мануфактурный период в России	105
9.1. Противоречия реформ Петра I	105
9.2. Крепостная мануфактура	106

9.3. Государство и промышленность	111
9.4. Развитие промышленности	117
9.5. Текстильная промышленность	122
9.6. Остальные отрасли ценовой промышленности	125
9.7. Развитие сельского хозяйства	133
9.8. Торговля и финансы.	135
9.9. И. Т. Посошков	140
Литература	160
10. Экономическая мысль Западной Европы накануне промышленной революции	161
10.1. Пьер Лепезан де Буагильбер	161
10.1.1. Бедная Франция.	161
10.1.2. Судья из Руана	163
10.1.3. Преступление и наказание	166
10.1.4. Теоретик	167
10.1.5. Буагильбер и французская политическая экономия	170
10.2. Джон Ло: авантюрист и пророк.	172
10.2.1. Опасная карьера и смелые идеи	172
10.2.2. Завоевание Парижа.	176
10.2.3. Великий крах	177
10.2.4. Ло и XX век	183
10.3. Несколько слов о XVIII столетии	187
10.4. Даниэль Дефо и робинзонады политической экономии	189
10.5. Бернард Мандевиль и его парадоксы.	192
10.6. Становление классической школы.	196
10.7. Давид Юм	201
10.8. Франсуа Кенэ и его секта.	204
10.8.1. Век Просвещения	204
10.8.2. Медик маркизы Помпадур	206
10.8.3. Новая наука.	209
10.8.4. Физиократы.	213
10.8.5. «Зигзаг» доктора Кенэ.	215
10.9. Тюрго: мыслитель, министр, человек	217
10.9.1. Мыслитель.	217
10.9.2. Министр.	222
10.9.3. Человек.	225
11. Хозяйство Европы в период промышленной революции	227
Литература	233
12. Адам Смит: шотландский мудрец.	234
12.1. Шотландия	235

12.2. Профессор Смит	237
12.4. «Экономический человек»	243
12.5. Laissez faire	246
12.6. «Богатство народов»: создание системы	249
12.6.1. Разделение труда	252
12.6.2. Трудовая стоимость	254
12.6.3. Классы и доходы	257
12.6.4. Капитал	260
12.6.5. Смитианство	261
13. Личность Смита	266
13.1. Русские ученики Адама Смита	266
13.2. Русские в Шотландии	267
13.3. Московские профессора	270
13.4. Десницкий и «Наказ» Екатерины II	273
13.5. Стадии развития общества	275
13.6. Третьяков о богатстве и бедности народов	277
13.7. Физиократия в России	279
14. Промышленный переворот в Англии и его последствия	283
14.1. Вторая волна огораживаний	283
14.2. Шерстяная промышленность: причины поражения	286
14.3. Хлопчатобумажная промышленность: цепь изобретений	287
14.4. Металлургия и транспорт	292
14.5. «Фабрика мира»	295
14.6. Колониальная империя	298
14.7. Формирование рабочего класса	301
14.8. Подведем итоги	305
Литература	306
15. Давид Рикардо: гений из сити	307
15.1. Промышленная революция	308
15.2. Самый богатый экономист	310
15.3. На подступах: проблема денежного обращения	313
15.4. Принцип сравнительных затрат	317
15.5. Главная книга	320
15.6. Завершение системы	323
15.6.1. Головоломка стоимости	323
15.6.2. «Депеж пирога»	327
15.6.3. Куда идет капитализм	330
15.7. Член парламента	332
15.8. Человеческий облик	333
16. Томас Роберт Мальтус	335

16.1. Страницы биографии.	335
16.2. Теория народонаселения в русле классической политэкономии и вне его	338
16.3. О кризисах перепроизводства и тайнах рыночного обмена	344
17. Рикардианство: Джеймс Милль и Мак-Куллох	348
18. Джон Стюарт Милль.	352
19. Развитие капитализма во Франции.	355
19.1. Первоначальное накопление, феодализм и ростовщичество.	355
19.2. Мануфактуры XVIII в.	360
19.3. Великая буржуазная революция и экономика	362
19.4. Наполеон и континентальная блокада	368
19.5. Сельское хозяйство в первой половине XIX в.	370
19.6. Промышленный переворот	371
19.7. Рождение финансового капитала	374
Литература	376
20. Сисмонди: экономический романтизм	377
20.1. Гражданин Женевы	377
20.2. Критика капитализма.	380
20.3. Кризисы.	382
20.4. Исторические судьбы сисмондизма	384
21. Школа Сэя и вклад Курно	387
21.1. Сэй как человек и ученый.	388
21.2. Факторы производства и доходы	389
21.3. «Закон Сэя».	391
21.4. Школа.	393
21.5. Курно: жизнь и деятельность.	394
21.6. Вклад Курно	397
22. Развитие капитализма в Германии	400
22.1. XVIII век: причины экономической отсталости.	400
22.2. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве	404
22.3. Особенности промышленного переворота	407
Литература	411
23. Тюнен и предельный анализ.	412
23.1. Полезность	414
23.2. Математические методы в экономике.	416
24. Фридрих Лист: экономический национализм	418
24.1. Лист и германская история	418
24.2. Служба, тюрьма, эмиграция.	420
24.3. «Национальная система» и конец жизни	422
24.4. Промышленное воспитание нации	423

24.5. Протекционизм и свобода торговли	426
24.6. Историческая школа	428
24.7. Особый случай: Родбертус	430
25. Прекрасный мир утопистов: Сен-Симон и Фурье.	433
25.1. От графа до нищего	433
25.2. Учитель	435
25.3. Сенсимонизм	436
25.4. Трудная жизнь Шарля Фурье.	439
25.5. Этот безумный мир.	442
25.6. Облик грядущего.	445
26.1. Человек большого сердца	449
26. Роберт Оуэн и ранний английский социализм	449
26.2. Оуэн и политическая экономия	452
27. Развитие капитализма в США	455
27.1. Английские колонии в Америке	455
27.2. Хозяйство колоний.	459
27.3. Предпосылки и последствия войны за независимость	462
27.4. Американский путь развития капитализма в сельском хозяй- стве	464
27.5. Особенности промышленного переворота	467
27.6. Экономические причины и последствия гражданской войны	469
Литература	471
28. Развитие капитализма в Японии	472
28.1. Революция Мэйдзи.	472
28.2. Развитие промышленности	474
Литература	475

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.
Тематика любая: ИСТОРИЯ, экономика,
техника, право, менеджмент, финансы,
биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:
полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

В 5 томах

Том 2

Цивилизации Америки, Великие географические открытия и колониальное хозяйство, генезис капитализма и становление классической политэкономии, великие буржуазные революции и развитие капитализма в Нидерландах, Англии, Франции, Германии, США, Японии

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

Корректор *Д. А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: tempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

в Киеве:

«Книжный бум», книжный рынок «Петровка», ряд 62, место 8.

Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. 67315727, info@merion.lv

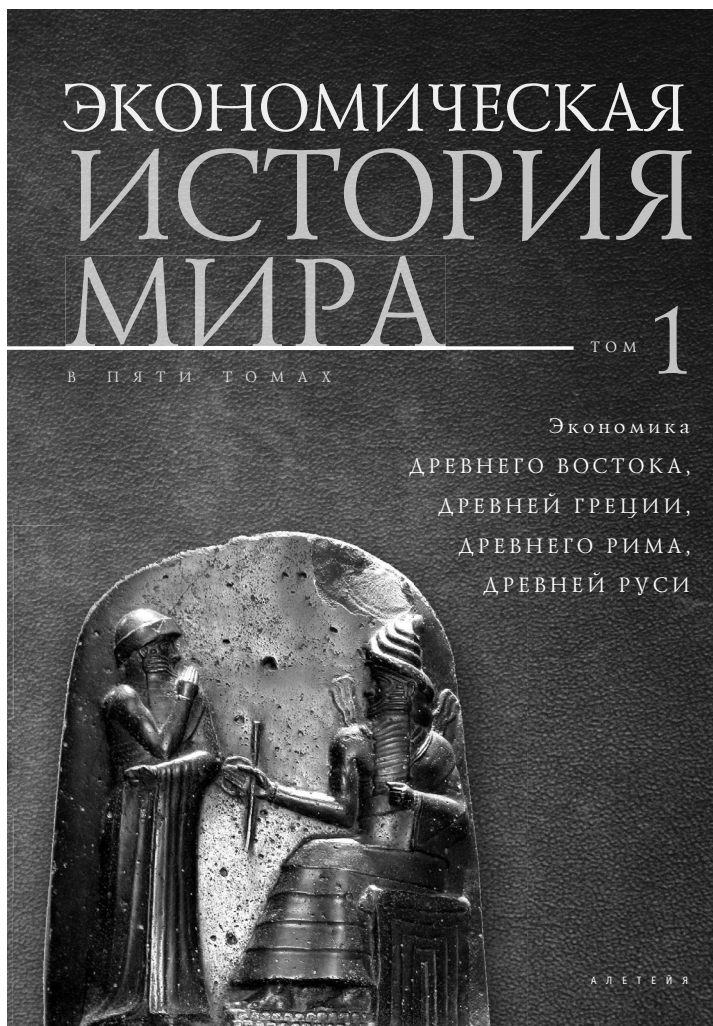
Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 30,1. Печать офсетная.

Заказ №

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>